

Учреждение образования
«ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ»

ЦЕНТР КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

КАФЕДРА ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОТДЕЛ ПО ДЕЛАМ ОБРАЗОВАНИЯ
ПОСОЛЬСТВА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

МИНСКИЙ ГОРОДСКОЙ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР «ТАЙГЕН»

中国之路

论文集

第二集

明斯克
白俄罗斯国立高教学院
2011年

ПУТИ ПОДНЕБЕСНОЙ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ВЫПУСК II

Минск
РИВШ
2011

УДК 811.58(082)
ББК 81.2Кит.я43
П90

Сборник основан в 2006 году

Рекомендовано
Ученым советом факультета международных отношений БГУ
24 мая 2011 г., протокол № 10

Редакционная коллегия:
доктор филологических наук, профессор *А. Н. Гордей* (отв. ред.);
Чрезвычайный и Полномочный Посол Китайской Народной Республики
в Республике Беларусь *Лу Гуйчэн* (зам. отв. ред.);
кандидат филологических наук, доцент *А. Н. Овчинникова*;
кандидат исторических наук, доцент *Т. Я. Павлова*;
кандидат филологических наук, доцент *Л. М. Середа*;
кандидат искусствоведения, доцент *Е. Ф. Шунейко*;
кандидат исторических наук, доцент *В. Р. Боровой*

Рецензенты:
доктор экономических наук, профессор *А. В. Данильченко*;
доктор филологических наук, профессор *Е. Н. Руденко*

Пути Поднебесной: сб. науч. тр. Вып. II / редкол. : А. Н. Гордей (отв. ред.),
П90 Лу Гуйчэн (зам. отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2011. – 434 с.
ISBN 978-985-500-470-8.

Сборник научных трудов подготовлен по материалам II Международной научной конференции «Китайская цивилизация в диалоге культур», проходившей в Гродно 28-30 октября 2008 г. Представленные в сборнике научные статьи касаются широкого круга китаеведческих проблем в таких отраслях научного знания, как лингвистика, литературоведение, международные отношения, география, история, философия, юриспруденция, религиоведение, искусствоведение, педагогика.

Для научных работников, преподавателей китайского языка и литературы, аспирантов, магистрантов и студентов, а также всех, интересующихся китаеведением.

УДК 811.58(082)
ББК 81.2Кит.я43

Организационный комитет II Международной научной конференции «Китайская цивилизация в диалоге культур» благодарит Посольство Китайской Народной Республики в Республике Беларусь и Республиканский институт китаеведения имени Конфуция БГУ за помощь в проведении конференции и подготовке к изданию настоящего сборника.

ISBN 978-985-500-470-8

© МГНПЦ «ТАЙГЕН», 2011
© Оформление. ГУО «Республиканский институт высшей школы», 2011

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: БЕЛАРУСЬ – КИТАЙ

Вступительное слово Первого секретаря по делам образования Посольства Китайской Народной Республики в Республике Беларусь господина **БЭЙ ВЭНЬЛИ** на открытии II Международной научной конференции «Китайская цивилизация в диалоге культур», проходившей 28-30 ноября 2008 года в г. Гродно.

Дорогие друзья!

Прежде всего, от лица Посольства Китайской Народной Республики в Республике Беларусь позвольте поприветствовать всех участников и гостей конференции и выразить уверенность в том, что данное мероприятие пройдет успешно и продуктивно.

Международная научная конференция «Китайская цивилизация в диалоге культур» является второй конференцией такого рода, проводимой в Республике Беларусь. В этой связи мне особенно хотелось бы подчеркнуть, что налицо формирование устойчивой традиции в рамках белорусского китаеведения. Подобная практика проведения регулярных международных конференций научного характера позволяет не только укреплять связи между учеными Беларуси и Китая, но и привлекать китаистов из других стран, тем самым обогащая и питая китаеведческую среду в Республике Беларусь.

Показательно то, что в названии конференции неизменно присутствуют два слова: «диалог культур». Именно благодаря диалогу, между различными культурами, пусть даже лежащими в совершенно разных регионах Евразии, возникает взаимопонимание и взаимообмен. Изначально непохожие друг на друга по своим культурам народы становятся ближе, а их общение уже не исчерпывается экономическим взаимодействием или политическим сотрудничеством, но приобретает характер искренней и теплой дружбы. Эта дружба основана, прежде всего, на идее гармонии, которая пронизывает всю китайскую культуру и понимается как взаимодополняемость разнородных начал, возможность прямого и открытого общения между ними без навязывания своей точки зрения или мировоззренческих ценностей.

Китай – одна из древнейших мировых цивилизаций, история которой насчитывает более пяти тысяч лет непрерывного развития и контактов с другими культурами. В наши дни быстрые темпы экономического и социального развития КНР часто вызывают удивление, как у специалистов, так и у людей, не имеющих к Китаю прямого отношения. Все это свидетельствует о том, что многотысячелетняя китайская цивилизация и культура по-прежнему богата

идеями и способна успешно адаптироваться к новым глобальным тенденциям. Многогранность и жизненность китайской культуры требует глубокого и всестороннего изучения, а также комплексного знания китайских реалий во всем богатстве их проявлений. В этом смысле, данная конференция, в которой принимают участие специалисты, работающие в самых разных сферах, подчеркивает многоплановый и комплексный характер динамично развивающегося белорусского китаеведения.

Позвольте выразить уверенность, что проведение данной конференции будет способствовать дальнейшему укреплению дружбы и сотрудничества между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой, а также укрепит творческие связи между китаеводами разных стран.

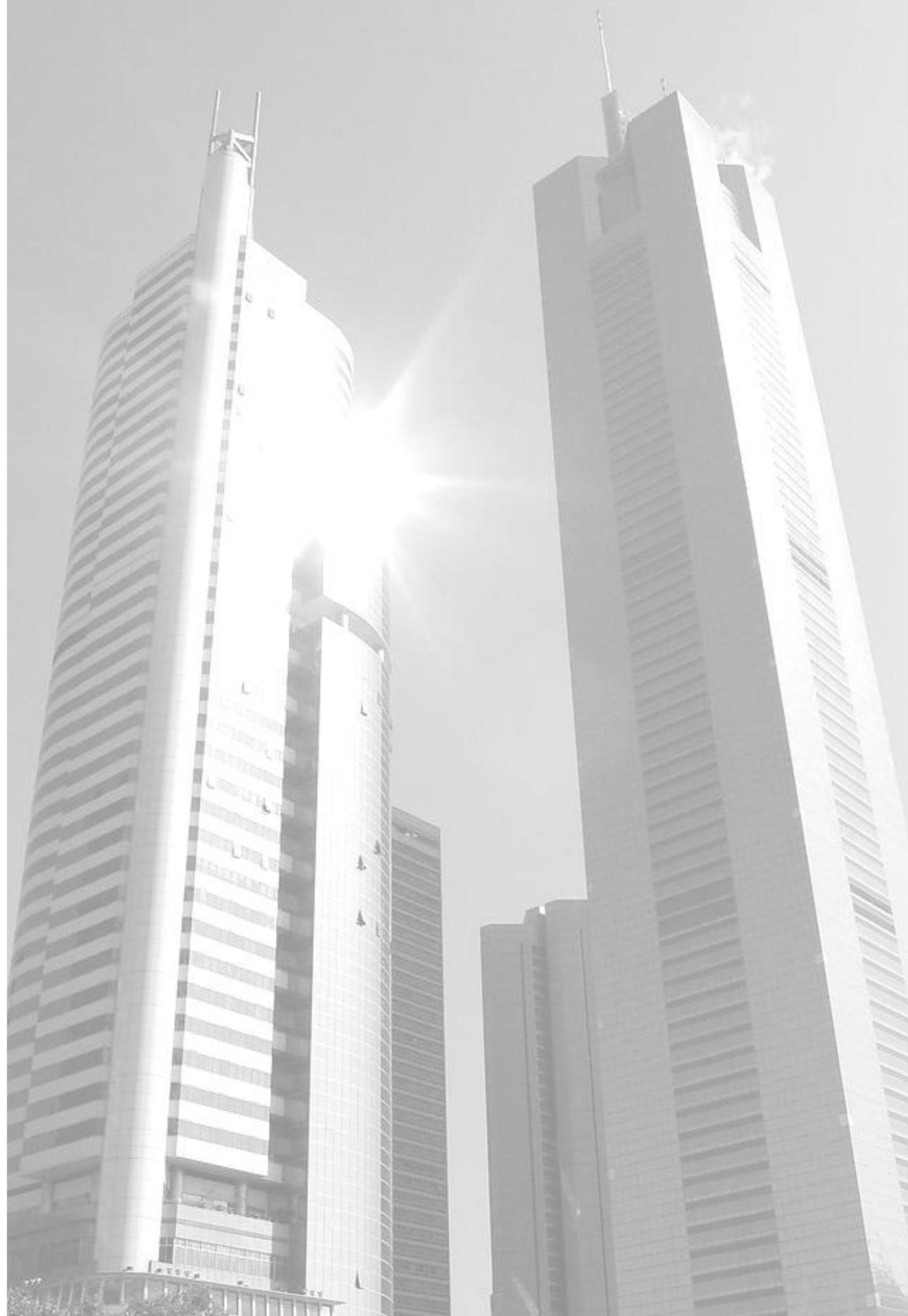
Посольство Китайской Народной Республики в Республике Беларусь неизменно поддерживает научную и преподавательскую деятельность Республиканского института китаеведения имени Конфуция БГУ, кафедры восточных языков факультета международных отношений БГУ, а также других исследовательских и учебных заведений Республики и надеется на продолжение плодотворного сотрудничества с указанными организациями.

Пользуясь случаем, хочу выразить искреннюю благодарность всем присутствующим специалистам-китаеводам за вклад в дело изучения Китая и распространение знаний о китайской культуре.

От всего сердца желаю гостям и участникам конференции успехов, творческих достижений, хорошего настроения и продуктивной работы!

**ПРОБЛЕМЫ
КИТАЕВЕДЕНИЯ
В БЕЛОРУССКОМ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

М. Ю. УЛЬЯНОВ

ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ КАФЕДРАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОЕКТОВ В НАУЧНОЙ РАБОТЕ СТУДЕНТОВ-КИТАИСТОВ

Данная работа написана при поддержке фонда РГНФ, проект № 07-01-00386а «Исследование и подробное описание исторического процесса в Восточной Азии в конце III тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. (на основе анализа нарративных, эпиграфических и археологических источников)».

1.0. С 2004 г. на кафедре истории Китая Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова принята система научных исследовательских проектов, которая к настоящему времени зарекомендовала себя как эффективный метод профессиональной подготовки специалистов по древней и средневековой истории Китая и дала жизнь целому ряду научных работ¹.

1.1. Разработка и принятие системы проектов связаны с осознанием не просто актуальности, но жизненной необходимости передачи накопленного опыта «классического востоковедения» для сохранения и развития отечественной синологии. Выполнение этой задачи неразрывно связано с подготовкой квалифицированных научных кадров, что собственно и является основной целью педагогической деятельности специализированных кафедр классического университета.

Действительно, легко заметить, что за последнее десятилетие число специалистов-исследователей истории древнего и средневекового Китая сокращается, сужается тематика исследований. В результате число специалистов, готовых к проведению масштабных, нацеленных на научную перспективу коллективных и индивидуальных исследовательских проектов, уменьшается. По ряду направлений налицо невосполняемость кадров, исчезают или находятся под угрозой исчезновения «научные школы».

1.2. С другой стороны, за последние годы число вузов, в которых преподается китайский язык, значительно увеличилось, число свободно владеющих китайским языком – возросло. Но, как показывает опыт, даже очень качественное преподавание языка как такового не снимает остроты проблемы подготовки специалистов-китаеведов: блестящее знание восточного языка еще не достаточно для получения профессии востоковеда. Для этого необхо-

¹ Они представлены в виде двух сборников статей: «История Китая. Материалы китаеведческой конференции ИСАА при МГУ» (май 2004), М., 2005; «История Китая. Материалы китаеведческих конференций ИСАА при МГУ» (май 2005, май 2006), М., 2007. А также в виде публикации тезисов в материалах докладов Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» 2004-2008 гг. МГУ им. М.В. Ломоносова.

димо овладение одной из востоковедных специальностей. В ИСАА – это история, литературоведение, лингвистика, экономика – классические направления российского востоковедения.

Повсеместное создание кафедр китайского языка показало, что начать преподавание китайского языка сравнительно несложно (активную помощь оказывают и коллеги из КНР), но налаживание чтения даже базовых страноведческих и регионоведческих курсов на надлежащем уровне – задача сложная, а за пределами классических университетов – почти невыполнимая. Как правило, либо не хватает специалистов, либо их возможности не в полной мере соответствуют существующим задачам.

Так подготовка историка-китаиста требует не только прочтения полного, семи-восьми семестрового курса лекций по всем периодам истории Китая (археология: палеолит, неолит, бронза; древность, средние века, новое и новейшее время), а также курсов по физической и экономической географии, этнологии, источниковедению, историографии, религиоведению, культуре и, кроме того, различных спецкурсов и спецсеминаров. Необходимо прослушать курс лекций по Всеобщей истории, истории стран Азии и Африки и другим дисциплинам.

2.0. Основная задача системы научных проектов кафедры истории Китая Института стран Азии и Африки Московского государственного университета и заключается в том, чтобы обеспечить последовательность и систематичность изучения всех периодов китайской истории, преемственность в научной и педагогической деятельности не только и не столько внутри кафедры (эта задача уже решена), сколько, что было бы более чем целесообразно и актуально, в рамках отечественного китаеведения.

Система проектов была разработана и введена для того, чтобы, сохраняя достижения отечественной синологии, создать условия для ее дальнейшего развития. Поэтому одна из ее важнейших задач заключается в том, чтобы помочь представителям молодого поколения найти свое место в науке.

2.1. Темы осуществляемых сейчас научных проектов соответствуют основным периодам истории древнего и раннесредневекового Китая:

- 1) источниковедение;
- 2) догосударственный период (по данным археологии);
- 3) Шан (ок. 1300-1027 гг. до н. э.);
- 4) Западное Чжоу (1027-771 гг. до н. э.);
- 5) Восточное Чжоу (771-221 гг. до н.э.);
- 6) Цинь (221-207 гг. до н.э.);
- 7) Западная Хань (206 г. до н.э. – 8 г. н. э.);
- 8) Синь (правление Ван Мана, 8 – 23 гг. н. э.);
- 9) Восточная Хань (23-220 гг. н. э.);
- 10) Третья империя (220-285 гг.);
- 11) Тан (618 – 907).

В дальнейшем число изучаемых эпох будет расширяться.

2.2. В масштабах педагогической работы кафедры проекты имеют вид работы над курсовыми, выпускными, квалификационными работами студен-

тов бакалавриата, а также – над диссертационными работами магистрантов и аспирантов. Темы проектов согласуются с учебной программой базового лекционного курса по специальности «История Китая», а также с научно-педагогической работой преподавателей кафедры.

Научные проекты рассчитаны на длительный период.

Предполагается, что студент на 2-м курсе, выбирая тему курсовой работы, подключается к работе уже существующего исследовательского коллектива, в который входят старшекурсники, аспиранты, преподаватели кафедры. Проект курируется преподавателем кафедры – научным руководителем. Соответственно, тема каждой новой курсовой соотносится с задачами дальнейшего развития проекта. При выборе темы учитываются интересы и предпочтения студента. Участие в проекте не является обязательным для всех студентов кафедры. В случае если студент не выражает заинтересованности, он имеет возможность писать курсовую работу в обычном порядке, обусловленном учебной программой и требованиями учебного процесса.

2.3. Полученные результаты обсуждаются на ежегодной конференции и публикуются в ежегодных сборниках «Традиционный Китай» в виде научных статей. В промежутках между конференциями проводятся открытые семинары, на которых обсуждаются различные исследовательские проблемы, озвучиваются полученные результаты.

К настоящему времени в рамках проектов написано 39 курсовых и квалификационных выпускных работ, две магистерские диссертации, пишутся три диссертационные работы на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Всего задействовано не менее 22 человек, в настоящее время работают 18 человек из числа студентов ИСАА, истфака МГУ, Института восточных культур и античности РГГУ, а также Института практического востоковедения.

2.4. Опыт показал, что участие в научном проекте дает студентам углубленную подготовку по специальности «История Китая». Студент овладевает важнейшими методами научного исследования: классическими (источниковедческим, текстологическим и т.п.), точными (количественного анализа, использования GIS-систем) и т.п. Он получает навыки перевода и анализа исторических источников, знакомится с практическим опытом интерпретации полученных данных и, в конце концов, написания научных работ.

2.5. Студентам прививаются навыки чтения научных докладов, написания статей и рецензий, ведения научной дискуссии и беседы. В целом, участники проектов учатся ставить научные задачи, коллективно и согласовано решать их, доведя до стадии публикации. Важнейшим результатом участия в системе проектов является рост уверенности в собственных силах, усиление мотивации при поступлении в аспирантуру, т.е. при выборе будущей профессии в соответствии с получаемой специальностью.

3.0. Таким образом, важным результатом системы проектов является возможность создания **научных коллективов**, которые быстро и качественно могут выполнять сложные научные задачи.

3.1. Последовательная разработка перспективных научных тем, высокий профессиональный уровень могут способствовать вовлечению коллектива участников проектов в систему внутрirosсийских и международных научных связей. Система проектов может способствовать налаживанию кооперации между классическим университетом и китаеведческими подразделениями различных высших учебных заведений внутри страны. Создание таких научных коллективов и их работа в рамках исследовательского проекта может способствовать росту международных контактов и участию в совместных проектах, конференциях, дискуссиях и т.п. и тем самым помочь преодолению оторванности российских синологов от международных научных центров.

3.2. В современных условиях система проектов может способствовать решению вопроса финансирования, поскольку научный коллектив является потенциальным грантополучателем, он в состоянии эффективно реализовать полученные средства в научной и издательской практике. Привлекательность со стороны грантодателей и меценатов может отчасти снять остроту проблемы низкой оплачиваемости научного труда и повышения социального статуса ученого.

3.3. Система проектов может стать одним из механизмов восстановления естественной связи между учебными подразделениями и научно-исследовательскими институтами. Тема проекта, начатая в студенческие годы, может быть продолжена в аспирантуре и профильном секторе востоковедного НИИ. Коллективы такого сектора и кафедры могут совместно разрабатывать общие темы. В таком случае руководитель сектора будет иметь возможность получать уже подготовленного специалиста под конкретную тему.

Итак, система проектов может стать одним из способов сохранения естественной связи между поколениями, и, в целом, условием развития отечественной синологии, как классической востоковедной дисциплины.

Е. Ю. СТАБУРОВА

ПОЛИТИКА МЯГКОЙ СИЛЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПАРТНЕРСТВЕ С КНР

История формирования отношений между объединенной Европой и КНР насчитывает всего несколько десятилетий, однако это было время всесторонних контактов, которые, если рассматривать их в плане интенсивности и динамики, распределялись весьма неравномерно. Неравномерность определялась разными факторами, но в первую очередь, изменением международной политической системы, развитием Китая и институционализацией Европейского союза.

Данная статья посвящена именно позиции Европейского союза в отношении Китая, поэтому история контактов единой Европы с КНР будет рассмотрена через призму документов и частично – дискуссий Европейского союза. Собственно китайская сторона нас будет интересовать мало.

Термин «мягкой силы», как известно, в международную политику ввел Джозеф С. Най (Joseph S. Nye, Jr.). Под ним подразумевается способность добиться желаемого с помощью умения привлечь и увлечь за собой, в противоположность заставляющей «жесткой силе». Полное теоретическое завершение эта выдвинутая еще в 1980-е годы концепция приобрела в вышедшей в 2004 году книге Дж. Ная «Мягкая власть: способы успеха в международной политике» [1]. Вся теория Дж. Ная выводится из эмпирических данных благотворного влияния США на мир, поэтому возникают сомнения в возможности ее расширительного толкования. Но именно с помощью этого термина ЕС с некоторого времени определяет суть своей политики в отношениях с КНР.

История институционализации отношений между Европейским Союзом и Китаем

Начало взаимоотношений Европы с Китаем относится ко времени правления Мао Цзэдуна, к маю 1975 года. Именно тогда были установлены двухсторонние дипломатические отношения, после чего в Китай нанес визит вице-президент Европейской комиссии, влиятельный британский политик Кристофер Соамс (Christopher Soames) [2, с. 1].

По-видимому, сначала договоренности Китая с Европой было чисто процедурным действием вдогонку начавшемуся китайско-американскому сближению. Целых три года стороны пытались найти приемлемый формат сотрудничества. В мае 1978 года был подписан Торговый договор между Китаем и Европейским экономическим сообществом («Общий рынок»). По факту договора был тогда же создан Совместный комитет, скромные результаты работы которого начали появляться на свет лишь через год. 10 лет потребовалось Китаю и Европе, чтобы в 1985 году был заключен «Договор о

торговом и экономическом сотрудничестве». В 1988 году в Пекине было открыто представительство Европейской комиссии. В 1989 году после событий на площади Тяньаньмэнь объединенная Европа в знак протеста заморозила отношения с Китаем, ввела ряд санкций, в том числе, эмбарго на торговлю оружием, которое до сих пор является камнем преткновения в отношениях двух сторон.

Однако конец 1980-х – начало 1990-х годов было временем больших перемен и, видимо, поэтому европейские страны сочли за лучшее не отпускать Китай в самостоятельное плавание. Уже в октябре 1990 года в Европе было принято решение о постепенном восстановлении двухстороннего сотрудничества.

Параллельно подготовке и подписанию в 1992 году Маастрихтского договора о создании в 1993 году на основе трех европейских сообществ (Европейского экономического сообщества, Европейского объединения угля и стали, Европейского сообщества по атомной энергии) нового единого института – Европейского союза осуществлялась нормализация отношений с КНР по всем направлениям, за исключением военного. В течение шести последующих лет Европа и Китай, как представляется, вели поиски подходящих форм сотрудничества, в эти годы были начаты диалог об окружающей среде, диалог о новой двухсторонней политике, диалог о правах человека. 1998 год ознаменовался проведением первого саммита ЕС и КНР, накануне которого ЕС публикует официальное заявление «Строительство всестороннего партнерства с Китаем» [2, с. 1]. Не будет преувеличением сказать, что именно с этих событий начинается всесторонняя, разнообразная по форме работа ЕС с Китаем, в контексте чего предшествующие 23 года можно считать подготовительным этапом. Институт саммитов бесперебойно работал 10 лет, вплоть до 2008 года.

Интересно, что КНР свой первый официальный документ о политике в отношении ЕС огласило с заметным запозданием – в 2003 году [3]. Это отставание в информационном оповещении могло быть вызвано разными причинами, но в любом случае оно означает, что до какого-то времени инициатива отношений Европы с Китаем принадлежала первой, что отражалось также и в названии обсуждавшихся тем. Поэтому, видимо, китайской политической элите нужно было время для того, чтобы освоиться на новом для них сегменте международных отношений.

В настоящее время основополагающим документом для ЕС по сотрудничеству с КНР является подготовленное Европейской комиссией в 2006 году официальное Заявление (Communication) под названием «ЕС-Китай: более тесные партнеры, растущая ответственность» [4]. В этом документе прописана стратегия сотрудничества Европы с Китаем, поэтому именно на него мы будем опираться при рассмотрении интересующих нас вопросов.

В качестве основополагающих направлений своей политики в отношениях с Китаем, которые легли в основу документа, ЕС называет: 1) расширить и углубить диалог с Китаем как двухсторонний, так и на международном уровне; 2) поддерживать переход Китая к открытому обществу, осно-

ванному на силе закона и соблюдении прав человека; 3) способствовать уже идущей интеграции Китая в международную экономику и торговую систему и поддерживать процесс экономических и социальных реформ; 4) способствовать повышению узнаваемости ЕС в Китае для улучшения взаимопонимания [4]. Ниже рассмотрим эти направления в предлагаемой ЕС последовательности.

Отражение политики мягкой силы ЕС в документе «ЕС-Китай: более тесные партнеры, растущая ответственность»

Каковы ставки?

Если внимательно прочитать 1-ю главу документа, то нетрудно заметить, что «расширение и углубление диалога», провозглашенное, как мы уже писали, в качестве первого основополагающего направления деятельности ЕС в Китае, вызывается двумя причинами: 1) выгодой и 2) сдерживанием.

Название первой главы документа «Каковы ставки?» удивляет остроумием и прямоотой: оно сразу жестко дает понять, что ЕС принял решение участвовать в игре с другим партнером, просчитывая выгоду.

Кроме того, как явствует из 1-й главы, появление самого документа ЕС было своего рода реакцией на внешнеполитическую доктрину «мирного понимания Китая», озвученную в 2003 году сначала проректором Центральной партийной школы КПК Чжэн Бианем, а потом – политическими лидерами Китая – Вэнь Цзябао и Ху Цзиньтао. Поэтому, лишь слегка коснувшись успехов Китая в экономике, составители документа сразу же перешли к внешнеполитическому аспекту: «Рост китайской экономики сильно проигрывает значительно более активной и изоциренной внешней политике Китая. Китайское желание расти и искать свое место в мире, соответствующее его политической и экономической силе, – центральный принцип его политики» [4]. Эта цитата отражает беспокойство ЕС в связи с внешнеполитической инициативой Китая и желание ЕС сдерживать КНР путем расширения переговорческой базы.

Контурь для диалога с позиции мягкой силы

Так как документ посвящен взаимоотношениям между двумя игроками, вполне естественным представляется стремление его авторов к определению роли и места каждого из игроков. Самооценка ЕС звучит, как мантра: «ЕС предлагает самый большой рынок в мире. Он – дом глобального резерва валюты. Он использует («enjoys», слово, имеющее также значение «наслаждаться», «радоваться») то, что является мировым лидером в ключевых технологиях и навыках. ЕС играет центральную роль в поиске устойчивых решений в отношении сегодняшних вызовов по окружающей среде, энергии, глобализации. Он доказал свою способность распространять свое прогрессивное влияние далеко за свои границы, и является самым большим поставщиком

помощи развитию» [4]. (Как бы это совпадение ни казалось странным, но фраза о распространении «своего прогрессивного влияния далеко за свои границы» буквально повторяет риторику китайских императоров). Китай в документе позиционируется как новое государство: «Китай как главная сила воссоздался за последние четверть века» [4]. Утверждение, с которым, конечно, трудно спорить, но которое кажется антиисторическим, и уже в силу этого неверным. ЕС настаивает на том, что отношения с Китаем должны «основываться на наших ценностях». Принимая во внимание то, что ЕС не имеет четко определенных ценностей и что этот вопрос является предметом постоянных споров внутри Союза, призыв положить их в основу отношений с Китаем, скорее может означать сигнал Китаю не столько о ценностях Европы, сколько о том, что китайские ценности вообще не являются предметом рассмотрения. Тезис об исключительности ценностей Европы в контексте отношений с Китаем согласуется с теми оценками значимости Европы и Китая, о которых говорилось выше.

Таким образом, наметив в качестве первой задачи осуществление диалога с Китаем, ЕС создал некую идеологическую конструкцию, в рамках которой Союз получил возможность действовать с позиции мягкой силы. Ведь политика мягкой силы предполагает наличие ответственной стороны и другой, не столь совершенной или даже зависимой стороны, которую ответственный игрок, мягко увлекая за собой, перетягивает на свою сторону, на сторону своих, по определению совершенных, ценностей.

Задача по поддержке перехода Китая к открытому обществу

Несмотря на то, что нет единых европейских ценностей, тем не менее, есть несколько принципов, которые рассматриваются как основополагающие в современной Европе – «демократия», «свобода», «права человека» и «сила закона». ЕС как институция, признавшая за собой право воздействовать своей мягкой силой на Китай, именно эти три составляющих рассматривает в качестве приоритетных посылов в сторону Китая. Глава 3.1 документа так и называется: «[Путь вперед:] поддерживая переход Китая к более открытому и плюралистическому обществу» [4]. Считаем нужным более подробно проанализировать содержащиеся в этой главе идеи. Глава начинается с утверждения о том, что китайское руководство не способно самостоятельно реформировать политику своей страны: «Китайское руководство неоднократно начинало поддерживать реформы, включающие основные права и свободы. Но прогресс в этой области был во всех отношениях ограниченным». Поэтому ЕС включил реформирование китайского общества в свою сферу ответственности. «ЕС должен поддерживать и поощрять («encourage», букв.: «вселять мужество») развитие полного, здорового и независимого гражданского общества в Китае. Он должен поддерживать усилия по укреплению силы закона – неперменной основы всех остальных реформ. В то же время ЕС будет продолжать вселять мужество для достижения полного уважения фундаментальных прав и свобод во всех регионах Китая, свободы слова, религий, ас-

социаций; право на честный суд и защита меньшинств – вызывают к особому вниманию во всех регионах Китая» [4].

Задачи по дальнейшей интеграции Китая в международную экономику и созданию имиджа Европы в Китае

Как указывалось выше, в качестве третьего и четвертого направлений своей деятельности в Китае ЕС намерен «способствовать уже идущей интеграции Китая в международную экономику и торговую систему и поддерживать процесс экономических и социальных реформ», а также «способствовать повышению узнаваемости ЕС в Китае для улучшения взаимопонимания». В качестве составных частей этих направлений ЕС выделил: 1) устойчивое (sustainable) развитие; 2) торговые и экономические отношения; 3) усиление двухсторонней кооперации; 4) международную и региональную кооперацию.

Относительно «устойчивого развития» и его проекции на Китай точка зрения ЕС сводится к тому, что «один из ключевых глобальных вызовов на сегодняшний день – это обеспечение того, чтобы наше развитие стало устойчивым». Несмотря на употребленное слово «наше», уже следующая фраза не оставляет сомнений в том, что ЕС этот «вызов» относит только к Китаю: «Китай будет центральной фигурой, которой предстоит принять этот вызов» [4].

Далее ЕС, в соответствии со своим обозначенным статусом института прогрессивного влияния, определяет, что для Китая «важной является китайская политика внутренних реформ», и выражает готовность поддерживать ее «через программу кооперации, включая сюда социальную ответственность обеих сторон» [3]. Несмотря на некоторую туманность формулировки, можно понять, что ЕС готов взять на себя социальную (?) ответственность за китайскую внутреннюю политику, что кажется странным, учитывая то, что Китай не является членом ЕС.

Другие вопросы, относимые авторами документа к устойчивому развитию, ЕС предлагает решать на основе «тесного международного сотрудничества». Это такие вопросы как «энергетика, изменения окружающей среды и климата, уважение международных социальных стандартов [? – Е.С.], помощь развитию, также как и более широкие макроэкономические вещи» [4]. Следующим приоритетным направлением ЕС называет *торговые и экономические отношения*. ЕС декларирует взаимную выгоду, которую приносит развитие торговых и экономических отношений обеим сторонам. Отмечая уникальный рост экономических связей, в документе приводятся данные, согласно которым «между 2000 и 2005 годами экспорт ЕС в Китай повысился более чем на 100%» [4]. Рапортуя об успехах, ЕС выражает озабоченность качеством сотрудничества и выступает с требованиями к Китаю следования букве договоров по ВТО, отмены торговых барьеров, соблюдения честной конкуренции, допуска предпринимателей Европы к китайскому рынку торговли полезными ископаемыми, защиты и проекции прав на интеллектуальную собственность, соблюдения прав трудящихся на совместных предпри-

ятях. Перечисленные в документе «раздражители» (irritants), ЕС призывает разрешать в форме диалога. Часть, посвященная *усилению двухсторонней кооперации* и узнаваемости Европы в Китае, рассматривает разнообразные формы сотрудничества между Китаем и Европой через образовательные программы, организованный туризм, личные контакты, легальную миграцию. Надо признать, что ЕС предлагает создавать и поддерживать очень разнообразные, многоуровневые институты совместных проектов Европы и Китая. ЕС провозглашает, что «кооперация должна быть в интересах обеих сторон», но при этом, подчеркивает, что кооперация с Китаем должна «отражать собственные принципы и ценности ЕС» [4]. Но если речь идет о двухстороннем сотрудничестве, то непонятно, почему ЕС не выражает готовности рассмотреть принципы и ценности Китая.

В области *международной и региональной кооперации* главными территориями пересечения интересов с КНР документ называет Ближний Восток (в терминологии ЕС – Средний Восток), Африку и Восточную Азию. Будучи обозначенной, тема Ближнего Востока в документе больше не упоминается. Но составители документа не смогли скрыть своей особой озабоченности по поводу Африки. Повышенное внимание к этому континенту проявилось в том, что в документе слово «Африка» упомянуто 5 раз (для сравнения: Россия, Индия, Центральная Азия, Иран – упомянуты по одному разу, США – ни разу). В этом, как можно предположить, отразилось недовольство Европой конкуренцией в Африке со стороны Китая. В предложенном Европой Китаю сотрудничестве в африканском регионе можно выделить три составные части: 1) декларации о намерении соблюдать «общие интересы» с выражением приверженности «многообразию, миру и безопасности», а также «обоюдной прозрачности в деятельности»; 2) требования к Китаю делиться информацией и влиянием, прежде всего, в области энергетики («повысить прозрачность и достоверность данных по энергетике и улучшить обмен информацией с целью улучшения энергетической безопасности»); 3) выстраивать отношения с Африкой на основе европейских ценностей («поддерживать региональные усилия по улучшению [политического] правления в Африке») [3].

В Восточной Азии, судя по документу, Европу интересуют отношения с Китаем в контексте отношений с Японией и АСЕАН. Но бросается в глаза то, что в документе непропорционально много места уделено Тайваню. Тон заявлений по Тайваню носит ультимативный характер: «Тайвань. ЕС делает крупную ставку на поддержание мира и стабильности между двумя берегами пролива. Основываясь на политике одного Китая и принимая во внимание стратегический баланс в регионе, ЕС должен продолжать проявлять активный интерес и ставить в известность о своих взглядах обе стороны. Политика [Китая? – ЕС] должна считаться с тем, что ЕС: противостоит любой мере, направленной на одностороннее изменение статус-кво; решительно (буквально: «сильно», «strong») противостоит применению силы; поощряет прагматические решения и меры по созданию доверия; и поддерживает сильные (strong) экономические и торговые связи с Тайванем» [4].

В процитированном фрагменте обращает на себя внимание то, что ЕС подтверждает свою приверженность политике единого Китая, однако этот основополагающий принцип отношений с Китаем поставлен на второе место после заявления о том, что «ЕС делает крупную ставку на поддержание мира и стабильности» между Китаем и Тайванем. К тому же, политика единого Китая упомянута вместе со стратегическим балансом в регионе, то есть, вместе с вопросом, который находится в ведении США. Ведь у самой Европы нет стратегии в регионе, что же касается регионального «баланса» сил, то обычно под этим подразумевается баланс между двумя силами, одной из которых выступает США и их союзники, а другой – прежде всего, Китай. По сути дела, это не что иное, как скрытая ссылка на США и предупреждение Китаю о том, что в Китайско-Тайваньском вопросе ЕС следует в фарватере стратегических интересов США [4].

Заключительную часть раздела, посвященного европейско-китайскому взаимодействию по Тайваню, где выдвигается требование к Китаю считаться с тем, что ЕС «поддерживает сильные (strong) экономические и торговые связи с Тайванем», можно рассматривать как прямой вызов Китаю, не столько даже с точки зрения содержания (поддержка экономических связей с Тайванем является международной практикой), сколько в плане подачи мысли, на что указывает, во-первых, ультимативный тон, во-вторых, акцент на слове «сильные», в-третьих, отсутствие упоминания китайской позиции. Политика мягкой силы в тайваньском вопросе оборачивается жесткой риторикой. К области международной кооперации документ относит также вопрос об эмбарго на торговлю оружием с Китаем. Реакция Европы на события 1989 года в Китае была своевременной и оправданной, она продемонстрировала то, что существует система международного контроля, которая препятствует государствам чувствовать себя полными хозяевами над жизнями своих граждан. Мы не готовы сейчас обсуждать военные и экономические аспекты эмбарго на торговлю оружием с Китаем, очевидно, что это очень сложный вопрос. Но у него также есть политическая составляющая. Если говорить только о ней, то с 1989 года изменилась международная политическая система, новые формы приобрела европейская интеграция, Китай как страна (не без участия ЕС) меняет свою внутреннюю и внешнюю конфигурацию, а Европа, как бы, продолжает разговаривать с Китаем с позиций двадцатилетней давности. На данном этапе ЕС считает, что «нужно заканчивать технические приготовления к тому, чтобы убедиться в том, что отмена [эмбарго] не приведет к качественному и количественному росту продаж оружия, и продолжать использовать возможности для достижения консенсуса по отмене» [4]. На наш взгляд, стилистика этого текста очень точно отражает форму ведения Европой диалога с Китаем с позиции политики мягкой силы. Для отмены запрета на торговлю оружием ЕС ставит ряд политических условий и возлагает на себя задачу по «работе с Китаем», что должно помочь Китаю соответствовать этим условиям: «ЕС должен работать с Китаем для улучшения атмосферы для отмены [эмбарго], для осуществления прогресса в области прав человека; работать для исправления отношений между двумя берегами пролива;

для улучшения прозрачности его военных расходов» [4] (приходится извиняться, но именно таким языком написан анализируемый нами документ). Внимательное прочтение раздела документа ЕС по отмене эмбарго на вооружение делает более понятной позицию политических кругов КНР по этому вопросу. «Теоретически говоря, – рассуждал пекинский журналист Ли Хайбо в 2004 году, – отмена запрета означает, что ЕС сможет продавать оружие Китаю, если последний выразит намерение к покупке, и если это будет находиться в соответствии со строгими требованиями ЕС к торговле оружием. Но бизнес в области вооружения не является основным мотивом для действий по отмене. Настоящая причина настойчивости Китая состоит в том, что эмбарго представляет собой политическую дискриминацию, поэтому должно быть снято. Политическая дискриминация в любой форме несет в себе угрозу ограничения прав человека. То есть, связь между отменой запрета на торговлю оружием и отчетом о правах человека в Китае выглядит странно» [5, с. 48].

Позиция ученых

Попытаемся рассмотреть позиции двух экспертов, влияющих на политический процесс отношения Европы к Китаю. Один из них – Себастиан Берсик (Sebastian Bersick) является убежденным сторонником нынешней европейского курса. Некоторые его высказывания доводят до логического завершения то, что в документах ЕС можно разглядеть лишь через увеличительное стекло критического дискурс-анализа.

С. Берсик считает, что «Европейский союз должен интенсифицировать свою политику по экспорту европейской модели региональной кооперации и интеграции в качестве рекомендательного понятия для стран Восточной Азии» [6, с. 9].

Исследователь не только не скрывает, но намеренно подчеркивает единство стратегических и тактических подходов к Китаю у США и Европы. Кроме того, он акцентирует то, что интересы ЕС и США прочно завязаны на интересах Японии. В этом же контексте он выделяет особую роль, которую ЕС должен отводить Тайваню. Он пишет: «Растущее усложнение международной системы после окончания холодной войны делает жизненно важным то, что интересы и цели китайской политики европейцев и китайской стратегии европейцев объединены в трансатлантических границах, а также соединены с «держателям акций» Восточной Азии, вроде Японии, – да и Тайвань не следует рассматривать как остаточную категорию» [6, с. 10]. Рассуждения С. Берсика важны тем, что показывают, что политика мягкой силы ЕС в отношении Китая замыкается в трансатлантических границах.

В 2002 году при Международной Китайско-Европейской школе бизнеса была создана Академия Синика Европы (ASE – *Academia Sinica Europaea*). Выступивший на ее заседании в 2004 году Давид Госсет (David Gosset), на наш взгляд, сумел сформулировать важные позиции, нацеленные на взаимоважительный диалог с Китаем.

Он считает, что Европа не сможет адекватно разглядеть и оценить ту степень открытости миру, которую демонстрирует Китай, если будет измерять Китай только своими мерками. По его мнению, «если мы расположены к тому, чтобы рассматривать и исследовать пути, на которых Китай управляет своими реформами, соотнося это с нашими собственными социальными, экономическими и политическими парадигмами, тогда нам гораздо труднее будет выработать представление о том, как «китайский фактор» изменяет сегодняшнюю глобализацию и как китайские ценности проникают в наше общество». «Рассказы о Китае, – продолжает Д.Госсет, – основывающиеся на истерии о «китайской угрозе», слишком часто становятся слабыми заменителями правдивых и сбалансированных представлений о влиянии Китая на глобальное сообщество». Д. Госсет призывает наращивать идущий уже процесс «по открытию нас самих открыванию Китая». Он заявляет о необходимости «адекватной интерпретации и понимания» Китая [7].

На наш взгляд Д.Госсет справедливо ставит вопрос о том, что надо четко определить, что хочет Европа от Китая; можно ли рассматривать наращивание бизнес-контактов с Китаем в качестве самодостаточной цели? Он пишет: «Действительно ли торговля это все, что европейцам нужно и в чем европейцы нуждаются, когда речь идет о цивилизации, представляющей одну пятую населения мира?» Тем, кто разделяет эту точку зрения, он указывает на то, что «торговля сама по себе не означает понимания и не препятствует возникновению напряжения или конфликтов». Он уверяет, что в ЕС «мы должны активно трудиться над созданием понимания» [7].

Второй круг вопросов, над которым предлагает подумать Д. Госсет, звучит так: «Что мы, европейцы, хотим делать с Китаем? На какие взаимодополнения мы надеемся, и для какой Евразии?» Он дает совершенно определенный ответ на последнюю часть вопроса: Евразию он хочет видеть «гармоничной». Партнерство с Китаем, по его мнению, поможет «привести в равновесие крайности (excess) современной гипердержавы, структурировать наш расколотый и хаотичный континент, Евразию, остановить распространение крайних форм обскурантизма». Он не отрицает того, что партнерство с Китаем должно способствовать влиянию ЕС на «современную гипердержаву». Но при этом, он считает, Европе и Китаю следует отказаться от восприятия друг друга только как «тактического фактора», что «необходимо стратегическое и наполненное смыслом всеобъемлющее партнерство». Более того, в Китае он видит своеобразный «тест» для европейской идентичности, которая может шлифовать свое единство в диалоге с Китаем, которому отводится роль того «другого», в контакте с которым должно формироваться собственное «я» Европы [7].

Развивая тему европейской идентичности, Д.Госсет заявляет: «Если мы надеемся на то, чтобы китайцы нас с полной серьезностью воспринимали как европейцев, то нам самим надо прекратить смотреть на Китай как исключительно на рынок. Китайский народ – это нечто гораздо большее, чем потребители или потенциальные потребители, все вместе они формируют матрицу

цивилизации, которая способна задать структуру нашей глобальной многополярной системе» [7].

Несостоявшийся саммит: сбой в политике мягкой силы

В декабре 2008 года должен был состояться 11-й саммит представителей ЕС и КНР. Верная своей политике мягкой силы, Европа решила напомнить Китаю, что судьба Тибетского Автономного района также находится в компетенции ЕС. Поэтому исполнявший в то время обязанности Президента ЕС Никола Саркози решил пренебречь протестами со стороны Китая и назначить встречу с далай-ламой почти одновременно с саммитом.

В ответ на это Китай известил о переносе саммита на неопределенное время. В заявлении ЕС от 28 ноября 2008 года было объявлено, что «китайские власти информировали Европейский Союз относительно своего решения с просьбой отложить 11-й Саммит ЕС-Китая, запланированный на 1 декабря. Их решение обосновывалось тем, что в то же самое время Далай-Лама будет наносить визиты в несколько стран Европейского Союза и встречаться с главами государств или правительств стран-членов ЕС и с президентами институций Европы. Далай-Лама участвует в заседании Нобелевской премии мира по приглашению Леха Валенсы» [8].

Свое отношение к решению Китая ЕС выразил буквально следующими словами: «Европейский союз, намечавший на 11-й саммит амбициозные планы, принимает к сведению решение Китая и расстроен из-за него. Европейский Союз намерен продолжать развитие отношений стратегического партнерства с Китаем, которым он рад, особенно в то время, когда глобальная экономическая и финансовая ситуация зовет к особо тесному сотрудничеству между Европой и Китаем» [8]. Фактически впервые за многие годы произошло событие, которое можно рассматривать как сбой в политике мягкой силы ЕС в направлении Китая. На данный момент главная интрига состоит в том, готов ли Европейский союз к корректировке своей политики, и если да, то в какой степени.

Заключение

Политика мягкой силы в стратегическом партнерстве с КНР, с одной стороны, отражает намерения ЕС искать пути взаимовыгодного и мирного решения общих с КНР вопросов, но с другой стороны, является риторикой, направленной на рациональную максимизацию личной выгоды, которая, к тому же, должна согласовываться с атлантическими интересами, будучи по своей сути слепком с политики мягкой силы США.

Несмотря на то, что политика мягкой силы является официально утвержденной стратегией в отношениях с КНР, тем не менее, в Европе есть силы, голоса которых, может быть, не так уж и сильны, но которые призывают к поиску новых форм диалога с Китаем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Nye, Joseph S.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: PublicAffairs, 2004.
2. EU-China relations: chronology [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/external_relations/china/docs/chronology_2008_en.pdf.
3. China's EU Policy Paper. October 13, 2003. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/topics/ceupp/t27708.htm>.
4. Commission of the European Communities. Communication from the Commission to the Council and the European Parliament "EU – China: Closer partners, growing responsibilities". Brussels, 24.10.2006. N.p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX: 52006DC0631: EN:NOT>.
5. *Lii Haibo.* China Being Misread. "Beijing Review", Dec. 23, 2004. Vol.47, no. 51.
6. *Bersick, Sebastian.* Paper presented at second Policy Analysis Workshop Europe China Academic Network. Brussel, June 7, 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ec-an.eu/files/Bersick_Briefing%20Paper.pdf.
7. *Gosset, David.* ASE presentation to the member states General Consuls in Shanghai: ASE in China's opening-up context. Feb. 23, 2004. N.p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ceibs.edu/ase/Documents/presentation_consuls.htm.
8. EU-China Summit postponed – European Union Statement. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ue2008.fr/PFUE/lang/en/accueil/PFUE-12_2008/PFUE-01.12.2008/sommet_ue_chine.
9. European Commission. External Relations. The EU and China. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/external_relations/china/index_en.htm.

И. И. ОСИНСКИЙ

НЕОЛИБЕРАЛЬНАЯ И УПРАВЛЯЕМАЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ПЕРЕХОДА К РЫНКУ И ИХ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Проблемы перехода к рынку, последствия этого перехода занимают одно из центральных мест в современном общественном сознании. Их исследуют экономисты, социологи, политологи, демографы, историки, психологи, специалисты других отраслей знания. Результаты научного поиска анализируются на встречах ученых, в публикуемых материалах.

При этом в последние годы чаще всего ученые обращаются к опыту двух стран, одна из которых избрала подход к построению рыночной системы, получивший название управляемой государственной стратегии, – Китай, другая – неолиберальную стратегию – Россия. Эти два крупнейших государства, составлявшие в недалеком прошлом становой хребет мировой системы социализма, столкнувшись в процессе своего развития с серьезными трудностями, прежде всего в сфере экономических отношений, стали на путь реформирования своих экономик. Идя по этому пути, они накопили немалый опыт преобразования в различных сферах общественной жизни.

Начало экономической реформы в Китае относится к концу 1978 г., а в России – 1992 г. Главное отличие преобразований в этих странах заключается в том, что Китай, реформируя экономику, не ставил своей задачей коренного изменения социалистического строя. Россия же приступила к разрушению и уничтожению социализма.

Объектом реформ в Китае стала высокоцентрализованная плановая экономическая система. Китайским руководством была поставлена задача преобразования самой модели экономической системы и базисный механизм хозяйствования. В Китае пришли к выводу, что рыночная экономика не противоречит социализму, что нельзя видеть в рыночной экономике сущностное отличительное качество капитализма, а в плановой экономике – главную черту социализма.

План и рынок – это лишь средства для экономического регулирования. Для того чтобы нейтрализовать возможные негативные проявления стихийности рынка, государство осуществляет макроэкономический контроль. Господствующее место в структуре собственности принадлежит общественной ее форме включающей общенародную и коллективную. Что же касается частной собственности, в том числе с иностранным участием, то она должна иметь дополнительный статус, хотя на рынке государственные и частные предприятия выступают как равноправные. Главной формой распределения сохраняется принцип распределения по труду. С первых лет реформы руководство Китая решительно пошло на открытие страны для внешнего мира, на

развитие широких экономических, торговых, научных связей с другими странами, прежде всего с США, Японией, государствами Западной Европы.

Объектом реформ в России стали одновременно экономическая и политические системы, точнее последняя началась даже несколько раньше экономической. За основу перехода к рыночной экономике были взяты стабилизация макроэкономики, либерализация цен и приватизация.

Задача либерализации заключалась в устранении государственных ограничений на свободное ценообразование и другие проявления рыночного поведения; стабилизация была нацелена на контроль за инфляцией, порожденной либерализацией, с помощью сокращения государственных расходов и жесткой денежной политики; приватизация предполагала перевод предприятий государственных в частную собственность.

К сожалению, следствием стабилизационного подхода явились «великая депрессия» и «великая инфляция». Не оправдалось ожидавшееся в результате либерализации определение цен рынком, так как по существу цены стали устанавливаться монополистами, мафией, коррумпированными чиновниками. Что касается приватизации, то в связи с отсутствием в стране необходимых юридических регуляторов, государственные предприятия, ресурсы стали добычей криминальных элементов. Общественное достояние по существу перешло в собственность небольшой кучки предпринимателей, которые вкупе с коррумпированными чиновниками стали заботиться не столько о развитии производства, сколько об извлечении ренты, о личном обогащении. Не случайно несколько лет назад в СМИ утверждалось, что семь крупнейших финансово-промышленных групп контролируют 50% промышленного производства страны.

В отличие от России, в Китае были начаты реформы не в политической, а в экономической области, притом в сельском хозяйстве (80% населения страны проживало в те годы в сельской местности). В ходе аграрных преобразований была упразднена система народных коммун и заменена семейным подрядом. Крестьяне снова обрели право пользования землей, они могли самостоятельно определять характер сельскохозяйственных работ и тип сельскохозяйственной продукции, решая, что и сколько им сеять. Была отменена практика единых закупок и поставок, освобождены цены на большинство видов сельскохозяйственной и сопутствующей продукции, крестьянам дали возможность развивать многоотраслевое хозяйство и создавать поселково-волостные предприятия. Сфера деятельности таких предприятий охватывает промышленность, переработку сельскохозяйственной продукции и услуги.

В 2000 г. насчитывалось 20,85 млн. поселково-волостных предприятий, на которых было занято 128,2 млн. чел. Все это в огромной степени способствовало производительной активности в деревне [1, с. 45]. Были организованы прибрежные экономические зоны, что обеспечило приток в страну капиталов, иностранной валюты.

В Китае не проводилась приватизация государственных предприятий. Вместо этого стимулировалось создание трудовыми коллективами (и даже частными лицами) новых негосударственных предприятий на поселковом и дере-

венских уровнях. Многие из этих предприятий, заимствуя за рубежом новейшие технологии, проектные разработки, успешно конкурируют с существующими предприятиями, отвоевывающими у них трудовые ресурсы и капиталы.

Специфически решался вопрос с ценами. Здесь поддерживалась двойная система цен, суть которой заключалась в том, что на большинство товаров существует две цены – низкая, плановая и более высокая, рыночная. Если государственное предприятие выполнило установленный ему объем продукции по плановой цене, то выпущенная сверх этого объема продукция реализуется по рыночной цене.

В Китае не ликвидирована государственная собственность, но подвергнут изменениям механизм хозяйствования. Государственные предприятия принадлежат в основном ключевым отраслям народного хозяйства. Это энергетика, транспорт, производство важнейших видов сырья, материалов и оборудования.

В процессе реформирования госпредприятий произошло разграничение функций и ответственности между правительством и предприятием. Правительство, как собственник и макроэкономический регулятор, имеет право контролировать его деятельность. Предприятие, получив статус юридического лица, должно нести ответственность за результаты хозяйствования за счет и в рамках своего имущества. В ходе реформы преобразованы налоговая, банковская, валютная и инвестиционная системы. В ходе реализации управляемой государственной стратегии Китай добился беспрецедентных успехов в развитии экономики.

За годы реформ Китай при среднегодовом темпе прироста 9,4% свой экономический потенциал увеличил в 17,7 раза. Объем ВВП страны в 1978 г. составлял 147 млрд. долларов к 2008 г. он увеличился в 180 раз. По своему экономическому весу Китай вышел на четвертое место в мире (уступив экономическому весу США, Японии, Германии). В настоящее время основной вклад в прирост мирового ВВП (15%) дает Китай, потеснив США. Китай ныне привлекает самый большой объем иностранных инвестиций, торгует на 2 трлн. долларов в год, располагает самым большим золотовалютным запасом – свыше триллиона долларов.

В результате реформ произошло резкое увеличение сельскохозяйственной продукции, что позволило решить продовольственную проблему. Уже в 2000 г. на душу населения в Китае было произведено 356 кг зерна, около 50 кг мяса, более 18 кг яиц, 34,4 кг морепродуктов, что превысило среднемировой уровень [1, с. 45]. Располагая всего 7% мировой пашни, Китай кормит без малого 22% человечества (население Китая). Он занимает лидирующие позиции по производству риса, пшеницы, мяса, молока, яиц, чая.

Что касается результатов неолиберальной реформы в России, то они, к сожалению, не вызывают чувства оптимизма. Предполагавшиеся в 1990-е годы макроэкономическая стабилизация, прекращение спада производства, как и другие положительные сдвиги, оказались мифом. Страну постиг глубокий социально-экономический кризис, связанный с разрушением основных отраслей народного хозяйства. Ко второй половине 90-х годов общий промышленный

продукт сократился более чем на 50%, выпуск продукции машиностроения упал на 60%, в легкой и текстильной промышленности спад производства составил свыше 80%. Многие предприятия, в том числе градообразующие, практически прекратили производство. В тяжелом положении оказалось сельское хозяйство. Валовое производство в хозяйствах всех категорий уменьшилось на 35%, сбор зерна на 40%. С 1989 по 2005 гг. поголовье крупного рогатого скота, свиней, овец и коз уменьшилось в три раза [2, с. 13].

Более 90% государственной собственности перешло в частные руки. Земля, леса, недра, а также военно-промышленный комплекс, энергетическая система, железнодорожная транспортная система и другие предприятия государственного значения стали объектами купли – продажи.

В последние годы наметились некоторые положительные сдвиги в развитии экономики, финансовой системы России. Прекратился спад производства, имеется рост в некоторых отраслях экономики. Однако эти успехи, как отмечают многие специалисты, больше обязаны высоким мировым ценам на нефть, газ, металлы и другие сырьевые товары, а не наращиванию промышленного производства. Если по общему объему ВВП Россия занимает 8-е место в мире (ее доля составляет 3% мирового ВВП), то по уровню ВВП на душу населения она находится на 52-м месте [3, с. 24].

Экономические преобразования в Китае и России не могли не сказаться на социальных процессах в этих странах. Экономика была и остается определяющей материальной основой решения всех социальных задач. В свою очередь социальные процессы оказывают большое воздействие на экономическое, научно-техническое, политическое и духовное развитие социума.

В 1978 г. уровень жизни основной массы населения был низким. Ниже черты бедности находились 250 млн. человек, что составляло 25 % населения КНР. Ныне число их уменьшилось по официальным данным до 25 млн., что равняется 2% населения страны [4]. Решая проблему преодоления бедности, правительство одновременно заботилось о повышении качества жизни, росте доходов населения. Достаточно отметить, что среднедушевой «чистый» доход сельского жителя вырос с 134 юаней (1978) до 2366 юаней (2001), среднедушевой доход городских жителей за этот период возрос с 343 юаней до 6860 юаней (1,45). Рост дохода как сельских, так и городских жителей продолжался и в последующие годы. Уменьшается количество безработных. Политика реформ, несомненно, обеспечила повышение жизненного уровня всех групп китайского общества. Однако достаток значительной части китайцев до сих пор скромный, поскольку стартовый уровень реформ был очень низким. В стране население страдает от безземелья, существует дисбаланс в уровне жизни между развитыми приморскими и отстающими внутренними районами. Вызывают беспокойство общества экологические проблемы, безработица, особенно в аграрных районах, коррупция и др. На решение этих проблем нацелены усилия китайского общества, его правящей элиты.

В России трудно найти в социальной сфере проблему, которая бы в процессе реформы нашла свое приемлемое решение. Наоборот, реформа в 90-е годы вызвала обвальные негативные процессы в социальной сфере. Эта сфе-

ра оказалась в глубоком кризисе, который, по мере развертывания последних, приобретал все более острые, катастрофические очертания. Он охватил все области данной сферы (распределение, потребление, здравоохранение, образование, сферу обитания людей и т.д.), поразил ее глубинные основы. Большинство показателей, фиксирующих состояние жизнедеятельности в социальной сфере, опустились до предельно-критического уровня. Произошел резкий рост социальной дифференциации населения, которая характеризуется серьезным увеличением расстояния между полюсами бедности и богатства. Соотношение доходов 10% наиболее и наименее обеспеченных слоев населения по официальным данным изменилось с 4,4 в 1990 г. до 15 в 2006 г. С учетом теневых доходов – она много больше. В 1998 г., по данным госстатистики, 32,1 млн. человек имели денежные доходы ниже прожиточного минимума. С учетом же роста цен на продукты питания, коммунальные услуги, связь, проезд на транспорте – не менее 70-80 млн. российских граждан находились у черты или за чертой бедности [5].

Бедное население – это жители, имеющие доход ниже черты, которая принята в мировой практике. Последнее десятилетие не внесло существенных изменений в социальное положение населения, не способствовало преодолению пропасти между богатыми и бедными. Наоборот, как считают специалисты, эта пропасть стала еще более глубокой. Резкая социальная дифференциация населения нашла свое отражение в показателях, характеризующих социальную структуру российского общества:

1-2% населения – богатые;

15-20% – средние классы;

60-65% – промежуточный слой между средними классами и бедности (жизнь от зарплаты до зарплаты, стесненность в расходах на высококачественные продукты питания и товары длительного пользования, практически случайный доступ к качественным услугам образования и здравоохранения, высокая вероятность потери доходов и соответственно сползания в бедность);

15-20% – бедность;

5-7% – социальное «дно» (беспросветная нищета, окончательная люмпенизация) [5, с. 68-69].

Такая социальная структура, как справедливо заключают авторы, не гарантирует общественной стабильности, не может обеспечить перелом к лучшему с точки зрения поддержания доверия в треугольнике «общество-государство-бизнес». Существует также социальная пропасть между большими и малыми городами. Проводимые в стране реформы породили проблему занятости населения, обострили демографическую ситуацию, сокращение объемов производства обусловили снижение занятости людей, беспрецедентный рост числа безработных.

Согласно госстатистике, в конце 90-х годов количество безработных в стране достигло 6 млн. человек или около 10% экономически активного населения. Фактически же, по подсчетам специалистов, она составляла свыше 25 млн. человек. Значительная часть населения является безработной и сего-

дня. Ухудшается среда обитания людей, происходит загрязнение воздуха, воды, почвы. Получили распространение опасные заболевания (туберкулез, СПИД, алкоголизм, наркомания).

В годы реформ обнаружили себя тенденции старения и депопуляции населения. Эти тенденции характеризуются резким ростом смертности, которая происходит на фоне низкой рождаемости. Превышение смертности над рождаемостью привело к абсолютному сокращению населения России. Уменьшилась продолжительность жизни населения. Сегодня она у мужчин составляет 58,8 лет, у женщин – 72,0 года (Для сравнения: в Китае соответственно 70 и 73 года).

Многие западные исследователи, в том числе составители доклада Всемирного банка «От плана к рынку», пытаются приуменьшить достигнутые в Китае впечатляющие результаты и сгладить провалы в России, стремятся объяснить высокие темпы развития Китая чрезвычайно низким стартовым уровнем его развития, особенностями структуры производства, в котором были высокая доля сельского хозяйства и низкая доля промышленности; уникальными чертами китайского национального характера (трудолюбием, самоотверженностью, неприхотливостью и др.), характером экономической политики. Очевидно, нельзя всего этого игнорировать. Однако не это является главным.

Главная причина успехов Китая и провалов в развитии России – правильно выбранный стратегический курс движения Китая к рынку и ошибочно определенный курс в России. Совершенно прав профессор Калифорнийского университета Майкл Д. Интрилигейтор, утверждающий, что «Россия создала модель того, как не следует выполнять переход к рыночной экономике, а Китай – модель того, как надо осуществлять этот переход», [6, с. 35]. При этом следует отметить, что уже к моменту начала экономических реформ в России, Китай накопил большой ценный опыт перестройки своей экономики. В 1978-1991 гг. среднегодовые типы роста ВВП составили 8,6%, а выпуска продукции на госпредприятиях – 7,7%. В течение десятилетия после 1978 г. сельскохозяйственное производство возросло на 6,2% в год [7, с. 39].

Здравый смысл говорит о том, что, начиная столь кардинальные преобразования в экономике и других сферах, Россия должна была обратиться к китайскому опыту, творчески использовать его при выработке стратегии перехода к рынку.

Авторы доклада Всемирного банка «От плана к рынку» утверждают, что Россия, якобы по примеру Китая, не могла следовать управляемой государственной стратегии и что неолиберальная стратегия – единственный путь, которым можно было воспользоваться. Известный ученый, профессор факультета экономики Массачусетского университета Давид М. Котц убедительно доказал, что подобные утверждения несостоятельны, а выдвинутые ими причины невозможности воспользоваться опытом Китая надуманны. Можно ли всерьез принимать в качестве главной причины утверждение о том, что «ко второй половине 80-х годов советская плановая экономика распалась изнут-

ри» и что поэтому якобы не осталось иной альтернативы, кроме неолиберальной стратегии?

Как не без основания утверждает Давид М. Котц, подобное толкование событий не согласуется с исторической канвой. Плановая экономика России не распалась изнутри, она была разрушена новой политической властью. В стране налицо был ежегодный экономический рост вплоть до 1989 г. И только в 1990 г., когда политическая власть перешла в другие руки, и стало постепенно разрушаться централизованное планирование, начался спад хозяйства [7, с. 16].

Защитники неолиберальной стратегии утверждают, что в России не было условий для благоприятного проведения преобразований, а в Китае они были, поэтому и результаты там иные. В действительности все наоборот. Именно в России были более благоприятные предпосылки для проведения реформ, чем в Китае.

Профессор Майкл Д. Интрилигейтор в числе таких предпосылок в 1985 г. называет:

- успешное использование метода централизованного планирования для формирования второй по масштабам экономики в мире (более крупной, чем в Японии и Германии);

- наивысшие в мире объемы добычи нефти, газа, угля, производства пшеницы, обуви и ряда других товаров;

- огромный внутренний рынок;

- целостная инфраструктура, включая транспорт, коммуникации, университеты, научно-исследовательские институты и т.д.;

- урбанизированное, грамотное и обученное население;

- подготовленная рабочая сила и менеджеры с опытом управления производством (за исключением финансовой сферы);

- колоссальный человеческий капитал, в том числе крупнейший в мире отряд ученых и инженеров, мощные «тылы» в Восточной Европе с ее ресурсами и рынками, огромные природные ресурсы.

В отличие от этого, продолжает М. Интрилигейтор, возможности Китая были гораздо меньше:

- узкий в отношении платежеспособности внутренний рынок;

- низкий уровень индустриализации и развития инфраструктуры;

- сельское, в основном неграмотное, население (80% сельского населения против 80% городского в России);

- в основном необученная рабочая сила;

- ограниченный человеческий капитал, незначительное число ученых, инженеров и техников;

- малоуспешное функционирование плановой экономики, отсутствие «тылов» для обеспечения ресурсами и рынками;

- ограниченные природные ресурсы,

- потенциальные преимущества, обусловленные гораздо более коротким, чем в России, периодом развития по социалистическому пути и др. [6, с. 34-35].

Защищая неолиберальную стратегию перехода к рынку, буржуазные теоретики стремятся приуменьшить впечатление от результатов реализации управляемой государственной стратегии перехода к рынку, достигнутых в китайском обществе. Более того, они пытаются даже стратегию переходного периода в Китае представить чуть ли не как вариант известной неолиберальной стратегии, притом якобы небезупречно использованной китайским руководством. В этой связи следует подчеркнуть, что это, как правильно пишет Д. Котц, «кардинально иная стратегия, а не просто замедленная и менее последовательная версия неолиберальной стратегии» [7]. Это создание социалистической рыночной экономической системы с китайской спецификой.

Выработанная китайским руководством стратегия делает развитие общества прогнозируемым, позволяет достичь намеченных целей. Она способствует формированию в общественном сознании населения чувства уверенности в своем будущем. Состоявшийся в октябре 2007 г. Очередной XVII съезд Коммунистической партии Китая наметил важные вехи дальнейшего социалистического созидательного процесса. В докладе Генерального секретаря ЦК Ху Цзиньтао «Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, бороться за новую победу в деле полного построения среднезажиточного общества» выдвинута задача построить среднезажиточное общество к 2020 г. Несомненно, что в недалекой перспективе Китай станет крупнейшей мировой державой, несущей знамя социализма. Демонстрируя свои неоспоримые преимущества перед странами, избравшими неолиберальную стратегию своего развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буров, В. Собственным путем / В.Буров // Свободная мысль. – 2003. – №1.
2. Видьманов, В. Россия, встань с колен / В.Видьманов. – Улан-Удэ, 2007.
3. Иванов, Ю. О глобальном международном сопоставлении ВВП по 146 странам мира / Ю.Иванов // Вопросы экономики. – 2008. – №5.
4. Ембулаев, В. Великий взлет. 30 лет китайским реформам / В.Ембулаев // Советская Россия. – 1998. – 23 мая.
5. Гонтмахер, Е. Социальные проблемы России и альтернативные пути их решения / Е. Гонтмахер, Т. Малеева // Вопросы экономики. – 2008. – №2.
6. Интрилигейтор, М. Чему Россия могла бы поучиться у Китая при переходе к рыночной экономике / М.Интрилигейтор // Проблемы теории и практики управления. – 1997. – №3.
7. Котц, Д. Уроки пятилетней экономической трансформации в России / Д.Котц // Проблемы теории и практики управления. – 1997. – №4.

**А. В. ДАНИЛЬЧЕНКО
Д. С. КАЛИНИН
ХУ ЦЗУНЬЖУН**

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ КИТАЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Одним из наиболее ярких примеров целенаправленной международной экономической экспансии, обеспечивающей динамичное внутреннее развитие страны, является внешнеэкономическая стратегия Китая. Исходя из этого изучение опыта Китая в области формирования и реализации активной внешнеэкономической стратегии, выборе ее приоритетов является актуальной и для Республики Беларусь, которая также претворяет в жизнь экспорто-ориентированное развитие национальной экономики.

Традиционно прогресс китайской экономики многие ученые связывают, прежде всего, с деятельностью зарубежных транснациональных компаний (ТНК) и притоком в страну значительных капиталовложений. И, на самом деле, роль зарубежных компаний в развитии Китая значительна: в экономику страны ими инвестировано более 500 млрд. долл. США; зарубежные компании обеспечили 2,7% из 8% роста ВВП и 20% налоговых поступлений [1]. Вместе с тем, уже в 2000 г. правительством страны был провозглашен переход к активной внешнеэкономической стратегии, в рамках которой был выработан комплекс стратегических установок: «идти во вне»; «два вида сырья, два рынка» (сырье страны и зарубежных государств, внутренний и мировой рынок); «два импорта, один экспорт» (импорт сырья и капиталов, экспорт капитала); «транснациональное хозяйствование». Главное содержание новой внешнеэкономической стратегии определяется политикой не столько импорта, сколько экспорта капитала, нацеленного, прежде всего, на освоение природных и технологических ресурсов зарубежных стран, расширение товарного экспорта и завоевание новых рынков сбыта.

В период 2001-2010 гг. запланировано реализовать два первых этапа, заключающихся в отборе 100 наиболее крупных и перспективных групп предприятий для обеспечения их дальнейшей государственной протекции, развития их экспортной ориентации. Последняя представляет собой интенсивное создание зарубежных сбытовых структур, постепенное расширение прямой инвестиционной деятельности за рубежом, активизацию сбыта продукции изготовленной и/или собранной в третьих странах. Предполагается, что к 2010 г., по мере реализации этих планов, будут созданы предпосылки для интенсификации и расширения экспансии китайских ТНК по всему миру. На этом этапе особое внимание будет сосредоточено на развитии непосредственно транснационального предпринимательства наиболее успешных групп предприятий. Наибольшая активность будет ориентированна на создание за рубежом дочерних фирм и филиалов, тесно интегрированных в деятельность китайских материнских компаний. На основании развития таких форм ин-

тернационализации планируется сформировать полноценные (зрелые) китайские ТНК, деятельность которых будет характеризоваться осуществлением сбытовых, производственных и научно-исследовательских операций в глобальном масштабе (включая наиболее выгодные районы мира), а также внутрифирменным международным разделением труда.

В рамках реализации двух первых этапов внешнеэкономической стратегии правительство Китая определило три укрупненные группы китайских компаний, так называемые «крупные армии», перед которыми поставлена задача в ближайшее время войти в состав 500 крупнейших ТНК мира.

«Армия Центра» состоит из группы центральных финансовых учреждений КНР, таких как: «Промышленно-торговый банк», «Стройбанк», «Сельхозбанк» и «Банк Китая». Кроме того, в данную группу входят отраслевые монополии (предпринимательские объединения центральных ведомств), например: «Китайская продовольственная экспортно-импортная компания», «Китайская химическая экспортно-импортная компания» и др. При этом следует отметить, что некоторые банки КНР уже несколько лет входят в рейтинги крупнейших банков мира, хотя пока не включаются в число 500 крупнейших ТНК мира, а некоторые компании не включаются во всякого рода рейтинги лишь по причине того, что западные рейтинговые агентства не признают их «рыночными образованиями».

«Армия основных предприятий, поддерживаемых государством» включает в себя шесть наиболее крупных китайских промышленных групп, которые в своей деятельности опираются на широкомасштабную государственную поддержку. Правительство КНР обеспечивает этим предприятиям различного рода льготы и ежегодно вкладывает многомиллионные средства. Прежде всего, такая поддержка призвана облегчить вхождение имеющих соответствующий потенциал компаний в число крупнейших ТНК мира до 2010 г. К числу китайских компаний, способных прочно обосноваться в списке 500 крупнейших ТНК, исследователи относят такие, как: «Электронная компания Сычуань», «Байду» (программное обеспечение), «Хуавэй» (электроника), «Синопек» и CNPC (нефтегазовая отрасль), и др.

«Армия предприятий-семян» включает китайские предприятия, получившие статус «достигших международной конкурентной марки». Перечень этих предприятий окончательно еще не определен, однако подобный статус уже присвоен более чем 70 китайским компаниям. Наиболее известными и перспективными из них является китайский производитель бытовой техники «Haier» и производитель компьютеров «Lenovo».

Некоторые специалисты отмечают, что объемы международной экспансии китайских компаний пока еще незначительны, и, что позиции китайских компаний в Западной Европе и США, наиболее платежеспособных, емких и перспективных рынках, пока довольно слабы. До сих пор Китай воспринимается во всем мире лишь как источник дешевой рабочей силы, а зарубежные компании, вкладывающие в китайские производства значительные капиталовложения, предпочитают продавать произведенные в Китае товары под собственными брендами. Китайские же компании в большинстве своем произ-

водят продукцию «no brand», так как выступить на мировом рынке под собственными известными торговыми марками они еще не готовы – на их популяризацию требуются значительное время и колоссальные средства. Однако в последние годы китайские международноориентированные компании активно скупают на рынках промышленно развитых стран «проблемные» активы, но с известными, «раскрученными» брэндами.

Характерный пример – компания «TCL», ставшая крупнейшим производителем телевизоров в мире. «TCL» в 2003 г. выкупил у французской стороны ее долю в СП «TCL-Thomson», что позволило ему приобрести права на один из известнейших европейских брэндов. Спустя некоторое время компания «TCL» также приобрела обанкротившегося германского производителя телевизоров и бытовой техники «Schneider». По оценкам специалистов, в результате этой сделки китайская компания стала обладателем брэнда, еще более известного на мировом рынке, чем «Thomson». Важно отметить: несмотря на то, что в Европе рассматриваемая компания использует приобретенные брэнды, на рынке азиатских стран ее продукция реализуется под маркой «TCL». Другая китайская компания «Lenovo» осуществила сделку с американской фирмой «UM», одним из результатов которой стало право использовать брэнд «IBM», в том числе торговую марку «ThinkPad». Отметим, что использование такого подхода позволяет китайским производителям не тратить длительное время и значительные финансовые средства на продвижение и популяризацию новых торговых марок.

В отличие от указанных компаний, самый известный китайский производитель бытовой техники «Haier» при выходе на зарубежные рынки использует свой собственный брэнд, однако активно переносит за рубеж стадию разработки новых видов товаров и сопутствующих технологий. Таких зарубежных центров, занимающихся НИОКР по всему миру, у компании «Haier» около 15, которые, чаще всего, располагаются в странах со сравнительно высоким уровнем технологического развития, таких как: США, Италия и Япония. В 2001 г. компания достигла в США объема реализации бытовых электроприборов на 150 млн. долл., что позволило ей занять на американском рынке пятое место по реализации подобной техники. В июне 2005 г. китайская компания за 1,28 млрд. долларов приобрела американскую Maytag, что позволило Haier еще больше укрепить свои стратегические позиции на емком и высоко конкурентном рынке бытовой техники США. Согласно оценке американского журнала «Форбс», по совокупной конкурентоспособности Haier вошла в число мировых производителей данной отрасли [2, с. 120-121].

Таким образом, осуществление активной интернационализации деловой активности китайских предприятий и создание на их основе китайских ТНК является на сегодняшний день одной из наиболее приоритетных сфер государственной политики Китая. Поощрение и поддержка транснационализации деловой активности китайских предприятий стало новым стратегическим курсом китайского правительства. Благодаря этому к концу 2006 г. объем китайских инвестиций за рубежом превысил 60 млрд. долл. США. Несмотря на то, что пока объем китайских капиталовложений составляет лишь 0,59% от

мирового уровня, по прогнозу ЮНКТАД, к 2010 г. Китай по этому показателю, обогнав Японию, войдет в пятерку лидеров [1, с. 19]. Характерно, что из числа китайских компаний, активно осуществляющих зарубежную инвестиционную активность лишь 10% приходится на долю частных. Поэтому, можно говорить о реализации широкомасштабной международной экспансии не столько отдельных китайских компаний, а (государственного сектора) экономики страны в целом.

Следует отметить, важный стратегический ход правительства КНР по поддержке китайских ТНК. По условиям ВТО, членом которой является Китай, государственная поддержка может быть направлена лишь ограниченному количеству национальных компаний. Однако, как уже отмечалось, правительство КНР выбрало около 100 перспективных компаний, которых оно собирается всячески поддерживать, что несколько превышает установленные ВТО ограничения. Поэтому, китайское правительство поставило задачу укрупнения госпредприятий и доведения их количества не более чем до 50 сверхкрупных государственных предприятий-холдингов. Помимо различного рода льгот и преференций, помощь этим компаниям будет оказываться в виде субсидий, адресованных в западную часть Китая на строительство инфраструктуры, промышленную реструктуризацию, обучение работников, научные исследования и т.д. Кроме того, этим госпредприятиям будет разрешено осуществлять слияние друг с другом, а также с другими международными компаниями-гигантами.

Таким образом, успешное развитие экономики Китая основывается на ее активном вовлечении в международную деятельность. Промышленный комплекс страны реализует свою внешнеэкономическую стратегию с опорой на значительную государственную поддержку, которая выражается не только в создании благоприятных для интернационализации условий, но и в активном участии в становлении собственных транснациональных структур. В свою очередь именно благодаря им государство формирует так называемую «вторую экономику», которая дополняя, способствует экономическому развитию национальной экономики, а также позволяет распространять влияние государства за пределы национальных границ.

В свое время, попав в сферу влияния промышленно развитых стран, Китай прошел ускоренный курс индустриализации, китайские компании хорошо усвоили современную технику менеджмента, вместе с прямыми иностранными инвестициями приобрели передовые технологии. Играя роль «производственного цеха», куда выносятся массовое промышленное производство из США, Японии и других ПРС, Китай достигнул достаточно высокого уровня экономического развития, стал располагать собственными возможностями экспорта капитала. Вместе с тем, дальнейшее развитие китайских компаний во многом зависит от того, насколько успешно будут расширяться их рынки сбыта, учитывая, что подавляющее большинство технологий производства китайских компаний по меркам не только ПРС, но других менее развитых стран мира являются устаревшими. Кроме того, в связи с бурным экономическим развитием Китая растут и издержки производства. По

этим причинам, одним из основных условий экономического роста является поиск менее развитых в технологическом плане рынков сбыта, а также стран с более низкими, чем в Китае, издержками производства. Именно по этой причине, особое место в крупномасштабной экономической экспансии на мировые товарные рынки, осуществляемой китайскими компаниями, занимают развивающиеся страны, в особенности государства африканского континента.

Особое отношение китайского правительства и активность компаний этой страны в освоении Африки объясняется, по словам Ху Цзинтао, тем, что «...Китай является самой большой развивающейся страной в мире, а Африка – континент, на котором больше всего развивающихся стран. Китай работает совместно с ними, чтобы не упустить исторический шанс углубить глобальное сотрудничество, способствовать совместному развитию...». По его мнению, «...Африка обладает большим количеством природных и человеческих ресурсов, в то время как Китай обладает технологиями и опытом ведения бизнеса. Такое сочетание способно стать основой динамичного развития обеих сторон...» [3].

Китайские потребительские товары по своим характеристикам (низкая цена, простота в использовании, неприхотливость) практически идеально подходят для растущего африканского рынка, на котором конкуренция не велика, а местное производство обычно вообще отсутствует. В то же время, согласно прогнозам специалистов, темп роста экономик африканских стран, (а соответственно и потребительского спроса) будет как минимум не меньше достаточно высокого демографического роста. Как уже отмечалось, китайские компании, по сравнению с африканскими, являются более высокотехнологичными. Речь идет о таких базовых отраслях, как строительство, ирригация, энергетика, текстильная промышленность и др., где китайские компании находят достаточно эффективное и выгодное приложение своим технологиям.

Так, в ходе второго форума китайско-африканского сотрудничества был одобрен целый ряд производственных проектов Китая на Африканском континенте, в частности: в Нигерии (строительство сахарного завода), в Эфиопии (строительство сахарного и цементного завода), Руанде (строительство цементного завода) и др. Кроме того, некоторые китайские компании создали в Африке ряд предприятий по промышленной добычи рыбы, однако особое внимание уделяется исконно китайской текстильной отрасли. Это связано с тем, что китайские производители часто попадают под различного рода ограничения международной торговли. Поэтому, китайскими компаниями в Африке создаются совместные текстильные предприятия, что дает им возможность экспортировать произведенную на континенте продукцию на обширный американский рынок в обход торговых ограничений в рамках программы по развитию стран Африки.

Для выполнения своих амбициозных планов по широкомасштабной международной экспансии перед Китайским правительством встает острая для экономики страны проблема обеспечения природными ресурсами, особенно нефтью и газом. В последние годы потребление сырьевых ресурсов в расчете

на единицу выпускаемой продукции резко возросло. Согласно исследованиям, при достижении доходов на душу населения в 2 тыс. долл. США, как это произошло в Китае в 2006 г., спрос на природные ресурсы начинает расти гораздо быстрее, пока данный показатель не увеличится примерно до 20 тыс. долл. США. Особо остро указанная проблема проявляется в отношении энергоисточников. Так, если ранее в Китае энергопотребление увеличивалось в 2 раза медленнее, чем росла национальная экономика, то уже после 2002 г. оно возрастало в 1,5 раза быстрее, чем ВВП. В 1990 г. в Китае потреблялось 2,4 млн. барр. нефти в сутки (400 тыс. экспортировалось). В настоящее же время показатель потребления достиг 7 млн. барр. в сутки, причем половина потребности покрывается за счет импорта. Ожидается, что к 2030 г. потребление нефти возрастет до 16,5 млн. барр. в сутки, а ее импорт достигнет 13,1 млн., что превышает нынешний уровень добычи в Саудовской Аравии. А, например, повышение спроса на металлы в Китае в ближайшие 20 лет будет по своим масштабам сравнимо с суммарным спросом на них в промышленно развитых странах в настоящее время [4, с. 1].

Эта ситуация вызывает активное стремление Китая обеспечить себе доступ к сырьевым источникам по всему миру. Наибольшее значение придается активизации деятельности китайских инвесторов в сырьевых отраслях зарубежных стран. С целью обеспечения доступа к природным ресурсам китайские компании приобретают зарубежные добывающие фирмы или права на эксплуатацию месторождений. При этом китайские предприятия проявляют наибольший интерес к слабо развитым странам богатым природными ресурсами. Так, целью стабильного обеспечения экономики КНР энергоносителями китайскими компаниями приобретены месторождения нефти в Перу, Венесуэле, Ираке, Судане, Казахстане, а также достигнуты договоренности об учреждении совместных нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих предприятий в ряде других стран, таких как: Туркменистан. Характерно, что Китай зачастую не столько заинтересован в быстрейшей разработке месторождений, сколько в резервировании запасов под будущую разработку.

Однако для достижения стоящих перед ними задач, китайские сырьевые компании разворачивают свою деятельность и в промышленно-развитых странах. Одним из наиболее показательных примеров выступает Австралия, которая является крупнейшим экспортером железной руды. Этот факт не мог не привлечь пристального внимания Китая, в котором за 2004-2007 гг. закупки указанного сырья возрастали в среднем на 27% в год. В 2006 г. китайская компания «Shougang» приобрела долевое участие в разработках железной руды на территории Австралии, а в 2007 г. китайская сталелитейная компания «Ansteel» и австралийское железнорудное предприятие «Gindalbie» договорились об инвестировании 1,8 млн. долл. США в создание совместного предприятия в Западной Австралии. Крупная китайская сталелитейная компания «Sinosteel» ведет переговоры о покупке за 1,2 млрд. долл. США западноавстралийской компании «Midwest». Кроме того, китайские компании разрабатывают целый ряд более масштабных инициатив, направленных на обеспечение доступа к сырьевым ресурсам Австралии. Так, Государственная гор-

нодобывающая и металлургическая компания «Chinalco» совместно с американской «Alcoa» планирует приобрести 9%-ый пакет акций «Rio Tinto», являющейся одним из трех крупнейших игроков на мировом железорудном рынке. В результате подобных действий в 2007 г. поставки железной руды из Западной Австралии в Китай достигли в стоимостном выражении 8,5 млрд. австрал. долл., что составляет значительную часть государственного бюджета Австралии. Тем не менее, пока доля Китая в экспорте из Австралии составляет лишь 14%, а в качестве источника прямых зарубежных инвестиций эта страна занимает только 17 место [1; 4].

Значительно более серьезное значение Китай и его агрессивная внешне-экономическая стратегия имеют для развивающихся стран, особенно Африканского континента. В этой группе стран одной из наиболее богатейших минеральным сырьем является ДР Конго. В 2007 г. правительство этой страны объявило о намерениях китайских государственных компаний построить или модернизировать местные железные и автомобильные дороги, в также горнодобывающие предприятия (стоимость проектов оценивается в 12 млрд. долл. США) в обмен на получение права разрабатывать месторождения медной руды. Примечательно, что указанная сумма более чем в три раза превышает годовой бюджет ДР Конго и примерно в 10 раз помощь, обещанную западными финансовыми донорами [4, с. 5].

В настоящее время Китай пока отстает от некоторых других государств по объему инвестиций в экономику Африки. Приток прямых китайских капиталовложений на континент в 2005 г. не превышал 1,2 млрд. долл. США из суммарных 29 млрд. долл. США, поступивших туда. Однако 10-кратное увеличение с 2003 г. позволяет прогнозировать скорый выход Китая в число лидеров по данному направлению деятельности.

Наиболее успешным для Китая является сотрудничество со странами с ограниченным участием в международной системе торгово-экономических связей. Для стран, в отношении которых действуют международные санкции, в частности Мьянма и Судан, Китай превратился в наиболее важного и стратегического партнера.

До 1995 г. Судан, имея богатые залежи нефти, был нетто-импортером этого сырья. В 1997 г. США ввели санкции в отношении Судана, исключаящие, помимо прочего, возможность работы в этой стране крупнейших нефтяных ТНК. Однако годом ранее китайские фирмы инвестировали в экономику этой страны 15 млрд. долл., большая часть из которых была направлена в поисково-разведочные работы и эксплуатацию месторождений нефти. В результате Судан стал одной из стран, в которых Китайская национальная нефтяная корпорация смогла приобрести значительную долю в разработке перспективных месторождений и управлять ими напрямую. В настоящее время 10% импорта нефти Китая поступает именно из этой африканской страны, которая поставляет китайской стороне около половины всей добываемой нефти [3].

Важно отметить высочайшую активность, часто связанную с огромным риском и затратами, с которыми китайские компании идут укрепление своей

сырьевой базы за счет внешних источников. Китайское руководство настолько активно стремится добиться обеспечения своей страны минеральным сырьем, что готово инвестировать миллиарды долларов, например в экономику ДР Конго, в которой еще не преодолены тяжелые последствия военных действий. Благодаря подобной политике Китай активно теснит из Африки промышленно-развитые страны, что значительно уменьшает их экономическое и политическое влияние в этом регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авдокушкин, Е.Ф.* Конкурентоспособность китайской экономики в глобализирующемся мире / Е.Ф.Авдокушкин // Экономика и политика. – 2007. – № 2. – С.12-20.
2. *Данильченко, А.В.* Транснационализация промышленного и банковского капитала / А.В.Данильченко, Д.С.Калинин, О.Г.Ковшевич. – Минск: БГУ, 2007.
3. *Дегтерев, Д.* Китай – Африка: важные аспекты отношений / Д.Дегтерев // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 5. – С. 83-91.
4. Курс Китая на укрепление сырьевой базы за счет внешних источников // Бюлл. иностран. коммерч. информ. – 2008. – № 47. – С. 1, 4-5, 12, 16.

Освоение современной лингвистикой все большего числа языков за пределами европейской части континента неизбежно привело к тому, что лингвистическая типология стала прочно ассоциироваться с "выяснением наиболее общих закономерностей различных языков, не связанных между собой общим происхождением или взаимным влиянием"¹. Без сопоставления и единого стандарта описания антитетических языков, какими, например, являются китайский и русский², невозможно увидеть единство глоттогонического процесса и создать более точное представление о человеческом Языке, изучать который призывал Р. Якобсон. Поскольку наука существует не ради науки, а ради людей, актуальность любого нового научного исследования определяется, с одной стороны, конкретными практическими задачами, с другой – отсутствием их удовлетворительных решений. Актуальность сопоставления китайского и русского языков обусловлена как потребностями практики в совершенствовании процесса обучения китайскому языку русской аудитории и русскому – китайской, так и недостаточной изученностью словообразовательных систем двух языков в контрастивном аспекте³. Не умаляя важности методики и дидактики, подчеркнем: в учебном процессе главное то, *чему* обучать, лишь потом *как* обучать. К сожалению, порой не только педагоги, но и типологи склонны цель подчинять выбранным средствам, а не выбор средств – цели. Когда "объект изучения теряет свою определенность, все внимание ученых сосредоточивается на методах, и тогда возникает квазинаука, которая, по остроумному выражению Эйнштейна, «отличается совершенством методов и неясностью целей»"⁴. Героические попытки Дж. Байби, А.Ченки, А.Айхенвальд, Г. Зенфта и др. сравнивать пятьдесят и более незнакомых языков пока не найдено единое основание сопоставления хотя бы двух неблизкородственных, равносильны описаниям мест, где А.С. Пушкин не был, вместо тех, где он был. При таком подходе типология уподобляется динозавру Э. Дейкстра: вытаскивая из болота одну ногу, погружает в него три другие. Акцент на различия лишь усиливает недоверие к основаниям теории универсалий, и в частных разделах языкознания продолжают множиться несовместимые и несопоставимые описания этнических языков. В монографии "Типология словообразования китайского и русского языков" (см. разделы, посвященные актуальности, научной новизне и зна-

¹ Типология (лингвистика) // Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – 2010. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Лингвистическая_типология. Дата доступа 14.11.2010.

² Иероглифический аналитический палеоевразийский дальневосточный vs. фонетический синтетический ностратический восточноевропейский.

³ См. труды В. Н. Ярцевой.

⁴ Цит. по: Мартынов, В.В. Семиологические основы информатики / Мартынов В.В. – Минск: Наука и техника, 1974. – С.4.

чимости полученных результатов) [1] уже говорилось о подобных трудностях. Современная типология не располагала единым стандартом контрастивного анализа словообразовательных систем китайского и русского языков¹. Ни один из принятых в китайском и русском словообразовании методов не подходил для унификации оснований сопоставления, без чего исследование невозможно было даже начать, и, тем более, его завершить. Потребовалось выходить за пределы китайского и русского языкознания и многие вопросы решать заново в процессе работы². Например, в китайском словообразовании господствует точка зрения, что сложное слово отличается от словосочетания тем, что внутрь его нельзя вставить другое слово, например, 火车 *huǒchē* 'паровоз' является сложным словом, а 生气 *shēngqì* 'сердиться' – словосочетанием, потому что можно сказать 生他的气 *shēng tāde qì* 'сердиться на него', но тогда русские устойчивые словосочетания типа *записная книжка, железная дорога, белый медведь* также придется считать сложными словами, потому что внутрь их также нельзя вставить другие слова. Вряд ли подобная трактовка приемлема, поскольку каждый компонент в перечисленных сочетаниях имеет собственное морфологическое оформление. В русском же словообразовании господствует точка зрения, что у слов обязательно должны быть формальные показатели категориальности, причем, как заметили авторы "Словаря морфем русского языка" А.И. Кузнецова и Т.Ф. Ефремова, "дериватологи склонны считать все случаи существенного изменения значения слова достоянием истории (при этом ориентация бывает лишь на языковое чутье самого исследователя)" [2, с. 7]. Отсюда трактовка образования слов *мякотелый, водопровод, газопровод* как сложений с нулевым суффиксом. Правда, некоторые исследователи, например, Бодуэн де Куртенэ, О.Н. Трубачев, В.В. Мартынов, считают, что словообразование всегда диахронно. Их точка зрения нам близка. "О недоступном для наблюдения, – писал Бодуэн де Куртенэ, – мы не должны утверждать ничего такого, что не опиралось на изучение доступного наблюдению. Мы обязаны всегда придерживаться ретроспекции с переходом от известного к неизвестному, но никоим образом наоборот" [3, с. 45-57].

В китайском языке отсутствуют морфология и части речи, как их понимают в западном языкознании, поэтому несопоставимыми оказываются не только оптические формы знаков китайского и русского языков (иероглифы

¹ См., например, такие авторитетные издания, как 《现代汉语八百词》 в Китае и «Русская грамматика» в России.

² Сопоставление компонентов семантической структуры и формы китайских и русских языковых знаков осуществлялось с опорой на формальный аппарат наивной теории множеств. "Всякая научная теория настолько научна, – писал Ф.Энгельс, – насколько она математизирована". Традиция использовать аппарат теории множеств в лингвистике восходит к трудам Б. Рассела, Л. Витгенштейна, А. Уайтхеда, Г. фон Вригта, Г. Рейхенбаха, Р. Карнапа, К. Айдукевича и других представителей лингвистической философии. Выдающийся итальянский математик Дж. Пеано вообще склонялся к мнению о том, что теория множеств – скорее лингвистика, чем математика. С помощью аппарата теории множеств удалось, например, детально описать копулятивную модель словообразования, включая такие ее разновидности, как аппликативная, идемпотентная, эквивалентная, дивергентная и конвергентная.

и буквы), но и акустические (фонологические слоги и фонемы). Прочитав авторитетного китайского лингвиста Ван Ли: "Частями речи называются слова, выделяемые в некоторые классы по форме, значению и функции. Особая роль в этом определении отводится форме... Если следовать рассматриваемому определению, то можно сказать, что в китайском языке части речи отсутствуют, так как в нем нет ни склонения существительных, ни спряжения глаголов и т.п." [4, с. 37]. В китайском языке иероглиф довлеет над формой знака, обеспечивая тем самым прозрачность деривации и близость к праязыку. Фонологический слог фиксирован и произвольным образом поставлен в соответствие каждому пиктографическому иероглифу, причем и тот, и другой выступают в роли морфем. Это происходит потому, что китайский оптический знак, в отличие от русского, не является производным от акустического. Означающее китайского письменного знака напрямую соотносится с означаемым, превращая китайский письменный и китайский устный, по сути дела, в разные языки¹. Хорошим примером здесь могут послужить цифры в математике: каждый народ их читает по-своему, но при этом все понимают, что они означают. Отсюда отсутствие в китайском письменном языке репрезентантов фонем. Составить же инвентарь фонем китайского устного языка невозможно из-за тонем, которые переводят все гласные фонемы в фонологические слоги (см. работы Н.А.Спешнева) [5]. Именно по этой причине из общей типологии были исключены фонетический, морфолого-фонетический и другие связанные с ними способы образования слов. В противном случае работа представляла бы собой механическое соединение двух описанных в разных стандартах типологий с бесполезной констатацией различий.

Единый метод сопоставления словообразовательных систем китайского и русского языков должен был опираться на абсолютные лингвистические универсалии, и их следовало искать в сфере семантики и синтаксиса. Ориентирами послужили теории Ю.С. Степанова о метаморфизме языковых уровней [6], А.В. Исаченко о семантической конденсации [7] и, главным образом, Я. Розвадовского о явной и скрытой двухкомпонентности языкового знака [8]. Суть последней теории, получившей дальнейшее развитие в работах В.В. Мартынова [9] и А.Н. Гордея², заключается в том, что новый знак порождается из, как минимум, двух других, находящихся в отношении определяющее – определяемое, путем свертки в пользу определяющего с возможным его сокращением, затемнением и морфологическим изменением: *хвойный лес* → *хвой-ник*, *сделать сильнее* → *у-силить*, *исполняющий музыкальные произведения* → *музык-ант*, *довести до конца* → *до-кончить*. Для этого процесса не имеет значения, из какой части речи заимствованы участвующие

¹ Более подробно об этом см.: Гордей, А.Н. Принципы исчисления предметных областей / А.Н. Гордей. – Минск: БГУ, 1998. – С.17-18; Он же. К уточнению дихотомии языка и речи // Беларусь в современном мире: материалы I Респ. науч. конф., Минск, 22-23 окт. 2002 г. / Бел. гос. ун-т; редкол.: А.В. Шарапо [и др.] – Минск, 2003. – С.155-157.

² Гордей А.Н. Части языка и процедуры их разграничения / А.Н. Гордей // Пути Поднебесной. – Минск: БГУ, 2006. – Вып.1. – Ч.1. – С.69-75; Он же. Метасемантика языковых категорий / А.Н. Гордей // Вторые чтения, посвященные памяти профессора В.А. Карпова. – Минск: БГУ, 2008. – С.19-24.

в порождении нового знака лексические компоненты, существенным является лишь то, что у определяющего лексическое значение сохраняется, а у определяемого – утрачивается. "Любой знак вообще, – отмечает В.В. Мартынов, – должен в конечном счете восходить к какому-то породившему его знаку, снабженному модификатором. Например, знак *ушанка* можно возводить к *шапка-ушанка*, *шапка с ушами*, но словосочетание **ушная шапка* не отмечено в русском языке. Однако это роли не играет, поскольку *с ушами* является таким же модификатором к *шапка*, как и *ушная*. Дело только в том, что в таких случаях преобразование носит сугубо семантический характер" [10, с. 58]. Прозрачность семантической структуры знака зависит от степени семантической конденсации: при максимуме двухкомпонентность полностью затемняется, и для ее обнаружения потребуются этимологические исследования, как в слове *бор* (русск. цслав. *боръ*, по-видимому, основа на -у; болг. *бор* 'сосна', ср.-болг. собир. *боровие* "сосник" – 'сосновый лес'), при минимуме она представлена в явном виде, как в сложных словах *газопровод* (то, что проводит газ), *водопад* (место, где падает вода). Из сказанного следует, что так называемая конверсия есть вырожденный случай аффиксации, когда определяемый компонент знака полностью стерт, что влечет сохранение морфологического форманта у определяющего: *булочн-ая лавка* → *булочн-ая-ø*, *столов-ая комната* → *столов-ая-ø* [11, с. 178]. Как только степень семантической конденсации понижается, тут же появляется остаток определяемого компонента в виде аффикса: *столовая комната* → *столов-ка*. Отсюда понятно, почему прилагательное *столовая* вопреки своей морфологии вдруг стало употребляться в предложении как существительное в роли обстоятельства места: *Они пошли обедать в столовую*. В связи с тем, что при конверсии действуют те же семантические механизмы, что и при аффиксальном словообразовании, она отдельно не рассматривается.

После того, как новый знак порожден, его языковой статус (принадлежность к определенной части речи) в морфологических языках обычно закрепляется морфологическими формантами: *хвойн-ик-ом*, *музыкант-ом*, *усил-и-л*, *докон-ч-и-л*, *водопад-ом*, *газопровод-ом*. Это заставляет по-иному взглянуть на словоизменяемые морфемы. Отсутствие строгой границы между словообразовательными и формообразовательными аффиксами следует из теории межуровневого метаморфизма Ю.С. Степанова, согласно которой варианты лексем способны к одинаковым трансформациям в пределах соответствующих минимальных синтагматических отрезков, т.е. некоторый грамматический признак обладает способностью принадлежать разным словам. Ретроспективное расщепление знака на определяющий и определяемый компоненты в конечном итоге приводит к истокам языковой системы – междометиям, звукоподражаниям и т.д. Если признать эволюционную теорию Ч. Дарвина и биогенетический закон Э. Геккеля об онтогенезе как кратком повторении филогенеза, то явления морфологического метаморфизма легко проследить в речи ребенка. Е.И. Негневицкая и А.М. Шахнарович приводят следующий пример распознавания ребенком словесной структуры: "Слово *тпру*, означающее сначала и предмет (лошадь), и действие (поедем, остановить), и желание по-

кататься, приобретает фиксированный в языке суффикс существительного и начинает в таком виде обозначать только предмет (*тпрука*)" [12, с. 33].

Таким образом, проблемы чередований *оло ~ ла* в словах *холод ~ хладокомбинат*, предложного префикса *без(с)-* в словах *бездушный, бессильный*, интерфиксов в словах типа *малоизвестный*, нулевых суффиксов в словах *мягкотельный, водопад, газопровод* и связанные с ними вопросы о правомерности отнесения подобного "сложно-суффиксального типа" к безаффиксальному в семантическом словообразовании не возникают – именно поэтому удалось выработать единые критерии сопоставления столь далеких друг от друга языков, каковыми являются китайский и русский. А вот в морфологическом словообразовании отсутствие строгой границы между частями речи в синхронии и диахронии приводит к тому, что проблема формальной мотивированности производного во многих случаях не имеет однозначного решения. Например, А.Н. Тихонов допускает разные пути образования следующих слов: *продырявить* → *продырявиться* → *продырявливаться* или *продырявить* → *продырявливать* → *продырявливаться*; *быстрый* → *быстренький* → *быстренько* или *быстрый* → *быстро* → *быстренько* [13], П.А. Соболева предлагает шесть трактовок для образования прилагательного *безгрешный* [14]. Как выразился Ф. Шимкевич, "каждый судит по-своему; а кто на всех угодил, тот еще не родился"¹.

Здесь же отметим, что нет серьезных научных оснований для отдельного описания образований адъективных сложных слов на базе глаголов, наречий, местоимений и числительных, во-первых, потому что прилагательные, глаголы и наречия обнаруживают семантическую близость, во-вторых, потому что часть местоимений и числительных относится к существительным (*я, пять, то*), а часть – к прилагательным (*мой, пятый, тот*). Ср. высказывание А.А. Зализняка: "Что касается местоимений, то, как известно, современная лингвистика, вопреки традиционному взгляду, обычно не признает их самостоятельной частью речи" [15, с. 6]. В.В. Мартынов идет еще дальше, обращая внимание на металингвистический характер местоимений и числительных [10, с. 54]. В лингвистике распространенная классификация частей речи не раз подвергалась критике. "Мы имеем дело с неточной и неполной классификацией; деление слов на существительные, глаголы, прилагательные и т.д. не есть бесспорная языковая реальность", – писал Ф. де Соссюр [16, с.142], "Что касается определений [частей речи], то они очень далеки от степени точности, характерной для эвклидовой геометрии", – указывал О. Есперсен [17, с. 62], "То деление на части речи, какое принято в наших грамматиках (и перешло к нам от древних грамматиков), представляет смешение грамматических классов слов с неграмматическими их классами и поэтому не может иметь научного значения. Например, 1) глагол, 2) имя существительное, 3) местоимение в русском, греческом и латинском языках не представляют соотносительных классов слов в грамматической классификации слов..., но и в неграмматической классификации они также не образуют соотносительных классов слов, так как, например, различие между именем су-

¹ Цит. по: Кузнецова, А.И. Словарь морфем русского языка... С.7.

ществительным и местоимением по неграмматической основе не имеет ничего однородного с различием между именем существительным и глаголом", – подчеркивал Ф.Ф. Фортунатов [18, с. 166], а Л. Теньер о частях речи отзывался так: "Эта классификация, основывающаяся на смутном и бесплодном эмпиризме, а не на точной и плодотворной теории, не выдерживает никакой критики. <...> Хорошая классификация не должна строиться одновременно на нескольких признаках. Следует различать главные признаки и второстепенные. Главные признаки подчиняют второстепенные. Благодаря принципу подчинения классификационных признаков, устанавливается иерархия критериев" [19, с. 62-63]. Противоречия в основаниях учения о частях речи и необходимость смены парадигмы стали очевидными, когда в поле зрения современной лингвистики начали попадать восточные языки (см. концепции *субстантива* и *предикатива* Чжао Юаньжэня [20], *топика* и *комментария* Ч. Ли и С. Томпсон [21], *тайгена* и *ёгена* В.В. Мартынова [9]).

Известный российский китаевед А.А. Драгунов выделял лишь три знаменательные части речи: имя (существительное + числительное), предикатив (прилагательное + глагол) и наречие [22, с. 12]. А.М. Карапетьянц утверждает, что все китайские слова в исходном состоянии обозначают признак и не содержат глагольной или именной семантики [23, с. 30-34]. А.Н. Гордей отказывается от использования греко-латинской классификации частей речи в типологических исследованиях [24]. С ним солидарен В.А. Курдюмов [25]. Под сомнение ставится не только морфологическая, но и семантическая процедура разграничения частей речи в греко-латинской традиции. Дело в том, что глаголы обнаруживают семантическую близость с прилагательными и наречиями при замене в их семантике переменного признака постоянным: *веселить* → *веселящий* → *веселый*. Е. Курилович показал, что в современном русском языке вторичным образованием является краткая форма прилагательного, а не полная, т.е. *веселый* → *весел* [26, с. 60]. Источником развития наречий послужила краткая форма прилагательного среднего рода: *он весел, она весела, оно весело*. Близость краткой формы прилагательного глаголу отмечают многие русские грамматисты¹. В других языках, например, в японском, исходной является краткая форма прилагательного, но это сути дела не меняет, и почти все японские лингвисты, включая таких именитых, как Судзуки Акира, Тодзэ Гимон и Киэда Масуити, объединяют глагол, прилагательное и наречие в одну часть речи².

Противоречия в определениях частей речи обнаруживаются при первой же попытке их практического использования: если *глагол* – это часть речи, обозначающая действие или состояние и отвечающая на вопросы "*что делает предмет?*" или "*в каком состоянии предмет находится?*", тогда к какой части речи относятся слова *ремонт, бег, погрузка, чтение, радость, забота?*

¹ См.: Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – М.-Л.: Учпедгиз, 1947. – С.265-270.

² См.: Фельдман, Н.И. Комментарии к книге Киэда М. Грамматика японского языка / Н.И. Фельдман // Киэда М. Грамматика японского языка. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – Т.1. – С.639-670.

Очевидно, что они обозначают действие или состояние, но отвечают на вопрос "что?", характерный для морфологии существительного. Мало того, они имеют род и изменяются по числам и падежам, как и другие существительные. В итоге их называют существительными, то есть семантический принцип выделения частей речи в грамматиках русского языка лишь декларируется – преимущество все равно отдается морфологическому, что сразу исключает части речи из категории типологических универсалий: таких "частей речи" в китайском языке нет. Однако проблемы на этом не заканчиваются. Если *ремонт* существительное, тогда как объяснить синтаксис сочетания *ремонт автомашин*? Известно, что в русском языке имена согласуются в роде числе и падеже, здесь же одно имя *ремонт*, словно глагол, управляет другим именем *автомашин*. С точки зрения частей речи – это досадное исключение, "языковой парадокс", а с точки зрения частей языка – стандартный синтаксис, ибо ёгенам вне зависимости от их формы свойственно сочетаться с тайгенами. Новая теория тогда чего-либо стоит, если она выясняет все, что выясняла старая, плюс то, что старая выяснять не могла. Со времен атомистов парадигма в физике менялась много раз, лингвистика же никак не справится с противоречиями в греко-римских частях речи.

Теоретическая семантика не может остановиться на полпути, она, по справедливому замечанию Анне Вежбицкой, "должна довести минимизацию (reduction) до конца, до тех пор, пока не дойдет до таких составляющих человеческих высказываний, которые уже просто не могут быть подвергнуты дальнейшему разложению" [27, с. 244]. В основу выделения частей языка положен семантический критерий, причем семантический критерий, проверяемый процедурно и подтверждаемый синтаксически¹, иначе исследователь окажется в плену принципа дополнительности Н. Бора и просто припишет знаку ту или иную семантическую категорию. Например, процедура различия семантики знаков *скапливать* и *накапливать* состоит в том, что первый обозначает концентрацию чего-либо на поверхности объекта, а второй – внутри него, поэтому мы никогда не скажем **скапливать знания* или **сколько народу у дверей накопилось*. Если последовательно применять семантический критерий в разграничении элементов языковой системы и строго следовать правилам вывода, то неизбежно придешь к пониманию частей языка как подмножеств языковой системы, элементами которых являются знаки с общим предельно абстрактным значением². Здесь мы не открываем ничего нового, лишь, выражаясь словами Конфуция, "возрождаем утраченное".

Совсем недавно информатика предложила модель виртуального пространства, построенную на двоичном коде, а теоретическая физика – модель пульсирующей вселенной³. Знаменитую китайскую "Книгу перемен" Лейб-

¹ Подробно об этом см.: Гордей, А.Н. Метасемантика языковых категорий... С.19-24.

² **Тайгены** обозначают индивидов в модели мира, **ёгены** – признаки индивидов.

³ Пригожин, И. От существующего к возникающему / И. Пригожин. – М.: Наука, 1985. – 327 с.; Он же. Переоткрытие времени / И. Пригожин // Вопросы философии. – 1989. – № 8. – С.3-19; Он же. Порядок из хаоса / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Прогресс, 1986. – 431 с.

ниц изучал всю жизнь и был абсолютно уверен в том, что в ней представлено двоичное исчисление, которому предрекал великое будущее. Развертка *Великого предела* через рекомбинацию *Инь* (пассивного начала) и *Ян* (активного начала) пронизывает всю китайскую классическую философию¹. Естественно, "между логикой, устанавливающей законы мышления, и грамматикой, устанавливающей законы языка, должно существовать соответствие" [28, с. 10], на что обращали внимание многие исследователи, в том числе Цзинь Чжаоцзы и М.В. Софронов, отсюда *тицы* "слова-субстанции" и *сянцы* или *юнцы* "слова-атрибуты" [28, с. 10] – *тайгэны* и *ёгэны* в японском прочтении иероглифов 体言 и 用言, а фактически – аналоги *Инь* и *Ян* в лингвистике, т.е. языковые знаки множества *Инь* (предметности, статики) и множества *Ян* (признаковости, динамики). Древние китайцы никакого представления о морфологии не имели и разграничивали языковые знаки по сути, т.е., по семантике. К сожалению, после грамматики Ма Цзяньчжуна² китайское языкознание в подражание европейской лингвистической традиции почти отказалось от своего исторического наследия, хотя сомневаемся, чтобы китайские языковеды под термином 动词 *dòngcí* понимали то же, что русисты под термином *глагол*. Кстати, под терминами *тайген* и *ёген* мы понимаем не только 词 *cí* 'слово', но и 字 *zì* 'иероглиф', а также устойчивые сочетания слов 词组 *cízǔ*. Японские же лингвисты сохранили заимствованную у китайцев терминологию, правда, во многих случаях также подвергшуюся европеизации (см. грамматику Оцуки Фумихико, 1891). В любом случае, термины *тицы* и *юнцы* и их японские варианты *тайген* и *ёген* были введены в научный оборот намного раньше европейских *субстантива* и *предикатива*, к тому же в разряд последнего включаются лишь глаголы, прилагательные и иногда предикативные наречия. "Проблема частей речи обсуждалась 50 лет, – пишет Ци Гуйянь, – и это обсуждение не принесло никаких результатов... Система грамматики китайского языка, которую создал Ма Цзяньчжун в подражание европейским языкам, уже более 80 лет ведет нашу науку о китайском языкознании окольным путем. Сегодня пора вернуться на тот путь, по которому должны пойти исследования по китайскому языку" [29].

Отдельно остановимся на концепции Ф. де Соссюра о немотивированности знака, занимающей важное место в типологии словообразования. Основоположник европейской лингвистики разрабатывал ее, исходя, прежде всего, из фактов европейских языков, к которым относится и русский. Если бы Ф. де Соссюр учитывал иероглифические языки, то окончание его знаменитого высказывания язык есть "система знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа" [16, с. 53] звучало бы "акустического или оптического образа". Этот образ ассоциируется с понятием о факте мира либо по внешнему с ним сходству (*Петухи уже прокука-*

¹ Из современных работ на эту тему см.: Гуань, Сючай. Иллюстрированный гадательный И Цзин. – М.: "Издательство Астрель": "Издательство АСТ", 2001. – 512 с.

² Имеется ввиду: Ма, Цзяньчжун. Ма ши вэньтун цзяочжу (Грамматика господина Ма). – Шанхай, 1956.

рекали), либо по смежности с ним (*У него в столе лежал наган*). Немотивированность знака следует понимать как потерю мотивированности. При таком подходе триаду знаков Ч. Пирса (знаки-символы, знаки-индексы и иконические знаки)¹ можно свести к знакам-символам. Их и рассматривал Ф. де Соссюр².

Девяносто шесть процентов лексики китайского языка образованно путем сложения корней или основ знаков, поскольку в китайском языке корень равен основе, по типу русских *самолет* (то, что само летает), *пароход* (то, что ходит при помощи пара), *тепловоз* (то, что возит посредством тепла). Мотивированность этих слов очевидна. В русском же языке большинство слов образованно аффиксальным способом, а у аффиксов, как известно, лексическое значение стерто грамматическим. Мало кто из носителей русского языка в настоящее время соотнесет суффикс *-чик* с лексемой *человек* в слове *летчик* (т.е. *летающий человек*). Гораздо хуже обстоит дело с суффиксом *-чик* в слове *счетчик*, но тут употребление суффикса еще можно объяснить семантической заменой первого субъекта действия (человека) на второй субъект (инструмент). А вот для объяснения появления суффикса *-ник* в словах *хвойник*, *покойник*, *рукомойник* придется проводить целые этимологические исследования (см. также приведенный ранее пример анализа слова *бор*). Поэтому в основе китайского словообразования лежит открытая (прозрачная) деривация, а русского – скрытая (затемненная). Попутно отметим, что работы И.С. Улуханова выполнены в другой плоскости и рассматриваемых вопросов не касаются³.

"Знание тогда знание, – писал Шри Ауробиндо, – когда оно пережито". Проблемы определения синтагматического и парадигматического статуса морфем (свободные или связанные, знаменательные или служебные, корневые или полуаффиксальные, обозначающие предмет или его признак) отнюдь не являются тривиальными в китаистике, потому что немедленно приводят к смещению уровня и метауровня лингвистического анализа и, как следствие этого, к знаменитому логическому парадоксу Б. Рассела. На опасность смешения теории и метатеории не раз обращали внимание Л. Ельмслев и У. Вейнрейх. В качестве примера приведем лингвистический парадокс К. Греллинга и Л. Нельсона: "Прилагательное называется *автологическим*, если свойство, которое оно обозначает, присуще ему самому. Прилагательное называется *гетерологическим*, если свойство, которое оно обозначает, ему самому не присуще. Так, например, прилагательные "многосложный", "русский" являются автологическими, а прилагательные "односложный", "французский" – гетерологическими. Рассмотрим прилагательное "гетерологический". Если это прилагательное гетерологично, то оно негетерологично, если же оно негетерологично, то оно гетерологично. Итак, в любом случае прилагательное

¹ См.: Пирс, Ч.С. Элементы логики. *Grammatica speculativa* / Ч.С. Пирс // Семиотика: Антология. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С.165-226.

² Более подробно об этом см.: Гордей, А.Н. К уточнению дихотомии языка и речи / А.Н. Гордей // Беларусь в современном мире: материалы I Респ. науч. конф., Минск, 22-23 окт. 2002 г. / Бел. гос. ун-т; редкол.: А.В. Шарапо [и др.] – Минск, 2003. – С.155-157.

³ См.: Улуханов, И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / И.С. Улуханов. – 4-е изд. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.

"гетерологический" является гетерологическим и негетерологическим одновременно" [30, с. 7-9]. Наука заканчивается там, где начинается противоречие, поэтому Э. Бенвенист, размышляя над парадоксальностью языка, утверждал, что противоречив не язык, а взгляд исследователя на язык: "Вообразить существование такой стадии в развитии языка, пусть сколь "первобытной", но тем не менее реальной и "исторической", когда какой-либо предмет *обозначался бы* как таковой и в то же время как любой другой и когда *выражаемое* отношение было бы отношением постоянного противоречия, отношением непринадлежности к системе отношений, когда все было бы самим собой и одновременно чем-то совершенно иным, следовательно, ни самим собой ни другим, – значит вообразить чистейшую химеру" [31, с. 122-123]. Как тут еще раз не вспомнить принцип дополнительности Нильса Бора: чем глубже ученый погружается в объект исследования, тем сильнее изменяет его.

Форма знаменательных и служебных морфем в китайском языке одинакова, поэтому главным критерием их разграничения должна быть семантика. С точки зрения семантики, корни и аффиксы отличаются тем, что первые имеют лексическое значение, вторые нет. Следовательно, оппозиция корень – полуаффикс уместна лишь тогда, когда, используя терминологию К. Пайка [32], ядерное значение (*central mining*) у противопоставляемой корню морфеме стерто, а периферийное (*marginal mining*) сохранилось. Стертость ядерного значения отличает полуаффикс от корня, а наличие периферийного – от аффикса. Например, компонент 老 *lǎo* в китайском знаке 老鼠 *lǎoshǔ* 'крыса' утратил свое ядерное значение 'старый', но сохранил периферийное, причем не ближнее, а дальнее: 'старый' → 'уважаемый' → 'значимый' (с крысы начинается двенадцатеричный цикл *земных ветвей* в китайском лунном календаре, отсюда и появление у знака *shǔ* 'крыса' префиксоида 老 *lǎo*). В остальных случаях употреблять термин *полуаффикс* или его синоним *аффиксоид* можно лишь в метафорическом смысле, например, применительно к русским *-вод, пан-, -образный*, которые на самом деле являются усеченными корнями, т.е. *квазиаффиксоидами*. Кстати, ошибочное понимание полуаффиксов как усеченных корней можно найти в Интернете: "Аффиксоид – корневая морфема, выступающая в функции аффикса (префикса или суффикса). *Полусон* (префиксоид *полу-*). *Литературовед* (суффиксоид *-вед*)"¹. Проблема полуаффиксов неоднократно обсуждалась на кафедре языкознания и страноведения Востока БГУ и в настоящее время именно таким образом подается в курсах практической и теоретической грамматики китайского языка².

Теперь прокомментируем образование слов типа *бездушный, бессильный, безгрешный* с возможно более полной семантической экспликацией: 'тот, кто не имеет души' (два определяющих компонента, один из которых вложен в другой: вложенный определяющий компонент *душ-а* по отноше-

¹ Розенталь, Д.Э. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс]. – 2011. Режим доступа: http://www.classes.ru/grammar/114.Rosental/html/unnamed_81.html. Дата доступа 10.04.2011.

² См.: Гордей, А.Н. Китайский язык: Учеб. программа / А.Н. Гордей. – Минск: БГУ, 2002. – 13 с.

нию к *не им-е-ть*, содержащий вложение определяющий компонент *кто не имеет души* по отношению к *тот*) → *без-душ-* (свертка в усеченный корень *без-* определяемого компонента *не иметь* в пользу определяющего *душ-а* во вложении; *без-* квалифицируется как усеченный корень, поскольку его целый аналог (с полной просодией) может естественным образом выступать в роли самостоятельного предложения: *Ты ел бутерброд с сыром?* – *Без*, что показывает наличие в морфеме *без* ядерного лексического значения *не иметь, быть вне*; об особом статусе морфемы *без* свидетельствует ее родственность др.-инд. *bahís* 'вне', *bahir-dhā* 'снаружи'¹, а также присутствие в русском языке слов *бездна*, *ликбэз* и производных) → *без-душ-н-* (свертка в суффикс *-н-* определяемого компонента *тот* в пользу определяющего *без-душ-*; первая свертка предшествует второй, потому что отношения между вложенным и содержащим вложение компонентами характеризуются как уровень и метауровень, допущение же параллельного протекания сверток приводит к смешению уровней и, следовательно, к логическому парадоксу Рассела) → *без-душ-н-ый* (оформление комплекса морфологическим формантом прилагательного). Первая свертка квалифицируется как сложная, вторая – как сложно-суффиксальная.

Подчеркнем, что вопрос о разграничении сложных слов и словосочетаний в китайском языке не принципиальный, главным является разграничение свободных и устойчивых словосочетаний (номинативных единиц). Отличаются номинативные единицы от свободных сочетаний воспроизводимостью в языковой системе (*репродуктивностью*). Само "сложное слово" в европейском понимании этого термина есть не что иное, как частный случай номинативной единицы, ее свертка в пользу определяющего компонента – носителя нового значения: 北京高大学校 *Běijīng gāodà xuéxiào* букв. '*Северной столицы большое высшее учебное заведение*' → 北京大学 *Běijīng dàxué* букв. '*Северной столицы большое учебное*' → 北大 *Běidà* букв. '*Северный большой*' – Пекинский университет. Поскольку в китайском языке доминирует безаффиксальное словообразование (корнесложение), дополняемое полуаффиксальным и, в очень ограниченном виде, аффиксальным, между компонентами сложных слов и словами в соответствующих словосочетаниях обычно существуют однотипные отношения, поэтому нет большой необходимости их различать². Конечно, при желании это можно сделать: сложное слово отличается от устойчивого словосочетания не только наличием свертки в пользу модификатора (семантический признак), но и невозможностью перемены мест компонентов без искажения значения (синтаксический признак). Ср. рус.: *железная дорога* и *дорога железная*, но *водопад* и **падовод*; кит.: 青年 *qīngnián* и 年青 *niánqīng* '*молодость*' букв. '*легкие годы*' vs. '*годы легкие*'³, но

¹ См.: Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер.– 4-е изд. – М.: "Издательство Астрель": "Издательство АСТ", 2004. – Т.1.

² См. работы по морфемной контракции: Кленин, И.Д. Проблема морфемной контракции в современном китайском языке / И.Д. Кленин // Языковые контексты: структура, коммуникация, дискурс. – М.: Военный университет, 2007. – С.218-221.

³ См.: 汉俄词典。—北京：商务印书馆，2008。—第 651 页。

火车 *huǒchē* букв. 'огненная повозка' (паровоз) и *车火 *chēhuǒ* букв. 'тележный огонь'.

Сложная аббревиация (контракция) отличается от простой тем, что в результате ее полностью затемняется внутренняя форма производного слова. Ср.: 莫斯科高大学校 *Mòsīkè gāodà xiéxiào* букв. 'Московское большое высшее учебное заведение' → 莫大 *Mòdà* (словарные значения компонентов: 莫 *mò* 'нет', 大 *dà* 'большой') – 'Московский государственный университет' – сложная аббревиация (контракция) и 清华高大学校 *Qīnghuá gāodà xiéxiào* букв. 'Большое высшее учебное заведение «Цинхуа»' → 清华 *Qīnghuá* (имя собственное «Цинхуа») – Университет «Цинхуа» – простая аббревиация; БГУ – Белорусский государственный университет или Бурятское геодезическое управление – сложная аббревиация и Белгосуниверситет – простая аббревиация¹.

Разумеется, теория частей языка небезупречна в том смысле, в каком небезупречна любая научная теория, поскольку наука не дает абсолютной истины², однако до исчерпанности комбинаторной семантики еще очень далеко. О примате семантики и синтаксиса над морфологией, необходимости идти от содержания знака к его синтаксической функции и морфологическому оформлению говорили не только Л. Теньер, К. Айдукевич, Р. Монтегю и другие известные представители семантического синтаксиса, но и яркие представители общей лингвистики. "Соотношение формы и значения, – писал Э. Бенвенист, – многие лингвисты хотели бы свести только к понятию формы, но им не удалось избежать ее коррелята – значения. Чего только не делалось, чтобы не принимать во внимание значение, избежать его и отделаться от него. Напрасные попытки – оно, как голова Медузы, всегда в центре языка, околдовывая тех, кто его созерцает" [31, с. 136]. Ведь ясно, что к каким морфологическим ухищрениям ни прибегай, но знаки в китайском языке все равно приходится группировать по семантическому принципу, а в западных языках преимущество отдается морфологическому. Вряд ли когда-нибудь русист согласится считать знаки *ремонт, бег, погрузка, чтение, радость, работа* глаголами, хотя они обозначают действие или состояние. Так зачем обозначать одним и тем же термином разные сущности и множить несопоставимые с точки зрения типологии описания, повторяя характерные для частей речи ошибки в уровнях классификации? Может, все же рискнуть вырваться из плена матрицы, осознав, что в одной капельке воды есть все то, что есть во всей воде, главное, уметь это увидеть. Иначе мы будем вечно бороться с машинами, пытаясь найти в китайском языке склонения, спряжения, изменения по родам, числам и падежам, словом, все то, что есть в европейских языках, как это делали на заре китаеведения. Евклид когда-то заметил, что "в геометрии нет царских дорог", нет их и в лингвистике, и в Науке вообще.

¹ Более подробно об этом см.: Горелов, В.И. Лексикология китайского языка: Учеб. пособие для студентов / В.И. Горелов. – М.: Просвещение, 1984. – 216 с.; Кленин, И.Д. Лексикология и фразеология китайского языка / И.Д. Кленин, В.Ф. Щичко. – М.: Наука, 1978. – 191 с.

² См.: Успенский, В.А. Теорема Гёделя о неполноте / В.А. Успенский. – М.: Наука, 1982. – 110 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сунь, Кэвэнь. Типология словообразования китайского и русского языков / Сунь Кэвэнь. – Минск: РИВШ, 2009. – 112 с.
2. Кузнецова, А.И. Словарь морфем русского языка / А.И. Кузнецова, Т.Ф. Ефремова. – М.: Рус. яз., 1986. – 1136 с.
3. Courtenay, Baudouin de. Einiges über Palatalisierung (Palatalisation) und Entpalatalisierung (Dispalatalisation) / Baudouin de Courtenay // Indogermanische Forschungen. – 1894. – Bd. 4.
4. Ван, Ли. Части речи / Ван Ли // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1989. – Вып. XXII. Языкознание в Китае. – С.37-53.
5. Спешнев, Н.А. Фонетика китайского языка / Н.А. Спешнев. – Л.: ЛГУ, 1980. – 140 с.
6. Степанов, Ю.С. Принципы описания языков мира / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1976. – С.228-230.
7. Исаченко, А.В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков / А.В. Исаченко // Slavia. – Praha, 1958. – Roč. XXVI. – Seš. 3. – С.334-352.
8. Rozwadowski, J. Słowotwórstwo i znaczenie wyrazów / J. Rozwadowski // Wybór pism. – Warszawa: PWN, 1960. – Т.3. Językoznawstwo ogólne. – S.21-95.
9. Мартынов, В.В. В центре сознания человека / В.В. Мартынов. – Минск: БГУ, 2009. – 272 с.
10. Мартынов, В.В. Основы семантического кодирования. Опыт представления и преобразования знаний / В.В. Мартынов. – Минск: ЕГУ, 2001. – 140 с.
11. Гордей, А.Н. Парадигма частей языка / А.Н. Гордей // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках: материалы VIII Междунар. науч. конф., Гродно, 15-16 апр. 2003 г. / Гродн. гос. ун-т; отв. ред. С.А. Емельянова [и др.]. – Гродно, 2003. – С.173-179.
12. Негневицкая, Е.И. Язык и дети / Е.И. Негневицкая, А.М. Шахнарович. – М.: Наука, 1981. – 111 с.
13. Тихонов, А.Н. Школьный словообразовательный словарь / А.Н. Тихонов. – М.: Просвещение, 1978. – 726 с.
14. Соболева, П.А. Словообразовательная полисемия и омонимия / П.А. Соболева. – М.: Наука, 1980. – 294 с.
15. Зализняк, А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Ок. 100000 слов / А.А. Зализняк. – 2-е изд. – М.: Рус. яз., 1980. – 880 с.
16. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.
17. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М.: Иностран. лит., 1958. – 578 с.
18. Фортунатов, Ф.Ф. Избранные труды / Ф.Ф. Фортунатов. – М.: Учпедгиз, 1956. – Т.1. – 450 с.
19. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М.: Прогресс, 1988. – 653 с.
20. Chao, Yuen Ren. A Grammar of Spoken Chinese / Chao Yuen Ren. – Berkeley, Los Angeles, London, 1970. – 847 p.
21. Ли, Ч.Н. Подлежащее и топик: новая типология языков / Ч.Н. Ли, С.А. Томпсон // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1982. – Вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. – С.193-235.
22. Драгунов, А.А. Исследования по грамматике современного китайского языка / А.А. Драгунов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Ч.1. Части речи. – 232 с.
23. Карапетьянц, А.М. О специфике грамматического строя китайского языка / А.М. Карапетьянц // III Конференция по китайскому языкознанию. – М.: Наука, 1986. – С.30-34.
24. Гордей, А.Н. Части языка вместо частей речи / А.Н. Гордей // Язык. Глагол. Предложение. – Смоленск: СГПУ, 2000. – С.258-271.

25. Курдюмов, В.А. Идея и форма. Основы предикационной концепции языка. В.А. Курдюмов. – М.: Военный ун-т, 1999. – 194 с.
26. Курилович, Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая. К теории частей речи / Е. Курилович // Очерки по лингвистике. – М.: Изд-во иностр. лит., 1962. – С.57-70.
27. Вежбицка, А. Из книги "Семантические примитивы" / А. Вежбицка // Семиотика: Антология. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С.242-270.
28. Софронов, М.В. Китайское языкознание в 50-80-хх гг. / М.В. Софронов // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1989. – Вып. XXII. Языкознание в Китае. – С.5-36.
29. Ци, Гуйянь. Ханьюйды цзибэнь синчжи цзи ци юйфа фаньчоу (Основная сущность китайского языка и его грамматические категории) / Ци Гуйянь // Шаньси дасюэ сюэбао. 1986. – № 4.
30. Мендельсон, Э. Введение в математическую логику / Э. Мендельсон. – М.: Наука, 1976. – 320 с.
31. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 446 с.
32. Pike, K. Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior / K. Pike. – The Hague-Paris: Mouton, 1967. – 762 p.

История человечества носит прогрессивный характер. В докладах Программы развития ООН подчеркивается, что XX век для человечества был веком беспрецедентного прогресса, когда развивающиеся страны «за последние 30 лет прошли такой же путь, как промышленно развитые за сто лет».

В то же время существует довольно устойчивое мнение, особенно в среде западных идеологов, что история и прогресс вещи несовместимые, что никакой объективной логики исторического процесса не существует, что говорить о закономерностях общественного развития абсурдно. Известный западный философ Т. Адорно категорически утверждал, что «прогресс не состоялся». Раздаются многочисленные голоса, что даже несомненное развитие науки и техники ведет человечество не к прогрессу, а к регрессу и одичанию. В качестве подтверждения этого тезиса обычно ссылаются на глобальный кризис человечества в виде кризиса экологического, энергетического, демографического, продовольственного.

В этом калейдоскопе воззрений о направленности развития человечества (от оптимистических до пессимистических взглядов) важно понять главное. А именно: прогресс в западной упаковке, действительно, не состоялся. Нищета, голод, неграмотность, болезни и другие негативные явления не только не уменьшаются, а наоборот, разрастаются до глобальных размеров. И всякие попытки навязать мировому сообществу западный вариант развития оказываются губительными для личности общества и природы. **Сегодня можно утверждать, что западная модель производства и потребления представляет собой тупиковую ветвь в развитии мировой цивилизации, отклонение от столбовой дороги мирового движения.**

Таким образом, на пути западного варианта развития искать смысла и прогресса истории не приходится. И в этом плане следует согласиться со «шпенглерами», «ясперсами» и «попперами».

Но от того, что западная модель хозяйствования прогресса человечеству не принесла, что западная цивилизация лишена смысла истории, вовсе не следует, что прогресса и смысла истории не существует. Такой смысл истории отчетливо проявляется в феномене китайской цивилизации. Китайская цивилизация не только уникальна, но и всемирна. **Ибо только китайской цивилизации присущ диалектический смысл истории, когда прошлое включает в себе сохранение настоящего как действительности, а будущее есть становление настоящего как возможности.**

Западная цивилизация, по сравнению с китайской, была и остается варварской, не цивилизованной. Она лишь прикрыла свою антигуманность религиозным лицемерием и технической искусственностью. В этом и состоит принципиальнейшее отличие западного образа жизни от китайского. Как отмечал Конфуций, «благородный муж думает о добродетели, а низкий – жаждет корысти» [1, с. 127]. Отсюда и отсутствие смысла истории в западной системе ценностей. Ибо там, где общество ориентировано на корысть, выгоду, нужно говорить не о смысле, а о бессмысленности жизни. Исторический процесс при ориентации на корысть превращается в «войну всех против всех», в «дурную бесконечность», когда граница между добром и злом сознательно размывается, когда человеческие качества оцениваются через призму преискуранта цен.

В системе ценностей китайской цивилизации приоритет отдается совести, а не выгоде, труду, а не корысти. «Благородный муж заботится об общих, а не о частных интересах, а низкий человек, наоборот, заботится о частных, а не об общих интересах» [1, с. 61], – отмечал Конфуций. Или, другими словами, «человек, который не думает о том, что может случиться в будущем, обязательно вскоре столкнется с горестями» [1, с. 564]. Исторический процесс, где доминируют совесть, труд, общий интерес и составляет в себе смысл истории. Ибо человек живет не для того, чтобы есть, а ест для того, чтобы жить. Именно этот смысл истории китайский народ пронес через тысячелетия своей цивилизации, что и дает ему право на роль мирового лидера в XXI веке. Как глубоко заметил Конфуций, «кто повторит старое и узнает новое, тот может быть руководителем для других» [1, с. 58]. Даже в самые трудные времена своего исторического развития (нашествие кочевников, полукOLONиальная зависимость от западных стран) китайский народ сохранял природенную уверенность во всемирном предназначении своей цивилизации.

Сравним китайскую систему ценностей и западную. В китайской системе ценностей первые места занимают: совесть, преданность, сыновняя почтительность, гуманность, интеллект, трудолюбие, приверженность к середине. Китайская система ценностей своими корнями уходит в глубокую древность. Теоретически она была оформлена Конфуцием и практически без изменений функционирует в современном китайском обществе. Не относятся к системе ценностей прагматизм, утилитаризм, индивидуализм, повиновение, завистливость, лживость.

Для западной системы ценностей характерно совершенно обратное построение. Первые места в ней принадлежат лживости, завистливости, фарисейству, повиновению. И на последних местах находятся интеллект, гуманность и совесть. Выдающийся американский психолог Э.Шостром писал, что стиль жизни западного человека (манипулятора) базируется на четырех китах: «ложь, неосознанность, контроль и цинизм» [2, с. 34]. «Американский образ жизни и ныне действующая мораль предлагают быть настойчивыми и агрессивными и убирать конкурентов со своего пути» [2, с. 128].

Проблема именно в иерархии ценностей. Дело не в том, что для китайцев не существует понятий завистливости и прагматизма. Дело в том, что эти

понятия в китайской системе ценностей занимают последние места и в этом смысле являются понятиями отрицательными, антигуманными. Наоборот, в западной системе ценностей приоритет отдается лживости, цинизму, завистливости, которым человек должен следовать в своей практической жизни, если он хочет добиться личного успеха. Понятия же честности и совести относятся к понятиям мечтательным, утопическим, которые не пользуются кредитом доверия у западного потребителя. США – классический образец фарисейского общества. Китай же – классический образец добродетельного общества.

Будущее потому и принадлежит китайской системе ценностей, поскольку она гуманна, направлена на развитие лучших человеческих качеств. В отличие от западной, которая подходит к человеку с фарисейской точки зрения, рассматривая его в контексте внешнего повиновения формальным предписаниям буржуазного законодательства.

Конфуций говорит: «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок посредством наказаний, то хотя он и будет избегать их, но у него не будет чувства стыда; если же руководить им посредством добродетели и поддерживать в нем порядок при помощи церемоний, то у него будет чувство стыда и он будет исправляться» [1, с. 45]. Китайская система ценностей ориентирована на воспитание благородных людей, западная культивирует самые низменные чувства в человеке. Ясно, что система ценностей, для которой человек всего лишь машина для производства денег, препятствует как личностному, так и социальному прогрессу.

Величественен вклад Китая в обустройство человеческой цивилизации. Китайцы изобрели бумагу, магнитный компас, ветряное колесо, мельницу, порох, артиллерию, бумажные деньги, астрономические часы. Все эти открытия имеют эпохальное значение. Кстати, Япония не совершила ничего подобного, что указывает на подражательный характер японского общества, неспособность японской нации к генерации научных идей и открытий. Так называемые японские «чудеса» носят заимствованный характер и не содержат в себе творческого потенциала.

Жизненная сила китайцев основывается на принципиальном отличии китайского образа жизни от европейского. Мы, причисляющие себя к европейской христианской цивилизации, почему-то убеждены в оригинальности и превосходстве христианского мировоззрения над нехристианским. Но это большая ошибка.

Во-первых, европейская Библия в части своих философско-нравственных произведений в лучшем случае лишь повторяет то, что сказали китайские мудрецы за много веков до Библии.

Во-вторых, китайский стиль мышления – человеческий, а христианский – мифологичен. Олицетворением китайской цивилизации является Конфуций. Конфуций – это мудрый и нравственный человек, зафиксировавший за пять веков до христианства такую социально-нравственную систему ценностей, которую наше европейское мышление ассоциирует с Христом, но с Христом не как человеком, а как воплотившимся Богом. А это принципиальное разли-

чие. Одно дело, когда учит мудрый и добродетельный человек и по-другому выглядит ситуация, когда мудрость и добродетельность приписывается божественному существу. Поэтому не случайно нравственные поучения Христа затемнены сверхъестественными явлениями, рассчитанными именно на слепую веру, а не на разум человека.

В китайской системе ценностей добро неотделимо от человеческой личности. В христианской системе ценностей добро связано с Богом. Отсюда явная непрактичность христианского мироустройства, отрыв его от реального бытия человека. В Нагорной проповеди Христа императив подставлять левую щеку, если тебя ударили по правой, – это своего рода установка, как можно на зло ответить добром. В обыденной европейской жизни подобное христианское требование никогда не реализуется и на зло отвечают не добром, а злом. По-другому и быть не может. Ведь никто не согласится с тем, чтобы безропотно переносить насилие над собой. В европейской системе жизненных координат человек полностью порывает с христианским учением и можно сказать, что он живет антихристианской жизнью. Отсюда противоречивость европейской христианской цивилизации. С одной стороны, европейский образ жизни и действующая практическая мораль учат человека быть агрессивным и убирать конкурентов со своей дороги. С другой стороны, христианское учение проповедует терпимость, ненасилие, любовь к ближнему. И этот конфликт между теорией и практикой европейской цивилизации не уменьшается, а все более разрастается. В качестве психологического самоуспокоения европейцу прописывается лицемерие. Дескать, практика – это одно, а теория – другое. На практике человек может быть преступником, а в теории обязан быть набожным. Таким образом, лицемерие – это современная форма индугенции антихристианской практике европейского общества. Порождено это европейское лицемерие антигуманностью европейской практики и некорректностью христианского учения.

Иначе решается эта проблема в китайской цивилизации. Когда Конфуция спросили: «Правильно ли отвечать добром на зло?», он ответил: «Как можно отвечать добром? На зло отвечают справедливостью. На добро отвечают добром» [1, с. 532]. Заметьте: насколько такое понимание глубже и истиннее христианского непротивления злу насилием. На зло отвечают не добром, как наставляет Христос своих учеников в Нагорной проповеди, и не злом, как это практикуют европейцы в своей реальной жизни, а справедливостью, т.е. стыдятся недостойного поведения человека, поскольку такое поведение препятствует созданию характеров безукоризненно разумных и нравственных. И самое главное: китайское понимание человеческой деятельности нисколько не противоречит практической жизни, а следовательно, не возникает конфликта между теорией, нравственным катехизисом и практикой, житейской моралью. Поэтому в китайской цивилизации отсутствует такой порок европейского общества, как лицемерие, фарисейство. Искренность и открытость – существенные черты китайского общества. А искренность и открытость китайского общества обуславливают благородство китайского национального характера. «Благородный человек, – акцентирует внимание Конфу-

ций, – все измеряет справедливостью». Благородный человек живет не по принципу лишь внешнего соблюдения законодательных предписаний, как поступают европейские фарисеи-шейлоки, а на основе требований совести и человеческой солидарности. «Быть в состоянии смотреть на других как на самого себя – вот что можно назвать искусством гуманизма» [1, с. 216] – такова философия китайской цивилизации. Эта философия открывает новую главу современной цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Конфуций*. Беседы и суждения / Конфуций. – СПб., 1999.
2. *Шостром Эверетт*. Анти-Карнеги или Человек-манипулятор. – Минск, 1992.

Двадцатый век стал временем стремительного взлета человеческого разума. Наука раскрыла огромные возможности развития мировой цивилизации. Но, вопреки всему разумному, международные отношения в 1-й половине XX столетия строились на основе логики двух мировых войн, а во 2-й половине – на основе логики «холодной» войны.

Человечество вступило в третье тысячелетие, так и не решив знаменитую формулу Д.Р. Киплинга: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись». Трагедия 11 октября 2001 г. в США, всколыхнувшая и изменившая весь мир, в очередной раз показала необходимость решения глобальной научной проблемы человечества – **изучения и выстраивания взаимоотношений Востока и Запада.**

Именно сейчас стали вновь актуальны высказывания российского востоковеда академика В.М. Алексеева о проблемах изучения Востока, сформулированные им в 1-й половине XX века: «Формула «Мы ничего не знаем о Востоке», – увы реальна. А потому, что не изучаем его как надо». Он не только поставил научную проблему, но и ответил, как надо изучать Восток: «Организовать востоковедные дисциплины везде, где только возможно... В университетах ввести курс «Введение в изучение Востока... Надо организовать особые факультеты страноведения, где бы это стало наукой, а не энциклопедией и верхоглядством» [1, с. 136-137].

Противоречивость востоковедного познания

Исторически в Европе с целью познания Востока сложилось отдельное научное направление – ориенталистика как синтез геополитических, страноведческих, культурологических и филологических знаний. Позднее под востоковедением стали понимать науку, комплексно изучающую антропологию, археологию, географию, историю, культурологию, литературу, религию, философию, филологию, экономику, этнографию, языки стран и народов Востока. Но как достигается эта комплексность? Только ли одним объектом изучения – "Восток"? Соединяет все вышеперечисленные науки воедино понимание специфики восточных культур, внутреннего мира восточных народов, чья история, экономика, геополитика, социальная структура, религия и изучается. Здесь очень важно понять восточное мировоззрение и его воздействие на политику и экономику стран Востока и Запада.

Но и это, как показывает практика международных отношений, еще не означает полного знания Востока. В докладе на Международном конгрессе азиатских и северо-африканских исследований – ICANAS 37 российский вос-

токовед, академик Е.М. Примаков прямо заявил, что востоковеды выявили специфику и различия культур, но не показали пути взаимодействия и не раскрыли возможности взаимопроникновения западной и восточных цивилизаций и культур. А это значит, что при развитии общемировой цивилизации, через развитие культур ее составляющих, остался невыполненным большой объем востоковедной работы.

В науке анализ как метод познания очень важен. Но без последующего синтеза это – тупиковый путь развития науки. Г. Гегель писал, что результат развития не может быть понят без его истории, так как «голый результат есть труп, оставивший позади себя тенденцию». Когда ученый достигает рубежа в научном исследовании и перестает видеть «лес за деревьями», он, пытаясь разрешить эту проблему, переходит к изучению отдельных «листьев». Одна из причин такого подхода в востоковедении изложена одним из крупнейших китаистов XX в., ученым с широчайшим диапазоном востоковедного мышления В.М.Алексеевым: «Узкий ученый это обожатель предмета своей специальности, это ученый, т. е. выученный и занимающий штатное место ученого, обыватель. Он идет за своим предметом, как баран за сеном: тепло, хлебно, приятно» [2, с. 64].

Поэтому сегодня в востоковедении мы видим картину, как «специалисты ограничивают себя, чтобы зарываться все глубже и глубже, пока уже не видят друг друга из своих ям. А результаты аккуратненько складываются наверху. Нужен еще один специалист, именно тот, которого до сих пор не хватает. Он не должен следовать за другими в яму, а оставаться наверху и сводить воедино различные результаты» [3, с. 256].

Противоречия в познании Востока

Наши подходы в изучении Востока опираются на соответствие уровня изученности Востока требованиям к полноте познания Востока. Исходя из теории познания, изучающей отношение знания к действительности, можно дать определение познания как процесса стремления «реального знания» приблизиться к «теоретическому (абсолютному) знанию». Чем больше мы будем знать о странах Востока, тем меньше вероятность принятия ошибочных решений. Наше обыденное сознание ориентировано только на «прибрежное» знание Востока, а «внутриамериканская» его часть по-прежнему обществом не познана. Прделана огромная работа по изучению стран и народов Востока, а ответ на вопрос «Знаем ли мы Восток?» дать невозможно. На наш взгляд, низкая степень востребованности востоковедных знаний в обществе происходит от бессистемности появления огромного объема востоковедной информации.

Познание истории изучения Востока позволяет объективно оценить достижения и недостатки востоковедной работы и правильно определить приоритеты и пути развития востоковедения. Без такого знания отечественное востоковедение никогда не станет на прочную основу. Академик С.Ф. Ольденбург утверждал: «Необходима работа по истории востоковедения для того, чтобы

иметь представление о том, что и как уже сделано и что и как должно быть сделано, потому что пока это далеко не ясно» [4, с. 158].

Таким образом, противоречие между необходимым уровнем познания Востока и реальным его знанием можно разрешать только интенсивной востоковедной работой. Только совместные и целенаправленные усилия государства и всего общества могут разрешить дилемму «Восток – Запад». Как только ослабевают усилия в изучении Востока, сразу появляется множество «восточных» проблем. Нельзя эпизодически изучать Восток и только ставить вопрос о подготовке переводчиков с восточных языков. Стремление к познанию Востока должно быть постоянным.

Противоречие между процессом изучения и возможностями государства и общества

В процессе познавательной деятельности людей формируются знания, на основе которых возникают цели и мотивы человеческих действий. Интересы государства направлены на полное изучение зарубежных стран, их материальных и духовных ценностей. И только после такого изучения государство вступает в политические, экономические, военные и культурные отношения с зарубежной страной. Строя взаимоотношения с зарубежными странами, государство опирается на собственное социально-экономическое развитие, на исконно присущие общественно-идеологические установки, геополитическое положение, развитие науки, техники и образование. Цель одна – достижение государственных интересов и потребностей.

Процесс изучения Востока происходит в порядке постановки и решения государством геополитических, военно-стратегических и экономических задач для удовлетворения общественных интересов. Возникает противоречие между интересами государства и общества, с одной стороны, и имеющимися организационными, экономическими, финансовыми возможностями для решения государственных задач – с другой. Для устранения указанного противоречия в изучении Востока необходимо привести в соответствие функционирование системы институтов государственной власти, а также общественных, научных организаций и проводимую государством геополитику.

Рассмотрим положение востоковедной науки в Республике Беларусь. Стратегическое направление развития Республики Беларусь – сильная и процветающая Беларусь. Здесь действует ЗАКОН наиболее полного соответствия интересов белорусского народа проводимой государством политике. А политика зависит от ресурсов и возможностей страны. Таким образом, чем большие возможности имеет государство, тем полнее оно удовлетворяет интересы общества.

Противоречие между европоцентризмом и востокоцентризмом

Непонимание процессов, происходящих в странах Востока, идет от слабого знания Востока и нежелания повернуться лицом к Востоку. Такой подход неприемлем тем более, что возникновение новой мировой геополитической обстановки вызывает необходимость посмотреть на обеспечение безо-

пасности и независимости Республики Беларусь под углом зрения востоковедения – науки, комплексно изучающей Восток.

Геополитический рубеж между цивилизациями Запада (европоцентризм) и Востока (востокоцентризм) находится в постоянном движении, что является источником противоречий в борьбе за сферы влияния и урегулирование международных отношений. Европоцентризму в период Великих географических открытий был присущ подход к Востоку не как к иной историко-культурной цивилизации, а как к «недоразвитому» Западу. Считалось, что Восток, сохраняя свои самобытные черты, дорастет со временем до западной цивилизации. Но в реальности в XVII-XVIII вв. колониальная торговля Европы с Востоком строилась таким образом, что за высокоценные пряности и ткани Европа платила золотом и серебром, а не своими товарами. Конкурентоспособных товаров у европейцев в то время для торговли не было, за исключением оружия. В XIX – нач. XX в. изменились экономические отношения между Западом и Востоком, превратившие колонии и зависимые страны Востока в рынки сбыта и ценные источники сырья. В середине – конце XX в. резко изменились господствующие тенденции в развивающемся мире. Западное влияние теперь сводится, прежде всего, к сфере материального потребления и к массовой культуре, но практически не затрагивает фундаментальные стороны жизни Востока. Стало очевидным, что дальнейший путь развития современного Востока связан, с одной стороны, с сохранением восточных традиций, мировоззрений, религий, культур и, с другой, – с мощным воздействием европейской цивилизации.

В основе исторических процессов, по нашему мнению, лежит не только принцип «интереса», но и выбор «нормы». На Востоке считают, что нормальное «всеобщее» существование есть только существование «восточное», то есть по восточному образцу. А вот западное бытие, ведущее к гибели человечества, есть особенное и патологическое существование. Разобраться в истинности или ложности этих утверждений можно, только досконально изучив как Восток, так и Запад. Взаимодействие «Запад – Восток» является геополитической основой, связывающей гигантский материк Евразия. Игнорирование зависимости развития мировых центров цивилизации от уровня политического, экономического, научного, культурного, экологического сотрудничества стран Запада и Востока может привести к непоправимым последствиям.

Это противоречие «Запад – Восток» можно урегулировать только интенсивной востоковедной работой, совместными и целенаправленными усилиями государств и всего мирового сообщества, иначе повторения трагедий – «вызовов времени» – нам не избежать. Задача белорусских ученых-востоковедов и ориенталистов всех стран мира состоит в том, чтобы, продолжая традиции старших поколений, вносить достойный вклад в укрепление сотрудничества стран Запада и Востока.

Изучение Востока через сферы человеческой деятельности

В основе познания Востока лежит практическая, духовно-философская и научная деятельность людей. Критерием истинности выступает практика. Но

практика, как развивающийся процесс, ограничена сложившейся на данный период времени геополитической обстановкой, географическими условиями, уровнем развития экономики, науки и техники, культуры.

Процесс познания действительности идет от практической сферы деятельности человека к духовно-философской, а от нее к научной и через информационное поле человеческой деятельности возвращается вновь к практике. В настоящее время изучение Востока не ведется во взаимодействии всех сфер человеческой деятельности, а рассмотрение востоковедения только как научной деятельности приводит к искажению реальной действительности и ошибочным выводам.

Познание закономерностей взаимного изучения Запада и Востока

Для обобщения знаний о Земле и народах, ее населяющих, необходимо изучать историю нашей планеты на основе законов и закономерностей познания мира. Процесс познания можно расчленить на теоретическое (внутреннее) познание и практическое (внешнее) познание. В теоретическом познании процесс изучения ведет востоковед с целью получения нового знания. Упор делается на получение нового знания и личном вкладе востоковеда в создание этого знания.

История изучения Востока подобна айсбергу, лишь незначительная часть которого поднимается над водой. В востоковедении эта вершина айсберга – популярные работы, справочные пособия, учебники. Но в подводной части айсберга продолжается титаническая работа, заключающаяся в получении нового знания, в описании, классификации, осмыслении полученных материалов. К чему приведет эта работа, к каким выводам и последствиям, не может сказать никто. Но управлять этим процессом должна методология как метод распространения теоретических научных положений на конкретную область исследования.

Методологической основой в изучении Востока является закон зависимости уровня познания Востока от развития востоковедения как системы знаний. Этот объективный закон познания отражает (и утверждает) взаимодействие практического и научного востоковедения. Практическое востоковедение собирает информацию о Востоке, накапливает ее, систематизирует и делает выводы по использованию. Научное востоковедение, выступая мериллом абсолютного знания, анализирует, классифицирует и синтезирует накопленную информацию. На определенном этапе развития научное востоковедение, как элемент более устойчивый и консервативный, начинает отставать от уровня знаний и начинает противоречить характеру (качественная сторона) и уровню (количественная сторона) развития практического востоковедения. Научное востоковедение, вступив в противоречие с практическим востоковедением, может не только тормозить развитие, но и вести к разрушению последнего. Системное, полное познание Востока требует установления строгого соответствия между двумя направлениями. Появляется новое знание и происходит переход на более высокий уровень познания.

Создание научных школ

Научное решение проблемы взаимоотношения «Восток – Запад» мы видим в изучении как межнаучных, межотраслевых связей между сферами человеческой деятельности в области познания Востока, так и в создании надежно функционирующей системы научных школ, сохраняющих и развивающих востокovedные традиции через принцип «капиллярной», пронизывающей все уровни познания, системы знаний. Традиция выступает как основа всеобщей связи сфер человеческой деятельности в процессе познания и обеспечивает преемственность в передаче исторически сложившегося мирового наследия. Здесь традиция выступает и как элемент сфер человеческой деятельности, и как связь между ними.

В лучших традициях отечественного востоковедения было стремление воспрепятствовать переходу возникших противоречий в процессе общественных и межгосударственных взаимосвязей «Запад – Восток» в немирные формы развития отношений. Отечественное востоковедение разрешало эти противоречия между европоцентризмом и востокоцентризмом через цивилизационный подход, признающий как единство мирового историко-культурного процесса, так и наличие множественности уникальных культур, имеющих свой собственный путь развития, обусловленный естественно-географическими, социально-экономическими и другими факторами.

Основной традицией, на которой базировалось отечественное востоковедение, являлось не только единство взаимодействия между Востоком и Западом, но и ее демократическая направленность на достижение общечеловеческих ценностей. В отечественном востоковедении изучение Востока проводилось не только для его познания, но и для воспитания терпимости, взаимопонимания и уважения к другим культурам и народам. Здесь традиция выступает как культура взаимного познания особенностей и своеобразия наций и народов Востока и Запада.

Подходить к изучению Востока без европоцентристской предвзятости, а с исчерпывающими знаниями восточных источников, вести поиск истины в самом сосредоточении восточной культуры и демонстрировать способность не только чутко внимать Востоку, но и смотреть на Запад глазами человека Востока – такова высокая востоковедная культура. Именно она должна стать одной из главных традиций зарождающейся белорусской школы востоковедения. Это имеет первостепенное значение в складывающихся отношениях Беларуси со странами Востока.

Отечественное востоковедение может успешно развиваться, основываясь на своей национальной культуре и активно сотрудничая с мировой ориенталистикой. Это является закономерностью отношений взаимообогащения культур Запада и Востока, взаимодействия национального востоковедения с мировыми центрами ориенталистики. Только кооперация с мировыми центрами ориенталистики и целенаправленная интеграция отечественных востоковедческих исследований в мировую науку позволит плодотворно развиваться отечественному востоковедению.

Сегодняшнее формирование новых востоковедных школ – это очень важный этап развития мировой ориенталистики. Как должен идти этот процесс, что должно лежать в его основе – во многом подскажут национальные и интернациональные традиции изучения Востока.

В течение более пяти веков Беларусь находится в Азиатском пограничном пространстве в сфере национальных интересов Китая, а также стран Европы и Азии. В конце XX – начале XXI в. в противостоянии «Восток – Запад» наступила новая фаза развития: произошел очередной цивилизационный кризис и Восток перешел в стратегическое наступление. Как считает белорусский ученый, доктор философских наук Л.Е. Криштапович: «Сегодня можно утверждать, что западная модель производства и потребления представляет собой тупиковую ветвь в развитии мировой цивилизации, отклонение от столбовой дороги мирового движения». Но если западная цивилизация лишена исторического смысла, то существует ли прогресс человеческого развития и в какой цивилизации существует смысл истории? «Такой смысл истории отчетливо проявляется в феномене китайской цивилизации. Китайская цивилизация не только уникальна, но и всемирна. Ибо только китайской цивилизации присущ диалектический смысл истории, когда прошлое заключает в себе сохранение настоящего как действительности, а будущее есть становление настоящего как возможности» [5, с. 405-407].

Для нас значимы слова китаевода академика В.М. Алексеева: «Китай представляется нам не только как предмет этнографического изучения. В ряде случаев он наш учитель. Мы не должны думать, что роняем себя, когда берем китайское литературное произведение, чтобы читать его со всею непосредственностью» [6, с. 110].

Все попытки понять Китай, проникнуть в суть «китайской мудрости» очень часто наталкиваются на объективное противодействие общественного сознания, привыкшего при обращении к этой стране оперировать собственными устоявшимися стереотипами. В этой связи очень верным и своевременным является мнение академика В.С.Мясникова о необходимости представления Китая «не только как части общей истории международных отношений, но и как существенного компонента всемирно-исторического процесса межцивилизационной конвергенции» [7, с. 106-107].

Только рассматривая длительную историческую ретроспективу и долгосрочную перспективу динамики развития цивилизаций, можно понять суть и тенденции кардинальных исторических перемен. Директор Центра восточно-азиатских исследований при Пенсильванском университете Дж. К. Херст высказал интересную мысль: «Мир на Земле опирается на Китай. Кто понимает Китай с точки зрения социальной, политической, экономической, религиозной, тот держит ключ к мировой политике на последующие пять столетий» [8, с. 298].

Западноевропейский синолог и переводчик китайских классических книг утверждал, что «Китай является одряхлевшей нацией», что он «разлетится на куски» при соприкосновении с европейской цивилизацией. Востоковед академик В.П. Васильев с возмущением критиковал такие несостоя-

тельные выводы: «Нет несправедливее и нелепее мнения, что китайцы не способны ни к каким нововведениям, или что европейское образование погубит их, если они его примут, что это нация совсем устаревшая, которая не может никак возродиться или переродиться» [9, с. 252].

Сбылось предвидение начала XX в. еще одного востоковеда А.Я. Максимова: «В недалеком будущем и Китая коснется могучая рука реформ, и он выйдет на путь прогресса и цивилизации. Слишком легкомысленно думают некоторые, что Китай распадется тотчас же, как только его коснутся реформы, что он не способен воспринять их без вреда для своего государственного организма. Китай – не старец, как думают многие, который хочет только растянуть машинкой свои морщины и подкрасить лицо; тот старец жил тысячи лет и уже отжил; в настоящую минуту растет на его прахе новое, молодое, свежее дерево, обильно поливаемое нашими европейскими врагами. Пройдет четверть столетия, и это дерево сделается могучим и крепким; если мы вовремя не обрубим его свежих ветвей, то они раскинутся на Амур и бросят тень на наши среднеазиатские владения. Через двадцать лет, может быть, и раньше, мы увидим перед собой на крайнем Востоке грозную, достаточно дисциплинированную, хорошо вооруженную китайскую армию, которая потребует у нас возврата древних владений Поднебесной империи, как это уже бывало не однажды» [10, с. 239].

Российский геополитик генерал-лейтенант А.И. Деникин одним из первых обратил внимание на новый геополитический и цивилизационный фактор – «пробуждение Китая», которое, как он считал, «проглядела наша бездарная дипломатия». Речь, по его мнению, шла о пробуждении национального самосознания в Китае и других странах Востока, когда «заимствованные новые формы науки, техники и искусства, прежде всего, направляются для ограждения страны от иноземной эксплуатации». Причину назревавшего взрыва народного недовольства в странах Азии он видел в жестокой завоевательной политике западных держав, не считавшихся с национальными интересами и традициями восточных народов: «Если проследить роль культурных государств Европы в отношении народов Востока, мы увидим систематическую эксплуатацию и неудержимое стремление к порабощению их всеми возможными средствами: политикой, миссионерской проповедью, захватом рынков и, наконец, войною. Какие-либо более этические, просветительные побуждения в этих взаимоотношениях отсутствовали совершенно». Первым, пусть еще варварским, но уже достаточно мощным всплеском недовольства китайцев политикой иностранных держав он считал «боксерское восстание». Этот взрыв возмущения он характеризовал как «национальное движение против несправедливости, алчности и жестокости европейцев, стремившихся к расчленению Китая» [11, с. 314].

Договорные отношения между Россией и Китаем скреплялись обязательствами сохранять мир между государствами «навечно». М.И. Венюков констатировал: «Россия в последние 178 лет (1689 г.) сношений с обширнейшим государством Азии при быстрых успехах своих на всех поприщах ни разу не прибегала к оружию, не пролила капли крови. Приобретая от Китая

счастливые по своему положению на земном шаре страны, она умела действовать мирным путем». М.И. Венюков показал, что Россия вела политику честно, без происков и интриг, ослабляющих человека нравственно и физически. Ни опиум, ни оружие для междоусобных войн, ни подстрекатели к войне не проникали в Китай из российских пределов. «От того и взаимное доверие двух соседних наций укрепилось столь прочно». Ничто, несмотря на случайные «стычки» войск, не могло нарушить общего мира и дружбы. М.И. Венюков считал, что наши отношения с Китаем представляли «одну из самых утешительных, самых безупречных страниц в истории распространения европейской гражданственности на азиатском Востоке» [12, с. 225].

Россия не имела колоний в европейском смысле этого понятия, как имела их Великобритания или Франция. Более того, Россия никогда не порабощала сибирские и дальневосточные народы такими варварскими способами, как Англия в Китае в середине XIX в. – подавление сознания китайского народа при помощи опиума.

Российский востоковед О.И. Сенковский постоянно подчеркивал, что изучение Востока требует от европейца освобождения «от огромной тяжести своих предрассудков», проистекающих из больших различий «нравов, понятий и языка». Он писал: «Оценивая восточное общество ... надобно сродниться с народными привычками и обычаями; надобно проникнуть в общество, изучать его историю, приобрести знание нескольких языков» [13, с. 120-121].

Еще один важный «нюанс», который необходимо рассмотреть для полного понимания складывающейся обстановки в Восточноазиатском пограничном пространстве. Белорусский страновед, филолог, историк и этнограф В.Л. Котвич всесторонне исследовал феномен китайской цивилизации. Он писал: «Внимательное изучение судеб манджурского народа, прошедших на глазах европейцев, вообще раскрывает картину того неотразимого влияния, которое оказывает китайская цивилизация на менее культурные народы, и пример манджур является весьма показательным с точки зрения взаимоотношений между Китаем и его инородческими династиями» [14, с. 120].

Изучение Китая через взаимодействие и взаимопроникновение западной и восточных цивилизаций позволяет оценить важность геополитического положения Беларуси и ее возможности в миссии успешного сотрудничества Запада и Востока. Проведение востоковедных исследований для развития политических, экономических и культурных отношений между Республикой Беларусь и странами Востока является необходимым условием обеспечения надежности совместных действий.

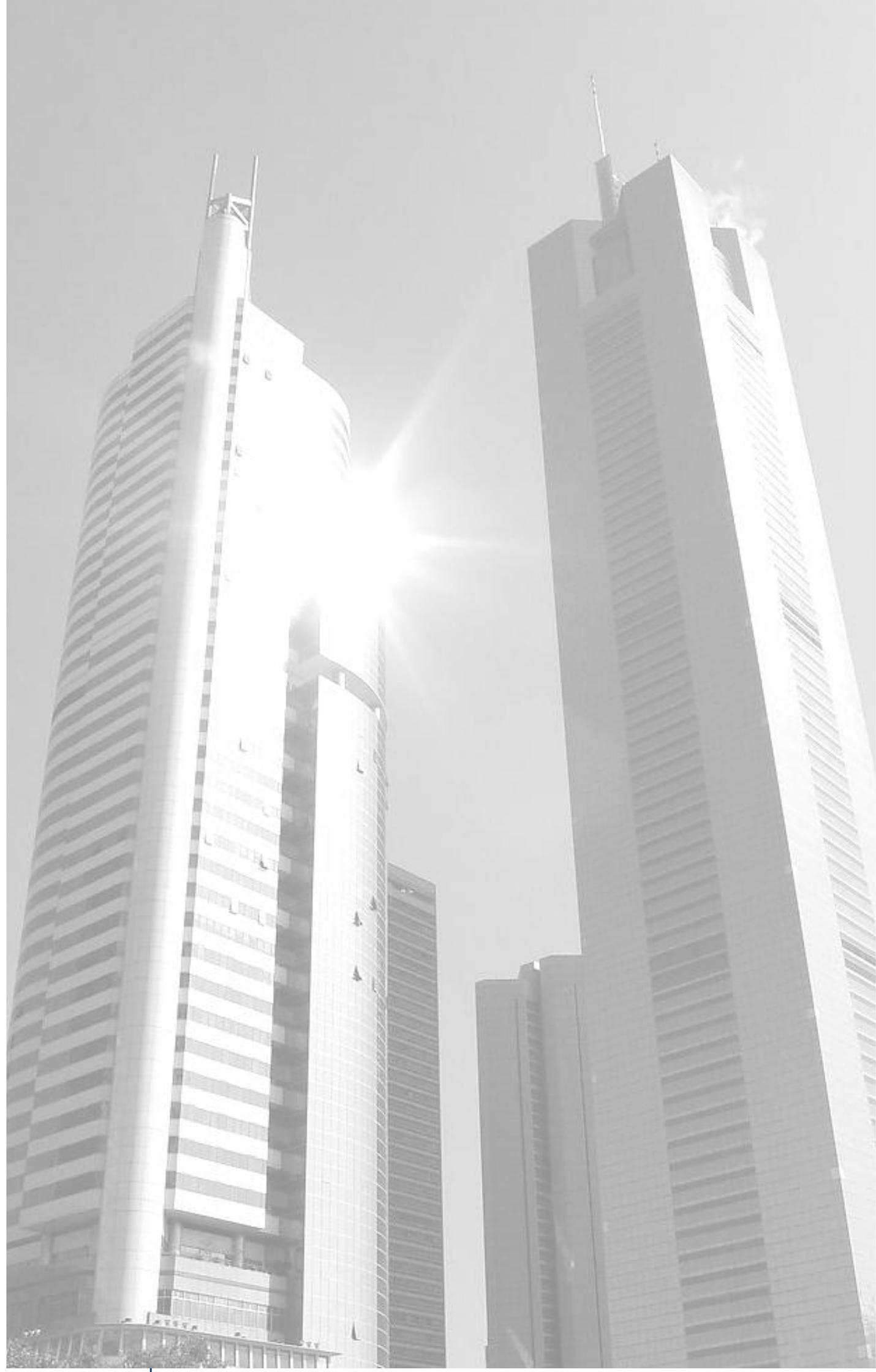
ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев, В.М.* Наука о Востоке. Статьи и документы / В.М.Алексеев. – М., 1982.
2. *Шаститко, П.М.* События и судьбы. Из истории становления советского востоковедения / П.М.Шеститко. – М., 1985.
3. *Тур Хейердал Аку – Аку.* Тайна острова Пасхи // Юность. – 1958. – № 3.
4. *Серебряков, А.* Непременный секретарь Академии наук / А.Серебряков // Новая и новейшая история. – 1994. – № 1.

5. *Криштапович, Л.Е.* Китайский смысл истории / Л.Е.Криштапович // Беларусь – Россия – Китай: к новой парадигме истории. – Минск, 2003.
6. *Алексеев, В.М.* Восток и Запад / В.М.Алексеев. – М., 1966.
7. *Мясников, В.С.* Историко-культурные особенности экономического взаимодействия России с Китаем / В.С.Мясников // Россия во внешнеэкономических отношениях: уроки истории и современность. – М., 1993.
8. *Гаджиев, К.С.* Геополитика Кавказа / К.С.Гаджиев. – М., 2001.
9. *Горбачева, З.И.* Русский китаевед академик Василий Павлович Васильев / З.И. Горбачева [и др.] // Очерки по истории русского востоковедения. – М., 1956. – Сб. 2.
10. *Максимов, А.Я.* Наши задачи на Тихом океане. Политические этюды / А.Я. Максимов. – СПб., 1901.
11. *Самойлов, Н.А.* Азия (конец XIX – начало XX века) глазами русских военных исследователей / Н.А.Самойлов // Страны и народы Востока. – СПб., 1994. Вып. XXVIII.
12. *Венюков, М.И.* Старые и новые договоры России с Китаем / М.И.Венюков. – СПб., 1863.
13. *Сенковский, О.И.* Способности и мнения новейших путешественников по Востоку / О.И. Сенковский // Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса). – СПб., 1859. – Т. 6.
14. *Котвич, В.Л.* Манджурская литература / В.Л. Котвич // Литература Востока. – 1920. – Вып. 2.

**КИТАЙСКИЙ
ЯЗЫК
В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Н.А. КИРНОСОВА

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Редко какой язык в современном мире развивается изолированно. Подтверждение тому – наличие в языках заимствованных слов, количество которых только увеличивается в последнее время в связи с интенсификацией контактов между разными народами. Эти слова давно уже представляют собой отдельную сферу исследования в лингвистике, причем, достаточно проблемную сферу. Одна из проблем, связанных с заимствованиями, лежит в плоскости пересечения лингвистики и психологии – это способы восприятия иноязычных слов, влияющие во многом на форму (звуковую и письменную) заимствования в языке-реципиенте. Эти способы, как и *процесс* заимствования в целом, изучены в лингвистике несколько меньше, чем сами заимствованные единицы, несмотря на то, что исследования в таком ракурсе также позволили бы сделать некоторые выводы как о типологических особенностях языка, так и о характере мышления народа, говорящего на этом языке. Поэтому, в данной статье предлагается рассмотреть некоторые особенности *процесса* заимствований иноязычных слов в китайском языке и, по возможности, выявить моменты взаимного влияния языка и мышления¹.

Сначала следует коротко напомнить историю изучения заимствований в китайском языке и начать с проблемы терминологии.

Исследователи выделяют несколько видов заимствований и предлагают разные классификации, при этом прослеживается две противоположные тенденции – либо к обобщению, либо к дифференциации. В первом случае все заимствования подразделяют на две большие группы: фонетические и семантические заимствования. При этом считается, что последние включают в себя как минимум два подмножества – кáлек и полукáлек. Во втором, при более детальной дифференциации, – кальки могут не относиться к заимствованным словам, а полукальки отличать от слов-гибридов. Этим виды заимствований не исчерпываются, и в разных лингвистических традициях может использоваться своя терминология. Например, в англоязычной традиции насчитывается 11 видов заимствований, а в китайской традиции выделяют вторичные заимствования (из японского языка), отсутствующие в других языках.

Русские исследователи И.Д. Кленин и В.В. Иванов, занимавшиеся проблемами заимствований в китайском языке, придерживались тенденции к обобщению и расценивали кальки как вид заимствований, это положение было закреплено и в «Лексикологии китайского языка» В.И. Горелова [1].

¹ В данной статье не будем обсуждать вопрос о первичности влияния языка либо мышления, а будем исходить из факта их взаимного влияния.

Китайские исследователи предпочитают рассматривать кальки отдельно от заимствований, на что указывает современный исследователь Ши Ювэй [2, с. 5]. Стоит также отметить, что в китайской лингвистике терминология в сфере заимствований сложилась под влиянием лингвистики европейской. Однако классификация заимствованных слов существенно отличается от европейской: если европейские ученые детализуют множество семантических заимствований, то китайские большее внимание уделяют разграничению видов фонетических заимствований. Точки зрения В.И. Горелова, В.В. Иванова и Ши Ювэя на классификацию заимствованных слов в китайском языке представлены в конце статьи в диаграммах. Перевод терминологии Ши Ювэя представлен в Таблице 1.

Таблица 1. Терминология Ши Ювэя

№	термин	перевод
1	外来词	заимствования
2	借词	фонетические заимствования
3	外来混合词	полукальки
4	借形词	вторичные заимствования
5	底层语词	«субстратная» лексика ¹
6	纯音译词	чисто фонетические заимствования
7	加义标	слова-гибриды
8	仿译	кальки

Все исследователи, касавшиеся вопроса заимствований в китайском языке, согласны в том, что он не восприимчив к «чужим» словам (хоть в звуковой, хоть в графической оболочке), и собственно фонетические заимствования составляют в нем небольшой процент. Однако в пояснении причин этого явления мнения ученых расходятся. Существует даже группа оценочных мнений, формирующих два противоположных полюса – либо утверждение об исключительном богатстве и самодостаточности китайского языка, либо об его фонетической несостоятельности.

Стремящиеся к объективности лингвистические концепции также сформировали две тенденции – одни исследователи (И.Д. Кленин, В. Карлгрен) считают, что основной помехой для фонетических заимствований является иероглифика, другие (И.М. Ошанин, В.М. Солнцев, В.В. Иванов) называют фонетику. Особое положение занимает концепция чешской исследовательницы З. Новотной, которая рассматривает и звук, и знак в качестве помех для фонетических заимствований.

Действительно, аргументы обеих сторон являются достаточно убедительными, что подсказывает мысль о равносильном влиянии на процесс за-

¹ Имеются в виду слова, сохранившиеся в китайском языке от языков других народов, в результате сменивших свой язык. Например, лексика народа *байюэ* в кантонском диалекте.

имствований в китайском языке как звучания, так и письма. Тем не менее, поскольку работа З. Новотной не была переведена на русский язык и не так широко доступна, то наиболее аргументировано у нас представлена только одна точка зрения – сторонника решающего влияния фонологической структуры китайского языка в процессе заимствования В.В. Иванова. Точка зрения И.Д. Кленына [3] о решающем влиянии иероглифики представлена лишь описательно, а не доказательно.

Напомним, что, по мнению В.В. Иванова, две особенности китайской фонетики препятствуют заимствованию иноязычных слов – это 1) семантическая значимость слогаделения, и 2) количественный состав китайского слова (двусложность). Он же цитирует точку зрения З. Новотной, которая рассматривает в качестве помех 1) слабую способность фонем к изолированному употреблению и 2) строго фиксированную структуру слога [4, с. 59].

Таким образом, концепции В.В. Иванова и З. Новотной позволяют сделать некоторые выводы об особенностях процесса заимствования в китайском языке на уровне фонологии: китаец воспринимает «чужое» слово по слогам (а не по звукам), которые тут же осмысляет. Можно заметить, что такой процесс восприятия носит синтетический характер, что подмечает и В.В. Иванов: «...значение многосложного слова китаец стремится представить как *сумму* (курсив наш – *Н.К.*) его значимых частей-однослогов, но не как единую фонетическую оболочку, передающую совсем иной смысл, чем тот, который представлен отдельными иероглифами-слогами» [4, с. 55].

Синтетический характер восприятия, на который указывает В.В. Иванов, скорее всего, свидетельствует о том, что восприятие звучащего иностранного слова для китайца связано с правым полушарием¹. Возможно, этому способствует tonальный характер языка – как известно, тон производится изменениями частоты колебаний голосовых связок, как и мелодия с помощью струнного инструмента, а музыка воспринимается как раз правым полушарием. С работой правого полушария связано и восприятие гласных, которые, как известно, в китайском языке преобладают над согласными [5, с. 189]. Поэтому можно предположить, что звучащее слово обрабатывается у носителей китайского языка в правом полушарии и приобретает форму, удобную для восприятия этим полушарием: в нем выделяются целостности (слоги), поскольку правое полушарие воспринимает целое, а не деталь, и в случае совпадения нескольких согласных, они разделяются близкими по артикуляции гласными, поскольку правое полушарие не может воспринять отдельно согласный звук (им ведает исключительно левое полушарие). В таких условиях, естественно, длина иноязычного слова становится существенной помехой – ведь чем больше слагаемых, тем тяжелее вывести сумму. Поэтому двусложные слова заимствуются в китайский язык довольно легко, а более длинные – с трудом.

¹ После открытия П. Брокá считалось, что центр восприятия речи у всех правшей находится в левом полушарии, однако известно, что гласные могут восприниматься и правым полушарием (см. [6]).

Таким образом, важная роль фонологических особенностей языка в процессе восприятия иноязычных слов находит обоснование с точки зрения психологии.

Концепция В.В. Иванова о доминирующей роли фонетики в препятствовании фонетическим заимствованиям в китайский язык была представлена в 70-х гг. XX ст. С тех пор заимствованные слова в китайском языке активно изучались, но влияние китайской письменности на процесс заимствования так и не было четко определено. Хотя косвенное указание на него содержится уже в концепции самого В.В. Иванова. Ведь семантическая значимость слога деления в китайском языке подразумевает, что каждый слог наделяется значением, которое, можно продолжить мысль, фиксируется конкретным иероглифом, *отличающим данный слог от множества его омонимов*. Поэтому, слово для китайца и определяется не единством фонетической оболочки, а суммой *значений*, выраженных как раз в графической оболочке. Однако сам В.В. Иванов не развивает эту мысль, более того, утверждает, что переход от иероглифического письма к фонетическому никак не повлияет на процесс заимствования [4, с. 56]. Не будем заострять внимание на том, что такой переход сам по себе не состоялся, и не в последнюю очередь именно из-за проблемы различения омонимов, что доказало определяющую роль иероглифики в процессе семантизации слога деления. Вместо этого приведем точку зрения уже упомянутого выше китайского ученого Ши Ювэя [2, с. 124], который считает, что протранскрибировать (пусть и с существенными искажениями) иноязычное слово не составляет особой проблемы в китайском языке, это можно сделать достаточно быстро, и на данный момент существуют даже словари слоговых соответствий. Гораздо тяжелее, по мнению носителя китайского языка, *запомнить* протранскрибированное таким образом слово, которое представляет собой бессмысленный набор иероглифов, никак не складывающийся в ту привычную сумму значений, которая и определяет для китайца слово как самостоятельную единицу речи. Поэтому в процессе заимствования иноязычных слов в китайский язык прослеживается тенденция подбирать такие иероглифы для записи этих слов, которые имели бы хоть отдаленную ассоциацию с денотатом. Если такая задача может быть успешно выполнена, то слово закрепляется в языке в своей приближенной к оригинальной фонетической оболочке, например — 可口可乐 (кока-кола). Если же такая задача не выполнима, то заимствованное слово в большинстве случаев переходит в разряд калек и теряет свою оригинальную фонетическую оболочку¹.

Такая ситуация свидетельствует о том, что иероглифика не менее «упорно», чем фонетика, препятствует проникновению фонетических заимствований в китайский язык.

Интересно отметить, что иероглифика также воспринимается правым полушарием, поэтому и зрительно китаец привык воспринимать знаки, представляющие собой целостность и имеющие смысл сами по себе.

¹ Естественно, это не касается имен собственных и географических названий, запоминание которых для носителей китайского языка является проблемным.

Таким образом, можно сделать вывод, что процесс заимствования в китайском языке естественно наследует процесс восприятия слов родного языка, который носит синтетический характер и связан преимущественно с правым полушарием. Поэтому заимствованные единицы, имеющие в других языках форму, «удобную» для восприятия левым полушарием, неизбежно претерпевают существенные изменения, либо вообще утрачивают свою оригинальную форму, чтобы восприниматься правым полушарием: в звуковом аспекте они непременно делятся на открытые слоги, а в графическом – записываются знаками, имеющими хоть отдаленную ассоциацию с денотатом. Указанные условия создают значительные трудности для заимствований, поэтому процесс заимствований в китайском языке никогда не бывает механическим, он скорее творческий, и в большей мере способствует появлению калек, чем фонетических заимствований.

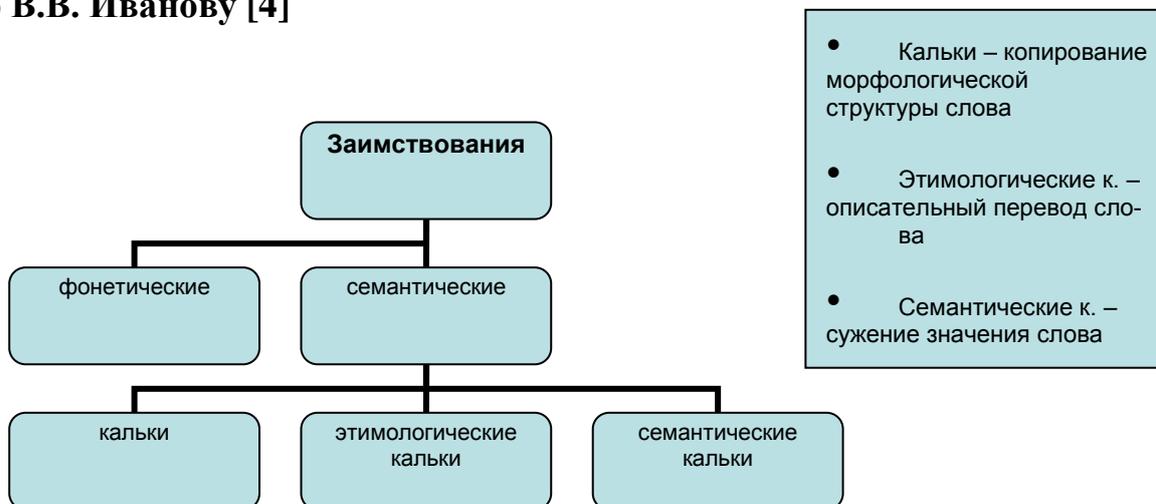
В завершение стоит указать, что такой творческий подход к заимствованиям позволяет китайскому языку и китайской цивилизации в целом успешно противостоять стандартизации под нормы западной культуры и отстаивать свой путь развития.

Приложение

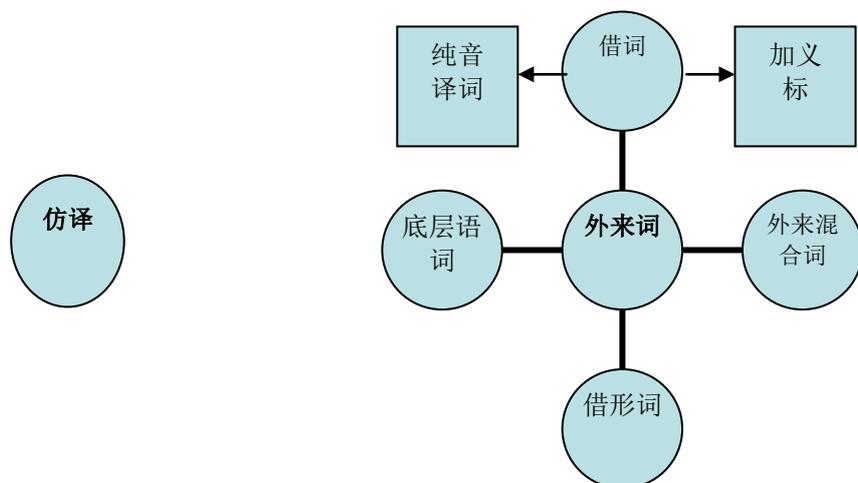
Классификация заимствованных слов в китайском языке по В.И. Горелову [1]

Классификация заимствованных слов в китайском языке по В.В. Иванову [4]

Классификация заимствованных слов в китайском языке по Ши Ювэю [2]

ЛИТЕРАТУРА

1. Горелов, В.И. Лексикология китайского языка / В.И.Горелов. – М.: Восточные языки, 1988.
2. 汉语外来词/史有为著。— 北京：商务印书馆，2000。— 239页。
3. Кленин, И.Д. Звуковые заимствования в современном китайском языке / И.Д.Кленин // Труды военного института иностранных языков. – М., 1969. – № 5.
4. Иванов, В.В. Терминология и заимствования в современном китайском языке / В.В.Иванов. – М.: Наука, 1973. – 173 с.
5. Алексахин, А.Н. Теоретическая фонетика китайского языка / А.Н.Алексахин. – М.: Восток-Запад, 2006. – 205 с.
6. Доминирование полушарий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.5ka.ru/68/39128/1.html>.

Китайский язык (КЯ) – один из самых древних языков планеты. Он обладает богатейшим фразеологическим фондом, который является неотъемлемой частью лексического фонда, причем частотность употребления фразеологических единиц (ФЕ) очень велика. Разнообразны и разряды ФЕ в КЯ – готовые высказывания *чэньюй*, пословицы *яньюй*, речения с усекаемой концовкой или недоговорки-иносказания *сехоуэй*, ходячие фразы *гуаньюньюй*, формулы речи или привычные разговорные фразы *коуэй сиюньюй*, поговорки *сухуа*) и другие. Все они являются продуктом китайского национального менталитета, образовались на китайской национальной почве, имеют особое культурное происхождение и поэтому несут в себе яркие национальные черты.

Попытка раскрыть и описать культурно-национальную специфику ФЕ тесно смыкается с проблемами исследования человеческого сознания, восприятия мира и путей его осознания, отраженных в языке. Об этом свидетельствуют антропологические и культурологические исследования, ориентированные на разработку идеи картины мира. В последнее время центр исследований переместился в сферу концептуального анализа. Выявление всеобщего и культурно-специфического в целях переводимости с языка на язык как с культуры на культуру составляет суть современных исследований и основывается на концептуальном анализе как методологическом приеме.

Рассматривая язык как важнейший инструмент концептообразования и формирования «духа народа», следует признать, что образование культурных стереотипов происходит под воздействием родного языка, так как помыслить о мире возможно, лишь пользуясь концептуальной «сетью» мира, оставаясь в своем «языковом круге». Помыслить мир, находясь в относительном плену языковой картины мира, – значит определить интеллектуальное и эмоционально-целостное отношение человека к миру в том или ином лингвокультурном сообществе, где каждый народ по-своему видит мир. В этом смысле реальный мир дан в сознании постольку, поскольку он отражается в языке.

В культуре отражено интеллектуальное и эмоционально-ценностное отношение человека к миру как объекту сознания. Данная картина мира является способом означивания, или эксплицирования, концептуальной картины мира. Языковая картина мира – это, прежде всего, различные способы мировидения, закрепленные в языке. Гармония между реальным миром, его восприятием и отражением в языке необходима и условна.

ФЕ могут быть объединены в смысловые поля, в которых мозаично отражается тот или иной фрагмент картины мира, тем самым показывая, как в

образном зеркале фразеологии отражаются такие фрагменты мира, как внутренние и внешние свойства человека, физические состояния и действия, деятельность человека, его поведение, в том числе и речевое, бедность, богатство, характеристика ситуаций, пространство и время. Подобное понятийное членение показывает, что само видение мира как бы организовано вокруг человека, так как действительность воспринимается и обозначается человеком в его национально-культурном кругозоре. Это означает, что создается представление, хоть и фрагментарное, о культурно-национальной картине мира, запечатленной во фразеологизмах, а также об антропологическом начале в этой языковой модели мира.

Концепт как устойчивое понятие, стоящее над устойчивыми или окказиональными употреблениями, является объектом современных исследований когнитивной и лингвокультурологической ориентированности [1, с. 11-13]. «Концепт – это всегда знание, структурированное во фрейм, а это означает, что он отражает не просто существенные признаки объекта, а все те, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности. Из этого следует, что концепт должен получить культурно-национальную «прописку» ... Концепт – это все то, что мы знаем об объекте, во всей экстенсии этого знания» [2, с. 96-97].

Концепт существует в лексическом фонде в системе устойчивых сравнений, запечатлевших образы-эталон, характерные для данного языкового коллектива. Концепт необходимо рассматривать как часть структуры национального сознания, единой для всех представителей данного социума. Он складывается в процессе создания той или иной системы аналогов, выбранных и отрефлексированных культурной и философской мыслью, отраженных в текстах культуры – фольклоре, литературе и т.п.

В культурной практике Китая более четырех тысячелетий подавлялись идеи индивидуализма и всячески подчеркивалось превосходство семьи и группы людей. Предпринимались огромные усилия, чтобы гомогенизировать людей, заставить их мыслить и поступать одинаково. Индивидуализм считался аморальным и не китайским явлением. В рамках этой системы важным явлением было уважение к группе, а не к себе. Чувство собственного достоинства размывалось до такой степени, что оно фактически не существовало. Никто не мог принимать решения от своего имени, касающиеся только себя. Китайское общество функционировало скорее на основе личных отношений, чем на основе объективных обычаев и законов. Существовавшие законы служили правительству и оберегали его, а не людей. Они также не обеспечивали людям ведение дел на основе законных прав и практической целесообразности. Каждый человек и каждая группа должны были создать и укрепить обширную сеть личных связей для того, чтобы получить то, что им было необходимо в жизни. Средства к существованию, а часто и сама жизнь зависели от наличия данного вида «социального доверия». Все, что могло «запятнать лицо», оказывало негативное влияние на их способность использовать это «социальное доверие». Тем самым значение и положение индивида в социуме становились практически полностью зависимыми от других индивидов.

Забота о собственном лице становилась единственной областью, над которой индивид имел власть.

Воспитание у китайцев осуществлялось методами, воздействующими на чувство стыда. Эмоции, возникающие в результате применения подобных методов, составляют часть комплекса отношений, связанных с концептом «лицо».

Такая общественная система вела к повышенному вниманию к «лицу» индивида. С понятием «лица» тесно связано представление о лояльности индивида по отношению к членам своей группы. Родственники и друзья должны прилагать все усилия к тому, чтобы выполнить обязательства по отношению друг к другу. Нелояльный индивид – это индивид «без лица». На «лицо» индивида оказывает влияние также соблюдение им норм группы. При помощи системы установок и отношений, связанных с концептом «лицо», происходит интеграция индивида в группу. Сотрудничество внутри группы противопоставляется индивидуализму. Любое проявление недовольства «лицом», которое заставляло людей чувствовать дискомфорт или неблагоприятно выглядеть в глазах других и отражалось не только на них, но и на их семьях и группах, считалось оскорблением, которое требовало быстрых извинений, а в более серьезных ситуациях, и определенного возмездия или мести.

Тех немногочисленных китайцев, которые были не столь чувствительны к пренебрежению или оскорблениям, как остальные, считали людьми с «толстокожими лицами» (*lian pi hou*). Озабоченность китайцев своим «лицом» сегодня так же сильна, как и во времена императоров, если не сильнее. Отказываясь от конфликта с другим человеком и сохраняя его «лицо», индивид получает основания считать себя имеющим «лицо» как не поступивший недоброжелательно и жестоко. В результате забота о «лице» ведет к формированию стремления избежать конфликта в межличностных отношениях. Данное стремление наряду с поддержанием социальной гармонии в традиционной китайской ментальности выступают как значимые самостоятельные ценности. Как считает К.И. Тертицкий, «забота о «лице» другого человека представляет собой нечто большее, чем просто социальную норму, в соответствии с которой каждый старается не затронуть «лицо» другого и в результате сохраняется «лицо» каждого. Не заботиться о чужом лице уже означает причинить в какой-то степени вред своему «лицу» [3, с. 53]. Общество в целом все еще зависит от «социального доверия» и «лица» как основных составляющих любых взаимоотношений. В обществе, в котором доверие и лояльность являются основными принципами всех взаимоотношений, потеря лица может сделать индивида «неприкасаемым». По мнению американского исследователя Де Менте, «под концептом «лицо» часто подразумеваются «социальные связи» [4, с. 247]. В дополнение к «сохранению лица» самого индивида и других, в китайской ментальности также чрезвычайно важным является «предоставление лица» другим индивидам, от которых ожидается постоянная благосклонность и сотрудничество. В терминах нашей ментальности это означает, что с подобными людьми необходимо обращаться с особым уважением и почетом. От иностранцев, имеющих дело с китайцами, не требуется соблюдение

«лица», однако, если говорить о выживании и успехе в Китае, таковые невозможны без знания понятий «лицо» и «социальное доверие».

Современные китайцы в высшей степени испытывают потребность в «лице» и придают этому понятию большое значение. «Лицо» для них важнее, чем что бы то ни было. Исследователи считают, что «лицо» стало у китайцев одной из глубинных структур культурной психологии. Страх потерять «лицо» (*diu lian*) является весьма распространенным феноменом среди китайцев.

Китайские исследователи выделяют следующие варианты поведения, связанные с «лицом»:

1 – инициативная «продажа» лица (индивид, используя власть или имущество, которым он распоряжается, оказывает благодеяния друзьям и родственникам);

2 – «накапливание запасов» «лица» (индивид оказывает услуги вышестоящим, надеясь через некоторое время получить ответное благодеяние);

3 – «обмен» «лицом» (оказание взаимных услуг с использованием служебного положения) [3, с. 54].

Китаец изо всех сил старается не «потерять лицо», представ перед другими людьми в неприглядном виде. Если он не может или не хочет отвечать на неприятный вопрос, он способен рассмеяться, чтобы скрыть смущение. Это означает, что собеседник произнес нечто непонятное, либо китаец не имеет точного ответа на вопрос. Аналогично носитель не китайской ментальности «теряет лицо», демонстрируя, что он рассержен или расстроен.

Фраза «это Вам не подходит» – чаще всего вежливая форма ответа «это невозможно» или «это очень трудно», причем китаец не объяснит Вам причины отказа. После того как китаец с кем-нибудь посоветуется, он будет рад и горд возобновить разговор самостоятельно.

Поскольку нас, в первую очередь, интересует национальная специфика концепта «лицо», ограничим объект рассмотрения повседневными разговорными фразами (ПРФ), в которых отражен данный концепт [5, с. 113]. Такие ПРФ можно классифицировать по четырем категориям:

1 – «сохранение» своего «лица»;

2 – «предоставление» «лица» другому;

3 – неудачная попытка «сохранить» «лицо»;

4 – «отрицание» «лица» у других людей [6, с. 4].

Разумеется, в данной статье невозможно перечислить все ПРФ, функционирующие в СКЯ. Остановимся на некоторых из них. К первой категории со значением «сохранения» своего «лица» следует отнести ПРФ 好说好说 *hao shuo hao shuo* «нет проблем»:

– 老李呀，我儿子刚进你们公司，今后请多关照！

– 好说好说。

– *Господин Ли, мой сын только что стал работать в вашей компании, пожалуйста, присмотрите за ним!*

– *Нет проблем.*

Традиционным значением данной ПРФ было «это можно обсудить». Теперь же она означает «нет/без проблем», «не о чем беспокоиться». В широком социальном контексте данная ПРФ участвует в обмене вежливостью и не подразумевает никакой ответственности говорящего.

ПРФ 今晚哦请 *jīn wǎn wō qǐng* «сегодня вечером я приглашаю/угощаю» также относится к первой категории:

- 明天是我生日，今晚我请大家吃饭。
- 太棒了，我们去哪儿吃？
- *Завтра у меня день рождения, сегодня вечером я приглашаю всех на ужин.*
- *Здорово, куда идем ужинать?*

Как известно, в Китае приглашение друзей или коллег поесть, выпить или на вечеринку является эффективным способом поддержания своего статуса («лица»). Чем больше гостей приглашено, тем более высокий статус получает приглашающий.

ПРФ 看哦的 *kàn wō de* «я могу это сделать/давай я [сделаю]» употребляется, когда человек хочет получить свою толику уважения от окружающих, предложив свою помощь в осуществлении чего-либо, даже если его об этом и не просят:

- 这块石头真重，谁也搬不动。
- 这算什么，看我的。
- *Этот камень, правда, тяжелый, никто его не сдвинет с места.*
- *Ничего, давай я!*

ПРФ 包在我身上 *bāo zài wǒ shēn shàng* «предоставь это мне/положись на меня» выражает обещание «брать все на себя» и употребляется людьми во многих ситуациях, когда требуется выполнить что-либо:

- 晚上你买菜，做饭，接孩子啊！
- 包在我身上。
- *Вечером ты купишь еды, приготовишь поесть, заберешь ребенка?*
- *Положись на меня.*

Однако употребление данной ПРФ вовсе не означает исполнения обещаемого. Люди могут хвастаться своей способностью заботиться о ком-либо/чем-либо с целью «сохранения» «лица», обманывая себя так же, как и других.

ПРФ 别价 *bié jià* «не делай этого/не поступай так» выражает несогласие собеседника в конкретной ситуации, обычной для китайцев, когда каждый готов расплатиться за себя и гостей в ресторане, что как раз и означает «сохранить» «лицо»:

- 老李呀，今儿这顿饭我结了啊！
- 别价呀！别价，别价，说好了我请客的！

- *Старина Ли! Я плачу за этот ужин!*
- *Ни в коем случае! Не делай этого, мы же договорились, что я угощаю.*

Рассмотрим некоторые ПРФ второй категории со значением «предоставления» «лица» другому.

Слово 牛 *niu* «бык/здорово» раньше употреблялось как оскорбление, однако сейчас это комплимент:

- 昨天我一个人踢进四个球!
- 牛!
- *Вчера я забил 4 гола!*
- *Здорово!*

Употребляя данное слово в разговоре, Вы льстите собеседнику или ободряете его.

ПРФ 没您不成 *mei nin bu cheng* «без Вас не обойтись» используется в ситуации, когда необходимо упрощить кого-либо остаться:

- 老李呀, 明儿的新闻发布会我就不参加了, 你主持吧!
- 那哪行啊? 第一把手不在, 还有什么信任度啊? 没您不成!
- *Старина Ли, Завтра я не смогу присутствовать на выпуске новостей, ты руководи!*
- *Разве так можно? Кто ж нам поверит, если руководителя не будет на месте? Без Вас не обойтись!*

ПРФ 全仗您了 *quan zhang nin le* «Вся надежда на Вас» также добавляет «очки» собеседнику:

- 这件事求谁也没用, 我们全仗您了。
- 包我在身上。
- *В этом деле никто нам не поможет, вся надежда на Вас.*
- *Положитесь на меня.*

К ПРФ третьей категории со значением неудачи попытки «сохранить лицо» можно отнести фразу 折了 *zhe le* «конец/провал». Первоначальные значения «слопать» и «потерять деньги в бизнесе» расширились до «конец/провал» и данная ПРФ используется сейчас для выражения негативного результата и «потери» «лица»:

- 老李, 咱们上会谈那项目怎么样了?
- 嗨, 别提了! 早折了。
- *Старина Ли, как тот проект, о котором мы говорили?*
- *Даже не упоминай! Давно провалился.*

Среди ПРФ третьей категории весьма показательна фраза 脸都丢尽了 *lian dou diu jin le* «лицо полностью потеряно»:

- 哎, 这件事要是让朋友们知道了怎么办?
- 是啊, 我怕的就是这个, 那咱们的脸都丢尽了!

- Что мы будем делать, если наши друзья узнают об этом?
- Да, я тоже боюсь этого, тогда мы потеряем лицо!

Среди ПРФ четвертой категории («отрицание» «лица» у других) в такой же степени показательна фраза 跌份 *die fen* с тем же значением «потерять лицо»:

- 哎, 听说小红考英语的时候烤得不好?
- 对! 本来她想长一份, 没想反倒跌了一份。
- Эй, говорят, что Сяохун плохо сдала экзамен?
- Верно! Она с самого начала хотела быть победительницей, но вместо этого она потеряла свое лицо.

Интересна фраза 下课 *xia ke* «свободен/уволен», которая широко используется в повседневной жизни:

- 这个姓李的哪儿配当国家队的教练啊!
- 是啊, 你没听体育场里八万一齐让他“下课”吗?
- Этот Ли не заслуживает того, чтобы быть тренером национальной сборной!
- Ты прав, ты не слышал, как 80 тысяч человек на стадионе требовали его отставки?

Таким образом, концепт «лицо», являющийся краеугольным камнем китайской ментальности, выражен в большом количестве ПРФ, требующих своего дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов, Ю.С. Слово: Из статьи для словаря концептов («Концептуария») русской культуры / Ю.С.Степанов // Филологика. – 1994. – №1-2.
2. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н.Телия. – М., 1996.
3. Тертицкий, К.И. Китайцы: Традиционные ценности в современном мире / К.И.Тертицкий. – М., 1994.
4. *De Mente Voeye*. NTC's dictionary of China's cultural code words. Chicago, 1996.
5. Баженов, Г.А. Вопросы фразеологии в сопоставительном аспекте (на материале китайского и русского языков) / Г.А.Баженов. – М., 1999.
6. 李杰明等编著。汉语流行口语: 最新版。北京, 2007。

Е. Н. РУДЕНКО

НОМИНАЦИЯ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ЯЗЫКАХ РАЗНЫХ ТИПОВ

Развитие подъязыка информационных технологий позволяет наблюдать, объяснять и в какой-то степени прогнозировать тенденции изменения языка в целом, т.е. сегодняшнее состояние компьютерного жаргона – своеобразное зеркало, редуцированная модель языковой диахронии, причем эта диахрония разворачивается в рамках одного поколения и может быть прослежена глазами наблюдателя того же поколения. В частности, компьютерный жаргон демонстрирует наиболее продуктивные способы пополнения словарного запаса. Рассмотрим способы номинации в сфере компьютерной терминологии на материале разных языков.

Из существующих в языках мира способов номинации – морфемная деривация, семантическая деривация, образование несвободных сочетаний, заимствования – в подъязыке информационных технологий можно встретить все. Используются:

- **заимствования** (рус. *утилита* 'вспомогательное средство, дополнительная программная возможность при пользовании компьютером', *стример* 'магнитофонное устройство, записывающее информацию с компьютера', *спам* 'насильственная выдача информации без запроса со стороны пользователя (часто о рекламе)', *киберслэкинг* 'использование персоналом служебного интернет-канала в личных целях' и мн.др.; чеш. *font* 'шрифт', *mod* 'режим работы оперативной системы', *kompatibilita* 'взаимная совместимость'). Такие единицы, как правило, сразу подчиняются морфологическим законам языка, т.е. склоняются по формальному соответствию той или иной модели и т.д. Тем не менее возможны и заимствования без адаптации, например чеш. *abgrade* 'модернизация компьютера'. Сюда же следует отнести и заимствования в новых значениях ранее уже заимствованных слов (рус. *винчестер*), и заимствования дериватов ранее заимствованных слов (рус. *дискета*, чеш. *procesor*);

- разные виды **калек**, например:

- семантические: рус. *сеть*, *мышь*, чеш. *tuř* (англ. *mouse*),

- словообразовательные: рус. *маршрутизатор* (англ. *rout* 'маршрут', *router* 'маршрутизатор'), чеш. *počítač* (англ. *computer*, *compute*, нем. *der Rechner*, *rechnen*);

- разные виды **морфемной деривации**, в том числе и **сложений**. Следует отметить, что морфемная деривация на базе исконных корней достаточно редка, к таким образованиям относится странный монстр в русском языке с суффиксоидом *-ратура* – *сетература*, причем, как отмечалось выше, *сеть* – семантическая калька. Наиболее распространены аффиксальные образования

от заимствованных корней: рус. *сканировать, онлайнный, (по)юзать*, чеш. *aplikační, modulační, softwarový, formátování*. **Аббревиатуры** в большинстве своем используются без перевода, хотя адаптируются (склоняются): *URL (Universal Resource Location*, термин Интернета); одна из немногих русскоязычных (с учетом давней освоенности слов *база* и *система*) – *СУБД (системное управление базами данных)*. Аналогичным образом **сложения** в подавляющем большинстве случаев включают иноязычные основы разной степени освоенности: рус. *дисквод, мэйнфрейм, веб-дизайн, real-time-эффект-процессор*; чеш. *pen-based, fax-modemový, databazový, cache paměť, videopaměť*. Здесь встречаются и эксклюзивные образования (*руглиш* от *русский English* 'способ написания e-mail-сообщений: на русском языке латиницей', *джаблиш* и под.) и модели (*Рунет – русский Интернет*, см. расширение российских интернет-сайтов и e-mail-сообщений – *.ru*; *Байнет – Белорусский Интернет*, расширение *.by*). Характерно, что способ написания заимствования, деривата от иноязычной основы или сложения свидетельствует о степени их освоенности, например, русскоязычные периодические компьютерные издания за последний год последовательно отражают изменение написания: *web-master – веб-мастер (Web-мастер) – веб-мастер – веб-мастер*, а сегодня даже и собственное изобретение *веб-подмастерье*. Таким же образом изменилось и написание в русском языке слова *Internet* (несклоняемое) – *Internet* (склоняемое: в *Internet'e*) – *Интернет* (несклоняемое) – *Интернет* (склоняемое), а компьютерщики-радикалы уже даже начали писать это слово со строчной буквы;

- разные виды **семантической деривации**: рус. *стравливать* (информацию), *качать* (информацию), *ушки* 'рекламные вставки на страницах Интернета', *грибы* 'нужные ссылки в Интернете', *узел* в Интернете и др., чеш. *soubor 'skupina' → 'file'*, причем случаи семантической деривации на исконной почве достаточно сложно отличать от семантических калек;

- **образование несвободных сочетаний** (рус. *технология доступа*, чеш. *znaková sada*), часто включающих заимствования разного времени, а также калькированные (рус. *жесткий диск* от англ. *hard disk*, чеш. *horké klávesy* от англ. *hot keys*).

Насколько отличаются разные языки в создании новых номинаций в области информационных технологий? Какова разница в этом между чешским и русским языками? Каково соотношение собственных средств номинации и разных видов заимствований в отдельных языках?

Как материал исследования были взяты научно-популярные тексты, а также содержание соответствующих страниц в Интернете.

Критерием отбора материала послужил принцип ориентации на максимально широкий круг пользователей. Специализированные тексты не анализировались, однако прослежена общая тенденция в научных текстах разной тематики: чем более специализированным является текст, тем больше в нем заимствований из английского языка или интернационализмов.

В таблице 1 представлены данные о разных способах номинации с употреблением иноязычных элементов в русском и чешском языках. Подсчеты

проводились исходя из количества слов, образованных тем или иным способом, на 100 слов текста.

Таблица 1. Иноязычные элементы в компьютерной терминологии русского и чешского языков

Способ номинации	рус.	чеш.
Сокращения (на основе заимствований)	12	6
Неадаптированные заимствования	1	3
Адаптированные заимствования	12	6
Кальки	2	4
Устойчивые выражения (заимствованные или образованные на основе заимствований)	2,5	3
Дериваты заимствований	6	6
Всего	35,5	28

Из таблицы следует, что русский язык активнее использует ресурсы другого языка (прежде всего английского) при создании новых номинаций в сфере информационных технологий, однако и чешский язык вряд ли можно назвать пуристическим: треть новообразований в анализируемых текстах – иноязычного происхождения.

Даже при первом взгляде на русскоязычные профессиональные тексты, посвященные компьютерам и информационным технологиям, видно, что в них преобладают заимствования, преимущественно освоенные: «*Информация* (давно освоенное заимствование) *может стравливаться* вашим интернет-браузером (освоенное заимствование) *при помощи cookies* (неосвоенное заимствование) *недобросовестному администратору* (давно освоенное заимствование) *интернет-сайта* (освоенное заимствование) *или провайдера* (освоенное заимствование). *Для того чтобы подтвердить данное предположение, система* (давно освоенное заимствование), *состоящая из файервола* (освоенное заимствование) *и логгера* (освоенное заимствование), *должна поработать некоторое время с браузером* (освоенное заимствование)...» (Компьютерные вести 19.11.2000).

В чешском подъязыке информационных технологий распространено параллельное употребление заимствованного и собственно чешского слова (*průnikář = hacker, slučitelnost = kompatibilita*) или устойчивого сочетания (*kreslicí plocha = grafické pole, souřadnicový zapisovač* ‘плоттер’). Например: *Se stejným problémem* (давно освоенное заимствование) *se potýkali konstruktéři* (давно освоенное заимствование) *minipočítačů* (интернациональный корень + калька) *i mikropočítačů* (интернациональный корень + калька), *když navrhovali systém* (давно освоенное заимствование) *vzájemného propojení jejich modulů* (освоенное заимствование)... *na jedinou centrální dálnici, sběrnici neboli bus.* (Enciklopedie o počítačích. Praha, 1993).

Для сравнения приведем результаты аналогичного исследования на материале китайского языка, генетически и типологически далекого от рассмотренных выше¹.

В китайском языке и в области аппаратного обеспечения, и в области программного обеспечения фонетические заимствования отсутствуют (кроме 5, см. таблицу 2), преобладает поморфемный перевод, или «перевод по частям», или семантическое калькирование, например: англ. *mainboard* ‘материнская плата’, досл. ‘главная плата’, ср. кит. *zhǔbǎn* ‘материнская плата’, досл. ‘главная пластина’.

При номинации понятий «клавиатура» и «мышь» в русском языке, вслед за английским, клавиатура компьютера называется так же, как клавиатура фортепиано, а компьютерная мышь – так же, как и живая. В китайском языке эти номинации уточняются: «компьютерная клавиатура» и «устройство, выглядящее как мышь» (см. таблицу 2). Уточняющая составляющая (‘система’, ‘инструмент’, ‘программное обеспечение’) компьютерных терминов в китайском языке особенно распространена в наименованиях программного обеспечения (см. таблицу 3).

Само слово *computer* на русский язык переводится фонетическим заимствованием *компьютер*, а на китайский – собственным биномом *diànnǎo* досл. ‘электрический мозг’, демонстрируя наиболее распространенный в китайском языке в целом способ номинации – основосложение.

Таблица 2. Номинация в области аппаратного компьютерного обеспечения (*hardware*) в английском, китайском и русском языках

№	Английский термин	Дословный/поморфемный перевод на русский язык	Русский эквивалент	Китайский эквивалент	Дословный/поморфемный перевод на русский язык	Транскрипция пиньинь	Транскрипция Палладия
1	Mainboard, motherboard	Главный-плата, мать-плата	Материнская плата	主板	1 – главный, 2 – пластина	zhǔbǎn	чжубань
2	RAM (Random Access Memory)	Случайный, доступ, память	Оперативное запоминающее устройство	随机存储器	1-3 – случайный доступ, 4-5 – резервуар; 1-2 – случайный, 3-5 – запоминающее устройство	suíjīcúnchúqì	суйцзичуньчүци
3	ROM (Read Only Memory)	Чтение, только, память	Постоянное запоминающее устройство	只读存储器	1 – только, 2 – читать, 3-5 – запоминающее устройство	zhǐdúxúnchúqì	чжидуцуньчүци
4	Bus	Шина	Шина	总线	1 – собирать вместе, 2 – нить, провод	zǒngxián	цзунсянь
5	PCI (Peripheral Component Interconnect)	Периферийный, компонент, соединение	Шина PCI	PCI 总线	См. №4	[pǐsǐ] zǒngxián	[писисай] цзунсянь
6	USB (Universal Serial Bus)	Универсальная, последовательная, шина	Универсальная последовательная шина, шина USB	通用串行总线/ USB 总线	1-2 – общепотребительный, 3 – называть, 4 – идти, 5-6 – шина	tōngyòngchǔàn xíngzǒngxián	тунюнчүань синцзунсянь
7	AGP (Accelerated Graphics Port)	Ускоренный, графический, порт	Порт AGP	加速影像處理埠	1-2 – ускоряться, 3-4 – отражение, 5-6 – заведовать, 7 – пристань	jiāsùyǐngxiàng chǔlǐbù	цзясуинсян чүлибу
8	Power supply	Энергия, подача	Блок/источник питания	电源	1 – электричество, 2 – источник	diànyuán	дяньюань
9	IDE (Integrated Drive Electronics)	Встроенный, накопитель, интерфейс	Интерфейс IDE	集成设备电路	1-2 – интеграция, 3-4 – оборудование, 5-6 – цель, контур	jīchéngshè bàidiànlù	цзичэншэ байдяньлу
10	CD (Compact Disk)	Компактный, диск	Компакт-диск, лазерный диск	光盘	1 – блестящий, 2 – диск	guāngpán	гуанпань
11	DVD (Digital Versatile Disk)	Цифровой, многофункциональный, диск	DVD-диск	数码多功能光盘	1-2 – цифровой, 3-5 – многофункциональный, 6-7 – диск	shùmǎduōgōng néngguāngpán	шүмадуогун нэнгуаньпэ
12	FDD (Floppy Disk Drive)	Гибкий, диск, накопитель	НГМД (накопитель на гибких магнитных дисках)	软盘机	1 – мягкий, 2 – диск, 3 – механизм	ruǎnpánjī	руаньпаньцзи

¹ В работе использованы данные исследования, проведенного студентом отделения лингвострановедения (китайский язык) факультета международных отношений БГУ А.В. Анисимовичем.

№	Английский термин	Дословный/морфемный перевод на русский язык	Русский эквивалент	Китайский эквивалент	Дословный/морфемный перевод на русский язык	Транскрипция пиньинь	Транскрипция Палладия
13	Hard Disk Drive	Жесткий диск, накопитель	Жесткий диск, HDD (накопитель на жестком диске)	硬盘	1 – твердый, 2 – диск	yǐngpán	ин-пань
14	Graphics card	Графическая карта	Видеокарта	显示介面卡	1-2 – показать, 3 – посредничать, 4 – сторона, 5 – заставка	xiǎnshìjièmiàn kǎ	сюань-ши-цзе-мэнь-кэ-кэ-кэ
15	Sound card	Звук, карта	Звуковая карта	声卡	1 – звук, 2 – быть впереди, 3 – заставка	shēng kǎ	шэн-кэ
16	Network	Сеть-карта	Сетевая карта	网卡	1 – сеть, 2 – заставка	wǎng kǎ	ван-кэ
17	Input device	Ввод, устройство	Устройство ввода	输入	1 – передавать, 2 – входить	shū rù	шу-ру
18	Keyboard	Клавиша-доска	Клавиатура	电脑键盘	1-2 – компьютер, 3-4 – клавиатура (ролл)	diànnǎo jiàn pán	диань-нао-цзянь-пань
19	Mouse	Мышь	Мышь	鼠标	1 – мышь, крыса, 2 – выдвинутая часть	shǔ biāo	шу-бяо
20	Scanner	Скан-ер	Сканер	扫描器	1 – сканировать/заглянуть, 2 – свисать/свернуть, 3 – элемент	sǎo miáo qì	сэо-миэо-цзи
21	Output device	Вывод, устройство	Устройство вывода	输出	1 – определять, 2 – выходить	shū chū	шу-чу
22	Monitor/display	Монитор, дисплей	Монитор/дисплей	显示设备	1-2 – показать, 3-4 – оборудование	xiǎnshì shèbèi	сюань-ши-шэ-бэй
23	Printer	Принтер	Принтер	打印机	1 – быть, 2-3 – печатный станок или 3-2 – печатать на альбоме, 3 – машина	dǎ yìn jī	дэ-ин-цзи
24	Modem (modulator-demodulator)	Модулятор-демодулятор	Модем (модулятор-демодулятор)	调制解调器	1-2 – модулятор, 3-5 – демодулятор	mó zhi jiě tiáo qì	мо-цзи-цзе-диэо-цзи

Таблица 3. Номинация в области программного компьютерного обеспечения (software) в английском, китайском и русском языках

№	Английский термин	Дословный/морфемный перевод на русский язык	Русский эквивалент	Китайский эквивалент	Дословный/морфемный перевод на русский язык	Транскрипция пиньинь	Транскрипция Палладия
1	Software	Мягкий-обор	Программное обеспечение	软件	1 – мягкий, 2 – обор	ruǎnjiàn	руань-цзянь
2	Operating system (OS)	Операционный, система	Операционная система	操作系统	1 – работать, трудиться, 2 – система, порядок	cāozuò xìtǒng	цао-цзюэ-си-тэ-нэ
3	Device driver	Устройство, драйвер	Драйвер устройства	设备驱动程序	1-2 – оборудование, 3 – вынуть/взять, 4 – работать, 5-6 – программа	shèbèi dǒngcǐ qùndòng chéngxù	шэ-бэй-дун-цэ-кун-дунг-чэн-сю
4	Codec (Coder-Decoder)	Настройка-декодирование	Кодер (модер-декодер)	编解码器	1 – писать, читать, 2-3 – перевод/форматировать, 4 – система, инструмент	biānjiě mǎ qì	бянь-цзе-мэ-цзи
5	Antivirus	Анти-вирус	Антивирус	杀毒软件	1 – убивать, 2 – Ан, отравлять, 3-4 – программное обеспечение	shā dú wǎnjiàn	ша-ду-ван-цзянь
6	Firewall	Огненный-стена	Брандмаур	防火墙	1 – принимать меры предосторожности, 2 – огонь, 3 – стена	fǎ huǒ qiáng	фэ-хуэ-цзи-нэ
7	Software development kit (SDK)	Программное обеспечение, разработка, комплект	Комплект программ для разработки ПО	软件开发工具包	1-2 – ПО, 3-4 – разработать, 5-6 – конструкция, 7 – упаковка	ruǎnjiàn kāifā gōngjù bāo	руань-цзянь-кэ-фэ-гун-цзи-бао
8	Database management system (DBMS)	База данных, управление, система	Система управления базой данных (СУБД)	数据库管理系统	1-3 – база данных, 4-5 – управлять, 6-7 – система	shùjù kù guǎnlǐ xìtǒng	шу-цзюэ-кун-гуан-ли-си-тэ-нэ
9	Desktop	Стол-стол	Рабочий стол	桌面	1 – стол, 2 – поверхность	zhuō miàn	цзюэ-миэнь
10	Text editor	Текст, редактор	Текстовый редактор	文本编辑器	1-2 – текст, 3-4 – редактировать, 5 – инструмент	wénběn biānjí qì	ван-бэн-бянь-цзи-цзи-цзи
11	Word processor	Слова, процессор	Текстовый процессор	文字处理软件	1-2 текст, 3-4 – управлять, 5-6 – программное обеспечение	wénzì chǔlǐ jiǎnjiàn	ван-цзэ-чү-ли-цзи-цзи-цзи

№	Английский термин	Дословный/морфемный перевод на русский язык	Русский термин	Китайский эквивалент	Дословный/морфемный перевод на русский язык	Транскрипция пиньинь	Транскрипция паллара
32	Table processor	Таблица, процессор	Табличный процессор	试算表软件	1-2 – пробный баланс, 4-5 – программное обеспечение	shìsuanbiǎo pǔjījiàn	Шисуаньбяо пужидзянь
33	Presentation editor	Презентация, редактор	Редактор презентаций	演示文稿程序	1-2 – рингоуся, 3-4 – наглядно-показывать, 5-6 – программа	yǎnshìwénghào qǐcǎochéngxù	Яньшиуэнгао чэнсяо
34	Computer-Aided Design (CAD)	Компьютер, компьютеризация, дизайн	Системы автоматизированного проектирования (САПР)	计算机辅助设计	1-2 – вычислительная машина, 4-5 – вспомогатель, 6-7 – проектирование	jìsuànjībùzhù shèjì	Жисуаньжидзюэ шидзидзюэ
35	Internet	Интер-сеть	Интернет	互联网	1 – Интернет, 2 – сеть, 3 – сеть	wǎngliánwǎng	Уаньлиануань
36	E-mail, email	е-т электронная, почта	Электронная почта	电子邮件	1-2 – электронный, 3-4 – электронное сообщение	diànzǐyóujiàn	Дианцзи юэцзянь
37	Browser	Обсуждается	Браузер	网页浏览器	1 – сайт (Интернет), 2 – страница, 3-4 – просматривать, 5 – система	wǎngyǎnqū	Уаньсянь лянсян
38	Instant messaging	Мгновенный обмен сообщениями	Мгновенный обмен сообщениями	即时通讯	1 – подходить близко, 2 – постоянно, 3-4 – вести переписку	jiéshí tōngxùn	Жидэши тунсюнь
39	IP Telephony	IP Интернет-протокол, телефония	IP телефония	IP 电话	1 – интернет протокол, 2-3 – телефон	ip diànhuà	Ипи дианхуа
40	Peer-to-peer technology	Децентрализованная, технология	Технология одноранговой [равной] связи	点对点技术	1,3 – точка, 2 – а, связывать и, 4-5 – техника	diǎndiǎn shìyòng jìshù	Диандиан шиюнь дзюэ
41	Computer games	Компьютер, игры	Компьютерные игры	计算机游戏	1-2 – вычислительная машина, 4-5 – играть, забавляться	jìsuànjī yóuxì	Жисуаньжидзюэ юэси
42	Graphic editor	Графика, редактор	Графический редактор	图像处理软件	1-2 – пиксель, 3-4 – руководить, 5-6 – программное обеспечение	tuǒxiàngchǔlí pǔjījiàn	Туосянчжүли пужидзюэ
43	Video editor	Видео, редактор	Видео редактор	视频编辑软件	1-2 – видеосюэси, 3-4 – редактировать, 5-6 – программное обеспечение	shìpínbiānjí jīqiānjǐjiàn	Шипинбяньдзюэ жиджюэ
44	Multimedia player	Мультимедиа, проигрыватель	Мультимедийный проигрыватель	音频播放器	1-2 – частота звука, 3 – вещать, 4 – освобождать, 5 – система	yīnpínbò fǎqǐ	Ипинбофанцзюэ

Е. С. СПИЦЫН

ОЦЕНИВАНИЕ УЧЕБНЫХ УСПЕХОВ ШКОЛЬНИКОВ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В КИТАЕ И УКРАИНЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Современный этап развития образования можно считать переходным от традиционных форм его организации к поиску новых, более эффективных. Такой переход требует создания качественно новой модели системы контроля, которая позволила бы объективно оценивать знания, умения и навыки учащихся. Эта модель предполагала бы такую организацию учебного процесса, в которой контроль естественно включался бы как обязательный функциональный компонент его структуры, обеспечивающий его целенаправленность и объективность. Разработка такой модели предполагает использование как традиционных видов, форм и методов контроля, так и положительного опыта организации контроля учебных достижений школьников за рубежом.

Организация процесса обучения в КНР и, в частности, система контроля знаний, умений и навыков учащихся является логической, последовательной и позволяет в определенной мере раскрывать и оценивать возможности каждого учащегося.

Учебный процесс в средних школах Китая организован несколько по-иному, чем в Украине, Республике Беларусь и России. Хотя КНР и заимствовала советскую модель организации учебного процесса, но под влиянием политики открытости она претерпела множество изменений и была адаптирована к актуальным проблемам общества.

Как известно, в КНР дети идут начальную школу в 6 лет и учатся там 6 лет. Затем сдают переводной экзамен, по результатам которого зачисляются в базовую среднюю школу (*zhongdeng xuexiao*). Все учащиеся, независимо от отметки за экзамен, в соответствии с Законом КНР «Об обязательном базовом среднем образовании» будут зачислены в *zhongdeng xuexiao*. На I ступени старшей школы учащиеся учатся 3 года, после чего сдают государственный экзамен по трем основным предметам: китайский язык (*yuwen*), английский язык (*yingyu*) и математика (*shuxue*). По результатам этого экзамена они получают аттестат о базовом среднем образовании и либо переходят на II ступень средней школы (*gaozhong xuexiao*), либо идут учиться в профтехучилище (*zhuanmen xuexiao*) [1].

Следует отметить, что в КНР существуют I-я и II-я ступень средней школы (соответственно, *zhongdeng xuexiao* и *gaozhong xuexiao*), а также три уровня аккредитации: *yileiji xuexiao* (школы I-го уровня аккредитации), *erleiji xuexiao* (II-го уровня аккредитации) и *ganleiji xuexiao* (школы III-го уровня аккредитации). Распределение учащихся по этим школам осуществляется автоматически, в соответствии с их рейтингом: первые 15 % – в *yileiji xuexiao*, следующие 50 % – в *erleiji xuexiao*, оставшиеся 35 % – в *ganleiji xuexiao*. Чем

выше уровень аккредитации школы, тем престижнее там учиться. Поэтому среди учеников наблюдается большая конкуренция – каждый хочет быть лучшим, чтобы учиться в более престижном учебном заведении [2].

После обучения в течение 3-х лет на старшей ступени средней школы (gaozhong xuexiao) учащиеся сдают единый государственный экзамен (ЕГЭ), по результатам которого они поступают в вузы. ЕГЭ проводится в один и тот же день и в одно и то же время по всей стране. Материалы экзамена с заданиями и ответами поступают в книжные магазины вскоре после проведения экзамена и служат материалом для подготовки к экзамену в следующем году. Каждый вуз публикует собственные квоты набора на разные факультеты и объявляет проходные баллы. Выпускники средних школ, исходя из набранных на ЕГЭ баллов и собственного желания, выбирают учебное заведение и направляют туда свои документы. К сожалению, в последнее время стало заметно, что для поступления на факультет иностранных языков по специальности «Русский язык» необходимо набрать чуть ли не наименьшее количество баллов [3].

Иностранный язык в специализированных школах Китая школьники начинают изучать с первого класса. На начальном этапе учителя объясняют учащимся фонетический, грамматический и лексический материал. Подача нового материала осуществляется, как правило, в форме рассказа. На этом этапе практически не реализуется индивидуализация обучения, дифференциация заданий. Уроки иностранного языка чаще всего проходят таким образом: проверка домашнего задания, подача нового материала (рассказ), объяснение домашнего задания. Домашнее задание – это выполнение упражнений (90%) и заучивание текстов наизусть. Домашнее задание учащиеся выполняют на отдельных листах и в начале урока сдают учителю. Тексты рассказывают не все ученики класса, а только лишь те, кого вызывает учитель. Довольно часто учитель делит класс на несколько (как правило, от трех до четырех) групп и проводит соревнования между ними. Та группа, которая наберет наибольшее количество баллов, побеждает, и все ученики этой группы улучшают свой рейтинг по классу и, возможно, даже и по школе. Победителей учитель определяет, во-первых, по уровню выполнения домашнего задания, во-вторых, по баллам, полученным за контрольные задания и аттестации, которые проводятся ежемесячно. Аттестационные задания делятся на четыре группы: задания на аудирование, задания на грамматику, комплексное задание, а также задание на чтение и понимание прочитанного текста [4].

Особое внимание обращается на контроль знаний учащихся по иностранному языку в 12-м (выпускном) классе. Дело в том, что по традиции в Китае весь программный материал старшей школы изучается до 12-го класса. А в 12-м классе ученики целый год занимаются повторением программного материала за все годы обучения. Например, повторение материала по английскому языку в большинстве старших школ КНР проводится по учебному пособию «Английский язык: подготовительные материалы к выпускному экзамену». Это пособие включает в себя: книгу для учителя и учебник для учащихся. Учебник для учащихся, в свою очередь, состоит из четырех час-

тей: правила и трудности употребления лексического материала, основные грамматические правила, трудности аудирования, образцы тестовых заданий. В первых трех частях подается обобщенный изученный материал по лексике и грамматике, а также образцы текстов для аудирования. В четвертой части поданы образцы тестовых заданий для выпускного экзамена.

Урок в 12-м классе проходит, как правило, таким образом: учитель задает на дом проработку материала по очереди из первой, второй и третьей части учебника. В начале урока учитель проверяет, как ученики выучили заданный на дом материал. Проверка домашнего задания проходит в письменной форме в виде тестов: учитель раздает каждому ученику тестовые задания, которые они выполняют в течение всего урока. Тестовых заданий обычно от 50 до 100 и за каждое правильно выполненное задание ученики получают по 1-2 балла. Тесты, используемые учителем для текущего контроля, не являются стандартизованными, а те, которые предлагаются во время аттестаций и на экзаменах – стандартизованные.

Устная проверка в выпускных классах вообще отсутствует. Проверка усвоенных знаний осуществляется исключительно с помощью тестов. В китайских школах значительная часть учителей не считает целесообразным использование устного контроля для проверки знаний, умений и навыков школьников. В определенной мере это обуславливается большим количеством учащихся в классе (в некоторых классах количество учащихся превышает 60). И уроки иностранного языка проводятся, как и другие уроки, с целым классом. В отличие от украинских, в китайских школах учащихся не делят на подгруппы для проведения уроков иностранного языка [5].

При анализе китайской модели контроля и оценки знаний, умений и навыков учащихся по иностранному языку следует обратить внимание на форму проведения экзаменов. Экзамен состоит из 5-ти частей: аудирование, грамматика, комплексное задание (лексика + грамматика), чтение и письмо. Экзамены проводятся только в письменной форме, устная часть отсутствует. Продолжительность экзамена – 2 часа 30 минут, в том числе: аудирование – 30 мин., грамматика и комплексное задание – 30 мин., чтение – 30 мин., письмо – 1 час. Каждое задание оценивается в баллах, причем «цена» заданий разная: более сложное задание оценивается большим количеством баллов и наоборот. Все задания, направленные на контроль навыков аудирования, грамматики, лексики и чтения, подаются в форме тестов, и лишь письмо проверяется с помощью нетестовых заданий. Как правило, это такие: перепишите и дополните предложения, дополните по образцу начало/конец рассказа, написать сочинение, рассказ или письмо [6].

Наблюдение за китайским опытом показывает, что китайские ученики больше всего не любят аудирование и комплексное задание. Аудирование ученики, как правило, недолюбливают из-за языковых трудностей, а также трудностей, обусловленных проблемами восприятия. Тексты для аудирования подаются в виде фонограмм. Запись звучит довольно быстро, а вопросы требуют не только понимания аудиотекста, но и хорошо развитого логического мышления. Ученики довольно часто не успевают подумать над вопро-

сом, как уже звучит следующий вопрос. Комплексное задание ученики недолюбливают, так как оценивается уровень владения учащимися лексической компетенции. Комплексное задание подается в форме текста, в котором пропущены слова; для каждого пропуска дается 4 варианта ответа. Если похожие задания по грамматике можно проработать дома и на уроках, то тексты проработать просто невозможно. Заметим, что текст – это не «сухое» предложение на проработку того или иного грамматического правила, а целостная система, которая позволяет проверить уровень и грамматики, и лексики [7].

Считаем, что проблемным в китайской методике обучения иностранному языку является следующее: основным методом обучения остается рассказ, который учитель ведет близко к учебнику, в то время как ученики следят за ним по учебнику, а главным способом усвоения знаний учащимися является заучивание материала наизусть, при этом как можно ближе к тексту. В результате этого у учеников плохо развивается творческое начало, им не хватает гибкости мышления, широты взглядов [8].

В то же время китайская система обучения иностранным языкам имеет и ряд положительных моментов, одним из которых является организация контроля знаний, умений и навыков учащихся. Отличительной стороной этой системы, в частности, является широкое применение тестов как одного из методов проверки усвоения учебного материала. В средних школах Китая тестовая проверка используется во всех видах контроля: предварительном, текущем, тематическом, промежуточном и итоговом. Используются тесты закрытого типа, то есть после каждого вопроса дается 4 варианта ответа, из которого ученик должен выбрать лишь один правильный вариант.

Результаты тестирования подлежат количественному определению, на основе которого ученик получает отметку. Для этого каждое тестовое задание оценивается в баллах. В средних школах Китая используется, как правило, 100-балльная ранговая шкала оценивания. Часто «цена задания» зависит от степени его сложности. Поэтому больше баллов будет «весить» более сложное задание, но в сумме баллы за все задания должны составлять 100. Для выведения отметки за выполнения теста в Китае используют следующие показатели:

Таблица оценки тестов (в китайской 100-балльной шкале) [9]

Уровень	Процент правильных ответов	Отметка
youxiu	85 – 100	отлично
zhong	75 – 84	хорошо
jige	61 – 74	удовлетворительно
bujige	0 – 60	неудовлетворительно

Популярной в КНР является рейтинговая система оценивания учащихся. Рейтинг проводится по параллели. По окончании каждого семестра суммируются все баллы, полученные учащимися по учебным дисциплинам, и выводится единый рейтинговый балл. На основе этого делается вывод об уровне

не знаний учащихся. Ученик видит свое место в ранговом списке и понимает, что разница между ним и тем, кто немного впереди или сзади незначительная, и в следующий раз соотношение может измениться. Такая система формирует в учениках чувство ответственности, каждый ученик, рассчитывая на свои силы, уже с первых дней обучения может спланировать и, главное, достичь запланированного результата. Кроме этого, рейтинговый обобщенный показатель активизирует учебно-познавательную деятельность учащихся, повышает ответственность учителей за оценку знаний учеников, является стимулом непрерывного обучения и углубления знаний. Каждый ученик в китайской школе стремится быть на вершине рейтингового списка, поскольку именно по результатам итогового рейтинга учащиеся переводятся на более высокие ступени средней школы, а также поступают в вузы.

Китайское правительство также стимулирует учеников к обучению. Ежегодно по результатам рейтингового контроля лучшие ученики получают награды от государства: почетные грамоты, ценные подарки (компьютеры, карманные переводчики, книги и т.п.). Лучших учеников определяют таким образом: лучший ученик (1-е место в рейтинге) – лучшая тройка – лучшая десятка. Для тех, кто находится внизу рейтингового списка применяются меры наказания: их могут оставить на второй год или вообще исключить из школы [6].

Что касается изучения иностранного языка в Украине, то начиная с 2000 г., когда средняя общеобразовательная школа Украины перешла на 12-летний срок обучения, иностранный язык, согласно учебным планам, изучается со 2-го класса (1 час в неделю), в 3 – 4-х классах (2 часа в неделю), в 5 – 7-х (3 часа в неделю), в 8 – 9-х (2 часа в неделю) и в 10 – 12-х (3 часа в неделю).

Одновременно с переходом на 12-летний срок обучения украинская средняя школа стала использовать 12-балльную систему оценивания учебных достижений учащихся, с учетом компетентностного подхода. Компетентностное образование, как известно, ориентировано на практические результаты, опыт личной деятельности, выработку отношений, обуславливающих принципиальные изменения в организации обучения и направленных на развитие конкретных ценностей и жизненно необходимых знаний и умений учащихся. Внедрение компетентностного подхода предполагает обязательное прогнозирование результативной составляющей содержания, что требует, в свою очередь, адекватных изменений в системе оценивания учебных достижений учащихся. Оценивание должно основываться на позитивном принципе, предполагающим учет уровня достижений учащегося, а не степени его неудач.

Результаты учебной деятельности учащихся на всех этапах средней школы не могут ограничиваться знаниями, умениями, навыками. Целью обучения должны быть сформированные компетентности как общие способности, базирующиеся на знаниях, опыте и ценностях личности.

В средних школах Украины выделяют пять сквозных ключевых компетентностей:

- умение учиться;
- здоровьесохраняющая компетентность;
- общекультурная (коммуникативная) компетентность;
- социально-трудовая компетентность;
- информационная компетентность.

Компетентность, как интегрированный результат индивидуальной учебной деятельности учащихся, формируется на основе овладения ими содержательными, процессуальными и мотивационными компонентами.

Уровни сформированности компетентностей определяются в процессе оценивания. Выделяется четыре уровня учебных достижений учащихся: начальный (1 – 3 балла), средний (4 – 7 баллов), достаточный (7 – 9 баллов) и высокий (10 – 12 баллов).

В средних школах Украины используются следующие виды оценивания достижений учащихся: текущий, тематический, семестровый, годовое оценивание и государственная итоговая аттестация.

В оценивании учебных достижений учащихся по иностранному языку есть свои особенности. Так, в частности, большинство приемов текущего оценивания направлено на детальную проверку отдельных параметров языка или умений речи, которым только что научили; тематическое оценивание проводится на основе текущего оценивания и выставляется единый тематический балл. В конце каждого семестра проводится оценивание по 4-м видам речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение и письмо), для каждого из которых разработаны свои критерии.

Современные условия требуют от учителя иностранного языка использования более эффективных методов и приемов контроля и оценки знаний, умений и навыков учащихся. Одним из возможных вариантов усовершенствования системы контроля является внедрение в учебный процесс тестов. Тестовая методика в полной мере отвечает условиям группового обучения, она требует немного времени и сводит к минимуму трудности продуктивного характера. Кроме этого при использовании тестов стимулируется и интеллектуальная активность учеников: анализ и синтез, обобщение и конкретизация, сравнение и дифференциация [10]. Кроме этого, тестирование существенно содействует формированию самостоятельности мышления учащихся и является одним из путей индивидуализации учебного процесса.

Основным отличием теста, например, от традиционной контрольной работы является то, что тест всегда предполагает измерение. Поэтому оценка, полученная по результатам тестирования, является более объективной и независимой от возможного субъективизма учителя. Также тест дает возможность учителю проверить значительный объем изученного материала малыми порциями и диагностировать степень овладения этим материалом большинством учащихся. В то же время следует учитывать, что существующие методики тестового контроля направлены, в основном, на проверку фактических знаний учащихся и не учитывают потенциальных возможностей развития личности, поскольку они имеют лишь оценочный, а не прогнозирующий характер.

Для анализа положительных и отрицательных сторон тестирования был проведен небольшой педагогический эксперимент на базе одной из средних общеобразовательных школ. В ходе эксперимента учащимся 9-х и 11-х классов было предложено выполнить тестовые задания по английскому языку, которые выполнялись их китайскими сверстниками. Тесты были взяты из сборника тестовых заданий для учащихся 9 – 12-х классов средних школ КНР [6].

После тестирования с учениками были проведены анкетирование и беседы с целью выяснения их отношения к тестированию, а также к установлению их фактического понимания тестовых заданий. Анкетирование и беседы были проведены и с учителями этой школы.

Для оценки выполненного теста использовалась китайская 100-балльная шкала. По результатам выполнения тестов среди учащихся 9-х классов: 32 % выполнили его на «отлично», 50 % – на «хорошо» и 18 % – на «удовлетворительно». В 11-х классах: 36 % учащихся получили «отлично», 46% – «хорошо», 18 % – «удовлетворительно».

Несмотря на довольно оптимистические результаты тестирования, в ходе анкетирования учителей выяснилось, что только лишь 20% из них регулярно используют тесты в учебном процессе, хотя никто из них, в принципе, не возражал против использования такого метода контроля. Интересно отметить, что среди учителей иностранного языка данной школы 20% – молодые специалисты, которые только начали работать в школе. Для них характерно желание коренным образом усовершенствовать систему контроля знаний учащихся, сделать ее более рациональной и эффективной. А 80% – это опытные учителя с большим стажем работы, которые по ряду причин не желают использовать тесты. Среди причин учителя выделяют:

- трудности при составлении тестовых заданий;
- отсутствие стандартизованных тестов;
- трудности с обеспечением каждого ученика тестовыми заданиями;
- отсутствие системы оценивания тестов.

В то же время в ходе беседы учителя согласились, что в случае разрешения этих проблем тестовую проверку можно с успехом использовать как альтернативу письменному контролю. Более того, все опрошенные учителя согласились с мнением, что внедрение тестового контроля не только облегчит проверку знаний учащихся, но и сделает ее более объективной и эффективной. Этот вывод хорошо согласовывается с точкой зрения анкетированных учащихся, 82% из которых отдают предпочтение именно тестовому контролю.

Результаты эксперимента свидетельствуют, что тестовая проверка не должна быть единственным методом контроля знаний учащихся, ведь ученики должны владеть иностранным языком не только на уровне письма, но и свободно общаться на нем. Именно поэтому, наряду с тестами, в изучении иностранного языка следует широко использовать и устный контроль. А вот как свидетельствует китайский опыт, преимущественное использование только тестового контроля приводит к тому, что учащиеся не могут свободно разговаривать на иностранном языке: у них не сформированы навыки устной

речи. Проведенные беседы с учителями и учениками школы свидетельствуют, что тестовый контроль не должен полностью вытеснить другие формы письменной проверки знаний. По мнению респондентов, тестовый контроль целесообразно использовать в предварительном, тематическом и итоговом видах контроля, в то время как в процессе текущего контроля было бы лучше использовать письменную проверку.

Таким образом, рациональное сочетание устного, тестового и письменного контроля даст возможность наиболее эффективно и объективно определить уровень усвоения учащимися программного материала.

Нам было интересно узнать отношение учителей и учащихся данной школы к внедрению рейтингового контроля. Подавляющее большинство учителей (80%) не возражали против введения рейтинга, 50% хотели бы ввести рейтинг в параллели, 20% – рейтинг учеников в классе и 10% – рейтинг по дисциплине. Среди учащихся большинство (63%) хотели бы ввести рейтинг в параллели, 20% – рейтинг по дисциплине, 14% – рейтинг в классе и 3% – рейтинг в школе. По мнению учителей, преимущество рейтинга в том, что он достаточно информативный и содействует здоровой конкуренции между учащимися, но эффективным рейтинг будет лишь тогда, когда он будет подкреплен серьезными стимулами (подобно тем, которые используются в КНР).

Проведенное исследование показало:

- существующая в Украине система контроля учебных достижений учащихся требует совершенствования, в частности, возможно использование для этого положительных моментов в китайской системе контроля и оценки знания учащихся;

- внедрение тестового контроля желательно, но он должен использоваться лишь в сочетании с устными и письменными методами контроля;

- введение рейтингового контроля является положительным, наиболее эффективным был бы рейтинг учащихся в параллели;

- главным условием эффективного внедрения рейтинга является разработка средств, для действенного стимулирования учащихся к улучшению своих учебных достижений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Shao Rao Ming, Li Zhen Guo. Zhongguo jiaoyu yu qi yinsu.* – Beijing: Xinxin, 2002. – P. 151-162.
2. *Xuexiao lei* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.xcb.jmu.edu.cn>.
3. *Zhongguo jiaoyu* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.china.org.cn>.
4. *Wang Jin Jiang, Piao Ming Zhe. Xuesheng yu tamen chengji.* – Beijing: Xinxin, 1996. – P. 68-72.
5. *Cheng Lin Hao. Xuanze bi nuli geng zhongyao.* – Beijing: Renming wenxue chubanshe, 2001. – P. 18-23.
6. *Ruhe jiancha xuexi chengji* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.xue.cri.com.cn>.
7. *Weishenme da bufeng xuesheng taoyan kaoshi:* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.droiyan.com.cn>.

8. Xuexi geng jiandan [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gdbbk.com.cn>.
9. Kaoshi fangan [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.czjiu.com.cn>.
10. Поляков, О.Г. О некоторых проблемах использования тестов как одного из средств контроля обученности школьников по иностранному языку / О.Г.Поляков // Иностранные языки в школе. – 1994. – № 2. – С. 15-21.

Основой китайской письменности, как известно, является иероглифическое письмо, особенность которого состоит в том, что каждый письменный знак *цзы* (дословно: «иероглиф») соответствует фонетической единице – слогу, причем слоговое деление в китайском языке имеет морфологическую значимость [1, с. 11-13]. По уже сложившейся в китаистике традиции при решении вопросов о морфологических и синтаксических единицах (таких, как морфема, слово, словосочетание и др.) непременно учитывается и количественный фактор, т.е. количество письменных знаков (соответственно количество слогоморфем), которые входят в состав этих единиц.

Необходимость учета такого соответствия одним из первых предложил А.А. Драгунов, который впервые ввел в научный оборот соответствующие термины-понятия, делающие акцент на качественной и количественной характеристиках языковых единиц [2, с. 50]. В китайском языке вся система «качественных структурных единиц» строится с учетом того, какого характера и сколько иероглифических знаков *цзы* входит в ту или иную языковую единицу, то есть, как подчеркивал А.А. Драгунов, базируется на фундаменте «структурных единиц количественного порядка». Отдельный знак *цзы* может быть и самостоятельной единицей – словом, а может входить в состав самостоятельной единицы на правах ее составной части – в качестве морфемы, а два иероглифа (*цзы*) могут быть словом или словосочетанием. Как подчеркивает М.В. Софронов, характеризуя понятие *цзы*, эта «элементарная смысловая, просодическая и морфологическая единица китайского языка» обладает качеством объединяться в «лингвистические единицы старших уровней по правилам просодии и грамматики» [3, с. 29].

Квантитативный подход к языковым единицам современного китайского языка (далее – СКЯ) уже стал общепринятой практикой: так, говоря о такой центральной языковой единице, как «слово», принято уточнять, что оно представлено однословом (т.е. записывается на письме одним иероглифом) или двусловом (записывается двумя иероглифами). Это уточнение имеет для китайского языка существенное значение. Данное явление связано с определенными ритмическими правилами построения китайского предложения, когда «просодия [элементарных единиц] составляет основу просодической структуры китайской речи в целом» [3, с. 29], а также сопряжено с явлением сосуществования в СКЯ двух языковых норм: старого языка *вэньяня* и современного литературного языка *путунхуа*. Для *вэньяня* основной количественной единицей является однослог, и большинство лексических единиц односложны, а в СКЯ преобладающей количественной нормой существования

языковых единиц является двуслог. По определению Е.Д. Поливанова, двусложные слова являются «статистически доминирующей нормой слова СКЯ» [4, с. 7]. Это привело к явлению количественного варьирования «длины» самого слова. В речевом процессе, как объясняет это явление Н.Н. Коротков, «в зависимости от условий контекста, структуры предложения и позиции слова предпочтительным является использование то двусложного, то односложного слова. Односложные корневые слова часто ограничены в своем употреблении и не применяются в независимой позиции... Двусложные и многосложные слова свободны в своем функционировании, несмотря на то, что иногда односложный вариант предпочтительнее» [5, с. 43]. По свидетельству ученых, односложные слова представляют собой, как правило, наиболее древние, устойчивые слова, «выражающие жизненно важные для дела общения понятия» [6, с. 43]. Поэтому эти слова продолжают существовать и в СКЯ в качестве современных самостоятельных слов. Многие односложные слова обладают разговорной стилистической окраской, они менее высокопарны, чем их двусложные варианты.

Существующие пары слов, варьирующие свою количественную характеристику, в китаеведческой литературе получили терминологическое наименование «лексические вариантные пары», «односложная и двусложная формы слова», «односложные и двусложные эквиваленты» и др. Такое терминологическое многообразие вызвано не только различными позициями авторов этих терминов, но и тем, что двуслог в некоторых случаях может отличаться по значению от однослога, на основе которого он создан. Существование в СКЯ семантически тождественных или немного различающихся по смысловому объему пар слов представляет, по мнению В.М. Солнцева, «своеобразный вид варьирования слов» [7, с. 226]. Подобный вид вариативности в СКЯ мы предлагаем назвать квантитативным, а варьирующиеся единицы – квантитативно-вариативной парой (далее – КВП).

В СКЯ могут параллельно существовать выражения с одинаковым значением, например, «встретить на дороге» *лу юй* (экспликация: *дорога* + *встретить*, выражение построено по нормам *вэньня*) и *лушан юйцзянь* (экспликация: *дорога* + послелог «на» + двусложный глагол *встретить*, выражение построено по нормам СКЯ) (пример Н.Н. Короткова). Такая особенность совмещения разных стилей в СКЯ обусловила возможность существования в лексической системе китайского языка квантитативных вариантов одного и того же слова. Отдельные слова могут быть представлены несколькими квантитативными вариантами: так, для слова *деревня* возможен и однослог *цунь*, и двуслог – *цуньцзы* (корень *цунь* + именной суффикс – *цзы*), а также возможен двуслог *цуньчжуан* (образован за счет присоединения второго знаменательного компонента) [5, с. 43].

В настоящее время широко используется способность единиц менять свою количественную характеристику: так, в письменных объявлениях, рекламных текстах и пояснениях очень часто можно встретить однослоги, а также сочетания, построенные на базе однослогов. В качестве иллюстрации приведем несколько собственных примеров:

1. Объявление в метро над специально отведенными посадочными местами – 老幼病残孕专座 – *лао ю бин цань юнь чжуаньцзо* (экспликация : *старые + дети + больные + инвалиды + беременные + специальные + места*) – все именные единицы, которые перечислены в объявлении, при самостоятельном независимом употреблении в СКЯ были бы двусложны.

2. В памятке «Правил поведения проводника поезда», которую можно встретить в железнодорожном вагоне, значится : 用爱心迎送每一位旅客 – *юн ай синь инсун мэи и вэй люйкэ* – (экспликация: *использовать + любовь + сердце + встречать + проводать + каждого + пассажира*), причем два подчеркнутых иероглифа представляют собой два соотносимых однослога со значением «встречать» и «проводать», которые в обычной ситуации в разговорной речи были бы двусложны.

Употребление в одном контексте одного и того же слова в рамках одного предложения считается, как правило, нарушением нормативности, существование КВП позволяет устранить этот недостаток за счет попеременного употребления членов данной пары. Приведем любопытный пример, подмеченный нами в учебнике «Вводный курс» китайского языка:

两代人，五口之家，真是幸福的家庭。

liang dai ren, wu kou zhi **jia**, zhen shi xingfu de **jiating**.

(экспликация: *два + поколения + люди, пять + счетное сл. для членов семьи + показатель определения вэньяня + семья, действительно + быть + счастливая + семья*) [8, с. 123].

Приведенный пример является очевидным показателем того, что для самих носителей языка использование необходимого и уместного варианта КВП является совершенно естественным приемом, поэтому авторы учебника китайского языка (без необходимых комментариев) употребляют такие высказывания на начальном этапе изучения языка, не задумываясь, о том, не вызовет ли оно затруднений у учащихся.

В действительности же, правильный выбор количественной модели – это постоянно существующая проблема для лиц, изучающих китайский язык как иностранный. В нашей работе мы продемонстрируем это на примере еще одной КВП именной принадлежности (однослог и образованный на его основе с помощью значимого компонента – морфемы – двуслог), помня о замечании из доклада Се Хунхуа, что «среди существительных подобное явление очень сильно распространено» [9, с. 490-501]. Например, когда студенты-иностранцы изучают слово «государство» 国 **guo (го)** *государство*, то преподаватели обычно говорят им, что у него такое же значение как у 国家 **guojia (гоцзя)**. В любом лексическом словаре 国 **guo (го)** и 国家 **guojia (гоцзя)** переводятся на английский язык как «*country \ state*», а на французский язык как «*pays \ etat*». Однако в реальном употреблении 国 **guo (го)** и 国家 **guojia (гоцзя)** совсем не являются взаимозаменяемыми единицами: вместо 本国 **ben guo (бэнь го)** (экспликация: *данная + страна*)

нельзя употребить 本国家, а вместо 这个国家 **zhege guojia (чжэгэ гоцзя)** (экспликация: *эта* + счетное слово + *страна*) нельзя – 这个国. Студенты не осознают, почему односложная единица и двусложная единица не всегда взаимозаменяемы. В данном примере соотносимая двусложная единица была образована присоединением значимой морфемы, кроме этого распространенного случая среди существительных есть еще не менее часто встречающаяся модель, когда двуслог образуется с помощью одного из трех именных суффиксов (-zi, -er, -tou), которые в этом случае выполняют конструктивную функцию по образованию двусложного количественного варианта слова. При этом, за редкими исключениями, прибавление этого суффикса не меняет общего значения слова (иногда эти суффиксы могут придавать производным лексическим единицам оттенок уменьшительности, пренебрежительности и некоторые другие).

Наличие у одного и того же слова количественных вариантов представляет определенную трудность при изучении СКЯ как иностранного и также как неродного китайскими студентами из числа национальных меньшинств. Преподаватель Синьцзянского университета Цзу Кэла (Zu Kela) написал статью «Как правильно понимать и применять синонимичные однослоги и двуслоги» – о сложностях в овладении правилами использования разных количественных вариантов студентами уйгурской национальности. В статье речь идет о трудности выбора односложного или двусложного варианта количественно-вариативной пары. Сам автор статьи, говоря о КВП, пользуется существующим в традиционном китайском языкознании термином 同义词 – **тунъи цы** (дословно: слова с одним и тем же значением), который обычно переводится на русский язык как «синоним», что, разумеется, в данном случае неуместно [10].

Проблему количественной вариативности применительно к темам своих исследований затрагивали китайские, западноевропейские и отечественные ученые-китаеведы, но есть и специальные работы на эту тему (например, работа видного китайского лингвиста-теоретика Люй Шусяна). Из последних работ следует упомянуть доклад, сделанный несколько лет назад на Всемирном съезде синологов лингвистом Се Хунхуа. В докладе речь шла о том, что явление количественной вариативности характерно не только для трех самых значимых частей речи – существительных, глаголов и прилагательных, но также и для большинства прочих частей речи. Только среди служебных слов, междометий и личных местоимений не были найдены количественные пары по типу однослог-двуслог. Отсюда видно, что это явление чрезвычайно распространено в СКЯ [9, с. 490-501].

Многократно к вопросу о количественной вариативности в своих работах обращался Н.Н. Коротков. Так, в 1963 г. он опубликовал две статьи: «Норма, система и структура как этапы анализа и описания языкового строя» и «К вопросу об отдельности слова и его границах в современном китайском литературном языке». Как пишет Н.Н. Коротков, необходимость отражения в словаре современного языка не только типологически полных, но и непол-

ных, и даже потенциальных слов языка вовсе не предполагает автономности значимых однослогов перечисленных типов в каждом конкретном случае в потоке речи и, следовательно, их раздельного во всех случаях написания. Все они, кроме междометий, могут выступать (так чаще всего и происходит) в речи в составе сложных лексических комплексов (производных слов), при этом утрачивая свое качество слова. Однако этот вопрос связан уже с критериями цельности слова и с подходом к решению проблемы цельности комплекса в каждом конкретном случае [11, с. 43].

Теоретические положения предшествующих исследователей делались на основе печатных текстов и примеров из литературы. Однако никто из теоретиков не проверял свои теоретические высказывания в экспериментальном порядке, хотя только эксперимент позволяет выявить прескрипторные правила предпочтительного или единственно возможного употребления того или иного варианта КВП.

Нами был проведен так называемый «пилотажный» опрос высокообразованного китайского информанта с прекрасным знанием русского языка (редактор программ на русскоязычную аудиторию на Пекинском радио, в Москве он находился как стажер в Институте русского языка им. А.С.Пушкина). Для работы с информантом были заготовлены карточки с предложениями из оригинальных китайских литературных текстов, в которых были оставлены пропуски в тех местах, где предполагалось, что информант употребит или односложную или двусложную форму пропущенного слова. Целью опроса было выяснение возможной группы факторов, определяющих в каждом случае правильный выбор одного из членов данной КВП. Имеются в виду следующие факторы: структурно-синтаксический, семантический, функционально-стилевой, ритмический и т.д. Кроме того, перед нами стояла задача определить вероятность взаимной замены членов количественной пары. На каждую лексическую единицу предлагалась карточка, содержащая в среднем пять предложений-высказываний. В качестве примеров приведем материалы трех карточек, использовавшихся в эксперименте.

Карточка со словом «деревня»

(Эта единица может иметь несколько двусложных вариантов)

1) 现在, _____ 里的乡亲又把你送到了这里。

Xianzai, _____ li de xiangqin you ba ni songdaole zheli.

Сяньцзай, _____ ли дэ сянцинь ю ба ни сундаолэ чжэли.

Перевод: Сейчас земляки из _____ снова тебя прислали сюда.

Комментарий информанта. В этом случае слово «деревня» находится в определении к слову «земляки» вместе с послелогом «в». По мнению информанта, это может быть только одна, наша, конкретная деревня. По словам информанта употребление форм с суффиксом существительных **-цзы** (это характернее для сельского человека) и без него (это короче, проще, и соответствует требованию литературного языка, так привычнее для городского человека). Употребление другого двуслога, например 农村 **нунцунь**, невоз-

можно, так как этот вариант имеет обобщенное значение «деревня», соотносимое с понятием «город», передаваемым словом ЧЭНШИ.

2) 为了革命的需要, 他们的作品, 更多地发表在 _____ 的黑板报上。

Weile geming de xuyao, tamen de zuopin, geng duode fabiao zai _____ de heiban bao shang.

Вэйлэ гэминдэ суйяо, тамэньдэ цзопинь, гэн додэ фабяо цзай _____ дэ хэйбань бао шан.

Перевод: В интересах революции их произведения большей частью публиковались в _____ рукописной газете на черной доске.

Комментарий информанта. В этом случае слово «деревня» стоит в определении к словосочетанию «рукописная газета на черной доске». По мнению информанта, поскольку такие доски есть во многих деревнях, то поэтому возможно употребление двуслогов 农村 **нунцунь** и 乡村 **сянцунь** со значением «деревня», а употребление 村子 **цуньцзы** возможно было бы, если бы в тексте стоял послелог, имеющий значение предлога «в». Употребить однослог здесь нельзя, так как сочетание **цзай цунь дэ** будет непонятным для носителей языка.

3) 满满的春塘河水, 又绕过无数个生产队的 _____, 向黄浦江的一条支流直奔而去。

Manman de chuntang heshui, you raoguo wushu ge shengchandu de _____, xiang Huangpu jiang de yitiao zhiliu zhi ben er qu.

Маньманьды чуньтан хэшуй, ю жаого ушу гэ шэнчаньдуйды _____, сянь Хуанпу цзян ды итяо чжилю чжи бэн эр цюй.

Перевод: И вновь весеннее половодье, преодолев речную дамбу, огибая бесчисленные _____ производственных бригад, устремилось к одному из притоков реки Хуанпу.

Комментарий информанта. В данном случае, с точки зрения информанта, возможна ошибка, так как в реальности в одной деревне раньше было 4-6 производственных бригад, а не «бесчисленное количество», как это указано в авторском тексте. Слово «деревня» в данном примере выражено одним слогом, так как перед этим словом есть очень длинное определение «многочисленные производственные бригады». Возможно также употребление двуслогов 村庄 **цуньчжуан** и 村子 **цуньцзы**, а слова 农村 **нунцунь** и 村 **цунь** нельзя использовать по смысловым соображениям (идет описание конкретной местности в районе г. Шанхая в провинции Чжэцзян).

4) 我们学院的又一批毕业生要返回 _____ 了。一个 _____ 位于低地, 一个 _____ 在山坞的东边。

Women xueyuande you yi pi biyesheng yao fanhui _____ le. Yige _____ weiyu didi, yige _____ zai shan'ao de dongbian.

Вомэнь сюэюаньдэ ю и пи биьешэн яо фаньхуэй _____ лэ. Игэ _____ вэйюй диди, игэ _____ цзай шаньбао дэ дунбянь.

Перевод: *Новый выпуск студентов нашего института должен возвращаться в _____. Одна _____ расположена в низине, другая _____ – на востоке горной впадины.*

Комментарий информанта. Слово «деревня» употреблено в словосочетании «вернуться в деревню»: «деревня» стоит в сочетании с глаголом «возвращаться». При обобщенном понимании «Студенты (из деревни) возвращаются после учебы домой» возможно употребление двуслогов 乡村 **сянцунь** и 农村 **нунцунь** со значением в обоих случаях «деревня». А при понимании: «(Конкретные) студенты возвращаются в деревню» – возможно употребление односложного слова 村 **цунь**. А если конкретный студент возвращается в свою деревню, то возможно было бы употребить двусложное слово – 村子 **цуньцзы**. Во второй части данного высказывания речь идет о каких-то конкретных деревнях, поэтому возможно употребление только односложного слова 村 **цунь** (ведь только эти две деревни и могли послать студентов на учебу в город). Слово 村子 **цуньцзы** здесь неуместно.

5) 两 _____ 相距不远。

Liang _____ xiangju bu yuan.

Лян _____ сянцзюй бу юань.

Перевод: *Две _____ отстоят друг от друга недалеко.*

Комментарий информанта. Когда слово «деревня» употребляется с числительным, то в таком случае возможны два варианта употребления, например: два + **цунь** или два + счетное слово + **цуньцзы**. По мнению информанта, вариант два + счетное слово + **цунь** тоже может существовать, вместо числительного «два» может употребляться и его разговорный вариант **ля** (**ля** + **цунь**).

6) 这个 _____ 妇，如今当上了赤脚医生。

Zhege _____ fu, rujin dangshang le chijiao yisheng.

Чжэгэ _____ фу, жуцзинь даншан лэ чицзяо ишэн.

Перевод: *Эта _____ женщина теперь стала «босоногим врачом».*

Комментарий информанта. В этом предложении возможен только односложный вариант слова «деревня», так как здесь употреблено устойчивое выражение: **цунь** + **фу** «женщина» (тоже однослог) – «деревенская женщина».

Карточка со словом «заяц»

(в некоторых контекстах может быть односложным,
в некоторых – двусложным)

1) 小伙子把那支«飞马»牌香烟往 _____ 笼里一扔，站起来气势汹汹地问： «_____ 崽子，你说什么？»

Xiao huozhi ba na zhi «fei ma» pai xiangyan wang _____ longli yi reng, zhanqilai qishi xiong xiong de wen: «_____ zaizi, ni shuo shenme?»

Сяохоцзы ба на чжи «фэйма» пай сяньянь ван _____ лунли и жэн, чжаньцилай цишисюнсюн дэ вэнь : «_____ цзайцзы, ни шо шэммэ?»

Перевод: *Парень бросил сигарету марки «Фэйма» в _____ клетку, встал и с угрожающим видом спросил : «_____ сын, ну что скажешь?»* (Здесь наблюдается игра слов, связанная с выражением **гоуцзайцзы** «сукин сын», обычно используемое китайцами как ругательное).

Комментарий информанта. Односложное слово **ту** в первом случае является определением к слову «клетка» с послелогом **ли** (аналог русского предлога «в»), поэтому возможно только употребление однослога. Хотя и возможно сочетание **тулунцзы** (заяц [однослог] + клетка [двуслог]) «заячья клетка», но сочетание **туцзы лун** (заяц [двуслог] + клетка [однослог]) «заячья клетка» невозможно.

2) _____ 一年下三四窝小 _____ 儿。
_____ yi nian xia san si wo xiao _____ er.
_____ и нянь ся сань сы во сяо _____ эр.

Перевод: _____ за год приносят 3-4 помета потомства (зайчат).

Комментарий информанта. В начале предложения возможно употребление слова **ту**, так могут сказать южане, жители же севера страны скажут только **туцзы**. Во втором пропуске гораздо грамотнее было бы употребить слово **туцзай** «детеныш животного» с уменьшительным суффиксом **-эр**. Но в указанном контексте возможно и односложное слово **ту** с суффиксом **-эр**.

3) _____ 繁殖得很快。
_____ fanzhi de hen kuai.
_____ фаньчжи дэ хэнь куай.

Перевод: _____ размножаются очень быстро.

Комментарий информанта. Информант считает, что здесь возможны оба варианта слова: и **ту**, и **туцзы**.

4) 现在, 小伙子在 _____ 房里。
Xianzai, xiaohuozhi zai _____ fang li.
Сяньцзай, сяохоцзы цзай _____ фан ли.

Перевод: *Сейчас парень находится в зайчатнике.*

Комментарий информанта. Слово **ту** стоит в определении к слову **фан** «дом», здесь возможно только употребление односложного слова.

Карточка со словом «нос»

(в СКЯ слово 'нос' как лексическая единица может быть двусложным словом с суффиксом существительных **-цзы**, а в условиях наличия предметной опоры может употребляться в односложной форме)

1) 给我要动手术, 要割除 _____ 息肉。

Gei wo yao dong shoushu, yao gechu _____ xirou.

Гей во яо дун шоушу, яо гэчу _____ сижоу.

Перевод: Мне надо сделать операцию, надо удалить полип в носу (выражено сочетанием *полип + нос*).

Комментарий информанта. В этом сочетании в функции определения к слову «полип» возможно употребить только однослог **би**, употребление двуслога возможно было бы при перестройке предложения – **бицзы ли дэ сижоу**.

2) 耳、_____、喉等处发痒的时候一定要搔痒。

Er, _____, hou deng chu fayang de shihou yiding yao saoyang.

Эр, _____, хоу дэнчу фаьян дэ шихоу идин яо саоян.

Перевод: Когда чешется в ухе, носу, горле и др. местах, надо обязательно чесать.

Комментарий информанта. В этом примере слова «ухо» и «горло» употребляются в односложном варианте, поэтому при данном перечислении и слово «нос» должно стоять в односложном варианте **би**. По этому же принципу образуется название отоларингологического отделения в поликлинике: **эр**(ухо) + **би** (нос) + **хоу**(горло) + **кэ** (отделение). Имеет важное значение и последовательность элементов в цепочке перечисления, произвольный порядок невозможен. Если при перечислении все слова будут двусложные, то и слово «нос» будет выражен двуслогом **бицзы**.

3) 昨天 弟弟 发生 _____ 出血。

Zuotian didi fasheng _____ chuxue.

Цзотянь диди фашэн _____ чусе.

Перевод: Вчера у младшего брата случилось кровотечение из носа.

Комментарий информанта. Слово **би** стоит перед словом «кровотечение» после глагола «происходить». Здесь возможно только употребление односложной формы. Употребление двусложной формы станет возможным, если предложение будет перестроено «Вчера у младшего брата из носа текла кровь» **Цзотянь диди бицзы чулэ сюе** (т.е., если глагол будет оформлен видовым суффиксом лэ).

4) 他往我脸上打了一拳, _____ 蹿血。

Ta wang wo lian shang dale yi quan, _____ cuan xue.

Та ван во ляншан далэ и цюань, _____ цуань сюе.

Перевод: Он ударил меня кулаком по лицу, из _____ брызнула кровь.

Комментарий информанта. Здесь возможно употребление только двусложной формы слова **бицзы** «нос».

5) 孩子听完了, _____ 里哼了一声就走了。

Haizi tingwanle, _____ li hengle yi sheng jiu zou.

Хайцзы тинваньлэ, _____ ли хэнлэ и шэн цзю цзоулэ.

Перевод: Ребенок выслушал, хмыкнул _____ и ушел.

Комментарий информанта. Поскольку в этом предложении автором употреблена следующая последовательность слов: *нос* + *издать* [носом] + *один* + *звук*, поэтому возможно употребление только двусложной формы слова «нос» **бицзы**.

б) 辣椒的味儿呛我 _____。

Lajiao de weir qiang wo _____.

Лацзяо дэ вэйр цян во _____.

Перевод: Запах острого перца ударил мне в нос.

Комментарий информанта. Информант отметил, что здесь слово «нос» должно быть употреблено в своей двусложной форме вместе с определением «мой» **во бицзы** (*мой* [однослог] + *нос*[двуслог]).

Рассмотренный в статье экспериментально-речевой материал совершенно отчетливо указывает на то, что количественная вариативность имен существительных осознается носителями китайского языка, и каждый из вариантов связан в языковом сознании китайцев с конкретными семантическими, ритмико-мелодическими, контекстными и иными факторами, обуславливающими их выбор. Анализ экспериментального материала свидетельствует о том, что выбор одного из количественных вариантов является многофакторным речемыслительным процессом, объективация которого может быть осуществлена в направляемом психолингвистическом эксперименте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Солнцева, Н.В. Теоретическая грамматика современного китайского языка (проблемы морфологии) / Н.В.Солнцева, В.М.Солнцев. – Москва, 1979.
2. Драгунов, А.А. Грамматическая система современного китайского разговорного языка / А.А.Драгунов. – Л., 1962.
3. Софронов, М.В. Китайский язык и китайская письменность / М.В.Софронов // Курс лекций. – М., 2007.
4. Иванов, А.И. Грамматика современного китайского языка / А.И.Иванов, Е.Д.Поливанов. – М., 2001.
5. Китайский язык / Н.Н.Коротков [и др.]; под общ. ред. Н.Н.Короткова. – М., 1961.
6. Солнцев, В.М. Очерки по современному китайскому языку / В.М.Солнцев. – М., 1957.
7. Солнцев, В.М. Язык как системно-структурное образование / В.М.Солнцев. – М., 1977.
8. Ван Фусян, Ян Тяньгэ. Китайский язык. Вводный курс. – Спб., 2006.
9. Се Хунхуа. Факторы, определяющие выбор одно- или двусложного варианта слова в современном китайском языке // Избранные доклады VI международной конференции по проблемам преподавания китайского языка. – Пекин, 2000, 491-501 (на кит. языке)
10. *Zu Kela* [Электронный ресурс] / Синьцзянский университет. – Урумчи (на кит. яз.).

11. *Коротков, Н.Н.* К вопросу об отдельности слова и его границах в современном китайском литературном языке / Н.Н.Коротков // Морфологическая структура слова в языках различных типов. – М.-Л., 1963.

В статье демонстрируется роль дублирования как способа экстенсификации семантики языкового знака. Методологически наше исследование опирается на основные положения *комбинаторной семантики* (А.Н. Гордей) как одного из новых направлений в лингвистике к. XX – нач. XXI вв. [1].

Альтернативная научная парадигма включает в себя *теорию частей языка*: тайгенов и ёгенов. *Тайген* – это часть языка, обозначающая индивид; *ёген* – это часть языка, обозначающая признак индивида, постоянный признак – свойство индивида, или переменный признак – процесс, в котором индивид участвует. С точки зрения количественной семантики, языковые знаки являются одноместными, т.е. обозначают один индивид (*монета, число*) или один признак индивида (*красный, истинный, сказать, мигнуть*), либо многоместными, т.е. обозначают множество индивидов или признаков индивидов. Многоместные части языка, в свою очередь, включают интенсивные части языка, обозначающие многое как единое (*песок, красивый, лететь*) или и многое и единичное (*пальто, дорожке, читать*), и экстенсивные части языка, обозначающие многое как многое (*монеты, пески, прекрасный, умный-умный, лететь-лететь, перечитывать*). Другими словами экстенсивные языковые знаки призваны подчеркнуть множественность называемых ими явлений.

Как отмечалось нами ранее [2], первые знаки языка были многоместными интенсивными, что вполне соответствовало состоянию языковой картины мира на этапе ее формирования, т.к. категория интенсивности является предельно нечеткой: интенсивные знаки способны обозначать и единичное (в отличие от экстенсивности) и множественное (в отличие от одноместности).

Интенсивные знаки создают в языке очень неудобную ситуацию, поскольку при их употреблении не ясно, имеется ли в виду один индивид или признак индивида либо множество индивидов или признаков индивидов.

Для указания на множественность того или иного индивида либо признака индивида как в древних, так и в современных языках используется дублирование¹ знака – простейший и потому наиболее ранний способ экстенсификации. Мы определяем **экстенсификацию** как такое изменение количественной семантики языкового знака, которое приводит к его переходу из одной категории (одноместности или многоместности интенсивности) в дру-

¹ Мы используем термин «дублирование», поскольку полагаем, что редуцироваться может только слог, другими словами, редупликация понимается нами как частный случай дублирования.

гую (многоместность экстенсивность). Как мы уже отмечали, экстенсивные знаки обозначают многое как многое и призваны обозначить и подчеркнуть именно множественный характер называемых ими явлений. Экстенсивность для тайгенов означает множественность индивидов, для постоянных ёгенов – большую степень выраженности обозначаемого ими свойства, для переменных ёгенов – многократность и/или большую длительность процесса. Лингвисты неоднократно отмечали иконическую связь дублированных знаков с множественностью обозначаемых ими явлений [3, с. 318], [4, с. 70], причем соответствующие факты обнаружены в различных языках мира: китайском [5, с. 65, 90-91], [6, с. 57-59], [7], [8, т.2, с.156-157], [9, с. 24-25], русском [10, с. 36], румынском [11], аварском [12], каракалпакском [13], чувашском [14], якутском [15], армянском [16], индонезийском [17], вьетнамском [18], тайском [19, с. 42] и других [20].

Дублирование очень древняя лингвистическая процедура. В китайском языке об этом свидетельствуют прямые датировки. Так, Чэнь Цинчжунь указывает, что дублированные знаки присутствуют уже в «Шицзин» (XII – V вв. до н.э.) [21, с.19], а авторы учебника классического китайского языка вэньяня М.В. Крюков и Хуан Шуин датируют «удвоения знаменательных слов и предикативов» доклассическим периодом (X – VI вв. до н.э.) [5, с. 65].

В других языках, например, в русском, древность дублирования подтверждается рядом косвенных фактов. Во-первых, многие исследователи отмечали связь дублирования с оноματοпоетическими и междометными выражениями [11, с.8-9], [20, с. 4], [4, с. 73], а именно с подобных образований начинался язык [22]. Во-вторых, наличие большого количества дублированных знаков в детской речи [14, с.13], [20, с. 4] подтверждает их раннее появление в глоттогенезе согласно закону о гомоморфизме филогенеза и онтогенеза. В-третьих, дублированные знаки присутствуют «во всех известных науке естественных языках мира, в том числе и «мертвых» [14, с. 5], [7]¹.

Обращает на себя внимание тот факт, что для большинства языков, в том числе для китайского и русского, характерно незначительное применение дублирования для экстенсификации тайгенов при широком использовании той же процедуры для экстенсификации ёгенов, лидерство среди кото-

¹ Исследователи указывают, что на современном этапе дублирование более широко реализуется в изолированных языках [20]. Отметим, однако, что данная процедура находит свое применение в любом языке на соответствующем этапе его развития. Сравните с выводами О.Ю. Крючковой, к которым она пришла в ходе изучения явления редупликации в славянских языках: «В славянских языках отсутствуют живые, продуктивные модели слогового и корневого удвоения, столь характерные для изолирующих и агглютинативных языков. Слова с подобным удвоением представляют собой реликты древнего типа редупликации. Такие слова во всех славянских языках немногочисленны и относятся к древнейшему лексическому слою. Например, русск. *бубен, дадим, перепелка, папа, мама, дядя, тот* (< *тътъ*), *колокол, глагол, еле-еле, едва-едва, мало-мальский*; блр. *тара-торыц', п'а́рап'олка, попел* (< *пепел < пел-пель*)... Слоговое и корневое удвоение в славянских языках в основном сосредоточено в лексике с междометными и звукоподражательными корнями, хотя количество таких слов тоже невелико. Например, болг. *чин-чин* «кукушка»; укр. *ква-ква*; русск. *гагара, гоготать*» [4, с. 73].

рых за постоянными недискретными¹. Так, по данным Син Хунбина из 1050 проанализированных им случаев дублирования, 725 приходится на прилагательные, 137 – на глаголы, 105 – на существительные, 62 – на звукоподражания, 7 – на счетные слова, 5 – на наречия, 5 – на числительные и 4 – на междометия [24, с. 36]. Данная закономерность обусловлена следующей особенностью количественной семантики различных языковых знаков. Анализ количественной семантики знаков, обозначающих **индивидов**, что естественно, носит более наглядный характер, чем анализ количественной семантики знаков, обозначающих **признаки индивидов**. В свою очередь, анализ количественной семантики переменных ёгенов более нагляден, чем анализ количественной семантики постоянных ёгенов, что обусловлено семантикой **процесса**, в которой, хоть и не в столь явном виде, как в семантике индивида, но достаточно легко обнаружить количественность: кратность и/или длительность; количественность же постоянного признака, т.е. **свойства**, наиболее затемнена, в ряде случаев репрезентируясь через степень выраженности свойства и т. п. Именно эта особенность количественной семантики различных языковых знаков обуславливает широту применения процедуры дублирования, которая в большей степени подходит для тех знаков, экстенсификация которых иными средствами, например, с помощью числовых и счетных знаков, невозможна: *три дерева, три пары обуви, три раза читал* (≈*читал-читал*), *три часа лежал* (≈*лежал-лежал*), но **три красивый* → *красивый-красивый = очень красивый*².

Таким образом, при употреблении дублированного знака у человека не возникало сомнений относительно того, об одном индивиде либо признаке индивида или о множестве индивидов либо признаков индивидов идет речь, поскольку полученный экстенсивный знак, согласно определению, всегда обозначает множество индивидов либо признаков индивидов.

Однако ряд исследователей указывает, что дублированные знаки могут иметь противоположные значения: уменьшительности и увеличительности, интенсивности и ослабленности, однократности и многократности и т.п. Мы, вслед за Ф. де Соссюром и его последователями, полагаем, что язык – это система, поэтому один и тот же знак либо сочетание знаков в языке не может одновременно иметь противоположные значения, поскольку речь о системе в подобных случаях уже идти не может.

Для того чтобы разрешить указанную проблему в рамках системы китайского языка, рассмотрим сначала вопрос о значении дублированных переменных ёгенов и о соотношении дублированных переменных ёгенов (напр.

¹ Многместные интенсивные знаки могут иметь дискретную либо недискретную семантику. Во множестве, обозначаемом знаком с дискретной семантикой, можно выделить и назвать отдельный индивид или признак индивида (*пальто, дорожке, читать*), для знаков с недискретной семантикой это невозможно (*песок, красивый, лететь*). Экстенсивные знаки по определению дискретны [25].

² Хотя на множестве постоянных ёгенов существуют многместные интенсивные знаки с дискретной семантикой, допускающие комбинаторику с числовыми и счетными знаками: *дорожке в три раза*.

看看) с одной стороны и конструктов с числовым знаком 一 уї один и ёгеном в роли счетного знака (напр. 看一看) с другой.

Некоторые исследователи склонны считать эти конструкты идентичными. Например, Тань Аошуан отмечает эквивалентность дублированного знака с процедуральной семантикой и сочетания «знак + «一» уї один + знак», отмечая лишь различный коннотативный эффект этих двух конструктов [26, с. 459-460]. С.Е. Яхонтов убедительно доказывает, что в конструктах «знак + «一» уї один + знак», второй знак с процедуральной семантикой является, по сути, счетным знаком. Автор отмечает также, что «в древнекитайском и средневековом китайском языке повтор глагола ... действительно мог обозначать усиление действия» и соглашается с Ван Ляои, который «указывает, что средневековое /син/син (повтор глагола /син 'идти') соответствовало современному обороту *цзоулаю* *цзоу* 'все шел и шел', а не кратковременному виду *цзоу* и *цзоу* 'пройтись'». Но в итоге С.Е. Яхонтов разделяет точку зрения Ван Ляои, о том, «что в настоящее время повтор со значением усиления совершенно исчез» [8, т. 1, с.297], отказывается различать дублированные знаки с процедуральной семантикой и конструкты «знак + «一» уї один + знак», называя и те и другие удвоенной формой и утверждая, что «...основное значение формы удвоения – непродолжительность, кратковременность действия. Ему сопутствует значение однократности, точнее – единичности действия ... Значение усиления действия эта форма в современном языке не имеет» [27, с. 100-107]. Аналогичные рассуждения представлены и у других авторов [8, т.2, с. 137-138, 156-157], [28, с. 14], [29], [30, с. 13], [31], [32, с. 149], [33].

У Н.Н. Короткова находим весьма убедительные аргументы против подобной точки зрения: «...неправ он (С.Е. Яхонтов) и в другом отношении – отрицая способность формы удвоения обозначать повторяющееся действие. Такое употребление данной формы оказалось довольно распространенным, например: ...

Цзамэнь ингай шичан хуйсян-хуйсян насе синьюань («Цзюйбэнь», 1963, № 10-11, стр. 27) 'Мы должны постоянно **возвращаться мыслью** к этим мечтам...';

Дин Хай-куань. ...яо чан кань-кань баочжси!

Яо Юй-цзюань. Во е чан кань! Цзюши цзибучжу (там же, стр. 9).

'Дин Хай-куань. ... надо постоянно **почитывать** газеты!

Яо-Юй-цзюань. Да я и так часто читаю, только вот не запоминаю?'

Во всех этих примерах есть наречие типа «часто», «постоянно», которое уже само по себе исключает возможность понимания формы удвоения как обозначающей единичное однократное действие. Однако нередко это значение можно обнаружить и при отсутствии наречий этого типа, например:

...хайцзымэнь юньдун-юньдун дуй шэньти хайши ю хаочу ды («Цзюйбэнь», 1963, № 10-11, стр. 101) '...детям **заниматься спортом** полезно для здоровья';

Линь Цзянь. Цзай цзя ду гань се шэммо?

Линь Юй-шэн. *Кань-кань шу, яньцзю-яньцзю еу фанмянь ды вэньти...* («Цзюйбэнь», 1963, № 8, стр. 4)

‘Линь Цзянь. А чем занимаешься дома?’

Линь Юй-шэн. **Почитываю** книги, **изучаю** вопросы своей специальности...’;

Ицзянь во цзюши вэй та цзо-цзо фань, бу-бу вацзы; та нэ, пао-пао вай, гуаньсинь воды чи-хэ («Жэньминь вэньсюэ», 1963, № 7-8, стр. 49) ‘Прежде я только **готовила** для него, **чинила** носки. Ну, а он **бегал** по городу, заботился о моем пропитании’.

Во всех этих примерах отличие удвоенной формы от исходного неформленного глагола заключается в том, что она обозначает не обычное, привычное или дящееся действие, а действие, повторяющееся систематически или временами» [34, с. 245-246].

Другие исследователи также отмечали различие двух выше упомянутых конструкторов. Так, В.И. Горелов утверждает, что «удвоенная форма глагола как таковая не выражает значения однократности (кратковременности) действия. Мы согласны с Гао Минкаем [35, с. 198], что это значение способны передавать лишь удвоенные глаголы, включающие в свой состав числительное – уī *один*. Однократность в подобных случаях выражается лексически ... 看一看 kàn yī kàn *взглянуть (посмотреть один раз)* ... Удвоенную форму (например, 看看 kànkàn *посмотреть, поглядеть*) в ряде работ считают формой многократного (итеративного) вида ... данная форма выражает многократность как внутреннюю расчлененность (дистрибутивность) действия ...» [36, с. 60-61].

Смещение конструкторов типа 看看 kànkàn и 看一看 kàn yī kàn возможно из-за того, что в китайском языке широко распространен эллипсис числового знака – уī *один*, в частности при тайгенах (这张桌子 zhè zhāng zhuōzi ~ 这张桌子 zhè yī zhāng zhuōzi *этот (один) стол*; 买了本书 mǎile běn shū ~ 买了一本书 mǎile yī běn shū *купил (одну) книгу*). Вероятно, именно в силу этой причины Гао Минкай, несмотря на его выше приведенное утверждение, в то же время полагает, что дублированные знаки 看看, 坐坐 и т.п. произошли от сочетаний 看一看, 坐一坐 и т.п., и потому приписывает дублированным знакам значение ослабленного, непродолжительного действия («略为», «稍为») [35, с. 185].

Китайский лингвист Юй Цзянь, ссылаясь на своего коллегу, следующим образом описывает значение и место дублированных знаков с процедуральной семантикой в системе языка: «Недавно Ши Ювэй (1997) вновь исследовал обширный использовавшийся ранее материал и посредством его обобщения с точки зрения формы и значения пришел к выводу, что, строго говоря, только форма АА является удвоением глагола. Ши Ювэй полагает, что в современном китайском языке формы глагола начали обособляться и развиваться самостоятельно. Двусложные глаголы уже явно отделились от сети парадигматических отношений, магистраль которой представлена формами А — А и А 了 — А, и самостоятельно развили форму АА, обособленность которой очевидна. Формы же удвоения односложных глаголов, с точки зрения

значения, также не совсем параллельны трем другим формам (A — A、A 了 A、A 了一 A). Для односложных глаголов форма AA может быть соотнесена с достаточно длительным, достаточно интенсивным, достаточно часто повторяющимся действием, а остальные три формы, с точки зрения значения, по-прежнему имеют значение «неопределенного малого количества (действия)». Например, в предложении “这道题我得花几天时间想想” «*Мне нужно несколько дней, чтобы обдумать данный вопрос*» “想想” не может быть заменено на “想一想”. Поэтому только форма AA может считаться удвоением глагола»¹ [37, с. 36].

Мы полностью разделяем положение Юй Цзяна о том, что дублированные знаки с процедуральной семантикой обозначают «较长的时间、较郑重的态度、较经常反复的行为» «достаточно длительное, достаточно интенсивное, достаточно часто повторяющееся действие», однако, на наш взгляд, между дублированным экстенсивным ёгеном и конструктом с переменным ёгеном в роли счетного знака нет генетической связи². Другими словами, не одно произошло от второго, а, как справедливо отмечает Н.Н. Коротков, «в одном и том же звуковом комплексе (удвоение глагольного слова) перекрещиваются две противоположные по значению грамматические формы: форма кратковременности (однократности), обозначающая единичное завершение действия, и форма повторяемости (многократности), обозначающая неоднократную повторяемость действия и его незавершенность. <...> Именно этим и объясняются те противоречивые оттенки (ослабленности и интенсивности), которые постоянно сбивали с толку исследователей, считавших удвоенный глагол единой грамматической формой. Контаминация двух грамматических форм в одной и той же звуковой форме слова, на наш взгляд, объясняется скрещением в ней двух разных путей развития добавочных грамматических значений слова. Как мы знаем, форма кратковременного (однократного) вида возникает на основе использования субстантивированного глагола с числительным *и* ‘один’ в качестве приглагольного счетного слова (*кань и кань* ‘посмотрел одно смотрение’ ‘посмотрел один раз’ ‘взглянул’). Форма повторительного (многократного) вида возникла, видимо, в результате простого дублирования глагола в его вербальном значении (Примечание: Отсюда не случайно, что при усилительном оттенке (т.е. когда перед нами форма многократного вида) морфема *и* поставлена быть не может.) (*кань-кань* ‘смотрю-

¹ 「最近史有为（1997）又把以前人们用过的大量材料重新检查了一遍，通过形式平行和语义平行两方面归纳出严格的动词重叠只有 AA 式一种。他认为在现代汉语中，动词式已经开始朝向自主发展，其中双音节动词已明显地脱离了以 A — A 和 A 了一 A 式为主导的平行关系网，独立发展出了 AA 式，显示了它的独立身份。而单音节动词式在意义上也不完全平行于其它三式（A — A、A 了 A、A 了一 A），AA 式可以和较长的时间、较郑重的态度、较经常反复的行为匹配，而其它三式在意义上仍然维持“不定少量”的程度，如“这道题我得花几天时间想想”。其中“想想”就不能改成“想一想”。因此只有 AA 式作为动词重叠」

² Особенно принимая во внимание, что дублированные знаки появились в языке намного раньше счетных конструктов.

смотрю' 'посматриваю', 'почитываю')» [34, с. 246-247], другими словами, «глагольная форма удвоения является точкой, где скрещиваются два совершенно различных ряда. Оказываясь (осмысливаясь) в системе таких структур как различные (в том числе и лексические) средства выражения однократности, она выступает как кратковременный вид и вносит оттенок ослабленности действия. Воспринимаясь как одно из звеньев в системе средств выражения повторяемости (итеративности), она выступает как вид повторительный, сопровождаясь усилительным оттенком» [34, с. 246-247].

А.А. Драгунов, с одной стороны, соглашаясь, что «удвоение глагольного корня в зависимости от контекста выражает: а) усиление действия или б) ослабление действия», в то же время предложил фактически диагностирующую подстановку для определения количественности называемого процесса, обозначенного унарным¹ знаком: «В тех случаях, когда усиление (многократность) действия желательно специально подчеркнуть, перед вторым глагольным корнем может быть поставлено наречие *ю*⁴ 'еще раз, снова', например: *та сянла ю⁴ сян* 'он подумал раз, подумал другой'. И обратно, в тех случаях, когда требуется подчеркнуть ослабление (однократность) действия, перед вторым глагольным корнем, выступающим здесь в виде счетного слова, может быть поставлено числительное *и* 'один', например: ... *Нимынь ся кэ ихоу, е яо нянь и-нянь, се и-се, бу яо ванляо!* 'После уроков вам надо также уделять время и чтению и письму, не следует об этом забывать!'...» [38, с. 115-116]. На множестве бинарных знаков с процедуральной семантикой, которые на данном этапе развития китайского языка не допускают инфиксации — *уї один*, «вопрос о том, в каких случаях при этих глаголах речь идет об усилении действия, а в каких о его ослаблении, решается контекстом» [38, с. 115-116].

Таким образом, в системе китайского языка приписывание противоположных значений (однократности и многократности) дублированным переменным ёгенам обусловлено частичным слиянием в одной звуковой и графической форме двух различных конструкторов (одноместного и многоместного экстенсивного), произошедшим в диахронии в силу различных причин. Применяв предложенную А.А. Драгуновым диагностирующую подстановку (*又* *уои* *еще раз, снова* или — *уї* *один*) либо детально проанализировав семантику предложения в каждом конкретном случае, указанные два типа конструкторов возможно однозначно разграничить, и тем самым снять противоречие о противоположных значениях дублированных знаков в рамках системы языка.

Рассмотрим теперь ту же проблему в китайском языке на множестве дублированных постоянных ёгенов. В этой связи наиболее распространена точка зрения известнейшего китайского лингвиста Чжу Дэси, который ставил значение (усиленность или ослабленность) дублированных знаков, обозначающих свойство, в зависимость от их синтаксической позиции [39, с. 358-359]. Приведем точку зрения китайского исследователя Ван Гоцяна, с которым мы во многом солидарны: «Какая все же существует связь между удвое-

¹ Арность зд.: количество морфем в знаке.

нием прилагательного и количеством свойства? Всегда считалось, что удвоение прилагательного репрезентирует наращивание свойства. Г-н Чжу Дэси (1956), однако, полагает, что значение удвоенного прилагательного – наращивание либо уменьшение свойства – определенным образом связано с его синтаксической позицией. В позиции обстоятельства либо дополнения (补语), удвоенное прилагательное «означает усиление свойства», в позиции определения либо сказуемого – «указывает на ослабленность свойства». ... Обратимся к следующим примерам: 1) 他形似骷髅, 大大的眼睛占据了部分头和脸颊, 那几乎是仅由一双眼睛构成的脸。Он был похож на череп, огромные (досл. большие-большие) глаза занимали часть лба и щек, казалось, будто лицо это состояло из одних только глаз. ... Если следовать рассуждениям г-на Чжу Дэси (1956), о том, что в позиции определения удвоенное прилагательное означает ослабленность свойства, то объяснение, на наш взгляд, будет весьма затруднено, “大大的眼睛” «большие-большие глаза» в примере 1 абсолютно не возможно интерпретировать как несколько большие глаза. ... Ключевым моментом в определении того, означают ли удвоенные прилагательные наращивание или уменьшение свойства, является необходимость осознать объект, с которым мы сравниваем. Ранее мы полагались на языковое чутье, но оно не всегда надежно. Приведем примеры: 4) 她就低下头去, 继续收拾脚, 并且说: 这女孩子一定是黑黑的。Она опустила голову, и, продолжая вытирать ноги, сказала: «Эта девушка, наверняка, пресмуглая (досл. черная-черная)». 5) 然后他将铁棒浸入黑黑的墨汁中, 提出来去涂那些已被刺过的伤口。Потом он макнул железную палочку в черную-пречерную тушь и начал смазывать уже заструпившиеся раны. Поскольку в примере 4 “黑黑的” «черная-черная» – это девушка, мы можем посчитать, что “黑黑的” «черный-черный» здесь имеет значение «немного, слегка черный». В примере 5 “黑黑的” «черная-черная» сказано о туши, поэтому мы можем посчитать, что здесь удвоение означает наращивание свойства. В действительности, мы полагаем, что “黑黑的” «черный-черный» в обоих примерах 4, 5 обозначает наращивание свойства, отличается лишь объект, с которым мы сравниваем»¹ [40, с. 24-25].

¹ 「形容词重叠究竟和量有什么样的关系? 一直以来人们都认为形容词重叠表示量的增加, 而朱德熙 (1956) 先生认为表大量或小量和句法位置有一定的关系, 在状语和补语的位置上“带着加重或强调的意味”, 在定语和谓语的位置上“表示轻微的程度”。…… 我们看以下几个例子: 1) 他形似骷髅, 大大的眼睛占据了部分头和脸颊, 那几乎是仅由一双眼睛构成的脸。…… 如果根据朱德熙 (1956) 先生的说法, 定语位置上的形容词重叠表示“轻微的程度”, 恐怕就更难以说通, 例 1 中的“大大的眼睛”绝不能解释为眼睛稍微有点儿大。…… 看一个形容词重叠式是量的增加或减少, 关键是要知道和什么相比。过去我们一直依靠语感, 但语感有时是不太可靠的。例如: 4) 她就低下头去, 继续收拾脚, 并且说: 这女孩子一定是黑黑的。5) 然后他将铁棒浸入黑黑的墨汁中, 提出来去涂那些已被刺过的伤口。例 4 中因为是女孩儿“黑黑的”, 所以我们可能会认为“黑黑的”应该是“不太黑”的意思, 重叠表示“轻微的程度”; 例 5 的“黑黑的”指墨汁都是黑的, 所以我们可能就认为重叠表示量的增加。…… 实际上, 按我们的看法, 例 4 例 5 的“黑黑的”都表示量的增加, 只不过比较的对象不同而已」。

Справедливо и следующее замечание этого же китайского автора: «Некоторые исследователи разделяют прилагательные на положительные и отрицательные. Выше мы в основном говорили о положительных прилагательных. В действительности, отрицательные прилагательные, удваиваясь, также репрезентируют наращивание свойства, только лишь направление наращивания противоположное. Например: 17) 短短的脖子, 托着一个圆而多肉的地球式的脑袋。 *На короткой-короткой шее держалась круглая мясистая голова, похожая на глобус.* В этом примере “短短” «короткая-короткая» означает, что шея этого человека короче в сравнении с длиной шеи у обычных людей, это наращивание свойства “短” «короткий»»¹ [40, с. 24-25].

Действительно, дублированный знак *маленький-маленький* не имеет значение «уменьшительности, ласкательности», как, например, утверждает Г.Г. Амбардарян [16, с. 16], поскольку в данном случае происходит экстенсификация, т.е. наращивается степень выраженности свойства, обозначенного лексемой *маленький*, так же, как и в случае со знаком *большой-большой* происходит наращивание степени выраженности свойства, обозначенного лексемой *большой*.

Таким образом, для постоянных ёгенов китайского языка дублирование – процедура экстенсификации, приписывание противоположных значений подобным дублированным знакам связано с противоречивым взглядом исследователей, обусловленным смешением категорий языка и модели мира.

В китайском языке, как и в ряде других языков, на данном этапе их развития наблюдается явление так называемой несемантической редупликации тайгенов, когда дублированный знак не является экстенсивным: термины родства, названия растений, животных, частей тела и т.п. [6, с. 59-60], [18, с. 266], [20, с. 4]. Апелляция к отсутствию значения множественности в случае несемантического дублирования есть смешение синхронии и диахронии, другими словами, отсутствие значения множественности у дублированных тайгенов в синхроническом плане не опровергает утверждение о том, что первоначально они были созданы с целью экстенсификации. В свете данной проблемы обращает на себя внимание утверждение известного китайского лингвиста Вана Ляои о том, что дублированные термины родства в китайском языке употреблялись для выражения почтительности, т.е. обладали определенной коннотацией². Ван Ляои указывает, что первоначально дублировались лексемы, обозначающие старших родственников, например, 姐姐 jiějie *старшая сестра*, а лексемы, обозначающие младших родственников, например, 妹妹 mèimei *младшая сестра*, начали дублироваться позднее по анало-

¹ 「有学者把形容词分为正量形容词和负量形容词两类。以上我们讨论的大多是正量形容词，实际上，负量形容词式重叠也表示量的增加，只不过增加的方向相反而已。例如：17) 短短的脖子，托着一个圆而多肉的地球式的脑袋。例文中“短短”表示和一般人脖子的长度相比，这个人的脖子显得短，这是“短”量的增加」。

² В ряде случаев экстенсификация используется для достижения определенного коннотативного эффекта: *Мы, Николай II*. Сравните также с «мн. ч. гиперболическим» у А.А. Потебни [41, с. 1-4, 8].

гии [8, т. 2, с. 153-154]. Сравните с русскими знаками: *мама, папа, тетя, дядя, баба, деда, но сын, дочь, внук, племянница*. Вероятно, что дублированные знаки, обозначающие животных, растений и т.п., несмотря на то, что их количественная семантика в диахроническом плане претерпела значительные изменения, также появились в языке не случайно и имели отношение к тому или иному количественному аспекту называемых явлений, что можно восстановить при проведении соответствующих исследований. Другими словами, наличие в языке несемантической редупликации не опровергает тезис о дублировании как процедуре экстенсификации.

В системе других языков исследователи приписывают дублированию иные семантические и синтаксические роли: Г.Г. Амбардарян указывает, что «уменьшительно-ласкательное значение выражается также в других языках посредством удвоения имени существительного, например, в индонезийских, макасарском *balla-balla* «домик», от *balla* «дом», тагал. *mos-mos* «ребеночек», малгас. *zaza* «ребеночек» и т.д.» [16, с.16]; Н.Ф. Алиева отмечает, что «способом удвоения могут быть образованы также существительные со значением, включающим семантический элемент аналогии, метафоричности, например, в малайском *kuda* ‘лошадь’ – *kuda-kuda* ‘кòзлы’, во вьетнамском *chóng* ‘кружиться, вертеться’ – *chóng chóng* ‘вертушка из бумаги’» [20, с. 20]; М.Г. Меджидов утверждает, что в аварском языке посредством дублирования знака с процедуральной семантикой может выражаться и «множественность участников ситуации», и «множественность (повторяемость) самой ситуации» [12, с. 17-18]; Л.Н. Демидюк пишет, что в индонезийском языке «дифференциация значений при удвоении прилагательного зависит от структурного типа группы, а именно от реализации ядра группы глаголом или существительным. Ср. значение, полученное при удвоении прилагательного в группе, ядро которой образует глагол, например: *digunting rapi2* ‘очень аккуратно подстрижен’; *enak2 makan* ‘очень вкусно поест’ (интенсивность), и значение, получаемое в результате удвоения в группе, ядро которой реализовано существительным, например: *makanan enak2* ‘вкусные блюда’; *anak jang rapi2* ‘аккуратные дети’ (множественное число)» [17, с. 133]¹; Ю.А. Горгониев указывает, что в кхмерском языке «в отличие от глаголов, не имеющих форм числа, и существительных, выражающих множественное число нерегулярно, прилагательные имеют регулярную форму множественного числа – форму удвоения. Примеры: *c^v:m баэк пхнэ:к тху ɔм-тху ɔм хаэй суо-лаэнг тха:* ... ‘Сам от удивления широко раскрыл глаза (букв. открыл большие глаза) и спросил’ (*пхнэ:к тху ɔм-тху ɔм* ‘большие глаза’, ср. *пхнэ:к тху ɔм* ‘большой глаз’)» [цит. по: 42, с. 115], причем, по мнению Н.В. Солнцевой, «никаких значений прилагательного в этой форме нет», «она целиком предназначена для выражения множественности существительных», как далее отмечает исследователь, такие же формы отмечены в индонезийском, японском языках и в ряде африканских языков [42, с. 115].

¹ Мы не рассматриваем значение «хотя и», выделяемое Л.Н. Демидюком для выражения *красивый-то красивый* [17], поскольку не считаем его примером дублирования, так как в данном случае не происходит образование знака.

В этой связи отметим, что, во-первых, в системе того или иного языка любое синтаксическое средство может использоваться для реализации различных семантических и синтаксических задач. Так, в русском языке морфологический формант множественного числа сочетает ряд ролей: *стол / столы* – словообразование, *красивый / красивые* – словоизменение, *столы / столами* – словоизменение, *стол / столами* – словообразование + словоизменение, *сливки* – показатель происхождения от знака с процедуральной семантикой (от *сливать*), *поминки* – показатель процедуральности знака (= *поминать*), *джунгли* – косвенный показатель иностранного заимствования¹. Поэтому тот факт, что дублирование знака в том или ином языке одновременно может иметь и другое назначение, кроме экстенсификации, не вступает в противоречие с нашими положениями. Во-вторых, в случае, если в том или ином языке дублированный знак не принадлежит категории экстенсивности, необходимо проанализировать, с одной стороны, синхронию данной языковой системы, с тем чтобы выяснить, является подобное употребление дублированного знака системным либо же оно принадлежит речи и обладает определенной коннотацией, с другой стороны – диахронию данной языковой системы, с тем чтобы выяснить какое значение изначально имели и какую роль изначально играли дублированные знаки.

В рамках системы китайского языка данная проблема была нами решена: дублирование – процедура экстенсификации семантики знака, приписывание противоположных значений дублированным знакам связано для тайгенов – со смешением синхронии и диахронии, для постоянных ёгенов – со смешением категорий языка и модели мира, для переменных ёгенов – с частичным слиянием звуковой и графической формы двух различных конструкторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордей, А.Н. Основания комбинаторной семантики / А.Н. Гордей // Слово и словарь = *Vocabulum et vocabularium*: сб. науч. тр. по лексикографии / отв. ред. Л.В. Рычкова [и др.] – Гродно: ГрГУ, 2005. – С. 32-35.
2. Руденко, Н.И. Количественная семантика языковых знаков в диахронии / Н.И. Руденко // Язык, общество и проблемы межкультурной коммуникации: материалы Междунар. науч. конф., Гродно, 22-23 нояб. 2007 г.: в 2 ч.; ч. 2. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: Л.М. Середа (отв. ред.) [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2007. – С.385-391.
3. Бодуэн де Куртенэ, И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – Т. 1. – 384 с.; Т. 2. – 391 с.
4. Крючкова, О.Ю. Редупликация в аспекте языковой типологии / О.Ю. Крючкова // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4. – С. 68-84.
5. Крюков, М.В. Древнекитайский язык: Тексты, грамматика, лексический комментарий / М.В. Крюков, Хуан Шуин. – М.: Наука, 1978. – 512 с.
6. Хабибуллин, В.А. Современный китайский язык: Морфология. Синтаксис / В.А. Хабибуллин. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1988. – 193 с.
7. Рахимбекова, Л.Ш. Повторы и их функции в современном китайском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.22 / Л.Ш. Рахимбекова; МГУ, Ин-т стран Азии и Африки. – М., 2000. – 23 с.

¹ Подробнее о роли форманта множественного числа в русском языке см. нашу работу [43].

8. 王了一。中国语法理论：2册。/王了一。—上海：中华书局，1954。—2册。
9. 王国栓。汉语形容词 AA 式重叠与量范畴 / 王国栓 // 汉语学习。—2004。—№4—24-27页。
10. Крючкова О.Ю. Редупликация как явление русского словообразования: историческое развитие и типологическая специфика: Автореф. дис. докт. филол. наук: 10.02.01 / О.Ю. Крючкова; Саратов. гос. пед. ун-т. — Саратов, 2000. — 44 с.
11. Пахолук, З.А. Редупликация как способ представления семантики в неблизкородственных языках: Автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.19 / З.А. Пахолук; Киев. гос. ун-т. — Киев, 1989. — 19 с.
12. Меджидов, М.Г. Категория множественности в аварском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / М.Г. Меджидов; Дагестан. гос. пед. ун-т. — Махачкала, 2004. — 20 с.
13. Сеитова, К.П. Способы выражения множества в современном русском языке (в сопоставлении с каракалпакским): Автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.02 / К.П. Сеитова; Ташк. гос. ун-т. — Ташкент, 1983. — 21 с.
14. Семенова, Г.Н. Редупликация и ее функции в чувашском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.02 / Г.Н. Семенова; Башк. гос. ун-т. — Уфа, 1990. — 24 с.
15. Убрятова, Е.И. Удвоение основы слова в якутском языке / Е.И. Убрятова // Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию академика И.И. Мещанинова. [Ред. коллегия: В.А. Авронин, В.М. Жирмунский (отв. ред.) и др.]. — М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР [Ленингр. отд-ние], 1960. — С.211-222.
16. Амбардарян, Г.Г. Редупликация в современном армянском языке: (Внутриязыковое и типологическое исследование): Автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.02 / Г.Г. Амбардарян; Ереван. гос. ун-т. — Ереван, 1990. — 24 с.
17. Демидюк, Л.Н. Удвоение на синтаксическом уровне в индонезийском языке / Л.Н. Демидюк // Языки Китая и Юго-Восточной Азии. Проблемы синтаксиса. — М.: Наука, 1971. — С. 130-140.
18. Баринаева, А.Н. Повтор в китайском и вьетнамском языках / А.Н. Баринаева // Вопросы китайской филологии. Сборник статей. — М.: Моск. ун-т, 1963. — С. 262-276.
19. Морев, Л.Н. Об объеме категории глагола в тайском языке / Л.Н. Морев // Языки Китая и Юго-восточной Азии. — М.: Изд. вост. лит., 1963. — С. 136-150.
20. Языки Юго-Восточной Азии: Проблемы повторов. [Сб. статей] / АН СССР, Ин-т востоковедения; [Отв. ред. Н.Ф. Алиева]. — М.: Наука, 1980. — 272 с.
21. 沉清准。名词的 AABV 叠合 / 沉清准 // 汉语学习。—1998。—№3—16-19页。
22. Гордей, А.Н. Междометие как минимальная коммуникативная единица: дис. канд. филол. наук: 10.02.19 / А.Н. Гордей. — Минск, 1992. — 238 л.
23. Семенова, Г.Н. Редупликация и ее функции в чувашском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.02 / Г.Н. Семенова; Башк. гос. ун-т. — Уфа, 1990. — 24 с.
24. 邢红兵。汉语词语重叠结构统计分析 / 邢红兵 // 语言教学与研究。—2000。—№1—32-37页。
25. Руденко, Н.И. Языковые категории интенсивности и экстенсивности в процедуральном представлении / Н.И. Руденко // Вестник БГУ. Научно-теор. журнал. Серия 4. Филология. Журналистика. Педагогика. (2/2006) В.Р. Рудь (гл. ред), Н.Б. Мечковская (отв. ред.) [и др.]. — Минск: БГУ, 2006. — С. 94-100.
26. Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики: Синтаксис, семантика, прагматика языка изолирующего строя: На примере китайского языка / Тань Аошуан; Моск. гос. ун-т, Ин-т стран Азии и Африки. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 896 с.
27. Яхонтов, С.Е. Категория глагола в китайском языке / С.Е. Яхонтов. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. — 182 с.
28. 马汉麟。语法概要 / 马汉麟。—上海：新知识出版社，1957。—139页。
29. 王还。动词重迭 / 王还 // 中国语文。—1963。—№1—23-25页。

30. 王继同。论动词“V着V着”重叠式/王继同//汉语学习。—1990。—№2—12-16页。
31. 杨平。动词重叠式的基本意义//语言教学与研究。—2003。—№5—8-16页。
32. 张志公。汉语语法常识/张志公。—北京：中国青年出版社，1955。—281页。
33. 赵新。动词重叠在使用中的制约因素//语言教学与研究。—1994。—№3—60-70页。
34. Коротков, Н.Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка. — М.: Наука, 1968. — 400 с.
35. 高名凯。汉语法论。—北京：商务印书馆，1986。—557页。
36. Горелов, В.И. Теоретическая грамматика китайского языка: [Учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз»]. / В.И. Горелов. — М.: Просвещение, 1989. — 317 с.
37. 于江。动词重叠研究概述//汉语学习。—2001。—№1—35-39页。
38. Драгунов, А.А. Исследования по грамматике современного китайского языка. — Т. I. — М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. — 232 с.
39. 朱德熙。现代汉语语法研究。—北京：商务印书馆，1980。—224页。
40. 王国栓。汉语形容词AA式重叠与量范畴//汉语学习。—2004。—№4—24-27页。
41. Потехня, А.А. Значения множественного числа в русском языке / А.А. Потехня. — Воронеж: тип. В.И. Исаева, 1988. — 76 с.
42. Солнцева, Н.В. Проблемы типологии изолирующих языков / Н.В. Солнцева. — М.: Наука, 1985. — 253 с.
43. Руденко, Н.И. Множественное число: словоизменение или словообразование? / Н.И. Руденко // Вести БГПУ. Научно-методический журнал. Серия 1. Педагогика. Психология. Филология. № 4 (54), 2007 П.Д. Кухарчик (гл. ред.) [и др.]. — Минск: БГПУ, 2007. — С.72-75.

К. В. КАРАСЁВА

К ВОПРОСУ О КОМПЛЕКСНОМ ИЗУЧЕНИИ КИТАЙСКОЙ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Китайская иероглифическая письменность представляет собой весьма сложную и развитую систему и, как всякая подобная система, состоит из множества элементов, которые благодаря разнообразным существующим между ними взаимосвязям и отношениям образуют различные уровни и подуровни данной системы. Вместе с тем, характер функционирования письменности определяется не только внутренней сложностью ее структуры, но и разнообразием связей с различными объектами внешней реальности, которые складываются в процессе использования письменности в человеческом обществе. Такая сложность данного феномена, а также разнообразие его проявлений порождают то многообразие подходов и стратегий изучения китайской иероглифической письменности, которое мы можем наблюдать. В данной статье наша задача – обозначить некую иерархию основных проблемных тем, поднимаемых в области лингвистических исследований китайской иероглифической письменности, показать их связь и взаимную обусловленность, а также указать на важность комплексного изучения иероглифики и учета всех аспектов ее структуры и функционирования.

Поскольку в данной статье мы стремились установить логическую иерархию основных проблемных тем в сфере изучения иероглифики, то начать их анализ необходимо с вопроса о базовых структурных элементах (БСЭ)¹, т.е. основных семантических единицах системы иероглифической письменности². Здесь основными вопросами являются: количество и состав данных элементов, их характер и способность служить строительным материалом для всего разнообразия иероглифических знаков системы, а также конструировать семантику этих знаков. Прежде всего, нужно указать на то, что зачастую данное понятие отождествляют с ключевым списком системы китайской письменности, на основе которого построена большая часть китайских словарей. Ключ (или детерминатив) представляет собой часть сложного иероглифа и выступает в роли смыслового показателя, который относит к той или иной сфере понятий значение иероглифа, в состав которого входит ключ. Та-

¹ Термин В.Ф. Резаненко [1; 2].

² Данное уточнение связано с тем, что в качестве базовых структурных элементов могут рассматриваться и черты, которых по разным оценкам в современной китайской письменности насчитывается от 9 до 24. Их особенность состоит в том, что самостоятельного значения они в современном письме не имеют, а служат лишь строительным материалом для единиц более высокого уровня. Однако БСЭ В.Ф. Резаненко, как будет видно дальше, представляют собой не просто структурные элементы сложных иероглифов, но являются мотиваторами значения последних.

ким образом, ключ задает семантическое поле, общее для всех производных от него иероглифов. Существование элементов с подобными функциями в составе сложного иероглифа отражает стремление древних людей анализировать окружающую действительность и систематизировать выделенные ими общие категории (сегменты) этой действительности. Одним из первых словарей, построенных по ключевой системе, и одновременно одной из первых попыток научного подхода к анализу китайской иероглифической письменности, в том числе и упорядочения системы ключей, является создание поздниханьским ученым Сюй Шэнем (30-121 гг.) словаря «Шовэнь цзецзы», который был составлен на основе 540 ключевых знаков. Впоследствии в различных словарях количество ключей колебалось от 542 до 360. Наконец, со времени появления в 1633 году словаря «Цзы хуэй» (字彙), составленного китайским ученым Мэй Инцзо, в состав ключевого списка традиционно входит 214 ключей. [3, с. 103] Таким образом, можно сказать, что в процессе формирования ключевой список был все больше ориентирован на соответствие нуждам составления словарей и все менее на определение круга базовых категорий, выделенных древними людьми на заре формирования иероглифической письменности. Однако в ряде исследовательских работ отражен гораздо более широкий взгляд на проблему базовых семантических единиц китайского письма. Например, в работе украинского ученого В.Ф. Резаненко в результате анализа 16 тыс. иероглифов было выделено 309 базовых структурных элемента. Данный список не полностью совпадает с общепринятым списком ключевых знаков, но включает в себя простые и сложные знаки, которые, по мнению автора, составляют ядро «семантико-графической системы иероглифического письма»¹. Эти знаки являются не только строительными элементами для составных иероглифов, но также мотиваторами значений тех сложных иероглифов, в состав которых они входят [1, с. 3]. Таким образом, способность мотивировать значение распространяется не только на ключевой элемент сложного иероглифа, но и на другие его компоненты. Например, для отыскания в словаре иероглифа 族 (zú) *род, племя* традиционно пользуются ключом 方 (fāng) *квадрат*, который, однако, не дает никакого намека на значение иероглифа. Обращаясь к этимологии знака, мы узнаем, что древняя пиктограмма изображала слева развивающийся флаг², а справа внизу одну или иногда две стрелы (矢(shǐ) *стрела*), что в целом символизировало отряд воинов с единым знаменем. Поскольку в древности люди, связанные кровными узами, как правило, составляли отдельную воинскую единицу, поэтому закономерно ядерное значение иероглифа *род, племя*. Таким образом, очевидно, что значение иероглифа мотивируется всеми его элементами.

¹ Семантико-графическая система иероглифического письма – совокупность ее элементов, связанных через языковые функции (представления и обобщения) [2, с.19].

² В современной системе письма отображается элементом, состоящим из двух компонентов: 方 слева и 人 справа (вверху), имеет чтение yán. Данный знак является базовым структурным элементом и встречается в таких иероглифах как 旗 *флаг, знамя*, 旅 *путешествовать*, 旋 *вращаться, кружиться*, 施 *проводить в жизнь* и др.

Базовые структурные элементы иероглифической письменности являются, как уже отмечалось выше, строительным материалом для сложных иероглифических знаков. Соединяясь посредством разнообразных связей в составе сложного иероглифа, они образуют знаки с различной внутренней формой¹. Здесь мы выходим на проблематику, связанную со сложными иероглифическими знаками и их структурой, т.е. обращаемся к проблеме классификации иероглифических знаков на основе их различной внутренней формы.

Как известно, первой классификацией китайских иероглифических знаков считается классификация Сюй Шеня, описанная в Послесловии к его словарю «Шовэнь цзецзы», где все иероглифы были поделены на шесть категорий («лю шу»): изобразительные, указательные, идеограммы, фоноидеограммы, видоизмененные и заимствованные иероглифы. [5; 6] Данная классификация, несомненно, сохраняет свое значение и сегодня, однако ряд ученых высказываются критически в отношении подобной систематизации иероглифических знаков. Прежде всего, данная классификация проведена по двум разным основаниям: для первых четырех категорий значимым является структура иероглифа и семантические отношения между его компонентами, а для двух последних – принципы употребления знака. Но существуют и трудности при отнесении того или иного иероглифа к определенной категории: некоторые иероглифы в равной степени могут включаться не в одну, а в две группы². В связи с этим различными учеными предлагаются разнообразные варианты разбиения китайских иероглифов на группы. В целом, принципы классификации и ее «магистральные линии» остаются одинаковыми у всех, поскольку все они, естественно, базируются на структуре иероглифа, однако в одних случаях признаки, по которым производится классификация, сводятся к минимуму, или в других – их число, напротив, значительно возрастает. Например, при анализе иньских надписей³ М.В. Крюковым [7, с. 25-30] было выделено только четыре категории китайских иероглифов, характерные и для современной иероглифики: пиктограммы (изобразительные логограммы), идеограммы, фонограммы и фоноидеограммы. При этом автор обращает внимание на важный период, предшествующий становлению фоноидеографической категории, когда иероглифы по звучанию заимствовались для слов, для которых не было создано своего иероглифа, таким образом, образуя группу фонограмм. Впоследствии к ним добавлялся семантический показа-

¹ Внутренняя форма иероглифического знака — это формально-смысловые взаимосвязи его графических элементов, актуализирующихся при лингвистических функциях этих элементов [4, с. 33].

² Это касается, прежде всего, иероглифов двух последних категорий, каждый из которых включается и в одну из первых четырех. Но также можно привести в пример иероглиф 橡 (xiàng) дуб, который состоит из двух элементов 木 (mù) дерево и 象 (xiàng) слон, где первый элемент является ключом иероглифа, а второй выполняет двойную функцию: указывает на чтение иероглифа и уточняет подпредметную область его значения (дерево, огромное подобно слону). Таким образом, иероглиф может быть отнесен как к идеографической, так и к фоноидеографической категории знаков.

³ Гадательные надписи на панцирях черепах и костях животных (или, по-китайски, цзягу-вень), найденные на месте столицы древней династии Шан-Инь (1401-1122 гг. до н.э.).

тель (ключ) в целях ликвидации огромного количества одинаково пишущихся слов¹, что явилось причиной появления категории фоноидеограмм. В то же время современный китайский ученый Е Байлай, добавив в свою классификацию множество разнообразных признаков, разделил все иероглифы в соответствии с принципом передачи конкретным иероглифом значения на 12 категорий. [7, с. 27-59] Среди признаков, положенных в основу классификации, есть, например, следующие: соответствие расположения графем в иероглифе их пространственному расположению в реальной действительности (写意), прибавление нового элемента для уточнения значения, при этом новый элемент может быть близок к старому в пространственном отношении (自注) либо такой признак отсутствует (转注) и др. При этом в рамках данной классификации подчеркивается, что существует большое количество знаков, которые соединяют в себе несколько признаков, чем в значительной степени увеличивают число различных типов и подтипов иероглифических знаков.

Проблемы классификации китайских иероглифов поднимают вопрос о времени появления каждой из категорий, т.е. об историческом развитии китайской письменности и формировании ее современного облика. В целом, общепризнанным является следующая, базирующаяся на классификации Сюй Шеня, последовательность возникновения категорий китайских иероглифов: пиктограммы → указательные иероглифы → идеограммы → фоноидеограммы [5; 6]. Данная схема, хотя и является достаточно условной, отражает постепенное усложнение иероглифического знака и возрастание степени абстрактности при передаче его значения, а также указывает на пиктографическое происхождение китайской письменности. Здесь нам бы хотелось сделать следующие замечания. Во-первых, интересно было бы принять во внимание мысли, высказанные Ю. Щуцким в статье «Следы стадиальности в китайской иероглифике», относительно связи первых письменных знаков с ручной речью. По мнению ученого, первой по времени возникновения следует признать именно указательную категорию иероглифов, поскольку она наиболее тесно связана с ручной речью, предшествовавшей собственно письменности и звуковой речи. Следы ручной речи можно найти в наиболее примитивнейших знаках, таких как, например, в знаке *точка* •, который, по утверждению Ю. Щуцкого, является пережитком простого указания руки на любой предмет². Автор также указывает на то, что знаки на гадательных костях (цзягувень) являются более простыми и схематичными, чем те же иероглифы, но на более поздних по времени бронзовых сосудах (цзиньвень), которые гораздо больше похожи на обозначавшиеся ими предметы. Данный факт связывается с тем, что «рука, еще неопытная в письме, могла создавать лишь весьма примитивные знаки, повторяющие ее движение, указывающие, сим-

¹ Следует указать на то, что процесс мог быть и обратным, тогда к детерминативу прибавлялся фонетик для указания на чтение знака. Например, слово 災 (灾) (zāi) *несчастье* записывалось знаком, изображавшим разлившиеся воды реки. Позднее к идеограмме был добавлен фонетик 才 cái [7, с. 28].

² Вследствие этого сам знак является полисемантическим и в принципе может обозначать что угодно. Например, “грудь” в знаке 母 *мать* или “капли дождя” в знаке 雨 *дождь* и т.д.

волизирующие...предмет», а для картинного изображения предмета, т.е. для пиктографии требовалась больше навыков и более развитая графическая техника [9, с. 85].

Во-вторых, при построении схемы развития иероглифической письменности нельзя не учитывать период активного заимствования иероглифов для слов, не имевших своего обозначения на письме. Как указывалось выше, массовые случаи фонетического заимствования привели к формированию новой категории китайских иероглифов – фоноидеограмм. В связи с этим включение М.В. Крюковым в классификацию китайских иероглифов категории фонограмм представляется весьма закономерным. Тем самым акцентируется внимание на важном этапе развития китайской письменности, который позволил системе китайской иероглифики принять современный вид.

Факт наличия в истории развития китайской иероглифической письменности периода массового заимствования иероглифов по звучанию и дальнейшее формирование наиболее многочисленной категории иероглифов – фоноидеограмм – стимулировал большое количество исследований проблемы фоноидеограмм, их характера и роли в становлении современной китайской письменности.

Как известно, фоноидеограммы составляют по разным оценкам до 90% от всего количества китайских иероглифов. [10, с. 15.] Этот факт позволил ряду исследователей поставить под сомнение статус китайской иероглифической письменности как письма чисто идеографического. Действительно, например, в таком иероглифе, как 味 (wèi) *вкус*, где левый элемент 口 (kǒu) *рот* является семантическим показателем, а правый 未 (wèi) *не; нельзя* – фонетиком, трудно приписать правому элементу какую-либо семантическую функцию. Именно поэтому некоторые зарубежные исследователи склонны даже абсолютизировать роль фонетика в составе сложного иероглифа и объявлять китайское письмо фонетическим. Например, американский ученый Джон де Франсис [11], следуя в русле идей, высказанных ранее другим американским исследователем древней китайской письменности А. Будбергом (А. Boodberg), утверждает, что, кроме незначительного числа простейших пиктограмм, все китайские иероглифы имеют в составе фонетический показатель. Например, иероглиф 明 (míng) *яркий*, который традиционно рассматривается как идеограмма, относится де Франсисом к категории фоноидеограмм на том основании, что элемент в левой части иероглифа изначально был изображением окна и имел чтение, которое соотносилось с míng. Вместе с тем, де Франсис отмечает существование случаев, когда именно к детерминативу прибавлялся фонетический показатель. Однако он же приводит мнение Ноэля Барнарда (Noel Barnard), проводившего исследования этого аспекта китайского письма, который твердо уверен, что фонетический элемент является истинным центром сложного иероглифа и что для большей части знаков семантические элементы были добавлены к фонетическим, а не наоборот. На основе взглядов, высказанных в цитированных выше работах, а также собственных статистических исследований де Франсис выводит показатель фонетичности для

китайской письменности в 90%¹. В данную цифру входят как фонетики, чтение которых полностью совпадает с иероглифом-носителем, так и фонетики, чтение которых в результате фонетических изменений со временем разошлось с чтением целого иероглифа. В итоге, китайская письменность признается одним из видов фонетического письма.

Особый взгляд по данной проблеме был высказан А.Г. Шпринциным в его статье «Китайский язык и звуковое письмо». Автор подробно рассматривает проблему формирования фоноидеограмм в китайской письменности, приводит интересные факты о времени и причинах появления данной категории иероглифов. В целом исследователь также подчеркивает важность периода широких фонетических заимствований иероглифов, при этом отмечая, что «от использования иероглифов только в их звучании (заимствованные знаки) оставался небольшой шаг к превращению иероглифики в своеобразное фонетическое (вероятнее всего, в слоговое) письмо» [12, с. 249]. Однако в отличие от многих других ученых, занимавшихся данным вопросом, А.Г. Шпринцин не считает, что данный период в развитии китайской письменности являлся прогрессивным, поскольку, как уже отмечалось, приводил к многозначности одного и того же иероглифа. Как известно, выход был найден в практике создания фоноидеограмм путем прибавления семантического показателя к заимствованному по звучанию иероглифу (фонетику), которая была закреплена в III в до н.э. реформой Ли Сы по унификации начертания иероглифов, которая завершила борьбу между заимствованными иероглифами и фоноидеограммами в пользу последних. Далее автор приводит как положительные, так и отрицательные оценки данного исторического факта, делая, в конце концов, вывод, что «если практика заимствования иероглифов только в их звучании знаменовала наибольшее приближение иероглифики к фонетическому письму, то создание фоноидеограмм ... означало отход от фонетики обратно в сторону идеограмм» [12, с. 253].

С другой стороны, существует целый ряд работ, в которых последовательно отстаивается мнение о значительной степени иконичности в китайском письме. Например, китайский ученый Е Байлай считает, что поначалу элементы, уточняющие чтение сложного иероглифа, использовались в качестве таковых неосознанно. Впоследствии, проходя путь многократного использования в качестве фонетика в различных сложных иероглифах, за знаком закреплялась конкретная функция указания на чтение иероглифа. При этом ученый все же отмечает, что если иероглиф, выступающий как ключ, сохраняет непосредственную связь с обозначаемым объектом, то фонетик может впоследствии ее потерять и стать немотивированным знаком, указывающим лишь чтение иероглифа [8, с. 53-54]. Эту точку зрения (т.е. мнение

¹ Интересно привести здесь мнение де Франсиса о причине распространения ошибочного, по его утверждению, взгляда на китайское письмо как идеографическое. Он считает, что причина заключается в традиционном для китайской письменности расположении семантического детерминатива и фонетического элемента в рамках одного знака, тогда как, например, в египетской и шумерской письменностях они располагались обособленно друг от друга и рассматривались как отдельные сущности.

об идеографическом характере китайского письма) разделяет и украинский ученый В.Ф. Резаненко. Он утверждает, что ко времени формирования нового типа знаков, т.е. фоноидеограмм, существовало достаточное количество пиктограмм и идеограмм, которое позволило при создании новых иероглифов подбирать в качестве фонетических показателей элементы, имеющие более или менее близкую семантическую связь с ключевыми элементами сложных иероглифов [1, с. 10]. Анализ обширного иероглифического материала позволил ему обосновать положение о том, что «значения большей части используемых иероглифов мотивируются всеми элементами их графических структур» [1, с. 3], что подтверждается приведенным выше примером иероглифа 族 *племя, род*.

Завершая обзор проблематики, связанной с характером, историческим развитием и статусом китайской иероглифической письменности, необходимо упомянуть об исследованиях, касающихся ее уровневой структуры. Данные работы затрагивают вопросы о количестве, характере и функциях подсистем китайской иероглифической письменности. В целом разные исследователи одинаково ведут построение иерархической системы иероглифики от базового уровня, где располагаются простейшие элементы китайской письменности – черты, и заканчивают уровнем сложных единиц, которыми собственно оперируют носители китайского языка для порождения высказывания, т.е. иероглифами. Различие же состоит в количестве выделяемых уровней, находящихся между этими двумя крайними точками, а также структуре составляющих их элементов и их определении. Среди наиболее заметных работ, касающихся данной проблемы, можно отметить исследования А.Ф. Кондрашевского [13], В.И. Молодых [14], В.Ф. Резаненко [1, 2].

Например, в работе А.Ф. Кондрашевского, посвященной изучению крупного научного и культурного памятника древнего Китая иероглифического словаря «Шовень цзецзы», в системе китайской иероглифики было выделено три знакообразовательных уровня, в каждом из которых дополнительно выделены схемы описания иероглифов. Первым выделяется нулевой знакообразовательный уровень, где помещены, во-первых, простейшие условные знаки и графические элементы, структура которых никак не описана автором словаря ученым Сюй Шенем, а во-вторых, оригинальные изобразительные знаки, имеющие непосредственную связь с древнейшими рисунками. За нулевым следует первый знакообразовательный уровень, где располагаются минимально модифицированные знаки нулевого уровня, образующиеся при помощи одного из трех видов транспозиций¹: зеркального отображения по вертикальной оси, по горизонтальной оси и поворота исходного знака на 180°. Наконец, выделяется второй знакообразовательный уровень, который составляют сложные знаки. В рамках данного уровня обозначены три схемы описания знаков, которым соответствуют три типа сложных знаков. Во-первых, это сложные знаки, образованные соединением одинаковых исходных ключевых графем. Во-вторых, знаки, которые включают две или

¹ Термин введен А.Ф. Кондрашевским.

более различных компонента или идеографические знаки. И, в-третьих, фоноидеографические знаки, состоящие из двух различных по функциям компонентов: ключа и фонетика.

Несколько в ином ключе описывает уровневое строение китайской письменности В.И. Молодых. Исходный уровень, по его мнению, составляют черты (сегменты). Они не являются самим по себе знаковыми единицами, но образуют форму единиц вышележащего уровня. Это, например, следующие черты: 丿, 一, ㇇, ㇈, 丶 и др. Далее следует уровень графоморфем¹, т.е. минимальных значимых единиц письма. Иероглиф 休(xiū) *отдыхать* состоит из двух графоморфем: 人(人) *человек* и 木 *дерево*. Над графоморфемным лежит уровень графем. Графемой автор называет иероглиф, который представляет собой обобщенный графический тип, выявляющий набор соответствующих лингвистически существенных признаков (цельнооформленность, устойчивость и др.). Все графемы подразделяются с учетом количества составляющих их графоморфем на монографы и полиграфы. К первым относится иероглиф 日(rì) *солнце*, а ко вторым – иероглиф 明(míng) *яркий, светлый*.

Как видно, проблема уровневого строения китайской иероглифической письменности непосредственно связана со структурой иероглифических знаков, а также с теми функциями, которые выполняют знаки различных уровней при конструировании семантики целого знака. Подобные исследования необходимо требуют обращения к этимологии знаков, анализа их структуры и внутренней формы, изучения функций компонентов, составляющих сложные иероглифы.

Таким образом, вопросы об уровневом строении системы иероглифического письма и ее статусе как идеографической или фонетической письменности выводят нас на уровень типологических исследований. Такие фундаментальные исследования предполагают охват обширного лингвистического материала и учета данных большого комплекса лингвистических исследований китайской письменности, и именно поэтому представляют собой наиболее яркий пример комплексного (системного) изучения иероглифического письма.

В заключение, необходимо еще раз подчеркнуть, что все аспекты лингвистического изучения китайской иероглифической письменности тесно связаны друг с другом и отражают ту взаимообусловленность, которая существует между элементами данной сложной системы. При этом такая взаимообусловленность в случае изучения какого-то аспекта системы необходимо диктует обращение и к другим ее сегментам, тем самым, предполагая комплексное изучение характера и функционирования иероглифической системы письменности. Такой комплексный (системный) подход к исследованию системы китайской иероглифической письменности позволяет сформировать общий широкий взгляд на данный объект познания и определить его статус среди подобных ему объектов.

¹ Данные единицы автор отождествляет с 309 базовыми структурными элементами В.Ф. Резаненко [14, с.9].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Резаненко, В.Ф.* Семантическая структура иероглифической письменности (базовые структурные элементы): учеб. пособие / В.Ф.Резаненко. – Киев, 1985. – 131 с.
2. *Резаненко, В.Ф.* Формально-смысловые взаимосвязи элементов в современной иероглифической письменности: автореф. дис. на соиск. уч. степени д-ра филол. наук (10.02.22) / В.Ф. Резаненко. – М., 1990. – 35 с.
3. *Ким, В.С.* К вопросу о принципах построения китайских словарей / В.С.Ким // Вопросы грамматики и лексикологии восточных языков: сб. науч. тр. – Ташкент, 1984. – № 721 – С. 96-105.
4. *Резаненко, В.Ф.* К проблеме преемственности свойств внутренней формы китайских иероглифов // Актуальные вопросы китайского языкознания. – М., 1990. – С. 32-39.
5. *Горелова, Е.Н., Горелов, В.И.* Китайский язык / Е.Н. Горелова, В.И. Горелов – М., 1957. – С. 23-44.
6. *Шер, А.Я.* Что нужно знать о китайской письменности / А.Я. Шер – М., 1968. – С. 26-35.
7. *Крюков, М.В.* Язык иньских надписей / М.В. Крюков – М., 1973. – С. 25-32.
8. 解文说字/叶柏来著。 — 广州：华南理工大学出版社，2005.
9. *Щуцкий, Ю.* Следы стадиальности в китайской иероглифике / Ю. Щуцкий // Яфетический сборник. – Л, 1932. – №7 – С. 81-97.
10. *Ван Ляо-и.* Основы китайской грамматики / Ван Ляо-и. – М., 1954. – С. 12-20.
11. *DeFrancis, John.* Visible Speech: The Diverse Oneness of Writing Systems / John DeFrancis. – Honolulu: The University of Hawaii press, cop. 1989. – XIV, 306 p.: ill.
12. *Шпринцин, А.Г.* Китайский язык и звуковое письмо / А.Г. Шпринцин // Страны и народы Востока. – М, 1982. – Вып. 23. – С. 244-268.
13. *Кондрашевский, А.Ф.* Знаки первоначальных категорий китайской письменности и система ключей “Шовеня”: автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. филол. наук (10.02.22) / А.Ф. Кондрашевский. – М., 1982. – 27 с.
14. *Молодых, В.И.* Опыт типологического изучения современного китайского языка: автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. филол. наук (10.02.22) / В.И. Молодых. – М, 1987. – 18 с.
15. 识汉字 学书法/李鑫华编著。 — 北京：农村读物出版社，2003.

Н. Н. ВОРОПАЕВ

О ТЕРМИНЕ «ДЯНЬГУ» В СВЕТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН И ДРУГИХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В КИТАЙСКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

Данная работа посвящена одному из аспектов нашего диссертационного исследования, посвященного прецедентным именам (ПИ) в китайскоязычном дискурсе (КД). Под ПИ мы вслед за В.В. Красных, Д.Б. Гудковым и другими понимаем: «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным, или с прецедентной ситуацией [1, с. 83]. В процессе коммуникации ПИ актуализируется посредством дифференциальных признаков данного ПИ. Отличительной особенностью функционирования ПИ является его способность употребляться в качестве «сложного знака», обладающего, помимо простого набора значений, некоторым инвариантом восприятия стоящего за именем «предмета» [2, с. 203]. ПИ – один из четырех прецедентных феноменов (ПФ), которые выделяют Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Захаренко и другие. Кроме ПИ к ПФ относят прецедентные тексты (ПТ), прецедентные ситуации (ПС) и прецедентные высказывания (ПВ). Все ПФ взаимосвязаны и актуализируют друг друга. ПФ являются основными (ядерными) элементами когнитивной базы, представляющей собой совокупность знаний и представлений всех говорящих на данном языке. Для определения понятия ПФ прекрасно подходит дефиниция Ю.Н. Караулова, которую он дал прецедентному тексту: «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие (3), обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [3, с. 216]. Остальные три ПФ исследователи определяют так: ПТ – законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; ПТ хорошо знаком любому среднему члену национально-культурного сообщества; обращение к ПТ может многократно возобновляться в процессе коммуникации через связанные с этим текстом ПВ или ПИ. ПВ – репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; в когнитивную базу входит само ПВ, как таковое; ПВ неоднократно воспроизводится в речи носителей языка. К числу ПВ принадлежат цитаты текстов различного характера, а также пословицы. ПС – некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которых входят в когнитивную базу; означающим ПС могут быть ПВ или ПИ [1, с. 83].

Говоря о наличии в когнитивной базе инварианта восприятия того или иного ПФ, рассматривается их когнитивный аспект. Однако при этом следует иметь в виду, что ПИ и ПВ являются лингво-когнитивными, вербальными феноменами, имеющими четко фиксированную форму, в то время как ПТ и ПС относятся, к феноменам, скорее, собственно-когнитивного, нежели лингвистического (лингво-когнитивного) плана, поскольку хранятся в сознании говорящих в виде инвариантов восприятия – не вербальных, но вербализуемых, т.е. поддающихся вербализации. Именно по этой причине в коммуникации из выделенных и рассмотренных феноменов реально «участвуют» только вербальные – ПИ и ПВ, через которые актуализируются вербализуемые ПФ – ПТ и ПС [1, с. 85].

В массиве научной литературы на китайском языке нам удалось обнаружить ряд работ, так или иначе касающихся изучаемой нами проблематики. Прежде всего, хотелось бы сказать об учебном словаре «Прецедентные имена и события китайской культуры». Составитель данного словаря госпожа Чэнь Сяньчунь (陈贤纯). Словарь адресован иностранцам, изучающим китайский язык. В словаре описаны 60 ПИ и 60 ПС. Описанные в словаре ПИ мы принимаем за базовый арсенал ПИ КД. В предисловии к словарю автор излагает некоторые теоретические положения относительно описываемых в словаре единиц. По-китайски название словаря 《中国文化中的典型人物与事件》 ‘Типичные личности и события китайской культуры’. Слово «типичные» в названии данного словаря мы считаем совершенно правомерным переводить на русский язык как «прецедентные». Дело в том, что размышления автора в предисловии к словарю ясно показывают, что автор говорит о ПФ китайского культурного пространства почти в том же ключе, в каком понимаем их мы вслед за российскими учеными В.В. Красных, Д.Б. Гудковым. и другими. Чэнь Сяньчунь в частности пишет: «имена некоторых людей могут представлять некий тип людей. В таких случаях, эти имена уже не обозначают каких-то конкретных людей-носителей этих имен, но обозначают подобный им тип людей. Так имена собственные превращаются в обычные единицы лексики. Это феномен культуры. Он отражает историю определенного общества и его современное состояние, а также отражает культурную психологию людей, живущих в данном обществе. Имена, которые обладают в языковом употреблении такого рода представительностью, мы называем прецедентными именами китайской культуры» [4, с. 1]. Автор словаря приводит пример с ПИ 陈世美 Chen Shimei Чэнь Шимэй. При упоминании этого имени носителю китайского языка в первую очередь приходит в голову мужчина, который бросил жену, но вовсе не персонаж комедии-источника данного ПИ «Дело об убийстве Мэя» (“铡美案” “Zha Mei an”), которого звали Чэнь Шимэй. Рассмотрим пример из словаря:

我去美国不为别的, 就为了去杀那个陈世美。Wo qu Meiguobu weibiede, jiu weiliqu sha nage chen shimei. ‘Я поехала в США не зачем иным как за тем, чтобы прикончить этого Чэнь Шимэя’.

Китаец, прочитав это предложение, сразу поймет, что автор этих слов собирается убить не какого-то человека по имени Чэнь Шимэй, а своего му-

жа, который подобно Чэнь Шимэю бросил жену. Из этого коротенького предложения мы можем получить следующую информацию:

(1) Автор высказывания – замужняя женщина.

(2) Ее муж уехал в США.

(3) После отъезда в США муж изменил ей, влюбился в другую женщину и бросил ее (жену).

(4) Поэтому она страшно ненавидит его – этого мужчину, который ее предал, и даже хочет поехать в США, чтобы убить его.

Если всю эту информацию изложить подобным образом в рассказе, то язык рассказа станет невыносимо многословным и перегруженным. ПИ лаконичны и образны, поэтому и используются достаточно часто. Такое имя включает в себя текст или ситуацию легендарного характера, содержание которых, как правило, известно участникам коммуникации и поэтому читатель или слушатель используя свои знания, дополняют воспринимаемую информацию, содержащую ПИ. Таким образом, предпосылкой понимания ПИ являются общие фоновые знания коммуникантов. В случае же межкультурной коммуникации, коммуникантам не хватает общих фоновых знаний (общей когнитивной базы) и тогда применение ПИ может привести к трудностям в коммуникации, ассоциативные умозаключения здесь сделать невозможно, лаконичность превращается в барьер [4, с. 1]. Автор словаря также выделяет три условия, при которых возможно функционирование ПИ в языковой коммуникации:

1. Имя должно обладать репрезентативным характером (представительностью) и покрывать (обобщать) некий тип людей.

2. Необходимо наличие в современном обществе достаточного количества подобного типа людей, которых можно обозначить этим именем.

В данном словаре собраны ПИ, которые встречаются сравнительно часто в КД, а ПИ, которые для характеристики людей уже не используются, в словарь не включены. Развитие общества может породить новые ПИ и наоборот, смещать с позиций прецедентности имена, которые уже не находят своих референтов. Например, ПИ А-кью (阿 Q AQ) появилось после публикации романа Лу Синя «Подлинная история А-кью» в 1921 году. ПИ Ма Даха (马大哈 Ma Daha) возникло только после того, как знаменитый юморист жанра сяншэн Хоу Баолинь выступил со своим знаменитым номером в 1954 году. ПИ Лян Хун и Мэн Гуан (梁鸿、孟光 Liang Hong, Meng Guang) наоборот, в последние годы уже редко используются для обозначения дружной семейной пары. Это связано с непрерывным повышением статуса женщины в китайском обществе [4, с. 1]. Поэтому культурные языковые прецеденты не бывают застывшими раз и навсегда формами, а изменяются по ходу развития общества. Таким образом, третье условие, которое выделяет Чэнь Сяньчунь – это достаточно высокая степень известности. Бывает, что какая-то личность очень презентативна и в современном обществе существует большое количество корреспондирующих ей типов людей, но если степень известности этой личности недостаточно высока, то ее имя все-таки не может применяться в языке как ПИ. Юмористический текст в жанре сяншэн «Покупка обезьян»

(《买猴》) был написан известным писателем Хэ Чи, но только когда эта интермедия прозвучала в исполнении выдающегося мастера сяньшэн Хоу Бао-линя, она получила широкий резонанс, и имя Ма Даха стало известно каждому китайцу и превратилось в нарицательное. Среди ПИ КД ПИ Чэнь Шимэй имеет самый высокий индекс известности потому, что огромное количество местных народных театров на протяжении сотен лет инсценировали пьесу «Дело об убийстве Мэя» и как следствие этого, в городах и весях Китая нет человека, который не знал бы этого имени. Поэтому когда речь заходит о мужчине, который ушел от жены, то китайцы сразу вспоминают Чэнь Шимэя. Собранные в данном словаре ПИ в своем большинстве стали известны каждому китайцу после того, как они прошли через театральные пьесы, устные пересказы в течение нескольких столетий и получили широчайшее распространение среди народа. Очень многие ПИ пришли из знаменитых классических литературных произведений древности, таких как «Троецарствие» (Чжугэ Лян, Цао Цао, Гуань-гун, Чжан Фэй), «Сон в красном тереме» (Цзя Баоюй, Линь Дайюй, Сюэ Баочай, Бабушка Лю, Ван Сифэн), «Речные заводи» (У Далан, У Сун, Ли Гуй, Ли Куй), «Путешествие на Запад» (Сунь Укун, Чжу Бацзе, Тансэн) и других. Эти произведения перерабатывались в формы пьес или устных пересказов и распространялись в виде сценических выступлений по всему Китаю, поэтому даже неграмотные старушки в деревнях и те знают нарицательное значение большинства ПИ из этих произведений. Именно потому, что существование ПИ обусловлено рамками их известности и распространенности в их функционировании существует разница по уровням употребления. По большому счету можно выделить два уровня. Первый – это массовый уровень. Это значит что при упоминании ПИ всем социализированным членам лингвокультурного сообщества, любому представителю любой классовой прослойки это имя известно (существует инвариант восприятия – Н.В.). Например, такие имена как Чэнь Шимэй, Цинь Сянлянь, Хуннян, Бао-гун, Чжугэ Лян, Адоу, Му Гуйин, Хуа Мулань известны любому среднему члену китайского лингвокультурного сообщества. Второй уровень это уровень интеллигенции. ПИ данного уровня циркулируют и употребляются в основном только в дискурсе интеллигенции. Например, Болэ, А-кью, Цзян Лан, Мао Суй. Эти ПИ очень редко появлялись в пьесах народных театров и народных сказаниях, в большинстве случаев эти ПИ существовали в текстах по истории и культуре, поэтому они остались в основном в сфере языкового творчества интеллигенции [4, с. 3]. Соглашаясь с госпожой Чэнь, к этому же второму уровню известности, мы относим в КД и ПИ иностранного происхождения. Например, Купидон, Аполлон, Синья Борода. Эти ПИ мы даем из списка, полученного нами в процессе исследования, в результате которого из более 1000 единиц описания словаря [6, с. 1, 187, 266] два информанта-носителя китайского языка в возрасте 36 и 64 лет, имеющих высшее образование, признали известными им со знанием фоновой информации 196 единиц. Как далее пишет Чэнь Сяньчунь: «ПИ в большинстве своем пришли из литературных произведений, но не все. Имена реальных исторических личностей тоже могут становиться ПИ. Например, Хуа То, Лян Хун и

Мэн Гуан. Однако имена не всех исторических знаменитостей могут стать ПИ. Например, Сунь Ятсен. Это имя знают все китайцы, но имя это может указывать только на самого Сунь Ятсена и не может представлять другого человека. Потому что нет других людей похожих на Сунь Ятсена (имеются в виду его достижения как политика – Н.В.), поэтому и нет эффекта типичности. ПИ в языке обычно должны отвечать всем вышеуказанным трем условиям» [4, с. 3]. В словаре Чэнь Сяньчунь собраны 60 ПИ, но как пишет автор «это вовсе означает, что другие имена не могут стать или не являются ПИ в языке. На самом деле существует пограничная ситуация, то есть, например, какое-либо имя обычно не является ПИ, но при определенных условиях, какой-то пользователь языка применяет это имя как ПИ и это тоже может быть очень к месту, например: 刘将军不会背叛投敌,他是关云长,不是吕布。 Liu jiangjun bu hui beipan toudi, ta shi Guan Yunchang, bu shi Lü Bu. ‘Генерал Лю не предаст и не сдастся врагу, он Гуань Юньчан, а не Люй Бу’ Имя Гуань Юньчана (Гуань-гуна) в китайской культуре известно каждому как символ преданности. Люй Бу хотя тоже обладает репрезентативным характером, но это имя не стало ПИ КД. Однако в данной вербализации имя Люй Бу использовано в сопоставлении с ПИ Гуань-гун и типичность характера Люй Бу здесь выступила весьма явно. Таким образом, в данной вербализации имя Люй Бу также стало ПИ с инвариантом восприятия «предатель». Другими словами, среди известных имен китайской культуры многие имена при определенных условиях и в определенных ситуациях общения имеют потенциал войти в язык в качестве ПИ, но обычно такие условия и ситуации возникают очень редко, иначе бы список ПИ был гораздо шире [4, с. 4]. В своей работе Чэнь Сяньчунь дает терминологические обозначения двух ПФ: прецедентные имена (典型人物) и прецедентные ситуации (典型事件). Учитывая тесную взаимосвязь между всеми ПФ, а также центральное положение в этой парадигме исследуемых нами ПИ нам представляется необходимой выработка четкой классификации всех ПФ КД для их дальнейшего комплексного изучения. Для этого необходимо также обеспечение терминологического соответствия и на китайском языке. В этой сфере лексики китайского языка существует ряд единиц, которые также подпадают под понятие ПИ, однако именами людей или человекоподобных существ не являются. Например, слово из ПТ классического романа «Путешествие на Запад» 紧箍咒 БКРС: *jǐngūzhòu* заклятие «крепко сожми» (которым танский монах Сюань-цзан сжимал железный обруч на голове царя обезьян Сунь У-куна, чтобы привести его к повинению; по роману 西遊記; обр. в знач.: помеха, пути) [5, т. 4, с. 821]. Или 取经 БКРС: *qǐjīng* 1) *ист. добывать сутры (канон, из Индии – о монахе Сюань Цзане); 2) перен. обращаться за опытом, идти на выучку (в учение); учиться; перенимать знания* [5, т. 3, с. 967]. Термин 典型人物 здесь не подходит из-за компонента 人物 *renwu* ‘личность; лицо; человек; фигура; персонаж; действующее лицо’. По сути единицы подобные 紧箍咒 и 取经 являются вербальными представителями в КД ПТ и ПС. Это одновременно и ПВ и ПИ (наименование волшебного предмета в первом случае и ПС – во втором). Мы полагаем, что такие единицы в рамках парадигмы нашего ис-

следования следует обозначать как *дяньгу* (典故 *diangu*). Стоит отметить, что и китайские лингвисты и лексикографы некоторые ПИ включают в словари *дяньгу*. Например, авторы «Малого словаря иностранных дяньгу» включили в словарь такие ПИ как Афродита, Аладдин, Отелло, Франкенштейн, Гамлет, Квазимодо, Гаргантюа, Волшебная лампа Аладдина и много других [6]. А в «Словарь часто используемых дяньгу» [7] вошли ПИ Пастух и Ткачиха. Авторы словаря «Русское культурное пространство» такие единицы как «Волшебная палочка», «Живая вода», «Золотой ключик», «Скатерть-самобранка», «Шапка-невидимка» и т.п. также относят к ПИ [8]. Поэтому мы предлагаем для обозначения ПИ данного типа использовать термин китайской традиционной филологии *дяньгу*, а также вообще принять его за универсальное обозначение некоторых ПФ КД в сложных пограничных случаях классификации четырех видов ПФ. Так как термин *дяньгу* имеет длительную историю, то хотелось бы остановиться на нем поподробнее. Как пишут составители словаря [7] «термин дяньгу имеет давнюю историю употребления. Самый ранний случай его употребления зафиксирован в разделе «Жизнеописание восточного князя Цана» книги «Хоу Хань шу», Второй раз термин дяньгу встречается несколько сотен лет спустя в разделе «Жизнеописание Син Шао» книги «Бэй ши». Основываясь на примеры употребления слова *дяньгу* в этих древних источниках, авторы словаря заключают, что «термин дяньгу обозначает классические примеры и исторические факты (события), прецеденты. Ныне значение термина дяньгу расширилось, сейчас этим словом обозначают все высказывания и наименования из древней литературы» [7, с. 1]. Опираясь на личный опыт общения с китайцами, можем сказать, что в речи китайцы *дяньгу* могут также назвать изображение какого-либо исторического или мифологического сюжета. Авторы словаря [6] в предисловии ссылаясь на «Словарь современного китайского языка» дают *дяньгу* следующее определение: «сюжеты или слова, фразы из древних книг, цитируемые в поэзии или прозе». Далее авторы этого же словаря, ссылаясь на «Большой англо-китайский словарь», пишут, что «написанное и сказанное, где обильно употребляются дяньгу можно перевести как аллюзивный. Из этого следует, что дяньгу можно перевести как аллюзия» [6, с. 1]. Приведем определение аллюзии, принятое в российской языковедческой науке: «реальная аллюзия – прием употребления какого-нибудь имени или названия, намекающего на известный литературный или историко-культурный факт» [9, с. 89]. Наш подход и термин *дяньгу* в нашем понимании отчасти также совпадает с подходом Н.Д. Бурвиковой и В.Г. Костомарова и их термином логозпистема, который они определяют как «разноуровневые лингвострановедчески ценные единицы (словапонятия, пословицы, поговорки, присловья, крылатые слова, фразеологизмы, афоризмы, «говорящие» имена и названия, строчки из песен и стихотворений, из произведений художественной литературы, штампы, являющиеся стандартным типом языковой реакции носителя языка на внешние стимулы), разноуровневость этих единиц культурного знания относится к языковой форме и способу представления аккумулярованного логозпистемами знания; само же значение как факт культуры относится к сфере смыслов. Логозпи-

стема – знак, который требует осмысления на двух уровнях: уровне языка и уровне культуры. Она, таким образом, является маргинальным знаком, адекватное понимание которого предполагает ориентировку и в области кода (языка), и в области сообщаемой этим кодом информации (культуры) [10, с. 8]. Солидный возраст термина *дяньгу* говорит о том, что прецедентность и интертекстуальность, по нашему мнению, издревле присущи традиционной китайской филологии (ТКФ), в которой упор делался именно на комментарии к текстам, а поэзия и многие произведения других форм строились на основе интертекстуальности и прецедентности. Поэтому одним из важнейших научных направлений ТКФ являлась и является лексикографическая работа по систематизации реально действующих прецедентных единиц, которые пронизывают весь КД на протяжении веков. В процессе поиска фактических материалов мы столкнулись с огромным количеством разного рода соответствующих словарей. Это и словари *дяньгу*, и словари фразеологизмов разного типа, словари цитат, словари древних изречений, словари исторических личностей. К примеру, хотелось бы вкратце упомянуть словарь «Эти люди истории» [11], который представляет 121 выдающуюся личность китайской истории, построен по тематическому принципу и состоит из 8 разделов. Примечательно, что каждая личность в оглавлении словаря представлена краткой характеристикой в форме эпитета, которая часто выражена фразеологизмом (ПВ), актуализирующим ПС, которую, мы полагаем, следует рассматривать как инвариант восприятия данной личности в китайском лингвокультурном сообществе. Приведем несколько примеров:

卧薪尝胆 —— 勾践 *woxin changdan – Gou Jian*

Терпевший трудности ради великой будущей цели – Гоу Цзянь (? – 465 г. до н.э.)

汉末乱世英雄 —— 曹操 *Hanmo luanshi yingxiong – Cao Cao*

Герой времен смуты конца эпохи династии Хань – Цао Цао (155 – 220 гг.)

聪明的化身 —— 诸葛亮 *congmingde huashen – Zhuge Liang*

Воплощение ума – Чжугэ Лян (181 – 234 гг.)

蒙古国的创建者 —— 成吉思汗 *Mengguguode chuanjianzhe – Chengjisihan*

Основатель монгольского государства – Чингисхан (1206 – 1227 гг.)

垂帘听政 —— 慈禧太后 *chuilian tingzheng – Cixi taihou*

Управлявшая из-за занавески – вдовствующая императрица Цыси (1835 – 1908 гг.)

七下西洋 —— 郑和 *qi xia xiyang – Zheng He*

Семь раз плававший в заморские страны – Чжэн Хэ (1371 – 1433 гг.)

活字印刷术的发明者 —— 毕昇 *huozi yinshuashude famingzhe – Bi Sheng*

Изобретатель полиграфии с подвижным наборным шрифтом – Би Шэн (? – 1051 г.)

当代毕昇 —— 王选 *dangdai Bi Sheng – Wang Xuan*

Современный Би Шэн – Ван Сюань (1937 – 2006 гг.)

(изобретатель современной печатной системы набора китайских иероглифов – Н.В.)

Все словари подобного и других типов описывают в принципе разные единицы, но многие из этих единиц можно отнести к ПФ. Дальнейшая их классификация и анализ – задача будущих исследований. В настоящей статье мы делаем попытку затронуть вербальные ПФ – ПИ и связанные с ними разного рода фразеологизмы (ПВ). На данном этапе исследования мы обнаружили, что в основном с ПИ КД связаны фразеологизмы-чэньюи и недоговорки-иносказания (сехоуюи). Мы вводим термин *дяньгу* также для обозначения всех фразеологизмов, связанных с ПФ с целью выделить их в особый класс фразеологического фонда китайского языка. Мы считаем, что вопрос такого выделения назрел в силу того, что в настоящее время в российской методике преподавания китайского языка, насколько нам известно, до сих пор не выработано четких стандартов овладения фразеологией китайского языка. Много говорится о том, что китайский язык богат фразеологизмами и китайцы, особенно образованные китайцы, в своей речи обильно их используют, но не определены приоритеты, студентам не понятно какие фразеологизмы необходимо выучить в первую очередь. Мы полагаем, что совершенно очевидным представляется необходимость начала овладения студентами вузов базовым арсеналом ПИ и связанных с ними ПВ в первую очередь уже со второго семестра обучения, в крайнем случае, с третьего семестра. Это позволит студенту плавно и постепенно к концу обучения в вузе овладеть базовым арсеналом ПФ КД в комплексе и в какой-то мере ощущать себя членом китайского лингвокультурного сообщества, то есть стать, что называется «своим» среди «чужих». В процессе изучения таких дисциплин как «литература Китая», «история Китая», «страноведение Китая» параллельное овладение студентами ПФ КД на специальных занятиях по языку в лингвистическом аспекте их употребления также может стать большим подспорьем. Термин же *дяньгу* здесь может послужить своего рода базовым элементом для построения и осознания системы базового арсенала ПФ КД, подлежащего прочному овладению. Итак, мы представляем следующую терминологическую парадигму построения и описания системы ПФ КД:

Прецедентное имя (*典型人物 dianxing renwu* ‘типичная личность’ или *典故 diangu* ‘литературный (исторический) намек’ [для обозначения единиц, не являющихся антропонимами и как дискурсивный вербальный представитель прецедентной ситуации и/или текста]).

Прецедентный текст (*典源 dianyu* ‘классический источник’).

Прецедентная ситуация (*典型事件 dianxing shijian* ‘типичное событие’).

Прецедентное высказывание (*典故 diangu* ‘литературный (исторический) намек’, также и как дискурсивный вербальный представитель прецедентной ситуации, имени и/или текста).

Покажем действие этой системы на примере ПИ *Чжугэ Лян*. Для обозначения понятия ПИ здесь вполне подходит термин *典型人物*. Хотя это историческая личность, однако в качестве ПИ с инвариантом восприятия «мудрец» и группой ПС имя *Чжугэ Лян* в основном сформировалось в ПТ классическом романе «Троецарствие» (*典源*). Напомним, что инвариант восприятия ПТ и ПС не может быть вербальным, он может быть только вербализован

(описан устно или письменно), но в описаниях этих сгустки смыслов часто будут передаваться посредством ПИ и ПВ. Итак, ПТ в дискурсе может быть представлен только вербальными единицами: ПИ или ПВ. Например, описанная в главе 95 романа ПС (典型事件) в КД вербально представлена ПИ-ПВ (典故) 空城计 БКРС: *kōngchéngjì* 1) *ист. маневр с открытым городом (Чжугэ Лян, оказавшийся без войск в пустом городе перед лицом армии Сыма И, приказал раскрыть городские ворота и подметать улицы; Сыма И, зная хитрость Чжугэ Ляна и боясь попасть в ловушку, отступил; эпоха Троецарствия)* 2) *театр. «Кун-чэн-цзи» (пекинская муз. драма на тот же сюжет и в театре 西皮)* 3) *обман противника ложной демонстрацией силы (или грозным видом)* [5, т. 2, с. 80]. Есть множество ПВ (典故) разного типа, актуализирующих в КД ПИ Чжугэ Лян, например: 三个臭皮匠合成一个诸葛亮 *sān ge chǒu píjiàng héchéng yí ge Zhuge liang* ‘три посредственных сапожника в совокупности равны Чжугэ Ляну (мудрецу)’ – фразеологизм-чэньюй, 三顾[茅庐] БКРС: *sāngù[máolú]* *трижды посещать [шалаш] (о троекратном посещении Чжугэ Ляна Лю Бэем; обр. в знач.: настоятельно просить помощи опытного человека, настоятельно приглашать на службу)* – фразеологизм-чэньюй – ПВ как вербальный представитель ПС, ПИ и ПТ (37 глава романа «Троецарствие»), 诸葛亮使的空城计——只能一回 *Zhuge Liang shide kongchengji – zhi neng yi hui* ‘Примененный Чжугэ Ляном маневр с открытым городом – способ на один раз’ и 诸葛亮住茅庐——怀才不遇 *Zhuge Liang zhu maolu – huai cai bu yu* ‘Чжугэ Лян живет в шалаше – обладая талантами, не иметь случая их использовать’ – недоговорки-иносказания [12, с. 926]. Подчеркнем, что для нас не важно отнесение фразеологизма к тому или иному их виду. Мы считаем, что в плане фразеологии, главное определить степень прецедентности фразеологической единицы в реальной коммуникации, и приложить все усилия к овладению ею и связанными с ней фоновыми знаниями исторического и культурного характера. Фразеологические единицы, в основе которых лежат историко-культурные сюжеты и которые актуализируют другие ПФ КД, мы предлагаем относить к ПВ или ПИ (включая наименования ситуаций и предметов) обозначая и осознавая их на китайском языке как *дяньгу*.

Таким образом, завершая статью, делаем вывод, что древний термин *дяньгу* может и сейчас сослужить хорошую службу в рамках разрабатываемой современными лингвистами теории прецедентности в сфере китайского языкознания. Конкретное его применение мы показали. Мы уверены, что термин этот поможет произвести своего рода ревизию фразеологии китайского языка с точки зрения методики преподавания его иностранцам, взглянуть на нее по-новому и систематизировать процесс овладения реально коммуникативно-ценными единицами, осуществляя тем самым реальную социализацию наших китаистов в китайском лингво-культурном сообществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Захаренко, И.В.* Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И.В.Захаренко, В.В.Красных, Д.Б.Гудков, Д.В.Багаева // *Язык, сознание, коммуникация: сб. статей.* – М.: «Филология», 1997. – Вып. 1.
2. *Красных, В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В.Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
3. *Караулов, Ю.Н.* Русский язык и языковая личность / Ю.Н.Караулов. – М., 1987.
4. *Чэнь Сяньчунь.* Прецедентные имена и события китайской культуры. – Пекин: Пекинский университет, 1999. (Chen Xianchun Zhongguo wenhuazhongde dianxing renwu yu shijian. Beijing yuyan wenhua daxue chubanshe. Beijing, 1999).
5. *Большой китайско-русский словарь.* – М.: «Наука», 1984.
6. *Малый словарь иностранных дянью* / под ред. Линь Шу'у. – Шанхай, 2004. (Waiguo diangu xiao cidian/Lin Shuwu zhubian. Shanghai, 2004).
7. *Словарь часто используемых дянью* / сост. Юй Ши и др. – Шанхай, 2007. (Changyong diangu cidian. Yu Shi deng bian. Shanghai, 2007).
8. *Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. 1.* – М.: «Гнозис», 2004.
9. *Арнольд, И.В.* Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения / И.В.Арнольд // *Вопросы языкознания.* – 1982. – № 4.
10. *Бурвикова, Н.Д.* Жизнь в мимолетных мелочах / Н.Д.Бурвикова, В.Г.Костомаров. – СПб.: Златоуст, 2006.
11. *Хэ Юэцин.* Эти люди истории. – Пекин, 2007. (He Yueqing. Lishishangde naxie ren. – Beijing, 2007).
12. *Полное собрание китайских недоговорок-иносказаний* / Сост. Вэнь Дуаньчжэн. – Шанхай, 2004 (Zhongguo xiehouyu daquan/Wen Duanzheng deng bianzhu. – Shanghai, 2004).

Для обозначения дискретных предметов в каждом языке существуют специальные указательные средства с количественной семантикой – **счетные знаки**.

В русском языке предметы обычно считаются поштучно, например: *один стол, одна ручка*. Иногда для того чтобы это подчеркнуть, используются счетные знаки: *две тарелки супа, три штуки яблок*.

В китайском языке для обозначения количества предметов используются обязательные счетные знаки. Сочетаемость счетных знаков с существительными носит устойчивый характер. Числительные не могут самостоятельно выступать в роли определения, между числительными и существительными ставится счетный знак.

Например: 张纸 yī zhāng zhǐ – ‘один лист бумаги’, где счетный знак 张 zhāng употребляется перед существительными, называющими *тонкие, плоские предметы*, такие как листы бумаги, фотографии, визитные карточки и др.

В китайском языке выбор счетного знака зависит не от желания говорящего, а от того, к какой семантической группе принадлежит существительное, а также от конкретных признаков предмета (объем, форма, состояние, и тому подобное), обозначенного конкретным именем.

Рассмотрим некоторые подгруппы счетных знаков (классификаторов).

1. Классификаторы, используемые при исчислении существительных, обозначающих людей:

名 míng – ‘имя’, 位 wèi – ‘персона’, 个 gè – ‘штука’, 口 kǒu – ‘рот’.

Выбор классификатора зависит от субъективного эмоционально-оценочного отношения к тому, о ком / о чем идет речь.

Сравним следующие примеры:

晚上来了两位客人。Wǎnshàng lái le liǎng wèi kèrén. – ‘Вечером пришли два гостя’.

这位老师教我们中文。Zhè wèi lǎoshī jiāo wǒmen zhōngwén. – ‘Этот учитель преподает нам китайский язык’.

Классификатор wèi – ‘персона’ при существительном lǎoshī – ‘учитель’, kèrén – ‘гость’ и т.п. выражает уважительное отношение говорящего к данному лицу.

我有一个朋友。Wǒ yǒu yī gè péngyǒu. – ‘У меня есть один друг’.

Классификатор gè – ‘штука’ при существительном péngyǒu – ‘друг’ выражает нейтральное отношение.

Счетное слово mín – ‘имя’ при существительном zhuānjiā – ‘специалист’ придает сообщению официальный оттенок. Например:

我们邀请一名专家。Wǒmen yāoqǐng yī míng zhuānjiā. – ‘Мы приглашаем одного специалиста’.

Счетное слово 口 *kǒu*, сочетаясь со словом 人 *rén*, строго обозначает количество членов семьи. Например:

我们家五口人。Wǒmen jiā wǔ kǒu rén. – ‘В нашей семье пять человек’.

2. Классификаторы при существительных, **обозначающих предметы** (в китайском языке в эту семантическую группу входят и существительные, **обозначающие животных**). Данную группу существительных обслуживает большое количество счетных знаков. Выбор того или иного из них связан с конкретными признаками предметов.

В обозначениях подгруппы плоских предметов используется классификатор 张 *zhāng*, этимологическое значение которого – ‘лист’: 张桌子 *yī zhāng zhuōzi* – ‘один стол’.

В обозначениях подгруппы удлиненных предметов часто используется счетный знак 条 *tiáo* – ‘полоска’: 两条河 *liǎng tiáo hé* – ‘две реки’, 一条鱼 *yī tiáo yú* – ‘одна рыба’.

С подгруппой существительных, которые называют предметы, имеющие рукоятку или спинку, употребляется классификатор 把 *bǎ* – ‘ручка, рукоятка’: 一把刀 *yī bǎ dāo* – ‘один нож’, 四把椅子 *sì bǎ yǐzi* – ‘четыре стула’.

С подгруппой существительных, которые называют предметы, имеющие переплет, употребляется классификатор 本 *běn* – ‘корешок’: 两本书 *liǎng běn shū* – ‘две книги’, 一本杂志 *yī běn zázhì* – ‘один журнал’.

Подгруппа существительных, не имеющих правильной формы, обслуживается классификатором 块 *kuài* – ‘кусочек’: 两块肉 *liǎng kuài ròu* – ‘два кусочка мяса’, 三块肥皂 *sān kuài féizào* – ‘три (кусочка) мыла’. В речи счетный знак *kuài* употребляется также для обозначения основной денежной единицы Китая: 一块钱 *yī kuài qián* – ‘один юань’.

Перечисленные классификаторы являются наиболее частотными. Кроме них, многие специальные счетные знаки используются: при существительных с собирательным значением: 双 *shuāng* – ‘пара’, 套 *tào* – ‘комплект’: 两双鞋 *liǎng shuāng xié* – ‘две пары туфель’, 一套西服 *yī tào xīfú* – ‘один костюм’.

При существительных, обозначающих животных, используется счетный знак 只 *zhī*: 一只猫 *yī zhī māo* – ‘одна кошка’, 一只鸡 *yī zhī jī* – ‘одна курица’.

При подсчете рогатого скота употребляется 匹 *pǐ* – ‘голова’: 两匹马 *liǎng pǐ mǎ* – ‘две лошади’.

При счете различных видов транспорта – 辆 *liàng*: 一辆公共汽车 *yī liàng gōnggòng qìchē* – ‘один автобус’.

Существительные, обозначающие письменное сообщение, употребляются с классификатором 封 *fēng* – ‘конверт, печать’: 三封信 *sān fēng xìn* – ‘три письма’.

При подсчете цветков используется счетный знак 朵 *duǒ* – ‘соцветие’: 一朵花 *yī duǒ huā* – ‘один цветок’.

3. Классификаторы для существительных, обозначающих **абстрактные понятия и природные явления**. Слова, обозначающие такие понятия, кото-

рые не поддаются исчислению и измерению, в китайском языке сочетаются с числительными. Классификаторами для них выступают морфема 种 *zhǒng* – ‘вид’, ‘сорт’, ‘род’; а также слова 顿 *dùn* – ‘прием’, ‘порыв’ или 场 *chǎng* – ‘порыв’. Например:

一种思想 *yī zhǒng sīxiǎng* – буквально: ‘одна идеология’;

一场雨 *yī chǎng yǔ* – буквально: ‘один дождь’.

Таким образом, счетные знаки в современном китайском языке можно разделить на 1) классификаторы, обладающие собственным лексическим значением, и 2) классификаторы, используемые только при счете. Первые, в свою очередь, можно разделить на несколько подгрупп в зависимости от семантических признаков существительных.

ВАН ЦИНФЭН

КОМПЛЕКС УПРАЖНЕНИЙ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ЧТЕНИЮ КИТАЙСКОГО ГАЗЕТНОГО ТЕКСТА С ЦЕЛЬЮ ИЗВЛЕЧЕНИЯ ОСНОВНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Известно, что управление деятельностью студентов в обучении чтению газеты на иностранном языке осуществляется с помощью упражнений и заданий, поэтому система целенаправленных упражнений является «ключом» к решению задачи обучения чтению.

Представляется необходимым определить, что понимается под **упражнением** в подготовке компонентов такой речевой деятельности, как чтение, попытаться представить, в чем специфика такого упражнения, каковы его структура и функции.

В методической литературе используются такие понятия, как «приемы и задания», «задачи и упражнения». В **психологическом аспекте** упражнение определяется как *многократное выполнение определенных действий* или видов деятельности, имеющее целью их усвоение. Усвоение новых видов действий опирается на понимание и сопровождается сознательным контролем и корректировкой. Именно направленность на повышение успешности действия и отличает упражнение от простого повторения.

Такое определение упражнения предполагает, что эффективность научения в результате упражнений зависит от многих факторов и, прежде всего, от таких, как **понимание, осмысление** учащимися принципа основного плана выполнения действия и знание результатов выполняемого действия.

Важно, чтобы упражнение, объектом которого является учебное действие, по своей структуре соответствовало бы структуре действия, в нашем случае – умственному (речевому) действию. Каждое такое действие, каждый интеллектуальный акт, по определению психологов, состоит из трех фаз: 1) предварительная ориентировка в ситуации, в условиях действия и в составлении программы действия; 2) исполнение, осуществление тех программ, которые были намечены, выделение и осуществление соответствующих операций; 3) сличение получившегося результата с поставленной целью.

Любое действие при этом имеет свою задачу. **Учебная задача** как конкретная цель, поставленная в определенных условиях, представляет собой **задание**, то есть формулировку цели, инструкцию, указывающую на то, что нужно делать и для чего. Инструкция отражает соответствующее ей действие, искомый речевой продукт и планируемый результат. Задание в упражнении организует первую фазу речевого действия. Как и любая задача, задание в упражнении определяет предмет, с которым надо осуществлять действие.

Упражнение в чтении должно представлять собой трехчленную структуру, включающую: 1) задание, направленное на цель выполнения действия и создающее условие для ориентировки в ситуации; 2) текст (в широком смыс-

ле слова), то есть предмет действия и 3) контроль за выполнением действия, в процессе которого объективизируется (выносится во внешний план) понимание.

Известно, что чем полнее ориентировка в условиях действия (деятельности), тем успешнее оно выполняется. Это предъявляет особые требования к заданию как первому компоненту структуры.

Ориентировочная основа действия должна включать, как нам представляется, инструкции двух видов: а) прогнозирование содержания текста до начала чтения и б) указания на способ контроля понимания. Исполнительная часть чтения всегда направлена на понимание различной глубины и точности содержания текста. Из этого следует, что необходима такая организация учебной работы, при которой объектом «тренировки» становятся процессы понимания. Они регулируются установкой, возникающей под влиянием цели чтения. В условиях обучения установка называется формулировкой задания.

Следует отметить, что в методике обучения иностранным языкам по вопросу о типах упражнений нет единой точки зрения. Отсутствие единства мнений в этом вопросе обнаруживается и при обучении чтению на иностранном языке. Многие исследователи, предлагающие свою точку зрения на обучение чтению как виду речевой деятельности, подразделяют интересующие нас упражнения в зависимости от умений, на развитие которых они направлены, и соответствующих формулировок смысловой задачи (С.К. Фоломкина, Н.И. Гез, Н.Ф. Коряковцева, Т.С. Серова и др.).

Мы придерживаемся той точки зрения, что упражнения для обучения чтению должны обеспечивать целенаправленное развитие познавательно-коммуникативных умений в данном виде речевой деятельности. При этом упражнения в подготовке к деятельности ориентируют на формирование базовых умений переработки информации как на уровне плана значений, так и на уровне смысла. Однако в имеющихся классификациях упражнений нет единого подхода, который в комплексе учитывал бы функционально-коммуникативные, структурно-смысловые и языковые характеристики газетных текстов информационного и аналитического жанров и предусматривал бы формирование и развитие основных в нашем исследовании (прогностических, информационно-поисковых, оценочных) навыков и умений чтения газетных текстов на китайском языке.

В этой связи необходим целенаправленный комплекс упражнений для обучения чтению китайских газетных текстов различных жанров с разными целевыми установками, который бы строился на отобранных газетных текстах различных жанров с учетом потребностно-мотивационной сферы личности студентов и обеспечивал бы овладение студентами основными речевыми умениями в данном виде речевой деятельности. Одно из самых сложных – умение читать материалы прессы на китайском языке.

Исходя из выделенных трех основных групп умений, обеспечивающих чтение газетных текстов различных жанров нами разработан комплекс упражнений, включающий три основных типа: 1) структурно-поисковые, 2) информационно-поисковые, 3) оценочно-поисковые. Данный комплекс разработан с целью извлечения основной информации.

1. Структурно-поисковые упражнения предназначены для развития прогностических навыков и умений в процессе овладения основными характеристиками газетных жанров. Вследствие специфики языковых и структурно-смысловых средств газетного текста данный тип упражнений включает языковые и структурно-смысловые виды упражнений.

Языковые упражнения формируют навыки поиска и понимания информации по сигнальным лексико-грамматическим ориентирам текста. Ориентиры текста, в свою очередь, подразделяются на лексические и грамматические. Лексические упражнения направлены на понимание основных ключевых слов и словосочетаний, в то время как грамматические ориентированы на овладение типичными для газетных текстов грамматическими формами и связующими элементами. Вследствие специфики языка газеты лексические упражнения включают упражнения, рассчитанные на следующие виды деятельности:

а) развитие языковой догадки:

– *просмотрите газетный текст и назовите интернациональные слова, имена собственные; догадайтесь о значении следующих слов (словосочетаний) и др.*

б) выделение и понимание тематической основы текста:

– *какие из предложенных словосочетаний необходимо вынести до текста в качестве ключевых? Подчеркните в предложенном списке те слова, которые необходимы для изложения информации на следующую тему ... и др.*

в) на смысловое прогнозирование:

– *найдите в тексте слова и словосочетания, относящиеся к теме ... (музыка, театр, спорт и т.д.);*

– *прочитайте абзац (текст). По каким словам и словосочетаниям Вы можете определить, что речь идет о ...;*

– *выберите слова и словосочетания, которые, на ваш взгляд, несут наибольшую смысловую нагрузку и др.*

Грамматические упражнения, в свою очередь, ориентированы на узнавание и понимание:

а) грамматических форм (структур), типичных для языка прессы и несущих основную информацию:

– *определите и отметьте в тексте синтаксические конструкции, которые служат для выражения следующей мысли;*

– *найдите и подчеркните конструкции, перевод которых дан под чертой;*

б) средств межфразовой связи / связующих средств:

– *найдите в тексте слова / словосочетания, выражающие причинно-следственные отношения и др.;*

– *соедините предложения с помощью подчинительных союзов.*

Структурно-поисковые упражнения имеют своей целью ознакомление учащихся с элементами внешней и внутренней структуры газетного текста. Данные упражнения предназначены для формирования навыков:

– выделения структурных компонентов текста;

– соотнесения структурных и смысловых компонентов;

– прогнозирования предмета сообщения по экстралингвистическим средствам (газетным иллюстрациям, фотографиям, рисункам, схемам).

Упражнения на выделение структурных компонентов особенно необходимы при недостаточном владении языком. Они позволяют сформировать навыки прогнозирования предмета сообщения и его содержания посредством выделения в тексте:

а) заглавия:

– *переведите заглавие и ответьте на вопросы: а) по какому слову заглавия можно установить, что речь идет о ...; б) какое словосочетание наводит на мысль, что ...?; в) по какому слову Вы определяете, что эта информация об ...?*

– в текстах сообщается о ... *По заглавиям выскажите предположения, о каких фактах пойдет речь. Прочитав тексты, проверьте ваши предположения;*

– *соотнесите предложенные заглавия и тексты;*

– слова, которые являются заглавными, не повторяются в текстах. *Какую цель преследовал автор: назовите тему, создайте подтекст (т.е. что вы подразумеваете под сообщаемой информацией), сделайте вывод? и др.;*

б) зачина (вводной части):

– в жанре «корреспонденция» выделена вводная часть (зачин) – 2 первых абзаца текста. *Определите, верно ли указаны его границы;*

– в тексте предлагаемого репортажа выделен зачин. *Определите, верно ли указаны его граница; если нет, исправьте ошибки и др.;*

в) информативной (основной) части текста:

– в тексте выделена основная / информативная часть. *Определите, верно ли указана ее граница; если нет, исправьте ошибки;*

– на отдельных карточках напечатаны зачин, информативная часть и концовка. *Найдите информативную часть;*

– дается заголовок и концовка репортажа, остальная часть разрезана по смысловым кускам. *Найдите основную часть и составьте текст репортажа;*

г) концовки (заключительной части):

– в тексте обозначена граница концовки. *Проверьте, правильно ли она проведена. Если нет, дайте свой вариант;*

– *попытайтесь определить структурные компоненты прочитанного текста: заголовок, подзаголовок, головные строки, зачин, информативную часть, концовку / выводы и др.;*

– *соотнесите вводную информативную часть текстов и их концовку;*

– *разделите текст на вводную часть, информативную (основную) часть и концовку (заключительную);*

д) других компонентов (головных строк, подзаголовков, сведений об авторе) текста:

– Вы ознакомились с заголовком, прочтите подзаголовок к этому тексту, можете ли Вы на основе полученной информации предсказать, о чем пойдет речь в тексте?;

– прочитайте текст и постарайтесь определить его тему. Ориентирами вам послужат заглавие, головные строки, фотография, термины, интернациональные слова;

– ознакомьтесь с головными строками (предложенными на родном языке) текста, которые облегчат понимание содержащейся в нем информации и др.

Предвосхищение содержания текста включает упражнения на:

а) прогнозирование содержания по структурным элементам текста:

– определите, в каком структурном компоненте текста формируется его тема (заглавие, подзаголовок, головные строки, зачин, информативная часть, концовка);

– заглавие текста «...». Можете ли Вы высказать предварительные суждения о теме текста?;

– определите в тексте место, где говорится о теме (заглавие, подзаголовок, зачин, информативная часть);

б) установление соответствий структурных и смысловых компонентов в газетном тексте:

– назовите основные структурные части данного текста (заглавие, подзаголовок, головные строки, зачин, информативная часть, концовка). В каком из структурных компонентов выражена его главная мысль?;

– соотнесите структурные и смысловые компоненты текста;

в) прогнозирование по экстралингвистическим средствам:

– посмотрите внимательно фотографию: подсказывает ли она Вам, о чем пойдет речь в тексте?;

– обратите внимание на газетную иллюстрацию. Можете ли Вы определить, о чем идет речь в следующей за ней краткой информации? Прочитайте первые предложения и скажите, о каком событии сообщается в тексте (таким образом Вы определите тему данного текста)? Используйте клише...;

– выберите из группы газетных клише те, которые соответствуют данной газетной иллюстрации, скажите 2-3 предложения с ними.

2. Информационно-поисковые упражнения, в отличие от структурно-поисковых, носят подготовительный характер, представляют собой более высокий уровень владения навыками и умениями чтения и направлены на обучение учащихся пониманию информации различной глубины и точности. Отметим, что для овладения указанными выше умениями используются тексты различных газетных жанров.

Целевой поиск может быть направлен как на выявление предмета сообщения, так и основных (второстепенных) фактов, что и послужило основой для разработки следующих групп информационно-поисковых упражнений:

а) выявление предмета сообщения;

б) извлечение основной информации.

Упражнения в выявлении предмета сообщения включают упражнения, направленные на:

а) ориентировку в газете:

– найдите в данном номере газеты основное информационное сообщение; какое событие описывается в нем? Какие еще материалы по данному вопросу опубликованы в газете?;

– найдите в газете тексты комментария и статьи. Каким проблемам они посвящены?;

– определите, какие интересные материалы публикует газета «...» под рубриками ... и др.;

б) определение темы газетного текста:

– прочтите заголовок, просмотрите текст и определите, как развивается тема. Прочтите текст, сверьте свои предположения с денотатной картой, данной после текста;

– просмотрите текст и скажите, о ком (чем) идет речь в этом отрывке;

– прочитайте начальные предложения первого и последнего абзацев жанра «интервью». Скажите, какой вопрос освещается в статье;

– скажите, выражена ли тема в заголовке/ подзаголовке статьи;

– определите в статье место, где говорится о теме (заголовок, вводная часть, основная часть) и др.

Вследствие специфики видов чтения представляет интерес понимание основных и второстепенных фактов. Понимание студентами основных фактов достигается с помощью следующих групп упражнений:

а) выделение основных фактов:

– подчеркните номера предложений, которые, на Ваш взгляд, передают основные положения текста;

– составьте перечень основных проблем, затронутых в тексте;

– из данных ответов на вопрос выберите те, которые соответствуют содержанию прочитанного текста и др.;

б) выделение второстепенных фактов:

– назовите факты, которые можно было бы опустить как второстепенные;

– сгруппируйте следующие факты, разделив их на основные и второстепенные;

в) установление связи между единичными фактами:

– расположите следующие предложения текста в логической последовательности, проставив их номера в нужном порядке (даны в произвольной последовательности и пронумерованы);

– укажите, что автор считает причиной / следствием ...;

– приведите из текста как можно больше фактов для доказательства каждого из следующих утверждений (не высказанных в тексте прямо).

3. Оценочно-поисковые упражнения обеспечивают обобщение извлеченной информации, умение вывести на основе полученной информации суждение (сделать вывод, установить идею, замысел текста, оценить изложенные факты) и интерпретировать прочитанное, что включает понимание подтекста. Поскольку оценочная деятельность предполагает понимание доминирующего авторского намерения и выражение своего отношения к излагаемому, то данный тип упражнений можно подразделить на две основные группы: 1) функционально-коммуникативные и 2) оценочно-интерпретирующие.

Функционально-коммуникативные упражнения предназначены для развития умений:

а) выделять основную функцию текста:

– *соотнесите абзацы данного комментария и его функции, используя обозначения: информационная функция – И; экспрессивно-оценочная – О; воздействующая – В; убеждения – У* (образец: 1-й абзац – И; 2-й абзац – И, У; 3-й абзац – И, В и т.д.) и др.;

– *какова, на Ваш взгляд, основная функция прочитанного текста* (информативная, оценочная, воздействующая или функция убеждения);

б) определять доминирующее коммуникативное намерение автора:

– *определите основное коммуникативное намерение автора текста* (сообщить о чем-либо, оценить / прокомментировать событие или факт, убедить в чем-то читателя, оказать воздействие на читателя) и др.;

– *какова цель автора текста?* а) ...; б) ...; в) ...; г) ... (ключ: б, г);

– *что хотел сказать автор данной статьи: сообщить что-либо, убедить в чем-то читателя, доказать что-то? Выразите свое отношение к прочитанному.*

Оценочно-интерпретирующие упражнения направлены на:

а) обобщение, осмысление извлеченной информации:

– *скажите, на основе каких фактов текста можно утверждать, что ...;*

– *прочитайте текст и перечислите новые для Вас сведения* (факты, события, идеи), *которые Вы из него узнали. В какой области Вы сможете эту информацию применить?*

б) определение своего отношения к изложенному в тексте взгляду:

– *прочитайте текст и перечислите факты, на основании которых автор строит выводы; дают ли эти факты основания для обобщающего вывода?;*

– *выразите свое отношение к прочитанной заметке, используя следующие клише;*

– *прочитайте текст и скажите, с какими из изложенных в нем положений Вы не согласны? Почему?;*

– *какой вывод делает автор текста? Согласны ли Вы с ним? Используйте следующие клише: ... и др.*

Определение эффективности созданного комплекса упражнений для обучения студентов чтению газетных текстов на китайском языке потребовало проведения опытного обучения на старших курсах языкового вуза.

В статье представлены результаты магистерской диссертации «Номинативные единицы со значением субъекта в русском и китайском языках», выполненной на кафедре восточных языков Белорусского государственного университета в 2007-2008 уч. г.

В задачи исследования входило: 1) теоретическое обоснование номинативной единицы как языкового объекта; 2) моделирование объекта описания: обоснование семантической модели 'лицо → деятельность лица' и способов ее вхождения в состав определенной тематической группы; 3) исчисление значений заданных номинативных единиц в составе определенной тематической группы; 4) системное представление отношений между знаками в составе номинативных единиц, типологически объединенных семантикой лица.

Субъектная семантика представляет собой предельно абстрактное обобщение частных значений 'лицо по виду деятельности'. Частные значения реализуются в составе тематических групп. Тематические группы наименований лица по виду деятельности дифференцируются как «семантические» представители по пяти параметрам: *должность, профессия, занятие, поведение, состояние*.

Тематические доминанты эксплицируется в составе дефиниционного ряда, под которым понимается «комплексная микросистема лексикографической интерпретации семантики производной единицы» [1, с.14]. С целью «развернуть» русские дефиниции китайских знаков нами была использована методика дефиниционного анализа, предложенная А.Н. Овчинниковой к описанию глаголов, обозначающих деятельность лица [1].

Дефиниционный анализ представляет собой такой метод семантического анализа производного знака, в основе которого лежит использование его раздельнооформленного эквивалента, его «семантической перифразы» [2, с. 100]. Описательные дефиниции выступают одним из способов выражения производных значений (*проявлять щедрость, проявлять тактичность, проявлять уважение, проявлять смелость; заниматься спортом, заниматься наукой, заниматься делом* и др.). Один из компонентов подобных сочетаний всегда функционально соответствует аффиксу реального или потенциально возможного слова, например: *шить сапоги – сапожник, бить баклуши – баклушник; говорить шутки – шутник, говорить клевету – клеветник, говорить комплименты – комплиментщик* и др.

Дефиниции слов разложимы на два и более знаков: *преподавать, учить + человек; работа (ремесло) + глина + человек; грузить + крюк + человек,*

ковать + человек. Сравним: 陶器工人 táo qì gōng rén ‘гончар’ = 陶瓷 + 工人 ‘керамика и фарфор + рабочий’.

В китайском языке наименования лица по виду деятельности включают *обязательные* компоненты в состав толкований. Рассмотрим *доминанты* толкований в составе тематических групп.

1. Имена, обозначающие должностных лиц. Например:

Дипломат 外交官原 wài jiāo guān yuán. **Номинативная единица** состоит из двух лексических компонентов: 外交 wài jiāo *дипломатия* и 官员 guān yuán *чиновник*.

Директор 负责人 fù zé rén *нести ответственность* и человек;

Игумен 修道院院长 xiū dào yuàn yuàn zhǎng *монастырь* и директор;

Инспектор 监察人 jiān chá rén *ревизия* и человек;

Номинативные единицы в китайском языке могут представлять собой свертку знаков. Например:

Иерей 神甫 shén fu = 神甫 shén zhí + 人员 rén yuán *духовный* и *лицо*;

Князь 公爵 gōng jué = 王公 wáng gōng + 爵位 júe wèi *дворянство* и *титул*;

Доминантами группы выступают лексические показатели субъектной (личной) семантики: *директор, лицо, титул, чиновник* и под.

2. Имена, обозначающие лиц профессиональной деятельности.

Различия в способах реализации данной семантики связаны, во-первых, с разными лексическими компонентами в составе знаков; во-вторых, с характером деятельности и ее социальной оценкой. По качеству деятельности выделяются две подгруппы наименований лица: 1) лица, выполняющие работу по специальности, согласно полученному образованию; 2) лица, связанные с прикладными профессиями.

В русском языке значение интеллектуальной деятельности и деятельности, связанной с работой по специальности, регулярно передается лексическими компонентами: *работать* и *заниматься деятельностью*. Например: *работать учителем, режиссером; заниматься врачебной деятельностью*. В китайском языке:

Адвокат 律师 lǜ shī = 法律 fǎ lǜ + 师傅 shī fu *право* и *мастер*;

Композитор 作曲家 zuò qǔ jiā = 作曲 zuò qǔ + 人 *сочинять музыку* и *мастер*;

Учитель 教师 jiāo shī *преподавать* и *мастер* и др.

Сравним толкования номинативных единиц:

Врач 医生 yī shēng:

治病师傅 = 治病 *лечить* + 师傅 *мастер*;

医学+ 学习的人 человек, который учится медицине.

Доминантой данной подгруппы является лексический компонент *мастер*.

Семантика деятельности, не требующей специального образования, выражается лексическими компонентами: *заниматься ремеслом, промыслом, делом*. Например: *заниматься ремеслом горшечника, заниматься кожевен-*

ным ремеслом, заниматься **промыслом** живодера. Общие лексические компоненты для двух подгрупп – *работать* и *заниматься*. Например: *работать врачом, заниматься водолажным делом*.

Способы представления данной семантики в китайском языке:

Башмачник 鞋匠 xié jiàng *обувь и рабочий*;

Бочар 木桶匠 mù tǒng jiàng *ведро и рабочий*;

Водолаз 潜水员 qián shuǐ yuán *под водой и человек*;

Кашевар 炊事员 chuī shì yuán *готовить обед и человек*;

Кожевник 制革工人 zhì gé gōng rén *выделать кожу и рабочий*;

Извозчик 马车夫 mǎ chē fū *экипаж и человек*.

Доминантой второй подгруппы выступает идентификатор **рабочий**.

Третья группа имен обозначает лиц непрофессиональной деятельности.

Данная семантика включает *занятие, поведение и состояние* лица.

Занятие может иметь нейтральную социальную оценку, например: *рыбак – ловить рыбу, ягодник – собирать ягоды, огородник – заниматься огородом*. Негативную оценку имеет деятельность *барышника, взяточника, вредителя, крючкотвора, палача, шпиона* и многих других. Группа активно пополняется за счет профессиональных имен. Например:

Живодер ‘1. Лицо, которое профессионально занимается убоем животных. 2. Жестокий человек, мучитель’ [зд. и далее: 3]. Во 2-м значении знак закреплен в китайском языке:

残酷的人 cán kù de rén *жестокий человек*.

Все единицы, которые связаны с **поведением** лица, имеют лексические указатели: *вести себя, поступать как, как кто, быть каким, совершать какие поступки, проявлять что*. Например: *вести себя мужественно, вести себя как подхалим, проявлять высокомерие, проявлять любопытство, поступать дерзко*. Группа также активно пополняется за счет профессиональных имен, например:

Знак **Акробат** – цирковой мастер гимнастики (из греч. *вершина* и *иду*) – может развивать в речи семантику поведения «неуместная ловкость, шутовство».

Актер в первом значении – ‘1. Исполнитель ролей в театральном представлении’. Во втором, переносном, значении – ‘2. Притворщик; человек, который показывает себя не таким, каков он есть на самом деле’ [3].

Сравним в китайском языке:

Акробат 技巧运动员 jì qiǎo yùndòng yuán *навык и спортсмен*;

Актер (артист) 演员 yǎn yuán *исполнять, играть и мастер*.

Имена **лиц по состоянию** реализуют семантику в сочетании со словами *быть, жить кем, вести жизнь кого, предаваться чему*. Например: *быть бродягой, быть сиротой, жить беспризорником, вести жизнь странника, предаваться философии*.

Примеры знаков непрофессиональной деятельности в китайском языке:

Нейтральное занятие:

Благодетель 行善的人 xíng shàn de rén *человек, который делает хорошее дело*;

Благотворитель 慈善家 cí shàn jiā человек, который помогает.

Отрицательное занятие:

Базарник базарный торговец 集市小贩 jí shì xiǎo fàn базар и торгаш;

Барышник 贩卖者 fàn mài zhě человек, который продает вещи;

Взяточник 贪污分子 tān wū fèn zǐ человек, который занимается коррупцией;

Вредитель 破坏分子 pò huài fèn zǐ человек, который нарушает;

Кляузник 好拨弄是非的人 hào bō nòng shì féi de rén человек, который любит вызывать ссору.

Поведение:

Безбожник 无神论者 wú shén lùn zhě человек, у которого нет Бога;

Буян буйный человек; озорник; скандалист. 歹徒 dǎi tú = 做坏事 + 人 человек, который делает плохое дело;

Ветреник 轻浮的人 qīng fú de rén легкомысленный человек;

Высокомерный 高傲的人 gāo ào de rén очень гордый человек;

Злорадный (человек) 幸灾乐祸的人 xìng zāi lè huò de rén человек, который радуется беде;

Дерзкий 勇猛的人 yǒng měng de rén человек, которому хватает отличной смелости;

Деликатный 有礼貌的人 yǒu lǐ mào de rén вежливый человек;

Состояние:

Бездельник 懒汉 lǎn hàn = 懒惰 + 男人 ленивый мужчина;

Белоручка 不愿干重活的人 bù yuàn gàn zhòng huó de rén человек, который не хочет делать тяжелую работу;

Беспризорник 流浪儿 liú làng ér 没有家 + 儿童 ребенок без дома;

Бродяга 流浪者 liú làng zhě 没有家 + 人 человек без дома;

Домосед 不爱出门的人 bú ài chū mén de rén 不爱出门 + 人 человек, который не любит выходить из дома.

Как видим, большинство наименований, обозначающих лицо по непрофессиональному виду деятельности, имеет в составе толкований структуру сложных рекурсивных определений с общим компонентом «человек, который».

Мы рассматриваем такой тип отношений, который фиксируется в определенной последовательности знаков – **номинативной единице** [4; 5]. Этот тип отношений **одновременно** устанавливается между **двумя** (!) равноправными знаками, один из которых по отношению к другому выступает как **старый** (идентификатор, т.е. «то, что известно» о субъекте). Второй знак по отношению к первому выступает как **новый** (дифференциатор, т.е. «то, что является неизвестным» о субъекте). В результате соединения известной и новой информации о субъекте порождается новая единица с единой семантикой. Так, два знака *человек* и *работа* вступают в отношения «старый (актуализатор) – новый (модификатор)» и порождают новый знак **рабочий**, *человек* и *летать* – **летчик**. Сочетание знаков *рука* и *работа* порождают устойчивую последовательность знаков *ручная работа*. По модели **актуализатор + модификатор** образуются все производные знаки в русском и китайском языках. Сравним: 集市 + 小贩 базар + торгаш → **базарник**, 巴拉莱卡 + 琴手 ба-

лаган + музыкант → *балаганищик*, 诙谐+人 → юмористический + человек → *балагур*, *юморист*, 懒惰 + 男人 ленивый + мужчина → *бездельник*, *лентяй* и мн. др.

В терминах *комбинаторной семантики* «**номинативная единица** – это устойчивая последовательность знаков, в которой один знак (модификатор) определяет другой (актуализатор) а само слово рассматривается как свернутая номинативная единица» [6, с.35]. Актуализатор – это общий лексический компонент в структуре номинативной единицы, например: *мудрый человек*; *человек, живущий в горах*; *человек, живущий в Китае*. Модификатор – различающий лексический компонент. В указанных выше примерах свертка происходит в пользу модификатора: *мудрец*, *горец*, *китаец*.

Факты китайского языка доказывают, что все свернутые номинативные единицы в русском языке представляют исторически сложившуюся последовательность знаков – актуализатор и модификатор.

В русском языке производное слово есть результат свертки (семантического сжатия) номинативной единицы в пользу модификатора (корневой морфемы). Формально-семантические «границы» дефиниции знака и номинативной единицы совпадают. В китайском языке номинативная единица есть результат семантического наращения первичного знака – актуализатора. Список модификаторов должен быть исчислим и доказан фактами языка. Необходимо дифференцировать все возможные значения, включенные в «свернутую» единицу.

Приложение нового знания приобретает особую актуальность в общетеоретических исследованиях при сопоставлении разных интерпретаций языка. Факт явных и скрытых процессов в образовании новых знаков подтверждается на лексическом фрагменте, представленном номинативными единицами субъектной семантики в русском и китайском языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Овчинникова, А.Н.* Моделирование номинативных рядов глаголов, обозначающих деятельность лица (синхронно-диахронический аспект): дисс. канд. филол. наук: 10.02.02 / А.Н.Овчинникова. – Минск, 2003. – 211 с.
2. *Волоцкая, З.М.* Установление отношения производности между словами: Опыт применения трансформационного метода / З.М.Волоцкая // Вопросы языкознания. – 1960. – №3. – С. 100-107.
3. *Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М.-Л., 1948-1965 (ССРЛЯ).*
4. *Мартынов, В.В.* Кибернетика. Семиотика. Лингвистика / В.В.Мартынов. – Минск: Наука и техника, 1966. – 147 с.
5. *Гордей, А.Н.* Принципы исчисления семантики предметных областей / А.Н.Гордей. – Минск: Белгосуниверситет, 1998. – 156 с.
6. *Гордей, А.Н.* Основания комбинаторной семантики / А.Н.Гордей // Слово и словарь = *Vocabulum et vocabularium*: сб. науч. тр. по лексикографии / Гроднен. гос. ун-т; редкол.: Л.В.Рычкова (отв. ред.) [и др.]. – Гродно, 2005. – С.32-35.

О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ОБОЗНАЧЕНИЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО КОЛИЧЕСТВА В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ ИЛИ К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ АССИМЕТРИИ

Категория количества, с которой связано обозначение количественных параметров окружающего нас мира, занимает важное место в системе языка. Являясь универсальной категорией, в разных языках она, однако, характеризуется своеобразным набором средств и присущих им значений. В задачи нашего исследования входит анализ важной подсистемы данной категории – субкатегории неопределенного количества в русском и китайском языках. Объектом описания, результаты которого нашли отражение в данной работе, стали ядерные члены подсистемы неопределенного количества, а именно обозначения *много*, *мало* в русском языке и их китайские эквиваленты. В качестве предмета анализа были избраны функциональные свойства данных единиц. Из произведений художественной литературы, журналов и текстов Интернета на русском и китайском языках (объемом в 1658543 словоупотреблений в русском языке и 1196189 словоупотреблений в китайском языке), мы получили исследовательский материал, включающий 316 русских примеров и 351 китайский пример.

Анализ функциональных свойств *много* и *мало* в русском языке приводит к однозначному выводу: две антонимичные единицы резко отличаются друг от друга частотностью своего употребления. Так, слово *много* в исследуемых текстах встретилось 262 раза, что составляет 83% от общей совокупности, в то время как *мало* было употреблено лишь 54 раза, или в 17% контекстов. Такая функциональная асимметрия подтверждается также и данными Национального корпуса русского языка, в котором употреблений слова *много* зафиксировано 86535, а употреблений слова *мало* всего лишь 37941 [1; 2].

Таблица 1. Частотность функционирования *много*, *мало*

	Много		Мало	
	Всего	%	Всего	%
Собственная выборка	262	83%	54	17 %
Нац. корпус	86535	70%	37941	30%

Становится очевидным, что оппозиция *много* / *мало* оказывается ориентированной на реализацию «большого» количества, в то время как показатели «малого» количества имеют низкую частотность.

Аналогичная картина в распределении слов, обозначающих *большое* и *малое* количество, по частотности наблюдается и в китайском языке. Не останавливаясь в статье на различиях в системе обозначений большого количества (это материал для отдельной работы), подчеркнем, что в китайском языке функциональная асимметрия является еще более ярко выраженной по сравнению с ситуацией в русском языке. На долю 很少 (*hen shao*) ‘мало’ приходится лишь 19 словоупотреблений, или всего лишь 5% от общего числа исследуемых контекстов. Например:

现在许多年轻人的饮食习惯不好，总是吃很多肉，很少吃蔬菜。(xian zai xu duo nian qing ren de ying shi xi guan bu hao, zong shi chi hen duo rou, hen shao chi shu cai.)

Дословный перевод: ‘Сейчас у многих молодых людей не хорошие питательные привычки, всегда кушать **много** мяса, мало есть овощи’ [3, с. 56].

很少有人了解他，这是一个多么高尚的、纯洁的灵魂。(hen shao you ren liao jie ta, zhe shi yi ge duome gao shang de、chun jie de ling hun.)

Дословный перевод: ‘**Мало** людей его понимает, у него такой благородный и чистый дух’ [4, с. 24].

К сожалению, отсутствие Национального корпуса китайского языка не позволяет нам привести более обширные данные.

Таблица 2. Частотность функционирования 很多 (*hen duo*) / 许多 (*xi duo*) ‘много’, 很少 (*hen shao*) ‘мало’

Всего	很多/许多 ‘много’		很少 ‘мало’	
	332	95%	19	5%

Привлекает внимание то, что функциональная асимметрия характерна для русских и китайских эквивалентов *много/мало* не только на уровне общих показателей частотности данных единиц. Она наблюдается и в выборе синтаксических позиций, в которых используются анализируемые единицы. Так, для *много* и *мало* как обозначений неопределенного количества в русском языке характерны две синтаксические позиции:

1) атрибута имени существительного (*много людей, много денег, мало счастья, мало сахару* и др.) и 2) в предикативной позиции.

– *Мое пристрастие! У меня их было так много*, – сказал Пьер (Толстой, «Война и мир»). Ср. также – *И в один прекрасный день Катя поступила в трупу и уехала, кажется, в Уфу, увезя с собою много денег, тьму радужных надежд и аристократические взгляды на дело* (Чехов, «Скучная история»).

– *Старик выпил лишнее и стал хвалиться, что у него с собой денег много. Купцы, известно, народ хвастливый, не дай бог...* (Чехов, «Степь»).

Таблица 3. Частотность функционирования *много, мало* в синтаксических позициях

	Много				Мало			
	много+сущ.		сущ.+много		мало+сущ.		сущ.+мало	
Всего	182	87%	28	13%	26	55%	21	45%

Полученные количественные показатели свидетельствуют о сохранении функциональной асимметрии словом *много* и некотором выравнивании в употреблении *мало* как в атрибутивной, так и предикативной позициях.

Общей закономерности преимущественного использования данных показателей неопределенного количества не противоречит то обстоятельство, что в сочетании с определенными существительными схема «*много+ существительное*» может использоваться чаще, чем «*существительное+ много*», хотя иногда может иметь место большая частотность последней конструкции. Например: выражение *много денег* в рассмотренных источниках встретилось 5 раз, а *денег много* – 10; *много людей* – 5 раз, *людей много* – 4; словосочетание *много лет* авторами используется 6 раз, а *лет много* – ни одного. Когда слово *много* употребляется после существительного, то чаще всего это принимает следующую форму – «*сущ.+было много*». Одно и то же словосочетание несет одинаковую смысловую нагрузку, но при этом может быть использовано в разных структурных вариантах, что может зависеть как от литературного стиля, так от желания автора придать определенную эмоциональную окраску словам героев и т.д. Например:

– *Много мужчин и женщин живут вместе, потому что так надо, так принято в ссылке; сожителства стали в колонии традиционным порядком, и эти люди, как слабые, безвольные натуры, подчинились этому порядку, хотя никто не принуждал их к тому* (Чехов, «Остров Сахалин»).

– *Во всем городе только она одна может нравиться, а мужчин много, и потому все они волей-неволей должны завидовать Лаевскому* (Чехов, «Дуэль»).

– *У нее слезы были в глазах и в голосе. – У меня так мало было счастья в жизни, что мне тяжела всякая потеря... Извините меня, прощайте. – Она вдруг заплакала и пошла из комнаты* (Толстой, «Война и мир»).

– *Ростов был очень счастлив любовью, которую ему выказывали; но первая минута его встречи была так блаженна, что теперешнего его счастья ему казалось мало, и он все ждал чего-то еще, и еще, и еще. На другое утро приезжие спали с дороги до 10-го часа* (Толстой, «Война и мир»).

Анализ синтаксических позиций неопределенных количественных 很多 (hen duo) /许多(xu duo) ‘много’, 很少(hen shao) ‘мало’ в китайском языке указывает на ряд существенных функциональных отличий по сравнению с данными русского языка.

Таблица 4.

	Много		Мало		
	много+сущ.	сущ.+много	мало+сущ.	мало+сущ.	сущ.+мало
	很多	Только:	很少	少数	很少

В с е г о	(hen duo) / 许多 (xu duo) 'много'		很多 (hen duo) 'много'		(hen shao) 'мало'	(shao shu) 'малое коли- чество'; 很少几个 (hen shao ji ge) / 很少一些 (hen shao yi xie) 'мало- не- сколько'		(hen shao) 'мало'	
	316	95%	16	5%	0	16	84%	3	16%

Как и в русском языке, *много* используется с именами существительными в качестве их атрибутов или предикатов. Сравним следующие примеры:

午饭之后, 这个村子里的很多人都在打牌, 虽然缺少钞票, 但是时间却很多。(wu fan zhi hou, zhe ge cun zi li de hen duo ren dou zai da pai, sui ran que shao chao piao, dan shi shi jian que hen duo.) – ‘После обеда, в этой деревне много людей играют в карты, хотя денег мало, но **времени много**’ [5, с. 98].

退休了之后, 他有很多时间出去旅游, 两年之内, 他去了很多年轻时候曾经非常向往却一直没能去成的地方。(tui xiu le zhi hou, ta you hen duo shi jian chu qu lv you, liang nian zhi nei, ta qu le hen duo nian qing shi ceng jing fei chang xiang wang que yi zhi mei neng qu cheng de di fang.) – ‘После того, как он вышел на пенсию, у него появилось **много времени** путешествовать. В течение двух года он побывал во многих местах, о которых он раньше сильно мечтал, но никогда не бывал’ [3, с. 66].

Как показывают количественные данные, приведенные в Таблице 4, для китайского языка также характерна асимметрия синтаксических позиций, в которых встречаются 很多(hen duo) / 许多(xu duo) ‘много’.

Спецификой китайского языка оказывается, во-первых, то, что показатель неопределенного количества *мало* редко используется как определение, но чаще используется в качестве предиката. Например, 很少有人 (hen shao you ren) ‘мало есть людей’. Еще одной специфической чертой в функционировании показателя малого количества в китайском языке является использование слов 不多 (bu duo) ‘немного’ или 一些 (yi xie) / 几个 (ji ge) ‘несколько’ вместо 很少 (hen shao) ‘мало’, что, по-видимому, объясняет и незначительное употребление *мало* и в русском языке.

Таким образом, сочетаемость маркеров неопределенного количества *много* и *мало* в русском языке и их коррелятов в китайском указывает на существенные различия в функционировании противоположных по значению единиц. Можно предположить, что эти различия будут иметь место и в диапазоне лексико-семантической сочетаемости данных слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – 2002. – Режим доступа: [http:// search.ruscorpora.ru/ search.xml?mysorp](http://search.ruscorpora.ru/search.xml?mysorp). – Дата доступа: 27.10.2008.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – 2002. – Режим доступа: [http:// search.ruscorpora.ru/ search.xml?mysorp](http://search.ruscorpora.ru/search.xml?mysorp). – Дата доступа: 27.10.2008.
3. «知音» (精华本), «花季知音»出版社/ 国际标准刊号: ISSN 1008-8500 / 国内统一刊号: CN13-1026. – 128 с. (Журнал, «Чжи Инь»).
4. «读者» 2008 年第 17 期(总 430 期), 中国标准刊号: ISSN 1005-1805, CN 62-1118/Z. – 64 с. (Журнал, «Ду Чжэ»).
5. *Карапетьяни, А.М., Тань Аошуан.* Учебник китайского языка: Новый практический курс: в 2 ч. / А.М. Карапетьянц, Тань Аошуан. – М.: Вост. лит., 2004. – Ч.П. – 527 с.

**ФРАГМЕНТ РУССКОЙ
КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ
МИРА В ЗЕРКАЛЕ КИТАЙСКОЙ:
«ДУША», «СУДЬБА»**

Человек – одновременно творец и раб языка, в то же время язык – тайна, но он не отчужден от человека. А в силу того, что язык характеризуется антропоцентризмом, понимание человеком окружающего мира носит в большей степени лингвоцентрический характер [1, с. 31]. Языковая картина мира – это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности.

Для наивной картины мира, как и для языковой в целом, очень важна концептуализация, т. к. наивная картина мира, в которой, по мнению исследователей, основное место занимает фразеология, паремиология и фольклор, оказывает значительное влияние на сознание носителей языка.

Термин наивная картина мира непосредственно связан с термином концепт. Концепт, также трудно определяется, как слово и предложение. В связи со сложностью общего определения ученые начали изучать типы концептов, а из когнитивной лингвистики выделилась концептуальная.

Ю.С. Степанов рассматривает такие единицы, как предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений, то есть концепты не только мыслятся, но и переживаются. Концепт, по мнению Ю.С. Степанова, является основной ячейкой культуры в ментальном мире человека [2, с. 41-42].

Считается, что лучший способ к описанию и определению природы концепта дает язык. При этом одни ученые считают, что в качестве простейших концептов следует рассматривать концепты, представленные одним словом, а в качестве более сложных – те, которые представлены словосочетаниями и предложениями. Другие усматривают простейшие концепты в семантических признаках или маркерах, обнаруженных в ходе анализа лексики. Третьи полагают, что анализ лексических систем языков может привести к обнаружению небольшого числа «примитивов», комбинацией которых можно описать весь словарный состав языка. К последним принадлежит и А. Вежбицкая, автор книги «Язык. Культура. Познание» [3, с. 332]. А. Вежбицкая считает, что концепты *душа*, *судьба*, *тоска* являются одними из наиболее типичных для русского языка. На протяжении многих лет они изучаются в лингвистической науке.

С.М. Прохорова провела сопоставление этих концептов в русской и белорусской наивной картине мира. В таких близкородственных языках, как русский и белорусский, существует большой пласт общих фразеологизмов с компонентом *душа*, где различия не очень значительны, но все же отмечены исследователем: в белорусском языке словарями зафиксировано большее количество фразеологизмов с этим компонентом, в одном из фразеологизмов

русскому *душа* соответствует в белорусском языке *дух* [1, с. 31-34]. Русская *тоска* не нашла соответствий в белорусской фразеологии, а следовательно, она действительно является типичным русским культурным концептом. Концепт *судьба* имеет много национальных различий.

Следуя методике С.М. Прохоровой, в качестве материала для исследования мы также привлекли фразеологизмы – русские и китайские. Из фразеологических словарей мы извлекли 74 русских [4] и 274 китайских единиц [5] с компонентом *душа*. Следует отметить, что китайские фразеологизмы, в отличие от русских, лишены какой бы то ни было вариантности. Они имеют четко регламентированную структуру – в количественном отношении это четыре иероглифа.

Наряду с русскими фразеологическими словарями, мы обратились к Толковому словарю живого великорусского языка В.И. Даля, в котором имеется словарная статья, отражающая в концентрированном виде трактовку души русскими: «Душа – бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею; в общем значении человек, с духом и телом; в более тесном: человек без плоти, бестелесный, по смерти своей; в смысле же теснейшем: жизненное существо человека, воображаемое отдельно. Душа – также душевные и духовные качества человека, совесть, внутреннее чувство и др. Душа есть бесплотное тело духа: в этом значении дух выше души...» [6, с. 504-506]. Из определения *души* в словаре Даля становится понятным, почему в русской языковой картине мира *душа* является синонимом слова *человек*.

Мы предположили, что сравнение русского концепта *душа* с китайским даст интересные результаты не только для лингвистической науки, но и для практики перевода и обучения этим языкам.

По мнению исследователей, в Китае представления о душе окончательно сформировались при династии Чжоу. Эти представления были одной из базовых идеологий культа предков. Согласно им, человек есть сочетание «небесной» субстанции, заключенной в душе *хунь*, и «земной» субстанции, заключенной в душе *по*. Таким образом, одному языковому знаку *душа* в русском языке соответствуют два в китайском 魂 и 魄. Предполагалось, что *по-魄* возникает в момент зачатия, а *хунь-魂* – при рождении; гармоническое же сочетание этих субстанций нарушается в период болезни, во время сна и, конечно же, в момент смерти.

Компонентами китайских фразеологизмов является как 魂 *хунь*, так и 魄 *по*. В китайской наивной картине мира 魂 *хунь* представляется живым существом, имеющим крылья, поэтому *хунь* летает. *Хунь* сторожит человека, бродит по небу, испытывает разные чувства и, как каждое живое существо, может погибнуть. Что касается 魄 *по*, то это пассивное живое существо, в отличие от активного *хунь*. *По* может быть потерянным, небо может отнять *по*. *Хунь* и *по* последовательно противопоставляются в китайской наивной картине мира. Китайский фразеологический оборот 冰魄雪魂, соответствующий русскому *холодный человек*, состоит из смысла *ледяная хунь и снежное по* – *хунь* ледяная (содержит сему ‘прозрачное’), *по* снежное (‘непрозрачное’).

В китайской наивной картине мира, в отличие от русской, противопоставляется не *тело* и *душа*, а *по* и *хунь*.

В состав 11 китайских фразеологизмов входит только компонент *хунь*. Большинство из них касаются фрейма страха: *胆裂魂飞* желчный пузырь разорвался и *хунь* улетела, *魂亡胆落* *хунь* погибла и желчный пузырь потерялся, *亡魂丧胆* лишиться *хунь* и потерять желчный пузырь, *魂飞天外* *хунь* улетела на небо, *魂不守舍* *хунь* не сторожила плоть, *魂不附体* *хунь* с телом рассталась, *魂游天外* *хунь* бродит по небу, *惊魂未定* испуганная *хунь* еще не успокоилась. Фразеологизм *魂不附体* *хунь* с телом рассталась, кроме страха, обозначает состояние, не зависящее от воли человека, как и фразеологизм *心醉魂迷* сердце опьянело и *хунь* увлеклась и *魂牵梦萦* *хунь* по кому-/чему-то скучает и даже во сне тот снится. Фразеологизм *神魂颠倒* *хунь* перевернулась обозначает не только утрату ума, но и утрату воли.

Обращает на себя внимание, что в состав ряда описанных фразеологизмов входит *胆* желчный пузырь, который в китайской картине мира коррелирует со смелостью.

В нашем материале зафиксировано только четыре фразеологизма с компонентом *по*. Один из них обозначает ‘смерть’ – *天夺之魄* небо отняло чье-то *по*. Остальные три обозначают положительные сильные впечатления – *动魄惊心* тронуть *по* и поразить сердце, *惊心动魄* поразить сердце и тронуть *по*, *动人心魄* возбудить сердце и *по*.

Что касается большинства отобранных для анализа китайских фразеологизмов, то в них русскому компоненту *душа* соответствует компонент *сердце* 心. Как и у русских, у китайцев сердце считается основным местом нахождения души. Русские словари приводят около десяти фразеологизмов, в которых компоненты *душа/сердце* взаимозаменяемы: *душа (сердце) болит*, *душа (сердце) не на месте*, *душа (сердце) не камень* и т.д. Русские *душа* и *сердце* могут иметь значение ‘человек’: *открытая душа (сердце)*, *черная душа*. По мнению исследователей, кроме значения ‘человек’, в русских фразеологизмах *душа* может иметь значения: ‘одежда’ (*душа нараспашку*), ‘поверхность’ (*камень с души свалился*), ‘сосуд’, ‘вместилище’ (*открытая душа*), ‘объект’ (*душа (сердце) не на месте*), ‘живое существо’ (*душа ушла в пятки*) [1, с. 31-34].

Положительная характеристика в китайских фразеологизмах с компонентом *сердце* может быть связана с почерком (*心正笔正* если сердце прямо, то у человека почерк четок) или с красным цветом (*丹心如故* красное сердце как прежде, *一寸丹心* одной цунь красного сердца, *一片丹心* всего красного сердца, *碧血丹心* яшмовая кровь и красное сердце). В качестве компонента в таких фразеологизмах могут выступать и *目* глаза, на что уже обращалось внимание исследователей [7, с. 18].

Что касается *судьбы*, то следует отметить, что русские и китайские фразеологизмы с этим компонентом не тождественны по своему содержанию, поскольку концептуально отличаются заключенным в них национально-культурным содержанием. Слово *судьба* отражает концепт, представляющий ценность для человечества в целом, то есть является константой как китайской, так и русской культуры.

В словаре В.И. Даля представлена следующая словарная статья: «Судьба – стечение обстоятельств, не зависящих от воли человека, ход жизненных со-

бытий; доля, участь; история существования кого-чего-н.; будущее, то, что случится, произойдет» [6, с. 355]. В обыденной русской речи *судьба* часто означает 'участь', 'жизненный путь', 'стечение обстоятельств'. В русской наивной картине мира, наряду с *судьбой*, концептуализируется *доля*, на что обращала внимание еще А. Вежбицкая [3, с. 338].

В традиционных китайских представлениях *судьба* воспринимается как существо, значительно более сильное по сравнению с человеком. Буддизм принес в Китай учение о бесконечных перерождениях, смерть представлялась не как исчезновение, а как перерождение. В буддистском учении, как и в христианском, присутствуют рай и ад. В зависимости от состава преступления и поведения человека судьбы преисподней предопределяли и соответствующую судьбу для него: кем должен вновь родиться умерший – мальчиком или девочкой, красивым или некрасивым, богатым или бедным и т.д. [8, с. 243-244].

Посмотрим, как эти наивные взгляды на *судьбу* отразились во фразеологии. Из фразеологических словарей мы выписали 14 русских [4] и 44 китайских единиц [5] с компонентом *судьба*. Обращает на себя внимание, что китайских фразеологизмов в словарях зафиксировано больше, чем в русских (как с компонентом *судьба*, так и *душа*).

В 15 исследуемых нами китайских фразеологизмах компоненту «минь» 命 соответствует русский компонент *судьба*: 命世之才 *рожденный гений покорится судьбе* в значении 'гениальность обязательно проявится в жизни, и человек будет отмечен славой'; 命途多舛 *множество препятствий, выпадающих на судьбу кого-то* 'у кого-то сложная судьба'; 命薄如纸 *тонкость судьбы как у бумаги* (соответствует русскому *лезвие бритвы*); 命薄相穷 *тонкая судьба и бедная внешность* (плохая судьба отражается на внешности); 死生有命 *и в жизни и смерти заложена судьба* (т.е. судьба дается человеку свыше); 红颜薄命 *у красивых женщин тонкая судьба* (у красивых женщин всегда хрупкая и деликатная судьба: либо рано умирают, либо встречают не того человека, у них много трудностей и неудач в жизни, т.е. за все надо платить); 有才无命 *иметь талант, но не иметь судьбы* (иметь талант, но не добиться успеха). Обращает на себя внимание, что фразеологизм 命中注定 семантически полностью соответствует русскому *определено судьбой, суждено, на роду написано*.

Пять следующих фразеологизмов пришли в китайский язык из Конфуцианства. В учении Конфуция особое место отводится культуре Неба. Являясь верховной божественной силой, Небо наблюдает за жизнью людей на земле, направляет их деятельность; оно карает непокорных и нерадивых, награждает послушных и достойных, покровительствует мудрым и честным: 生死有命, 富贵在天 *и в жизни и смерти заложена судьба, богатство и знатность решена небесами* (соответствует русскому *судьбу не обойдешь*); 尽人事而听天命 *приложить все усилия, чтобы сделать что-нибудь, но удастся это или нет, решается судьбой*; 听天由命 *послушать, как небо принимает решение, и покориться судьбе* (покориться своей судьбе; семантически соответствует русскому *отдаться на произвол судьбы*); 畏天知命 *благоговеть перед судьбой, которая была определена небесами* (судьбу надо принимать спокойно).

Два фразеологизма берут свое начало в Даосизме, основная духовная задача которого заключается в том, чтобы свести хаотический эмпирический опыт личной духовной жизни к величественной ритмической и строго направленной поступи мироздания, которую он собственно и называет Дао, то есть «путь»: 命蹇时乖 *ухабистая судьба в парадоксальное время* (неудачная судьба в тяжелое время); 长短有命 *в длину жизни заложена судьба* (продолжительность жизни predetermined небесами).

В 20-ти китайских фразеологизмах «минь» 命 соответствует русскому слову *жизнь*. Часть этих фразеологизмов имеет смысловое значение ‘жизнь-смерть’: 命若悬丝 *жизнь как будто подвешенная на волосок, в любой момент может оборваться* ‘стоять на грани гибели’; 命在旦夕 *жизнь закончится утром или вечером* (утро или вечер = ‘в ближайшее время’; соответствует русским фразеологизмам *быть на краю могилы (гроба); стоять одной ногой в могиле (в гробу)*); 一命呜呼 *жизнь на Уху* (эта частица в древнем китайском языке, часто употреблялась в культовых текстах, а потом на похоронах. Сейчас этот фразеологизм употребляют, когда кто-нибудь погибает); 一命归阴 *жизнь вернулась в царство теней* (царство теней – загробный мир; смерть человека); 人命关天 *жизнь человека относится к небу* (связь земной жизни с высшими силами); 人命危浅 *жизнь у человека в опасном и поверхностном состоянии* (жизни осталось совсем мало); 安身立命 *найти себе (для себя) жизнь* (найти себе место в жизни, обеспечивать материальную (духовную) жизнь; возлагать надежды на кого-л.); 见危授命 *когда увидел что-то, нависла угроза и человек решается отдать свою жизнь*; 相依为命 *в жизни зависит друг от друга* (быть жизненной опорой друг для друга; жить друг другом); 苟全性命 *еле сохранил свою жизнь* (еле выжил после беды); 草菅人命 *ни в грош (ни во что) не ставить человеческую жизнь*; 谋财害命 *посягнуть на (чью-нибудь) жизнь за деньги*; 临危授命 *перед бедой решиться отдать свою жизнь*; 一夫拼命, 万夫难敌 *если один человек отчаянно борется, не щадя своей жизни, то десятки тысяч людей не смогут сопротивляться (ему)* (если быть абсолютно безбоязненным, то можно восторжествовать над противниками).

Четыре фразеологизма из 20-ти касаются характеристики человека: 亡命之徒 *человек преступает закон, рискуя своей жизнью* (головорез; сорвиголова; отчаянная голова); 爱财如命 *беречь деньги, как свою жизнь* (безмерное корыстолюбие, стремление к личной выгоде, наживе, жадность); 爱才如命 *беречь талантливых людей, как свою жизнь* (очень дорожить талантливыми людьми); 一钱如命 *относиться к одной монете, как к своей жизни* (безмерная жадность). Остальные приурочены к определенным праздникам: 长命百岁 *долгая жизнь до столетия* (обычное поздравление на день рождения).

В 8-ми китайских фразеологизмах компонент «минь» 命 соответствует русским словам *миссия (приказ)*: 惟命是从 *покорно подчиняться (чьему-нибудь) приказу* (слепое повиновение); 不辱使命 *не позорить миссию (приказ)* (безошибочно выполнять задачу); 不辱君命 *не позорить миссию (приказ) императора* (безупречно выполнять приказы императора); 屈节辱命 *потерял характер и опозорил приказ* (покорился врагам и сдался); 幸不辱命

радоваться тому, что не опозорил миссию (приказ) (радоваться тому, что безошибочно выполнил задачу); *疲于奔命* *переутомляться, хлопотать по приказу(миссии)* (окончательно измотаться; измотаться от беготни); *恭敬不如从命* *почтение хуже подчинения приказу(миссии)* (вежливое выражение); *将在外, 君命有所不受* *генерал воюет в далеком месте, может применять свою тактику или стратегию в зависимости от ситуации, не обязательно ждать приказа императора* (фразеологизм из древней китайской письменности «Военная тактика и стратегия Сунцзы», со значением: надо учитывать не только приказ императора, но и проявлять самостоятельность в особой обстановке).

В одном из фразеологизмов, компонент «минь» 命 соответствует русскому глаголу *объяснять* – 耳提面命 *не только в лицо рассказывать, но и на ухо объяснять* (искренне и доброжелательно уговаривать (убеждать)). Данный фразеологизм употребляется только в значении воспитания старшим поколением младшего. Все китайские фразеологизмы, где «минь» 命 соответствует русскому *миссия (приказ)*, не находят соответствий в русском языке и при изучении требуют особого внимания.

Таким образом, можно заключить, что в китайском языке компоненту 命 «минь» соответствуют четыре значения: ‘судьба’, ‘жизнь’ и ‘миссия’ (приказ), ‘объяснять’.

Русская фразеология свидетельствует о том, что *судьба* воспринимается как живое существо, значительно более сильное по сравнению с человеком. Русская *судьба* может характеризоваться иронией и произволом: *ирония судьбы, на произвол судьбы*, она может играть, указывать перстом: *игра судьбы, перст судьбы*. М.Л. Ковшова, рассмотревшая концепт *судьбы* в русском фольклоре и фразеологии, отметила: кроме того, что *судьба* может быть олицетворена, она, может быть и овеществлена, и определена как предназначенное [1, с. 31-34]. В китайском языке, когда «минь» 命 соответствует русский компонент *судьба*, она выступает чаще всего в виде живого существа, но может и овеществляться. В русских фразеологизмах *судьба* рассматривается и как *жеребий*, что отсутствует в китайском языке.

В китайском языке метафорическое значение «минь» 命, как и в русском, может принимать негативную окраску. Это проявилось, например, в выражениях *生死有命* *и в жизни и смерти заложена судьба*, *命运多舛* *множество препятствий, выпадающих на судьбу*, *命蹇时乖* *ухабистая судьба в парадоксальное время*.

Китаец не предпринимает реальных действий, чтобы выбраться из затруднительного положения, а полагается на судьбу, которую невозможно изменить. Русский человек воспринимает судьбу как неизвестность, скрывающую угрозу и таящую множество препятствий, в сознании русского человека неизвестность приравнивается к злу, беде: *слепая судьба, удар судьбы*.

Из сопоставления русских и китайских фразеологизмов следует, что система образов, закрепленных в них, выявляет национально-культурный компонент и отображает мировоззрение народа. Особую роль в этом смысле играют безэквивалентные фразеологизмы. Как следует из материала, в наив-

ной картине мира русских и китайцев представления о *душе* различаются. Иностранцу не всегда легко понять, что значат фразеологизмы *русская душа*, *Святая душа*, *Христианская душа*, в которых компонент душа соответствует значению 'человек'. Исследователи считают, что *русская душа* – фразеологизм, возникший как понятие религиозное.

В Китае существуют разные философские системы, дополняющие друг друга – конфуцианство, даосизм, культ почитания духа предков, поклонение богам и т.д. Они оставили свой след в китайской фразеологии так же, как в русской – христианство. О честном, безгрешном человеке китайцы скажут 菩薩心肠 *сердце (=душа) Будды*, как русские *Христианская душа*, *Божья душа* и *Святая душа*. Это свидетельство высокой оценки носителями языка обеих религий. К буддизму восходят фразеологизмы 心如止水 *сердце (=душа), как неподвижная вода*, 心心相印 *сердца (=души) объединяются*, 明心见性 *после очищения сердца(=души) можно осознать истину человеческой природы*, к учению Конфуция восходит фразеологизм 以小人之心, 度君子之腹 *посредством сердца у сяожэнь угадать ширину живота у цзюньцзы*, который употребляется в значении 'плохо думать о хороших намерениях человека' (Конфуций создал такой абстрактно-утопический идеальный образ, который назвал «совершенным» или «благородным мужем» 君子 (цзюньцзы). Безэквивалентными являются и фразеологизмы, в которых отразилась история Китая — 司马昭之心, 路人皆知 *сердце Сыма Чжао известно всем и каждому* (соответствует русскому *секрет полишинеля*); 研桑心计 *помыслы сердца Ян-Сан* (успех в бизнесе). Влияние конфуцианства и даосизма подчеркнуто нами при характеристике фразеологизмов с компонентом 命 *минь*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прохорова, С.М. Сопоставительный анализ русских и белорусских фразеологизмов с компонентами душа, тоска, судьба / С.М.Прохорова // Национально-культурный компонент в тексте и языке: материалы II Междунар. конф., Минск, 7-9 апр.1999 г. / Бел. гос. ун-т; редкол.: С.М.Прохорова (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 1999. – С. 31-34.
2. Степанов, Ю.С. Константы мировой культуры: Алфавиты и алф. Тексты в периоды двоеверия / Ю.С. Степанов. – Москва: Наука, 1993. – 158 с.
3. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание. / А. Вежбицкая; Сб. ст.: Пер. с англ. / Отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз; вступ. ст. Е.В. Падучевой. – Москва: Рус. Слов., 1997. – 411 с.
4. Молотков, А.И., Войнова Л.А. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И.Молоткова. – 7-е изд., испр. – М.: АСТ: Астрель, 2006 – 524 с.
5. 刘明涛. 燕园中国成语字典. 中国黑龙江, 2002 年 (Лю, Минтао. Словарь китайских фразеологизмов “Яньюань” / Лю Минтао. – Хэйлунцзян, 2002. – 965 с.).
6. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль: в 4 т. – Москва: Рус. яз. – Медиа, 2003. – Т. 1. – 699 с., Т. 4. – 688 с.
7. Ван Вэйвэй. Русские фразеологизмы с компонентами «глаз» и «душа» и их соответствия в китайском языке / Ван Вэйвэй // Славянская фразеология в историческом и этнокультурном аспектах: материалы международ. науч. конф., Гомель, 23-24 ноября 2001г. / Гомел. гос. ун-т; редкол.: А.В. Мартышин (отв. ред.) [и др.]. – Гомель, 2001. – С.18-19.

8. 阎国栋. 中国文化概观. 南开大学出版社, 天津, 2001 年 (Ян, Годун. Китайская культура / Ян Годун. – Тяньцзинь: Издательство университета Нанькай, 2001). – 303 с.

Одной из методологически значимых проблем в корейском языкознании выступает корректная запись корейских слов (в особенности имен собственных) при помощи букв других алфавитов, в частности, латиницей и кириллицей. За редким исключением, большинство корейских антропонимов имеет китайское происхождение (например, 민경란 – 閔敬蘭, 김한주 – 金翰主).

Теоретическая и практическая значимость проблемы перевода традиционно связана с отсутствием однородных правил передачи графического строя одного языка средствами другого языка. В настоящее время создано множество систем романизации корейского языка (передачи звукового и графического строя с помощью латиницы), также существует официальная система его кириллизации (передача с помощью кириллицы).

Пересмотренная система романизации корейского языка является официальной системой романизации в Южной Корее. Система была опубликована южнокорейскими властями в 2000 году и является официальной заменой системы Маккюна-Рейшауэра 1984 года. Пересмотренная система романизации (далее – ПР) не использует неалфавитные символы (диакритику), кроме очень ограниченного, часто факультативного, использования дефиса. ПР была разработана Национальной Академией Корейского Языка, основанной в 1995 году, и опубликована 4 июля 2000 года [1].

Елльские системы романизации – 4 системы, созданные в период II мировой войны США для их солдат. Они романизировали 4 восточноазиатских языка: мандаринский (литературный китайский), кантонский, японский и корейский [2].

Корейская Елльская романизация была разработана Сэмюелем Е.Мартинотом и его коллегами в Елльском университете и используется до сих пор, но преимущественно лингвистами. В отличие от двух других широко используемых систем романизации Елльская система является стопроцентной транслитерацией и сосредоточена в первую очередь на правописании, нежели на произношении слов. Таким образом, буква корейского алфавита всегда представлена идентичной латинской буквой, невзирая на произношение букв хангыля в зависимости от позиции [2].

Система Холодовича-Концевича – официальная российская система практической транскрипции корейских слов, основанная на кириллице, создана видным отечественным корейстом Л.Р.Концевичем в первой половине 60-х гг. XX в. [3] на основе системы профессора А.А.Холодовича (далее – Холодович), предложенной в середине 50-х гг [4].

Данная эта система является своего рода гибридом из транскрипции и транслитерации, поскольку содержит как элементы транслитерации, которые затрудняют восприятие записанных ею слов людьми, незнакомыми с корейским языком, так и элементы транскрипции, что делает невозможным восстановление реального написания слова лингвистами (система не различает ㅅ и ㅇ (транскрибируются как *o*), не отражается различие между ㄷ и ㅇ (*n* и *ng*)). Несмотря на множество недостатков этой системы, ее неоспоримым достоинством можно назвать тот факт, что она единственная, а значит, может быть использована везде и всегда, что позволяет исключить неоднозначность записи тех или иных корейских слов [5].

В ходе исследования мы систематизировали все возможные способы передачи буквенно-звукового строя в функциональных дипломатических текстах (визы, заявления, паспорта, визитки, договоры). В практике дипломатической деятельности, при переводе с корейского языка на английский и русский языки, проявляется тенденция к отсутствию строгого соответствия знака знаку, несмотря на существование определенных правил передачи. Причинами разнородных способов передачи могут быть:

1) неправильный перевод имени и фамилии на английский язык:

김병두

Kim Byung Doo

Ким Бюнг Ду?

Kim Byeong Du (ПР)

Ким Бён Ду (Холодович)

2) влияние языка-посредника (отсутствие возможности перевести слово напрямую):

배한주

Bai Han Joo

Бай Хан Джу?

Пэ Хан Джу (Холодович)

3) смешение правил транскрипции и транслитерации:

안병영

Ahn Byung-young

Ахн Бюнг-ёнг?

Ан Бён Ён (бывший министр образования в Республике Корея).

Транскрипция (от лат. *transcriptio*, букв. – переписывание) – способ однозначной фиксации на письме звуковых характеристик отрезков речи. [6, с. 517]. **Транслитерация** (от лат. *trans* – через и *littera* – буква) – побуквенная передача текстов и отдельных слов, записанных с помощью одной графической системы средствами другой графической системы [6, с. 518].

В западном корееведении известны как минимум две системы транскрипции и одна система транслитерации.

Система Макьюна-Рейшауэра – одна из двух наиболее широко используемых систем романизации корейского языка, наряду с Пересмотренной романизацией (ПР), которая заменила первую в качестве официальной системы романизации языка в Южной Корее в 2000 году. Система была соз-

дана в 1937 году двумя американцами: Джорджем М.Маккьюном и Эдвином О. Рейшауэром. Эта система была попыткой представить фонетическое произношение. Система Маккьюна-Рейшауэра до сих пор широко используется за пределами Кореи, а также использовалась в качестве официальной системы романизации корейского языка с 1984 по 2000 год [7].

Отличительной особенностью этой системы является употребление диакритических знаков (таких, как ̃ и ˘, а также дефиса), сложность в использовании которых при работе с компьютером и привела к необходимости ее замены:

ㅅ и ㅇ – ̃ и ˘ (при опущении диакритического знака невозможно понять, какой звук был затранскрибирован);

으 and 우 – ̃ и ˘ (по аналогии).

Однако люди, не знакомые с корейским языком, как правило, используют язык-посредник для перевода с корейского языка на русский язык. В самой Корее новая система романизации плохо соблюдается, часто используются другие, прежние, системы, а в случае с именами собственными система перевода полностью отсутствует.

В результате, даже зная все существующие системы романизации, в большинстве случаев невозможно с уверенностью определить русское звучание многих фамилий и имен, записанных по-английски. Например:

Lee Hyung Taik (корейский теннисист)

Ли Хюнг Тэк? Ли Хён Тайк?

Правильно:

Lee Hyeong Taek

Ли Хён Тхэк

Разработка методики правильного перевода связана с решением вопроса: *с помощью каких правил графического обозначения переводить имена собственные в официальных документах?* Для анализа нами было отобрано 100 визитных карточек дипломатов, бизнесменов и представителей корейских компаний.

В статье предлагается авторская методика корректного перевода имен собственных в дипломатических документах.

Структура анализа:

1) сопоставление с языком-посредником:

김태혁 – Kim Tae Hyug – Kim Tae Hyeok (ПР);

2) сопоставление языка-посредника с данными русского языка:

Kim Tae Hyug – Ким Тэ Хюг?

Kim Tae Hyeok (ПР) – Ким Тае Хеок? (Ким Тхэ Хёк);

3) язык оригинала – русский язык:

김태혁 – Ким Тхэ Хёк

이덕표 – Ли (И) Док-пхё

Так, для аккредитации дипломата перевод имени и фамилии выполняется следующим образом (2 варианта):

1) *прямой (контактный) перевод* с корейского языка на русский язык:

박종혁 – Пак Джон Хёк (Холодович)

2) перевод с использованием *языка-посредника*, однако здесь высока вероятность ошибок:

박종혁 – Park Jong Nyuk – Парк Джонг Хёк?

Как показало исследование, проблема перевода имен собственных в корейском языкознании, нестабильность использования систем романизации внутри самой Кореи, приводит к многочисленным ошибкам в передаче имен собственных латиницей. Незнание носителями языка существующих систем романизации приводит к неминуемым ошибкам в переводе с английского языка на русский язык.

Несовершенство **единственной** имеющейся на сегодняшний день системы кириллизации заключается в невозможности восстановить правильное написание имени собственного по-корейски.

Научная и учебная литература по проблеме адекватного перевода имен собственных в корейском языке, включая аутентичные источники, на сегодняшний день отсутствует. Предлагаемые результаты исследования опираются на традиционные системы романизации и кириллизации корейских языковых знаков и указывают на необходимость создания новой методики перевода в современных условиях мирового образовательного пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пересмотренная романизация корейского языка / Revised_Romanization_of_Korean [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.en.wikipedia.org/wiki/> (на англ. яз.).
2. Йельская романизация / Yale_Romanization [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.en.wikipedia.org/wiki/> (на англ. яз.).
3. Корееведение: Избранные работы / Л.Р. Концевич. – М.: Муравей-Гайд, 2001. – С. 267-309.
4. Холодович, А.А. Очерк грамматики корейского языка / А.А.Холодович. – М., 1954.
5. Концевич, Л.Р. Русская и латинская системы транскрипции корейских слов и имен собственных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.rauk.ru/Российская Ассоциация Университетского Корееведения](http://www.rauk.ru/Российская_Ассоциация_Университетского_Корееведения).
6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н.Ярцева. – 2-е изд., доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с.
7. Система Маккюна-Рейшауэра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://en.wikipedia.org/wiki/McCune-Reischauer/> (на англ. яз.).

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ
ЛИЧНЫХ ТАЙГЕНОВ И ЕГЕНОВ В
ПЕРЕВОДАХ КИТАЙСКИХ
ХРИСТИАНСКИХ ТЕКСТОВ

Проблема перевода христианской литературы на китайский язык не просто лингвистического, а экстралингвистического характера. Концептуальные различия в китайской и европейской моделях мира настолько велики, что поиск путей адекватного перевода канонических текстов стал предметом споров и изысканий миссионеров на всем протяжении существования христианства в Китае. Разногласия о китайских терминах для обозначения основополагающих христианских понятий (так называемый "спор об именах и ритуалах") приводил к тому, что каждый последующий перевод Библии отличался от предыдущего.

Для создания адекватного перевода, четко передающего все каноны Библии, недостаточно знания языка. Переводчик должен быть хорошо знаком с китайской моделью мира, с многовековой историей и богатым духовным наследием Поднебесной. Четкое представление об ассоциациях, которые могут возникнуть у представителя традиционного китайского общества при прочтении того или иного перевода Священного писания, поможет в наибольшей степени логично и правильно передать каноны христианства.

Отдельную проблему при переводе Библии представляет использование личных тайгенов и ёгенов¹. Материалом для исследования послужили четыре варианта перевода Библии на китайский язык:

1. 正教会圣经 (православный перевод епископа Переяславского Иннокентия) [1];
2. 思高中文译本 (католический перевод 1961 г. под руководством францисканца Г. Аллегры) [2];
3. 吕振中中文圣经译本 (протестантский перевод 1970 г. Лу Чжэнчжуна) [3];

¹ "Части языка подразделяются на обозначающие индивид **тайгены** (от яп. 体言 – стабильное слово), например: *стол, восемь, мы* и обозначающие признак индивида **ёгены** (от яп. 用言 – подвижное слово), например: *бежать, коричневый, смело*" [5, с. 20]. "Постоянные тайгены обозначают множества однородных индивидов ***i-const***, например: *мысль, слесарь*, переменные – разнородных ***i-var***, например: *она, то*; постоянные ёгены обозначают множество свойств индивидов ***p(i)***: *мысленный, слесарный*, переменные – функций ***f(i)***: *мыслить, слесарить*. Некоторые синтаксические правила, например, очередности определений, требуют дополнительного членения постоянных тайгенов и ёгенов на **собственные** и **нарицательные**, выделяющие индивид и его признак из ряда однородных *Минск, минский*, или, наоборот, включающие в него *город, городской*, а переменных тайгенов и свернутых из них постоянных ёгенов – на **личные** и **неличные**, обозначающие первое лицо (первых лиц) в роли наблюдателя (наблюдателей) и находящихся в его (их) ближайшем окружении вторых и дальнем окружении третьих лиц *я, мой (мы, наш), ты, твой (вы, ваш), он, она, оно, его, ее (они, их)* или, напротив, не обозначающие таковых *все, всякий*" [5, с. 21].

4. 国语圣经和合本神版 (протестантский перевод Китайской Ассоциации 1919г., переработанный в 2006г.) [4].

В европейских языках тайгены и ёгены, замещающие понятия "Бог", "Иисус Христос" пишутся с прописной буквы, чтобы подчеркнуть величие, обозначаемых ими персон, выразить благоговение перед ними людей. Такой прием позволяет графически отделить эти части языка от личных тайгенов и ёгенов, относящихся к другим лицам. Все книги Нового Завета были созданы на древнегреческом языке, на так называемом александрийском диалекте (вошедшем в употребление с эпохи Александра Македонского), за исключением Евангелия от Матфея, написанном на сиро-халдейском наречии еврейского языка, на котором говорили современные Иисусу Христу иудеи. В иврите нет прописных и строчных букв. В иероглифическом китайском языке также нет возможности наглядно выделить личные тайгены и ёгены.

В исследуемых нами переводах Библии были выявлены следующие личные тайгены и ёгены для обозначения Бога и Иисуса Христа: 他 *tā*, 其 *qí*, 伊 *yī*, 彼 *bǐ*. Кроме того, зачастую они просто опускаются или заменяются собственным тайгеном. Это вполне оправдано, так как в соответствии с нормами современного китайского языка подобная тавтология не считается ошибкой. Более того, использование собственного тайгена позволяет избежать неточностей в понимании текста. Например:

Мф. 8.23-24.

[рус.] И когда вошел **Он** в лодку, за **Ним** последовали ученики **Его**.

И вот, сделалось великое волнение на море, так что лодка покрывалась волнами; а **Он** спал.

[прав.] 伊伊穌斯登舟之時，其門徒之，而顛，海中颶風起，致浪湧蔽舟，而彼適寐。

[кат.] 耶穌上了船，他的門徒跟随着他。

忽然海里起了大震蕩，以致那船为浪所掩盖，耶穌却睡着了。

[прот. 2006] 耶穌上了船、門徒跟着他。

海里忽然起了暴风、甚至船被波浪掩盖。耶穌却睡着了。

[прот. 1970] 耶穌上了船，他的門徒跟着他。

海里忽然起了大风暴，甚至船都给波浪掩盖着；耶穌却迳自睡着。

В православном переводе епископа Переяславского Иннокентия [1] используются личные тайгены и ёгены 其 *qí*, 伊 *yī* и 彼 *bǐ*. Например:

Таблица 1. Мф. 5.1 – 5.4:

Русский	Китайский православный
5.1. Увидев народ, Он взошел на гору; и когда сел, приступили к Нему ученики Его .	5.1. 伊見民登山，即坐，其徒就之，
5.2. И Он , отверзши уста Свои , учил их, говоря:	5.2. 乃開口教訓之曰，
5.3. Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.	5.3. 福哉虛心者，因天國屬伊等，
5.4. Блаженны плачущие, ибо они утешатся.	5.4. 福哉哀慟者，因伊等將受慰。

Этимология и значения личных тайгенов и ёгенов 其 *qí*, 伊 *yī* и 彼 *bǐ*¹ позволяет использовать их в качестве замены собственных тайгенов, однако при этом отсутствует разграничение на "он" / "они", "его / их" и "Он", "Его" (о Боге, Иисусе Христе).

Таким образом, в православном переводе Иннокентия Переяславского наглядно не разграничиваются личные тайгены и ёгены, обозначающие Бога / Иисуса Христа и других персоналий. Эта особенность китайского языка вызывает необходимость отразить такого рода различие семантически.

В католическом и протестантских переводах [2], [3], [4] в качестве замены собственных тайгенов "Бог", "Иисус Христос" используется преимущественно личный тайген 他 *tā* (в православном переводе используется исключительно для транскрипции имен, например: 薩他那 *Sàtānā* 'Сатана').

Семантика иероглифа 他 (человек 人 + тоже, также 也; 1) *tā* он, она, оно; его, ее; 2) *tā*, книжн. *tuō* оно, другое, остальное, какое-то [место, дело]; где-то, куда-то, что-то) определила появление нового, характерного лишь для библейских переводов иероглифа 祂 *tā*.

Впервые иероглиф 祂 *tā* (Он, Его) был применен в авторском переводе Нового Завета Вана Сюаньчэна в 1933г. Радикал 人 "человек" в личном качественном тайгене 他 *tā* (он, его) был замещен радикалом 示 *qí* в значении 'мифологические духи земли'. Таким образом, автор создал личный тайген, обозначающий божественную сущность. Наиболее широкое применение иероглиф 祂 *tā* (Он, Его) нашел в переводах Библии середины XX века. В одних версиях (перевод Лу Чжэньчжуна) данный иероглиф использовался лишь для обозначения Бога, в других (католический перевод Нового Завета 1949 г., францисканский перевод "Studium Biblicum" и др.) и в отношении Иисуса

¹ 伊 *yī* (человек 人 + правитель 尹) I местоим 1) этот, тот 2) диал. она; он (чаще о женщинах, реже о мужчинах) 3) среднекит. ты (часто в чередовании с 你) 2) И [Инь] (18 в. до н.э., мудрый первый канцлер дин. Шан) 3) И (фамилия) [6, Т. 3, С. 385-386].

其 *qí*; じ; в сочет. 彼其 также じ I *qí* местоим 1) притяжательное свой; его, ее, их; того, той, тех; этого, этой, этих; из них, из их числа, из этих (тех) 2) в качестве заместителя подлежащего в придаточном предложении (в древнекит. также в главном предложении при вынесенном впереди него грамматическом или тематическом подлежащем) тот; этот, это; он, они; я, мы; ты, вы 3) * в качестве заместителя дополнения (аналогично 之) его, ее, их; это 4) указательное этот, эта, это, эти; тот, та, то, те; сей; такой 5) относительное кто, что; который; какой, каков; где; когда 6) наречное тогда; в таком случае, при таких обстоятельствах; так; следовательно; значит 7) такой, какой нужен (ожидается, предполагается); тот, та, то, те; настоящий, должный, подходящий, достойный; самый 8) восклицательное (перед сказуемым) так...!; такой...!; как...!; какой же...!; насколько же...! II *qí* союз 1) условный и временной [в том случае] если; когда; что касается (если говорить о, если перейти к)...[2) разделительный или IV *qí* собств. Ци (фамилия) [6, Т.4, С. 644-645].

彼 *bǐ* (два человека 人 + кожа 皮) I местоим 1) в противопоставлении 此 а) тот, та, то; те (указывает на предмет, более удаленный в пространстве) б) то время, тогда (о прошлом в сравнении с настоящим) в) то место, там (в сравнении с местом, где находится говорящий) г) то, тот (один) факт, то (одно) дело; то (такое) качество (свойство) 2) в противопоставлении личным местоимениям I и II лица: он; она, оно; они [6, Т. 3, С. 1027-1029].

Христа, и даже (в францисканском переводе "Studium Biblicum", в "Китайской восстановленной версии" и др.) Святого Духа [7, с. 24].

Стоит упомянуть, что данный иероглиф "не официален", т.е. он не встречается в переводных и этимологических словарях китайского языка, а также в текстах, не связанных с христианством. Об использовании данного иероглифа существует множество споров. Разногласия возникают не только в отношении возможности и необходимости применения особых личных тайгенов и ёгенов для обозначения Бога, Иисуса Христа и Святого Духа, но и в отношении того, как и в каких случаях вводить их в текст Писания.

На материковом Китае иероглиф 祂 *tā* (Он, Его) не нашел широкого применения, однако Библии, в которых он встречается, используются протестантами на Тайване. Главный вопрос, заботящий представителей Тайваньского библейского сообщества: в каких случаях использовать его в тексте [8]. Как считает Чжоу Ляньхуа, если использовать 祂 *tā* (Он, Его) для замены "Бог", то он необходим и для замены "Иисус Христос" для того, чтобы подчеркнуть его божественную сущность и родственную связь с Богом. Но не будет ли это значить, что Иисус изначально вовсе не был человеком? Существует также мнение, что в тексте Нового Завета по отношению к Иисусу Христу 祂 *tā* (Он, Его) может использоваться лишь после описания его воскресения; при повествовании о его земной жизни необходимо применять 他 *tā* (он, его). В таком случае, возникает следующий вопрос: какой личный тайген использовать при описании распятия Иисуса Христа? [8] На сегодняшний день этот вопрос остается предметом теологических споров.

Гораздо реже, но в библейских текстах встречается и личный тайген 祢 *nǐ* (Ты \ Вы, Твой \ Ваш) ("Китайская живая Библия"). Он образован по такому же принципу, что и 祂 *tā* (Он, Его): путем замещения радикала 人 "человек" радикалом 示 *qí*. Его редкое применение определяется тем, что 祢 является вариантом иероглифа 禰 *nǐ, mí*, который в современном китайском языке используется как фамилия.

Основанием для введения в использование иероглифов 祂 *tā* (Он, Его) и 祢 *nǐ* (Ты / Вы, Твой / Ваш) послужило мнение о том, что с их помощью может быть успешно выражены уникальность и величие Бога. Однако большинство теологов считают применение в переводе таких личных тайгенов и ёгенов неоправданным [7, с. 25].

С одной стороны, использование специальных иероглифов облегчает понимание священного текста. Однако, с другой – употребление личных тайгенов и ёгенов 祂 *tā* (Он, Его) и 祢 *nǐ* (Ты / Вы, Твой / Ваш) не совсем правомерно. Причину этому мы видим в ядерном значении радикала 示 *qí*. Изначально иероглиф 示 *qí* ('мифологические духи земли') имел смысл "алтарь", который древние китайцы использовали в ритуальных жертвоприношениях духам. В китайской мифологии духи земли 示 *qí* или 地神 *dìshén* противопоставлены духам неба 神 *shén* или 天神 *tiānshén*. Земные духи представлены божествами земледелия и плодородия, гор, лесов, рек, озер, морей, ворот,

очага, колодца и т.д.: от духа-покровителя отдельной семьи вплоть до могущественных стихийных божеств. Считалось, что далеко не все земные духи являются собой изначально божественные сущности, многие из них были рождены людьми, и только впоследствии превратились в божества. В данном положении четко прослеживается свойственный Древнему Китаю культ предков.

О духах неба в трактате 《说文》 говорится, что они "породили 10 тысяч вещей". В соответствии с даосской традицией, существует три верховных небесных божества: Юаньши тяньцзун 元始天尊 *yuánshǐ tiānzūn*, Линбао тяньцзун 灵宝天尊 *língbǎo tiānzūn*, Даодэ тяньцзун 道德天尊 *dàodétiānzūn*. Буддисты именуют "небесными божествами" бодисатв, асуров, пратьекабудд и др. В эту же группу входят языческие божества неба, солнца, луны, звезд и т.д.

Из всего сказанного следует, что использование личных тайгенов и ёгенов 祂 *tā* (Он, Его) и 祢 *nǐ* (Ты / Вы, Твой / Ваш), образованных с помощью радикала 示 *qí* "мифологические духи земли", приравнивает христианского Бога к локальным языческим божествам. Его применение может привести к неверной трактовке христианства как языческой, политеистической религии.

ЛИТЕРАТУРА

1. 正教会圣经 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.orthodox.cn> . – Дата доступа: 03.04.2011.
2. 思高中文译本 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.catholic.org.tw/bible. – Дата доступа: 03.04.2011.
3. 吕振中中文圣经译本 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.cclw.net/Bible/LzzBible. – Дата доступа : 02.04.2011.
4. 国语圣经和合本神 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.biblica.com/bibles/chinese>. – Дата доступа: 03.04.2011.
5. Гордей, А.Н. Метасемантика языковых категорий / А.Н. Гордей // Вторые чтения, посвященные памяти профессора В.А. Карпова: Сборник научных материалов, Минск, БГУ, 28 марта 2008 г. / БГУ; отв. ред. А.И. Головня. – Минск, 2008. – С. 19-24.
6. Большой китайско-русский словарь: В 4 т., под ред. И.М. Ошанина М., 1983-1984,
7. Toshikazu S. Foley Biblical Translation in Chinese and Greek. Verbal Aspect in Theory and Practice. Leiden, Boston 2009.
8. 周聯華 聖經中的「祂」和「他」 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.biblesociety-tw.org. – Дата доступа: 05.04.2011.

М. Н. АКСЮЧИЦ

СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЯДЕРНОЙ ЦЕПОЧКИ SAO НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКОГО, РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И АРАБСКОГО ЯЗЫКОВ

Принято считать, что в конце XIX – начале XX века прорыв в языкознании был связан с тем, что лингвисты начали обращать внимание на форму, структуру предложения. Результатом активных исследований в области синтаксиса стало рождение нескольких лингвистических школ, течений, которые выдвигали различные теоретические положения [3-5]. Зачастую трактовки этих положений противоречили друг другу, подходили к одним языкам и не подходили к другим. Отличие всех теорий обусловлено разницей подходов к изучению проблемы.

Из-за отвлечения от семантики в некоторых теориях допускаются ошибки, а неточность описания приводит к тому, что в синтаксисе современных языков появляются неточности. Условием правильного толкования является опора и на форму, и на содержание. Невозможно, отойдя от содержания, рассуждать по поводу формы, и наоборот. В некоторых синтаксических теориях, например, в работах Н. Хомского [6] была допущена ошибка именно такого рода. Поэтому в нашем докладе мы будем проводить анализ предложений исходя из **синтаксическо-семантической** структуры предложения.

Объектом исследования в нашей работе является элементарная семантическая структура предложения SAO, которая является не только ядерной, но и универсальной для всех языков мира. Проблемным полем является то, что в некоторых языках происходит свертка определенных членов этой структуры, что приводит к усложнению понимания и изучения данного языка. Какие члены наиболее часто подвергаются свертке, мы можем увидеть на примерах в китайском, английском, арабском и русском языках. В качестве идеальной мы предлагаем рассмотреть модель китайского предложения, и факты других языков рассмотреть на фоне сопоставления с китайским образцом [1]. Тогда мы устанавливаем все нормы отклонения от китайской виртуальной цепи.

В китайском языке крайне редко допускается свертка объекта. Пропуск акции часто является стилистическим предпочтением в целях экономии языковых средств и во избежание нанизывания. Субъект сворачивается достаточно часто в силу его очевидности или нежелания говорящего делать на себе акцент.

Свертка компонентов в китайском языке:

Китайское предложение	Перевод	Пропущенный компонент
我们两个人。	Нас двое.	акция
你们谁是工人?	Кто из вас рабочий?	акция
皮包里有书。	В портфеле есть книга.	субъект

一斤苹果多少钱？	Сколько стоит один цзинь яблок?	акция
今天几月几号？	Какое сегодня число?	акция
现在几点钟？	Который час?	акция
要报什么户口？	Какая нужна прописка?	субъект
最好先作完功课,就去打球。	Лучше сначала сделаем работу, а потом пойдем играть в мяч.	субъект
谁要去？	Кто пойдет?	объект

В английском языке никогда не сворачивается акция, только в исключительных ситуациях, таких, например, как эллиптические предложения. Например, *Who is going to be a winner today? – Undoubtedly, Mr. Jones.* «Кто сегодня победит? – Несомненно, мистер Джон». Субъект также сворачивается редко, в основном в побудительных предложениях и в предложениях, где ведется очевидное обращение к собеседнику (*Calm down.* «Успокойся»). Пропуск объекта можно наблюдать достаточно часто при использовании так называемых фразовых глаголов, где форма глагола с предлогом может заменять целое предложение (*He is working out.* «Он занимается спортом»), а также в тех случаях, когда объект понятен по акции (*He is singing.* «Он поет»).

Свертка компонентов в английском языке:

Английское предложение	Перевод	Пропущенный компонент
He is working out.	Он занимается спортом.	объект
He is dancing.	Он танцует.	объект
We are all so excited.	Мы все очень взволнованы.	объект
I feel sad and bored, please, do something funny.	Мне очень скучно, сделай что-нибудь веселое.	объект
The soldier nearly died.	Солдат чуть не умер.	объект
I'm writing to apologise for my behaviour.	Я пишу, чтобы извиниться за свое поведение.	объект
In the end they fell out and since then have never talked to each other.	В итоге они поссорились и с тех пор никогда не разговаривали друг с другом.	объект
Several people were killed and many were left homeless	Несколько людей было убито, многие остались без крова.	объект
Better not park here, it's forbidden.	Лучше не паркуйся здесь, это запрещено.	субъект, объект
Calm down, they are gone.	Успокойся, они ушли.	субъект, объект

В арабском языке возможна свертка и акции, и объекта, и субъекта. Большие возможности для пропуска субъекта и объекта дает сильная морфология. В некоторых случаях они могут свернуться одновременно, образовав одну специфическую форму глагола, как в примере с لا أفهم – «Я не понимаю».

Свертка компонентов в арабском языке:

Арабское предложение	Перевод	Пропущенный компонент
طالب؟ أين	Где студент?	акция
معلم؟ او طالب هو أ	Он студент или преподаватель?	акция
ب شيط عامل هو	Он активный рабочий.	акция
سالك	Он спросил тебя (ж.р).	субъект, объект
الكرسي على يجلس	Он сидит на стуле.	субъект
ك تبي لكل تك تب	Она читает тебе (м.р) мою книгу.	субъект, объект
أفهم لا	Я не понимаю.	субъект

صديق محمد	Мухаммед друг.	акция
المدية في مدينة مدرسة	Новая школа в городе.	акция
جميل سرير البيت في	В доме красивая кровать.	акция

В русском языке причина пропуска субъекта – некоторое обобщение предложения, отсутствие акцента на говорящем субъекте, обращение к собеседнику, побуждение к действию. Отсутствие объекта происходит во избежание тавтологии (*танцор танцует*), в тех случаях, когда его присутствие не является необходимым для понимания содержания (*мозг окостеневаает*), а также в целях экономии языковых средств. Все эти критерии, несомненно, экономят мускульную энергию, но они затрудняют как изучение, так и понимание языка иностранцами, особенно для носителей тех языков, в которых присутствие объекта является обязательным.

Свертка компонентов в русском языке:

Русское предложение	Пропущенный компонент
Прежде чем заковать народ в цепи, усыпите его обещаниями.	субъект
Тот, кто по-настоящему знает себя, – мудрец.	акция
С большой прямоотой напросилась на комплимент.	субъект
Рухнул в себя, как в пропасть!	субъект
Все мы фаталисты, если речь идет о других.	акция
Человек становится взрослым в тот день, когда впервые засмеется над самим собой.	объект
Пустота засасывает.	объект
Наши лучшие слова – интонации.	акция
Кривая вывозит, прямая топит.	объект
К старости ум просветляется или окостеневаает.	объект
Ум истощается, но язык сердца неистощим.	объект
Он скучает и грустит.	объект

Структурной схемой русского предложения является **NIVf**. Позиция объекта в ней не указана. Стратегической ошибкой стало то, что классификация *речевых употреблений* стала применяться в качестве синтаксической теории, в русской теории формализована *речь*, а не язык. Недопустимо на примерах речевой ситуации выстраивать теорию и тем более метатеорию языка, так как это приводит к неточностям и грубым ошибкам в толковании синтаксиса. Например, одним из самых слабых звеньев русского синтаксиса является отсутствие разграничения односоставных полных и двусоставных неполных предложений. Как в примерах «*Вам звонили*», «*звонил Вам*». Если глагол стоит во множественном числе, то предложение является неопределенно-личным односоставным. А если в единственном числе, то уже является двусоставным неполным.

Таким образом, на основании проанализированных речевых употреблений можно сделать выводы о наиболее частых причинах пропусков определенных звеньев цепочки SAO в приведенных выше языках.

В русских примерах чаще наблюдается отсутствие объекта, чем его присутствие. В английском и арабском языке также наблюдается пропуск объекта. Даже в китайском языке иногда допускается его свертка. Говорит ли это о том, что звено ОБЪЕКТ в цепочке является факультативным? На самом деле нет. Анализ любого предложения осуществляется не только с опорой на

языковую картину мира, но и с опорой на модель мира. С точки зрения языковой картины мира пропуск объекта возможен, если при этом не нарушается грамматическая структура. Но с точки зрения модели мира, объект присутствует всегда. Без него, как без одного из основных компонентов ситуации, невозможно понимание предложения, его декодирование интеллектом. Таким образом, можно сделать вывод, что в большинстве случаев пропуск объекта – это всего лишь шаг к упрощению языка, сворачиванию полных структур в упрощенные, шаг к экономии языковых средств. Причины его свертки сводимы к тем, по которым пропускается акция или субъект. Просто в разных языках в зависимости от различных условий чаще всего сворачивается какое-то одно звено.

Наше исследование имеет практическую значимость в области машинного перевода. Часто, работая с предложениями, где последовательность SAO не соблюдена или где допущен пропуск одного из звеньев, можно столкнуться с трудностями. Переводное предложение является несогласованным, а порой и вообще не имеет смысла. Путем экспериментальной проверки в ходе исследования было выявлено, что если в исходном предложении соблюдены правильную последовательность членов, не пропуская ни один из них, мы получим адекватный перевод. Например, при вводе предложения «Я врач» в электронный переводчик prompt и переводе его на английский язык, компьютер выдает вариант «I the doctor». Если же мы восстановим пропущенный компонент (акцию «есть, являться») и введем вариант «Я есть врач», то переводчик безошибочно выдаст «I am the doctor». Это применимо не только к английскому языку, но также и к арабскому.

Также интересным является вопрос, возможно ли построение виртуальной цепи русского языка, английского языка, арабского языка по тому примеру, как сделал это А. Н. Гордей для китайского языка [2]. Гипотетически возможно построение цепочки в английском языке, так как в нем строго закреплён порядок слов, инверсия наблюдается достаточно редко и только в том случае, если она оправдана. На сегодняшний день такой цепочки не существует, в различных учебных пособиях даются лишь отдельные фрагменты. Например, порядок слов при прямом вопросе, порядок слов при построении косвенной речи. В арабском языке построение виртуальной цепочки также возможно, но оно усложняется особенностями морфологии этого языка. Как мы могли видеть на приведенном ранее примере لا أفهم – «Я не понимаю», иногда субъект и объект оба могут быть подвергнуты свертке и выражены через определенную глагольную форму. В виртуальной цепи подобное отразить весьма сложно. В русском языке построение такой цепочки является очень проблематичным. Каждый член предложения может занимать совершенно любую позицию в зависимости от того, что, а порой и КАК, мы хотим что-либо сказать. Предусмотреть все случаи инверсии, конечно, можно, но, на наш взгляд, это только запутает изучающего язык. Если построение предложения в китайском языке в соответствии с виртуальной цепью является *синтаксическим правилом*, то в русском языке такие построения будут по большей части факультативными и ситуативными, в виду вариативности

языка и свободного порядка слов. В конечном итоге виртуальная цепь будет иметь больше *стилистический* характер. На сегодняшний день присутствуют наиболее обобщенные модели виртуальной цепи русского языка, но они применимы далеко не во всех случаях и дают лишь приблизительное представление. На наш взгляд, возможно, именно поэтому, не считая сложной морфологии, часто можно услышать от иностранца, что русский язык наиболее трудный в изучении. Хотя, фактически, не язык является трудным, а теория русского синтаксиса является не совсем точной, так как, повторим, идет от практики к теории, а не наоборот.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гордей, А.Н.* Принципы исчисления семантики предметных областей. – Минск: Белгосуниверситет, 1998. – С. 20-32.
2. *Гордей, А.Н.* Виртуальная цепь как синтаксический код предложения (на примере китайского языка) / А. Н. Гордей // Язык, общество и проблемы межкультурной коммуникации: материалы Международной научной конференции, Гродно, 22-23 ноября 2007 г.: в 2 ч. Ч.2. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: Л.М. Середа (отв. ред.) [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2007. – С. 349-358.
3. *Кубрякова, Е.С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. – М., 1995.
4. *Никифоров, А.Л.* Философия науки: история и методология. М., 1998.
5. *Carnap, R.* Testability and Meaning // Philosophy of Science. 1937. – Vol. 4.
6. *Хомский, Н.* Аспекты теории синтаксиса / Перевод с англ. под ред. В.А. Звегинцева. – М.: Изд-во МГУ, 1972.

К. И. ЛЕЩЕНКО

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК ПРИЕМ СИНТАКСИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (НА ПРИМЕРЕ РЕКУРСИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

Понятие **реконструкции** тесно связано с понятием **рекурсии**. Термин «рекурсия» заимствован из математики. Под рекурсией в лингвистике понимается способность языка порождать вложенные синтаксические структуры¹. В китайском языке эта способность реализуется в рекурсивных предложениях². Проведем анализ их поверхностной и глубокой структур, основываясь на сверхглубоком уровне, когда пропущенные члены предложения восстанавливаются через структуру фрагмента модели мира (субъект, акция, объект, продукт)³.

Под **поверхностной структурой** понимается способ описания синтаксического устройства предложения с помощью методики непосредственных составляющих, при этом выделяются члены предложения, то есть роли частей языка в предложении⁴. При определении данных ролей был использован категориальный аппарат и система сокращений принятые в комбинаторной семантике⁵

ЗАС – **знаки алфавита синтаксиса**, т. е. вспомогательные средства синтаксиса (предлоги, послелого, частицы, союзы и проч.), служащие для соединения составных частей языковых структур (в схеме – взяты в рамку);

главные члены предложения (П – подлежащее, Ск – сказуемое, ПД – прямое дополнение) – имена, соответственно, субъекта, акции и объекта в языковой картине мира⁶; **ОСК** – основной компонент сказуемого, **ДСК** – дублированный компонент сказуемого, **МСК** – модальный компонент сказуемого;

второстепенные члены предложения:

Оп – определение, Оп-кр – определение кратности;

КД – косвенное дополнение;

¹ Гордей, А.Н. Реконструкция и рекурсия в синтаксическом анализе предложения / А.Н. Гордей // Пятые научные чтения, посвященные памяти профессоров В.А. Карпова и С.М. Прохоровой, Минск, БГУ, 18-19 марта 2011 г. – Минск, 2011.

² Рекурсия в китайском языке может быть атрибутивной и предикативной, т.е. сложной, вложенная конструкция в этом случае представляет собой предложение (см. Гордей А.Н. Теоретическая грамматика...). В данной работе проведен анализ сложных рекурсивных предложений.

³ Гордей, А.Н. Теоретическая грамматика восточных языков: лекционный курс. – Минск, 2007 (рукопись, аудиокурс).

⁴ Гордей, А.Н. Теоретическая грамматика...

⁵ Гордей, А.Н. Виртуальная цепь как синтаксический код предложения (на примере китайского языка) / А.Н. Гордей // Язык, общество и проблемы межкультурной коммуникации: материалы Междунар. научн. конф., Гродно, 22-23 ноября 2007 г.: в 2 ч. Ч. 2. – Гродно: ГрГУ, 2007. – С. 349-358.

⁶ Гордей, А.Н. Реконструкция и рекурсия...

О – обстоятельство; СОМ – статическое обстоятельство места, ДОМ – динамическое обстоятельство места, СОВ – статическое обстоятельство времени, ОКВ – обстоятельство кратности времени, ОКП – обстоятельство кратности процесса, ДОР – динамическое обстоятельство результата, ООД – обстоятельство образа действия, ОСТ – обстоятельство степени;

знаки, заключенные в квадратные скобки, реконструированы нами.

Под **глубинной структурой** понимается структура предложения до его трансформационной истории¹. Для анализа в данном случае применяется трансформационный метод, основанный на выведении сложных синтаксических структур из более простых с помощью набора правил преобразований (трансформаций)².

Анализ структуры предложения может проводиться двумя способами: **перспективно** (линейно) и **ретроспективно** (рекурсивно)³. Преимущество второго подхода состоит в том, что он исключает подбор подходящих кандидатов на роль главных и второстепенных членов предложения, приводящий к противоречиям в синтаксическом анализе, и ретроспективно восстанавливает (реконструирует) единственный подходящий член предложения⁴, поэтому в работе использован данный метод.

Основной трудностью в анализе сложных рекурсивных предложений китайского языка является то, что результатом реконструкции какого-либо члена предложения, который будем называть рекурсивным, является самостоятельное предложение. Наша цель при анализе структур – установление для каждого знака его роли в предложении, поэтому рекурсивная реконструкция рассматривается лишь как метод анализа, но не как основная задача.

Источником примеров сложнорекурсивных предложений в данной работе является учебник китайского языка Т.П. Задоевко и Хуан Шуин⁵.

Рассмотрим первый пример.

(1) 他 这 次 病 像 我 上 次 病 一 样 。 都 是 体 温 很 高 。 (с.535)⁶ Tā zhè cì

$$\begin{array}{cccccccccccccccccccc} \text{Op}_{0.1} & \text{Op}_{0.2} & \text{Op-kr}_{0.1} & \text{П}_0 & \text{ЗАС}_0 & \text{Op}_{0.3} & \text{Op}_{0.4} & \text{Op-kr}_{0.2} & \text{КД}_0 & \text{Ск}_0 & \text{ЗАС} & \text{Ск} & \text{П}_0 & \text{ОСТ}_0 & \text{П}_0 \\ \hline & & & \text{П} & & & & & & & & & & \text{ПД} & & \end{array}$$

bìng xiàng wǒ shàng cì bìng yí yàng, dōu shì tǐwēn hěn gāo. В этот раз он болеет так же, как и я в прошлый раз, с высокой температурой.

Данное предложение примечательно тем, что рекурсивными здесь являются и П, и ПД (например, структура подлежащего такова: $\text{Op}_{0.1} + \text{Op}_{0.2} + \text{Op-kr}_{0.1} + \text{П}_0 + \text{Op}_{0.3} + \text{Op}_{0.4} + \text{Op-kr}_{0.2} + \text{Ск}_0$). Утверждать это нам позволяет хорошо просматриваемая поверхностная структура предложения: П+ Ск +ПД. Доказательством наличия в данном предложении рекурсивного прямого дополнения, а не двух самостоятельных частей, является наличие перед 是 знака алфавита синтаксиса 2-го комплекса 都 dōu, указывающее на то, что 是 играет роль сказуемого (в противном случае 是 был бы амплификатором).

¹ Гордей, А.Н. Теоретическая грамматика...

² Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.

³ Гордей, А.Н. Теоретическая грамматика...

⁴ Гордей, А.Н. Реконструкция и рекурсия...

⁵ Задоевко, Т.П., Хуан Шуин. Учебник китайского языка. – М.: Наука, 1979. – 756 с.

⁶ Здесь и далее страницы учебника китайского языка Т.П. Задоевко и Хуан Шуин.

Рассмотрим еще один пример:

(2) [他]说 [我]写 [汉字]比 [我]从前 [写] [汉字] [我]有 [进步]。 (с. 527) [Tā] shuō wǒ
 $\begin{array}{cccccccccccccccc} \text{П} & \text{Ск} & \text{П}_{0,0} & \text{Ск}_{0,0} & \text{ПД}_{0,0} & \text{ЗАС}_0 & \text{П}_{0,0} & \text{СОВ}_{0,0} & \text{Ск}_{0,0} & \text{ПД}_{0,0} & \text{П}_{0,0} & \text{Ск}_{0,0} & \text{ПД}_{0,0} \\ \hline & & \text{П}_0 & & & & & \text{КД}_0 & & & & \text{Ск}_0 & & \\ \hline & & & & & & & & & & & & & \text{ПД} \end{array}$

xiě hànzi bǐ [wǒ] cóngqián [xiě hànzi] [wǒ] yǒu jìnbù. *Сказал, что я пишу иероглифы лучше, чем раньше (досл. «есть прогресс»).*

Поверхностная синтаксическая структура здесь такова: [П]+Ск+ПД. Однако уровней рекурсии здесь уже два, в прямом дополнении – сложная рекурсия: П₀+比 КД₀+Ск₀, при этом каждый член этого предложения в предложении также является рекурсивным. Заметим, что в косвенном дополнении приходится восстанавливать все главные члены, опираясь на подлежащее 我 wǒ «я» (我从前写汉字. Wǒ cóngqián xiě hànzi. Я раньше писал иероглифы).

Часто встречается **рекурсивное прямое дополнение** в конструкции 除了……以外 chúlé... yǐwài «кроме...». Например:

(3) 他们住[的]地方[人家]除了空气好[以外],交通[也]很[方便]。 (с. 492) Tāmen
 $\begin{array}{cccccccccccccccc} \text{П}_{0,0} & \text{Ск}_{0,0} & \text{СОМ}_0 & \text{П}_2 & \text{Ск}_2 & \text{П}_0 & \text{Ск}_0 & \text{ЗАС} & \text{П}_1 & \text{ЗАС} & \text{ЗАС} & \text{Ск}_1 \\ \hline & & \text{Оп}_0 & & & & \text{ПД}_2 & & & & & & \\ \hline & & & & & & & & & & & & \text{СОМ} \end{array}$

zhù·de dìfāng chúlé kōngqì hǎo yǐwài, jiāotōng yě hěn fāngbiàn. *Там, где они живут, кроме того, что воздух хороший, также удобное транспортное сообщение.*

Это предложение состоит из двух частей, причем в первом опущено подлежащее (его можно восстановить как, например, 人家 rénjiā «человек, кто-то»). Кроме того, в первой части имеется рекурсивное ПД 空气好.

В следующем примере **рекурсивным** является **определение**, которое в китайском языке оформляется с помощью знака алфавита синтаксиса 的 de:

(4) 我用 [钢笔]的 [钢笔] [不是]我的 [东西]。 (с. 260) Wǒ yòng [gāngbǐ] de gāngbǐ
 $\begin{array}{cccccccc} \text{П}_0 & \text{Ск}_0 & \text{ПД}_0 & \text{П} & \text{ЗАС} & \text{Ск} & \text{Оп}_2 & \text{ПД} \\ \hline & & & & & & & \\ \hline & & & & & & & \text{Оп}_1 \end{array}$

búshì wǒ·de [dōngxi]. *Ручка, которой я пишу, не моя.*

Структура определения следующая: П₀+Ск₀+ [ПД₀]. Роль восстанавливаемого прямого дополнения в рекурсии здесь будет играть тот же знак, который выступает в качестве определяемого подлежащего.

В предложении

(5) [如果]我托 你 办 [事]的 [事]你 [没]办好, [是]你 [对]不起 [我]。 (с. 355) Rúguǒ
 $\begin{array}{cccccccccccccccc} \text{ЗАС} & \text{П}_{0,1} & \text{Ск}_{0,1} & \text{ПД}_{0,1} \rightarrow \text{П}_{0,2} & \text{Ск}_{0,2} & \text{ПД}_{0,2} & \text{ПД}_1 & \text{П}_1 & \text{ЗАС} & \text{Ск}_1 & \text{ЗАС} & \text{П}_2 & \text{Ск}_2 & \text{ПД}_2 \\ \hline & & & & & & & & & & & & & \\ \hline & & & & & & & & & & & & & \text{Оп} \end{array}$

wǒ tuō nǐ bàn [shì] de shì nǐ méi bàn hǎo, shì nǐ duìbùqǐ wǒ. *(Если то, что я тебе поручил, ты не выполнил, то ты должен извиняться передо мной)* в составе рекурсивного определения – последовательно-связанное сложное предложение¹.

¹ Последовательно-связанное предложение – это специфическая для китайского языка разновидность сложных предложений. В предложениях такого типа имеется два сказуемых, как бы соединяемых одним общим словом, которое выполняет двоякую синтаксическую функцию, является одновременно и дополнением (по связи с предшествующим сказуемым), и подлежащим (по связи с последующим сказуемым). См. Задоевко, Т.П., Хуан Шуин. Учебник китайского языка. – М.: Наука, 1979. – С. 361-362.

Приведенный ниже пример требует более детального рассмотрения:

(6) 穿上合身, 好看。 – [你]穿上[衣服][的]衣服合身, [衣服]好看。 (с. 554)

$\underbrace{\text{П}_0 \quad \text{СК}_0 \quad \text{ПД}_0}_{\text{Оп}}$
 $\quad \quad \quad \text{П}_1 \quad \text{СК}_1 \quad \text{ПД}_1 \quad \text{П}_2 \quad \text{СК}_2$

[Nǐ] chuān shàng [yīfú] [de] [yīfú] héshēn, [yīfú] hǎokàn. [Одежда/платье] сидит хорошо и красиво.

Поверхностная структура этого предложения выглядит как Оп+ [П₁]+СК₁+ПД₁+ [П₂]+СК₂, причем подлежащее в обеих частях реконструируется с помощью одного и того же знака 衣服 yīfú «одежда», и оно опущено (также опущено атрибутивное 的). Подлежащее необходимо восстанавливать и в рекурсивном определении. Мы предлагаем следующую реконструкцию: 你穿上的衣服合身, 衣服好看。 Можно было бы предположить вариант 你穿上衣服合身…… (последовательно-связанное предложение), т.е. 你穿上衣服, 衣服合身, 衣服好看。 Однако, опираясь на замечание А.Н. Гордея, что «следует добиваться минимальной глубины рекурсивной реконструкции, когда пропущенный член восстанавливается на первом или, максимум, на втором вхождении»¹, мы предпочли первый вариант (на первом вхождении, а не на втором).

Рекурсивное определение также содержат предложения с **рекурсивным статическим обстоятельством времени**, образованного с помощью универсального локализатора времени 的时候 de shíhou². Мы не будем выделять 的时候 как знак алфавита синтаксиса, поскольку проводим реконструкцию, опираясь на понятие рекурсии, и должны придерживаться единообразного подхода. В подобных предложениях два уровня рекурсии, причем само по себе обстоятельство времени содержит простую атрибутивную рекурсию (Оп₀+СОВ₀), а уже определение (Оп₀) является сложнорекурсивным. Например:

(7) [你]吃饭的时候[你]不要看书。 (с. 271) [Nǐ] chīfàn de shíhou [nǐ] búyào kànshū.

$\underbrace{\text{П}_{0,0} \quad \text{СК}_{0,0} \quad \text{ПД}_{0,0}}_{\text{Оп}_0} \quad \text{СОВ}_0 \quad \text{П} \quad \text{ЗАС} \quad \text{МСК} \quad \text{ОСК} \quad \text{ПД}$
 $\underbrace{\hspace{10em}}_{\text{СОВ}}$

búyào kànshū. Не нужно читать во время еды.

Видим, что 吃饭的时候 здесь является рекурсивным СОВ, которое раскладывается на Оп₀+СОВ₀ («время какое?»), определение же на следующем уровне рекурсии раскладывается на [П]_{0,0}+СК_{0,0}+ПД_{0,0}.

Рассмотрим пример, в котором уровней рекурсии уже три.

(8) 我在重复老师说[话]的话的时候,常常四声[我]说得不对,

$\underbrace{\text{П}_{0,0} \quad \text{ЗАС}_{0,0} \quad \text{СК}_{0,0} \quad \text{П}_{0,0,0} \quad \text{СК}_{0,0,0} \quad \text{ПД}_{0,0,0} \quad \text{ПД}_{0,0}}_{\text{Оп}_{0,0}} \quad \text{СОВ}_0 \quad \text{ОКВ} \quad \text{ПД}_1 \quad \text{П}_1 \quad \text{СК}_1 \quad \text{ЗАС} \quad \text{ООД}_1$
 $\underbrace{\hspace{10em}}_{\text{Оп}_0}$
 $\underbrace{\hspace{10em}}_{\text{СОВ}}$

中国话[我]说得不好听。 (с. 317) Wǒ zài chóngfù lǎoshī shuō [huà] [de] huà

$\text{ПД}_2 \quad \text{П}_2 \quad \text{СК}_2 \quad \text{ЗАС} \quad \text{ООД}_2$

de shíhou, chángcháng sì shēng [wǒ] shuō dé bùduì, zhōngguó huà shuō dé bù

¹ Гордей, А.Н. Реконструкция и рекурсия...

² Гордей, А.Н. Теоретическая грамматика...

hǎotīng. Когда я повторяю то, что говорит учитель, я часто произношу тоны неправильно, моя речь звучит некрасиво.

Сначала, как и ранее, выделяем $Op_0 + COB_0$. Структура Op_0 будет следующей: $Π_{0,0} + Cκ_{0,0} + Op_{0,0} + Π_{D_{0,0}}$. Стоит заметить, что во избежание нанизывания ЗАС 的 после $Op_{0,0}$ опущен. Само же $Op_{0,0}$ также является рекурсивным, подобные структуры описаны в начале этого пункта ($Π_{0,0,0} + Cκ_{0,0,0} + [Π_{D_{0,0,0}}]$).

Рассмотрим пример предложения с **рекурсивным обстоятельством образа действия** (ООД). Подобные структуры весьма употребительны в китайском языке (постпозитивное 得 + ООД). На русский язык они переводятся приблизительно как «...так, что...»:

(9) 我的朋友是中国人,他说得我都懂。(с. 311) Wǒ de péngyǒu shì zhōngguó rén, tā shuō de wǒ dōu dǒng.

$$\begin{array}{ccccccccccc} Op & Π_1 & Cκ_1 & Π_D & Π_2 & Cκ_2 & ZAC & Π_0 & ZAC_0 & Cκ_0 & \\ & & & & & & & \underbrace{\hspace{1.5cm}} & & & \\ & & & & & & & \text{ООД} & & & \end{array}$$

Мой друг – китаец, он говорит так, что я все понимаю.

Структура ООД простая – $Π_0 + Cκ_0$.

Проводя анализ вышеприведенных примеров, мы обратили внимание на то, что разбор предложений мог быть выполнен только с помощью метода рекурсивной реконструкции, перспективный анализ подобных структур привел бы к тому, что для многих языковых знаков не была бы установлена конкретная роль в предложении. Ретроспективный же метод позволяет обозначить, каким членом предложения является каждый языковой знак, а также избежать противоречий в анализе, которые приводят к смешению уровня и метауровня и в дальнейшем – к парадоксу Б. Рассела¹. Отказ от рекурсивного метода анализа в подобных предложениях китайского языка на практике стал бы причиной неправильного понимания их смысла и как следствие – неточного либо неправильного перевода. Например, без учета рекурсии перевод предложения 穿上合身, 好看 бы был приблизительно таким: «Надел к лицу, красиво». Видим, что происходит искажение смысла, чего нет при использовании рекурсивной реконструкции.

Таким образом, проведение реконструкции в сложных рекурсивных предложениях является методом, позволяющим добиться максимальной точности синтаксического анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордей, А.Н. Принципы исчисления семантики предметных областей. – Минск: Белгосуниверситет, 1998. – 156 с.
2. Задоенко, Т.П., Хуан Шуин. Учебник китайского языка. – М.: Наука, 1979. – 756 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.

¹ Гордей, А.Н. Значение логических и семантических парадоксов для теории языка / А.Н. Гордей // IV чтения, посвященные 70-летию со дня рождения профессора В.А. Карпова (Минск, БГУ, 19-20 марта 2010 г.): сб. науч. ст.: в 2 ч. Ч.1. – Минск: РИВШ, 2010. – С. 21-29.

Е. М. ПУЗИКОВ

ПРОЦЕДУРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРЕДМЕТНЫХ ОБЛАСТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКО-РУССКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ)

Любое знание приходит к человеку через язык, который представляет собой знаковую систему, соотносящую понятийное содержание и типовое звучание (написание) знака. Через мышление, через отражательную деятельность человеческого интеллекта языковые единицы могут соотноситься с предметами и явлениями объективного мира, без чего невозможно было бы общение между людьми при помощи языка.

Для того чтобы слушающий понимал, о чем говорит его собеседник, необходимо, чтобы первый соотносил описываемое средствами естественного языка высказывание с конкретной ситуацией, имеющей место в модели мира говорящего, т.е. с семантикой высказывания. Нельзя не согласиться с мнением В.В. Мартынова о том, что "семантика языкового знака манифестируется через синтаксис, ибо существуют языки без морфологии, но не существует языков без синтаксиса. Точнее, морфология может быть сведена к минимуму, синтаксис же должен быть достаточно развитым, чтобы представлять все универсальные семантические категории" [1, с. 33].

Существуют различные точки зрения на синтаксическую структуру предложения, критерии выделения ее компонентов и внутреннюю иерархию между словоформами. Наиболее известными являются концепция членов предложения и вербоцентрическая концепция.

Система членов предложения удовлетворяет потребности учащихся в описании языка, однако при обработке текстов на естественном языке компьютером возникает неадекватное семантическое толкование одной ситуации, вызванное следующими причинами: во-первых, при определении критерия для выделения члена предложения отмечаются попытки объединить логико-семантические и формально-морфологические признаки, придавая им однозначное соответствие, что изначально невозможно; во-вторых, наблюдаются явные противоречия в иерархии членов предложения.

*Сегодня веселый студент в аудитории ручкой **пишет** письмо маме (пишет – кто? что? когда? чем? где?).*

Таким образом, концепция членов предложения не отражает реального логико-семантического членения ситуации. Критика данной концепции связана, прежде всего, с требованием пересмотреть синтаксическую роль сказуемого. Это и стало причиной появления вербоцентрической концепции (Вильгельм фон Гумбольдт, Александр Потебня, Отто Есперсен, Чарльз Филмор и Люсьен Теньер), в которой центром, ядром предложения предлагается считать глагол, являющийся предикатом и управляющий всеми остальными компонентами.

В фокусе внимания этих ученых находился семантический аспект предложения: носитель языка, логически устанавливая связи между компонентами ситуации, фактически выделяет семантические функции каждого компонента. Набор семантических функций более или менее универсален во всех языках мира, но набор синтаксических позиций (отношение семантической функции к ее формальному выражению) в каждом языке специфичен.

Впоследствии данная концепция развивалась в рамках исследований многих других ученых, и в настоящее время существуют более точные теории описания синтаксиса языка. В нашей работе будет использована теория семантического кодирования В.В. Мартынова, которая во многом расширила и дополнила вербоцентрическую концепцию Теньера [2].

Стоит отметить, что пользоваться набором семантических функций, используя греко-латинскую систему частей речи, весьма трудно. Как мы уже говорили, существуют языки без морфологии, но нет языков без синтаксиса. При этом ни один язык не может существовать без семантики. Следовательно, целесообразно описывать языки с помощью правил семантики и синтаксиса. Европейская традиция связана с греко-латинской школой и ее сложной морфологической системой. Если мы переносим эту систему в другие языки, то мы ненужным образом усложняем их, отодвигая в будущее эффективный структурный анализ. И, наоборот, если мы относительно простую систему языка (например, возникшую в китайско-японской языковой среде) переносим на почву европейских языков, мы ускоряем понимание их структуры и к тому же определяем метаязык, способный отразить то общее, универсальное, что объединяет все языки мира, т.е. общую глубинную структуру, отодвигая поверхностное в сферу метаязыка.

Таким образом, использование теории семантического кодирования и двух частей языка¹ при описании языковой системы обеспечит, как мы полагаем, проведение адекватного анализа особенностей отражения семантических структур модели мира средствами естественных языков (в нашем случае – русского и китайского).

Нашей целью являлся анализ языков с различными типологическими характеристиками в рамках теории процедурального представления предметных областей. Основная задача исследования заключалась в изучении особенностей отображения ролей индивидов модели мира в языке.

В соответствии с определением, предлагаемым в рамках теории комбинаторной семантики, **индивид** – это разновидность стереотипа как отдельной сущности в выделенном фрагменте модели мира. Индивид, вступая во взаимодействие с другим индивидом, начинает играть определенную роль (в нашей работе будет использован алгоритм ролей индивидов, предложенный А.Н. Гордеем в работе "Принципы исчисления семантики предметных областей" [4, с. 95]): **субъект S** (инициатор акции), **объект O** (реципиент акции),

¹ В рамках китайско-японской лингвистической традиции выделяются тайген (часть языка, обозначающая индивида) и ёген (часть языка, обозначающая признак индивида) [3, с. 69-75].

инструмент I (исполнитель акции, т.е. ближайший к субъекту индивид), **медиатор M** (посредник акции, т.е. ближайший к объекту индивид) и **продукт P** (результат взаимодействия субъекта и объекта).

Для анализа языкового материала нами были отобраны 64 ёгена с наибольшей частотностью употребления в русском языке [5]; поиск китайских эквивалентов русских ёгенов и тайгенов осуществлялся с помощью русско-китайского и китайско-русского словарей [6] [7].

Ниже представлены основные результаты проведенного исследования.

1. Прежде всего, надо отметить, что обобщения при анализе языкового материала необходимо начинать с уровня гипонимов, не пытаясь "перепрыгнуть" сразу на уровень гиперонимов¹. Например, анализ ёгенов *говорить* (3)² 说, *сказать* (5) 说, *рассказать* (42) 讲, *рассказывать* (50) 讲 свидетельствует о том, что и в русском, и в китайском языке данные ёгены обозначают один и тот же процесс передачи информации с помощью звуков, что подтверждается наличием одинаковых обозначений для большей части индивидов акции: I – *речь* 语, M – *слушатель* (ориентир) 听者, O – *слово* 话, P – *текст (дискурс)* 语篇. При этом формальное различие самих ёгенов (кит. 说 и 讲), а также тайгенов, обозначающих S (*оратор* 演说者, *рассказчик* 讲述者), являются доказательством того, что наиболее тесные связи в языке наблюдаются между обозначениями акции и S, что немаловажно учитывать при анализе связей между семантикой и языком. Существующие различия между гипонимами учитываются при производстве любого интеллектуального устройства на этапе создания большой базы знаний в сочетании с семантическим классификатором универсального типа (в виде тезауруса с предметно-синонимическим и семантическим компонентами). Аналогичные примеры: *идти* (8, 走) – *пойти* (9, 去) – *прийти* (17, 来) – *выйти* (30, 出去) – *пройти* (31, 走过) – *уйти* (38, 离开) – *ходить* (52) – *войти* (55, 进) – *подойти* (61, 过来); *видеть* (10, 看见) – *смотреть* (20, 看) – *увидеть* (28, 看见) и др.

После определения ёгенов и тайгенов гипонимического уровня следует производить их группировку в соответствии с функциональным значением, образуя цепочки со значением ёгена-гиперонима:

Слушать – *слышать* – ... → *слушать*, *смотреть* → *наблюдать*

Видеть – *смотреть* – ... → *видеть*, *слышать* → *воспринимать*.

После этого осуществляется заполнение валентных позиций ёгена (т.е. языковых эквивалентов ролей индивидов) тайгенами-гиперонимами.

2. Существующие различия между ёгенами, обобщаемыми одним гиперонимом, носят метасемантический, а не семантический характер (различия в метакатегориях типа результативности, однократности, завершенности и т.д.: *смотреть* и *посмотреть* (看 и 看一次)).

3. Акции, представляющие собой активные процессы, требуют наличия I, пассивные – M. Например:

Знаток в памяти хранит знания о мире (он знает). 智者在记忆中储存关于世界的知识 (他知道)。

¹ Гиперо-гипонимические отношения – это отношения типа "род-вид".

² Здесь и далее в скобках указан частотный ранг ёгена.

Мыслитель посредством интеллекта в мозге думает над проблемой и в результате вырабатывает мысли. 思想家用智力在脑子里想问题, 结果他产生想法。

4. В ряде случаев наблюдается отсутствие абстрактного тайгена, отображающегося в модели мира в предельный индивид. Например:

- понять (懂) – понимать (明白): *S* – ...¹, *I* – интеллект (智力), *M* (локус) – мозг (脑子), *O* – суть (实质), *P* – понимание (理解).

... с помощью интеллекта в мозге понял суть и поэтому обрел понимание.

...用智力在脑子里懂实质, 所以得到理解。

- значить (表明): *S* – знак (号), *I* – ..., *M* – ..., *O* – значение (意义), *P* – смысл (意思).

Знак значит ... (имеет ... значение), в результате индивид понимает смысл знака.

号表明... (有...意义), 结果事物明白号的意思。

Подобное явление подтверждает необходимость рассматривать в качестве объекта исследований подобного рода, прежде всего, ёгены, а не тайгены: и в русском, и в китайском языках возможно создание сочетаний типа ёген + X + тайген, где X – формальный показатель принадлежности переменного признака индивида: 来的客人 *пришедший гость*, существующее животное *существующее животное* и т.д. При этом оформленное посредством 的 определение может относиться к определяемому, обозначающему как субъект (来的客人), так и объект (买的東西) акции. В последнем случае определение (особенно в письменном языке) часто получает дополнительное оформление в виде иероглифа 所: 所买的東西 – *купленные вещи*.

5. Китайский язык при представлении в языке модели мира в ряде случаев оказывается более точным, чем русский. Прежде всего, китайский язык более последователен в отражении разницы между активными и пассивными процессами. Например, ёген "стоять", который обозначает процесс нахождения индивида в вертикальном положении, в русском языке применяется в отношении как живых, так и неживых индивидов, что приводит к ситуации смешения активного (*человек стоит у окна* 人站在窗户旁边) и пассивного (*чайная чашка стоит на столе* (поставлена на стол) 茶碗放在桌子上) процессов. Аналогичное смешение наблюдается в случае с русским ёгеном *есть*: *он (есть) писатель* 他是作家 (активный процесс) и *у меня есть книга* (я имею книгу) 我有书 (пассивный процесс).

Аффиксы китайского языка, используемые для "группового" оформления языковых единиц имеют агглютинативный характер, при этом агглютинация не служит выражению отношений между словами, что вместе с номинативным строем языка создает лучшие условия для проведения лингвистического анализа. (например, весьма упрощает изучение языка наличие моде-

¹ В русском языке существует обозначение индивида, связанного с ёгеном "понять": *понятча* – нищий, знающий молитвы, стихеры и псалмы, которому отдают в науку детей [8]. Однако употребление данного тайгена очень специфично, что не позволяет нам использовать его в исследовании.

ли образования тайгенов путем присоединения аффиксов со значением "живой носитель признака" (者, 家), в большинстве случаев являющихся S или O: 演说者, 听者, 智者, 行者, 观察者, 思想家, 拥有者, 站立者, 创造者. В русском языке суффиксы -тель (создатель, обладатель, датель, уплотнитель, ускоритель), -тор (активатор, супрессор, арендатор, фиксатор), -чик (разработчик, передатчик, укладчик), -ник (работник, рубильник) и т.д. не дифференцируют живых и неживых носителей признака, а следовательно, затрудняют выделение тех или иных семантических категорий.

Расхождения в представлении элементов модели мира средствами китайского и русского языков свидетельствуют о наибольшей приближенности именно китайских синтаксических структур к структурам модели мира. Например: *писать в тетради* – 写在本子上, *работать на заводе* – 在工厂里工作, *хранить в памяти* – 储存在记忆中, *стоять у машины* – *спросить у знающего* 站在汽车旁边 – 向智者问, *в среде* – 活在中环境中.

Результаты нашего исследования могут быть применены непосредственно при моделировании процессов отображения модели мира интеллектом – с помощью УСК-кодирования на этапе представления примитивов. Дальнейшее обобщение с учетом функционального значения примитивов ведет к определению объективных оснований семантической классификации и последующей замене примитивов их исчислением с разграничением языковых и метаязыковых элементов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мартынов, В.В. В центре сознания человека / В.В. Мартынов. – Минск: БГУ, 2009. – 272 с.
2. Мартынов, В.В. Семиологические основы информатики / В.В. Мартынов. – Минск: Наука и техника, 1974. – 191 с.
3. Гордей, А.Н. Парадигма частей языка / А.Н. Гордей // Пути Поднебесной: сб. науч. тр. – Минск: БГУ, 2006. – 295 с.
4. Гордей, А.Н. Принципы исчисления семантики предметных областей / А.Н. Гордей. – Минск: БГУ, 1998. – 156 с.
5. Штейнфельдт, Э.А. Частотный словарь современного русского литературного языка / Э.А. Штейнфельдт. – М.: Прогресс, 1969. – 234 с.
6. Большой русско-китайский словарь. Пекин: Шанву иншугуань, 1995. – 1250 с.
7. Большой китайско-русский словарь: В 4 т. – М.: Наука, 1983-1984. – 1983. – Т.1. – 552 с.; Т.2. – 1100 с.; 1984. – Т.3. – 1104 с.; Т.4. – 1062 с.
8. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / Онлайн-словарь [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://www.slova.ru/>. – Дата доступа: 16.04.2011.

Проблема разграничения сложных слов и словосочетаний может показаться тривиальной. Для того чтобы определить, является ли знак словом или сочетанием слов, необходимо дать четкое определение этим двум терминам. Что может быть проще, чем дать дефиницию «слову», ведь это понятие на интуитивном уровне знакомо всем носителям языка? Как писал Ф. де Соссюр, "слово, несмотря на все трудности, связанные с определением этого понятия, есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму как нечто центральное в механизме языка" [7, с. 143]. Однако при более детальном изучении этого вопроса выясняется, что среди лингвистов нет единого понимания данной единицы, также не существует более-менее однозначного и достаточного определения.

В наиболее общем случае под словом понимается морфологически цельнооформленная последовательность символов между пробелами (если говорить о напечатанном либо написанном тексте). Подобное толкование является неудачным, как для языков, где отсутствуют пробелы (китайский), так и для языков, в которых пробелы существуют. Например, в русском языке «железная дорога» является сложным словом или словосочетанием? Если исходить из приведенного определения, знак следует считать словосочетанием, однако в английском языке *railway* (букв.: «рельсовый путь») является одним словом, т.к. написано слитно, хотя по структуре ничем не отличается от русского сочетания. А, к примеру, в белорусском языке в лексеме «чыгунка» элемент со значением «дорога, путь» отсутствует, и мог бы соответствовать русскому знаку «железка». Даже в рамках одного языка одно и то же слово может писаться как слитно, так и раздельно, или через дефис (напр.: *англ.* *lunchtime* – *lunch time* – *lunch-time*; *русс.* *нелюбимый фильм* – *не любимый мною фильм*).

Многие ученые (Ш. Балли, А. Мартине, А.Н. Гордей) предлагали отказаться от термина «слово» в научной литературе или заменить его другим.

Под словосочетанием понимается сочетание двух или более слов, связанных между собой по смыслу и грамматически. Однако, как следует из этой дефиниции, не определив «слово», мы не сможем решить, к какому классу единиц относится тот или иной знак.

Подобная неоднозначность при выделении сложных слов и словосочетаний возникает в силу двух причин: во-первых, и слова, и словосочетания выполняют номинативную функцию, во-вторых, словосочетания – это первый этап в процессе образования сложных слов.

В этой связи хотелось бы упомянуть значительный вклад Ш. Балли в исследование идиоматичных словосочетаний, который их основными призна-

ками считал семантическую неразложимость и воспроизводимость в постоянном значении. В.М. Солнцев назвал подобные знаки «пограничной областью между царством слов и царством словосочетаний» и так писал о них: «В отличие от свободных словосочетаний идиоматичные словосочетания являются устойчивыми. Это означает, что они не производятся для данного случая, ... воспроизводятся в готовом виде, как и воспроизводимые слова. Такие единицы заносятся в словари и снабжаются толкованием... Такие единицы называют эквивалентами слов» [6, с. 160].

Если представить способы номинации в языке в виде шкалы, то на одном полюсе будут находиться слова, у которых основными признаками, отличающими их от словосочетаний, являются идиоматичность и воспроизводимость, а на другой – свободные неидиоматичные словосочетания, «производимые» в речи при каждом акте говорения/понимания. Первые являются единицами языка, вторые – единицами речи. Однако между двумя полюсами существует два переходных «этапа»: сложные слова, которые не идиоматичны и «производимы» (например, двухэтажный, пятнадцатиствольный, 雨声 [yǔshēng] звук дождя – значение этих слов равно сумме значений их компонентов, подобные единицы образуются в речи по мере необходимости), и связанные словосочетания, которые идиоматичны и воспроизводимы (железная дорога, 吹牛 [chuīniú] хвастаться (букв.: "дуть корову")).

В истории китайского языка можно выделить два периода, когда наблюдался «бум» в исследованиях данной проблемы: 50-е гг., когда разрабатывалась алфавитная запись китайского текста, и в 90 – начало XXI в, когда разрабатывались способы сегментации текста на слова при автоматической обработке текста.

Большинство исследователей выделяют следующие единицы в китайском языке: 1) слова 词 [cí] (发炎 [fāyán] *воспалиться; воспаление*); 2) слова, способные к расчленению 离合词 [líhécí] (洗澡 [xǐzǎo] *принимать ванну, мыться, купаться*); 3) 词组 [cízǔ] **словосочетания** (吃鱼 [chīyú] *есть рыбу*).

Обобщив результаты, полученные различными лингвистами, можно назвать следующие основные признаки слова: способность использоваться самостоятельно (в отличие от морфемы), репродуктивность и идиоматичность. Ряд лингвистов предложили использовать способ вставки компонента между элементами исследуемой единицы для разграничения слов и словосочетаний (в середину слова нельзя вставить другой компонент). Особый класс представляют слова, способные к расчленению, которые на интуитивном уровне воспринимаются носителем языка как единое слово, однако между компонентами данного знака можно вставить другой знак: 头也痛 [tóu yě tòng] *голова тоже болит*, 洗了一个热水澡。 [Xǐle yīge rèshuǐzǎo] *Я принял горячий душ*.

Правильное разграничение сложных слов и словосочетаний очень важно и является первой и одной из самых главных задач при автоматической обработке естественного языка, т.е. в случае с китайским языком задача сводится к расстановке пробелов между знаками. При этом компьютер может столкнуться со следующими проблемами.

Омонимия и неопределеннозначность

У машины отсутствует картина мира, к которой она могла бы апеллировать, поэтому она опирается лишь на «заложенные» в нее правила и шаблоны. Так, например, последовательность знаков 发展中国家用电器材料 [fāzhǎn zhong guójiā yòng diànnqì cáiliào] *развивающиеся страны используют электронные материалы* имеет 76 вариантов сегментации на слова [8, с. 120]. И как именно необходимо расставить пробелы в этом предложении – задача для компьютера очень непростая. При компьютерной обработке большинства систем используют принцип «максимального совпадения», т.е. начиная с самого начала предложения, компьютер ищет максимальную последовательность знаков, присутствующую в словаре.

Неизвестные лексемы, или лексемы «вне словаря»

Помимо появления новых единиц в языке, обозначающих новые явления действительности, в китайском языке присутствуют другие единицы, которые могут оказаться неизвестными компьютеру. Во-первых, к таким единицам относятся свертки. Многие названия организаций, съездов, состоящие из большого числа иероглифов, сворачиваются до двух-трех. Например: 奥林匹克运动会 [àolínpǐkè yùndònghuì] – 奥运会 [àoyùnhuì] *олимпийские игры*, 加入世界贸易组织 [jiārù shìjìemàoyì zǔzhī] – 入世 [jù shì] *Вступить в ВТО*. Крайне сложно включить в словарь все эти новообразования, и каждый раз встречая их в тексте, компьютер, скорее всего, будет принимать неправильные решения по разбивке. Во-вторых, к словам «вне словаря» также относятся имена, как собственно китайские, так и транскрибированные заимствованные: 阿斯马特·阿卜杜拉·马吉德 [āsīmǎtè àbǔdùlā mǎjǐdé] *Асмаат Абдула Макид* и т.п. Один из вариантов решения этой проблемы предложил Нань Вэньсю, который присваивает каждому отдельному иероглифу обозначение – тэг, указывающий на его позицию: крайнюю левую, крайнюю правую, в центре сложного знака либо совпадение иероглифа с лексемой. Затем в зависимости от того, какая цепочка тэгов образовалась, иероглифы объединяются в сложные знаки. Например, иероглиф 们] в абсолютном большинстве случаев будет иметь тэг либо крайней правой (我们 [wǒmen] *мы*), либо центральной (哥们儿 [gēmenr] *братья, друзья*) позиции, поэтому иероглиф, стоящий перед ним всегда будет «приклеиваться» к нему [9, с. 8].

На наш взгляд, основным недостатком предлагаемых различными учебными критериев является то, что все они пытались определить единицу с какой-либо одной точки зрения, не предусматривая каких-либо дополнительных проверок. В ходе исследования проблемы разграничения сложных слов и словосочетаний мы попытались разработать алгоритм для решения данной задачи, в основу которого легло понимание данных единиц, как комплексных, которые можно рассматривать с различных аспектов. Алгоритм построен по принципу от менее надежного признака к более надежному, при этом если та или иная единица не удовлетворяет условию более низкого уровня (менее надежного), то переходить к более высокому нет необходимости. Алгоритм включает в себя две ступени: во-первых, доказать, что компоненты исследуемой единицы являются или не являются словами (слово может употребляться самостоятельно), а не морфемами; во-вторых, доказать, что в резуль-

тате соединения двух слов (если испытуемый элемент прошел проверку первой ступени) получилась новая единица, которая не является устойчивой и идиоматичной, т.е. значение которой равно сумме значений составляющих его компонентов. В свою очередь, на каждом из этих двух этапов можно выделить подэтапы, помогающие решить главную задачу каждого из уровней.

1. Знак не является словом, если:

1.1 Один из компонентов не-tonирован: 误会 [wùhuì] *ошибочно понимать; недоразумение;*

1.2.1. Для тайгенов: не может выступать в роли прямого дополнения при максимально абстрактном ёгене (是 [shì] *быть, являться* или 有 [yǒu] *иметь*) в ответе на вопрос «这是什么?» / «有什么?» [Zhè shì shénme / Yǒu shénme] «Что это?»: знаки 器/仪 (分析仪 [fēnxīyí] *анализатор*, 处理器 [chǔlǐqì] *процессор*) не являются словами, поскольку при ответе на вопрос необходимо будет сказать «仪器» [yíqì] *инструмент, прибор;*

1.2.2 Для переменных ёгенов: если знак не может использоваться как ответ на общий вопрос (допускается приписывание полусуффиксов 了, 过, 着): 你减肥了吗? [Nǐ jiǎnféilema] *Ты похудела?* (букв.: «ты сократила жир?») 减肥了 [Jiǎnféile] *Похудела* (букв.: «сократила жир»). 减 [jiǎn] (*уменьшать, сокращать*) не является словом, значит, 减肥 [jiǎnféi] *худеть* – сложное слово;

1.2.3. Для постоянных ёгенов: если знак не может быть ответом на вопрос «怎么样?»/«什么样?» [Zěnyàng / Shénme yàng] «Какой?» (допускается использование суффикса 的 или ёгена 很 [hěn] *очень*): 全程 [quánchéng] *весь путь*, 全 [quán] не может быть ответом на вопрос, необходимо ответить 完全 [wánquán]; 易怒 [yì nù] *вспыльчивый*, нельзя сказать 易, необходимо использовать бином 容易 [róngyì].

Если все компоненты исследуемой единицы являются словами, то необходимо удостовериться, что сочетание этих слов не порождает новое слово.

2. Знак не является словосочетанием, если:

2.1 Между компонентами исследуемой единицы нет и не может быть паузы, например 火车 [huǒchē] *поезд*; если же пауза есть, то перед нами может быть как номинативная единица (записная книжка, 北京大学 [Běijīngdàxué] *Пекинский университет*), так и словосочетание (вкусное яблоко, 精彩表演 [jīngcǎi biǎoyǎn] *блестящее выступление*);

2.2 Для сочетаний типа «постоянный ёген + тайген»: если между компонентами нельзя вставить 的: 牛肉 [niúròu] *говядина* – сложное слово, 磁场 [cíchǎng] *магнитное поле* – можно сказать 磁的场, следовательно, перед нами словосочетание;

2.3 Возможна свертка: 山东大学 [Shāndōngdàxué] *Шаньдунский университет* → 山大 [Shāndà];

2.4 Значение сочетания не становится ясным из суммы значений его компонентов: 黑手 [hēishǒu] (букв.: «черная рука») – *человек, тайно влияющий на происходящее*, 黑车 [hēichē] (букв.: «черная машина») – *автомобиль, развозящий пассажиров за деньги, не имея на то лицензии*, 吃醋 [chīcù] (букв.: «есть уксус») – *ревновать*.

Нами также была предпринята попытка проанализировать китайский текст с точки зрения компьютерной обработки. Хотелось бы более подробно

остановиться на одном из проявлений проблемы омонимии и неопределенно-значности, которой пока в научных трудах по обработке китайского языка уделено недостаточно внимания: использование знака 者 как полусуффикса (持不同政见者 [chíbùtóng jiànzhèngzhě] *диссидент* (букв.: «поддерживать другие политические взгляды»)) и как знака алфавита синтаксиса (因失职渎职、管理不善等原因造成供水水质污染后果严重者, 追究单位主要领导人的责任。 [Yīn shīzhí dúzhí, guǎnlǐ bùshàn děng yuányīn zàochéng gōngshuǐ shuǐzhí wūrǎn hòuguǒ yánzhòng zhě, zhuījiū dānwèi zhǔyào lǐngdǎorén de zérèn] *Те, кто ощутил серьезные последствия загрязнения поставляемой воды, вызванного халатностью и служебных ошибок, призывают к ответственности главных руководителей организаций*). В первом случае последовательность знаков, оформленная этим иероглифом, будет представлять собой слово, во втором – целое предложение, однако поскольку данный знак обозначает человека, то подобное предложение также будет выполнять номинативную функцию, в предложении будет играть роль подлежащего или дополнения. Более того, в случае слова, если проанализировать последовательность знаков до полусуффикса, то выяснится, что это также предложение, в котором 持 – сказуемое, 不同 – определение, 政见 – дополнение. Однако знак 持不同政见者 отличается устойчивостью и репродуктивностью, поэтому его можно признать словом. Для человека не составит труда провести верный анализ, однако для компьютера это представляет сложную задачу. Помимо расстановки пробелов, машине необходимо определить левую границу последовательности знаков, оформленных при помощи 者. Для решения этой проблемы, как нам кажется, необходимо указать процедуру образования как слов, так и предложений, построенных по этой модели (скорее всего они будут различаться по степени распространенности предложения и по некоторым другим признакам), а для этого необходимо автоматически произвести верный и детальный анализ синтаксических и семантических связей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли, Ш. Французская стилистика. – М.: Изд. Ин. лит-ры, 1961. – 234 с.
2. Большой китайско-русский словарь: В 4 т., под ред. И.М. Ошанина. – М.: Наука, 1983-1984.
3. Гордей, А.Н. Принципы исчисления семантики предметных областей. – Минск: Белгосуниверситет, 1998. – 156 с.
4. Еловков, Д.И. Очерки по лексикологии языков Юго-Восточной Азии. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. – 151 с.
5. Мартине, А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. – М.: Иностранная литература, 1963. – Вып. III. – С.366-566.
6. Солнцев, В.М. Введение в теорию изолирующих языков в связи с общими особенностями человеческого языка. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 353 с.
7. Соссюр, Ф. Де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – С.31-273.
8. Sun, Maosong, Shen, Dayang, Huang, Changning. CSeg&Tag1.0: A Practical Word Segmenter and POS Tagger for Chinese Texts. – Beijing: National Key Lab. of Intelligent Technology & Systems Department of Computer Science Tsinghua University 2000. – P. 119-126.

9. Nianwen Xue. Chinese Word Segmentation as Character Tagging. – Beijing: Computational Linguistics and Chinese Language Processing 2003. – P. 29-48.
10. Чжан, Сяньлян. Цзяосюэ юйфа дэ тэдянь юй инюн. – Ханчжоу: Ханчжоудасюэ чубаньшэ, 1996. – 342 с.

Синонимия китайского языка имеет свои особенности, связанные с морфологическим, грамматическим строем языка, а также с иероглифической письменностью. Подход китайских лингвистов отличается от подхода других лингвистических школ. Китайскими учеными разработана особая терминология, во многом отражающая особенности языка, однако она не является общепринятой и вызывает множество споров¹. Наибольший вклад в развитие данной лингвистической области внес знаменитый ученый Люй Шусян.

Особой проблемой является использование синонимической лексики иностранцами, изучающими китайский язык. Китайская синонимия очень обширна и развита, порой те или иные лексические единицы различаются настолько незначительно, что для иностранцев не представляется возможности эту разницу уловить. Как следствие, возникают ошибки в употреблении, которые порой приводят к значительному искажению смысла либо к нежелательной коннотации. Существуют лишь отдельные, несистематизированные исследования на тему синонимии, остается большое количество «белых пятен». Не выработано некоего единого метода, позволяющего разграничивать синонимы китайского языка.

Усвоение семантики той или иной единицы в полном объеме часто может быть затруднено ввиду ее неопределеннозначности² и смешения ядра с периферией. Поэтому в нашей работе мы прибегаем к синтаксису как показателю, индикатору внутренней формы. Систематизация и анализ синтаксических характеристик лексических единиц помогает определить их внутреннее содержание, которое является определяющим для разграничения синонимов.

Особый интерес для нас представляет такой метод, как диахронический анализ компонентов иероглифа.

Бином 区别 qūbié состоит из двух элементов – 区 и 别. Рассмотрим семантику каждого иероглифа в отдельности, используя метод анализа словарной дефиниции.

区

И сущ./счетн. слово³

1) qū район, участок; округ, область, зона; районный, участковый, зональный 2) qū* территория (*страны*); империя, мир 3) qū* комната, комната; угол, закоулок (*вдоме*); щель 4) qū вид, разновидность, сорт 5) qū

¹ См.: Дейкун С.В. «К вопросу определения понятия «синоним» в китайском языке» [2].

² Термин предложен В.В. Мартыновым [3].

³ Здесь и далее – терминология, используемая в лексикографических источниках.

уст., с.-х. гнездо; гнездовой (при посадке, посеве); 6) **ōu*** вместилище; сосуд 7) **ōu*** оу (мера в 16 шэн 升, около 16,5 литра) II гл.1) **qū** разделяться по сортам (породам), делиться на разновидности 2) **qū** разделять, классифицировать 3) **ōu*** скрывать, прятать, укрывать (беглых, краденое).

Изначально данный иероглиф обозначал некий сосуд, в который складывали предметы (то есть откладывали их, отделяя от других) [7]. Такая семантика сохранилась в полном начертании иероглифа: 區. Данное значение прослеживается в словарных разделах 3) и особенно 6) («вместилище; сосуд»). Впоследствии произошло семантическое развитие знака: «складывать отдельно – отделять – разграничивать – различать». В современном языке древнее ядерное значение переместилось на периферию. Современное ядро данного знака – район, округ, область, зона. Ближе к нему расположено значение «разделять, разграничивать», так как район – это и есть отделенный участок земли (территории).

别

Словари [4, 5, 8] предлагают следующие дефиниции: 1) различаться, отличаться, иметь различия; разделяться на классы 2) разлучаться, расставаться, расходиться; отлучаться 1) отличать, выделять, разделять, разграничивать, классифицировать 2) поворачивать, отворачивать 3) затыкать, засовывать (за что-л.) 4) закалывать, застегивать, скалывать; втыкать;

II **bié** суц. 1) различие, разница, отличие 2) разлука, расставание 3) вид, разновидность;

III *прил.* 1) **bié** другой, иной; чужой; особый; исключительный (употребляется также как местоимение со счетным словом 2) **biè** (сокр. *вм.* 别) диал. упрямый, непокорный, непослушный;

IV **bié** наречие 1) пожалуй...; уж не... ли? 2) особо, в другом направлении, врозь; кроме этого;

V **bié** отрицание 1) не надо, не следует; не (*запретительное; вм.* 不要) 2) в сочетании с последующим 不 имеет повелительное значение.

Первоначально иероглиф 别 обозначал процесс отделения мяса от костей с помощью ножа [7]. На это указывает и ключевой знак «нож» в правой части иероглифа. Из такого значения позже развилась семантика «отделять», затем – «отличать, различать». Таким образом, сочетание двух знаков с ядром «различать(ся)» и породили бином 区别.

Бином 差别 chābié состоит из элементов 差 и 别, при этом знак 别 является общим для данного и предыдущего членов синонимического ряда, что определяет некоторую сходность их употребления. Рассмотрим знак, который отличает лексемы – 差. В словарях [4,5,8] приводятся следующие значения:

I. 1) **chā**, *разг.* **chà**, *книжн.* **cī** остаток, излишек; разница, различие; отклонение. 2) **chā**, *разг.* **chà** *мат.* разность. 3) **chā**, *разг.* **chà** *астр.* уравнение; вариация. 4) **chā**, *разг.* **chà** ошибка, погрешность; промах; проступок. 5) **chā**, *книжн.* **cī** неровность, скос, косою срез. 6) **cī**, **chā** порядок, иерархия; степень, разряд, ранг; по разрядам, по порядкам, по рангам; дифференцированно;

II. 1) **chā**, *разг.* **chà** отклоняться от [нормы]; отличаться от...; расходиться с (*чем-л.*), противоречить, не соответствовать (*чему-л.*). 2) **chā**, *разг.* **chà**,

книжн. **cuō** ошибаться, допускать погрешность; оступаться, делать ложный шаг; совершать промах; 3) **chà** недоставать, не хватать; быть должным; без; 4) **chā*** быть в избытке; выходить за рамки (*напр. полномочий*); превышать; 5) **chā, chāi*** отбирать, выбирать (*по качеству*); 6) **chà** идти на поправку, поправляться (*о больном*); идти на убыль, отступать, ослабевать (*о болезни*); 7) **cī, chā*** ставить рядом, сопоставлять; определять разряд (степень, ранг); различать, отличать (*по разряду, степени, качеству*); 8) **chā, книжн. cī** уступать, быть хуже.

III. 1) **chà** плохой; слабый; хуже; 2) **chà, разг. chā, chāi** дифференциальный; 3) **chà*** странный; необычайный, удивительный; 4) **cī *** неровный, разнородный, неодинаковый; 5) **chā, разг. chà** сравнительно, более или менее, довольно, относительно; в некоторой мере, до известной степени; в общем, примерно; как будто; может быть; почти; чуть не; вот-вот.

Как видим, такое богатое внутреннее содержание знака во многом определяет значимость бинорма, составной частью которого он является. Существуют различные версии, объясняющие исконное значение иероглифа. Одна из них отталкивается от одного из его значений – «плохой, слабый, хуже», указывая на него как на первоначальное. Согласно данной гипотезе, ключевое значение заключено в графеме «слева, левая рука»: сам иероглиф значил «делать что-то левой рукой», отсюда значение «делать плохо» [7]. Нам такая версия кажется интересной, однако довольно спорной. Хотя, безусловно, в бинорме 差别 присутствует отрицательная коннотация, которая выражается в его семантике «расхождение; разногласие; неравенство; несоответствие; диспропорция» [4]. Это разница с отрицательным оттенком как «нечто, несоответствующее [эталону] либо отстающее». Если в бинорме 区别 иероглиф 区 содержит значение «разделять, классифицировать; сорт, вид», то здесь преобладает значение «разница, отклонение; расходиться, не соответствовать».

Бинорм 分别 fēnbié состоит из иероглифов 分 и 别. Внутреннее содержание второй части уже было рассмотрено выше. Нас интересует знак, определяющий отличия данной единицы от остальных членов синонимического ряда.

Иероглиф 分 состоит из двух элементов – «восьмерка» и «нож». «Нож» как раз и несет в себе значение «разделять», которое впоследствии развилось в «различать; отличать». В диахронии иероглиф обозначал процесс разделения чего-либо на 2 части [7]. Из этого в дальнейшем развилось значение «различать» и «распределять». Здесь же отметим тенденцию перехода физических ёгенов в информационные [1] (сначала возникает конкретное значение, затем – абстрактное).

В словаре представлены следующие значения:

II) **fēn** делить, разделять (*в древних текстах часто: пополам*) 2) **fēn** резать; раскалывать, расщеплять, дробить 3) **fēn** отделять; выделять, уделять; получать по разделу 4) **fēn** оделять, одаривать 5) **fēn** различать; разграничивать; отмежевывать; отличать (*что-л. от чего-л.*) 6) **fēn** разъяснять; давать определение; решать 7) **fēn** быть довольным своей участью, довольствоваться [своим делом]; получать по заслугам;

II 1) **fēn** делиться, разделяться [на] (в древних текстах часто: пополам)
2) **fēn** расходиться, рассеиваться; разбредаться; разбрасываться 3) **fēn** отходить [от], отделяться [от];

III 1) **fēn** часть [целого], доля (в древних текстах часто: половинная)
2) **fēn** доля, надел (в древних текстах часто: земельный); пай; доза; коэффициент, единица 3) **fēn** подразделение, ответвление; часть, группа; по частям, группами; по отдельности, порознь 4) **fēn** разница, различие 5) **fēn** малая толика, ничтожное количество, чуточка; *mat.* Дробь 6) **fēn** одна десятая часть числа, 10%; 7) **fēn** одна сотая часть числа, 1%; фэнь 8) **fēn** фэнь, минута 9) **fēn** балл, отметка, очко 10) **fēn** *astr.* Равноденствие 11) **fēn** набор; партия (*напр. товара*); комплект; экземпляр (*газеты, документа*) 12) **fēn** дар; дарование; данные, врожденные качества 13) **fēn** пределы, границы, рамки; полномочия; круг служебных обязанностей, долг 14) **fēn** доля, у дел; жребий, юдоль, судьба 15) **fēn** * установления, правила; система, порядки 16) **fēn** * устремление, цель.

Как видим, несмотря на активное развитие внутреннего содержания знака и образование многочисленных оттенков значения, первоначальная семантика «отделять» в явном или неявном виде присутствует почти в каждом из них. Языковое развитие знака прослеживается по нескольким направлениям: разделять – отделять – часть; отделять – отличать, разграничивать.

Так, мы можем увидеть, что именно значение «отделять» становится во многом определяющим для внутренней формы бинорма 分别, так что при его употреблении в значении «отличие; разница; различать; отличать» нужно учитывать смысловой оттенок «отличать, разделяя». Отметим, что после анализа сочетаемости бинорма с другими знаками можно сделать вывод, что семантика «разница, отличие» не является ядерной. Лексема чаще употребляется в значении «разделять, раздельный».

Кроме того, весьма действенным является анализ синтаксической сочетаемости знака.

Подведем некоторые итоги. 区别 чаще всего используется тогда, когда говорящий имеет в виду разницу по существу, сущности предмета. На это указывает его широкая сочетаемость с оценочными ёгенами со значением «коренной, существенный»¹. Также он может употребляться тогда, когда внешне предмет не имеет значительной разницы, она не видна невооруженным глазом, и требуются некие опознавательные знаки, с помощью которых можно данные предметы различить. Здесь уместным будет вспомнить исконное значение иероглифа 区, которое, возможно, повлияло на формирование внутренней формы бинорма: «складывать предметы в коробку, [пряча их от посторонних глаз]» – указание на внутренние, то есть «спрятанные» различия.

Данный бинорм употребляется также в значении «дифференцированный», т.е. направленный на различные области, разделенный по специализации, специализированный, однако это – периферия значения.

¹ Такое употребление является достаточно частотным: 根本区别 gēnběnrūbié «коренные различия», 本质的区别 běnzhìdeqūbié «существенная разница», 显著区别 xiǎnzhùqūbié «значительная разница» (примеры из периодического издания «北京周报» [6]).

Относительно употребления лексемы 差别 можно сделать следующие выводы:

– ядром значения данной лексемы будет «расхождение, несоответствие; различия по неким параметрам, характеристикам»;

– 差别 играет специальную роль для обозначения понятия «дифференциальный» в научных терминах; особенно это касается экономических терминов;

– бином 差别 менее синтаксически подвижен, он располагает меньшим количеством позиций, чем 区别;

– в некоторых случаях 差别 несет отрицательный оттенок значения (несоответствие, диспропорция), обусловленный внутренним содержанием входящего в бином иероглифа 差.

Из вышесказанного следует, что роль 差别 в рассматриваемом синонимическом ряду более узкая.

Что касается 分别, то необходимо отметить, что употребление данного бинорма именно в значении «различать, отличать» и тем более «различие, разница» менее частотно, чем у первых двух членов синонимического ряда. Чаще 分别 выступает в значении «соответственно, в указанном порядке».

Таким образом, можно сделать вывод, что в структуре синонимического ряда данный знак будет занимать позицию между периферией и ядром. Кроме того, он отличается от других знаков ярко выраженной процессуальной семантикой. Специальной ролью данного знака является наименование юридических понятий.

Методы диахронического анализа и анализа синтаксической сочетаемости являются в значительной степени действенными, однако они обладают своими преимуществами и недостатками.

К положительным сторонам диахронического анализа можно отнести тот факт, что данный метод помогает раскрыть причины современного употребления той или иной лексемы, а понимание причин упрощает процесс разграничения синонимов.

К минусам этимологического анализа следует отнести значительную вероятность домысливания; нет гарантии, что в древности знак употреблялся именно так, как предполагают современные ученые.

К сильным сторонам синтаксического анализа относится охват широкого пласта материала, иллюстративность, использование статистических подсчетов.

При этом необходимо помнить, что при подсчете могут быть утеряны или не учтены важные моменты, которые на первый взгляд могут показаться незначительными; неправильный выбор критерия отбора материала сводит на нет всю работу; данный метод не дает объяснения, почему в том или ином случае употребляется та или иная лексема.

В заключение отметим, что при исследовании такой области языка, как синонимия, прежде всего, стоит помнить о ее системном характере. Использование различных методов и их разумное комбинирование помогает верно оценить языковые явления и выделить общие тенденции, упрощающие изучение языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордей, А.Н. Основания комбинаторной семантики // слово и словарь = Vocabulum et vocabularium. – Гродно: ГрГУ, 2005. – С.32-35.
2. Дейкун, С.В. К вопросу определения понятия «синоним» в китайском языке [Электронный ресурс]. – 2011. Режим доступа: <http://elibrary.ru/contents.asp?issueid=429916>. – Дата доступа: 25.04.2011.
3. Мартынов, В.В. Универсальный семантический код: Грамматика. Словарь. Тексты / В.В. Мартынов; [АН БССР, Ин-т языкознания им. Я.Коласа]. – Мн.: Наука и техника, 1977. – 189 с.
4. Большой китайско-русский словарь: В 4 т., под ред. И.М. Ошанина. – М., 1983-1984.
5. БКРС [Электронный ресурс]. – 2011. Режим доступа: <http://bkrs.info/>.
6. 北京周报 [Электронный ресурс]. – 2011. Режим доступа: <http://www.beijingreview.com.cn/>. – Дата доступа: 15.04.2011.
7. 常用汉字图解/谢光辉主编; 项昌贵等。——北京: 北京大学出版社, 1997。——652页。
8. 新华词典/商务印书馆辞书研究中心订。——北京: 商务印书, 2001。

Модальность и средства ее выражения является актуальной проблемой современного языкознания. Однако не смотря на то, что лингвистика прошла долгий путь в исследовании модальности и этому вопросу посвящено значительное количество работ, модальность до сих пор не получила полного объяснения в связи с ее многоплановостью, специфичностью языкового выражения и функциональными особенностями.

В работах разных исследователей встречается огромное количество различных трактовок модальности. Одни дают узкое определение, другие чрезмерно расширяют понятие модальности; дискуссионными остаются вопросы, стоит ли включать в категорию модальности эмоциональность, экспрессивность, а также значения утверждения и отрицания. Чаще всего под модальностью понимают «разные явления, объединяемые тем признаком, что все они так или иначе – грамматически, лексически, интонационно – выражают отношение говорящего к сообщаемому или сообщаемого к действительности» [3, с. 214].

Модальность выражается грамматически и лексическими средствами, а также интонацией. В китайском языке основным средством выражения модальности являются модальные частицы. Их использование является достаточно сложным аспектом китайского языка.

Можно назвать следующие общие свойства модальных частиц в китайском языке: 1) в большинстве случаев модальные частицы располагаются в конце фразы. Также возможны позиции – сразу после ремы и в конце придаточного предложения; 2) как правило, произносятся нейтральным тоном; 3) модальные частицы могут записываться различными иероглифами; 4) при совместном употреблении нескольких модальных частиц, возможно их слияние. Например, 呢+啊→哪, 了+啊→啦 и др.

В китайском языке использование модальных частиц может придавать одному и тому же предложению различные оттенки смысла. Например:

1. 你很忙吧? [nǐ hěn máng ba]
2. 你很忙吗? [nǐ hěn máng ma]
3. 你很忙啊! [nǐ hěn máng a]
4. 你很忙嘛! [nǐ hěn máng ma]
5. 你很忙哪! [nǐ hěn máng]

В первом предложении говорящий высказывает догадку (Ты, наверное, очень занят?); модальная частица 吧 *ba* во втором предложении усиливает вопросительную интонацию (Ты очень занят?); модальная частица 啊 *a* превращает предложение в восклицательное, с сильной эмоциональной окраской

(Ну и работы же у тебя!); в четвертом предложении говорящий подчеркивает очевидность сообщаемого (Ты ведь очень занят); модальная частица 哪 *na* в пятом предложении является слиянием модальных частиц 呢 *ne* и 啊 *a*, говорящий пытается привлечь внимание собеседника, преувеличить значимость информации (Да у тебя же дел по горло!).

Для того чтобы эффективно исследовать и систематизировать модальные частицы китайского языка исследование велось по нескольким направлениям.

Во-первых, анализ каждой модальной частицы современного китайского языка в отдельности позволяет определить метасемантическое ядро и периферию частицы; выявить все варианты написания; обозначить какие позиции она может занимать в предложении; проследить совместное использование с другими модальными частицами.

Во-вторых, важно определить какие модальные частицы используются для выражения той или иной модальности. За основу взята классификация, предложенная китайским исследователем Фан Юйцином в книге «Практическая грамматика китайского языка» («实用汉语语法») [5]. Он говорит о существовании 9 видов модальностей предложения в китайском языке: утвердительной, восклицательной, вопросительной, преувеличения, паузы, риторического вопроса, условия, побуждения и предположения.

Так, например, для китайского языка характерны предложения с интонацией преувеличения. В таких предложениях происходит преувеличение той информации, которая сообщается. Придается большее значение, увеличивается важность сказанного. Подобное значение предложению передают модальные частицы 呢 *ne*, 哩 *li* и 咧 *lie*.

他年纪虽小，打球的本领可高呢！Хоть еще и молодой совсем, а играет то хорошо! [7, 159].

我才不理你哩！Да я даже внимания на тебя не обращаю! [5, с. 223].

事儿能办才说咧！Ты сначала сделай, а потом говори! [5, с. 237].

Эти модальные частицы взаимозаменяемы, выбор зависит от предпочтений говорящего. Стоит также отметить, что наиболее распространенной из них является модальная частица 呢 *ne*.

Противопоставить модальным частицам 呢 *ne*, 哩 *li* и 咧 *lie* можно 罢了 *bà le*, 就是了 *jiùshì le* и 而已 *éryǐ*. Используя эти модальные частицы в конце предложения говорящий из скромности, пренебрежения или желания успокоить собеседника пытается уменьшить важность сказанного.

我只是写错了一个标点罢了，你何必这么认真。Я всего лишь сделал одну пунктуационную ошибку, ты слишком щепетильный [1, с. 32].

这个孩子没有什么大病，不过着点凉就是了。Этот ребенок просто слегка простудился, ничего серьезного [5, с. 219].

你去欧洲去了两年，不过才两年而已。Ты едешь в Европу на два года, всего лишь на каких-то два года! [7, с. 41]

В отношении этих частиц можно отметить, что 就是了 *jiùshì le* намного слабее, чем 罢了 *bà le*, а 而已 *éryǐ* характерно для литературной речи.

Можно привести пример того, как меняется значение вопросительного предложения в зависимости от используемой модальной частицы.

屋里还有人吧？

屋里还有人吗？

Оба предложения на русский язык будут переводиться «в комнате еще кто-нибудь есть?». Однако в предложении с модальной частицей 吧 *ba* задающий вопрос имеет представление о ситуации, а от собеседника ожидает лишь подтверждения, что в комнате действительно кто-то есть. Используя же предложение с модальной частицей 吗 *ma*, говорящий дает нам понять, что он не знает, как обстоят дела, велика вероятность того, что в комнате никого нет.

Подобный анализ позволяет выявить синонимичные и антонимичные модальные частицы, обозначить ситуации, в которых модальные частицы являются взаимозаменяемыми, определить какие модальные частицы используются только в разговорной речи, а какие характерны для литературного языка, формирует целостное представление о том, к каким средствам можно прибегнуть для выражения той или иной модальности.

Нельзя не отметить, что модальные частицы также дают информацию о характере процесса, о котором сообщается в предложении. Так модальная частица 呢 *ne* встречается при описании длительного незавершенного действия, часто в сочетании с полусуффиксом 着. Модальная частица 了 *le* используется, когда речь идет о вновь возникшем, выяснившемся положении. Модальная частица 啊 *a*, когда употребляется после одинаковых или неодинаковых однородных сгенов, указывает на длительность и непрерывность процесса.

外边下着雨呢。На улице идет дождь [6, с. 365].

他也喜欢跳舞了。Ему тоже понравилось танцевать [6, с. 315].

然后我们俩抱在一起笑呀，笑呀…… Потом мы обнялись и все смеялись, смеялись... [4, с. 255].

Проследить функционирование модальных частиц в живой речи удалось при анализе художественного произведения. Материалом исследования послужило произведение китайской писательницы Ян Хунин «Девичий дневник» («女生日记») [4]. В каких значениях, сколько раз встречается та или иная модальная частица, выявить конструкции которые многократно встречаются в речи носителей языка (например, 你有没有搞错哇?; 好吧; 为什么呢?; 比如说我吧; 快说吧 и др.).

Можно отметить следующие сложности, которые связаны с изучением модальных частиц китайского языка:

1. Значительное количество модальных частиц в китайском языке. Опираясь на Большой китайско-русский словарь под редакцией И.М. Ошанина было рассмотрено более 60 модальных частиц (характерных для современного, древнего китайского языка, разных диалектов).

2. Многозначность модальных частиц. Почти все модальные частицы в китайском языке могут обозначать различные модальности. Например, модальная частица 啊 *a*, имеет 14 различных значений.

3. Наличие вариантов написания. При записывании модальных частиц китайского иероглифами, одна и та же модальная частица имеет несколько написаний. Вариант написания модальной частицы 嘛-嚒; вариант написания модальной частицы 吧-罢.

Модальная частица 啊 *a* под воздействием конечного звука предшествующего слова может давать варианты: после *a, e, i, o, ü* предшествующего слова — 呀 *ya* (是我的呀); после *u, ou, ao* — 哇 *wa* (还不够哇); после *n* — 哪 *na* (买毛巾哪).

4. Разнообразие диалектов, существующих на территории Китая. Каждый диалект имеет свои языковые особенности, в том числе это касается и использования частиц. Например, 添 *tiān* Модальная частица кантонского диалекта, употребляется вместо 呢 *ne*.

Вышеуказанные трудности приводят к тому, что изучающие китайский язык как иностранный порой не в состоянии до конца осмыслить семантическое богатство модальных частиц и стараются обойтись без них. Однако без выражения модальности китайское предложение просто невысказано, поэтому изучение комбинаторики и метасемантики модальных частиц китайского языка необходимая ступень на пути к точному пониманию смысла китайского предложения, экспрессивной речи и максимально эффективной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. 500 обиходных выражений / Го Юйлин, Цянь Сувэнь, Ян Инь. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2008. – 378 с.
2. Большой китайско-русский словарь / под ред. И.М.Ошанина. – М.: «Наука», 1983.
3. Русская грамматика. Т. 2: Синтаксис / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). – М.: Наука, 1980.
4. 女生日记/杨红樱著。——北京：作家出版社，2006。
5. 实用汉语语法/房玉清著。——3版。——北京：北京语言大学出版社，2008。
6. 现代汉语八百词/吕叔湘。——北京：商务印书馆，1981。
7. 现代汉语虚词词典/王自强。——上海：辞书出版社，1998。

Актуальность темы «метасемантика полупредлогов косвенного дополнения» определяется как малым количеством публикаций по данному вопросу, так и их дискуссионностью. В современной науке не сформировано однозначного подхода к выделению косвенного дополнения, обоснованию принципов его классификации и объяснению его роли в предложении. Так, в лингвистическом энциклопедическом словаре написано, что Косвенное дополнение выражается существительным в косвенных падежах с предлогами и без предлогов. Т.е. с понятием косвенного дополнения связано представление об объекте, затронутом действием не прямо и не полностью, а частично. Например, в сочетании *выпить воду*, *воду* будет прямым дополнением, а в *выпить воды*, *воды* – косвенным [4]. На китайский язык оба словосочетания переводятся одинаково 喝水, таким образом, непонятно, какова роль слова 水 (вода) в предложении.

Большинство европейских и российских ученых рассматривают китайский язык по аналогии с индоевропейскими языками и приписывают ему не существующие в нем категории. В результате нет единства в интерпретации членов предложения в китайском языке, в том числе и косвенного дополнения. Еще Л.В. Щерба писал о важности этой проблемы: «Конечно, наша беда и беда фортунатовской школы в том, что у нас лингвистическое мышление было подавлено индоевропейским строем языков. Это можно объяснить только тем, что у человека, когда он изучал другие языки, чисто морфологическое мышление индоевропейских языков все заслонило и он мог все видеть только через это морфологическое мышление. Наша задача заключается в том, чтобы высвободиться из-под этого влияния и понять, что есть другие языки, которые выражают то же, что и мы – иначе» [6].

Таким образом, на примере китайского языка можно попытаться изучить этот вопрос с совершенно иной точки зрения, что и являлось целью моего исследования.

Для этого необходим подход, который бы основывался на семантике и определял бы члены предложения именно с этой позиции. Теория комбинаторной семантики позволяет это сделать, так как в ней языковая система анализируется не по форме, а по содержанию.

Для начала нужно было определить, в какую роль индивида в модели мира¹ отображается косвенное дополнение. Для этого мы рассмотрели акцию, в которой есть субъект, объект, медиатор и инструмент², и установили,

¹ Модель мира – упорядоченное множество стереотипов и упорядоченное множество преобразования одних стереотипов в другие (архитектура стереотипов) [1].

² Субъект – инициатор акции; инструмент – исполнитель акции; медиатор – посредник акции; объект – реципиент акции [1].

что если подлежащее отображается в субъект, прямое дополнение – в объект, то косвенное дополнение соответственно отображается в медиатор или инструмент. И таким образом, разные виды косвенных дополнений обуславливаются разными ролями индивидов в модели мира.

Далее мы доказали, что косвенное дополнение произошло из прямого, например, в предложении «Он на столе изобразил много узоров» стол является локусом, т.е. разновидностью медиатора. Соответственно, при переводе на китайский язык это предложение должно выглядеть так: «他在桌子上化了好多盗印字», но в оригинале это предложение записано так: «他把桌子上花了好多盗印字» [5], т.е. здесь в локус отображается прямое дополнение. Это свидетельствует о смене ролей индивидов и соответственно доказывает, что косвенное дополнение произошло из прямого.

Предложение «в цветочной вазе сменить воду» мы на китайском языке встречали в двух вариантах: 把花瓶换水 и 给花瓶换水 [5]. Т.е. здесь полупредлоги 给 и 把 синонимичны, взаимозаменяемы. В модели мира цветочная ваза является локусом, т.е. разновидностью медиатора. Когда мы говорим 给花瓶换水, то здесь цветочная ваза понимается как ориентир, тоже разновидность медиатора. В предложении 把花瓶换水 цветочная ваза используется как объект. Т.е. по сути объект и медиатор здесь четко не разграничены, что опять свидетельствует о том, что медиатор произошел от объекта, и следовательно, косвенное дополнение от прямого.

Установив, что косвенное дополнение произошло от прямого, мы можем сделать вывод о том, что на него тоже распространяется закон магистральной виртуальной цепи¹, т.е. чередование тайгенов с егенами². Таким образом, понимание семантики косвенного дополнения дает нам представление о его комбинаторике и позволяет сформулировать основные правила его употребления в предложении.

Далее необходимо разобраться с полупредлогами косвенного дополнения, понять, в каких случаях они синонимичны и взаимозаменяемы, а в каких нет. Для этого мы используем метод, который условно можно разбить на 3 этапа:

1) определить, во что отображается косвенное дополнение (инструмент или медиатор), и потом определить в какую разновидность инструмента или медиатора оно отображается. Например, в предложении

我们很替他高兴 [3] – мы очень рады за **него**, «него» отображается в медиатор, ориентир.

2) определить, является процесс физическим или информационным. Например, «радоваться» – это информационный процесс.

3) определить метасемантику полупредлога. Например, 替 *tì* произошел из ёгена «замещать» [3].

¹ Виртуальная цепь – модель гипотетического предложения, в котором были бы реализованы все его члены [2].

² Части языка подразделяются на обозначающие индивид **тайгены** (от яп. 体言 – стабильное слово), например: *стол, восемь, мы* и обозначающие признак индивида **ёгены** (от яп. 用言 – подвижное слово), например: *бежать, коричневый, смело* [2].

Каждый из этих критериев может быть решающим для выбора того или иного полупредлога. Например, полупредлоги могут отличаться друг от друга хотя бы по одному из этих критериев, и это уже будет показателем того, в какой ситуации какой полупредлог использовать.

Таким образом, мы можем выдвинуть гипотезу о том, что полупредлог 替 используется с косвенными дополнениями, которые отображаются в ориентир, в информационных процессах, со значением «замещать» (т.е. делать что-то вместо или для кого-то). Теперь эту гипотезу необходимо проверить. Для этого мы просмотрели много примеров употребления этого полупредлога и пришли к выводу, что характерным для него является выражение внутреннего состояния человека, т.е. информационный процесс внутри субъекта. Поэтому если нам теперь в предложении, где кто-то за кого-то рад, переживает, тревожится и т.д. нужно поставить полупредлог, то мы уже знаем, что лучше всего здесь использовать полупредлог 替. В аналогичной ситуации (т.е. с ориентирным косвенным дополнением, со значением делать что-то вместо кого-то или для кого-то), но с физическим процессом, более вероятно, мы увидим другой полупредлог, например 请给我买张票 *Купите, пожалуйста, мне билет* [3].

Далее берем третий критерий и пытаемся найти полупредлоги, которые совпадают по первым двум, но при этом отличаются по третьему.

Например, такими полупредлогами являются 跟 и 和. Они синонимичны и на русский язык переводятся как «и, с» [3]. При этом оба используются с ориентирными косвенными дополнениями как в физических, так и в информационных процессах (т.е. первые 2 критерия совпадают).

Например, 跟他合作 = 和他合作 (сотрудничать с ним) [5].

Но при этом 和 произошел от егена «умиротворять» [3], а 跟 произошел от егена «следовать за» [3], поэтому если косвенное дополнение оформлено на 跟, то участники не обязательно делают одно и то же действие, у них может быть разная роль, и просто один следует за другим, а с 和 участники совершают одно и то же действие. Например, если в предложении 我跟他借钱 — я одолжил у него денег 跟 заменить на 和, то смысл предложения тогда изменится как «я вместе с ним (у кого-то) одолжил денег» [5].

И самое простое, первый критерий, по которому нужно определить, в какую роль отображается косвенное дополнение. И если оно отображается в инструмент, то тогда мы используем полупредлоги инструментального косвенного дополнения, а если в медиатор, то устанавливаем разновидность медиатора и действуем по вышеописанным указаниям.

Поэтому задачей исследования являлось изучить все полупредлоги косвенного дополнения и рассмотреть их по вышеописанным критериям, и исходя из этого выдвинуть теории, в каких ситуациях какие полупредлоги использовать, как их различать между собой, а также выявить основные правила их комбинаторики.

Таким образом, в ходе исследования было дано определение косвенному дополнению с точки зрения теории комбинаторной семантики, установлено и доказано, что косвенное дополнение произошло от прямого, а также осуще-

ствлен анализ косвенного дополнения в языке и модели мира, что помогло решить проблемы выделения косвенного дополнения в предложении и сформулировать правила его комбинаторики.

Также в ходе исследования были предложены критерии для разграничения метасемантики полупредлогов косвенного дополнения. Этот метод помог решить проблемы в дифференциации синонимии полупредлогов и определении случаев, когда синонимичные полупредлоги можно взаимозаменять, а когда нет, а также решить проблему неправильного употребления полупредлогов косвенного дополнения изучающими китайский язык.

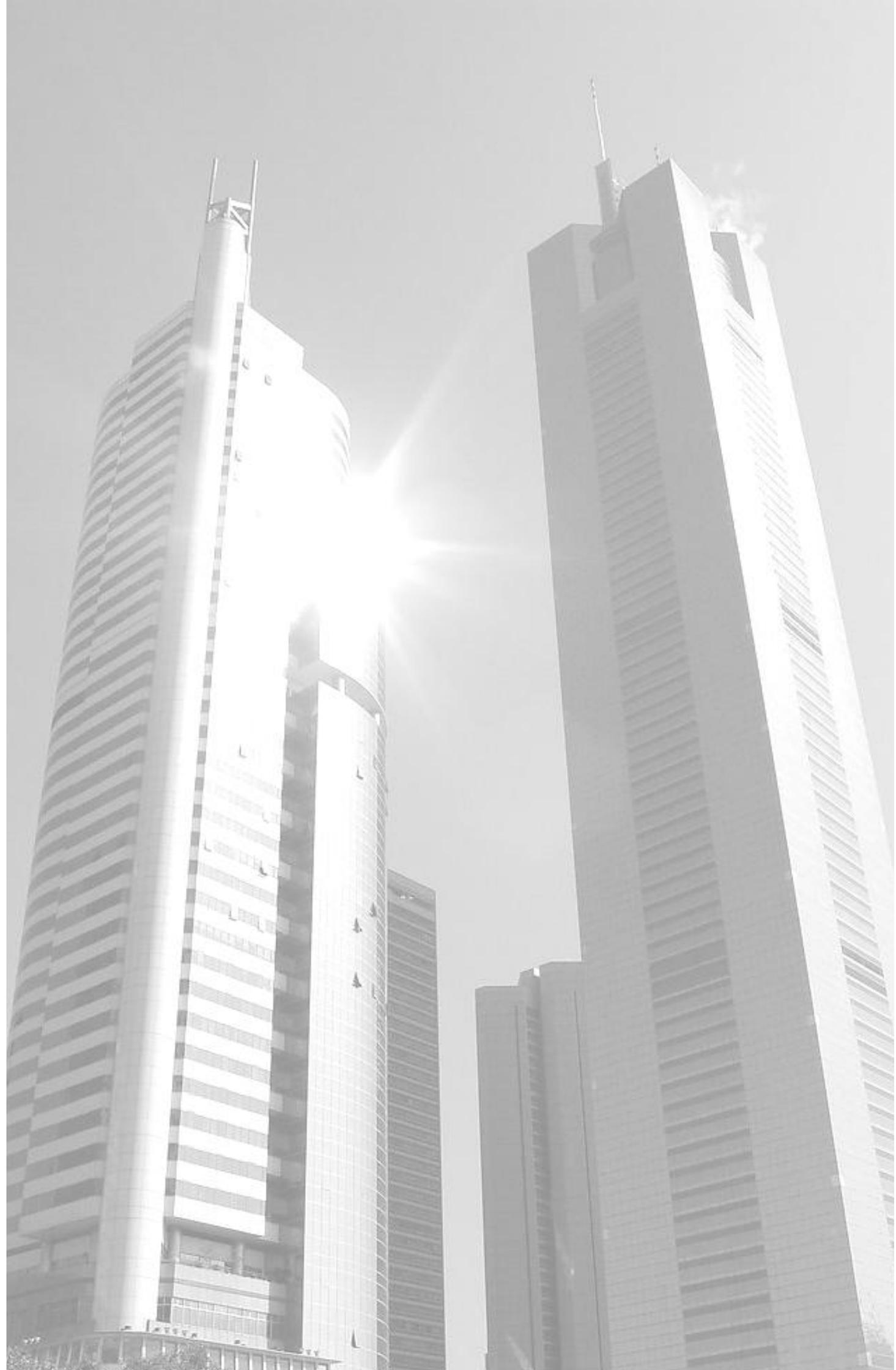
Результаты нашего исследования вносят посильный вклад в развитие частных разделов комбинаторной семантики и могут быть применены в практике преподавания китайского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гордей, А.Н.* Лингвистическая и металингвистическая операции / А.Н. Гордей // Чтения, посвященные памяти профессора В.А. Карпова. – Минск, 2007. – С. 12-18.
2. *Гордей, А.Н.* Части языка и процедуры их разграничения / А.Н. Гордей // Пути Поднебесной. – Минск, 2006. – С. 69-75.
3. Китайско-русский словарь. – Пекин, 1992. – 1250 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1999. – 1120 с.
5. *Панфилов, В.С.* Конъюнкты и предлоги в китайском языке / В.С. Панфилов // Вопросы языкознания: М.: «Наука». – 2009. – №5. – С. 76-89.
6. *Щерба, Л.В.* О второстепенных членах предложения / Архив петербургской русистики [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba7.htm>. – Дата доступа: 16.03.2011.

**КИТАЙСКАЯ
КУЛЬТУРА:
НАЦИОНАЛЬНЫЕ
ТРАДИЦИИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

武侠小说的创作与阅读是华人世界独特的文化现象。武侠小说广泛传播于东亚、南洋、西欧、北美等世界各地，主要集中于华人世界而很难进入非华人世界，这是由于语言乃至文化之间的差异所造成的。随着全球化进程的加快，人类各民族、各文化体系的融合也在进一步增强。为了解决世界不同文化之间的对立与误解，本论文试通过建立中乌两国文学之间的对话，以寻求两国文化之间的沟通与交流。

“武侠”自古以来就是中华文化的英雄象征。武侠小说中的“武”与“功夫”、“战斗”、“战争”相关，是人类的天性之一。从某种角度来看，人类的历史是连绵不断的战争的历史；而文明社会的建成需要尽可能地将这种天性转化为为政治、经济、科技、文化而斗争和建设的积极力量，而这还不能完全满足人类的天性。有关暴力斗争的故事，在世界各民族文艺中都以不同形式得到表现。因此，“武”也可以说是人类文学艺术的永恒的主题之一。中国新派武侠小说与乌克兰哥萨克小说的存在就是对其永恒性的证明。

“侠”在武侠小说中是指理想人格的精神形象。中国文化中广泛存在着侠义精神，在世界各国各民族文化中也都有与之含义相类似的概念，乌克兰文化也不例外。乌克兰传统文化中的哥萨克就是类似理想人格的英雄精神形象与象征。在乌克兰哥萨克精神理想中，可以发现中国传统文化“侠”的因素。由此不难发现中国文化和乌克兰文化的一大相通点：即两国民族明显的英雄崇拜心理。英雄的人格精神及其成长经历，永远是激励人类勇往直前的一种精神力量。

中国代表新派武侠小说最高水平的作家是金庸、梁羽生和古龙。这三位作家的创作各创一格，影响了武侠小说创作的整体形势。其中，金庸小说艺术水平的高超，主要表现在其对古代尚武风气和习武生活的独特描写。金庸小说继承了中国传统的俗文学中的侠义类型的叙事模式，并将传统的四种基本叙事类型和模式加以综合和创新。同时，作为新派武侠小说的代表作家，金庸接受了新文艺、纯文学的影响，以纯文学（新文艺）的观念、技巧、方法进行武侠小说创作，其作品以新的审美形式体现出更高的艺术水准，显示出崭新的面貌。因此，研究界普遍认为，金庸虽与梁、古并称为武侠小说创作的“三大家”，但他的创作成就及影响远在梁、古之上。

不仅如此，对于新派武侠小说中的三大主题：寻宝、爱情、民族斗争，金庸小说均有充分的体现，如代表作《书剑恩仇录》、《碧血剑》、《倚天屠龙记》、《鹿鼎记》等；而乌克兰哥萨克小说也常以此为主题，因此，对金庸小说与乌克兰哥萨克小说进行比较具有共同的基础。这同样是本论文在考察中国新派武侠小说时，把金庸作品作为研究对象的原因之一。

本论文的另一个研究对象是乌克兰“哥萨克小说”。哥萨克是乌克兰历史上一种特殊的社会阶层，与其相关的乌克兰哥萨克文化是独特的军事文化现象。哥萨克文化既与乌克兰的古代社会制度（哥萨克制度）密切相关，又是与基督教文化及乌克兰现代文化相结合的产物。哥萨克是乌克兰与俄罗斯文学中常见的题材，由此产生了一大批以哥萨克为描写对象的历史小说。

需要指出的是，金庸的小说虽然采用了一定的历史背景或历史人物，但在中国文学传统中属于武侠小说而不是历史小说。乌克兰“历史小说”与中国历史小说的概念有些不同，因为乌克兰没有“武侠小说”这一小说种类，金庸小说一旦进入乌克兰文学研究的视野中，是可以被归入历史小说的范畴的。同时，乌克兰历史小说中有关哥萨克的历史小说在题材、人物、文化内涵等方面都与中国武侠小说存在着极大的共通性。所以，本文将乌克兰哥萨克为题材创作的这类近似于中国武侠小说的历史小说独立出来进行研究，并将其命名为“哥萨克小说”。从性质上确立二者的相似性，有助于我们将二者纳入同一视野进行观照。这是本论文将金庸小说与哥萨克小说进行比较的前提。

中国文学和乌克兰文学之间不存在直接的文化传承关系，也不存在彼此产生影响的因果关系，但二者仍然存在平行研究的可能性。本论文集中研究的金庸作品和哥萨克小说虽然在时间上不属于同一时代，在空间上有一定阻隔，但两种文本体现出来的相似性是进行平行比较的基础和依据。跨文化的平行比较要求通过对不同民族、不同时代的作家作品进行比较，寻求研究对象共同的文艺本质和美学基础，倾向于运用哲学的、审美的、批评的方法对文本进行审美价值的分析与判断，因此，时代、社会等外部时空环境对文学文本的影响并不在本论文的讨论范围内。

本论文从历史文化、原型理论、接受理论等视角对研究对象进行观照，运用比较、对照、解析、推论、评价、综合等一系列方法，对作品的主题、题材、人物、情节、风格、技巧、尤其是意象、象征等因素进行全面的比较研究，以期对研究对象建立综合的把握。

侠文化传统哲学与哥萨克文化基督教哲学的比较

金庸新派武侠小说和乌克兰哥萨克小说分别是中西方世界所特有的文艺产物。二者代表中西方世界的不同文化形态和民族心理的精神实质。哥萨克和侠客本身变成了两国人民意识中的重要原型。揭示其文化意义和内涵是解读这些文学中侠客和哥萨克原型重要条件。历史上曾存在过的侠客和哥萨克在中国和乌克兰文化中引起了重大影响，中国和乌克兰民间歌曲、舞蹈、礼仪、传说、文学等领域分别充满着侠客和哥萨克精神，都体现浓厚的歌颂英雄主义的特点。崇拜英雄心理天性导致了两国文学中使用哥萨克和侠客服题材，塑造侠客和哥萨克英雄的形象和歌颂他们业绩的文艺传统。不管在中国还是在乌克兰，传统哲学与英雄主义思想有密切的关系。从一方面看侠客和哥萨克的出现和形成过程依靠当时的哲学思想，从另一方面它们也影响了当时两国社会主流思想，在现代中国和乌克兰传统思想中其地位也很重要。说明哥萨克和侠客文化中哲学和思想特点能帮助理解这些现象在文学作品中的出现原因，并进一步深入剖析哥萨克和侠客世界的文艺特点、方法与文艺要求。

哥萨克文化可以被理解为中亚文化重要的组成部分。哥萨克的军事传统在 15—16 世纪形成，它的组成基础有很古老的军事传统。很多学者认为乌克兰哥萨克的诞生和形成受到了南方的鞑靼游牧部落的影响。因为语言、战法和征战战略、哥萨克的外貌、服装武器都证明了这种影响的存在。如果分析哥萨克文化的历史，我们可以发现它受到了亚洲突厥很大的影响，哥萨克时代乌克兰人与突厥民族交往不少。其实，基辅罗斯时代已经有很多与突厥部落交往的事实。阅读乌克兰历史小说时能发现很多与亚洲游牧民族文化有共同点的现象和形象。作品中的哥萨克从一方面体现西欧骑士文化的特点，从另一方面充满亚洲草原民族文化的精神。从这个角度看，通过哥萨克小说与中国新派武侠小说的比较的研究，能更清楚地理解古代文化传播和古代文化交流对当时的民族文化影响。

说到乌克兰小说中体现与西欧骑士文化相同的内涵，第一要提出的是读者在作品中能发现扎波罗热塞契组织的生活规则和制度很像西欧 12—14 世纪骑士教会和宗教集团。乌克兰历史小说在描写扎波罗热哥萨克思想时宗教性很强，在大部分乌克兰历史小说中都有表现。西欧骑士文化形成的军事文化的崇拜圣母在乌克兰扎波罗热塞契继续发展的，理所当然，在乌克兰小说得到了文艺的表现，崇拜圣母主题在乌克兰哥萨克小说中是常见的。例如，伊瓦尼丘克的小说《锦葵》。

东正教在乌克兰哥萨克小说中往往被描写为哥萨克的灵魂，可以说，宗教性是哥萨克小说作品中的重要精神之一。公元 988 年，基辅罗斯大公弗拉基米尔一世将东正教正式定为国教，从此东正教成为乌克兰文化中的重要组成部分。哥萨克东正教文化与西欧骑士的天主教以及各种基督教学派的文化存在着差异，而这些差异鲜明地体现在哥萨克文化中。东正教是哥萨克的精神支柱与灵魂。对于哥萨克来说，东正教的意义包括：首先，东正教不仅是一种信仰，而且是一种世界观。哥萨克把宗教视为精神的重要动力，斯拉夫人固有的文化心理与东正教的文化内涵相融合构成了哥萨克的世界观；其次，乌克兰哥萨克的地理位置使来自世界各地的多种教派汇聚在这里，因此东正教对于抵御外来宗教文化，尤其是西欧天主教的侵蚀起着极为重要的作用；再次，由于哥萨克长期处于战争环境之中，生活艰苦、时刻面临着生命的危险，有极大的精神压力，因此宗教对于哥萨克团结内部、鼓舞士气、战胜困难显得非常重要。

正如武侠文化不能局限于以某种教派（儒教、道教或墨子哲学）为启发点，哥萨克文化世界同样不能局限于以东正教（基督教）为基础。虽然东正教在哥萨克历史上起了重要作用，但是除此之外还有很多别的从古代留下来的思想和民族自我意识的成分影响了哥萨克文化。比如说，哥萨克文化在崇拜战马传统、结义兄弟传统、埋葬传统等方面体现基督教之前的多神教文化，这种文化在乌克兰小说中有所体现。

大部分乌克兰哥萨克小说描写信仰东正教的乌克兰人民在天主教和伊斯兰教压迫之下的生活和奋斗。在这几百年的人民奋斗历史中扎波罗热塞契的哥萨克起了关键性的作用。东正教是哥萨克主流和主根的思想，就像西欧的骑士组织哥萨克和基督教教会有密切关系。信仰基督教曾是惟一的进入哥萨克军队的要求，所以不同民族人物体现在小说中。这种传统是哥萨克特有的，和西欧骑士文化没有直接联系。从另一方面，哥萨克作为信仰保护者，就像西欧的骑士每一次打战的时候都有为信仰自我牺牲的意念，之所以在历史小说中东正教往往作为乌克兰人民的自由和英雄主义象征描写的。

军事文化与英雄主义的综合在世界文学中得到各国独特的表现。比如说，在西欧，繁盛于 12、13 世纪法国的骑士文学，主要形式有三种：骑士抒情诗、英雄史诗、骑士传奇。其中骑士抒情诗以《破晓歌》为代表，英雄史诗以《罗兰之歌》为代表，骑士传奇由文人或宫廷诗人创作。骑士文化的三种主要形式在现代文学历史小说得到新的表现。

把乌克兰文学塑造的哥萨克形象与中国武侠小说中的侠客形象比较，能发现两种文化在基本内涵上的相同处。例如，乌克兰崇拜哥萨克马刀心理与华文化中崇拜剑心理有一定相似之处。原始中国人对红色的偏爱，是中国远祖强悍的种族根性的体现。红色是鲜血和生命活力的象征，在乌克兰哥萨克文化中也有类似的象征含义。中国武侠小说中人物常常以江湖秘密社会的存在为背景的。一个局外人要加入这个秘密社会，不但要与其成员认同于共同的价值观，而且必须履行仪式，新兄弟相见相识都要履行的礼仪：结拜。这个现象在乌克兰历史小说也是常见的。结拜，结义传统是乌克兰文化中古老传统，不管民间还是现代乌克兰诗歌和小说中都存在着义兄原型。除此之外，崇拜战马文化、宴会与战役关系特点等也是世界军事文化在不同民族存在的共同特点。

中国传统文化是由儒、释、道、墨、法等各家构成的一个结构体系，而侠文化是中国传统文化体系中的不可缺少的重要部分。侠作为一种人格精神和处世准则，在近代中国形成了规模宏大的“尚武”思潮。韩云波在《中国侠文化：积淀与承传》一书中根据不同时代不同文化形态的类型特征，将中国历史发展中的游侠分为三类，即私剑之侠、道义之侠、江湖之侠。三类游侠各有自己的独特性，在金庸小说中得到了体现。

侠文化的流氓文化的成分在新派武侠小说也有表现，侠客历史上在社会演过的角色如刺客、镖头等职业身份，理所当然，在文学作品中得到了表现。而金庸小说再次证明侠义的现象应该从文化整合、英雄崇拜的整体通观的角度来审度，才能达到客观性。世俗化的侠与理想化的侠义精神就是这样奇妙地组合、存活在中国传统的侠文化中。历代中国文人论侠，在很大程度上是在不断地诠释“侠义”的涵义，而文学家在文学作品中重建“侠”中的“义”。中国读者期待视野的侠在这种文化精神和伦理原则的基础上是以“为善除恶”正义为宗旨的路见不平、舍身相救、不畏强暴、为大多数人的浩然正气和凛然大义英雄形象。在这种接受过程中读者有一种实现正义理想的深层动机，因而侠客人物应该履行扶危济困、拯世济难的社会作用。

反观哥萨克与侠客文化的差异，应该指出哥萨克是专业武士的基督教组织，哥萨克就像西欧骑士是基督教的战士，而中国侠客则无宗教，虽然受到了道教、佛教和儒教影响，但是还是不表示惟一的思想。侠义文化作为中国军事文化历史上有了自己独特的表现。在中国现代读者意识中侠客形象往往是为国为民、为仁义的人物，而且这个侠客的身份标志，清楚地昭示侠客作为中国文化环境的特殊现象与乌克兰的哥萨克差别不大。

哥萨克和侠客从侠义道德标准来看体现同样的理解。在中国传统文化中，侠义精神和侠义伦理是重要的价值核心之一。中国民间文化中的“义”既有中国民族性内涵，又有普遍的人类学内涵。包括哥萨克文化价值观在内的一切为善的伦理都符合‘义’的内涵。中国传统文化中的“义”还与“结义”和“聚

义”概念密切相关，象征着人与人之间的平等关系：大家能聚合在一起，以义来作为判断人的标准。这种在下层民众中存在的一种理想的通过团结互助、共同努力达到一种目的的人与人之间的平等关系的形式（兄弟结义关系）同样也是哥萨克文化的核心。

哥萨克小说和西欧骑士文学在歌颂武士的英雄形象有很多相同。西欧人民意识中中世纪骑士的忠诚、勇敢、高尚、纯洁的骑士精神是通过文学的发展来形成和培养的。骑士阶层作为中世纪居于封建领主与平民之间的社会阶层，扮演了统治者的军事卫士的角色，所以历史上留下了不少充满残酷和暴力的历史事实。但是从另一方面，骑士传统形成了西欧上层贵族文化，而同时属于下层社会的人常常因为出色的忠诚和勇敢而上升为这个贵族骑士阶层，因此欧洲人民意识中贵族和骑士与忠诚和勇敢往往是分不开的一体。这种骑士忠诚精神在侠客和哥萨克文化中表现为武士与首领(国王、诸侯等)之间的忠诚和互助的关系，这种关系表现效忠主人、珍视荣誉、视死如归和强烈的复仇精神等特点。骑士精神成为一种标志着贵族身份的标志。骑士文学所大力加以理想化的骑士精神却在近代西方文化中得以保存，它后来逐渐演变为一种个人英雄主义。结果就产生了法兰西式和西班牙式的矫揉造作而又优美典雅的贵族风范，这种贵族风范构成了 17 世纪欧洲古典主义文学的主旋律。

西欧人民意识中的文学骑士形象不仅是一位轻视死亡为正义奋斗的英雄战士，而且也是发誓效忠于其主人的教会卫士、寡妇和孤儿的保护人。博大精深的罗马和希腊文化影响了武士集团宗教和道德美德，荣誉感、忠诚、勇敢精神结合在一起，就构成了基督教文化中的骑士理想和骑士精神的基本内容。哥萨克精神是被基督教义所影响的，哥萨克道德包含了的忠君、护教、行侠乃是以政治和宗教利益为准则的，实际上他们不但是封建领主所豢养的武力阶层，而且其自身也属于封建统治者。他们忠君、护教、行侠是建立在一整套封建伦理道德和基督精神之下的，以维护封建伦理道德和基督精神为最终归宿。他们符合特定社会政治与历史形态下的“正义”，却在永恒的人间善恶中表现出了邪恶反动的本质。就像基督教培育的骑士精神对近代欧洲社会的行为方式产生了巨大的影响，同样基督教培育的哥萨克精神影响了乌克兰社会的性格和心理特点。个人英雄主义和热忱的献身精神、对妇女的尊重和浪漫的爱情、对弱者的同情和侠肝义胆，这一切近代精神贵族概念的不可缺少的部分。正是出于上述，武侠文学和哥萨克文学从产生之初便存在着不同的社会地位却表现统一的意义，不同只是在表达这意义的文艺方法。

从比较研究乌克兰哥萨克小说与中国金庸小说能发现世界文学在文学中表现统一的发展规律。世界多数人民经历了形成自己独特军事文化的历史，而这种复杂过程也表现在文艺作品中。代表人民军事文化的文学作品通过多数阅读者的接受形成民族意识中的一系列重要原型。这应该说是世界不同军事文化的统一规律。比较研究世界军事文化在文学作品中体现的重要原型不但可以更清楚地解释作品对读者的影响力和审美效果，而且能给描写不同人民心理特点提供重要资料。

哥萨克文学属于乌克兰民族文学范畴，也是建构乌克兰国家意识形态的重要基础。相反，武侠文学以其自身的精神内涵构成了对中央集权君主专制

的冲击。武侠文学是一种纯粹的民间文化形态。因此，可以看到一个很奇特的现象，武侠文学拥有较高的民间地位，根植于民间文化传统之中，但是站在强大的国家意识形态的对立面，因而无法进入主流文化传统。

结论

本编通过研究中国新派武侠小说与乌克兰哥萨克小说的创作的概况及影响、比较侠文化与哥萨克文化的异同、以及创造武侠世界与哥萨克世界文艺特点，反映世界文化与文学中存在的一系列共同特点和不同民族文化与文学在形成与发展过程中体现的特点。

两国民族文化与民族心理的特点直接关系到中国新派武侠小说与乌克兰哥萨克小说这两个特殊的文艺体裁的出现。从文艺角度比较分析武侠世界与哥萨克世界体现的独特的中国文化与乌克兰文化、分析金庸小说与哥萨克小说武功描写与战役描写文艺特点，及分析两国作品中在处理历史真实与创作虚构的问题的方式，不但能显示出两个民族的民族心理，特别是民族自我意识的特点，而且也能说明金庸小说与哥萨克小说在文艺世界上产生重大影响、受到众多读者的欢迎的原因。

在金庸小说与哥萨克小说中，中国和乌克兰的传统历史文化通过不同文艺手法得到了独特的表现，而两国的社会历史背景、及具体的事件与问题通过两国作家的艺术处理呈现在作品中，展现出中国与乌克兰两国的历史与文化空间。两个国家民族的民族心理特点及其自我意识主要通过两国作家对社会与政治现实的象征化的描写得到反映。

文学中的侠文化世界和哥萨克文化世界通过比较，能彰显乌克兰民族几个重要的心理特点。首先，东正教信仰对乌克兰民族文化心理中善恶对立，追求正义的特点的影响。哥萨克小说中所描写的东正教是哥萨克传统文化的核心，对于作品建构乌克兰文化与历史的空间起了重要作用。乌克兰民族在历史上承受着极大的精神压力，宗教具有的团结内部、鼓舞士气、战胜困难的功能对乌克兰民族而言显得尤为重要。东正教信仰影响了乌克兰民族文化尤其是乌克兰民族世界观的形成，因此，乌克兰人善于从东正教信仰中强调的善恶对立的角度认识世界，并以此作为解决社会、政治等方面问题的出发点。同时，对于正义的追求也成为乌克兰民族性格中的重要特点，这些都能从对哥萨克小说的分析中显示出来。

其次，乌克兰民族文化心理表现出的对自由的热爱与对外族入侵与压迫的仇恨具有历史根源。哥萨克小说反映了乌克兰军事文化形成过程中独特的历史阶段。哥萨克小说中对于人民起义的描写，显示出乌克兰人追求自由、防御外来侵略，要求独立自主等与乌克兰的独特军事文化相关的精神理想。在乌克兰人的意识中，扎波罗热塞契不但是哥萨克的象征，而且也是全乌克兰的重要象征。与扎波罗热塞契相关的复杂的历史和文化现象成为乌克兰文化与乌克兰国家概念的核心，代表着乌克兰人对正义、力量、自由、独立、民主等精神理想的追求，以及对外族入侵与压迫的仇恨。与此同时，热爱自由、反对入侵与压迫民族心理与乌克兰民族浓厚的爱家乡的精神有密切的联

系。哥萨克小说通过颂扬英勇善战，赞美英雄在奋斗中取得的胜利，反映出对爱国主义等理想精神的歌颂。

再次，哥萨克小说通过从文化角度对政治、社会中所发生事件的内在原因进行描写，显示出乌克兰文化心理中存在的弊端与隐患。例如：哥萨克贵族之间为争取盖特曼政权而互相敌视与厮杀，哥萨克贵族与陷于贫困境地的下层哥萨克之间的矛盾冲突，均表现出乌克兰民族文化心理中对个人权位的追逐与团结精神的缺乏。这些弊端与隐患再加上乌克兰长期受到邻国政治与文化的影响，并且制定的某些政策阻碍乌克兰文化的自然的发展，而导致乌克兰民族文化心理中产生了轻视自己文化与语言的趋势，以此造成了民族自我意识的淡薄与民族历史记忆的模糊。哥萨克小说显示出的这些文化心理特点与乌克兰社会发展之间存在着密切的关系。

同样，金庸小说能显示出中华民族文化心理特点与社会发展的关系。首先，金庸小说将中国传统文化中的儒墨与佛道进行互补。中国传统文化包含着儒、释、道、墨、法等各家学说及文化，侠文化的产生与中国传统文化这个特点密切相关；同时，侠文化中具有的游民文化的成分在金庸小说中通过构建江湖世界得到了表现；而江湖的侠义精神又是现实生活中的中国侠义伦理的传统文化内涵的价值核心之一。金庸把丰富而又迷人的中国传统文化融入武侠世界，满足了读者期待视野中对中国传统文化的需求，因此能够引起大众读者的接受与认同。

其次，金庸小说体现了中华民族的欣赏武打的传统与尚武精神。这在金庸小说中体现为独特的中国武术文化。通过对武侠世界中的武打场面与习武生活进行描写，以独特的文艺方式满足了中国读者的民族心理特点。从文艺角度比较分析武侠世界体现的武功描写，可以理解中华民族独特的武打观赏与习武的传统文化心理。

再次，金庸小说对历史真实与文学虚构问题的处理，显示出中华民族对待历史的独特心理。金庸把历史文化与现实政治融合在一起，以现代眼光从中华民族的角度来评价历史，而不是从单一民族的角度出发看待历史，使“中华民族”的观念在他的作品中得到充分体现。在金庸小说中，小说往往将中国古代历史背景与充满浪漫幻想色彩的江湖融合在一起，建构出统一的武侠世界。这种对历史的浪漫化描写让众多读者的期待视野得到满足与超越。读者对小说中英雄形象的向往透露出中国人对个人的强大力量的仰慕与渴望，从期待视野的角度提供了认识中华民族的心理特点的渠道。

最后，金庸小说通过对结义传统的现实化与理想化地描写，体现中华民族重视义气的心理特点。结义传统是中国社会的习俗和人情道德的特殊体现，在传统文化影响之下，这种结义传统是一种相互的心理依托，也是激励斗志的力量源泉，在中华民族文化心理中具有特殊地位。

参考文献

I. 小说

1. 金庸. 金庸作品全集[M]. —— 广州: 广州出版社, 花城出版社, 2002-2003.
2. Гоголь, Н.В. Собрание сочинений: В 9 т. [M]. – М.: Рус. кн., 1994.
3. Старицкий, М.П. Богдан Хмельницкий. Трилогия. Роман. – М.: Днипро, 1987.

4. *Загребельний, П.Я.* Богдан (Сповідь у славі): Роман / Худож. С.Якутович. – К.: Фоліо, 2002.
5. *Іваничук, Р.* Мальви (Яничари); Орда: Романи. – К.: Євроекспрес, 2000.
6. *Куліш, П.О.* Чорна рада: Хроніка 1663 року; Оповідання. – Х.: Вид-во «Основа» при Харк. ун-ті, 1990.
7. *Ле, І.* Хмельницький: Іст. роман: У 3-х кн. Кн.1-3. – К.: Дніпро, 1978.
8. *Ле, Іван.* Наливайко. Исторический роман. – К.: «Держлітвидав України», 1964.
9. *Панч, Петро.* Гомоніла Україна. – К.: Державне видавництво художньої літератури, 1957.11.

II. 专著

1. *孔庆东.* 金庸评传[M]. —— 郑州: 郑州大学出版社, 2004
2. *克莱尔.* 论英雄、英雄崇拜和历史上的英雄业绩[M]. —— 北京: 商务印书馆, 2005.
3. *王学泰.* 游民文化与中国社会[M]. —— 北京: 同心出版社, 2007.
4. *汪涵豪.* 中国游侠史[M]. —— 上海: 复旦大学出版社, 2001.
5. *严家炎.* 金庸小说论稿(增订版)[M]. —— 北京: 北京大学出版社, 2007.
6. *赵云中.* 乌克兰: 沉重的历史脚步[M]. —— 上海: 华东师范大学出版社, 2005.
7. *朱德发.* 现代中国文学英雄叙事论稿[M]. —— 济南: 山东教育出版, 2006.
8. *Hamm, John Christopher.* Paper swordsmen: Jin Yong and the modern Chinese martial arts novel / John Christopher Hamm [M]. – Honolulu, HI: University of Hawai'i Press, 2005.

А. В. ЕРЫШОВ,
М. А. ИСАЧЕНКОВА

СЕМАНТИКА «КРЫЛАТОСТИ» В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ТРАДИЦИИ ЗНАМЕНЕЙ

Одинаковым деяниям сопутствуют сходные предзнаменования – так Небо посылает людям свое предупреждение.

История Хань

Птицы летают, опираясь на пустоту...

Гань Бао¹

Под знаменем мы понимаем знак, являющийся одновременно реакцией на произошедшие события и предсказывающий грядущие.

В дальневосточной системе знаменей первостепенное место отводится традиции Китая, где появление подобных знаков следует понимать как следствие «сбоя», появления избыточности или недостаточности, во взаимодействии *инь-ян*. В итоге появляются благие (кит. *жуй* 瑞, кор. *чобын чон чжо* 좋은 전조, яп. *цзуй* 瑞) или зловещие (кит. *цзай* 災, кор. *наппын чон чжо* 나쁜 전조, яп. *вадзавай* 災) знаки, включающие в себя необычные атмосферные явления, небесные феномены, волшебные предметы, диковинные человеческие существа, растения и животные, в том числе в виде монстров.

Говоря о последних, следует заметить, что культура Древнего Китая вообще отмечена стремлением «населить» мир аномальными формами жизни и это отличает ее от культур сопредельной Кореи или Японии. Так, культуре Древней Японии, которая в III в. н. э. только вступила на путь становления своей государственности, был присущ скорее так называемый «наивный натурализм». И в эпоху Яёй (VI в. до н.э. – III в. н. э.) и в сменившую ее эпоху Кофун (III в. – VI в.) мы не найдем и следа той монструозности, которая бросается в глаза, когда знакомишься с культурой Древнего Китая. Семантика монструозности в знаках-портентах Древнего Китая в силу крайней сложности этих образов требует тщательного исследования, поэтому мы решили остановиться только на одном аспекте, а именно – «крылатости».

Медиативность как основное свойство крылатых существ

Реальное крылатое существо – птица – мыслилась существом всепроникающим, вездесущим и, следовательно, всеведущим. В культуре Древней Японии птица представлялась как вестница богов (фазан *Нанаки*) или проводник в мир иной (ворон *Ятагарасу*). Подобное значение образ птицы имел и в ранней культуре Китая. Так, на одном из расписных керамических сосудов китайской неолитической культуры *Яншао* 仰韶, найденном в 1979 году в уезде Линьжу провинции Хэнань, наряду с изображением каменного топора, ритуальная семантика которого – оберег, сопутствующий погребениям, изо-

¹ Гань, Бао. Записки о поисках духов / Гань Бао. – СПб., 2004.

бражена белая цапля, словившая рыбу [1, с. 62]. Оба изображения имеют равную величину, что свидетельствует об их одинаковой сакральной силе¹.

Медиативность, т. е. способность осуществлять коммуникацию между этим миром и инобытием (не только небесным, но и подземным в вертикальной структуре согласно архаической модели мира), – качество разных крылатых существ. По этой причине в народных верованиях и в более сложных религиозных системах древнего и средневекового Китая им отводилась роль проводников, перевозчиков и охранителей душ.

Например, дракон *Ин* (*Инлун* 應龍) представлялся как проводник и перевозчик человека в мир иной. По китайским поверьям, *Ин* обитал в северной части провинции Цзянсу, скрывался в русле высохших рек, имел крылья и мог пролететь сквозь девять небес. В средневековом Китае дракон *Ин* символизировал добродетель и терпение. Согласно *Шань хай цзину* (山海經 «Каталогу гор и морей»), появление дракона *Ин* предвещало засуху, но он же ударом хвоста мог вызвать ливень [2]. *Инлун* запечатлен среди прочих образов крылатых существ на расписном шелковом покрывале или «одеянии для полета», изображающем путешествие души после смерти, которое было найдено в гробнице знатной дамы Дай, скончавшейся в 168 г. до н.э. (пров. Хунань, Мавандуй, около города Чанша) [3; 4]. Изображение дракона *Ин* находится в той части покрывала, которая символизирует верхний мир. Крылья дракона бережно поддерживают человека, уцепившегося руками за серп луны, над которым воспроизведены жаба, белый заяц и чудесный гриб *чжи* – символы бессмертия. Другие драконы, представленные на полотне, связывают три мира. Вознесение символизирует и отображение на шелке человека, сидящего на драконе, которое было найдено в захоронении маркиза И эпохи Чжоу [3, с. 82]. По-видимому, с этой же целью в неолитической культуре Гуншань на северо-востоке Китая нефритовые фигурки свернувшихся драконов помещали на грудь усопшего [3, с. 41].

Так называемая Небесная лошадь или *тяньма* 天馬 переносила даосских святых в обитель бессмертных на горе *Куньлунь* 崑崙. В *Шань хай цзине* о *тяньма* сообщается, что она обитает на горе *Мачэн* 馬成 и видом подобна белой собаке с черной головой и крыльями. В *Нихонсёки* (日本書紀 «Анналах Японии») в разделе царствования Кэйко упоминается белая собака, которая внезапно появилась перед заблудившимся героем *Ямотакэру* и вывела его из смертоносного тумана, который наслал на героя злобный горный бог [5]. В средневековом японском кодексе *Энгисики* (延喜式 «Церемонии годов Энги»), в разделе «Благовещие знамения», *тяньма* описывается уже как крылатая рыжая лисица, испускающая сияние, т.е. как существо огненной природы [6].

¹ Материальным подтверждением того, что птица связана с потусторонним миром и культом предков является и ковш *шао* (неолитическая культура, припл. 3 тыс. лет до н.э.), изготовленный в виде водоплавающей птицы с изображением скелета на внутренней поверхности [См.: Евсюков В.В. Мифология китайского неолита. Новосибирск, 1988, с. 90-91].

Крылатое животное *шуху* 孰湖 знакомо меньше. В *Шань хай цзине* о нем сообщается, что оно имеет лошадиное туловище, птичьи крылья, человечесье лицо и змеиный хвост. Здесь же указывается, что *шуху* любит людей (是好举人). В страсти *шуху* похищать людей усматривается все та же медиативность. Мы знаем, что крылатая богиня зари Эос и крылатый бог северного ветра Борей часто похищали смертных. Своим избранникам они даровали бессмертие, т.е. в акте похищения подразумевается исход человека в инобытийность.

Все это подтверждает наше предположение о том, что в древнем и средневековом Китае крылатые существа наделялись особыми медиативными свойствами.

Крылатые существа как благие знаки.

Благовещими крылатыми животными являлись фениксы, птица *Чжу-няо*, божественная птица *шэнь няо*, дракон, летающий заяц, красный (лазоре-вый) ворон, трехногий ворон [7, с. 456].

Появление крылатого существа могло быть воспринято как откровение, возвещавшее миру о появлении великого человека либо как знак того, что великий муж скоро оставит этот мир.

В *Луньхэн* 論衡 Ван Чун (I в. н.э.) сообщает, что фениксы и цилини обитают вдали от Поднебесной, появляются, когда рождается или приходит к власти добродетельный правитель [7, с. 455]. Птица феникс (*фэнхуан*) «похожа на петуха, пятицветная, с разводами. Узор на [ее] голове похож на [иероглиф] дэ (добродетель), на крыльях – на [иероглиф] и (справедливость), на спине – на [иероглиф] ли (благовоспитанность), на груди – на [иероглиф] жэнь (совершенство), на животе – на [иероглиф] синь (честность). Она ест и пьет, как обычная птица. Сама поет, и сама танцует. Когда [ее] увидят, в Поднебесной наступят спокойствие и мир» [2, с. 32, 127].

Благовещим знамением могла быть птица *Чжу-няо* 朱鳥 (*Чжу-цяо* 朱雀) – символ юга в китайской традиции. Многочисленные рисунки *Чжу-няо*, напоминающей *фэнхуана*, нанесены на могильные рельефы рубежа нашей эры. В древности *Чжу-няо* изображали на знаменах, которые несли впереди войск (юг считался наиболее почетной стороной света) [7, с. 728]. В китайской традиции очевидна связь крылатых существ с Солнцем, символом которого служит трехногий ворон *саньцзу* 三足鸟 или солнечный ворон *ян у* 阳鸟: 阳鸟: «В Долине Кипящих ключей растет дерево Фу. Как только одно солнце заходит, другое солнце всходит. Каждое несет на себе воронов» [2, с. 112]. Один из самых популярных мифов рассказывает, как десять братьев-солнц одновременно появились на небе, уничтожая своими испепеляющими лучами все на земле. Божественный герой – Охотник *Хоу И* 后羿, – стреляя из лука, сбил лишние солнца; на землю при этом падали золотые перья¹.

В архаических представлениях китайцев достаточно устойчивым является мотив, когда героине снится, что она глотает солнце или луну. Миф рассказывает, что у верховного правителя Ди-ку была жена из рода Цзоуту. Ей часто снилось, что она глотает солнце. Вслед за таким сном она рожала сына.

¹ Сравните: крылатые солнца египтян, русская жар-птица.

Всего она видела восемь таких снов и родила восемь сыновей. Все их называли восьмью божествами [8, с. 155]. В более поздней традиции подобный сон являлся предзнаменованием рождения неординарных детей: «Солнце и луна – есть семена сил: темной Инь и светлой Ян. Они вместе – знак наивысшей знатности» [9, с. 133].

У южных народностей Китая существуют представления, что движением дневного светила своим криком управляет петух. В первый день второго месяца отмечали праздник Чжун Хэ 中和 (Середины и Согласия) и поклонялись божеству солнца Тайянгу 太陽宮. На жертвенном столике ему подносили специальное «солнечное печенье» из рисовой муки, украшенное фигуркой петуха. Такие подношения нередко сопровождалась петушиными боями [10, с. 34].

Зловещие знамения с участием крылатых существ

Много примеров такого плана донес до нас главный памятник по китайской мифологии – *Шань хай цзин*. Здесь описывается большая группа зловещих знамений с участием крылатых существ: птиц, змей, рыб, лис и т.д., предвещающих войны, пожары, гибель царств, засуху.

Особенно часто встречаются предзнаменования засухи. В «Каталоге Западных гор» вспоминается «птица, похожая на сову, но с человеческим лицом, туловищем обезьяны и собачьим хвостом...» [2, с. 49], а в «Каталоге Восточных гор» – «птица, схожая с петухом, но с шерстью, как у мыши. Она называется мышью цзы» [2, с. 61]. В том городе, где их увидят, «быть большой засухе». «Каталог» описывает птицу, похожую «на пчелу, но величинной с утку-мандаринку. Называется циньюань. Клюнет птицу или зверя, [те] погибнут, клюнет дерево, [оно] засохнет» [2, с. 43]. Подобными качествами обладал и бык фэй «со змеиным хвостом: ступит в воду, она высыхает, ступит по траве, она увядает». Его появление в Поднебесной, предвещало и мор [2, с. 67].

В *Шань хай цзине* нередко упоминаются крылатые змеи. Змея фэйи 肥遺 «с шестью ногами и четырьмя крыльями. Когда она появляется, в Поднебесной бывает большая засуха» [2, с. 34; ср. прим. с. 142]. В «Каталоге Центральных гор» рассказывается о гремучих змеях: «они похожи на обыкновенных змей, но с четырьмя крыльями. Издаваемые ими звуки напоминают шум трущихся камней» [2, с. 70]. Засуху предвосхищало и появление другой крылатой змеи – тяюун 條庸. В письменном памятнике Юй пянь чун бу 玉篇虫部 змея тяюун описывается как существо желтого цвета с крыльями, подобными плавникам рыбы [цит по: 11]. В *Шань хай цзине* о тяюун сообщается, что змея эта обитает в болотах, простирающихся к юго-востоку от горы Душань. Она испускает свет и предвещает великую сушь. Светозарность змеи тяюун несомненно указывает на огненную природу этого существа. Го Пу в комментарии к «Каталогу гор и морей» (*Шань хай цзин ту цзань шан*) указывает: тяюун – это ничто иное, как огненное знамение (*ши вэй хо сянь*) [цит по: 11].

Похожее свечение испускала и рыба хуа с крыльями, как у птицы. В «Каталоге Восточных гор» о ней говорится: «Когда она погружается в воду

или показывается из нее, сверкает свет. Крик ее подобен утиному. Появление ее – к большой засухе в Поднебесной» [2, с. 67].

Появление крылатой лисицы биби 獬豸 также предвещало великую засуху [2, с. 64]. Гуанюнь 廣韻 добавляет, что биби предвосхищала потрясения, зло и развал в Поднебесной [11].

Другое существо, предположительно огненной природы – ханьшоу 旱獸, описано в Саньцайтухуэй 三才圖會. Его имя может быть переведено как Зверь-Засуха. Ханьшоу похоже на грифона: это хищник с клювом и крыльями. От грифона его отличает тигриная масть. Появление ханьшоу предвещало засуху [11].

Архаичность дошедших сведений подтверждается амбивалентностью древнекитайских представлений: такие существа могут вызывать не только засуху, но и наводнения: змеи хуа с крыльями, как у птиц [2, с. 70]; птицы маньмань, похожие на дикую утку, но с одним глазом и одним крылом [2, с. 40]; красная птица, похожая на фазана синьюй [2, с. 44]; рыба ло, с крыльями птицы, которая кричит как утка-мандаринка [2, с. 48].

Подобная амбивалентность прослеживается и в способности, с одной стороны, предвещать войну, гибель царства, с другой – предотвращать несчастья, что связано с представлениями о возможности влияния подобного на подобное («птицы юй. Похожи на мышей, но с птичьими крыльями, блеют, как бараны. Ими можно предотвратить войну» [2, с. 50]; «птица, похожа на петуха, но с человеческим лицом. Фуси. Где ее увидят, будет война» [2, с. 39]; «красная собака по имени Небесный пес. Куда она спустится, быть там войне» [2, с. 120]; «желтая и зеленая птицы. Где они соберутся вместе, погибнет царство» [2, с. 120; то же с. 97]; «птица, напоминающая змею, но с четырьмя крыльями, шестью глазами и тремя ногами...суаньюй. В городе, где ее увидят, испытают сильный страх» [2, с. 57]; «птица, похожая на сову, но одноногая, с хвостом, как у кабана. Называется цичжун. Где ее увидят, быть в том царстве большому мору» [2, с. 86].

Дополнением к приведенным примерам может служить миф, помещенный в «Каталоге»: «...Гора-Колокол. Ее сын носит имя Барабан (Гу). У него человеческое лицо и туловище дракона. Он вместе с Циньпэй убил Речного бога Бао (Баоцзяна) на южном склоне горы Куньлунь. Тогда Предок (Ди) казнил их на восточном склоне Горы-Колокол, называемом Бelaya скала. Циньпэй превратился в большую скопу, похожую на орла с черными разводами, белой головой, красным клювом и когтями, как у тигра, ее крик подобен утреннему крику лебедя. Когда появится, быть большой войне. Барабан тоже превратился в птицу – цюнь, похожую на ушастую сову. У нее красные лапы, прямой клюв, желтые разводы и белая голова. Ее крик напоминает крик лебедя. В том городе, где она появится, быть большой засухе»¹ [2, с. 41].

В Шань хай цзине неоднократно указывается, что крылатые существа могут служить оберегом от пожара (пример симпатической магии: нейтрализа-

¹ Среди птиц, являющихся символами знамений, много хищников чжи, видом напоминающих сов.

ция подобного подобным): красные фазаны [2, с. 34]; птицы *минь*, похожие на зимородков, но с красным клювом [2, с. 35]; птицы *лэй*, по виду как сороки, но черно-красного цвета, с двумя головами и четырьмя ногами [2, с. 38]; птица *цючжи*, похожая на сову, но с красным телом и белой головой [2, с. 83]; птица *чжиюй*, похожая на ворона, с красными лапками [2, с. 90]; рыба *сиси*, похожая на сороку, но с десятью крыльями, покрытыми чешуей [2, с. 50].

Огненная природа прослеживается и в способности крылатых существ оберегать от грома: «птица, похожая на сову, но у нее человеческое лицо и одна лапа. Называется тофэй... Будешь носить на себе ее [перья?], перестанешь бояться грома» [2, с. 36]; если сделать подвеску из летучей рыбы, похожей на поросенка, с красными полосами, «не будешь пугаться грома, противостояшь врагу» [2, с. 71]; от солнечного удара: птицы *бань-мао*, похожие на воронов, но с человеческими лицами. Ночью они летают, а днем прячутся. Если съешь их, то излечишься от солнечного удара [2, с. 54]; излечить от сухости кожи может «птица тунцюй, похожая на черного фазана: черное туловище и красные лапы» [2, с. 34].

Огненная природа крылатых существ. Связь с Солнцем и планетой Марс

Способность крылатых существ выступать в качестве перечисленных выше знаков мы видим в связи их со стихиями воздуха и огня.

Представление о птице, как существе, связанном с солнцем и обладающем огненной природой, было широко распространено в Китае. Народность *гаошань* 高山 почитала в образе птицы бога огня. В одном из преданий *гаошань* говорится, что люди отправили птицу, которая кричала *као юэ и си*, добывать огонь. Она сумела добыть огонь, но в пути опалила клюв и не принесла его людям. Тогда отправили другую птицу *у ху гу* 烏胡古, которая благополучно доставила огонь. Люди в благодарность уступили птице рисовое поле и с тех пор почитают ее как благодетельницу человека. В другом предании рассказывается о хранительнице огня – бескрылой птице *фэйло* 飛羅: в древние времена люди были крылаты, но не имели огня. В горах в гроте бескрылая птица *фэйло* грелась у огня. Люди узнали об этом и предложили ей обменять огонь на крылья. Обмен состоялся, птица взмыла в небо, а люди остались без крыльев, но обрели огонь [12, с. 123]. О связи птицы с огненной стихией в *Тай-пин юй лань* (太平御覽 «Августейшее обозрение [периода] Тай-пин») говорится следующее: «На западе обширной пустыни есть страна *Суймин* 燧明国. В этой стране растет огромное дерево, которое затмевает свет солнца, луны и звезд. Но в стране этой совсем не мрачно. Большие птицы с черной спиной и белым брюшком бьют клювом по стволу дерева и высекают яркие огни, освещающие этот мир...» [12, с. 123]. Народность *лису* 僂僂 поклоняется богине-прародительнице – Пернатой Деве *хуа цы ма* 花茲瑪. *Лису* верят, что Пернатая Дева научила людей добывать огонь и помогла обустроить этот мир [12, с. 120].

В даосском памятнике II в. до н.э. *Хуайнань-цзы* (淮南子 «Учителя из Южного Заречья»), где приводится классификация по пяти сторонам света,

сказано: «Юг – это огонь. Его бог-первопредок – Янь-ди (Пламенеющий бог-первопредок), т.е. Шень-нун (Божественный/Священный земледелец), чей помощник – Чжу-мин (Красный свет), т.е. Чжу-жун, правнук Янь-ди. Он держит в руках весы и управляет летом. Его дух – звезда Инхо (Марс). Его животное – Красная птица (Чжу-няо, отождествляемая с фениксом (Чжу-цяо) или Красно-черной/Пурпурной/Таинственной птицей (Сюань-няо), предком-тотемом племени («династии») Инь...»)» [13, с. 53; 7, с. 111]. То есть, птица связана с югом, управляемым богом Солнца¹ и находящимся под покровительством планеты Марс.

Образ пернатого божества – устроителя мира – присутствует и в древнеяпонской мифологии. Божество Сукунахикона предстает в облике мальчика в одеянии из шкурок птицы *мисодзай* или крапивника [5]. Мальчик Сукунахикона – озорник, любит шутки, пение; древние японцы почитали его и как духа вина. Образ этого божества сформировался не без влияния древнекорейской и древнекитайской культуры. Об этом свидетельствует астрологический раздел, помещенный в средневековой династийной хронике *Суйшу* (隋書) (581-618), в которой сообщается, что эманация планеты *Суйсин* 歲星 (Юпитер) является на землю в образе благородного мужа, планеты *Чжэньсин* 真星 (Сатурн) – в образе почтенной дамы, планеты *Тайбай* 太白 (Венера) – в облике мужа в расцвете лет, живущего в уединении, планеты *Чэньсин* 晨星 (Меркурий) – в облике дамы. Здесь же сообщается, что планета *Инхо* 螢惑 (Марс), сошествуя на землю, обретает облик мальчика, озорного и любящего пение.

Таким образом, в Древнем Китае огонь ассоциировался не только с Солнцем, но и с Марсом, а существа, обладающие способностью летать, представлялись как эманация сил планеты Огня или *Инхо*.

Об этой планете в хронике говорится, что она управляет югом, повелевает огнем, отвечает за летние месяцы и следит за правильным исполнением ритуалов *ли* 禮. «*Стихия пламени, когда она чиста – это установления. [...] Стихия пламени, когда она грязна – это развратность*» [9, с. 159]. Если в государстве ритуалы исполняются дурно – стихия огня «вырывается на волю» и образуется «конденсат зла», известный в Китае под названием *бинци* 兵氣 – багровое свечение, несущее гибельные погодные аномалии и предвещающее смену династии. В хронике *Синь тан шу* (新唐書 «Новая книга [об эпохе Тан]»), в астрологическом разделе, помещено следующее: «*Девятый год эры Чжэньгуань, четвертый месяц, день старшего огня и лошади. Планета Гуанхо [= Инхо] ворвалась в созвездие Сюань юань². Десятый год эры Чжэньгуань, четвертый месяц, день младшей воды и курицы. Гуанхо снова в*

¹ В "Каталоге гор и морей" рассказывается, как существо, причастное огненной природе, стало птицей: «...гора Отпуска птиц на волю (Фацзю)...есть птица, похожая на ворона. [У нее] голова в разводах, белый клюв и красные лапки. [Она] зовется Цзинвэй. Она выкрикивает собственное имя. Это младшая дочь Предка Огня [владыки Юга] по имени Нюйва. Нюйва резвилась в Восточном море, утонула и не вернулась, превратилась в Цзинвэй. [Она] все время носит куски деревьев и камни с Западных гор, чтобы завалить Восточное море» [2, с. 58].

² Сюань юань – созвездие Желтого императора.

созвездии Сюань юань. Совершили гадание. Оракул возвестил, что Гуанхо следит за ритуалом. Если ритуал в забвении – жди потрясений». В самом раннем из дошедших до нас корейском памятнике *Самгук саги* («Исторические записи Трех государств») Ким Бусика (1145 г.) довольно часто встречаются описания аномальных явлений: покраснения воды, земли, облаков. В «Записях Силла», например, сообщается, что в 10-м году правления вана Чабби небо внезапно покраснело, с севера на восток пронеслась звезда, после этого с севера напали войска Когурё. Однажды ночью появилось багровое сияние, как развернувшийся кусок шелка от земли до неба, затем произошло землетрясение, а в следующем году умер ван [14, с. 118]. «Записи Когурё» свидетельствуют, что в 10-м месяце в Пхеньяне выпал снег кровавого цвета и обострились отношения с Силла и Китаем. В итоге танский полководец совершил два военных похода против Когурё и разгромил его армию [15, с. 114]. В 660-м г. в течение трех дней вода в реке Пхеньян была кровавого цвета, что так же предвещало гибель государства [15, с. 126]. В «Летописях Пэкче» зафиксировано одно подобное знамение, когда после появления на востоке красного облака последовало нападение вражеских войск [15, с. 139].

«Марс служит показателем упадка или повышения нравственности в государстве, производит засухи, побуждает людей к войнам; по изменениям цвета и тем или иным положениям Марса можно делать заключения о предстоящих бедствиях (мятежах, войнах, голоде, море и прочее)» [16, с. 377]. По убеждению китайцев, если планеты видны на небе днем, они всегда предвещают бедствия, при этом Марс сулит войну и пожары [16, с. 378].

Бань Гу в хронике *Хань шу* (漢書 «История [династии] Хань») (цз. 27) пишет, что нарушения, связанные со стихией огня (хо 火) считались вызванными тем, что правитель «отбрасывает законы, прогоняет заслуженных советников, убивает наследников престола и возводит наложниц в ранг жен». «Главным признаком нарушения гармонии стихии огня являлось то, что «зрение правителя не остро» (ши чжи бу мин), а «огонь не горит и не поднимается вверх» (хо бу янь шан). К знамениям этой категории относили непрекращающуюся жару (хэн юй), необъяснимые события, связанные с растениями (цао яо), кары, связанные с птицами (юй чун чжи не), несчастья, связанные с баранами (ян хо), бедствия и знамения, связанные с алым цветом (чи шэн чи сян), заболевания глаз (му кэ), то, что вода вредит огню (шуй ли хо)» [7, с. 683].

Представление об *Инхо* как блюстителе ритуала были известны в Корее и Японии. В *Самгук саги* рассказывается, что в 790-м г. (6-й год правления вана Вонсона) Венера и Марс собрались у созвездия Восточного колодца. От них зависели дожди, а в то время была сильная засуха. В 11-м году правления также была засуха. Только после того, как ван провел амнистию, пошел дождь. В японском средневековом своде *Сёкунихонги* (續日本紀), в разделе «Второй год эры Синки» помещен манифест императора Сёму, в котором говорится: «Когда в Поднебесной забывают о велениях Неба и Правда оставляет сердца – Небеса являют неправильный ход светил, а земля сотрясается. (Но известно Нам также и то, что верными деяниями можно все испра-

вить). В старину иньский государь Гаоцзун вернулся на стези добродетели и злоеющие крики птиц прекратились. Сунский государь Цзигун утвердил праведное правление и остановил злоеющее движение планеты Инхо» [17].

В другом средневековом летописном своде *Нихонсёки*, в разделе 28 год правления императрицы Суйко сообщается: «Видели в небесах красное зарево длиною в один дзё (3 метра), видом подобное фазаньему хвосту» [5]. Красное зарево или *бинци* предвещало скорую кончину регента – праведного принца *Умаядо мико* или *Сётокутайси* и узурпацию власти родом *Сога*. Вера японцев в подобные предзнаменования, несомненно, опиралась на древнюю и средневековую китайскую порtentологию. Так, в астрологическом разделе летописи *Синь тан шу* сообщается: «Третий год эры *Кайчэн*, седьмой месяц, день младшего дерева и овцы. Луна покрыла *Инхо*. Гадали. Оракул возвестил о смерти благородного мужа».

Итак, согласно древним и средневековым памятникам Китая, Японии и Кореи, планета Огня – *Инхо* – представлялась тем центром, из которого инвольтировались знаменья, предвещавшие бедствия и потрясения в стране. Порождения *Инхо* в силу их огненной природы являлись в образе крылатых существ, нередко красного цвета.

Вывод

В древневосточной традиции знамений значительную роль играли образы крылатых существ, по-видимому, в силу их способности свободно преодолевать пространство («опираясь на пустоту») и, как следствие, являться медиаторами между мирами. Это свойство связано с принадлежностью данных существ огненной стихии, являющейся наряду с воздухом бесплотной, идеальной¹. В качестве благих знаков могли выступать немногочисленные крылатые существа, главным образом, красная птица – символ юга, который находится под управлением бога Солнца. Чаще, как правило, крылатые существа выступали знаками, предвещающими волю планеты Марс. Свечение их имеет ту же природу, что и *бинци* или красное зарево планеты *Инхо*. То, что образы крылатых существ, за небольшим исключением, выступали в качестве знаков злоеющих, возможно, связано с особенностями сознания архаичного человека, который в первую очередь обращал внимание на противостественное течение событий, регистрировал факты, выходящие за грани нормы (об этом свидетельствуют многочисленные примеры «Каталога гор и морей»). Позже большое количество дурных знаков стало трактоваться как нарушение Правил, за исполнением которых и следит планета *Инхо*. Интересно, что, по мнению ученых, занимающихся проблемами биополя и биолокации, птицы считывают информацию прямо из космоса. Возможно, древние мифы отразили реальное умение наших предков понимать предсказания крылатых существ.

¹ Об универсальности подобных представлений свидетельствует, например, древнеиндийская традиция. Философская школа *ньяя-вайшешика* выделяет девять первостихий, располагая их в следующей последовательности: земля, вода, огонь, воздух, акаша, время, пространство, душа, разум, где каждый последующий элемент менее материален, веществен, чувствен.

ЛИТЕРАТУРА

1. 明展。1986。中日新聞社。
2. Каталог гор и морей / Перевод Э.М. Яншиной. – М., 1977.
3. *Дебен-Франкфор, К.* Древний Китай / К. Дебен-Франкфор. – М., 2002.
4. *Бирелл, А.* Китайские мифы / А.Бирелл. – М., 2005.
5. 日本書紀。种代 1。小学馆 1994。
6. 延喜式。1973。
7. Духовная культура Китая. – Т. 2. Мифология. Религия. – М., 2007.
8. *Юань, Кэ.* Мифы Древнего Китая / Юань Кэ. – М., 1965.
9. *Гань, Бао.* Записки о поисках духов / Гань Бао. – СПб., 2004.
10. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. – М., 1989.
11. 大漢和辞典。——東京。1989。
12. 中国古代神話与傳説。2004 商務印書館。
13. Хуайнань-цзы. – М., 2001.
14. *Ким, Бусик.* Самгук саги / Ким Бусик. – Т. 1. Летописи Силла. – М., 2001.
15. *Ким Бусик.* Самгук саги / Ким Бусик. – Т. 2. Летописи Пэкче. Летописи Когурё. – М., 2001.
16. Все о Китае. – Т. 1. – М., 2001.
17. 続日本紀。1988。

Китай – страна древней цивилизации и богатого культурного наследия. История философской мысли Китая определяется началом 1-го тысячелетия до н.э. Вполне понятно, что древнейшие представления о мире, о человеке и об обществе были связаны с религиозными воззрениями. В памятниках древнекитайской мысли таких, как «Го юй», «Цзю чжуань» и других, складываются учения об источнике всех вещей, о противоположных силах, объясняющих движение и изменчивость в природе, обществе – *инь* и *ян*.

Для истории философии Древнего Китая особенностью является и создание философских учений о нравственной природе человека. В период IV-III веков до н.э. происходят глубокие изменения в китайском обществе. В области этики на первый план выносятся проблемы о сущности человека. Из множества имен мыслителей Поднебесной наиболее известно учение Конфуция.

Среди философских проблем, учение о небе и небесном велении, понимаемом как сознательно действующая сила, определяющая действия и поступки людей, общественное положение играло важную роль. В своем учении о морали Учитель подчеркивает значимость таких моральных категорий, как *жэнь* (гуманность, под которой понимается и источник, и конечная цель самоусовершенствования нравственности; *жэнь* – это и закон этических и социальных взаимоотношений людей); *ли* (нормы общежития, социальной реальности) представляет конкретное воплощение высшего этического закона, т.е. *жэнь*. Понятие *и* (чувство долга, справедливости) и *синь* (верность, искренность) служат для раскрытия этических достоинств «благородного мужа». Как педагог Конфуций подчеркивал значение воспитания и обучения, понимая это как процесс овладения и постижения этико-политическими нормами и требованиями. Исходя из своих представлений о знании (*чжун*) и учении (*сюэ*) Конфуций разрабатывает систему четырех категорий людей: 1) люди, обладающие знаниями от рождения; 2) люди, получающие знания в процессе учения; 3) получают знания через испытания и трудности; 4) те, кто испытывает трудности, но не учится. Только для людей, относящихся к первой категории характерно стремление к справедливости, для остальных характерно стремление к получению выгоды.

При характеристике «благородного мужа» и «маленького человека» Конфуций использует термины *хэ* и *тун*, имеющие определенные понятия. *Хэ* является символом достижения единства путем столкновения и взаимопреодоления полярных сил. Понятие *тун* рассматривается как покорное единение с однопорядковой силой, исходящей от верховной власти. Принцип *хэ*

становится ценностным критерием формирования «благородного мужа», дает возможность обладать такими чертами, как самостоятельность мышления, активность, умение решать проблемы при праве противной стороны иметь собственное мнение. За понятием *тун* закрепляется содержание принудительного, добровольно-услужливого или бездумного соглашательства

Великий мыслитель подчеркивал в своих рассуждениях и комментариях тезисов Янь Ина идею о праве человека иметь собственное мнение, говорил об опасности принудительного или добровольного единомыслия. Разрабатывая проблему «благородного мужа» и «маленького человека» Конфуций придал характер всеобщности понятиям *хэ* и *тун*, характер ценностных критериев при определении типа личности.

Создавая учение об обществе, Конфуций исходил из тех нравственных категорий и ценностей, которые существовали в китайской общине, но в то же время внес и качественно новое – культ грамотности, знаний. Каждый член общества должен стремиться к знаниям, особенно к знаниям истории своей страны. Допуская определенные возможности в развитии способностей для «благородного человека» и «маленького человека» в сфере образования Конфуций снимал всякие ограничения. «В делах образования не может быть различия в происхождении» [1, с. 297]. Разработав структуру общества на основе отношения к постижению знаний, китайский философ понимал, что знание – это обязательный атрибут здорового общества. Поэтому подчеркивалось и уважительное отношение к профессионалам. Конфуций замечал, что он не может сравниться со старым земледельцем, со старым огородником, так как они обладают большим умением и знанием. Эти положения были началом формирования трудовой этики.

Все критерии нравственности, разработанные Конфуцием, были объединены им в единый поведенческий блок, в основе которого стоял термин *ли* (правила, ритуал, этикет, закон). С этим термином связаны все термины морали. «Преодолеть себя (собственные недостатки) дабы вернуться к *ли*, – это и есть *жэнь*».

Моральные установки общества того периода распространялись и на политику, с чем впоследствии не согласились сторонники легизма. Развивая учение об обществе и государстве, Конфуций проводил интересную мысль, что простой люд в царстве Вэй должен стать богатым, но для этого необходимо воспитывать народ.

Во всех школах конфуцианской направленности учат в обязательном порядке принципам *лунь*, которые связывают отношения отца и сына, мужа и жены, старшего и младшего братьев, руководителя и исполнителя и людей друг с другом. В трактатах Конфуция не употреблялись такие понятия, как «я», «мое» «мне»; причем, эти понятия даже не имели абстрактного содержания. Исходя из особенностей китайского общества, личность рассматривалась только с точки зрения выполнения определенной социальной роли. Свобода человека понималась через свободу других или человек был свободен совместно с другими.

Понятие *жэнь* определяет позицию человека и его возможности в межличидных отношениях. И поэтому *жэнь* определяет отношения между людьми в моральном значении.

Философия Великого китайского мыслителя подчеркивает, что именно мораль и содержание категории *жэнь* как любовь ко всему человечеству формирует права и обязанности человека. В работах Конфуция часто используется положение, принимаемое последователями как фундаментальная заповедь этики: «Если человек почтителен, то его не презирают. Если человек обходителен, то его поддерживают. Если человек правдив, то ему доверяют. Если человек счастлив, то он добьется успехов. Если человек добр, то он может использовать других».

Этика общества по Конфуцию строится по аналогии этики традиционной китайской семьи. Успехи членов семьи воспринимаются всеми членами семьи, как собственные. В идеальной семье цели и жизненные ценности понимаются и принимаются всеми членами, как личные. С позиций конфуцианской морали следует различать собственные интересы и эгоистические интересы, собственные права и эгоистические права. Права человека должны защищать признанные законом в обществе интересы личности. Каждый человек имеет определенные права, разрешенные в обществе, на допустимый протест в обществе. Но не каждый человек имеет собственный законный интерес, допускающий протест по отношению к другим в обществе. Следует различать в этих положениях возможные права и важные права. И поэтому понятно, что члены общины не могут использовать свои права против других членов общины. При защите прав человека общине следует понимать, насколько данный член общины нуждается в предоставляемой ему защите.

Анализируя отношения «отец – сын» приходим к выводу, что право отца проявляется в выборе наилучшего варианта; право сына – беспрекословно подчиниться решению отца. Очевидно, что свободы и права человека не согласуются с этикой отцовского права и заданной моделью ограничения прав и свобод личности.

Идеи конфуцианской философии и морали долгое время выступали как государственная идеология. Но в середине XX века отношения к наследию Конфуция резко изменились и были отвергнуты не только государством, но и обществом. Последнее как раз и есть проявление особенности традиционного восточного общества. После провала «культурной революции» в Китае начинается постепенный поворот к изучению философской системы Учителя. Это проявилось в публикациях статей по основным положениям концепций Конфуция; изучению его трактатов; был создан специальный Фонд Конфуция, задачей которого является систематическое углубленное научное исследование теоретического наследия мыслителя.

Причиной такого крутого поворота к идеям Конфуция является попытка официального Китая обновить государственную идеологию исходя из «китайской специфики». В новых исторических условиях именно конфуцианство оказалось наиболее востребованным как единственно верное и национальное учение.

Задачей современного конфуцианства является проведение параллели между воззрениями Великого мыслителя и современным либерализмом по проблеме прав человека. Хотя в современном либерализме трудно найти полное совпадение конфуцианским положениям.

Традиционное конфуцианство не отрицает свободы выбора бога, право свободы справедливого выбора, свободу самовыражения, свободы сообществ. Конфуцианство использует эти моральные ценности для защиты прав человека. Различие состоит в их толковании западной традицией и конфуцианской. Для западной либеральной традиции характерно право свободы выражения, для конфуцианской – свободы выражения и выбора политики государства. Ряд ценностей либерализма (право быть избранным, государственная демократии) не находят даже описания в понятиях морали конфуцианства. Все, что связано с государственным выбором, связано с решением правителя. Конфуций не отрицает право подчиненного на собственное мнение, но право подчиненного заключается в том, чтобы не выражать публично свой выбор. Конфуцианское право на высказывание направлено на достижение государственных целей через понятие *жень* (под *жень* понимают качества, присущие зрелому человеку: личность, верность, искренность) не соответствует пониманию либерализмом свободы слова.

При решении проблемы выбора между добром и злом в конфуцианстве подчеркивается право человека только на свободу выбора добра для всех, а не на добро для себя. Идея Конфуция в отношении прав были ориентированы на «благородного мужа», а не на «маленького человека». Мыслитель подчеркивал, что права человека не могут отрицаться; права человека не могут использоваться для унижения другого человека; при разрешении конфликта использование права человека выступает вынужденной мерой. Многие положения этического учения Конфуция используются в современных концепциях прав человека: права человека не имеют право на антигуманные и аморальные высказывания и действия, включая и политические конфликты.

Право на свободу высказывания (свободу слова) в современных условиях считается одним из основных. Необходимо определить допустимые формы выражения эти свобод. В странах западной цивилизации это право связано с конституционной защитой. Для стран восточной цивилизации существуют общественные и государственные ограничения. Все виды запретов и ограничений со стороны государства должны носить этический характер и регулироваться обществом по мере необходимости.

Ряд положений, связанных с родительским правом (один из пяти догматов конфуцианства) на законное и моральное право на помощь и защиту, предоставляемые им взрослыми детьми реализуется в странах Юго-Западной Азии. В современных западных странах Конституциями гарантируются право детям на родительскую защиту, но не дает право родителям на такие же действия защиты и помощи со стороны детей. Сторонники конфуцианства подчеркивают необходимость распространения принципа родительского права на уровне международных документов.

Рассматривая конфуцианскую этику в современных условиях, можно провести параллели между идеями Учителя и теоретическими положениями XX-XXI веков. В условиях, когда возникают и расширяются конфликты от межличностных и до международных, конфуцианское учение в качестве значимого средства разрешения конфликтов предлагает использование открытого сопоставления позиций, духовности, доверия и согласия – всех путей ненасильственного разрешения сложных проблем. И для конфуцианства, и для современного либерализма присущи идеи достижения согласия в реализации теории прав человека. Современное толкование учения Великого китайского мудреца возможно только с позиций двух временных отрезков – древнего и современного. И сейчас Западная цивилизация проявила интерес (впервые после Вольтера) к философскому наследию Конфуция, причем не только на уровне теоретического изучения, но и попыток реализации некоторых идей, касающихся концепции прав человека, отношения общества и человека, государства и человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семененко, И.И. Афоризмы Конфуция / И.И.Семененко. – М., 1997.
2. Перемолов, Л.И. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. – М., 1981.
3. Перемолов, Л.И. Конфуций: жизнь, учение, судьба / Л.И.Перемолов. – М., 1993.
4. Буров, В.Г. Современная китайская философия / В.Г.Буров. – М., 1996.
5. История современной западной философии. – СПб., 1997.
6. Ломанов, А.В. Современное конфуцианство / А.В.Ломанов. – М., 1996.
7. Томпсон, М. Восточная философия / М.Томпсон. – М., 2000.

Ю. В. БАЖЕНОВ

КИТАЙСКОЕ КИНО ПОСЛЕ «КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ. ЗАМЕТКИ КИНОЛЮБИТЕЛЯ

Если большинство видов искусства отличается значительной степенью условности, то кино, вслед за художественной литературой, отражает действительность довольно реалистично. По произведениям кинематографа мы можем судить о жизни целого общества и отдельного человека часто гораздо лучше и нагляднее, чем по огромным трудам профессиональных историков, социологов, политологов. Это утверждение применимо, конечно, только к лучшим образцам жанра, которые показывают жизнь по-настоящему реалистично – без идеализации и очернительства, постигая именно ее самую глубинную суть. Знакомство с китайским кинематографом, на мой взгляд (а я постараюсь опираться почти исключительно на фильмы указанного периода, лично просмотренные), позволяет выразить следующее убеждение: за последние десятилетия он достиг именно таких художественных высот, что имеет право называться зеркалом истории и культуры своей страны.

Представим краткий очерк истории китайского кино до периода его расцвета в 1980-е годы. Кинематография в Китае появилась в конце XIX столетия. В 1896 г. один французский предприниматель в шанхайской чайной впервые показал китайским зрителям иностранное кино. С 1905 г., когда в фотоателье «Фэнтай» в Пекине был снят первый китайский фильм по пекинской опере «Динцзюншань», китайская кинематография прошла сложный путь развития. В первые дни своего существования кино приспособлялось к вкусам компрадорской буржуазии. После 1919 г., во время Движения 4 мая, в Китае появились первые фильмы, посвященные борьбе за социальное и национальное освобождение. В 1921 году был снят первый китайский полнометражный художественный фильм «Ян Жуйшэн». В то время национальная кинематография испытывала сильное влияние так называемого «Нового просветительского театра», уделявшего внимание мелодраме, натуралистической и психологической драме. Фильм «Ян Жуйшэн» был поставлен по одной из пьес такого типа. Ранее этой компанией был снят фильм «Несчастные супруги» (в постановке китайского режиссера Чжэн Чжэнцю), положивший начало фильмам о семейной морали. До 1931 г. в Китае было выпущено около 300 кинофильмов.

Значительное влияние на развитие кинематографа оказала борьба против японской агрессии в Китае, начавшейся в 1931 году. Прогрессивная часть работников кино в обстановке всенародного патриотического подъема боролась за создание национального киноискусства. Большая заслуга принадлежала Лиге левых писателей. В 1931 г. была создана независимая киностудия

«Ляньхуа», вокруг которой объединилась передовая и талантливая часть работников кино: режиссеры Цай Чушэн, Сун Юй, Ши Дуншань, актеры Юань Линьюй, Ван Гэнь-мэй и другие. В этом году появляется первый звуковой фильм «Певица Красный пион». В 1941 г. снят первый мультипликационный фильм «Принцесса железного веера», который сразу получил широкую известность.

В годы войны против японских захватчиков (1937-1945 гг.) коллектив студии выпустил ряд художественных фильмов, завоевавших признание многочисленной зрительской аудитории: «Славные сыны и дочери», «800 отважных», «Марш победы», «Возвращение в родную деревню».

В 1935 г. на международном кинофестивале в Москве китайский фильм «Рыбацкая песня» впервые получил международную премию (был удостоен почетного диплома).

Новая страница в истории китайского кино была открыта с образованием КНР. На базе национализированных предприятий в различных районах страны были созданы государственные киностудии. Работники кино обратились в своем творчестве к темам жизни и труда рабочих и крестьян. В 1949 году был снят художественный фильм «Мост», восторженно встреченный китайскими зрителями.

Ряд мастеров кино ставит фильмы, связанные с событиями революционного прошлого Китая. Среди лучших лент того времени художественные фильмы: «Седая девушка», «Стальной солдат», «Срочное донесение», «Дочери Китая», «Дочь партии», «Дунь Цуйжуй», «Мать», «Сын степей», «Песнь пастуха Северной Шэньси».

В этот период экранизируются лучшие произведения китайской литературы: «Семья» и «Ус дракона» по одноименным повестям Лао Шэ и Ба Цзиня; цветные художественные фильмы: «Моление о счастье» по рассказу Лу Синя, «Лян Шаньбо и Чжу Иньтай» по мотивам народной легенды и др. (Фильм «Лян Шаньбо и Чжу Иньтай», снятый в 1953 году, был первым цветным художественным фильмом в Китае).

Многие китайские режиссеры, пришедшие в профессию в 1949-1966 гг., учились в СССР и привнесли советский опыт.

Огромный удар китайскому кинематографу нанесла «культурная революция» (1966-1976 гг.). Деятели кино подверглись давлению и преследованиям как «правые элементы». Почти все киностудии были закрыты. Более 650 кинофильмов, снятых за 17 лет народной власти, были названы «ядовитыми сорняками», а «кино левого фронта» 30-х годов несправедливо игнорировалось. Были прерваны контакты между китайскими кинематографистами и их зарубежными коллегами. История китайского кино была очернена, а огромные достижения кинематографа втоптаны в грязь.

В конце 1970-х – начале 1980-х гг., с преодолением последствий «культурной революции», с нормализацией обстановки в стране и последовавшим экономическим ростом, начинается возрождение национального кино. Воспоминания о печальной истории стимулировали рождение новых культурных школ «раненой литературы» и «литературы переоценки». Большинство дея-

телей китайской культуры сами прошли через «перевоспитание» в ссылке. Были выпущены фильмы, рассказывающие о десятилетии хаоса и о боли, причиненной этой трагедией. Углубленное размышление о недавней истории, критика совершенных грубых ошибок, пропаганда социалистического гуманизма – вот основные лейтмотивы китайского кино того времени. Возвращение человечности, внимание к чувствам простого человека приблизили кино к реальной жизни, помогали ему найти путь к сердцам зрителей. Около половины всех выпущенных в 1980-е годы фильмов было посвящено описанию жизни и пульса эпохи. Все больше кинематографистов обращались к современности, находя в ней источник вдохновения, иллюстрируя процесс реализации политики реформ и открытости художественными методами. Вместе с тем стали появляться и крупномасштабные, костюмные, собственно исторические фильмы, о чем будет сказано ниже. Поколение китайских кинематографистов, начавших творить после смерти Мао Цзэдуна, известно как «пятое поколение». Оно большим образом впитало в себя западное влияние – как в жанровом плане, так и в смысле техники (рассмотрение первых четырех поколений выходит за рамки нашего обзора).

В 1986 г., после длительного перерыва, в СССР был показан первый китайский фильм «Улочка» (снят в 1981 г., режиссер Янь Яньцзянь). Фильм повествует о тяжелой судьбе девушки, которая вынуждена скрывать свой пол во время «культурной революции». Тонко и лирично переданы душевные переживания героини. Фильм показал, что новое китайское кино отказывается от плакатности и наивности, о чем помнили старшие советские кинозрители по фильмам 1950-х гг.

Одним из первых фильмов, получивших признание международного кинематографа, был «Красный гаолян» режиссера-дебютанта Чжан Имоу (в 1987 г. этот фильм получил приз «Золотой медведь» на 38-м Берлинском Международном кинофестивале). За 30 лет своего существования, кроме индийских фильмов, еще ни одна другая азиатская страна не получала премий этого фестиваля. Большой успех для китайского кинематографа. Фильм «Красный гаолян» повествует о любви одного бедного крестьянина и бедной девушки. Действие разворачивается в 20-30-е гг. XX века в старой китайской деревне. И хотя герои неграмотны, может быть, грубы в своих поступках, но они способны на сильные чувства и перед лицом японских захватчиков показывают большую стойкость, мужество и отвагу. Они умирают, но не сдаются. Показательно, что в фильме разрушен и штамп «классового» подхода: вот «мелкобуржуазный элемент» – скупой хозяин харчевни, но перед лицом врага проявляет исключительное мужество, предпочитает быть подвергнутым мучительной казни (с него живьем сдирают кожу), чем по приказу японцев самому содрать кожу с пленного партизана. Фильм оставляет сильное эмоциональное впечатление. Чжан Имоу со временем стал одним из двух крупнейших режиссеров Китая (наряду с Чэнь Кайге), а дебютировавшая в одной из главных ролей Гун Ли стала ведущей киноактрисой страны.

Тема «культурной революции» нашла достойное продолжение во многих художественных фильмах вплоть до 2000-х гг.: «Прощай, моя налож-

ница» – об артистах пекинской оперы / режиссер Чэнь Кайгэ (Фильм получил премию «Золотая пальмовая ветвь» в Каннах 1993 г., а в 1994 г. был признан лучшим зарубежным фильмом на 51-м кинофестивале «Золотой глобус»); «Поселок лотосов» (1986) – о любви ссыльного интеллигента-фольклориста и раскулаченной крестьянки-вдовы, по роману Гу Хуа / режиссер Се Цзинь (фильм удостоен главного приза МКФ в Карловых Варах); «Сосланная» (1998) – о ссыльной девушке из города в Тибете / женщина-режиссер Чэнь Чон (Джоан Чэнь); «И осенью бывает весна»; «Бальзак и портниха-китайночка» (2002 г.) – о ссыльных студентах в деревне / режиссер Дай Сиджи и др. Мы видим на экране натуралистически показанные страдания героев, которые, несмотря ни на что, остаются людьми, демонстрируя высокие душевные качества. На мой взгляд, такие фильмы выгодно отличаются от советской перестроечной «киночернухи» о репрессиях 1930-х гг., в которой царил полный мрак и зрителю не оставляли никакой надежды на счастливый финал.

В китайских фильмах рассматриваемого периода главное внимание уделяется теме повседневной жизни обычных граждан – работе, семейным отношениям, любви и т.д. И эта жизнь показывается реалистически, часто даже критически, но все же в большинстве случаев оптимистично, с верой в завтрашний день, с уверенностью, что большой стране и ее замечательному народу все окажется по плечу. События страны и общества органически показываются через судьбы героев. В качестве примеров можно привести фильмы: «Сельский почтальон» (1999) – история отца и сына, сельских почтальонов в горах / режиссер Хо Цзяньци; «Мои родители» («Дорога домой») (1998) – о любви сельской девушки и учителя; в фильме дебютировала ныне известная актриса Чжан Цзыи / режиссер Чжан Имоу (приз «Серебряный медведь» на 50-м Берлинском МКФ 2000); «Ни одного терять нельзя» («Ни одним меньше») – о проблемах сельской школы, показан контраст между небольшим городом и деревней / режиссер Чжан Имоу («Золотой лев» Венецианского МКФ 1999); «Война из-за развода» («Борьба за развод» (1992)) и «Черные глаза» (1997) / режиссер Чэнь Госина; «Баня» («Душ») – фильм об отношениях взрослого сына с отцом / режиссер Чжан Ян (1999); «Натюрморт» («Мертвая природа») (2006) – о семейных отношениях на фоне строительства ГЭС на р. Янцзы / режиссер Цзя Чжанкэ; «Я останусь с тобой» («Вместе») (2007) – история отношений мальчика-скрипача и его приемного отца / режиссер Чэнь Кайге.

В последние годы развитие рыночных отношений в Китае, наряду с ликвидацией голода и ростом благосостояния, привело и к росту социальных проблем – безработице, значительному имущественному расслоению и обусловленным этим новым отношениям между людьми и т.д. Явление не прошло мимо кинематографа. Появились фильмы:

«Красный пиджак» («Красный костюм») (1999), «Весеннее метро» (2002) – о мужьях, потерявших работу и скрывающих это от жен / режиссер Чжан Ибай; «Потерянные в Пекине» («Яблоко») (2007) – о супружеских парах, находящихся на разных социальных полюсах / женщина-режиссер Юй Ли.

Отдельно хотелось бы отметить фильм режиссера Йен Ли «История Синьхуа» (1993). Это история одной крестьянской девушки Синьхуа в 90-е годы. Действие многих китайских произведений проходит в деревне: в сельской местности по-прежнему живет большинство населения. И жизненные истории молодых женщин часто ставятся в центр повествования. Мне показалось, что этот фильм в чем-то продолжает и развивает тему уже упоминавшегося «Поселка лотосов». В «Поселке...» было показано, как в «культурную революцию» под предлогом борьбы с обогащением некоторых крестьян, разрушались семьи, была покалечена судьба главной героини, объявленной «кулачкой». В «Истории Синьхуа» же показан муж главной героини – настоящий, не «в кавычках» кулак-мирод, разбогатевший за годы реформ. За деньги он покупает жену, подкупает выпивкой всю деревню, направляя в нужное ему русло «общественное мнение». Именно угрозой разорения, а не побоями он морально ломает возлюбленного своей жены, заставляя его отказаться от нее (подручные этого кулака начинают рубить дорогостоящие деревья, которые выращивает молодой человек). Деревенский нувориш, пользуясь невежеством местного начальства, разрушает и старинную башню – памятник архитектуры ради бесплатного кирпича. Так что реформы снова породили и старые проблемы, казалось бы, давно ушедшие с созданием КНР, и кинематограф быстро и точно отразил это.

Через кино стало уделяться внимание и воспитанию общественных, коллективистских, коммунистических идеалов. Так, в 2000 г. режиссером Мао Вейнином был снят 16-серийный телефильм «Как закалялась сталь» по роману Н. Островского, а в 2003 г. У Тяньмином – многосерийный «Овод» по роману Э.Л. Войнич. На съемках, проводившихся на Украине, были заняты украинские артисты, фильмы озвучивались по-русски и лишь потом дублировались на китайский.

В последние годы появились фильмы, рассказывающие о современной жизни национальных меньшинств Китая с их своеобразными традициями, которые поднимались режиссерами до уровня общечеловеческого звучания, например: «Тибетская песня» (2000) – о тибетцах / режиссер Се Фэй; «Свадьба Туи» – о монголах / режиссер Ван Цюаньань (приз Берлинского МКФ 2007); жизнь малочисленных горских народностей Южного Китая показана в упомянутом выше фильме «Сельский почтальон».

Вопрос о создании исторического жанра решался уже в 1980-е гг. Стали сниматься фильмы о разных эпохах многотысячелетней китайской истории. Раны китайско-японской войны продолжают болеть, на экран выходят фильмы о жизни в 1937-1945 гг.: «Нанкин, 1937» / режиссер Джон Ву; «Мою любовь унесла река Хуанхэ» («Любовь на берегу реки Хуанхэ» (1999) / режиссер Фэн Сяонин; «Вожделение» («Любовь – табу», «Осторожно, похоть») (2007) / режиссер Ли Ань, «Дети Хуанши» (совместно с Германией и Австралией (2008) / режиссер Роджер Споттисвуд.

Воссоединение Гонконга (Сянгана) с материковым Китаем в 1997 г. было отмечено масштабным историческим полотном «Опиумная война» (режиссер Се Цзинь, автор «Поселка лотосов») – показана война с Англией

1840-1842 гг., которую Китай в силу военно-технической отсталости проиграл и уступил эту территорию колониальному хищнику. Однако осознание нацией своей силы в конце XX века позволило объективно и без «закомплексованности» показать эту крайне неудачную страницу своей истории.

Очень важным в становлении национального самосознания стало обращение китайских кинематографистов к «истокам» – древней истории государства. У страны с большим будущим – богатое прошлое, которое во многом и предопределило нынешний взлет. Наиболее часто режиссеры и сценаристы обращаются к образу Цинь Шихуанди – первого императора, объединившего весь Китай. Этот император так же популярен у китайских кинематографистов, как Петр I у российских, или Генрих VIII – у английских. Автору этой статьи удалось посмотреть 3 фильма о Цинь Шихуанди: «Тень императора» («Гимн для императора Циньшихуанди») (1996) / режиссер Чжоу Сяовэнь; «Император и убийца» (1999) / режиссер Чэнь Кайге; «Герой» (2002) / режиссер Чжан Имоу. Образ Императора представляется зрителям всех фильмах неоднозначно – показана как его чудовищная жестокость, так и прогрессивные деяния – объединение страны, сплочение китайцев в единую нацию. Мне показалось, что в «Герое» Чжоу несколько полемизирует со своим старшим другом и наставником Чэнем: прежде всего, император Цинь показан как объединитель, и если он тоже зло, то зло неизбежное и меньшее, по сравнению с сепаратистами.

«Мода» на древнюю и средневековую историю (а в Китае это разделение чисто условно по европейской хронологии) продолжается и сейчас. В 2008 г. вышли батальные фильмы «Битва у Красных Утесов» (режиссер Джон Ву) и «Троецарствие. Возрождение дракона» (режиссер Дэниел Ли) о междоусобной войне во вновь распавшемся в 208 г. н. э. Китае.

В ходе своего развития исторический жанр стал постепенно перерастать в историко-приключенческий, где история, по выражению А. Дюма, служит лишь гвоздем, на который вешают платье. К такому жанру можно отнести прекрасные зрелищные фильмы: «Дом летающих кинжалов» («Засада с 10 сторон», «Десятисторонняя засада») (2004), «Проклятье золотого цветка» («Дворцовые интриги», «За сверкающими золотом ширмами дворца») (2006) / режиссер Чжан Имоу; «Убить императора» («Банкет») – вольная интерпретация «Гамлета» В. Шекспира) (2006) / режиссер Фэн Хьяоган; «Императрица и воины» (2008) / режиссер Чинг Сиутун.

Китайское кино неоспоримо признано в мировой кинематографии и является одним из ведущих на Земле. Оно удачно сочетает отражение на экране национальных и общечеловеческих ценностей и с каждым годом завоевывает все большее число зрителей в разных странах мира.

Говоря о переводе стихотворных произведений с любого языка, английский поэт XVII в. Джеймс Хауэлл писал: «Глядя на серую изнанку ковра, никак не догадаешься о тех причудливых и ярких узорах, которые украшают его на лицевой стороне» [1, с. 139]. Применимо ли это сравнение к переводам китайской классической поэзии? Возможно ли средствами европейских языков передать ее энергетику, многогранность и глубину?

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, рассмотрим, прежде всего, особенности иероглифической системы китайской письменности. В ее основе лежит такая базовая категория китайской культуры, как *вэнь* (文). Этимологическое значение *вэнь* – священная татуировка шаманов и жрецов архаической эпохи. Позднее *вэнь* стало обозначать любой узор или украшение: небесное *вэнь* – это планеты, звезды, созвездия; земное *вэнь* – это горы, долины, следы птиц, узоры на шкуре животных; человеческое *вэнь* – это культура, выраженная в иероглифическом узоре, письменном знаке (само понятие культура передается в современном китайском языке биномом *вэньхуа*, который дословно означает «преобразующее влияние (化) посредством письменного слова (文)» [2, с. 55]). Кроме того, *вэнь* указывает на животворное космическое начало, противопоставляемое разрушительному, губительному началу у (武). В чжоуском трактате «Гуаньцзы» дано следующее определение *вэнь*: «С древности существует *вэнь* и существует военная сила – у. Это и есть основа Неба и земли... Зарождение и рост всего живого – это и есть *вэнь*...» [3, с. 9].

Понятие *вэнь* неразрывно связано с категорией *ли* (理), понимаемой как единый принцип структурирования Вселенной на всех ее уровнях. С нашей точки зрения, аналогичный принцип лежит в основе музыки, танца, живописи, кулинарии, менеджмента, парфюмерии и многих других видов человеческой деятельности. С.М. Эйзенштейн, одно время изучавший японский язык, писал: «Как я был благодарен судьбе, что она... приобщила меня к этому необычному ходу мышления древних восточных языков и словесной пиктографии. Именно тот “необычный” ход мышления помог мне разобраться в природе монтажа. А когда этот ход осознался позже как закономерность хода внутреннего чувственного мышления..., он помог мне разобраться в наиболее сокровенных слоях искусства» [4].

Не следует забывать и о магической функции *вэнь*, его изначальной роли посредника между человеком и высшими силами. Письменный знак воспринимался не только как воплощение «узорчатости» Вселенной, но и как один из способов оказания воздействия на единый, целостный космос. Наделение иероглифов сакральными свойствами сохраняется и в современном

китайском обществе в виде графических талисманов, заклинательных надписей с пожеланиями счастья, удачи, благополучия и т.п.

Для китайской культуры не характерна первичность речи, передающей звуковую оболочку слов, для нее свойственен приоритет именно письменного текста, представляющего собой упорядоченное множество иероглифов. Вспомним слова Конфуция: «Если слова не будут расположены в узоре, они не смогут распространяться»¹ [3, с. 9]. В китайском стихотворении иероглифы расположены в наиболее гармоничном и совершенном узоре, благодаря чему поэзия на протяжении многих столетий занимала главенствующее положение в системе китайской художественной словесности.

Отобразить особенности иероглифики средствами алфавитных систем европейских языков практически невозможно. Как отмечает российская переводчица китайской поэзии О.М. Городецкая в своей статье «Поэтика иероглифа», «фонетический перевод оказывается лишь проекцией на плоскость объемных форм или лишенной изображения звукозаписью “видеоклипа”» [5]. О.М. Городецкая предлагает передавать особенности иероглифического оригинального текста путем введения в перевод если не рисунков, то «особых графически взаимодополняющих шрифтов» [16] либо пиктограмм, восприятие которых не составляло бы трудности для европейца. Однако это лишь проекты, и, насколько нам известно, подобных переводов пока не существует.

Следующей важной проблемой перевода китайской классической поэзии, является тональная система, не характерная для европейских языков. «Тон – это голосовая модуляция звукового состава иероглифа, обязательно имеющая в китайском языке знаменательную функцию» [9, с. 26]. В теории и практике стихосложения тоны распределяются по двум группам: «ровный тон» (平声) и «косые тоны» (仄声), включающую «высокий» (上声), «ниспадающий» (去声) и «входящий» (入声) тоны². «В идеальной системе классического стихосложения допускались всего четыре комбинации чередования иероглифов под “ровным” и “косыми” тонами на уровне одной строки, которые, в свою очередь, образовывали схемы для двустипшия и четверостишия. Общее правило состояло в том, чтобы расположение тонов в первой строке двустипшия было обратным тому, которое применялось во второй строке» [3, с. 26].

В качестве примера тональной комбинации приведем первое четверостишие стихотворения Ду Фу (杜甫) «Весенней ночью радуюсь дождю» (春夜喜雨):

好雨知时节， 仄³仄平平仄
当春乃发生。 平平仄仄平

¹ Сравним с высказыванием французского философа-структуралиста Р. Барта: «...если текст и распространяется, то в результате комбинирования и систематической организации элементов» [6, с. 419].

² Данная система тонов отличается от тонов, существующих в современном китайском языке.

³ Полужирным шрифтом выделены слова, которые могут читаться как «ровным», так и «косым» тоном.

随风潜入夜， 平平平仄仄
润物细无声。 仄仄仄平平

Перевод А.И. Гитовича:

*Добрый дождь –
Свою он знает пору –
И приходит вовремя,
Весною.
Вслед за ветром
Он уйдет не скоро,
Землю
Влагой напоив живою.*

Как мы видим, адекватно передать мелодику китайского оригинала в переводе на любой европейский язык практически невозможно. Лишь отдельные переводчики старались учитывать мелодический рисунок подлинника и отражать его в переводе (например, В.М. Алексеев придерживался такого принципа, как «тон на тон»). Большинство переводчиков выбирают самые различные изобразительные средства, в зависимости от своих индивидуальных предпочтений и опыта перевода.

Не менее существенной особенностью китайской классической поэзии является сочетание максимальной простоты формы, непритязательности, «пресности» (淡) со скрытой глубиной мысли, которую можно выразить с помощью такого понятия, как «таящееся накопление»¹ (含蓄). Сущность «таящегося накопления» описана сунским поэтологом Сыкун Ту следующим образом: «Поэт, ни единым словом не обозначая,/ Может целиком выразить живой ток своего вдохновения./ Слова стиха, например, к нему не относятся,/ А чувствуется, что ему не преодолеть печали» [7].

Рассмотрим стихотворение Ли Бо (李白) «Печаль на яшмовых ступенях» (玉阶怨) и его перевод, выполненный А.И. Гитовичем:

玉阶怨
玉阶生白露，夜九侵罗袜。
却下水精帘，玲珑望秋月。

*Ступени из яшмы
давно от росы холодны.
Как влажен чулок мой!
Как осени ночи длинны!
Вернувшись домой,
опускаю я полог хрустальный
И вижу – сквозь полог –
сияние бледной луны.*

¹ Перевод В.М. Алексеева.

Оригинал стихотворения предельно лаконичен и неопределен, лишь отдельные намеки проясняют читателю смысл стихотворения: «чулок» указывает на то, что героиней является женщина, «ступени из яшмы» подразумевают ступени императорского дворца, следовательно, это стихотворение – о чувствах покинутой наложницы. Однако «кроме заглавия, ничто не называет той тоски, о которой идет речь» [7].

Для китайских поэтических произведений также характерно широкое использование прямых или косвенных цитат, аллюзий, словесных клише и других форм так называемых «дяньгу» (典故), т.е. обращений к предшествующим письменным источникам. В подлиннике «дяньгу» никак специально не выделялись, что зачастую приводило к созданию множества пояснений и примечаний, сделанных разными исследователями и порой не просто не совпадающих, но и противоречащих друг другу.

Глубина мысли, скрытая за простотой формы, частое использование *дяньгу*, различные интерпретации стихотворений, несомненно, затрудняют восприятие китайской поэзии и еще более затрудняют ее перевод. Для полного понимания оригинального текста, переводчик должен обладать большой эрудицией, а для отображения полисемантической стихотворения – умением сопроводить перевод исчерпывающим, однако не слишком тяжеловесным комментарием.

Важнейшей проблемой является частое несоответствие основным требованиям, предъявляемым к переводу художественных произведений, а именно: точности и художественной выразительности. На практике они часто вступают в противоречие, поэтому для одних переводов характерна максимальная точность, однако отсутствует художественная выразительность: перевод оказывается «буквально верен, но поэтически неверен» [1, с. 137]. Или, напротив, перевод отличается поэтичностью, но является результатом не столько перевода, сколько «соавторства» поэта и переводчика, и в ряде случаев голос переводчика оказывается сильнее, чем голос автора. Очевидно, что для адекватного перевода характерно оптимальное соответствие обоим требованиям. Поэтому для анализа переводов китайской поэзии мы предлагаем выделять такие критерии, как семантический и поэтический.

Семантический критерий отражает степень смысловой точности перевода. В рамках данного критерия выявляются и анализируются:

- смысловые искажения;
- лексические и синтаксические трансформации: сокращения, расширения, функциональные замены и перестановки;
- способы перевода «дяньгу», реалий, идиом;
- полнота раскрытия и точность отражения всех смысловых пластов оригинала, «документальность» [8, с. 71] переводного текста.

В качестве метода исследования может служить сравнительный анализ оригинала и перевода, а также сопоставление переводов, выполненных на один или несколько языков.

Поэтический критерий призван помочь нам определить, сохраняет ли перевод экспрессивность и эмоциональное воздействие оригинала, способст-

вуют ли выбранные изобразительные средства превращению перевода в целостное поэтическое произведение. Данный критерий включает следующие параметры:

- образная основа подлинника и перевода;
- стилистические средства;
- формальные параметры: ритм, размер, рифма, метрико-композиционных единицы;
- художественно-композиционные приемы: тавтофоны, аллитерации, гноссолалии, параллелизмы;
- целостность переводного текста, «единое поэтическое впечатление» [8, с. 74].

В качестве методов исследования мы предлагаем методы литературного анализа. Для оценки целостности и художественной выразительности перевода возможно проведение психолингвистического эксперимента.

Выполним краткий анализ стихотворения Ван Вэя (王维) «Осенний вечер в горах» (山居秋暝) и его переводов на английский, русский и белорусский языки.

Оригинал

山居秋暝

shan ju qiu ming

空山新雨後，天氣晚來秋。

Kong shan xin yu hou, tian qi wan lai qiu.

明月松間照，清泉石上流，

Ming yue song jian zhao, qing quan shi shang liu,

竹喧歸澗女，蓮動下漁舟。

Zhu xuan gui huan nü, lian dong xia yu zhou.

隨意春芳歇，王孫自可留¹。

Sui yi chun lao xie, wang sun zi ke liu.

Подстрочник

Жизнь в горах/горное жилище осенние сумерки

Пустые/пустынные/*тихие*² горы после нового/*недавнего* дождя,

Дыхание неба/Погода вечер приходит осень.

Ясная луна среди сосен светит/смотрит,

Чистый/прозрачный родник по камням течет,

Бамбук шумит возвращаются стиравшие одежду женщины,

Лотосы двигаются/*качаются* [*плывет*] вниз [*по реке*] рыбацкая лодка/лодки.

¹汉代淮南小山“招隐士”有“王孙游兮不归，春草生兮萋萋”和“王孙兮归来，不可以久留”二句 — в поэме Хуайнань-Сяошаня «Призывание сокрывшегося от мира» (эпоха Хань) есть строки: «О внук князя, тот, кто ушел и не вернулся! Минуло время, когда осенние травы были пышны» и «О внук князя, приди же, вернись! Среди гор человеку нельзя оставаться так долго!» [3, с. 91].

² Курсивом в подстрочнике выделены переводы истолкований слов и выражений, выполненных китайскими комментаторами в источниках [5], [10].

По своему желанию/пусть/хотя весенний аромат [цветов и трав] исчез,
Внук князя сам/я/конечно может остаться [в горах].

Переводы

Translated by William P. Coleman	Перевод А.И. Гитовича	Аўтарскі пераклад
<p>Living in the Mountains, Autumn Darkness The mountain air is clean after new rain; the evening sky breathes of coming autumn. The moon light clarifies the spaces between the pines; pure water wells up through the rocks. The bamboos sound with washer women going home, and lotuses part under the fishermen's boats. Following the pattern, the blossoms of spring come to rest: even a man of duty can be allowed to remain here [9].</p>	<p>Осенью в горах Дождь кончился, И небо чистым стало. Но по прохладе чужь: Скоро осень. Ручей стремится, Огибая скалы, Луна восходит Среди старых сосен. Вдали я слышу Женщин разговоры, Уж поздно – надо К дому торопиться. Пускай цветы Совсем увянут скоро, – Я здесь останусь, Не вернусь в столицу [3; с. 242-243].</p>	<p>Восеньскі вечар ў гарах Апусцелыя горы, Дождж нядаўна спыніўся, Ціхі восеньскі вечар Хутка у горы спусціўся.</p> <p>Светла месяц у хвоях Між галін пазірае, Ручаінка празрыста Па каменні збягае.</p> <p>Між бамбука жанчыны Ідуць, адзенне памыўшы. Па рацэ плыве човен, Лотас паварушыўшы.</p> <p>І няхай знік даўно Цеплы водар вясновы, Я адзін, але тут Застануся ўсе роўна¹.</p>

Анализ стихотворения:

В стихотворении «Осенний вечер в горах» (дословный перевод заглавия – «Жизнь в горах/горное жилище осенние сумерки») Ван Вэй рисует осенний пейзаж в стиле «гор и вод» (山水), в котором присутствуют его традиционные атрибуты:

- «пустынные горы» (空山);
- «ясная луна» (明月);
- «прозрачный источник бежит по камням» (清泉石上流);
- «исчез весенний аромат [цветов и трав]» (春芳歇).

Поэт добавляет в описание осеннего вечера бытовые зарисовки: «плывут вниз [по реке] рыбацкие лодки» (下漁舟), «возвращаются женщины, стиравшие одежду» (歸澣女), звуки их голосов и шелест бамбука нарушают тишину вечерних гор.

Важную роль играют последние строки стихотворения 隨意春芳歇, 王孫自可留 (хотя исчез весенний аромат,/ внук князя может остаться в горах), содержащие аллюзию на строки поэмы Хуайнань-Сяошаня «Призывание сокрывшегося от мира»: «О внук князя, приходи же, вернись! Среди гор человеку нельзя оставаться так долго!» Лирический герой Ван Вэй дает своеобраз-

¹ Аллюзия на рядок «Унук князя, вяртайся, сярод гор заставацца нельга гэтак надоўга» з паэмы Хуайнань-Сяошаня «Заклік да таго, хто схаваўся ад свету» (II ст.).

ный «ответ» герою поэмы Хуайнань-Сяошаня: *внук князя может остаться в горах*, т.е. «я останусь здесь, в горах», «я стремлюсь к уединению».

Поэт несколькими штрихами воссоздает атмосферу осеннего вечера в горах, чувство спокойствия и умиротворенности, неразрывного единства природы и внутреннего мира человека.

Анализ переводов в рамках семантического критерия:

В представленных переводах значительных смысловых искажений нет, однако встречается ряд неточностей. Например, «*lotuses part under the fishermen's boats*» (лотосы расступаются под рыбацкими лодками), тогда как в оригинале – 蓮动下渔舟 (лотосы качаются плывут вниз [по реке] рыбацкие лодки); «*Вдали я слышу /Женщин разговоры,/Уж поздно – надо /К дому топотаться*» (в оригинале 竹喧歸澣女 – бамбук шумит возвращаются стиравшие одежду женщины); «*Ціхі восеньскі вечар/Хутка ў горы спусціўся*» (в оригинале 天氣晚來秋 – Дыхание неба/Погода вечер приходит осень).

В переводах утрачены некоторые определения: 明月 (ясная луна) – «*the moon light*» (свет луны), «луна»; 空山 (пустынные/тихие горы) – the mountain air (горный воздух); 漁舟 (рыбацкая лодка/лодки) – «човен». В переводе А.И. Гитовича не отражена строка оригинала 蓮动下渔舟. Встречаются определения, отсутствующие в подлиннике: «*среди старых сосен*» (松间 – среди сосен), «*цеплы водар вясновы*» (春芳 – весенний аромат).

Буквально переведенное У.П. Коулманом сочетание 新雨 (new rain) является абсолютно адекватным, т.к. английское слово «new», в отличие от русского слова «новый», имеет значение как “новый”, так и “недавний”.

Аллюзия на строки поэмы Хуайнань-Сяошаня «Призывание сокрывшегося от мира» раскрыта лишь в белорусскоязычном переводе и оформлена с помощью сноски. В двух других переводах передан лишь буквальный смысл последней строки.

Среди представленных переводов наименьшая точность свойственна русскоязычному переводу: в нем встречаются утраты либо замены не только отдельных сочетаний, но и целых строк подлинника. Для англоязычного и белорусскоязычного переводов характерна большая близость к оригиналу. Аллюзия, содержащаяся в последней строке стихотворения и скрывающая важный семантический подтекст, в англоязычном и русскоязычном переводах не раскрыта, что является их существенным недостатком.

Анализ переводов в рамках поэтического критерия:

Образная основа подлинника отображена в переводах довольно точно. У.П. Коулман переводит строку 天氣晚來秋 (Дыхание неба вечер приходит осень), используя очень живописный образ «*the evening sky breathes of coming autumn*» (вечернее небо дышит наступающей осенью), который встречается в поэзии разных стран: например, «Уж небо осенью дышало...» А.С. Пушкина. В русскоязычном и белорусскоязычном переводах появляются такие образы, как «*я адзін*», «*по прохладе чуешь*», «*не вернусь в столицу*», – они отсутствуют в тексте оригинала, однако их смысл можно извлечь из контекста стихотворения.

Параллелизм строк 明月松間照，清泉石上流 (ясная луна среди сосен светит, чистый источник по камням течет) более или менее точно отражен во всех переводах: «*the moon light clarifies the spaces between the pines; /pure water wells up through the rocks*» (лунный свет проясняет/освещает промежутки между соснами; /чистая вода бьет ключом среди скал), «*Ручей стремится, /Огибая скалы. /Луна восходит /Среди старых сосен*»; «*Светла місяц у хвоях /Між галін пазірае, /Ручайка празрыста /Па каменні збягае*».

В данных строках оригинала также использован прием глоссолалии (употребление иероглифов, имеющих одну и ту же графему). Например, в строке 明月松間照 (ясная луна среди сосен светит), графемы, обозначающие свет (солнце, луна, огонь), входят в состав четырех иероглифов из пяти: 日 (солнце) – составная часть трех иероглифов (明, 間, 照), 月 (луна) – двух (明, 月, – не считая иероглифа 間, вариант написания которого вместо элемента «солнце» включает элемент «луна»), графема 灬 (огонь) входит в состав иероглифа 照. Все эти элементы акцентируют внимание на яркости лунного света. В англоязычном переводе глоссолалия отражена при помощи сочетания: «*the moon light clarifies*» (лунный свет проясняет/освещает), в белорусскоязычном переводе – «*светла місяц*», в то время как в русскоязычном переведено лишь слово «луна».

В создании цельного поэтического произведения важную роль играют выбранные формальные параметры, при этом важен не какой-либо отдельно взятый параметр, а их гармоничное взаимодействие. Отсутствие рифмы и единого ритмического рисунка в англоязычном переводе препятствует целостности и его восприятию как полноценного поэтического произведения. Русскоязычный и белорусскоязычный переводы, с присущими им рифмой, мелодикой и ритмом, напротив, больше соответствуют требованиям поэтики, однако уступают англоязычному переводу в точности.

Перевод, совмещающий в себе свойства «документа» и поэтического произведения, становится не только адекватным переводом, но и полноценным художественным текстом, функции которого намного шире, нежели просто передача информации. В статье «Семиотика культуры и понятие текста» Ю.М. Лотман выделял в социально-коммуникативной функции текста не только общение между адресантом и адресатом, но и общение читателя с текстом, культурной традицией и с самим собою, а также общение текста с культурным контекстом. Проявляя интеллектуальные свойства, высокоорганизованный текст перестает быть лишь посредником в акте коммуникации. Он становится равноправным собеседником, обладающим высокой степенью автономности: «в этом отношении древняя метафора “беседовать с книгой” оказывается исполненной глубокого смысла» [11, с. 131]. Текст не только отражает особенности модели мира, свойственной для того или иного народа, и выполняет функцию коллективной культурной памяти, но и актуализирует определенные стороны читателя, способствует перестройке его личности. И для автора, и для читателя текст может выступать как самостоятельное интеллектуальное образование, играющее активную и независимую роль в диалоге.

Для того чтобы перевод превратился в полноценный художественный текст и выполнял указанные функции, от переводчика требуется умение проникнуть во внутреннюю структуру стихотворения, познать его глубинные связи и отобразить их средствами другого языка таким образом, чтобы возникло гармоничное целостное произведение.

Как отмечал В.М. Алексеев, «китайская поэзия – это синтез ученого с художником» [8, с. 22]. В той же мере эти качества необходимы и ее переводчику, ведь он сталкивается с рядом трудноразрешимых проблем, вызванных переводом иероглифической системы в фонетическую, отсутствием в европейских языках тональной системы, трудностями в интерпретации оригинального текста. Соединение научной точности и творческой интуиции поможет переводчику максимально полно передать полисемантичность и экспрессию китайской классической поэзии. Возможно, тогда ее переводы приблизятся к подлинникам и не будут сравнимы с «серой изнанкой ковра».

ЛИТЕРАТУРА

1. Чуковский, К.И. Высокое искусство / К.И. Чуковский. – М.: «Художественная литература», 1941. – 260 с.
2. Торчинов, Е.А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного / Е.А. Торчинов. – СПб.: «Азбука-классика», «Петербургское Востоковедение», 2007. – 480 с.
3. Кравцова, М.Е. Хрестоматия по литературе Китая / сост. М.Е. Кравцова. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 768 с.
4. Городецкая, О.М. «Поэтика иероглифа» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.baruchim.narod.ru/Gorodetskaya.html>.
5. 中国古代文学选读/刘广和、叶君远主编。—北京：人民文学出版社，2002。
6. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт; пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 616 с.
7. Сунский поэтолог Сыкун Ту (о китайской поэзии) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.usc.edu/dept/las/sll/rus/ess/bib156.htm>.
8. Алексеев, В.М. Китайская литература / В.М. Алексеев. – М. Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1978. – 596 с.
9. Translated by William P. Coleman [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://williampcoleman.wordpress.com/2008/02/29/wang-wei-living-in-the-mountains-autumn-darkness/>
10. 中国古代文学·诗歌卷/王庆云等编著。—北京：话语决出版社，2005。
11. Лотман, Ю.М. Избранные статьи / Ю.М. Лотман. – Таллин, 1992. – Т.1. – 536 с.

В настоящее время по-новому актуальным является творческая проблема сохранения национальных традиций и приобщения к самым широким интернациональным инновациям. Попытки культурной изоляции обычно приводит не к желанному лидерству, а к досадному отставанию. Очень остро такие проблемы ставились в китайском искусстве в конце XIX – начале XX в. Многие прогрессивно мыслящие деятели искусства были солидарны в том, что нельзя отгородиться канонами классического искусства прошлых столетий от западных влияний, которые все больше завоевывали признание в мире. Невозможно было не признать истину в том, что постоянное повторение на протяжении столетий одних и тех же традиционных методов изображения лишало произведения китайского искусства жизненной убедительности, сопричастности с проблемами времени их создания.

Преодолевая многие сомнения и предрассудки, китайские мастера изобразительного искусства приступили к изучению западного художественного опыта. На первоначальном этапе ведущую роль сыграл г. Шанхай, где в начале XX в. появляются художественные школы, практикующие европейские методы обучения рисунку и живописи. Широко признанным становится учеба современным законам искусства за пределами Китая: в Японии и разных странах Запада. В конечном итоге китайское изобразительное искусство стало значительным явлением в современном глобальном творческом процессе. Творчество многих современных китайских художников известно сегодня во всем мире.

Одним из патриархов национального искусства XX в. стал великий мастер каллиграфии и традиционной живописи Ци Байши (1860-1957 гг.). Его величайшая заслуга для всего дальневосточного искусства заключается в том, что он сумел вдохнуть новую жизнь в классические жанры живописи, благодаря необычайному лаконизму и экспрессии изображения, при помощи безошибочного выбора самых простых, но выразительных мотивов, их свободной образной интерпретации. Наконец, художник владел искусством неординарного формального построения композиции, чего могли достигать в XX в. только особо одаренные западные новаторы. В этом творческом опыте заключается великая модернизация национального искусства, которое при этом не теряет основных параметров своей традиционности [1, с. 28-29].

Более открытые взаимосвязи западного и восточного стилей искусства показывает творчество великого китайского художника-модерниста Сюй Бейхуна (1895-1953 гг.). После основательного профессионального обучения, которое он получил в 1910-х – 1920-х гг. в Париже, график и живописец, ос-

воивший многие классические традиции европейской художественной школы разных столетий, возвращается на родину. Здесь в полной мере сформировался его авторский стиль, в котором найдена «золотая середина» в соединении западного и восточного методов образного изображения. Это приводит к большей конкретизации сюжетных, портретных и символических решений, но предполагает далеко идущий выбор главного, смыслового и первостепенного при сохранении свежего ощущения незавершенности, образной недосказанности, обобщения всего несущественного вплоть до использования в работах чистого фона-пространства [2, с. 50-61]. В поздний период своей деятельности художник начал отдавать предпочтение многофигурным сюжетным композициям, что было вызвано переломными историческими событиями конца 1930-х – 1940-х г.

Среди учеников Сюй Бейхуна, воспринявших идейную значимость его творческих достижений, был автор сюжетных живописных композиций цветной тушью, посвященных трагическим событиям японского вторжения на территорию Китая 1937 г. – Цзян Чжаохэ. Художник, обращаясь к этой сложной теме, изобразил не боевые действия, а беженцев, их страдания и муки. Герои его картин – военнослужащие-инвалиды, женщины с маленькими детьми на руках, люди преклонного возраста, мальчишки-нищие и др. Автор, будучи свидетелем народного бедствия, очень убедительно передал состояние людей, потерявших кров над головой и, сумевших в этих страшных условиях сохранить человеческое достоинство. Художник на своих полотнах показывает, что независимый дух народа не сломлен и не победим.

В 1950-х гг. Цзян Чжаохэ приобрел популярность как автор плакатов на тему борьбы за мир. В то же время его станковые тематические композиции уже не отличаются жизненной выразительностью и проблемной обостренностью. Их можно отнести к официально утвержденному стилю послевоенного времени, который навязывал зрителям односторонний, надуманно-оптимистический взгляд на китайскую действительность. Сами названия его работ уже говорят об их явно заказном характере: «Внучка читает дедушке газету» (1953 г.), «Девушка крестьянка за чтением» (1956 г.) и др. [3, с. 40-42, 144].

Самым выдающимся китайским живописцем-колористом первой половины XX в. является Линь Фэнмянь. Он был первым представителем китайского новаторского искусства, который работал на холсте квадратных форматов. Линь Фэнмянь писал картины на темы жизни трудового народа и натюрморты с яркими экспрессивными соцветиями [4, с. 78]. По силе эмоционального воздействия его картины можно сравнивать с произведениями лучших европейских мастеров, таких как Винсент Ван Гог, Хаим Сутин, Пьер Боннар и др. К сожалению, он не получил должной поддержки у себя родине. Многих тогда шокировало его смелое владение цветом и отвержение всяческих канонов. Художник выехал в Гонконг, и сейчас о нем малоизвестно.

Изобразительное искусство Китая 1950-х гг. и периода культурной революции отличалось своим чрезмерно агитационным характером. Трудно говорить о каких-либо новаторских задачах независимого творческого направления. Но буквально с начала 1980-х гг. и по сей день в Китае происходит

настоящая творческая революция. Руководство страны не сдерживает творческую молодежь в попытках подражать западным направлениям постмодернизма, хотя такие эксперименты, к счастью, не становятся преобладающими в художественной жизни крупнейших городов Китая [5, с. 46-49]. Появилось много очень ярких и самобытных художников, работы которых вызывают оживленный интерес, споры и противоположные суждения: Уай Гуагли «Рациональное познание убивает идеалы» (1987 г.), Гэй Циели «Второе лицо» (1987 г.), Чжан Цюин «Новая эпоха. Адам и Ева» (1985 г.), Чжун Бяо «1997 год» и др. [6, с. 12]. В картинах современных авторов чувствуется равнодушный взгляд на современную китайскую жизнь. Художники показывают те социальные, психологические, культурные противоречия, которые возникают в последней четверти XX – начале XXI века в связи выходом Китая из состояния самоизоляции и столкновением общества со многими западными модернизациями, которые не всегда гармонично вписываются в современный, но во многом еще традиционный образ жизни в Китае.

Китайское искусство XX – начала XXI века прочно утвердило свои позиции на международном уровне. В настоящее время в Китайском союзе художников состоит более 5 миллионов человек. Естественно, что среди такого большого количества членов творческой организации есть очень много талантливых и перспективных авторов. Расширение международных связей, в том числе и с художественными центрами и организациями Беларуси, во многом поможет выявлению наиболее одаренных мастеров, кисти и резца великой дальневосточной страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Завадская, Е.В.* Ци Бай-Ши / Е.В.Завадская. – Москва: Искусство, 1982.
2. *Кравченко, К.* У китайских друзей / К.Кравченко. – Москва: Советский художник, 1959.
3. *Глухарева, О.Н.* Искусство народного Китая / О.Н.Глухарева. – Москва: Искусство, 1958.
4. *Чжан, Далэй.* Творчество Линнь Фэнмяня // Вестник молодежного научного общества. – 2004. – № 4.
5. *И, Вэй, И, Лиша.* Вернисаж № 798 – Пекинский Soho // Китай. – 2006. – № 3.
6. *Чжан, Далэй.* Развитие изобразительного искусства Китая конца XIX – XX столетий: национальное культурное наследие и влияние европейских традиций / Автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. – Минск, 2006.

Е. С. БОХАН

ОБРАЗЫ КИТАЙСКОГО НАРОДА В ТВОРЧЕСТВЕ БЕЛОРУССКИХ ХУДОЖНИКОВ СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА

Сегодня дружественные отношения между Китайской Народной Республикой и Республикой Беларусь развиваются довольно интенсивно. Этому способствует государственная политика двух держав, направленная на установление экономических и культурных связей, а также неподдельный интерес китайского и белорусского народов к культуре друг друга. Китайские и белорусские деятели искусства имеют возможность представлять свое творчеством за рубежом. В последнее время такие белорусские художники как В. Шкаруба, В. Прокопцов и другие посещали КНР с творческими командировками, представляли там свои персональные выставки. Часто в работах молодых белорусских художников и дизайнеров можно встретить мотивы традиционного китайского искусства.

Но всплеск интереса к Китаю у белорусских художников начался значительно раньше. Середина XX столетия стала периодом сближения народов Китая и Советского Союза, в состав которого входила ныне независимая страна Беларусь. В 50-е годы, после создания независимого государства КНР в 1949 году, началось время активных контактов между представителями творческой интеллигенции Китая и СССР. Активный интерес к жизни Китая, его жителям был связан у советских художников не только с политическим курсом руководства страны того периода. Во времена тоталитарного режима любая возможность познакомиться с другой страной, увидеть быт, культуру ее народа воспринималась как открытие, как источник свежих впечатлений, новых идей. Китай же, как страна далекая и экзотическая, имеющая богатейшее культурное наследие всегда был привлекателен для белорусских художников. В 1950-е «китайская» тема в советском искусстве стала одним из ярких событий.

С середины XX века в СССР активно стала издаваться в переводах китайская литература. Белорусские графики принимали участие в оформлении некоторых изданий. Так, в оформлении П.В. Калинина вышла книга Чжоу Либо «Ураган», а В.В. Харевский иллюстрировал избранные произведения Лу Синя. Художественные произведения, посвященные Китаю, были представлены на Всебелорусской художественной выставке в 1959 году [1, с. 132, 150].

На волне интереса к дружественной стране в том же 1959 году вышел иллюстрированный сборник «Советские художники о Китае». В этой книге были представлены не только репродукции произведений изобразительного искусства, но и воспоминания художников о посещении Китая, впечатления о знакомстве с его народом. Восторженные отзывы о стране, ее природе, культуре, людях, масштабах нового строительства нашли отражения и в очерках, и в живописи, скульптуре, графике [2]. Среди работ лучших советских художников были и работы белорусов.

В 1950-е годы в составе делегаций советских деятелей культуры и некоторым белорусским художникам удалось увидеть Китай. Из этих поездок привозились и готовые работы, и ценный материал для будущих произведений. Радость открытия ощущается почти в каждом произведении. И в самом деле, в работах белорусских художников образы китайского народа предстают в необычайно романтическом ареоле.

В конце 1956 года известный скульптур С.И. Селиханов с группой советских художников посетил Китай. За время творческой командировки он создал более тридцати скульптурных работ. [3, с. 16] Это были портреты представителей творческой интеллигенции Китая, рабочих и крестьян. Среди работ: портрет героя труда КНР Фам Помэя, артистки Шаасинской оперы Юань Семынь. Особенный интерес представляют композиции с бытовыми сценами, где показаны люди труда: рикша, старый крестьянин, молодой крестьянин, грузчик. Природной грацией, гармоничностью впечатляет «Кантонский лодочник» (1956-57). Стройный юноша с бамбуковым веслом показан в энергичном движении. Лодочник рассекает невидимое водное пространство легким веслом, но зритель ощущает сопротивление волн, напряжение, исходящее от фигуры. Развевающаяся от ветра одежда усиливает эффект. Нелегкая, рутинная работа превращается в азартную борьбу со стихией. В скульптуре создан обобщенный образ молодого, динамичного человека.

С.И. Селиханов. Кантонский лодочник (1956-1957).

В 1950-х годах ощущался духовный подъем нового поколения китайцев. Энтузиазм, горячее стремление служить на благо родной стране ощущаются в работах белорусских художников, показывающих китайскую молодежь. Проникновенно, вдохновенно создает С.И. Селиханов портрет китайской девушки (1956-57 гг.). Взгляд, направленный вперед, откинута голова юной китаянки символизируют стремление в будущее. Образ девушки также –

обобщение, в нем воплотились овеянные флером романтики черты, которые скульптор увидел в лицах «молодого» Китая.

С.И. Селиханов. Китайская девушка (1956-1957).

Заслуживают внимания и образы китайских художников, созданные С.И. Селихановым. Особенно удачен портрет легендарного художника Ци Байши (1957). Скульптор придал образу природную силу, создав работу с ощущением этюдности. Портрет воспринимается цельной глыбой. Такая продуманная незавершенность как нельзя лучше воплощает аутентичность личности народного художника. Это мудрый старец в традиционном костюме, со спокойным проникновенным взглядом и необычным артистизмом.

Искусствовед Э.А. Петерсон приводит интересный факт: «... скульптор, работая впоследствии над портретами китайской серии, готовя их к переводу в материал, счел возможным «не прикасаться» больше к портрету Ци Байши, сохранив и в бронзовом отливе свежесть и непосредственность натурального этюда» [4, с. 59].

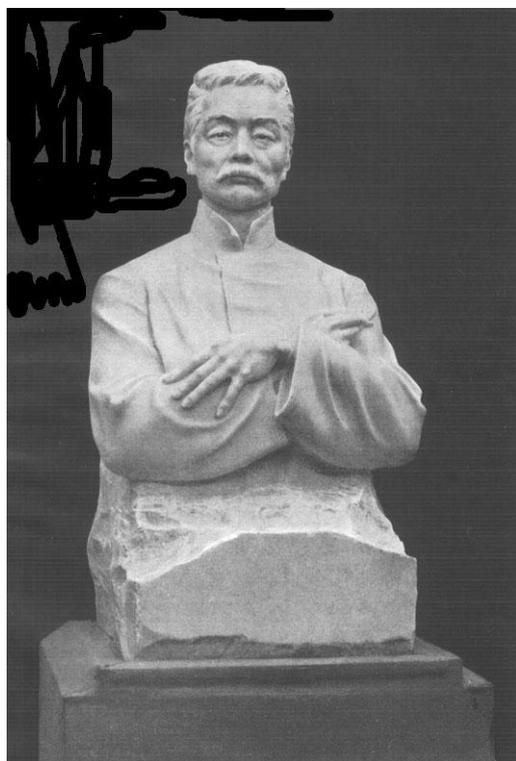

С.И. Селиханов. Ци Байши (1957).

Меньше впечатляет портрет Цзян Чжаохэ (1957 г.). Видимо, скульптору не удалось найти такого удачного решения образа, как в предыдущей работе, хотя попытка создать портрет творческой, интеллектуальной личности прорывается в поиске атрибутов, позы портретируемого. Цзян Чжаохэ опирается на книгу, взгляд его устремлен вперед. Черты лица проработаны с наибольшей тщательностью.

В творчестве известного белорусского скульптора З.И. Азгура также есть ряд работ посвященных Китаю. В его галерею портретов борцов за мир входит образ Мао Цзедуна. Портрет Мао Цзедуна был создан в двух вариантах. Как писали советские искусствоведы того времени, большая эмоциональность и жизненность присущи варианту портрета Мао с улыбкой на лице [5, с. 69].

Не все портреты, посвященные политикам и деятелям культуры Китая, исполненные З.И. Азгуром, одинаково высокого уровня, но некоторые представляют собой виртуозные произведения. Например, портрет писателя Лу Синя (1953-1954). Утонченный образ поэта скульптор создал в благородном мраморе. Любимый композиционный принцип мастера – фронтальное положение корпуса – придает изображению статичность и одновременно подчеркивает значение персоны. Композиционная разработка создана внутри компактной и простой по очертаниям массы, что также характерно для З.И. Азгура. [5, с. 63] Такие приемы сделали образ Лу Синя цельным и художественно убедительным. Этот портрет по праву считается специалистами одним из лучших в творчестве З.И. Азгура.

З.И. Азгур. Лу Синь (1953-1954).

Период восторженного отношения к Китаю длился в советском искусстве недолго. После охлаждения отношений на политическом уровне прекра-

тились и культурные контакты между народами, художники были лишены возможности посещать Китай, изучать его жизнь. Однако, некоторые произведения, посвященные китайскому народу, созданные в середине XX века благодаря своим очевидным художественным достоинствам, вошли в золотую сокровищницу белорусского искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Усебеларуская мастацкая выстаўка. Каталог. – Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1959. – 307 с.
2. Советские художники о Китае. – М.: «Советский художник», 1959. – 137 с.
3. *Кавалёў, А.Ф.* Сяргей Селіханаў / А.Ф.Кавалёў. – Мн.: «Беларусь», 1978. – 48 с.
4. *Петерсон, Э.А.* Портретная скульптура Советской Белоруссии / Э.А.Петерсон. – Мн.: «Вышшая школа», 1982. – 111 с.
5. *Рогинская, Ф.С.* Заир Исакович Азгур / Ф.С.Рогинская. – М.: Издательство Академии художеств СССР, 1961. – 93 с.
6. *Елатомцева, И.М.* Очерки по истории белорусской советской станковой скульптуры / И.М.Елатомцева. – Мн.: «Наука и техника», 1974. – 118 с.
7. *Прокопцов, В.И.* В Поисках красоты и гармонии / В.И.Прокопцов. – Мн.: «Наука и техника», 1988. – 95 с.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ:

1. *Селиханов, С.И.* Китайская девушка. 1956-1957.
2. *Селиханов, С.И.* Кантонский лодочник. 1956-1957.
3. *Селиханов, С.И.* Ци Бай-ши. 1957.
4. *Азгур, З.И.* Лу Синь. 1953-1954.

А. Г. ШИМЕЛЕВИЧ

**ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕКИТАЙСКОГО
ИСКУССТВА В СИСТЕМЕ
ТВОРЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
СТУДЕНТОВ-ДИЗАЙНЕРОВ
БЕЛОРУССКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ
ИСКУССТВ**

Богатейшее художественное наследие древне-китайской цивилизации до недавнего времени оставалось для белорусской системы художественного образования «белым пятном». Учебные программы обходились без раздела «Искусство Китая», а немногочисленные учебные пособия и методические материалы если и упоминали о Поднебесной и ее культуре, то лишь мимоходом, вскользь и не систематически. По меткому определению российского синоведа М. Кравцовой, «в советском обществе сложились стереотипы восприятия духовных ценностей Китая как нечто экзотического, экзотического, далекого от повседневной жизни человека, а потому подлежащего изучению немногими отдельными лицами, поглощенными поисками путей духовного самоделания...» [1, с. 8]. Такое положение отчасти можно объяснить былой закрытостью советского общества, бедностью (во всех смыслах этого слова) нашей образовательной системы.

Лишь с начала XXI столетия молодые белорусы смогли начать открывать для себя великий Китай. Этому способствуют все более активизирующиеся межгосударственные контакты, большая открытость Китайской Народной Республики, а также развитие издательского дела и информационных технологий, что поистине делает все ближе к нам далекую азиатскую страну [2].

Темы, посвященные истории искусства Китая, включены в программу обучения студентов-дизайнеров Белорусской государственной академии искусств с 2005 года. Они являются составной частью курса «История зарубежного изобразительного искусства» [3]. Фактически, лекции по китайскому искусству представляют собой небольшой педагогический эксперимент, поскольку данные материалы не отражены в учебниках, и к тому же многие студенты мало подготовлены к встрече с искусством этого необычного, такого далекого региона нашей планеты. К сожалению, многие еще являются носителями стереотипа, что китайской культуре присуща некая принципиальная непознаваемость для европейцев, что, например, понимание иероглифической письменности требует какого-то особого склада ума и т.д. В такой ситуации именно искусство может стать тем мостом, который соединит наши цивилизации, поможет нашей молодежи преодолеть стереотипы, научиться понимать и ценить великие художественные достижения китайских художников.

Опыт нескольких лет преподавания показывает, что богатейший воспитательный и просветительский потенциал имеет изучение древнекитайского

искусства (от периода неолита до конца эпохи Хань в начале III в. н. э.). Наша творческая молодежь, в средних художественных школах и училищах старательно изучавшая художественное наследие Древнего Египта и Месопотамии, Древней Греции и Рима, с увлечением открывает для себя наследие еще одной из древнейших цивилизаций Земли во всей специфике ее становления и развития. Условия возникновения цивилизации в Китае были принципиально отличны от стран северных субтропиков (Шумер, Египет), иными были закономерности формирования государства. Важно также, что до второй половины I тысячелетия до н.э. Китай развивался по сути в отрыве от других цивилизаций.

Задача преподавателя – дать студентам общее представление о развитии Китая в эпохи Шан, Чжоу, описать вехи истории империй Цинь и Хань. Информация историографического характера в наших условиях минимальна, однако совершенно необходима: опыт показывает, что наша аудитория зачастую впервые слышит о событиях китайской древности. И, разумеется, самое большое внимание на лекциях уделяется характерным особенностям древнекитайских художественных ремесел, их специфическим особенностям в области форм, технологий, орнаментации, художественно-образного языка.

Большой интерес у студентов-дизайнеров вызывают своеобразные керамические изделия китайских неолитических культур *хуншань* и *яншао*. Эта керамика исключительна по совершенству форм и росписи, она удивляет изяществом художественных решений, основанных на использовании линейных рисунков животных, спиральных орнаментов. Бесспорно, что древнейшая китайская керамика – одно из замечательных художественных достижений человечества на ранних этапах его развития. Вот что пишет о ней в книге «История Китая: корни настоящего» Д. Елисеев: «Китайские горшечники изобрели разнообразную посуду, одновременно функциональную и изящную, которая вплоть до XX века украшала собой алтари предков и столы аристократии. Ее формы снова и снова узнаются в современной кухонной утвари: низкие кастрюли в форме женской груди, которые легко уткнуть в раскаленные угли, чтобы подогреть содержимое; блюда на ножке в форме усеченного конуса, снабженные крышкой, которая в перевернутом виде превращается в тарелку; изящные вытянутые сосуды для питья, изготовленные из высококачественной глины и раскрашенные на гончарном круге, которые удобно держать в руке» [4, с. 22]. Интересны также предметы из камня, в том числе многочисленные резные изделия из нефрита. Чувство материала и тщательность его обработки, изящество форм нефритовых пластинок, сосудов, ювелирных изделий восхищает всех, кто причастен к искусству предметного мира и стремится глубже узнать его историю.

Одна из древнейших декоративно-прикладных традиций Китая – художественная бронза. Как считает Д. Елисеев, «у китайцев не больше оснований претендовать на роль пионеров Бронзового века, чем у всех остальных. Но то, что они стали производить из бронзы, открытой ими в начале II тыс. до н.э., представляет собой огромный технический и эстетический интерес, о чем свидетельствуют древнекитайские изделия из этого металла, хранящиеся

в коллекциях и крупных музеях всего мира. Помимо своей красоты и своеобразия, помимо грез и благоговения, которые они внушают, эти произведения поднимают множество острейших вопросов и указывают на те неожиданные препятствия, которые вставали на пути эволюции» [4, с. 21].

Древнекитайская техника бронзового литья довольно сложна: огнеупорные керамические формы для отливок могли состояться из отдельных частей, а особо сложные по конфигурации предметы отливались по частям и затем собирались в единое целое. Высоким качеством отличался и сам материал: ученые утверждают, что в древнем Китае достаточно часто в бронзовый сплав включались добавки драгоценных металлов, что изменяло свойства и внешний вид материала, и, конечно, делало изделие более дорогим и изысканным. Китайские бронзовые сосуды удивляют сложным и эффектным рельефным орнаментом, мотивы которого (спирали, волнистые линии, волюты и др.) имеют символическое значение, связаны с древнейшими представлениями о небесных силах – громе, молнии, облаках.

В заключение хочется еще раз сформулировать основную цель изучения древнекитайского искусства на факультете дизайна и декоративно-прикладного искусства Белорусской государственной академии искусств: будущие дизайнеры должны прежде всего прийти к убеждению, что изучение древних шедевров необходимо для современного прикладного творчества. Бронза, керамика, резные изделия древних ремесленников являются образцами вечной красоты, отражают их представление о мире, позволяют нам постичь доселе неизвестную культуру и обогатить собственный творческий арсенал.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кравцова, М.В.* История культуры Китая / М.В.Кравцова. – СПб.: Лань, 1999.
2. *Солодовникова, О.* Искусство Китая / О. Солодовникова, К. Вязовикина [Электронный ресурс]. – М.: ДиректМедиаПублишинг, 2004.
3. *Шимелевич, А.Г.* История зарубежного изобразительного искусства. учеб. программа для специальностей факультета дизайна и декоративно-прикладного искусства / А.Г. Шимелевич / Бел. гос. академия искусств. – Минск, 2008.
4. *Елисеев, Д.* История Китая: корни настоящего / Д. Елисеев. – СПб.: Евразия, 2008.

ЛИ СЯОСЯО

ПЕРЕЛОЖЕНИЯ КЛАССИЧЕСКИХ КИТАЙСКИХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО

В данной статье исследуется проблема создания современных переложений для фортепиано классических китайских музыкальных инструментальных произведений. Эти композиции представляют важнейшую часть репертуара китайской фортепианной музыки XX века. Они в большой мере отражают специфику музыкального мышления и воплощают разнообразные эстетические аспекты традиционной китайской музыкальной культуры. Их создание знаменовало значительное повышение художественного уровня в процессе исторического развития китайской фортепианной музыки.

Фортепианная культура в Китае возникла на историческом фоне развития экономического и культурного обмена китайского музыкального искусства с европейскими традициями. Она является результатом длительного взаимодействия музыкальных культур китайского и западного типа. В современной китайской фортепианной музыке программные миниатюры и переложения, которые созданы на основе китайской классической инструментальной музыки, многочисленны. Они образовали важнейшую часть китайской фортепианной музыки прошлого столетия.

Переложения для фортепиано программных миниатюр из репертуара классических китайских инструментальных произведений относятся к важнейшему жанровому типу, который формируется в ходе объединения китайской и западной музыкальной культуры в прошлом веке. В процессе создания этих переложений композиторы сохраняли мелодию и относительно целостную конструкцию оригинальных произведений, старались подражать своеобразным звукам китайских классических инструментов, используя европейский музыкальный инструмент фортепиано, выражали эстетические мысли и развивали музыкальное мышление, опираясь на традиции китайской классической музыки. В произведениях этого типа можно найти многочисленные «китайские» музыкальные элементы, которые отличались от европейской традиции фортепианной музыки, в том числе и колористические звучания инструментов, темп, ритма, украшение, аппликатура, дыхание и другие.

Они пополнили арсенал новых, интересных задач в области китайского современного фортепианного искусства. Во-первых, китайская речь, которая используется китайской титульной нацией хань, обусловила коренное различие между китайской музыкой (включая все типы музыки классической, народной и современной) и европейской фортепианной музыкой. Китайский композитор Чжао Сяошень говорил, что «музыка каждой страны основыва-

ется на речи своей нации» [1, с. 36]. Китайская речь музыкальна. Она оказывает глубокое потенциальное влияние на китайские музыкальные интонации, лексику, синтаксис и грамматику. В современном литературном произношении китайских иероглифов имеются 4 основных изменения тона. На основе этих изменений китайских иероглифов возникли разные значения. В некоторых диалектах имеются даже больше разных тонов с ярко выраженным, своеобразным интонационным ударением. Вместе с тем, процесс произношения одного китайского иероглифа часто включает 2 или 3, даже 4 стадии, поэтому возникло такое особенное явление, как «начало, центр и конец произношения одного китайского иероглифа» (*зитой, зифу, зивэй*). Этот феномен часто используется в напевах китайских оперы и драмы, и оказал также влияние на интонационный строй произведений китайской инструментальной музыки.

Особое отношение к звуку и звучанию музыкального инструмента в китайской традиции выражается в том, что наилучший звук музыкального инструмента должен быть схож с природным голосом человека. Помимо металлических ударных музыкальных инструментов, большое количество китайских инструментов, которые изготовлены из шелкового, деревянного, земляного, кожаного, бамбукового и других естественных материалов, умеют звучать подобно человеческому голосу в отношении интонации и дыхания. В процессе произнесения тона на большинстве китайских музыкальных инструментов высота тона не определена, она часто колеблется вверх или вниз в соответствии с замыслом музыканта. Исполнитель может регулировать и изменять высоту, тембр и динамику тона по желанию. В музыке для *циня*, например, путем некоторых особенных исполнительских методов один и тот же тон может изменяться в сторону других тонов. В соответствии с этим, вопрос о многообразных изменениях тембра инструмента считается самым значительным в китайской инструментальной музыке. Некоторые зарубежные музыканты называют этот феномен «незакрепленными тонами» – (*unfixed tone, иньцзянь*). Этот феномен является одной из важнейших специфических особенностей мышления в китайской музыке. Китайский музыковед Шэн Цзя считал, что феномен незакрепленных тонов существует также в европейской фортепианной музыке, как например украшения *trille* и *glissando*. «Вообще говоря, высота фортепианного тона определена. В европейской фортепианной музыке феномен незакрепленных тонов относился к небольшой ее части. И, наоборот, в китайской традиционной музыке мы усматриваем достаточно примеров использования и употребления незакрепленных тонов, композиторы помещают их даже в конце произведения. Это мышление сформировало одну из ведущих особенностей китайской музыки» [2, с. 14] – так написал автор в своей статье «Исследование о незакрепленных тонах».

Таким образом, отметим, что китайская инструментальная музыка всегда исходила из специфики речи и языка. Подавляющее большинство древней китайской музыки, написанной до эпохи династий Мин (1368 – 1644 гг.) и Цин (1644 – 1911 гг.), выражалось в форме песни с поэтическим текстом, или в форме декламации под аккомпанемент музыкальных инструментов.

Прекрасные древнекитайские сборники «Книга песен» («Шицзин»), «Чуские строфы» («Чуцы»), «Сборник ханьских народных песен» («Ханьюэфу») и другие, являются литературными произведениями, предназначенными для пения. Благодаря этому в тысячелетней истории древнекитайской культуры так высоко развилось такое литературное искусство, как *цы*, или рифмованная проза.

Древняя китайская музыка, которая тесно связана с поэтическим творчеством, соотносилась, таким образом, с областью литературы. Во многих случаях, в древнекитайской музыке музыкальные фразы разделялись на основе литературной логики и рифм иероглифов песенных слов, а не в соответствии с музыкальной логикой. И даже в чисто инструментальной музыке, которая в процессе исторического развития отделилась от вокальной, принципы восходящего и нисходящего движения музыкальных тонов, так же, как и потенциально присутствующие в организации мелодического движения литературные грамматические правила, так или иначе согласуются с характером китайской речи.

Китайские музыканты использовали даже некоторые композиционные техники, которые рождаются из литературных творческих методов. Так, например, техника «звенья кольца» (*лянхуаньхой*), которая часто использовалась как принцип мелодического развития китайской классической и традиционной музыки, рождается из риторической фигуры «анадиплосиса» – повторения одного или несколько слов таким образом, что последнее слово или фраза первой части отрезка речи повторяется в начале следующей части¹. В переложениях для фортепиано классических инструментальных произведений китайские музыканты копировали этот стилистический метод в своем музыкальном творчестве. В развитии мелодии последний тон или фраза первого музыкального предложения повторяется в начале следующего предложения, как, например, в главной теме пьесы для фортепиано «Спокойное озеро и осенняя луна» Ли Иньхая, или в главной теме пьесы «Разноцветные облака и луна» Ван Цзянчжуна. Особенно ярко этот принцип проявляется в известной миниатюре «Флейта пастушка» (1934 г.) Хэ Лутина, где композитор создал фортепианное произведение в полифонической форме европейской музыки, основываясь на пентатонной ладовой системе. Вместе с тем, последний тон одного голоса здесь повторяется, применяясь в начале другого голоса. Тем самым формируется новаторство в области композиционных приемов, которое увеличивает связность музыки, устанавливает четкую организацию переключений голосов друг с другом и вместе с тем обладает китайскими традиционными музыкальными чертами.

Помимо этого, в китайскую фортепианную музыку проникли некоторые своеобразные традиционные мысли и идеи китайской классической культуры. Наиболее ярко эти китайские традиционные художественно-эстетические

¹ Примеры анадиплосиса также существовали в других литературных традициях. Например, русский поэт К. Бальмонт так писал в своей поэзии: «Я на башню всходил, и дрожали ступени. И дрожали ступени под ногой у меня...» [<http://ru.wikipedia.org/wiki/Анадиплосис>].

принципы проявились в переложениях для фортепиано миниатюр из репертуара классических китайских инструментальных произведений.

Рассмотрим, например, принцип стремления к «пустоте» (*кун*) в китайском искусстве. Он так же, как и принцип «оставления пустоты» является важнейшим параметром эстетического восприятия в китайском искусстве, совершенно отличным по смыслу от европейской художественной эстетики. Так, на картине масляными красками европейский художник заполняет красками весь фон, в то время как в произведениях китайской живописи часто находятся пустые места. Китайские художники обращали внимание не только на распределение цвета и фигур, но также на распределение пустоты. Они считали, что пустые места, наряду с предметом самого живописного полотна, являются незаменимым элементом целой картины. Художнику циньской эпохи принадлежит следующее выражение: «Если пустые места размещены правильно, все изображение оживает, и чем больше таких мест, тем картина приятнее глазу» [3, с. 231]. Например, в китайской картине с изображением моста над рекой пустота картины может выступать символом «речной воды», и если распределение моста нормальное, то мы можем вообразить и испытать течение речной воды на белой бумаге.

Принцип «пустоты», по нашему мнению, также присущ китайской фортепианной музыке. Под влиянием специфики китайской речи и особенностей музыкального мышления, сложившегося в классической музыке, китайская фортепианная музыка также во многом создавалась на основе горизонтального, линейного мелодического мышления. Для фортепиано, где каждый натуральный звук имеет точечный характер, необходима помощь движения звуков, чтобы появилось мелодическое линейное положение. В мелодиях китайских переложений для фортепиано существуют множественные музыкальные пустоты – паузы. Здесь пауза является не просто временным пространством, но внутренним продолжением сущности музыкального развития.

«Произвольность» (*сан*). В композиции китайской классической музыки существует своеобразное явление – «начало и конец с темпами по желанию» (*санцисансу*). В классических инструментальных композициях, написанных после сунской эпохи (960 – 1279 гг.), часто встречаются начальная и конечная часть с медленным, свободным темпом. Таким образом, применение темпа и ритма обладают здесь достаточной произвольностью. Темповые обозначения произведения были неопределенными, ограничение длины тонов часто являло собой импровизированное, случайное, интуитивное использование музыкантом развития музыкального чувства. Ощущение напряжения и расслабления движения музыки, созданное по желанию музыканта, рассматривается в древнекитайской музыкальной традиции как воплощение высокого уровня развития произвольности и романтичности художественного мышления. В традицию китайской классической музыки «произвольность», привнесенная исполнителем, создавала больше пространства для развития музыкальной ткани произведения, и являлась также дополнительным стимулом для слушательского воображения.

Принцип «произвольности» также воздействовал на конструктивные особенности китайской классической музыки. Китайские музыканты нередко

развивали главную мелодию и изменяли ее на протяжении нескольких разделов, руководствуясь идеей свободного движения настроения. Этот принцип схож с европейской вариационной формой. В целом, в европейской музыке самый важный материал произведения – тема, мотив и другие элементы, – должны находиться в начале фразы, раздела или части. Но в китайской классической музыке некоторые тематически важные элементы, которые сохраняют свои очертания, часто возникают в конце фразы или раздела. Композитор Чжао Сяошэн называл этот феномен «единство в конце фразы».

Таким образом, переложения в миниатюрах для фортепиано из репертуара классических китайских инструментальных произведений являются прекрасными примерами соответствия всеобщим принципам китайской традиционной музыкальной эстетики. Именно поэтому в этих переложениях неизбежно выражаются некоторые характерно китайские, необычные для европейского мышления творческие стремления. Так, например, современные китайские композиторы часто подражали в своих произведениях для фортепиано некоторым исполнительным способам классического музыкального инструментов, чтобы получить нечеткое, отличающееся особым колоритом звучание. Отметим, что «нечеткость» (*шюй*) также является одной из важнейших позиций китайской музыкальной эстетики. Китайцы считали, что нечеткий, неясный инструментальный тембр может пробудить впечатления о мистическом, странном, очаровательном внутреннем музыкальном мире произведения.

Под воздействием ритуальной традиции на древнюю китайскую философию конфуцианства музыкант стремился объяснить свои одухотворенные мысли о мире и о жизни в музыке. Он сосредоточивал энергию на открытии внутреннего мира и глубины постижения художественного пространства, и уделял меньше внимания внешним формам музыки. «Достигать мира воображения (*и цзин*) и забывать внешние формы (*син*)» [4] – этот девиз является определением высшего художественного уровня в искусстве древнего Китая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чжао Сяошэн. Китайская фортепианная речь / Чжао Сяошэн // Фортепианное искусство. 2003. – № 10. – С. 35-36.
2. Шэн Цзя. «Исследование о незакрепленных тонах» / Шэн Цзя // Издание Китайской Центральной Академии Музыки. – Пекин, 1982. – № 4.
3. Малявин, В. Кун, или пустоты / В. Малявин // «Китайское искусство». – Москва, 2004. – С. 226-231.
4. <http://bbs.shufa.com/viewthread.php?tid=7125>.

**ПРЕТВОРЕНИЕ
ПОЭТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ «ЦЫ» И
«ШИ» В КИТАЙСКОМ КАМЕРНО-
ВОКАЛЬНОМ ТВОРЧЕСТВЕ
20-40-х гг. XX в.**

Возникновение и развитие в Китае жанра художественной песни в значительной степени обусловлено возрастанием в начале XX столетия интереса к искусству стихосложения. Возрождение поэтических традиций отражает главную черту древнего китайского искусства – неразрывную связь текста и музыки.

Многие китайские композиторы начала прошлого столетия, которые активно осваивали европейскую школу композиции, при создании художественных песен использовали стихи древних китайских поэтов, сохраняя тем самым самобытность китайского музыкального искусства.

В традиционной китайской культуре сложились две поэтические формы *цы* и *ши*, которые нашли свое новое воплощение в художественной песне 20-40-х гг. XX ст.

Поэзия *цы* зародилась в период правления династии Вэй (386-581 гг.) как одна из форм, тесно связанных с народным песенным творчеством. Окончательно поэзия *цы* закрепились в традиционной китайской культуре в период династии Тан (618-907 гг.). Эта стихотворная форма была весьма популярна в период династии Сун (960-1279 гг.). Первоначально это были стихи, которые исполнитель воспроизводил путем вокализации текста. Данная поэтическая форма отличается большим разнообразием канонических вариантов стиха и мелодии. Известно более 2000 стихотворных вариантов *цы*.

Для поэтической традиции *ши* характерна жесткая регламентация стихотворного ритма и рифмы. В эпоху «Шицзин» (XI-VI вв. до н. э.) слово *ши* обозначало поэзию в целом (включая песенную). Позднее, в период правления династии Тан (618-907 гг. н. э.) и вплоть до настоящего времени поэтическая форма *ши* получила свое дальнейшее развитие. Этим понятием – «*ши*» – в настоящее время обозначают всю поэзию письменной традиции (в отличие от устной, песенной).

Существенно отличается и тематика поэтических текстов «*цы*» и «*ши*». В поэзии *цы* преобладает лирическая образная направленность, пейзажная и интимная лирика. Авторы поэтических композиций «*цы*» чаще всего изливали свои чувства о любви и разлуке. Для поэтики «*цы*» характерна созерцательность, недосказанность, аллюзии и ассоциации.

В поэтических текстах *ши*, в основном, воплощается социальная и гражданская тематика. Это произведения о величии духа, о высоких идеалах, о родине, о карьере и профессиональном долге чиновников и т.д. [Гуань Цзяньхуа].

Здесь следует пояснить, что в китайском языке семантика слова определяется соответствующей речевой интонацией (слоговым тонами). Их четыре:

первый (—) – высокий, ровный; *второй* (/) – краткий, восходящий; *третий* (V) – низкий, нисходяще-восходящий; *четвертый* (\) – краткий, нисходящий. Первый слоговой тон (—) и *второй* (/) – называются «пин», остальные (V, \) – *цзе*.

Итак, в поэзии *ши* различается только четыре вида *пяти* и *семислогового* стиха:

- A [пин – пин] цзе – цзе – пин – пин – цзе
- B [цзе – цзе] пин – пин – цзе – цзе – пин
- C [пин – пин] пин – пин – пин – цзе – цзе
- D [пин – пин] цзе – цзе – цзе – пин – пин

В поэзии *цы* в отличие от *ши* разнообразных ритмоформул, как указывалось, более 2000.

Каноническую основу стихов *цы* основательно разработал и воплотил в своих поэтических текстах великий китайский поэт Су Ши.

Су Ши (известен также под именем Су Дунпо) (1036-1101), китайский писатель и политический деятель. Принимал участие в политической борьбе вокруг проектов реформы системы правления.

Он существенно расширил интонационно-выразительные возможности и тематику «*цы*». В произведениях Су Ши нашли яркое воплощение не только лирические переживания, образы странника, тоска по родине, но и патриотические темы, политическая, философская и пейзажная лирика, картины народных страданий. Сохранилось несколько тысяч стихотворных и прозаических (главным образом эссеистических) произведений, отмеченных большой экспрессией. Проза Су Ши, отразившая широту его интересов, отличается живостью и естественностью. Су Ши придал поэтическим композициям *цы* подлинный размах, масштабность. Он впервые отделил тексты поэзии *цы* от музыкальной основы, выступив тем самым подлинным новатором в художественной культуре Китая, поскольку в древней китайской поэзии стихи декламировались на основе вокализации, представляя собой вид синкретического искусства, объединяющего поэзию и музыку. В настоящее время эта традиция практически утрачена.

Как уже указывалось, поэтические тексты *цы* отличаются большим разнообразием рифмы и размера. При этом следует отметить тесную связь поэтического размера и рифмы с интонационной основой китайского языка.

Общее название стихотворных размеров *цы* называется *цы пай*.

Ярким примером претворения традиций поэзии *цы* является художественная песня композитора Цин Чжу (1893-1959) «Я живу у истоков великой реки», написанная в 1930 году на стихи древнего поэта Ли Чжии (960-1127), жившего в эпоху династии Сун.

Интонационная схема этой песни указывает на количество и соотношение иероглифов и слоговых тонов (пин – цзе) в *цы пай*, который называется *бу суань цзы*.

Первая строчка – иероглифы

Вторая строчка – русская транскрипция иероглифов

Третья строчка – слоговые тоны.

Цы пай [бу сунь цзы].

我住长江头,
Во чжу чан цзян тоу
цзе – цзе – пин – пин – пин

君住长江尾。
Цзюнь чжу чан цзян вэй
пин – цзе – пин – пин – цзе

日日思君不见君,
Жи жи сы цзюнь бу цзянь цзюнь
цзе – цзе – пин – пин – пин – цзе – пин

共饮长江水。
Гунн инь чан цзян шуй
цзе – цзе – пин – пин – цзе

此水几时休,
Цы шуй цзи ши Сю
цзе – цзе – цзе – пин – пин

此恨何时已。
Цы хэнь хэ ши и
цзе – цзе – пин – пин – цзе

但愿君心似我心,
Дань юань цзюнь синь сы во синь
цзе – цзе – пин – пин – цзе – цзе – пин

定不负相思意。
Дин бу фу сян сы и
цзе – пин – цзэ – пин – пин – цзе

Примером художественной песни в традициях *ши* является сочинение композитора Хуань Цзы на стихи поэта династии Тан Бай Цзюйи (772-846 гг.) «Цветок не цветок» (1933 г.).

В этом сочинении, используется литературный текст, написанный в традициях китайской лирики *ши*. По своей природе и художественным особенностям приближается к европейскому романсу. «Цветок не цветок» – изящная поэтическая зарисовка, яркий пример сочинения в жанре *ши*:

Интонационная схема песни (слоговые тоны *пин – цзе*).

花 非 花,
Хуа фэй хуа
пин – пин – пин

雾 非 雾,
У фэй у
цзе – пин – цзе

夜 半 来,
Е бань лай
цзе – цзе – пин

天 明 去。
Тянь мин цюй
пин – пин – цзе

来 如 春 梦 不 多 时,
Лай жу чунь мэн бу до ши
пин – пин – пин – цзе – цзе – пин – пин

去 似 朝 云 无 觅 处。
Цюй сы чжао юнь у ми чу
цзе – цзе – пин – пин – пин – цзе – цзе

В русском переводе текст песни звучит так:

*Цветок не цветок,
Туман не туман,
В полночь пришла,
Исчезла с рассветом.
Как сон весенний,
пришла...
И вдруг
Легким облачком поутру
Скрылась бесследно
где-то.*

Таким образом, современная художественная песня в Китае, которая развивается в традициях древней поэтической культуры *цы* и *ши*, представляет собой яркое явление в современной музыке Китая и отражает самобытные черты китайского музыкального искусства 20-40-х гг. XX столетия.

Китайское музыкальное искусство – одно из древнейших в истории мировой культуры. Богатейший инструментарий, разнообразие жанров и стилей китайского искусства обусловлены множеством этнических групп, населявших территорию государства в разные исторические периоды. В процессе развития взаимоотношений с Китаем многие страны Восточной Азии и Европы ощущали влияние мощнейшей цивилизации, впитывая и по-своему преобразуя элементы ее культуры.

Благодаря сотням трактатов, оставленных в качестве бесценного наследия величайшими философами древности, мы можем получить представление о теории китайской музыки, без которой сегодня невозможно рассмотрение восточной традиции колокольного звона.

Музыкальное искусство формировалось и развивалось в Китае под воздействием религиозно-философских и идеологических доктрин. Одну из самых ранних форм религии, существовавшей с начала третьего тысячелетия до н.э., представлял культ предков, основанный на признании посмертного влияния духовной субстанции человека на жизнь и судьбу его потомков. Духовную культуру Китая формировали три учения: конфуцианство (*жуцзяо*), даосизм (*даоцзяо*) и буддизм (*фоцзяо*). Музыка была органично вписана в общую ткань ритуальной жизни и представляла собой строго регламентированную систему; без нее не обходился ни один храмовый или дворцовый церемониал.

Первоначально иероглиф «и» («искусство») служил для обозначения мистического, священного акта, не призванного приносить наслаждения звуками. Музыка никогда не была предназначена для прослушивания, она должна была открывать путь в сакральное пространство, синонимом которого являлось *прошлое*. Согласно воззрениям древних, музыкальное произведение по сути было философским. Посредством звуков, организованных определенным образом во времени и пространстве, раскрывалось представление о структуре мира, действующих в нем силах и законах.

Конфуцианство оказало самое глубокое влияние на духовную культуру Китая. Конфуций чрезвычайно любил музыку. Он считал, что различные формы ритуала, сопряженные воедино, вносят гармонию в хаос жизни. Конфуцианская идея порядка, проецируемая на все сферы жизни общества, способствовала появлению стремления философов к выстраиванию элементов мироздания в едином иерархическом соподчинении. В результате этого возникла концепция т.н. *правильной музыки*, предназначенной для проведения конфуцианских церемониалов.

Звучание оркестров во время ритуалов в храмах предков должно было воздействовать на окружающий мир, гармоничное состояние которого обеспечивало благоденствие людей. Подобно античным философам, последователи Конфуция признавали власть музыки над разумом и эмоциями, поэтому музицирование в Китае было связано с политикой. При каждой смене власти правящих династий эта система подлежала реформированию. Специальные государственные органы, ответственные за музыку «устанавливали новые шкалы высот и пересматривали церемониальный и придворный репертуар» [1, с. 407]. «Между V и III вв. до н.э., – как пишет в своей известной книге Г. Орлов, – государственное Бюро музыки находилось в ведении императорской Палаты мер и весов, его обязанностью было поддержание абсолютной высоты, на которой строилась вся музыкальная система» [2, с. 324]. Китайские философы тщательно работали над музыкально-теоретическими системами, последовательно включая их в систему мировоззрения. Свидетельство тому – три важнейших категории китайской музыки: классификация музыкальных инструментов *баинь*, пятиступенный лад *ушен*, и учение о темперированных ладах *люй-люй*.

«Согласно китайской традиционной классификации *баинь*, музыкальные инструменты делятся на восемь классов, в соответствии с материалами, из которых они созданы (камень, металл, шелк, кожа, дерево, медь, тыква, глина)» [3, с. 419]. Классификация отражает восемь аспектов бытия. Каждый класс имеет свою символику и обрядовое предназначение, связан со сторонами света, сменой времен года, природой, направлениями ветров. Так, барабан, частью которого является кожаная мембрана, ассоциируется с Севером, зимой и водой. Флейта из бамбука, аналогичная античной флейте Пана, отождествляется с Востоком, весной и горой. Цитра своими шелковыми струнами представляет Юг, лето и огонь. Металлический колокол принадлежит Западу, осени и влаге.

Сакрализация музыкального инструмента из бронзы была связана со сложившимся отношением к металлу, как общественному богатству земной производительной силы. Поклонение бронзовому предмету в представлении китайских философов являлось возможностью общения с одной из сутей земли. Литье колоколов считалось делом государственной важности.

Европейская классификация музыкальных инструментов относит колокола к отделу идиофонов, источником звучания которых является собственный колеблющийся корпус. С древнейших времен в Китае были известны различные типы колоколов. В древнекитайских письменных источниках появление металлургии бронзы относится ко времени правления династии Ся (2205-1767 гг. до н.э.). На территории Китая также существовал тип языковых колоколов *лин* и *до*, которые использовались как жертвенные предметы. Инструменты получили распространение в эпоху Шан (1765-1122 гг. до н.э.). Вместе с ними существовали типы малых и больших безъязыковых колоколов на ножке. Звук в них извлекался при помощи удара молотком или горизонтально подвешенным бревном с внешней стороны. В эпоху Чжоу (1122-246 гг. до н.э.) эти инструменты стали одними из самых главных в храмовых

и дворцовых церемониях. Колокола небольших размеров, стоящие на подставке, носили название *нао* или *чжэн*; инструменты этого типа больших размеров назывались *данао*. В это время были известны две разновидности оркестровых инструментов, крепившихся на перекладине: *бо* и *чжун*. *Бо* имели круглые отверстия для крепления, стенки корпуса инструмента сужались книзу, колокол висел строго вертикально. *Чжун* висел наклонно, форма отверстий для крепления в нем была эллиптической. К III в. до н.э. грань между колоколами *бо* и *чжун* стирается и они фигурируют под общим названием *бочжун*. *Чжоуская* эпоха сформировала основное философское учение и этико-политическую систему Китая. К этому времени относится распространение на территории государства философско-религиозных систем даосизма и буддизма. Буддизм проповедовал индивидуальный путь познания мира с помощью медитации, отключение от внешней суеты, погружение в глубины собственного «я». Философия «дао» приучала человеческое сознание к мышлению с помощью символов. Сложная кодировка каждого отдельного тона превращала слушание музыки в своеобразное считывание информации. Согласно даосским представлениям, звук рассматривался как нечто всеобъемлющее, музыка воспринималась в единстве взаимопроникновения космических сил *инь* и *ян*. В одном из разделов основной музыкально-философской книги «*И цзин*» (II в. до н.э.) говорится о воздействии музыки на вселенную, в которой заключены две стороны: «*ян*» – сила неба, света, активного мужского начала и «*инь*» – сила земли, тьмы, пассивного женского начала.

В основе музыкальной системы *люй-люй* лежит двенадцатиступенный звукоряд. Каждый из двенадцати звуков имеет глубокий натурфилософский смысл. Шесть нечетных звуков символизируют начало «*ян*», шесть четных – начало «*инь*». Каждый из тонов соответствует определенной фазе луны, знаку зодиака, часу в сутках.

Священные гимны пелись в течение года в двенадцати разных тонах, повышаясь от месяца к месяцу на полутон. Они сопровождались звуками *бочжуна*. Известно, что в придворный оркестр в начале правления династии *Цинь* (т.е. в III в. до н.э.) входило двенадцать изолированных *бочжунов*, настроенных в соответствии с системой *люй-люй*. Корпус каждого колокола декорировался древними сакральными символами, связанными с культом гор, обрядами плодородия. С целью наделения инструментов магическими свойствами осуществлялся ритуал обработки колоколов кровью жертвенных животных. Каждый *бочжун* выполнял роль камертона, обозначая первую ноту гимна, исполнявшегося в соответствии с месяцем. По мнению китайских исследователей, гимны в сопровождении колоколов звучали в чрезвычайно медленном темпе. Фонетической особенностью древнекитайского языка является односложность слов. Она позволяет предполагать, что каждому звуку гимна соответствовало одно слово. Длительность звучания слова-звука определялась длительностью звучания колокола.

В храмовых ритуалах принимал участие набор колоколов *бяньчжун*. Он представлял собой деревянную раму с двумя горизонтальными брусками, на которые были подвешены от 3 до 64 бронзовых колоколов. В отличие от

бочжуна, *бяньчжун* воспроизводил звуки определенного ладового звукоряда пятиступенной системы *ушен*. «Каждая из нот пентатонического лада соотносилась с определенной пространственно-временной зоной, наделялась соответствующей символикой и семантическими связями (цвет, стихия, природные сущности, астральные объекты, человеческие качества)» [4, с. 124].

Подробным описаниям музыкальных обычаев посвящены отдельные главы классической книги «*Чжоу ли*», «представляющие собой свод ритуальных законов» [5, с. 28]. Систему настройки музыкальных инструментов, способы игры, их расположение в храме охватывала строгая регламентация.

В III веке до н.э. происходит разделение музыки на две основных категории – *яюэ* и *яньюэ*. Первая объединяла музыку и музыкально-пластическое искусство ритуалов жертвоприношений небу, земле, предкам. Вторая включала музыку придворных церемониальных банкетов и развлечений. *Яньюэ* разделяется на военную (*у-у*) и гражданскую (*вэнь-у*). В период со II в. до н. э. до XII в. н. э. за военной музыкой закрепляется использование одиночных колоколов с металлическим языком типа *до* и *чжэн*, а за гражданской – этих же инструментов с деревянным языком. В военной музыке скорость ударов колокола определяла темп марша. Колокола военных оркестров поддерживали боевой дух войск, а также устрашали противников звоном. Среди колоколов малого размера был известен *чунь* – инструмент, напоминающий перевернутый вверх дном сосуд. С его помощью отмечалась каждая третья ритмическая доля в воинских придворных танцах.

Во время службы в храмах предков использовался т.н. «*обезьяний колокол*» (*вэй-чунь*). Его очертания напоминают висящую на дереве обезьяну. Языком колокола служит подвешенная внутри корпуса связка маленьких бубенцов.

Древнее оркестрово-колокольное искусство было практически уничтожено, когда в 212 г. до н.э. по указу императора *Цинь Ши Хуанди* вместе с конфуцианскими книгами истреблялись музыкальные инструменты конфуцианского церемониала. «Восстановленная в эпоху *Хань* (206 г. до н.э. – 9 г. н.э.), *чжоуская* музыка продолжала звучать при дворе и в последующие эпохи» [6, с. 260].

В период *Танской* и *Сунской* империй (618-1279 гг.) оркестры являются важнейшим компонентом ритуального и дворцового быта. Их количество при дворе императора доходит до десяти. Они имеют необычайно расширенный состав. При императоре *Гао Цзуне* (650-683 гг.) состав дворцового оркестра включал семьдесят два *бяньчжуна*. Частные лица не имели права включать инструменты этого типа в состав своих оркестров.

В XII веке Китай подвергся нападению кочевого племени *чурчжэней*. Через сто пятьдесят лет на государство обрушилась лавина монгольского нашествия. Культурная жизнь страны была надолго дезорганизована. Уничтожались храмы, а с ними и предметы ритуального быта. Попытка вернуть храмовое и дворцовое искусство к каноническим формам происходит в эпоху правления династии *Мин* (1368-1644 гг.). В эпоху *Цин* (1644-1911 гг.) происходило возвращение к ортодоксальному конфуцианству, которое постепенно возвратило значение колоколов как важнейших инструментов оркестра.

Восточная традиция колокольного звона является одной из ветвей гигантской системы китайского искусства, которое формировалось на протяжении тысячелетий. Глубину и значение его влияния на европейскую цивилизацию мы можем оценить, обратившись к западной традиции колокольного звона. Многие инструменты попали на территорию европейских государств из Китая. Запад впитывал информацию, проникающую со стороны Дальнего Востока, на основе чего формировались традиции, отличные по смысловому наполнению и формам реализации звучания, но сходные в едином видении колокола как сакрального инструмента.

Е. Васильченко, сравнивая характер общения Дальнего Востока с внешним миром, отмечает, что «Восток скорее интровертен, чем экстравертен. Исторически подобная замкнутость основывалась на «имперской психологии», согласно которой мир делился на Поднебесную империю и земли, где жили «варвары» – в этот разряд попадали все народы, жившие за пределами территории Китая» [7, с. 181].

Язык культуры вырастает из нефиксируемой истории мировосприятий, ценностей, психологических установок различных цивилизаций. По словам В. Цукеркандля, «барьеры между одной музыкой и другой гораздо труднее преодолеть, чем языковые барьеры» [2, с. 29]. Однако культурный диалог возможен, если представители разных цивилизаций осознают необходимость расшифровки культурных кодов друг друга, проявляя при этом искреннюю заинтересованность, последовательность и взаимопонимание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Музыкальный словарь Гроува / пер. с англ. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Практика, 2007.
2. Орлов, Г. Древо музыки / Г.Орлов. – 2-е изд., испр. – СПб.: Композитор. Санкт-Петербург, 2005.
3. A History of Chinese Culture / Completed by Guo Shangxing, Sheng Xingang. – Henan University press, 2000.
4. Кравцова, Н. История культуры Китая / Н.Кравцова. – СПб.: Лань, 1999.
5. Шнеерсон, Г. Музыкальная культура Китая / Г.Шнеерсон. – М., Государственное музыкальное издательство, 1952.
6. Есипова, М. Колокола Восточной Азии – их функции и семантика / М.Есипова // Музыка колоколов: сб. исследований и материалов / ред. и сост. А. Никаноров. – Санкт-Петербург, 1994.
7. Васильченко, Е. Музыкальные культуры мира: Культура звука в традиционных восточных цивилизациях (Ближний и Средний Восток, Южная Азия, Дальний Восток, Юго-Восточная Азия): учеб. пособие / Е.Васильченко. – М.: РУДН, 2001.

Иконография Ваджраяны – уникальное явление в религиозном искусстве народов мира. Она сочетает в себе черты нескольких культурных пластов разного времени и традиций: тибетских добуддийских шаманских верований, индийского тантризма и шиваизма, буддизма Махаяны.

Произведение традиционной тибетской иконографии *танка* выполняется с использованием клеевых красок или отпечатывается на шелке, либо хлопчатобумажной ткани, загрунтованной смесью из мела и животного клея. Изображение создается одним художником либо группой мастеров в соответствии со строгими канонами. *Танка* может иметь размеры от нескольких квадратных сантиметров до нескольких квадратных метров.

Танка представляет собой не объект поклонения, но созерцания и медитации. Изображения на *танка* содержат особый символический язык. С помощью его выражаются глубокие философские идеи учения Алмазной Колесницы. Элементы иконографических изображений на *танка* в своей основе содержат универсальные символы, связанные с общечеловеческими представлениями о мироздании и духовном опыте.

Главным объектом изображения на *танка*, как правило, являются божества Ваджраяны. Понятие божества в буддийской традиции, а точнее, в учении Алмазной Колесницы, не вполне сопоставимо с понятием божества в других религиозных и мифологических пантеонах. В традиции Ваджраяны, божество – это **сложный, глубоко символичный образ представителя буддийского пантеона. Он содержит в себе архетип и является центральным компонентом практики поиска отражений элементов данного образа в сознании адепта для пробуждения природы будды, лежащей в основе всех элементов психики.** В связи с этим *танка* могут использоваться в медитативных практиках. В зависимости от наклонностей своего сознания практикующий выбирает божество-покровителя (*ишта-девату*), которое становится центральным элементом его практик.

В философской системе Ваджраяны содержится представление об Ади-будде – изначальном будде, как принципе существования состояния будды и возможности его достижения. Из Ади-будды эмануруют пять дхьяни-будд (будд медитации), заключающих в себе основные аспекты существования макрокосма и микрокосма, находящихся в единстве. Из пяти будд медитации эмануруют все остальные божества, имеющие принадлежность к одному из пяти семейств будд. Через Ади-будду и пять дхьяни-будд происходит не только развертывание вселенной, но одновременно ее свертывание, так как все в конечном итоге исчезает в Ади-будде, имеющем высший онтологический статус [1]. Символика изображения на *танка* в точности соответствуют вышеуказанному представлению о мироздании.

Божества на *танка* изображаются в различных, порой противоположных, ипостасях – мужских и женских, мирных и грозных, которые есть различные аспекты одних и тех же явлений. Их образы наделяются большим количеством символов, которые отражают идеи учения Алмазной колесницы и восходят к древним представлениям о мире и человеке.

Восемь благих символов буддизма

Восемь благих символов буддизма – это традиционная группа символов, которые выражают различные аспекты буддийского учения. Эти символы очень древние. Они имеют добуддийское происхождение и уходят корнями в общечеловеческие представления о мире.

Ниже приведем описание восьми благих символов, в котором указывается их значение в рамках буддийской философии, а затем их происхождение и связь с архаическими представлениями разных народов.

Зонт символизирует защиту от греховных мыслей и желаний, а также страданий. Этот символ присутствует на изображениях Авалокитешвары в форме с белым зонтом, а также Белозонтичной Тары (Ситатапатрапараджиты). Символ зонта выражает способность бодхисаттв оберегать людей, благодаря своему состраданию, а также указывает на отсутствие у просветленных существ подверженности страстям и помрачениям ума. В Древней Индии зонты были символом власти и высокого социального положения.

Две рыбы указывают на отсутствие препятствий на пути просветленных. Достигнувшие Просветления свободны, точно рыбы в воде, которые плывут, не зная преград. Рыбы почитались в традициях многих народов. Они могли рассматриваться как опора мироздания или ассоциироваться с мировым океаном, быть символом плодovitости или богатства.

Сосуд (ваза) символизирует источник всех проявлений и возможностей. На более поверхностном уровне понимания он воплощает долголетие, здоровье и благосостояние. Глубокий смысл этого символа раскрывается в идее о том, что пустой сосуд может что-либо вмещать в себя, так же, как пустота *Шунья* вмещает в себя все и является основой и истинной природой всех вещей и явлений. Сосуд – это древний символ лона, вместительница жизни. На *танка* часто можно видеть сосуд с *амритой* (эликсиром бессмертия).

Лотос символизирует чистоту и отсутствие привязанности к сансаре. Подобно тому, как лотос вырастает в мутной воде и сохраняет свою чистоту, просветленный, родившись в одном из миров сансары, не имеет к ней привязанности. Лотос и Колесо Закона являются самыми популярными буддийскими символами. Символ лотоса используется также в индуизме. Некоторые исследователи полагают, что этот цветок имеет также сексуальную коннотацию. Он символизирует воспроизведение, то, из чего возникает все мироздание. Когда лотос раскрывается и цветет, рождается вселенная [2]. В этом смысле он ассоциируется с чревом и женским началом и подобно колокольчику противопоставляется *ваджре* – мужскому символу.

Раковина символизирует глас буддийского учения, пробуждающего от неведения. Раковина обычно изображается белого цвета с завитком, поверну-

тым право. Поворот вправо указывает на направление по часовой стрелке, по ходу движения небесных светил, наблюдаемых в Северном полушарии Земли. В этом же направлении совершают ритуальный ход вокруг ступы. В Индии и Тибете существует ритуальный музыкальный инструмент, сделанный из раковины. В индуизме такой инструмент считается атрибутом бога Вишну и символизирует первый звук во вселенной, с которого начинается творение [3]. Завитки раковины указывают на древнее представление о развитии мира по спирали (циклически), а звук, который она издает, является символом звуковой волны как творческой силы во вселенной.

Бесконечный узел – символ взаимозависимости и взаимообусловленности всех явлений и существ во вселенной. Символика узлов и нитей часто имеет отношение к судьбе, обстоятельствам и условиям жизни. Завязывание и плетение ритуальных узлов имеется в традициях разных народов. Специальные узлы использовались в магических ритуалах, служили оберегами.

Знамя победы олицетворяет преодоление всех препятствий на пути к Освобождению. Этот знак символизирует победу пробужденного сознания над невежеством, страданием и смертью.

Колесо Дхармы (*Дхармачакра*) символизирует само буддийское Учение. «Вращать Колесо Дхармы» значит проповедовать буддийское Учение. Колесо Закона с острыми спицами, разрушающими помехи на пути, является главным инструментом *чакравартина* – владыки мира, правящего в соответствии с буддийским Учением. Спица, ось и обод символизируют Три Корзины Учения (*Трипитаку*). Восемь спиц означают Восьмеричный Путь [4]. Колесо Дхармы часто изображается на крыше храмов. По обе стороны от него находятся олень и лань. Считается, что эти животные были свидетелями проповеди Гаутамы Шакьямуни в Бенаресе [1]. Колесо является древнейшим символом солнца, а также созидания и защиты. В индуистской традиции колесо (или солнечный диск) – атрибут бога Вишну [5].

Восемь благих символов обычно изображаются вместе. На *танка* они чаще присутствуют внизу полотна. Эти символы также украшают стены храмов или жилища буддистов. Некоторые из восьми символов могут изображаться отдельно как атрибуты божеств на *танка*.

Значения символов мирных божеств

Изображения божеств в мирных ипостасях имеют ряд наиболее часто встречающихся символов, которые отражают сущность данных представителей пантеона Ваджраяны и те идеи буддийской философии, которые заключены в их визуальных образах.

Далее приведем список символов мирных божеств и укажем их значения.

Ваджра и **гханта** (колокольчик) символизируют единство метода *упаи* и мудрости *праджни* [1]. *Ваджра* – санскр. «молния», «алмаз» – древнее орудие громовержца Индры. В буддизме *ваджра* стала символом молниеносного Просветления и ясного, чистого, словно алмаз, просветленного сознания. Из этого символического образа происходит название самого направления буддизма – Ваджраяна. *Гханта* – ритуальный колокольчик с ручкой в

виде *ваджры*. Он символизирует внутренне постигаемую мудрость осознания истинной природы всего сущего. Единство мудрости *праджни* и метода ее постижения *упаи* также понимается как слияние женского и мужского начала. На *танка* божество обычно держит *ваджру* в правой руке, а *гханту* – в левой. Это связано с имеющимися во многих культурах представлениями о связи правой стороны с мужским началом, а левой – с женским. Иногда на *танка ваджре* противопоставляется лотос в качестве символа *праджни* и женственности. На изображениях божеств в гневной ипостаси *ваджра* и *гхантха* трансформируются в *григуг* (изогнутый ритуальный нож) и *габалу* (чашу из человеческого черепа).

Диадема бодхисаттвы символизирует отказ бодхисаттв от полного Освобождения для себя и вступление на путь помощи всем живущим. Она также является атрибутом бодхисаттв, которые должны прийти на землю и стать буддами (т.е. бодхисаттв в понимании Тхеравады). Так Будда Шакьямуни перед приходом на землю с небес Тушита возложил свою диадему бодхисаттвы на голову Майтрэи [1]. В различных традициях возложение короны, венца, символизирует принятие определенной миссии, например монархом во время коронации, брачующимися во время венчания и т.д.

Драгоценные камни – символ духовного богатства, тех даров, которые человек обретает, достигнув просветления (свобода от пут сансары, преодоление смерти и т.д.).

Зеркало является символом чистого пустого сознания. Спокойное и ровное, как зеркальная гладь, сознание способно отражать истинную природу вещей без искажений.

Лев – символ могущества и бесстрашия, которое обретает просветленный благодаря достижению непрерывности сознания и независимости от круга рождений и смертей. Лев (санскр. *симха*) является одним из эпитетов Будды. Во многих культурах лев ассоциируется с несокрушимой силой духа, царственностью, солнцем и мужским началом.

Лук и стрела воплощают цель и ее достижение. Этот символ так же, как *ваджра* и *гханта* может указывать на единство мудрости *праджни* и метода ее обретения – *упаи*. В архаических культурах лук с вложенной в него стрелой выступает как символ оплодотворенного чрева.

Мангуста, изрыгающая драгоценности – символ богатства и процветания, изображается на *танка* божества богатства Вайшраваны. Мангуста символизирует щедрость, поскольку пожирает змей, воплощающих не только злость, но и жадность [4].

Меч (обычно пламенеющий) – орудие отсечения невежества. Это символ решительности, мужества, борьбы с внешними и внутренними препятствиями на пути к Просветлению и Освобождению. Только с помощью избавления от невежества можно обрести мудрость осознания истинной сущности всех вещей. На *танка* меч может противопоставляться лотосу как символ средств *упаи* и мужского начала. Так на изображениях бодхисаттвы Манджушри в правой руке он держит пламенеющий меч, а в левой – лотос, на котором лежит *Праджняпарамита-сутра* – «Сутра запредельной мудрости».

Множество голов (лиц) и рук символизирует способность божества одновременно проявляться в различных ипостасях и разных мирах. Среди голов обычно присутствует лик противоположной ипостаси божества (мирной или гневной), а также голова (лицо) дхьяни-будды, из которого божество эманурует. Поскольку в практиках божество представляется в центре мироздания и в сердце самого адепта, множество лиц и рук символизирует вселенскую форму божества, как принцип будды, лежащий в основе всех явлений.

Музыкальный инструмент – символ звуковой волны как творческой силы во вселенной [3].

Обитель божества символизирует его связь с определенными аспектами макрокосма и микрокосма, в основе которых лежит природа будды.

Ореол вокруг головы – символ достижения высокого духовного уровня. Изображение свечения вокруг головы божеств на *танка* схоже с изображениями нимба на христианских иконах. Однако, в христианской иконографии нимб имеет вид золотистого свечения, распространяющегося в виде круга над головой святого, а в трехмерной форме (у статуй святых) изображаемого как диск. На *танка* у божеств имеется большой шар, охватывающий голову и небольшое пространство над ней. Цвет ореола может сильно варьироваться.

Паривара – изображения представителей пантеона, сопровождающих основную фигуру на *танка*. *Паривара* содержит информацию о роли и месте центральной фигуры в пантеоне. В *париваре* может присутствовать божество, из которого эманурует центральная фигура, божества того же семейства, другие ипостаси главного божества на *танка*, святые и учителя, разработавшие практику данного божества, либо считающиеся его проявлением и т.д.

Патра (монашеский сосуд для подаяний) символизирует отречение от мира, отказ от желаний, также указывает на одно из Сокровищ буддизма – Сангху (монашескую общину).

Пять драгоценностей в Диадеме Бодхисаттвы – символ пяти дхьяни-будд, которые олицетворяют различные аспекты вселенной и человека и из которых эмануруют все божества. В гневной ипостаси божеств пять драгоценностей трансформируются в пять черепов.

Радуга и радужность символизируют достижение полной духовной реализации. В конце земной жизни просветленные обретают так называемое «радужное тело» или «тело света». На *танка* будды и учителя могут изображаться в радужной *тигле*, либо рядом с божеством может присутствовать радуга. Дорожка по, которой люди покидают круг сансары на *танка Бхавачакра*, также имеет вид радуги. Радуга сочетает все возможные цвета, которые в итоге соединяются в белый цвет. Таким же образом все проявляется из пустоты *Шуньи* и вновь туда возвращается. В традициях других народов радуга считалась мостом между мирами, связывающим различные уровни и аспекты существования во вселенной. Разложение света на цвета символизирует некую градуальность, иерархичность во вселенной, а сочетание всех цветов в белом указывает на единство всего сущего.

Солнце и луна (полумесяц) изображаются сверху, слева и справа от центральной фигуры на *танка*. Они являются древними символами небесных

светил, дня и ночи, времени и календаря. Одновременное присутствие этих двух символов указывает на то, что благодаря своим благим качествам божество становится неподвластным времени. Символ солнца и луны также указывает на наличие в организме правого и левого энергетических каналов (*пенгала, ида*), находящихся рядом с центральным каналом (*сушумна*).

Сосуд с амритой (эликсиром бессмертия) является символом победы над смертью, в результате Просветления и Освобождения. Эликсир бессмертия изливается сверху на человека, пребывающего в состоянии полного спокойствия и радости, и приносит бессмертие, которое понимается как ясность и непрерывность сознания, т.е. возможность перенесения без искажений опыта этой жизни в жизнь следующую. Образ сосуда с *амритой* пришел из индуистской традиции.

Тигла – сияние вокруг фигуры. Определенные цвета *тиглы* указывают на состояние просветленности сознания, святости изображаемой сущности. Свечение вокруг тела имеется на религиозных изображениях других традиций.

Триратна – Три Сокровища буддизма: Будда, *Дхарма* (Учение) и *Сангха* (Община). На *танка* изображается в виде трех драгоценных камней, составляющих треугольник [6].

Тройной лотос символизирует три ступени познания: бутон – *авидья*, (невежество), полураспустившийся цветок – *виджняна* (логическое знание), расцветший – *праджня* (истинная мудрость). Также может быть символом будд прошлого, настоящего и будущего [6].

Урна (знак между бровями) указывает на медитативное состояние.

Ушниша (возвышение на голове) – символ просветленности, является обязательным атрибутом изображения будд.

Четки символизируют непрерывность и цикличность развития. В буддийских четках обычно насчитывается 108 бусин. Этот предмет часто используются верующими для чтения мантр. На *танка* четки держит Бодхисаттва Авалокитешвара, Праджняпарамита в своей желтой ипостаси и некоторые другие божества.

Чинтамани – камень, исполняющий желания. Он является символом свободы человека с просветленным сознанием, который, не имея привязанности к сансаре, с легкостью отказывается от всего и получает все.

Царские атрибуты бодхисаттв указывают на возможность бесчисленных проявлений бодхисаттвы в мирах сансары, к которой он не привязан и, следовательно, всевластен, как царственная особа.

Цвет тела мирных божеств обычно желтый (золотой), символизирующий состояние будды, либо белый, содержащий все цвета и воплощающий природу будды, лежащую в основе всех явлений. Каждый из пяти дхьяни-будд имеет свой цвет, символизирующий различные аспекты вселенной и человека.

Шкура оленя является символом отшельничества и йогической практики, так как в Индии йоги использовали шкуры животных в качестве подстилок во время медитации. Олень также является символом чистоты и благочестия, как в буддизме, так и в некоторых других традициях [3].

Значение символов гневных божеств

В своей книге «Махавидьи в индийской тантре» канадский исследователь Дэвид Кинсли использует термин *пороговые символы* [2]. Мы определяем **пороговые символы** как элементы образа божества (как правило, гневного), которые в человеческом сознании воспринимаются как отвратительное, пугающее, социально не одобряемое, запретное, а в духовных практиках тантрического направления призваны выводить сознание адепта за пределы двойственного восприятия мира.

Для последователя учения Ваджраяны важно осознание того, что путь к Освобождению лежит за пределами условных представлений о добродетели и пороке, так как добро и зло суть две стороны одного явления и неотделимы друг от друга. Если адепт на своем духовном пути желает стать лучше, то всегда возможен и обратный процесс приобретения отрицательных качеств. И добродетель, и порок формирует карму, поэтому человек может до бесконечности бегать вверх-вниз по лестнице добра и зла, пребывая в паутине сансары. Адепт на духовном пути должен стать не лучше, а стать другим.

Гневные божества Ваджраяны наделены множеством пороговых символов. Они образно выражают мгновенные и радикальные перемены, наступающие в момент Просветления, и указывают на бескомпромиссность борьбы со всем, что может быть помехой на пути к Освобождению.

Особенности изображения грозных божеств, кроме глубоких идей философии Ваджраяны, также имеют в своей основе архаические представления о божествах. Последнее выражается в зооморфных чертах облика многих божеств, а также в связи некоторых элементов их образа с аспектом сексуальности и плодородия.

Иконографические образы гневных божеств имеют следующие основные символы.

Барабан дамару – небольшой барабан в форме песочных часов. Он символизирует первый звук во вселенной и звуковую волну как творческую силу. Две половинки *дамару* символизируют двойственность сансарического восприятия, удар по двум сторонам барабана – преодоление этой двойственности. В индуизме *дамару* является атрибутом Шивы. Барабаны *дамару* используются в ритуалах тибетского буддизма [7].

Бунчук – древко с привязанным конским или ячьим хвостом. Символ власти и преодоления препятствий.

Бык в индуистской традиции считается атрибутом Шивы и Ямы. Этот символ присутствует на *танка* тех божеств, образ которых претерпел влияние шиваитской тантрической традиции: Ямараджа, Ямантака и т.д.

Вахана – ездовое животное божества. Этот атрибут пришел из индуизма и выступает в качестве восполнения отсутствующих у божества зооморфных черт. Иногда божество само обладает чертами своего *ваханы*. Тип ездового животного (обитающее в воде или на земле, летающее в небе и т.д.) указывает на характер божества и его место в картине мира.

Человеческие органы (обычно органы чувств) символизируют восприятие человека, а их символическое жертвоприношение – отказ от ложного

понимания мира и стремление обрести истинную мудрость. На *танка* часто встречается изображение перевернутого человеческого черепа, либо чаши в виде черепа, наполненных органами чувств. Это символическое изображение преходящей личности, индивидуальности (черепа), которая формируется посредством восприятия окружающего мира (органы чувств) [8].

Григуг и **габала** заменяют *ваджру* и *гханту* (колокольчик) на изображениях гневных божеств и имеют то же значение – единство мудрости *праджни* и метода ее постижения *упаи*. **Григуг** – изогнутый ритуальный нож с рукояткой в виде *ваджры*. **Габала** – чаша из человеческого черепа. Символ черепа имеет ритуальный характер во многих культурах мира. Голова, либо череп считается вместилищем человеческой личности, сознания, а также жизненной силы.

Змея в буддийской традиции так же, как в других культурах имеет двойственное значение. С одной стороны, она символизирует злость и жадность. Висящие на плече божества змеи указывают на то, что оно помогает преодолеть эти пороки. Интересным является символ змеи, пытающейся ужалить Колесо Закона [6]. С другой стороны *наги* – мудрые змеи, живущие у подножия горы Сумеру, хранят знания, которые им проповедовал Будда Гаутама. Эти знания со временем должны быть принесены в мир людей, так как на момент проповеди Гаутамы люди не были готовы их получить. Змея на шее божества может заменять брахманский шнур – символ, пришедший из индуизма, указывающий на статус дваждырожденного – изучившего *Веды*.

Множество голов (лиц), рук и ног имеет то же значение, что и у мирных божеств.

Нагота – символ свободы от обусловленностей и понимания истинной природы всех явлений.

Отрубленные головы – символ отсечения ложного, преходящего эго. Гневные божества часто изображаются с гирляндой отрубленных голов на шее или поясе.

Отрубленные руки символизируют прекращение деятельности (мыслей и поступков), способствующих накоплению новой кармы. Грозные божества могут изображаться в юбке из отрубленных рук.

Паривара имеет то же значение, что у мирных божеств.

Пламя вместо тиглы символизирует огонь, сжигающий помрачения ума, пороки и другие препятствия на пути к Освобождению.

Попирание врагов ногами указывает на преодоление препятствий в любых формах: инстинктов и опасности рождения в мире животных (попирание зверей), человеческих привязанностей к мирскому (попирание людей), стремления к могуществу и ложного принятия рождения в высших мирах за Освобождение (попирание богов).

Пять черепов в диадеме заменяют пять камней, символизирующих дхьяни-будд.

Сексуальные атрибуты корнями уходят в добуддийские архаические культы. В рамках буддийской традиции они могут указывать на слияние *праджни* и *упаи*. Данные атрибуты также могут служить пороговыми симво-

лами, помогающими преодолеть обусловленные представления о приемлемом и неприемлемом, одобряемом и неодобряемом, порождающие ложную двойственность восприятия мира.

Стоящие дыбом волосы – символ Просветления. В традиции иконографических изображений подчеркивается, что все волосы на теле будды подняты вверх.

Трезубец (кхатванга) – жезл, верхняя часть которого состоит из сосуда с нектаром бессмертия, стоящего на ваджре, двух голов и черепа, увенчанного ваджрой или трезубцем. В индуизме *кхатванга* является атрибутом Шивы, ее носили шиваиты-отшельники.

Третий (вертикальный) глаз – символ духовного зрения божеств, обладающих просветленным сознанием и способных видеть истинную природу всех вещей.

Цвет тела грозных божеств часто бывает синим. Это цвет, пришел из шиваизма. Также часто встречается красный цвет, выражающий гневность этих представителей пантеона.

Шкура тигра обычно в виде юбки одета на божестве. Этот атрибут связан с Шивой, а также аскезой и йогической практикой [9].

Изображения яб-юм

Яб-юм – это изображение божеств в любовном соитии. В переводе с тибетского *яб* значит «отец», а *юм* – «мать». В традиции Ваджраяны с помощью изображений *яб-юм* выражается единство Изначальной Мудрости *праджни* (женское начало) и средств ее достижения *упаи* (мужское начало). Исходя из этого, духовную супругу божества называют *праджней*. Иногда по отношению к женскому аспекту божества применяют термин *шакти*. Однако, следует отметить принципиальное отличие понятия *шакти*, пришедшего из индуизма, и буддийского представления о *праджне*. *Шакти* представляет собой деятельный, активный аспект абсолюта. Она является универсальной творящей силой, находящейся в единстве с изначальным принципом творения. Все женские ипостаси богов являются проявлениями единой *шакти* и воплощают эманации божественной энергии. Буддийская *праджня*, напротив, представляет собой пассивный аспект единства изначальной беспредельной мудрости и метода ее постижения. *Праджня* – это постигаемая истинная сущность самого себя и всех вещей. Все женские божества буддизма эмануруют из единой *Праджни*, которая является аспектом Ади-будды (принципа состояния будды и возможности его достижения).

Изображения *яб-юм* также могут символизировать и другие идеи буддийского учения Махаяны. Например, двенадцать *аятана* могут быть представлены в виде шести сочетающихся пар божеств. Двенадцать *аятана* – это классификация *дхарм* по элементам сознания, обеспечивающим восприятие окружающего мира. Так же как пять *скандх* являются пятью необходимыми для существования элементами личности, двенадцать *аятана* представляют собой «инструмент» познания окружающего мира. Двенадцать *аятана* складываются из шести *индрий* – способностей чувственного восприятия (зрения,

слуха, осязания, обоняния, вкуса и мыслительных способностей) и шести *вишая* – объектов чувственного восприятия (видимого, слышимого, осязаемого, обоняемого, вкушаемого и нечувственных объектов) [10]. Сочетание *индрий* и *вишая* изображается в виде шести сочетающихся пар божеств, которые таким образом символизируют шесть *аятана*.

Важным моментом является понимание того, что *праджня* и *упая* в Ваджраяне, так же, как два принципа мироздания, имеющих в культурах многих народов, являются не просто сочетанием, а единством, двумя аспектами одного.

Символы и атрибуты изображений божеств, благодаря строгости канонических правил выполнения иконографических изображений, имеют регулярную воспроизводимость и образуют определенную знаковую систему, где они связаны и противопоставлены друг другу. Данная система отражает представления о мире человеке и духовном опыте, содержащиеся в учении Ваджраяны.

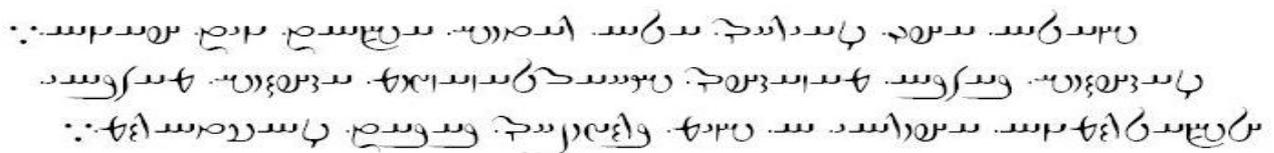
ЛИТЕРАТУРА

1. Торчинов, Е.А. Введение в буддологию: курс лекций / Е.А. Торчинов. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – 304 с.
2. Кинсли, Д. Махавидьи в индийской тантре / Д. Кинсли. – СПб.: Академия исследования культуры, 2008. – 336 с.
3. Индийская мифология : энциклопедия / редколл. : К. Королев (гл. ред.). – М.: Эксмо, 2006. – 446 с.
4. 吉布, 杨典. 唐卡中的曼荼罗 / 吉布, 杨典. – 西安: 陕西师范大学出版社, 2006. – 271 页。
5. Мифы народов мира: в 2-х т. / редколл.: Токарев С.А. (гл. ред.) [и др.]. – М.: Советская энциклопедия, 1980-1982. – Т. 1. – 1980. – 672 с.
6. 吉布. 唐卡的故事 / 吉布. – 西安: 陕西师范大学出版社, 2006. – 191 页。
7. 洛桑杰嘉措. 西藏密宗 / 洛桑杰嘉措. – 西安: 陕西师范大学出版社, 2007. – 319 页。
8. Кьябдже Сонг Ринпоче. Комментарии на практику чод / Кьябдже Сонг Ринпоче, Богдо Геген Халха Джецун Дампа Ринпоче. – М.: Открытый мир, 2006. – 256 с.
9. Мифы народов мира: в 2-х т. / редколл.: Токарев С.А. (гл. ред.) [и др.]. – М.: Советская энциклопедия, 1980-1982. – Т. 2. – 1982. – 720 с.
10. Радхакришнан, С. Индийская философия / С. Радхакришнан. – М.: Альма Матер; Академический проект, 2008. – 1008 с.

Авестийский язык – древнейший из сохранившихся иранских языков, на котором написаны священные тексты зороастризма. Ученые считают, что он возник на рубеже II – I тыс. до н.э. Язык Авесты разделяют на два периода: язык Гат и младоавестийский. Язык Гат более архаичен и является наиболее близким к языку Ригведы [1].

В западной литературе для обозначения зороастрийских небесных существ используется слово «ahura» по аналогии с индийским «asura». Однако в авестийском языке слово «ahura» используется только в двух случаях:

1. В сочетании Ahura-Mazdā – Господин Премудрый;
2. Если в одной из частей предложения есть слово «Mazdā», то в другой части слово «ahura» может употребляться самостоятельно. Например, как в главной мантре зороастризма:

*Yathā **ahu** vairyo athā ratush ashāt chit hachā.
Vangheush dazdā manangho shyaothananām angheush **Mazdāi**,
khshathremchā **ahurāi** â yim dregubyo dadat vāstārem [2].*

Слово «ahura» в свою очередь восходит к слову «ahu» – «господин», которое используется в первом предложении мантры «Ахунавар». Авестийское слово «ahu» является однокоренным древнескандинавскому названию богов – «as(s)» [3].

В «Этимологическом словаре иранских языков» В. Расторгуевой и Дж. Эдельман, а также в «Словаре наиболее распространенных авестийских слов» оба слова, и «ahura», и «ahu», поясняются как «Господин» [4, с. 101], [5]. Однако закономерно возникает вопрос: если «ahu» – это «Господин», то какую же семантику несет слог «га» в слове «ahura»?

Слог «га» встречается во многих авестийских словах, чья семантика связана с понятиями «свет», «огонь», «блеск», например, «hvara» – «солнце» [5], [6, с. 438], «stara» – «звезда» [5], «Mithra» – буквально «дружба, союз, священный договор» [там же] – Язат священного договора и солнечного света.

Мы считаем, что слог «га» является сокращением от авестийского корня «гаосаh» – «свет, свечение, дневной свет, сияние» [там же]. Этот корень сохранился и в других иранских языках: в лурийском – «gushe» – «светлый»; в персидском – «roshan» – «светлый»; в курдском – «ronak» – «луч света». В подтверждение можно также привести примеры из других культур.

В египетской мифологии бога солнца называли **Ра** (иероглиф для обозначения слова «солнце» – «☉») [7], в гаитянских верованиях одно из солярных божеств – **Лоа (Ла)** [8]. В китайском языке иероглиф «солнце» («日») читается как «rì» [9]. Эволюцию данного иероглифы можно представить в виде схемы:

«Свет» на ацтекском языке науатль звучит как «**lanu**» [10]. В языке майя оптический образ иероглифа «солнце» схож по своей структуре на древнеегипетский и древнекитайский (см. рис. 1), однако чтение иероглифа не совпадает («k'in») [11], [12].

Рис. 1. Майянский иероглиф «солнце»

Если говорить в терминологии комбинаторной семантики, корень «га» обозначает стереотип, т.е. закодированный интеллектом повторяющийся элемент в копии мира [13]. Мы предлагаем рассмотреть ряд авестийских слов, представив в виде формулы: *актуализатор* (далее (А)) «гаосаһ» + *модификатор* (далее (М)) «Х».

Представим имя Язата «Mithra» в виде «гаосаһ» (А) + «mith» (М). «Mith» означает «встречать, жить вместе» [5], следовательно, можно предположить, что свертка «Mithra» означает «встречать светом, жить вместе со светом», что отражает функции Язата как покровителя дружбы. Другой вариант модификатора – корень «mizhda» – «вознаграждение, плата» или «мзда» [там же], однокоренное авест. «mizhda». В этом случае «Mithra» означает «вознаграждение света, светлое вознаграждение», что может считаться метафоричным пояснением понятия «дружба».

Свертку «Hvara» – «солнце» – можно представить в виде «гаосаһ» (А) + «hva» (М):

1) корень hva- (hu-, hû-) означает «благой, хороший» [5], [6, с. 414], например, «humata» – «благая, хорошая мысль» [5], поэтому «hvara» может означать «благой, хороший свет».

2) корень hva- также может означать «сам, само-, собственный» [5], [6, с. 422]. Исходя из этого, «hvara» – «свет сам, собственный свет».

Слово «stara» («звезда») можно представить в виде «гаосаһ» (А) + «stât» (М) – «защита, покровительство, опека» [5], т.е. «защита света, покровительство света, светлая защита». Это соответствует зороастрийским представлениям, в которых Язаты звезд выступают хранителями человечества.

«Огонь» – «Âthra» [4, с. 318], [5] – символ Ахура-Мазды, горящий во всех храмах. Если солнце для зороастрийцев – главный небесный источник

света, то огонь – главный земной источник. В Гатах встречается архаичная форма слова «âthra» – «âthraêca» [5], которая показывает незавершенность процесса свертки. Модификатором здесь выступает слово «aêta» – «(именно) этот» [4, с. 129], [5]. Таким образом, можно восстановить эволюцию слова: «aêta raocah» – «(именно) этот свет, (именно) этот источник света» => «âthraêca» => «âthra».

Слово «dâthra» в переводе с авестийского означает «дар (божественный)» [5], [14, с. 437]. Так как «божественный» и «светлый» в авестийском являются синонимами, можно предположить, что слово «dâthra» возникло в результате свертки «raocah» (А) + «dâiti» (М) – «данный» [5], т.е. «данный светом».

С авестийского языка слово «manthra» переводится как «святое слово, молитва» [там же]. Модификатором здесь является слово «mañtâ» – «осознанный, обдуманый» [там же], восходящее к слову «man» – «думать» [там же]. Свертку от «raocah» (А) + «mañtâ» (М) можно толковать как «осознанный свет», «осознание света» при повторении определенного текста.

Одним из названий зороастрийского жреца является «zaotar», что переводится как «совершающий богослужение; пастух, пастырь» [там же]. В трактате «Суждения Духа Разума» указывается, что жрец обязан не только «почитать Язатов [...]», но и «указывать людям дорогу к раю [...]» [15], т.е. должен служить верующим «путеводной звездой». Слово «Zaotar» также используется как эпитет Ахура-Мазды, когда описывается, как он создавал мир, совершая «возлияние, жертвоприношение, священнодействие, ритуал» «zaothra» [5], т.е. некое светлое таинство. Учитывая выше сказанное, мы считаем, что слово «zaothra» возникло в результате свертки «raocah» (А) + «zaotar» (М) и означает «свет жреца-пастыря», т.е. «свет» как «благо» от исполнения обязанностей.

В заключение, вернемся к рассмотрению слова «ahura». Как мы видим, «ahura» действительно представляет собой свертку от «raocah» (А) + «ahu» (М), поэтому мы считаем ошибочным перевод слова «ahura» как «господин», так как он не передает явную семантику «света», заключенную в этом слова. Исходя из этого, мы предлагаем переводить слово «ahura» как «Господин Света», «Светлый Господин», «Владыка Света», а имя «Ahura-Mazdâ» – как «Наимудрейший Владыка Света». Такой перевод позволит подчеркнуть присутствие зороастризму черты религиозного дуализма.

Любая священная книга представляет собой своеобразный код, передающий мудрость наших предков. Мы считаем, что комплексный подход в изучении авестийского языка с учетом данных различных наук и языковых явлений открывает новые перспективы в дешифровке и переосмыслении Авесты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авестийский язык // Википедия: Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Авестийский_язык. – Дата доступа: 29.03.2011.

2. Avesta: Khorda Avesta (Book of Common Prayer) // Avesta – Zoroastrian Archives [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://www.avesta.org/ka/index.html>. – Дата доступа: 26.03.2011.
3. Асы // Википедия: Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Асы>. – Дата доступа: 14.04.2011.
4. Этимологический словарь иранских языков. Т. 1 / В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман. – М.: Восточная литература, 2000. – 327 с.
5. Dictionary of most common Avestan words // Avesta – Zoroastrian Archives [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://www.avesta.org/avdict/avdict.htm>. – Дата доступа: 05.04.2011.
6. Этимологический словарь иранских языков. Т. 3 / В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман. – М.: Восточная литература, 2007. – 493 с.
7. Ра // Википедия: Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Ра>. – Дата доступа: 07.04.2011.
8. Лоа // Википедия: Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://en.wikipedia.org/wiki/Loa>. – Дата доступа: 07.04.2011.
9. 𐬨 // Викисловарь [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://en.wiktionary.org/wiki/𐬨>. – Дата доступа: 30.03.2011.
10. Freelang Nahuatl-English dictionary // Freelang [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://www.freelang.net/dictionary/nahuatl.php>. – Дата доступа: 15.04.2011.
11. Maya // Ancient Scripts [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://www.ancientscripts.com/maya.html>. – Дата доступа: 16.04.2011.
12. Dictionary of Maya Hieroglyphs by John Montgomery // FAMSI (Foundation for the Advancement of Mesoamerican Studies) [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://www.famsi.org/mayawriting/dictionary/montgomery/index.html>. – Дата доступа: 16.04.2011.
13. Гордей, А.Н. Теоретическая грамматика восточных языков: лекционный курс. – Минск, 2009 (*рукопись, аудиокурс*).
14. Этимологический словарь иранских языков. Т. 2 / В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман. – М.: Восточная литература, 2003. – 502 с.
15. Дадестан-и Меног-и Храд (Суждения Духа Разума) // Благоверие – официальный сайт Русского Анджомана [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://blagoverie.org/tradition/pehlevi/dadestan/index.phtml>. – Дата доступа: 02.04.2011.

Настоящая работа имеет своей целью анализ Дао как категориального пространства, поддающегося функциональной раскладке на разнородные фигуры, и переосмысление на этом основании космогонической составляющей древнекитайского памятника «Даодэцзин». Приводится модель «вечного возвращения», воплощающая архитектуру «вселенского метапроцесса» и позволяющая по-новому взглянуть на описанный в тексте космогенез.

1. Представление Дао как системы семантических координат

«Дао» (道) – знак, функцией которого является номинация центральной категории «Дао Дэ Цзина», наделенной свойством безымянности. «吾不知其名, 字之曰道, 强为之名曰大, 大曰逝, 逝曰远, 远曰反» – «Я не знаю его имени, нарекаю знаком Дао и, делая усилие, называю его Великим; Великое называю Уходящим, Уходящее называю Далеким, Далекое называю Возвращающимся» [1, 25 чжан; перевод автора].

Характерно подчеркивание, что «Дао» (道) – это в первую очередь знак, а, значит, именно графический смысл иероглифа «Дао» явился непосредственным основанием его выбора в качестве лингвистического субститута главной категории учения, представленного в тексте. Иероглиф 道 «Дао» состоит из двух частей: знаков 辵 «чо» (сокращенная форма начертания – 辵) и 首 «шоу» (имеющий значение «голова»), однако в древнейших полных формах начертания иероглифа вместо элемента 辵 встречается знак 行 (行) «шагать», дополненный снизу рисунком «ступни», а иногда рисунком «кисти руки».

Все это, *во-первых*, указывает на образ «шагающего человека», графически фиксируя как бы «видение изнутри человеком самого себя в движении», что является прямым указанием «на единство тела и окружающего его мира» [2]; *во-вторых*, приоткрывает подтекст объективности: «видение себя» в абстракции от себя самого есть объективное видение, являющееся атрибутом «Я» безличного, «Я» божественного; *в-третьих*, закрепляет «движение» как координату категории.

Движение, вплетенное в циклы «ухода» и «возвращения» (более подробно об этом будет сказано ниже), приписано Дао и в контексте слов «Великое называю Уходящим, Уходящее называю Далеким, Далекое называю Возвращающимся», имеющих своей основной задачей (вслед за установлением семантических координат категории посредством знака «道») установление семантических координат средствами слов «Великое», «Уходящее», «Далекое», «Возвращающееся».

Прямая же дефиниция, что есть центральная категория текста, графически обозначаемая «道», умышленно отсутствует.

Причину выделяем в коммуникативную особенность «Даодэцзина» – отказ от номинации вещей идеального мира¹ в пользу задания области их определения посредством установления семантических координат, которые подтолкнут адепта, в первую очередь, к их чувственно-эмпирическому осознанию.

В рассматриваемом пространстве категории Дао можно выделить несколько координатных слоев:

1) графический;

2) лексический, где устанавливаются лексические субституты Дао в различных аспектах его восприятия. К уже упомянутым выше «Великое», «Уходящее», «Далекое», «Возвращающееся» можно добавить: «Невидимое», «Неслышимое», «Мельчайшее», «Бесконечное», «Безымянное», «Вечное», «Форма без форм», «Туманное», «Неясное» и т.п.;

3) функциональной дистрибуции, в котором задается область определения функциональных реализаций Дао. Так, Дао обладает «тварной» функцией [1, чжаны 42, 51 и др.], воплощает собой целостность мира [1, чжан 39 и др.] и онтологически высший путь и принцип существования и т.п.

Резюмируя сказанное, термин Дао есть название системы семантических координат, выполняющей функцию интуитивного ориентира для практикующего адепта.

2. Выделение фигур на координатной доске Дао и установление триединства как фундаментальной характеристики его функциональных реализаций

Представленное в тексте координатное поле Дао неоднородно: можно выделить несколько самостоятельных по значению фигур в качестве подмножеств множества.

Прямое указание на количество фигур, вмещенных в исследуемое семантическое пространство, можно найти в 14 чжане, а именно: «*视之不见，名曰夷；听之不闻，名曰希；搏之不得，名曰微。此三者不可致诘，故混而为一*» – «*Смотрю на него и не вижу, а поэтому называю его невидимым. Слушаю его и не слышу, поэтому называю его неслышимым. Пытаюсь схватить его и не достигаю, поэтому называю его мельчайшим. Эти Трое словами объяснены не могут быть, поэтому объединены в одно*» [1, перевод автора].

При этом категорически нельзя согласиться с тем, что «Невидимое», «Неслышимое» и «Мельчайшее» могут являться атрибутами Дао в контексте его восприятия органами зрения, слуха и осязания, что замыкало бы существование Дао на трех перечисленных измерениях. Т.е. данный чжан апеллирует к Дао как единству Трех Сущностей (которым, как и Дао, за невозможностью быть прикрепленными к грубой форме имен, введены здесь произвольные координаты).

Автор предлагает выделить следующие три фигуры, сумма объемов которых будет равна объему непосредственно Дао:

¹ Под вещами «идеального мира» понимаются те, что не входят в формат «десяти тысяч вещей» – т.е. «тонкие» конструкции, лишённые формы и имени.

1) «Ложбинный Дух» или «Сокровенная Самка» как таинственная и непознаваемая первопричина Вселенной, корень бытия, первоисточник информации, неизменная константа. В 6 чжане находим: «谷神不死，是谓玄牝，玄牝之门，是谓天地根» – *«Ложбинный дух бессмертен, называют Сокровенной Самкой его, врата той Самки Сокровенной – корень Неба и Земли»* [3, перевод Е.А. Торчинова].

Использование метафоры «самка» весьма четко обрисовывает контур заданной координаты: нечто, наделенное функцией рождать, исток всего.

2) Дао как творящая космологическая сила, универсальный организующий принцип бытия, его мера и смысл, онтологически высший путь существования, вселенская закономерность развития. В дальнейшем во избежание смешения понятий уровня и метауровня за данной фигурой будет закреплено имя «Логос»¹.

Проекция *Логоса – Дэ* – есть первая ступень его деградации, на которой рожденная им вещь формируется. Другими словами, *Дэ* есть актуализация *Логоса* в мире имен.

Данное толкование *Дэ* коррелирует с этимологией обозначающего его иероглифа 德, который восходит к эпохе Шан-Инь (16-11 вв. до н.э.). Его смысл заключен в центральном графическом элементе, изображающем глаз с идущим из него вверх лучом, что означает взор, обращенный к небесному божеству, вышнему источнику всякой благодати [5].

«道生之，德畜之，物形之，势成之» – *«Дао рождает вещи, Дэ вскармливает их, вещи оформляются, формы завершаются»* [6, 51 чжан, перевод Ян Хин-шуна]; «失道而后德» – *«Дэ появляется только после утраты Дао»* [6, 38 чжан, перевод Ян Хиншуна].

3) *Ци* как витальная сила, жизненная энергия, пропитывающая все во Вселенной, а также формирующая ее идеальную (тонкую) и материальную (грубую) формы.

Ци также воплощает собой диалектическое единство противоположностей, нося в себе положительный заряд *ян* и отрицательный заряд *инь*, переходящие друг в друга и свивающие энергетическую спираль Дао.

«万物负阴而抱阳，冲气以为和» – *«Все сущее носит в себе инь ци и ян ци, оппозиция которых образует гармонию»* [1, чжан 42; перевод автора]; «反者道之动» – *«превращение в противоположное есть действие Дао»* [6, чжан 40, перевод Ян Хин-шуна].

Стоит отметить, что четкой границы между описанными фигурами нет, они не существуют изолированно: одно теряет смысл без другого. Более того, на них распространяется принцип фрактальности, когда каждая отдельно взятая фигура сохраняет свойства целого и в ней неизбежно проявляются все другие фигуры.

Схематически они могут быть представлены в виде трех проекций, объединенных общим центром – Дао – как метауровнем.

¹ Категория древнегреческой философии, введенная Гераклитом, активно развиваемая Аристотелем, Платоном и неоплатониками и обладающая содержанием, идентичным изложенной фигуре Дао [4].

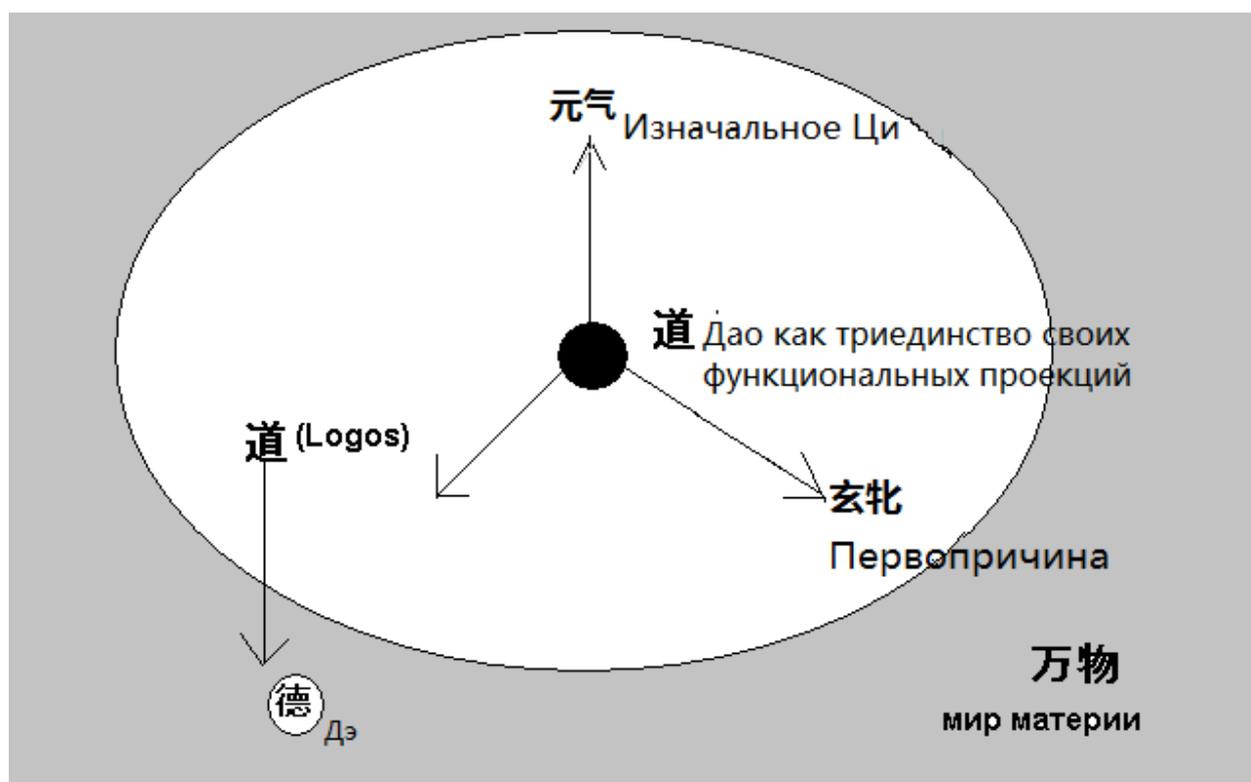

Рис. 1. Представление Дао в виде трехвекторной системы

3. Рассмотрение космогенеза как акта развертки Дао

Теперь перейдем к непосредственному рассмотрению описанного в «Даодэцзине» космогенеза.

Начнем с анализа первого чжана: «无名天地之始；有名万物之母» – «Безымянное – начало неба и земли, обладающее именем – мать всех вещей» [6, перевод Ян Хиншуна]. Мотив творения, заключенный в данный отрезок, устанавливает координаты двух последовательно идущих процессов:

1) бинарное сепарирование изначальной целостности и как результат – появление Неба и Земли, как воплощения Великого *Ян* и Великого *Инь* – что является прямой отсылкой к развитию биполярной природы Изначального *Ци* – формообразующего материала Вселенной. Однако отметим, что архитектура понятия «безымянное» на деле (при осуществлении функциональной реконструкции) гораздо многограннее понятия «Изначальное *ци*», включая: «Ложбинный дух» как первопричину, *Ци* как материал, *Логос* как закон развития (в том числе бинарной сепарации);

2) зарождение материального мира («десяти тысяч вещей») из грубого *ци* («обладающего именем»).

Далее в первом чжане находим: «此两者同出而异名，同谓之玄，玄之又玄，众妙之门» – «Оба они исходят из одного, но разнятся именами. Вместе они называются «Сокровенным». [Переход] от одного «Сокровенного» к другому – таковы врата всех тайн» [6, перевод Ян Хиншуна].

«Исходят из одного, но разнятся именами» – на метауровне все это есть воплощение Дао. Возможно, здесь также имеется ввиду тонкое («безымянное») и грубое («обладающее именем») как два состояния *ци*.

Под переходом от «отсутствия» к «наличию» (так называемыми, «вратами всех тайн») может подразумеваться 1) цикл рождений и смертей как некий абсолютный закон (исходящий из *Логоса*) как более узкое толкование; 2) закономерность развертки Вселенной (также воплощающая *Логос*) как более широкое толкование.

При рассмотрении космогонической составляющей «Даодэцзина» центральным, безусловно, является 42 чжан: «道生一，一生二，二生三，三生万物。万物负阴而抱阳，冲气以为和» – «Дао рождает Одно, Одно рождает Два, Два рождает Три, Три рождает все сущее. Все сущее носит в себе инь ци и ян ци, оппозиция которых образует гармонию» [1, перевод автора].

Традиционный комментарий разъясняет его так: Одно – это порождаемое Дао «Изначальное ци (元气); Два – это «Инь Ци» и «Ян Ци», на которые разделяется единая недифференцированная квазиматериальная субстанция «Юань Ци»; Три – это те же Инь и Ян, а также продукт их соединения, соотносимые обычно с Небом, Землей и Человеком [7].

Автор не может согласиться с данным комментарием, поскольку:

1) предложение «Дао рождает Одно, Одно рождает Два, Два рождает Три, Три рождает все сущее» можно представить как выражение с неизвестными переменными, где Дао, раскладываясь на три фигуры, дает на выходе развертку всего сущего. При подстановке переменных «Инь», «Ян» и «продукт их соединения» выражение оказывается неверным: а) Дао, как уже было отмечено выше, существенно шире координатного поля «изначальное ци»; б) ци как образующий Вселенную материал лишен творческой силы и не способен к развитию без *Логоса* как лежащей в основе его закономерности¹;

2) достаточно нелогичным является выделение продукта соединения *Инь* и *Ян* в качестве отдельной переменной. *Инь* и *Ян* есть взаимодополняющие противоположности в рамках целого, одно переходит в другое, т.е. внутренняя природа микро- и макрокосма пытаются воссоздать утраченную целостность в результате сепарирования изначального ци. В этом разрезе их отношения бесплодны, они изначально неотделимы друг от друга, а любая их комбинация будет давать в сущности одно и то же (с оговоркой на фактор динамики). Данные отношения воплощают закон *Дао-Логоса*;

3) упоминание слова «Ци», ровно как и слов «Инь» и «Ян» в тексте, за исключением 42 чжана, нет. Слово «Изначальное Ци» отсутствует в принципе. Это является прямым сигналом преувеличения значения данных категорий со стороны комментаторской традиции текста.

Автор предлагает модель, рассматривающую в данном чжане слово 生 («рождать») в качестве не носителя замысла «сепарирования», а инструмента функциональной раскладки Дао как триединой сущности.

¹ Сразу отметим, текст содержит конкретный намек, что *Логос* как закон и принцип организации Вселенной, воплощающий единство (в том числе и метафигуры Дао), является важнейшей вехой космогенеза: «天得一以清；地得一以宁；神得一以灵；谷得一以盈，万物得一以生» – «Благодаря единству Небо стало чистым, Земля – незыблемой, дух – чутким, долина – цветущей и начали рождаться все существа» [6, чжан 39, перевод Ян Хиншуна]. В случае его отсутствия «万物无以生，将恐灭» – «сущее перестанет рождаться и вымрет» [6, чжан 39, перевод Ян Хиншуна].

Один есть олицетворение начала начал – непознаваемой, таинственной первопричины всего и вся, генетически уходящей в Вечность.

Два есть воплощение Изначального *Ци* и *Логоса*.

Три воплощает собой единство метафигуры Дао, т.е. 1+2.

Итак, введя переменные, попытаемся осуществить реконструкцию космогенеза.

Являясь первопричиной, чья генетика таинственна и непознаваема («吾不知谁之子» – «Я не знаю, чье оно порождение» [6, чжан 4, перевод Ян Хиншуна]), Один начинает развертку, посылая творческий импульс.

Инь и *ян* – в своем изначальном виде – абстрактное воплощение закона развития – имплементируются *Логосом* в океан тонкого *Ци*, содержащий форму и отсутствие формы в довоплощенном состоянии изначальной целостности.

Так происходит сепарирование Единого на два противоположных заряда, начинающих свивать архитектуру идеального и материального миров, следуя закону *Логоса* о взаимном переходе.

Завершается процесс оформлением грубых миров имен – так называемых, «десяти тысяч вещей» – когда *ци*, сгущаясь, воплощается в своей грубой, непостоянной форме.

После сотворения мира имен *Дао-Логос* актуализируется в нем в виде *Дэ*, пестуя все живое и открывая врата пути просветления для всех ищущих Дао созданий.

4. «Трек вечного возвращения» как воплощение принципа цикличности – фундаментальной закономерности Дао

Можно ли утверждать, что акт космогенеза заканчивается оформлением грубых миров? Какие процессы следуют описанной развертке Вселенной? Для понимания этого автор предлагает более подробно раскрыть сущность *Логоса* как главного архитектора всех процессов, протекающих во Вселенной, и остановиться на принципе цикличности, лежащем в его основе.

«*Дао постоянно*» (чжан 32), т.е. вечно, а также динамично (что уже было обосновано выше), т.е. Дао есть воплощение вечной динамики. Важно, что данная динамика не есть динамика хаоса, напротив, ее реализует четкая закономерность, заложенная *Логосом*. Естественно, что с разверткой Вселенной динамика не переходит в статику, а продолжает подчиняться определенной закономерности. И ключевым здесь будет являться понятие «вечное возвращение», которое автор предлагает рассмотреть на макро- и микроуровнях:

1. На микроуровне в рамках круговорота жизней и смертей, воплощающего принцип цикличности мира «десяти тысяч вещей».

«夫物云云，各归其根» – «[В мире] – большое разнообразие вещей, все они возвращаются к своему корню» [16-й чжан, прим. перевод Ян Хиншун]; «万物归焉» – «Все сущее возвращается к нему [Дао]» [6, 34 чжан, перевод Ян Хиншуна].

Естественно, возвращение к Дао можно понимать двояко: а) как духовное возвращение в лоно целостности и б) как физическое возвращение в оке-

ан тонкого *ци*. И в то время как первое возвращение требует соблюдения пути учения, изложенного в книге, второе является абсолютно естественным (имена и формы непостоянны) и его проходят все существа, а, значит, именно оно подразумевается в приведенных примерах.

Таким образом, рождение и смерть есть закон «десяти тысяч вещей», где смерть есть возвращение в лоно изначальной пустоты, которая, в свою очередь, являясь строительным материалом, затвердевает под воздействием *Логоса* в новых грубых формах – т.е. снова и снова воплощается в мире имен через врата новых рождений.

Так образуется герметичная система, где ничего не исчезает и ничего не появляется нового – т.е. ее равновесие поддерживается за счет вечного круговорота энергии.

Здесь реализуется и ранее упоминавшаяся фраза «玄之又玄，众妙之门» – «[Переход] от одного «Сокровенного» к другому – таковы врата всех тайн» в своем узком толковании. Чередование Сокровенного (наличия и отсутствия) и есть таинственное воплощение изложенного выше закона.

Схематически это может быть представлено в виде цифры «восемь» – символа бесконечности – огибающей плоскость и делящей ее на две части своего рода «треком», по которому вечным потоком из одной половины в другую (и наоборот) движутся индивиды:

Рис. 2. Схематическое изображение трека «вечного возвращения» на микроуровне.

2. На макроуровне в рамках круговорота разверток и сверток Вселенной, воплощающего цикличность как фундаментальный признак Дао.

В 25 чжане можно найти четкую иллюстрацию таких свойств природы Дао как «уходить» и «возвращаться»: «吾不知其名,字之曰道,强为之名曰大.大曰逝,逝曰远,远曰反» – «Я не знаю его имени, нарекаю знаком Дао и, делая усилие, называю его Великим; Великое называю Уходящим, Уходящее называю Далеким, Далекое называю Возвращающимся».

При этом отметим, что присваивание Дао координат «уходящее» и «возвращающееся» сделано именно в том чжане, где автор «Даодэцизна» осуще-

ствяет номинацию семантического пространства категории, а, значит, каждое слово в этом чжане задает только фундаментальные координаты. Таким образом, Дао четко определено как нечто следующее закону «ухода» и «возвращения».

В 14 чжане читаем: «繩繩兮不可名，復歸於无物» – «Оно бесконечно и не может быть названо. Оно снова возвращается к отсутствию вещей» [1, перевод автора]. Как мы видим, здесь идет самое прямое указание на обреченность Дао, вовлеченного в вечность, возвращаться к отсутствию вещей.

Особый интерес представляют два момента: 1) знак «снова», стоящий перед «возвращаться», который акцентирует, что это не первое возвращение; 2) знак «вещи» (из «десяти тысяч вещей»), стоящий после знака «отсутствие» – т.е. фактически указующий на исчезновение мира имен.

Очередной пример неизменно цикличной природы Дао находим в 25 чжане: «獨立而不改，周行而不殆» – «Оно [Дао] стоит, не изменяется, по кругу вращается без усталости» [1, перевод автора].

Из всего описанного выше следует: следуя закону вечной динамики, Дао, развернув Вселенную, сворачивает ее, образуя цикл на макроуровне, который отражается и на микроуровне в описанной выше модели рождений-смертей.

При этом графически – это все та же цифра восемь – так называемый, «трек вечного возвращения», «чередование Сокровенного»:

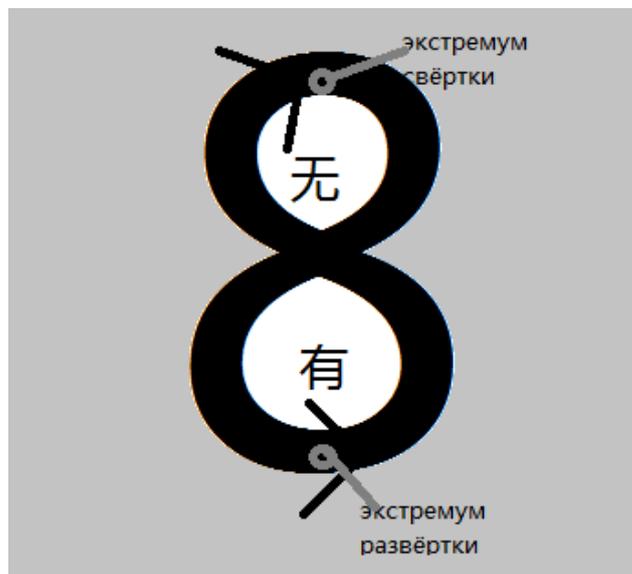

Рис. 3. Схематическое изображение трека «вечного возвращения» на макроуровне

Таким образом, акт сотворения мира и развертки Вселенной есть лишь отрезок на «треке вечного возвращения» от некоторой точки поля 无 «отсутствия» до некоторой точки поля 有 «наличия» и является одной из двух сторон вселенского метапроцесса.

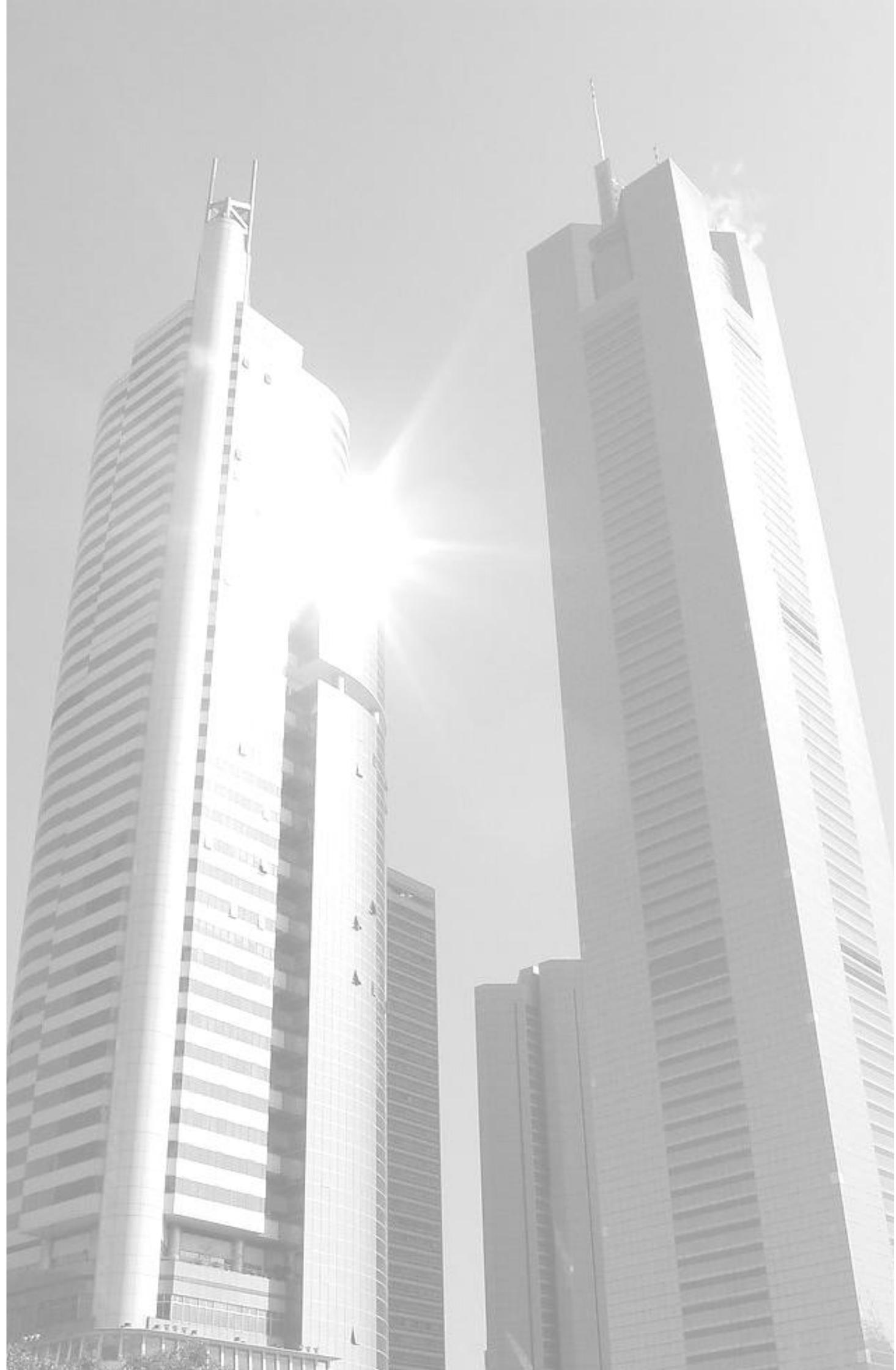
Как все в природе, данный метапроцесс двоичен: имея своей янской стороной развертку, а иньской – свертку, плавно перетекающих друг в друга и образующих динамическое единство.

ЛИТЕРАТУРА

1. 老子/刘永升主编。——北京: 大众文艺出版社, 2009.
2. Мартыненко, Н.П. «Специфика семиотического изучения древнекитайских текстов». – <http://daolao.ru/Texts/Martynenko/martynenko01.htm>.
3. Торчинов, Е.А. Даосизм. Дао-Дэ цзин / Торчинов, Е.А. – СПб., Азбука, 1999. – 288 с.
4. Трубецкой, С.Н. Учение о логосе в его истории / Трубецкой, С.Н. – М., Университетская книга, 2009. – 608 с.
5. Кобзев, А.И. Дэ и коррелятивные ей категории в китайской классической философии / Кобзев, А.И. // От магической силы к моральному императиву: категория дэ в китайской культуре: сб. науч. ст. / под науч. ред. А.И. Кобзева, Л.Н. Бороха. – М., Восточная литература, 1998. – 422 с.
6. Лао Цзы. «Даодэцзин». – <http://lib.ru/POECHIN/lao1.txt>.
7. Торчинов, Е.А. Даосские практики. Путь золота и киновари/ Торчинов, Е.А. – СПб.: Азбука, 2007. – 478 с.

**КИТАЙ XXI ВЕКА:
ПРОБЛЕМЫ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ И
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ИНТЕГРАЦИИ**

Установление Беларусью дружеских и партнерских отношений с Китайской Народной Республикой является важнейшим внешнеполитическим достижением нашей страны. В настоящее время белорусско-китайские отношения продолжают активно развиваться по всем направлениям деятельности государства. Одним из приоритетных направлений развития всего комплекса белорусско-китайских отношений является **сфера образования.**

Укрепление дружественных отношений нашей страны и КНР способствовало резкому увеличению количества китайских студентов, желающих получить профессиональную подготовку в Институте журналистики.

Стоит отметить, что в Республике Беларусь развитию журналистского образования уделяется особое внимание. Так, по поручению Президента Республики Беларусь Министерство образования утвердило Комплексную программу развития журналистского образования в Республике Беларусь. Программа представляет собой комплекс взаимосвязанных мероприятий по совершенствованию и развитию профессионального образования, включающих разработку национальной концепции журналистского образования, создание системы обеспечения качества образования, формирование научно-методического обеспечения систем журналистского образования Республики Беларусь. Как справедливо отметил Министр образования А.Радьков, современная социально-политическая ситуация, сложившаяся в мире, меняет требования к подготовке кадров, их профессиональным качествам, интеллектуальному потенциалу [1, с. 4].

Профессиональную подготовку журналистских кадров в нашей стране осуществляет фактически только одно учреждение – Институт журналистики БГУ. Сама жизнь, социальные и политические преобразования, глобальная информатизация общества прогнозировали создание в Институте журналистики серьезной научно-методической базы, основанной на опыте белорусской школы журналистики и на лучших достижениях мирового журналистского образования. Институт журналистики рассматривает вопрос привлечения иностранных студентов и конкурентоспособности как первостепенный при реформировании национальной системы профессионального образования.

В условиях глобализации вопрос международной конкуренции приобретает особую значимость, учитывая, что Институт журналистики хочет и имеет возможность достичь мировых стандартов в образовании благодаря современным технологиям и наличию нового учебно-производственной базы – телецентра БГУ.

Институт журналистики может похвастаться наличием такого важного в современное время элемента продвижения белорусского образования на рынке образовательных услуг, как специальный сайт. В настоящее время официальный сайт Института журналистики БГУ <http://www.journ.bsu.by> является, прежде всего, эффективным электронным средством обучения и сопровождения учебного процесса. Второй задачей сайта мы определяем активизацию работы по информированию и по налаживанию контактов с гражданами иностранных государств. С целью привлечения иностранных студентов главная страница сайта уже сегодня представлена на английском, немецком, французском и китайском языках. Популярность сайта подтверждает тот факт, что его посещаемость достигает 200 человек в сутки, аудитория охватывает 86 стран мира. Сайт обновляется каждые 2-3 дня. В структуре сайта более 15 разделов, в том числе: расписание занятий; электронная библиотека, конспекты лекций (более 200 учебных пособий и конспектов); фотогалерея (свыше 3000 фотографий); форум (более 6000 сообщений); гостевая книга; онлайн-голосование и др.

Администрация Института ставит задачу повышения качества подготовки специалистов с учетом современных научных достижений, мировых тенденций и особенностей развития сферы профессиональной деятельности. Институт журналистики БГУ совместно с Министерством информации провел системную модернизацию профессиональной подготовки, что позволило обеспечить высокое качество и практикоориентированность подготовки специалистов журналистского профиля в нашей стране. При этом все качественные преобразования, проводимые в национальной системе журналистского образования, соответствуют тенденциям развития профессионального образования в мире.

Сегодня все усилия профессорско-преподавательского состава Института журналистики БГУ направлены на совершенствование подготовки журналистских кадров: разрабатываются новые государственные образовательные стандарты; применяются в учебном процессе инновационные, более эффективные технологии обучения и воспитания; улучшается содержательно-технологическое и научно-методическое обеспечение профессиональной подготовки; широко практикуется внедрение в учебно-воспитательный процесс специальных дисциплин, способствующих профессиональной самоидентификации студента, в том числе таких форм, как мастер-классы, авторские курсы, семинары-мастерские; активно проводятся выездные семинары, научно-практические конференции, круглые столы. Но не только перечисленные факты являются причиной привлечения китайских студентов в Институт журналистики. Это, прежде всего, стремление к культурному разнообразию, интернационализация национальных систем образования, рынков труда, необходимость усиления научных исследований, обмен опытом, укрепление сектора профессионального образования.

Постоянное обновление содержания профессионального образования с учетом самых современных требований прогнозировало тот факт, что белорусская школа подготовки специалистов в области журналистики пользуется

в мире заслуженной популярностью. Национальная система высшего образования является открытой и доступной, в условиях глобализации она максимально адаптирована для профессиональной подготовки граждан всех государств мира.

Свою деятельность Институт основывает на принципах, определенных политикой государства в сфере образования, таких как доступность, качество образования, безопасность пребывания в стране. Данные факторы и высокий кадровый потенциал Института журналистики способствовали тому, что количество иностранных студентов постоянно растет. Только в этом году на отделении международной журналистики их количество увеличилось в 4 раза (третье место по БГУ).

За 30 лет работы отделения профессиональное образование получили свыше пятисот представителей разных стран: Иордании, Гвинеи, Греции, Сирии, Конго, Португалии, Ирака, Сальвадора, Колумбии, Нигерии, Намибии, Эфиопии, Мадагаскара, Уганды, Туниса, Танзании, Ливана, Кении, Непала, Омана, Мавритании, Ганы, Палестины, Мали, Афганистана, Коста-Рики, Сан-Томе и Принсипи, Бенина, Индии, Кипра, Габона, Боливии, Того, Йемена, Зимбабве, Перу, Марокко, Кабо-Верде, Польши, Буркина Фасо, Замбии, Таиланда, Судана, Бельгии, Бурунди, Израиля, Экваториальной Гвинеи, Филиппин, Комбоджи, Либерии, Синегала, Анголы, Вьетнама, Китая и др. Институт журналистики стремится не терять контакты и установить более тесные связи с государственными, политическими и экономическими деятелями зарубежных стран из числа своих выпускников.

Отделение международной журналистики сегодня – это отделение китайских студентов: студенты всех трех групп первого курса – представители КНР. Этот факт не может не радовать, поскольку, с одной стороны, мы можем дать новое содержание образовательному процессу, разработать методическую учебную литературу исключительно для китайских студентов, создать новые учебные программы, специально разработанные для удовлетворения потребностей иностранных граждан из КНР. С другой стороны, белорусские студенты получают возможность больше узнать о Китае, познакомиться с китайскими традициями, культурой и, конечно, подружиться.

В Институте журналистики ведется обучение по 4 специальностям («Журналистика», «Журналистика международная», «Информация и коммуникация» и «Литературная работа») и 6 направлениям («Аудиовизуальная журналистика», «Печатные СМИ», «Веб-журналистика», «Технологии коммуникации», «Редактирование»). На всех специальностях обучаются представители других государств. Приоритетной специальностью для китайских студентов является «Журналистика международная» с двумя престижными специализациями «Международная журналистика и политика» и «Международная журналистика и экономика». Данная специальность позволяет студентам осуществлять практическую и научно-исследовательскую работу по проблематике СМИ Китайской Народной Республики (например, скоро будет защита кандидатской диссертации «Вечерняя пресса Китая в системе национальных СМИ»).

Практикоориентированность национального журналистского образования определило тот факт, что студентам отделения международной журналистики дается возможность выбора места прохождения практики: наши белорусские СМИ или СМИ КНР.

Приоритетной задачей для администрации Института является оказание информационной, адаптивной и социальной помощи студентам-иностранцам, особенно первокурсникам, регулярное информирование об их правах и обязанностях в период обучения и проживания в Республике Беларусь. Деканатом организованы еженедельные встречи, включенные в расписание занятий, с целью выявления наиболее острых проблем, профилактики правонарушений, информирования о поведении в случае совершения в отношении их противоправных действий. В китайские группы из числа опытных преподавателей назначены кураторы, что позволило активизировать внеучебную работу с китайскими студентами, включая проведение конкурсов, факультетских мероприятий, спортивных соревнований, экскурсий. Так, ежегодно иностранные студенты участвуют в «Дне первокурсника». Мы всегда помним о том, что китайские граждане, возвратившись после учебы на родину, способствуют развитию и укреплению китайско-белорусских отношений. Они, как правило, стремятся дать своим детям образование не на родине, а у нас.

Растет число желающих – граждан Китая – получить последипломную профессиональную подготовку в магистратуре и аспирантуре. Сегодня в магистратуру идут два контингента абитуриентов. Первый – лица, получившие высшее профессиональное образование у нас в Институте, вторые – выпускники иностранных вузов со степенью бакалавра. Сегодня для каждой группы обучающихся созданы отдельные типовые планы, разработаны индивидуальные рабочие планы, подготовлены программы курсов, с учетом специфики базового образования. Мы никому не отказываем и учитываем все факторы и пожелания, чтобы создать максимальные условия как для социальной адаптации, так и для организации учебного процесса и научной работы.

Практика сотрудничества Института журналистики с иностранными вузами и организациями таких стран, как Швеция, Германия, Франция, в сфере образования показывает, что расширение и углубление многосторонних связей стран в сфере профессионального образования является важным сегментом в укреплении всего комплекса дружественных отношений. С учетом кадрового потенциала и учебно-материальной базы Института журналистики сегодня готов реализовать совместные образовательные проекты и с вузами Китайской Народной Республики.

Таким образом, администрации Института журналистики рассматривает вопрос привлечения иностранных студентов с позиции долгосрочной перспективы: расширение контингента обучающихся иностранных граждан будет в дальнейшем способствовать росту международного имиджа Беларуси в целом, и Института журналистики в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Радьков, А.М.* Образование и вызовы времени / А.М. Радьков // Вышэйшая школа. – 2008. – №3. – С.4-8.

Т. Я. ПАВЛОВА

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И УСИЛИЯ КНР В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В современных рыночных условиях успешное развитие, как экономики страны, так и бизнеса напрямую связано с наличием эффективного механизма защиты права интеллектуальной собственности. Правовая защита результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, а также борьба с недобросовестной конкуренцией является важной частью правовой деятельности государств и юридических компаний. Интеллектуальная собственность, охраняемая в большинстве стран мира, является сейчас одним из наиболее мощных стимуляторов прогресса во всех отраслях развития общества – научно-технического, экономического, культурного и т.д.

Интеллектуальная собственность сегодня фактически везде рассматривается как одна из наиболее важных составляющих бизнес активов. К таким активам относятся патенты, объекты авторского права, фирменные наименования, товарные знаки, знаки обслуживания, наименование мест происхождения товаров – т.е. средства индивидуализации участников гражданского оборота и производимой ими продукции.

За прошедшие тысячелетия многочисленные выдающиеся представители Китая – ученые, философы, изобретатели и художники своими блестящими интеллектуальными достижениями внесли огромный вклад в развитие мирового прогресса.

В связи с активным притоком в Китай иностранных инвестиций, вступлением страны в ВТО и стремительным развитием Интернета, работа в области интеллектуальной собственности приобретает все возрастающую важность. Вступление Поднебесной в ВТО означает, что она не боится международной конкуренции своим товарам. Ежегодный рост китайской экономики, составляющий 10%, происходит в немалой степени и за счет освоения хайтека – высоких технологий. Китайские компании уже начинают лидировать в таких областях, как информационные технологии, производство телекоммуникационного оборудования, телевизионной и компьютерной техники. Сегодня Китай занимается экспортом не сырья, как это делает, к примеру, Россия, а готовых изделий, главным образом, машиностроительной и наукоемкой продукции – подобная структура экспорта позволяет относить КНР к числу промышленно развитых стран, для которых создание действенной системы интеллектуальной собственности является важным приоритетом.

Понятие интеллектуальной собственности для Китая сравнительно новое, и создание соответствующей законодательной базы началось в КНР лишь в 1980-х гг. С конца 70-х годов XX века, когда официальной доктриной

развития страны была провозглашена политика реформ и открытости, в деле защиты интеллектуальной собственности произошли серьезные сдвиги. Постепенно в стране был сформирован институт интеллектуальной собственности и его правовой защиты. В соответствии с нормами «Общих положений гражданского права КНР» сфера действия прав на интеллектуальную собственность главным образом распространяется на авторское (издательское) право, патентное право, торговые марки, открытия, изобретения, а также на иные технические достижения (ст. 94-97) [1, с. 187-188]. По каждой из вышеперечисленных форм интеллектуальной собственности были приняты соответствующие законодательные акты, предписывающие порядок регистрации прав на определенную форму интеллектуальной собственности, срок его действия, наказание за нарушение прав владельца и т.п.

Закон об авторском праве был принят в 1990 г., поправки к нему были приняты в 2001 г. Сфера действия закона распространяется на произведения устного и письменного творчества, аудио- и видеопродукцию, произведения искусства, программное обеспечение и т.п. Согласно закону, авторское право на произведение науки, литературы и искусства возникает с момента его создания. Это право позволяет разрешать или запрещать использование произведения в любой форме и любым способом. При возникновении авторских прав сам автор или лицо, по служебному заданию которого создано произведение, становится правообладателем. Передача авторских прав может осуществляться как с помощью заключения авторского договора отчуждения, так и в порядке наследования.

Основным вопросом авторов при создании и использовании произведений является вопрос об обеспечении или защите собственных авторских прав. Охрана авторского права может, осуществляется разными способами: во-первых, путем признания права; затем восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; признания недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления; самозащиты права; возмещения убытков; взыскания неустойки; компенсации морального вреда и т.п.

Формы охраны интеллектуальной собственности могут быть самыми различными: это патенты исключительного права (на изобретения, полезные модели, промышленные образцы), свидетельства (на товарные знаки, знаки обслуживания и т.п.), и регистрации (программы для ЭВМ, базы данных, наименование мест происхождения товара), а также сам факт выпуска в свет литературных произведений, картин и т.п.

Во всех случаях создатель признаваемого охраноспособного объекта интеллектуальной собственности, защита которого оформлена надлежащим образом – вступившим в силу охранным документом, регистрацией, выпуском в свет и т.п., приобретает тем самым исключительное право на его использование, реализацию в любой форме, передачу по договору или по лицензии и т.д.

С 1980 г., когда было учреждено Патентное управление КНР прошло более четверти века. С 1985 г. в Китае вступил в силу «Закон о патентах». После этого один за другим были обнародованы такие нормативные документы, как «Правила применения Закона о патентах», «Положение о службе патентных поверенных», «Порядок административного исполнения законоположений о патентах», «Закон КНР о товарных знаках», «Закон КНР об авторском праве», «Положение о защите программного обеспечения компьютеров», «Положение об охране топологий интегральных микросхем», «Положение об управлении в отношении коллективных обладателей авторских прав», «Положение об управлении аудио- и видеопродукцией», «Положение о защите новых сортов растений», «Положения о таможенной защите прав интеллектуальной собственности», «Положение об управлении специфическими эмблемами». Был опубликован также ряд соответствующих правил применения данных нормативных актов и юридических толкований. С начала 1990-х гг. в КНР наблюдается тенденция к усилению охраны промышленной собственности, которая выразилась как в принятии новых законов, например о пресечении недобросовестной конкуренции (1993 г.), так и в пересмотре действующих [2, с. 31]. В Закон о патентах поправки вносились в 1992 и 2000 гг. Поправки 1992 г. обеспечили расширение объема и увеличение срока защиты патентного права, определили условия выдачи обязательной лицензии и право на импорт патента [3, с. 41]. В 2000 г. была принята вторая серия поправок к этому закону, целью которых было усиление судебной и административной защиты патентного права, усовершенствованы процедуры патентного поиска и выдачи охранных свидетельств при сохранении законных интересов всех заинтересованных сторон. В 1993 г. был также пересмотрен Закон о товарных знаках, а в 2002 г. принята новая редакция «Правил по применению Закона о патентах». В плане сущности законодательства, содержания прав, критериев защиты и средств оказания юридической помощи эти поправки в значительной степени способствовали научно-техническому прогрессу и инновациям; более того, они привели китайское законодательство в соответствие с Соглашением по торговым аспектам интеллектуальной собственности, выработанным ВТО, и другим международным правилам в данной сфере.

Побудительной причиной к совершенствованию законодательства в сфере интеллектуальной собственности явилось стремление приспособить национальное законодательство к современным международным стандартам и обеспечить эффективное осуществление материального права. В 1980 г. КНР вступила во Всемирную организацию интеллектуальной собственности. К настоящему моменту Китай присоединился к целому ряду конвенций и договоров, связанных с защитой прав интеллектуальной собственности, среди них – Парижская конвенция ВОИС об охране промышленной собственности; Мадридское соглашение о международной регистрации знаков; Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений; Всемирная конвенция об авторском праве и др.

За двадцать с лишним лет КНР достигла определенного прогресса в обучении специалистов различных сфер, в том числе, и правоохранительной, патентному делу и патентной информации. За данный период Китай, опираясь главным образом на свои силы, создал сравнительно целостную и самостоятельную систему рассмотрения патентов. С января 1994 г. Китай стал членом Договора о патентной кооперации, а Патентное управление КНР стало учреждением, уполномоченным принимать заявки от участников этого Договора, и организацией международного поиска соответствующей информации и предварительного рассмотрения заявок. Одновременно с этим была сформирована собственная система патентной работы: в соответствии с положениями «Закона о патентах» соответствующие ведомства Госсовета КНР и местные власти учредили ряд патентных органов [3, с. 41-42]. Таким образом, была сформирована система защиты интеллектуальной собственности, включающая службу патентных поверенных, предоставление информации, посредничество при передаче запатентованных технологий и оценку таких технологий.

По данным Агенства Синьхуа на 2007 г. Государственное управление интеллектуальной собственности приняло более 600 тысяч заявок на патенты. К примеру, провинция Гуандун, самая крупная и экономически развитая провинция Китая, занимает первое место в стране по количеству регистрируемых патентов – 90 тысяч в год [4].

Согласно Закону КНР о патентах, для регистрации патента необходимо предоставить пакет документов на китайском языке, включающих заявление на регистрацию, пояснение к изобретению и заявление о предоставлении прав на изобретение. Срок рассмотрения заявки – до 18 месяцев с момента подачи заявления. Полученный патент будет действителен в течение 20 лет с момента подачи заявления. Право практического использования новых модификаций и внешнего дизайна подлежит защите в течение 10 лет [5, с. 60].

Наряду с общими условиями закон предписывает порядок регистрации патента иностранными гражданами и предприятиями. В частности, кроме данного закона, иностранный заявитель при регистрации патента на территории Китая должен руководствоваться соответствующими двусторонними соглашениями между Китаем и страной заявителя или международными соглашениями, в которых участвуют оба государства. Иностранный заявитель имеет право зарегистрировать патент в установленном порядке только при посредничестве китайской компании. Кроме того, в отношении иностранных заявителей осуществляется предоставление национального режима, что означает, что если в течение 12 месяцев со дня подачи заявки на регистрацию патента за границей, в Китае была подана аналогичная заявка, то преимущественное право использования патента принадлежит иностранному государству. Иностранцы, иностранные предприятия и иные иностранные организации, подающие в Китае заявление о патенте, подразделяются «Законом КНР о патентах» на две категории: тех, кто имеет постоянную штаб-квартиру или офис в Китае, и тех, кто таковыми не располагает.

В случаях, когда с заявкой на патент в Китае обращаются иностранец, иностранное предприятие или иная иностранная организация, не имеющие в

Китае постоянной штаб-квартиры или офиса, то вопрос согласно статье 18 «Закона КНР о патентах» решается:

в соответствии с двусторонним соглашением, заключенным между Китаем и страной заявителя;

в соответствии с международным договором, в котором участвуют оба государства;

в соответствии с принципом взаимного благоприятствования по следующим двум вариантам: если закон о патентах того или иного государства безоговорочно разрешает иностранцу подать в данном государстве заявление о patente, то Китай тоже разрешает его гражданину или юридическому лицу пользоваться теми же правами, какими пользуется китайский гражданин, либо юридическое лицо; во-вторых, если по закону о патентах того или иного государства обращение граждан иной страны с заявкой на патент обусловлено тем, чтобы эта страна предоставляла права своего гражданина гражданам иного государства, то Китай в соответствии с «Законом КНР о патентах» предоставляет гражданам данного государства при обращении с заявкой на патент такие же права, как у китайских граждан [6, с. 147].

Иностранец, иностранное предприятие или иная иностранная организация, не соответствующие вышеуказанным трем положениям и не имеющие здесь постоянной штаб-квартиры или конторы, не могут подавать в Китае заявки на патент.

Согласно «Закона КНР о патентах», иностранец, иностранное предприятие или иная иностранная организация, имеющие постоянную штаб-квартиру или офис в Китае, должны, как и граждане страны, представить в Государственное управление по интеллектуальной собственности юридические документы о защите своего изобретения для проведения им экспертизы и принятия решения по вопросу о предоставлении патентных прав. Это служит основанием, чтобы после приобретения заявителем патентных прав он был включен в сферу защиты «Законом о патентах». Законом, инструкциями о его применении установлены единые правила о формах ходатайства. Все заявочные документы заполняются на китайском языке с использованием специальных таблиц, разработанных Государственным управлением по интеллектуальной собственности. При отсутствии унифицированного китайского перевода иностранного имени, географического названия или научно-технического термина после по-китайски выраженного слова или термина следует привести в скобках его оригинальное иностранное наименование. Если предоставляемые иностранцем в соответствии с предписанием различные свидетельства и удостоверяющие документы составлены на иностранном языке, то Государственное управление по интеллектуальной собственности может в случае необходимости потребовать, чтобы заявитель предоставил в назначенный срок китайский перевод.

Иностранцам заявителям при подаче заявок на патентование изобретений или новых моделей необходимо также представить в письменной форме ходатайство, описание, схему, правовое обоснование и краткое изложение содержания изобретения или модели. При подаче заявки на патентование ди-

зайнерского решения иностранный заявитель должен представить в письменной форме ходатайство, а также рисунок или фотографию данного дизайнерского решения. Кроме того, надлежит указать наименование продукции, для которой применяется данное дизайнерское решение, и ее видовую принадлежность.

После подачи заявки Государственное управление по интеллектуальной собственности проводит экспертизу и утверждение заявок [3, с. 42-43].

С 2005 г. Государственное управление по делам интеллектуальной собственности Китая начало использовать программное обеспечение PCT-SAFE, позволяющее осуществлять подачу международных патентных заявок по процедуре Договора о патентной кооперации, заключенного в рамках Всемирной организации интеллектуальной собственности, в электронной форме. Данный договор является основой международной патентной системы и обеспечивает быстрое, гибкое и экономичное получение патентной охраны в 137 странах. Включение системы PCT-SAFE («Надежная подача заявок в электронной форме») в деятельность Государственного управления по делам интеллектуальной собственности позволяет китайским заявителям составлять и подавать заявки в электронном формате. Внедрение новой формы работы способствует достижению оперативной эффективности, в значительной степени сокращает потребность в работе с бумажным носителем и исключает использование традиционной почты для подачи заявки. Указанная система гарантирует надежную пересылку международных заявок. При использовании новой системы заявители получают определенные преимущества, такие как сокращение расходов, в связи с печатанием, копированием и почтовой рассылкой заявок; фактически немедленное уведомление заявителей о том, что их заявка получена и находится в процессе обработки; а так же сокращение в некоторых случаях размера пошлин. В соответствии с Докладом ВОИС о мировой патентной системе за 2006 г. Китайское ведомство стало четвертым крупнейшим патентным ведомством мира (по числу поданных патентных заявок), а число патентных заявок, поданных лицами, имеющими место жительства в Китае, в период с 1995 по 2004 гг. возросло в пять раз. В Докладе также отмечается, что на долю пяти патентных ведомств (США, Японии, Республики Корея, Китая и Европейского патентного ведомства (ЕПВ)) приходится 75% всех поданных заявок и 74% полученных в мире патентов [7].

Регистрация торговых марок (товарных знаков, знаков обслуживания) в Китае осуществляется на основании Закона КНР о торговых марках, действующему в редакции от 27 октября 2001 г., Положений о применении Закона КНР о торговых марках – в редакции от 4 сентября 1992 г. Законом определено, что «для приобретения исключительного права на использование торговой марки, включая сервисную марку, любое физическое или юридическое лицо, либо иная организация должны подать заявление для регистрации торговой марки в Управлении КНР по патентам и торговым маркам [8]. Предметом регистрации может быть заявлено любое визуальное изображение, если оно может быть использовано физическим лицом, юридическим лицом или иной организацией для отличия предметов (товаров) или услуг от других,

включая любые слова, дизайн, буквы алфавита, числа, символы трехмерного измерения, комбинации цветов.

Символы трехмерного измерения и комбинации цветов в Китае регистрируются с 2002 г. Следует отметить, что ряд специальных слов и символов (названия стран, международных организаций, иные названия) не могут быть зарегистрированы в качестве торговой марки. При подаче двух или нескольких заявок для регистрации идентичных или схожих торговых марок на одни и те же или схожие товары, Управление КНР по торговым маркам утверждает ту заявку, которая была подана первой. Если заявки были поданы в один день, предварительное утверждение получит та торговая марка, которая была использована ранее. Срок действия торговой марки установлен в 10 лет, начиная с даты утверждения регистрации, и может быть продлен по истечении этого времени еще на 10-ти летний период при соблюдении установленных процедур. Любой владелец зарегистрированной торговой марки может передать ее для использования другому лицу на основе лицензионного контракта. Лицо или организация, получившие такую лицензию, должны гарантировать качество товаров, на которые распространяется зарегистрированная торговая марка.

Согласно законодательству КНР к нарушениям прав на торговую марку относятся: использование торговой марки без разрешения лица, получившего патент на нее; использование идентичной или сходной с зарегистрированной торговой маркой в отношении идентичных или сходных товаров; продажа товаров, в отношении которых известно, что они имитируют зарегистрированную торговую марку; подделка или представление зарегистрированной торговой марки другому лицу без разрешения правообладателя; а также иные действия наносящие вред исключительному праву владельца использовать зарегистрированную торговую марку. При нарушении прав на использование зарегистрированной торговой марки лицо, чьи права нарушены, при невозможности урегулирования ситуации путем переговоров, вправе решать вопрос в судебном порядке или прибегнуть к административному разбирательству с помощью Торгово-промышленного управления КНР.

Торгово-промышленное управление КНР осуществляет свою деятельность на национальном, провинциальном и муниципальном уровнях. Кроме этого, в его функцию входит регистрация компаний, надзор за справедливой конкуренцией на рынке и др. Являясь государственным органом, управление играет важную роль в вопросе содействия юридическим и физическим лицам в урегулировании споров по торговым маркам. При установлении факта нарушения прав на торговую марку ТПУ вправе приказать нарушителю немедленно прекратить противоправные действия, конфисковать и уничтожить контрафактные товары и оборудование для его производства, а также наложить соответствующий штраф. В случае неудовлетворенности заинтересованной стороны решением торгово-промышленного управления, лицо может обратиться за разрешением вопроса в суд в соответствии с Законом КНР об административных процедурах.

Китай является стороной многих международных конвенций по вопросам стандартизации общих процедур и условий международной защиты тор-

говых марок. Это такие документы, как «Подробное соглашение о международной классификации товаров и услуг», выделяющее 42 различные категории, по которым классифицируются практически все возможные продукты и услуги, «Мадридские правила международной регистрации марок» (1891 г.), «Парижская конвенция о защите интеллектуальной собственности» (Международное Соглашение по Торговым Аспектам Прав Интеллектуальной Собственности), которая является соглашением между ее участниками о защите прав на зарегистрированные торговые марки на равных основаниях. Участие в указанных соглашениях, налагают на КНР обязательства по защите прав владельцев торговых марок со всего мира.

В последние годы китайское правительство уделяет повышенное внимание работе по защите прав на интеллектуальную собственность. В стране был разработан ряд мер по борьбе с нарушением прав в этой сфере. В апреле 2008 г. Госсовет КНР одобрил «Государственную стратегию по защите прав на интеллектуальную собственность», которая обозначила официальное начало осуществления стратегии защиты прав интеллектуальной собственности в Китае на государственном уровне. В Китае имеются несколько ведомств, выполняющих функции охраны интеллектуальной собственности. В эти ведомства входят: Государственное управление по делам интеллектуальной собственности, Государственное промышленно-торговое административное управление, Государственное управление по делам прессы и печати, Государственное управление по делам авторского права, Министерство культуры, Министерство сельского хозяйства, Государственное управление по делам лесного хозяйства, Министерство общественной безопасности, Главное таможенное управление, Верховный народный суд и Верховная народная прокуратура [9, с. 64].

Несмотря на активную работу китайских властей в области защиты интеллектуальной собственности, современная ситуация осуществления и охраны прав на интеллектуальную собственность в Китае не столь благоприятна и охрана интеллектуальной собственности является долгосрочной и трудной задачей для Китая. Для решения этой задачи необходим длительный период времени и четкая законодательная база для осуществления защиты интеллектуальной собственности, а также совместные усилия правительства и общественности.

Общеизвестно, что сегодня Китай является признанным лидером в производстве широкого ассортимента контрафактной продукции – от обуви и одежды известных марок до программного обеспечения и кинопродукции. За 2000-2004 гг. органы прокуратуры КНР всех инстанций возбудили обвинение по делам о нарушении прав интеллектуальной собственности против 2566 человек. В частности за 2004 г. они дали санкции на арест 602 человек и предъявили обвинения 638 лицам [10]. Одновременно органы прокуратуры также расследовали ряд дел по фактам служебных преступлений государственных работников, которые попустительствовали и покровительствовали подделке и сбыту фальшивых изделий и нарушению прав интеллектуальной собственности.

С 1981 г. китайские суды начали принимать к рассмотрению дела, связанные со спорами по техническим договорам. С этого времени судебные органы расширили сферу разбирательства в области интеллектуальной собственности и стали рассматривать дела, связанные с такими аспектами как, авторское право, товарные знаки, патенты, недобросовестная конкуренция, программное обеспечение компьютеров, новые сорта растений, топологии интегральных микросхем и др. За 1998-2004 гг. суды страны закончили разбор 38228 гражданских дел в первой инстанции в сфере интеллектуальной собственности, закончили разбор 2057 дел в первой инстанции по фактам преступлений, квалифицируемых как нарушение статей, перечисленных в разделе 7 главы 3 Особенной части Уголовного кодекса, и назначили наказание 2375 преступникам.

Верховный народный суд Китая на основе опыта разбора дел о нарушениях прав интеллектуальной собственности разработал ряд соответствующих юридических разъяснений и усовершенствовал некоторые принципы применения законов при разбирательстве дел в сфере интеллектуальной собственности. В 2001 г. Верховным народным судом были изданы «Некоторые указания по вопросу применения законов при прекращении нарушения патентных прав до предъявления иска», в которых содержатся процессуальные меры, направленные на своевременное пресечение нарушения прав и эффективного предотвращения дальнейшего роста убытков правообладателей. В 2004 г. это же учреждение совместно с Верховной народной прокуратурой обнародовали «Разъяснения по некоторым вопросам применения законодательства при рассмотрении уголовных дел по фактам нарушения интеллектуальной собственности».

В современном обществе все более интенсивно используется интеллектуальный труд человека, результатом этого труда является огромное количество созданных и создаваемых объектов интеллектуальной собственности. Результаты творческой деятельности составляют важнейшие интеллектуальные ресурсы общества, основу его благосостояния и развития. Таким образом, защита интеллектуальной собственности становится важнейшим фактором, определяющим уровень становления общества как правового. Очевидно, что за последние десятилетия китайское руководство приложило немало усилий в сфере создания нормативной базы и реализации мер по охране прав интеллектуальной собственности. И, несмотря на определенный прогресс в этой области, нарушения прав интеллектуальной собственности в КНР продолжают оставаться серьезной и не только внутрикитайской проблемой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Современное законодательство Китайской Народной Республики: сборник нормативных актов. – М., 2004.
2. *Еременко, В.И.* Защита от недобросовестной конкуренции в Китае / В.И.Еременко // Патенты и лицензии. – 1996. – № 4. – С.31-35.
3. *Богданов, Н.В.* Патентное дело в КНР: что нового? / Н.В.Богданов, В.В.Орлова // Патенты и лицензии. – 1998. – № 9. – С.40-43.

4. Информация Агентства «Синьхуа» [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: <http://www.polpred.com/country/cn/free.html?book=1202&country=77&id=5165&act=text>. – Дата доступа: 08.09.2008.
5. *Еременко, В.* Комментарий к законам КНР: патентному и о товарных знаках / В.Еременко // Интеллектуальная собственность. – 1995. – № 1/2. – С. 58-76.
6. Patent Law of the Republic of China: Text of Jan.1, 2002 / International Property Office. Ministry Of Econ. Affairs. – Taipei, 2002. – P. 147.
7. Доклад Всемирной организации интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/state/2007/08/17/1369>. – Дата доступа: 11.08.2008.
8. Управления КНР по патентам и торговым маркам [Электронный ресурс]. – 2002. – Режим доступа: <http://www.chinatradeoffice.com/> – Дата доступа: 20.10.2008.
9. *Мэггс, П.* Интеллектуальная собственность: пер. с англ. / П.Б. Мэггс, О.П. Сергеев. – Москва: Изд. Группа «Юристъ», 2000.
10. Правовая защита интеллектуальной собственности / Новый прогресс в защите интеллектуальной собственности в Китае [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: <http://www.gorodissky.ru/465322>. – Дата доступа: 09.09.2008.

Традиционно госпредприятия считались основной экономической основой развития КНР. Однако при переходе страны к рыночной экономике потребовалось переосмысление и трансформация роли госпредприятий в обеспечении экономического роста. В этой связи были разработаны реформы, которые проходили в КНР на протяжении нескольких десятилетий. Опыт Китая по реформированию госпредприятий уникален ввиду сочетания свойственных только Китаю внутренних, внешних и временных факторов. Вместе с этим система реформ госпредприятий и ее отдельные элементы могут оказаться интересными и полезными для Республики Беларусь на этапе реформирования национальной экономики.

До проведения реформ госсектора, в 1980-х гг. низкая экономическая эффективность государственных предприятий обуславливалась недостатком автономии у руководителей в принятии решений, директивном установлении цен и заработных плат, отчислениями государству полученной прибыли, высокими социальными обязательствами (по предоставлению медицинского и пенсионного обеспечения работникам), низким качеством менеджмента среднего и высшего звена, доступностью для госпредприятий бюджетных субсидий и банковских кредитов.

В 1990-х гг. китайские госпредприятия были одной из главных преград эффективного перераспределения капитала. С одной стороны в связи со своей массовой экономической несостоятельностью госпредприятия отвлекали бюджетные и банковские ресурсы на свое содержание, что сдерживало внутреннее инвестирование. С другой стороны, многие иностранные инвесторы для входа на китайский рынок были вынуждены создавать с госпредприятиями совместные предприятия, что в свою очередь снижало эффективность воздействия иностранных инвестиций на китайскую экономику. В соответствии с расчетами Всемирного банка для создания добавленной стоимости в 1 доллар на госпредприятиях Китая требовалось дополнительно инвестировать 5,4 доллара [1, с. 165]. Постепенно ограничения на участие иностранного капитала в создании предприятий сокращались, а затем были отменены, и иностранным инвесторам было разрешено создавать полностью иностранные предприятия.

В текущем десятилетии влияние госпредприятий на экономическое развитие Китая заметно снизилось, что связано с проводимыми в стране реформами госсектора. Доля госпредприятий в выпуске промышленной продукции КНР снизилась с 76% в 1980-м г., до 50% в 1998 г. и до 33% в 2006 г. [2]. Выпуск продукции госпредприятий в 2006 г. занимал всего 16% ВВП (таблица 1).

Таблица 1. Экономические показатели функционирования госпредприятий Китая в 2006 г., в % [2]

Доля госпредприятий в ВВП	16
Доля госпредприятий в выпуске промышленной продукции	33
Рентабельность госпредприятий (отношение прибыли к издержкам производства)	9,35

Необходимость продолжения реформ госпредприятий в настоящее время связано не только с повышением эффективности самих госпредприятий, но и с совершенствованием в целом всей государственной инфраструктуры (сокращением бюрократии и коррупции). Во многом именно эти проблемы сдерживают экономическое развитие госпредприятий и требуют дополнительных инвестиций для поддержания экономического роста. По расчетам специалистов HSBC Bank для получения экономического эффекта от реформ госпредприятий, сопоставимого с эффектом от реформ госсектора в других странах, Китаю требуется на треть больше инвестиций, чем понадобилось Японии и в два раза больше, чем Корею в период проводимых этими странами реформ госпредприятий [1, с. 166].

Реформирование госпредприятий Китая в 1980-х, 1990-х и 2000-х гг. стало центральным звеном в создании в стране социалистической рыночной экономики. Реформы госпредприятий представляют собой цельную систему мероприятий, решающую задачи развития государства и отвечающую вызовам времени.

В начале 1980-х гг. мероприятия по повышению автономии в принятии решений госпредприятиями проводились в Китае преимущественно на местном (провинциальном) уровне и носили экспериментальный характер. В мае 1984 г. Госсовет КНР издал Постановление, которое предоставляло государственным предприятиям относительную свободу в формировании планов производства и распределении прибыли. Также с 1984 г. на госпредприятиях стала действовать система двойного ценообразования. Она предполагала рыночное ценообразование на объем продукции, который превышал запланированные государством для предприятия квоты. К 1988 г. уже только 30% всех розничных цен устанавливалось государством, остальная часть регулировалась рынком [3].

В январе 1987 г. на предприятиях государственной формы собственности была внедрена «система контрактной ответственности». Согласно данной системы руководитель предприятия определялся на конкурсной основе и между ним и правительством заключался контракт на три года на управление предприятием, который затем мог продлеваться. В контракте фиксировался объем прибыли, который должен оставаться в распоряжении предприятия. Превышение фиксированного объема прибыли направлялось государству, а руководитель предприятия получал процент (т.н. бонус) от переданной государству суммы прибыли. К концу 1987 г. 80% всех госпредприятий внедрило у себя «систему контрактной ответственности», а в 1989 г. ее использовали

все государственные предприятия. «Система контрактной ответственности» позволила повысить производительность и эффективность работы госпредприятий (в период с 1985 по 1995 гг. производительность труда на госпредприятиях выросла в 6 раз).

С начала 1990-х гг. в Китае начался очередной этап реформ госпредприятий, который имел ряд следующих особенностей.

1. Либерализация цен, заработных плат и независимость в использовании прибыли. В 1992 г. Госсовет КНР предоставил полную свободу госпредприятиям в использовании прибыли, установлении цен и заработных плат. В результате отчисления госпредприятий из прибыли государству были заменены налогом на прибыль, а с середины 1990-х гг. цены практически на все товары (за исключением отдельных сырьевых продуктов: угля, нефти, газа и т.д.) определялись рынком.

2. Нормативно-правовое обеспечение реформ госпредприятий. В 1993 г. в КНР был издан Закон о компаниях, который определил рыночные принципы функционирования предприятий (защита прав и интересов акционеров и кредиторов, поддержание социально-экономического порядка и др.). Также в 1993 г. Министерство финансов выпустило новые правила бухучета для коммерческих организаций, которые соответствовали международным стандартам.

3. Приватизация малых и средних госпредприятий. В 1995 г. в стране началась широкомасштабная приватизация малых и средних госпредприятий в соответствии с лозунгом «удержать крупных, отпустить мелких». К числу крупных госпредприятий, которые не подлежали приватизации, были отнесены только около 1000 предприятий, остальные считались малыми и средними. К концу 1996 г. более половины всех малых и средних госпредприятий было приватизировано [4]. В настоящее время приватизированными являются все малые и средние предприятия.

4. Городские и деревенские предприятия. Специальным продуктом, востребованным временем и созданным только в Китае, являются городские и деревенские предприятия, которые сочетают в себе частную инициативу и собственность местных органов власти (городов и деревень). Эпизодическое создание таких предприятий началось в Китае еще в 1970-х гг., но их массовое распространение пришлось на 1990-е гг. Создание городских и деревенских предприятий осуществлялось путем объединения местными органами власти капиталов предпринимателей, проживающих на подчиненной территории. В зависимости от капиталовложений предприниматели получали дивиденды от прибыли предприятия. Кроме этого предприниматели, участвующие в городских и деревенских предприятиях, получали доступ к банковским кредитам, который долгое время был закрыт для частных предпринимателей. Городским и деревенским предприятиям предоставлялись налоговые льготы при условии реинвестирования части прибыли в расширенное воспроизводство или социальную инфраструктуру городов и деревень. В 1993 г. на городских и деревенских предприятиях Китая работало 52 млн. человек, в 2006 г. – 135 млн. человек. В 1996 г. доля произведенной данными

предприятиями продукции в ВВП составила 26%. Доля городских и деревенских предприятий в производстве промышленной продукции достигла в 2000 г. 47% [5]. Многие городские и деревенские предприятия в последние годы были приватизированы.

5. Повышение международной конкурентоспособности госпредприятий.

Важным направлением реформ госпредприятий явилось создание крупных китайских корпораций, продукция которых была бы конкурентоспособными на международных рынках. В 2008 г. в рейтинг 500 крупнейших компаний мира, составляемый журналом «Fortune», вошли 35 китайских корпораций, в том числе 19 государственной формы собственности. К 2010 г. планируется создание 50 китайских корпораций мирового уровня [6].

Для повышения конкурентоспособности госпредприятий в последние годы был предпринят ряд дополнительных мер.

Во-первых, с госпредприятий были сняты социальные обязательства и переданы местным органам власти. При этом многие госпредприятия в настоящее время продолжают инвестировать в социальную инфраструктуру для повышения своего имиджа в стране.

Во-вторых, в деятельности госпредприятий были определены коренные и некоренные сферы. Некоренные сферы подлежали реструктуризации и в дальнейшем приватизации. Коренные сферы стали приоритетными для развития. За период реформ такая реструктуризация была проведена в более 1300 крупных и средних госпредприятий.

В-третьих, была обеспечена реализация процедуры банкротства госпредприятий. В 1999 г. начались широкомасштабные закрытия обанкротившихся предприятий, и только за один тот год было закрыто 435 госпредприятий. В период с 1993 по 2004 г. в результате банкротства госпредприятий работу потеряли более 50 млн. человек. С июня 2007 г. в Китае вступил в силу новый Закон КНР «О банкротстве предприятий», который регламентировал процедуру банкротства не только государственных, но и частных и иностранных предприятий.

В-четвертых, осуществляется укрупнение госпредприятий путем слияния и поглощения.

В-пятых, началось создание совместных предприятий с участием китайских государственных компаний как в самом Китае, так и за рубежом.

В-шестых, идет масштабное преобразование госпредприятий в госкорпорации. В 2008 г. более 70% госпредприятий КНР были акционерными корпорациями (в 2002 г. этот показатель был только 30%).

В-седьмых, на госпредприятия активно привлекают на контрактной основе ведущих зарубежных специалистов для управления и обучения руководителей-китайцев.

В-восьмых, было разрешено размещение акций госкорпораций на внешних финансовых рынках в Гонконге, Нью-Йорке, Лондоне, Токио.

В-девятых, осуществляется стимулирование инновационной деятельности на госпредприятиях. В период с 2004 по 2007 гг. расходы госпредприятий на научно-исследовательскую деятельность ежегодно увеличивались в среднем на 42,6%.

6. Размещение акций госкорпораций на внутреннем финансовом рынке. В 1990-м и 1991-м гг. соответственно были открыты Шанхайская и Шеньчженьская фондовые биржи. Для размещения акций на китайских биржах госкорпорации должны удовлетворять определенным требованиям, которые соответствуют международным стандартам листинга. В этой связи госкорпорации были вынуждены улучшать свои экономические показатели для выхода на внутренний финансовый рынок. По настоянию властей китайские предприятия, которые выпускают акции на внутреннем финансовом рынке, обязательно должны входить в состав государственных холдингов. Кроме этого, госкорпорации могут размещать на бирже акции, объем которых не превышает 35% всего пакета акций (к концу т.г. планируется повышение данного лимита) [4]. В соответствии с правилами торговли на финансовом рынке КНР, инвестиционные фонды, работающие на биржах, могут инвестировать в акции одной компании не более 10% своего капитала. Основными владельцами торгуемых на бирже акций госкорпораций являются физические лица, которые не заинтересованы в управлении и долгосрочном владении компанией, что важно для сохранения государственного контроля за деятельностью госкорпораций. Динамичное развитие внутреннего финансового рынка Китая привлекает госкорпорации к размещению акций и увеличению своего капитала. Благодаря росту цен на акции на Шанхайской бирже в 2007 г. китайская корпорация PetroChina стала крупнейшей по размеру акционерного капитала корпорацией в мире.

7. Корпоративная структура управления китайских госпредприятий. Одним из условий листинга госпредприятий на биржах (китайских и некоторых зарубежных) является формирование корпоративной структуры управления, соответствующей европейской (немецкой) модели корпораций. Корпоративная структура управления включает в себя совет директоров и совет управляющих. Совет директоров избирается акционерами и непосредственно управляет корпорацией. Он на две трети состоит из менеджеров корпорации и на одну треть из «независимых менеджеров», которые не связаны с акционерами и менеджерами корпораций и призваны защищать интересы мелких акционеров. Совет управляющих включает в себя независимых акционеров и работников корпорации, которые наблюдают за работой совета директоров.

Несмотря на формирующуюся корпоративную структуру управления китайских госпредприятий, в процессе управления госкорпораций продолжают участвовать политические структуры. Правительство назначает или согласовывает руководителей многих госкорпораций и совместных предприятий. На государственных предприятиях, в т.ч. в госкорпорациях по-прежнему действуют три традиционных политических органа управления (комитет Коммунистической партии Китая, профсоюз, собрание рабочих представителей). При этом в большинстве госкорпораций Китая политические и корпоративные органы управления переплетены между собой (например, секретарь комитета КПК является заместителем генерального директора, а генеральный директор – заместителем секретаря парткома).

8. Реструктуризация кредитной задолженности госкорпораций и снижение финансовой помощи государства. Для достижения высоких показателей многие госпредприятия в 1980-х и 1990-х гг., используя политическое давление на банки, активно пользовались дешевыми банковскими кредитами, которые затем не возвращали. С одной стороны, это ухудшало финансовое состояние банковского сектора страны, с другой – увеличивало долговое бремя госпредприятий. Важным инструментом снижения долгового бремени госкорпораций является обмен долгов на акции. Для этой цели при Министерстве финансов Китая были созданы специальные компании, которые за счет бюджетных средств погашают задолженность госкорпораций перед китайскими банками. Затем эти специальные компании обменивают полученные долги на принадлежащие государству акции предприятий-должников. С одной стороны эта процедура позволяет государству укрепить банковскую систему страны, с другой – использовать рыночные инструменты в отношениях с госкорпорациями. Более 600 госкорпораций Китая прошли через данную процедуру реструктуризации кредитной задолженности.

Финансовая поддержка госпредприятий государством в Китае значительно сократилась. Если в 1978 г. государство инвестировало в развитие госпредприятий порядка 62% от всего объема инвестиций предприятий, то в 1997 г. этот показатель составлял менее 3%.

9. Институты по проведению реформ госпредприятий. В 2003 г. при Госсовете КНР был создан Комитет по контролю и управлению государственным имуществом (до этого времени реформированием госпредприятий занималась Китайская комиссия по экономике и торговле). Основными функциями Комитета являются координация мероприятий по реформированию госпредприятий, оценка стоимости госсобственности, подбор управленческих кадров (в т.ч. на основе международных конкурсов) и заключение контрактов с руководителями госпредприятий. Комитету по контролю и управлению государственным имуществом изначально были подчинены 189 крупнейших холдингов, полностью принадлежащих государству (в настоящее время 147). Планируется, что к 2010 г. их количество будет от 80 до 100. Представительства Комитета открыты также на провинциальном уровне.

В настоящее время реформы госпредприятий Китая продолжаются, что связано с необходимостью совершенствования корпоративной структуры управления госпредприятий КНР и сохраняющимися убыточными предприятиями. В целом сегодня китайские госпредприятия являются экономически эффективными, их прибыль, выручка от реализации и налоговые платежи в бюджет ежегодно увеличиваются. В период с 2002 по 2007 гг. среднегодовой прирост прибыли госпредприятий составил 36%, выручки от реализации – 18,7%, налоговых поступлений от госпредприятий – 20,4%. В первом полугодии 2008 г. темп роста прибыли несколько замедлился и составил 26%, что связано со стихийными бедствиями в Китае и конъюнктурой международных сырьевых рынков. Интересен тот факт, что прибыль госпредприятий в отношении к ВВП снизилась с 15% в 1978 г. до менее 1% в 1999 г., затем в 2003 г. этот показатель повысился до 2%, а в 2005 г. – до 3% (и это с учетом стремительного роста самого ВВП Китая).

Опыт Китая по реформированию госпредприятий – это опыт создания в стране рыночной экономики. Государство самостоятельно пошло на сокращение своего влияния на экономические процессы, на широкое использование рыночных механизмов в управлении госсектором и в общем экономическом регулировании. Основой реформирования госпредприятий в Китае стало создание новых условий хозяйствования, при которых появляются новые экономические субъекты и к которым вынуждены адаптироваться старые субъекты хозяйствования (госпредприятия). Сегодня уже можно утверждать, что Китай достиг своего главного результата реформ госпредприятий – экономического роста и возрождения страны как мирового лидера.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hutton W.* The Writing on the Wall. China and the West in the 21st Century. – Abacus, 2008. – 436 p.
2. China Statistical Yearbook, 2007.
3. *Бергстен, Ф.* Китай. Что следует знать о новой сверхдержаве / Ф.Бергстен [и др.]. – М. Институт комплексных стратегических исследований, 2007. – 249 с.
4. *Walter Carl E., Howie Fraser J.T.* Privatizing China. Inside China's Stock Markets. – Wiley. Singapore, 2006. – 335 p.
5. *Zhibin Gu.* China and the New World Order. – Publ. by Fultus Corp., 2006. – 246 p.
6. *Rogers Jim.* A Bull in China. – Random House, 2007. – 240 p.

Т. А. БАДЮКОВА

КОНФУЦИАНСКИЕ ТРАДИЦИИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ (80-90-е гг. XX ВЕКА)

Китайские руководители хорошо осознают силу традиций. Раз Китай просуществовал тысячелетия, значит, и «поспешать надо медленно». Этим диктовалась и та осторожность, и неспешность в проведении реформ, провозглашенных Дэн Сяопином.

Одним из приоритетных направлений в современной исторической науке является исследование различных аспектов политического реформирования Китая. Попытаемся рассмотреть данную проблему на примере 80-90-х годов XX в.

Вопрос о соотношении традиции и перспектив модернизации Китая всегда привлекал к себе внимание китаеведов. Сегодня, когда реформа охватывает все жизненные пласты китайского общества, этот вопрос стал еще актуальнее, приобретая уже не только академический, но и сугубо практический аспект.

Долгое время в основе представлений многих западных китаеведов о путях и импульсах перехода от традиционного общества к обществу современному в Китае была убежденность в том, что главным и даже единственным двигателем этого преобразования служит Запад, его культура, институты, технологии. В этом сходились, по крайней мере, три основных направления в изучении новой и новейшей истории Китая: школа Фэйрбэка, «школа империализма» и школа Левенсона [1]. Все три школы подходили к Китаю не как к уникальному явлению мировой истории, а как к стране, имеющей свои отличия, но не столь большие, чтобы претендовать на какое-то исключение из общих закономерностей. При этом сбрасывая со счетов то обстоятельство, что китайская нация занимает субконтинент, охватывающий самый многочисленный народ в мире, с многотысячелетней государственной, общественной и культурной традицией.

Проблемами политического реформирования Китая 80-90-х годов занимаются зарубежные и российские исследователи, и эти проблемы являются весьма актуальными в современной исторической науке. В теоретическом отношении исследование в данной области позволяет как представить, так и углубить и расширить общую картину политической демократизации коммунистических режимов и на основе широкого сопоставления исторического материала Восточной Европы, бывшего СССР и КНР рассмотреть и выделить общие конкретно-страновые особенности такой трансформации. Перу российских специалистов принадлежит крайне мало работ по вопросам механики и направления развития политической системы современного Китая. Небольшое количество монографических исследований, так или иначе посвя-

щенных политическому реформированию в современной КНР, носят, как правило, историографическо-компилятивный характер, то есть авторы приводят и сопоставляют многочисленные точки зрения китайских политологов, ограничиваясь весьма скугими личными комментариями и выводами. В годы перестройки в бывшем СССР такой подход, надо думать, объяснялся туманными перспективами эволюции политической системы самого Советского Союза. После 1991 г. подобную осторожность следует, очевидно, понимать как следствие нежелания осложнять отношения с КНР.

Вместе с тем, китайскую традицию нельзя отождествлять исключительно с конфуцианским наследием. Китайская национальная философия, на которой базировалась государственная и общественная жизнь, на протяжении столетий впитала множество потоков. Помимо конфуцианства, легизма и даосизма, заложивших основу китайской традиции, большую роль в ее эволюции сыграл буддизм. Немалое значение имели также бесчисленные местные институты и обычаи. В работах китайских исследователей можно найти детальную классификацию сердцевины традиций и ценностных представлений: хозяйственные, политические, социальные, религиозные, этические и ценности достижений. В традиционном Китае больше интересовались обществом, отношениями между людьми, чем природой, и делали упор на практику в ущерб фундаментальным знаниям.

Ценности хозяйственные – это ценности, которые выработаны многовековой историей китайского крестьянства. Среди них нет мотивации успеха, но есть покорность судьбе, усердие, бережливость, смирение, осторожность, пассивность. Традиционный паритет земледелия перед прочими видами хозяйственной деятельности стал фактором, сдерживающим развитие промышленности и торговли. Установка на бережливость, ставшая одной из важных добродетелей китайской нации, имела и свою оборотную сторону, сдерживая потребление и тем самым, лишая производства стимулов к развитию.

Политические и социальные ценности в китайской конфуцианской традиции связаны с существованием на протяжении многих тысячелетий государства и семейно-клановой структуры общества. Государство являлось расширением и продолжением семьи, а семья базовой ячейкой общества. В таком общественно-государственном устройстве политика не выделялась, как самостоятельная сфера социальной жизни, а потому и политические ценности не были четко ограничены от социальных и этических. Происходит этизация политики и политизация этики и более того, этика и политика зиждутся на кровнородственных отношениях, составляя с ними неразрывную триаду.

Религиозные ценности – религиозная традиция Китая включает в себя: культ предков, многобожие; отличается множеством различных поверий и мистикой. У китайцев нет религиозного фанатизма и экстремизма, существует определенная терпимость к «инаковерию». Религия была важнейшим полем для распространения и внедрения политических, социальных и этических ценностей. Религия скрепляла связи человека с семьей, кланом, обществом, государством.

Ценности достижений – были тесно связаны со всей системой ценностей, были вплетены в нее. Достижения обретались в проявлении добродетели, в ратной или гражданской службе монарху либо в учености, а также и в достижении уровня различных социальных групп. Исследования, проводимые в КНР, показывают, что структура традиционных ценностей трансформируется под воздействием модернизации и реформ, но сами эти ценности все еще сохраняют определенное значение в сознании китайского народа. Китайский институт социальных исследований провел в городах страны анкетирование населения. Результаты опроса показали, что, несмотря на четыре десятилетия идеологической обработки, традиционные ценности (честность, почитание родителей и учтивость) занимают в представлениях людей большое место. В суждениях о таком традиционном институте, как семья, в целом нарастает тенденция видеть в институте брака скорее личную связь, чем способ страхования своего будущего.

Культура оказывает большое воздействие на экономическое развитие, определяя мотивацию хозяйственной деятельности. В ряде стран Восточной Азии, которые пересмотрели прежние представления о модернизационном потенциале восточных культур, прежде всего конфуцианской, конфуцианство составляет основу этики бизнеса, а также общественной и личной жизни, определяя в деталях поведение во всех видах человеческих взаимоотношений на всех уровнях социального порядка, считается, что конфуцианство способствует экономическому успеху. Конфуцианская концепция самодисциплины и управления семьей и государством составляют основу политической философии новых индустриальных государств, но главный упор делается на семейные отношения. Конфуций, беседуя с учениками, заметил: «Что сказано в «Шуцзине» о сыновней почтительности [государя Чэня]? «Он был всегда почтителен к родителям, дружен с братьями и распространял это на управляемых» [2, с. 20].

По необходимости некоторые из семейных ритуалов претерпели изменения, но большая их часть все же сохраняется в первоизданном виде. Конфуцианство регулирует взаимоотношения в иерархически ориентированном обществе. Из пяти устанавливаемых им основных видов человеческих отношений (между отцом и сыном, монархом и подданным, мужем и женой, старшим и младшим, братьями и друзьями) четыре структурированы иерархически и для каждого из них имеются четкие предписания по поведению подчиненных. Цель жесткой иерархии отношений – обеспечить гармоничный коллективный порядок в обществе, избежать конфликтов. Столь широко распространенный сегодня акцент на гармоничную групповую жизнь является прямым следствием того значения, которое придает конфуцианство иерархии. Этот принцип порядка – основная причина вертикальной по преимуществу сущности отношений в организации бизнеса.

Одна из наиболее примечательных черт конфуцианского общества – формализм. Социализация в этом обществе состоит преимущественно в обучении формальным ответам на все ситуации. С формализмом связана известная концепция «лица». Важным формальным средством мотивации служат

пышные деловые титулы, роскошные офисы. Внешний эффект часто способен обмануть стороннего наблюдателя, тогда как подлинное лицо открывается внутри клана. И все же объективные данные свидетельствуют о довольно успешном союзе между модернизацией и конфуцианством. В новых индустриальных государствах биологическая семья – важный общественный институт. В Китае работа единой командой характерна для отношений в семье, но не в семейном бизнесе, где китайцы склонны вести себя индивидуально [3].

Образование все еще представляет путь к власти, поэтому дипломы и степени в рассматриваемый период ценились высоко, тогда как специализация, отрасль учебы имела второстепенное значение. Однако в образовании, как и прежде, делался главный упор на овладение огромным запасом знаний путем зубрежки. Готовилась рабочая сила, хорошо подготовленная к субординации в сфере промышленности или сервиса, но не обладающая большой способностью к творчеству, что вполне соответствует конфуцианским канонам.

Ключом к определению перспектив модернизации в рамках конфуцианской традиции служит выяснение шансов на перемены в самом традиционном человеке. Концепция модернизации человека вызывала заинтересованный отклик в Китае. Этот интерес развивался в русле общего увлечения вопросами культуры, но и был продиктован чисто практическим соображением – необходимостью найти китайский ответ на вызов новой технологической революции. Было признано, что ускорить модернизацию Китая, можно лишь начав с модернизации китайца, включая в его образ жизни, новые идеологические представления и способ мышления.

За рассматриваемые годы реформ Китай существенно продвинулся по пути модернизации ряда отраслей хозяйства, качества и образа населения, но вместе с тем по ряду важных показателей он был еще весьма далек от намеченных целей. Одна из главных проблем модернизации состояла в том, что наличные естественные ресурсы Китая, прежде всего земельные, настоятельно диктовали необходимость дальнейшего решительного сокращения темпов роста народонаселения, остро стояли и проблемы перенаселения деревни, повышения образовательного ценза населения, сохранения среды обитания.

Особые сложности возникали в деле модернизации таких важнейших областей, как политические и правовые структуры, социальная организация, менталитет народа. Преодолеть эти сложности было трудно без модернизации самой конфуцианской традиции, и это значит, что конфуцианству был уготован новый, третий этап его развития – приспособления к требованиям современного общества. Конфуцианство, по-прежнему, оказывало влияние на различные стороны жизни общества, сохраняя свою жизненную силу, и с течением времени стало приобретать новый смысл, меняться и развиваться применительно к требованиям эпохи.

Некоторые исследователи полагают, что обновление конфуцианства в Восточной Азии уже произошло, что современное конфуцианство в этом регионе отличается от традиционного: соединившись с западным утилитаризмом, оно приобрело характер рационального традиционализма.

Правящая Компартия накануне развертывания курса реформ была поставлена перед дилеммой: как сохранить свою власть и основные устои политической системы в стране в неизменном виде и в то же время произвести переворот в обществе, чтобы вывести его из глубокого кризиса и превратить Китай в процветающее государство. При этом важно отметить, что в действительности подобная формулировка проблемы не была чем-то новым для правителей Китая. Как и сто лет назад, в корне проблемы лежала очевидная, но скрываемая китайцами истина: Китай хотел бы возродить былое величие своего государства и стереть воспоминания об унижении, нанесенном ему в свое время западной цивилизацией: «... 80 лет со времени опиумных войн до образования КПК – это позор нашего государства...» [4, с. 42]. Для китайского правительства было ясно, что для достижения этой цели необходимо освоить западные технологии и подняться до западного уровня жизни, но при этом нельзя было «поступаться принципами», охраняющими основы власти, поскольку именно здесь – в сфере верховной власти – заключена суть Китайского государства.

Заслуга Дэн Сяопина заключалась как раз в том, что он понимал эту проблему и взял на себя защиту «китайского» от «европеизации».

Достижения КНР в результате проведения в последние 20 лет политики реформ, роль КПК в разработке и проведении этой политики признают все. Успехи Китая в деле развития экономики, науки и внешнеэкономических связей определили выход страны в число наиболее крупных стран мира по объему ВВП, по производству многих видов промышленной продукции. Вот уже двадцать лет КНР демонстрирует самые высокие в мире среднегодовые темпы роста экономики. Все это в огромной мере укрепило международное положение Китая, повысило его престиж на международной арене.

К особенностям действий КПК и менталитета ее руководства, оказавшим влияние на поиск путей преобразования, на обновление моделей реформ, следует добавить и влияние традиционной культуры Китая, его политической культуры. Известный призыв к коммунистам «учиться» в духе традиционного, идущего еще от Конфуция отношения к знанию, воспринимался в Китае не только как путь к карьере, но и как необходимость овладения знаниями, истиной как одной из высших человеческих ценностей самой по себе.

Пожалуй, наряду с другими факторами, эта ценностная установка помогла объяснить такой редкий феномен, когда самое старое среди всех компартий по возрасту высшее китайское руководство пошло на пересмотр политики, к проведению которой оно само было в той или иной степени причастно.

Дэн Сяопин прозорливо стремился сохранить политическое господство КПК. Зная возможности Компартии, угадывая ее потенциал в условиях современного Китая, он частично отверг путь на демократизацию, политические устои КНР тщательно оберегались. Важным подспорьем при этом для лидеров КПК служили примеры СССР и других восточноевропейских государств, с одной стороны, а также Южной Кореи и Тайваня – с другой. Конечно, у руководителей страны существовал вполне определенный интерес – сохранить монополию партии означало на долгие годы обеспечить статус-

кво в политической системе КНР, а значит, удержать власть в своих руках. Однако данный факт, по нашему мнению, не может оспорить здоровый прагматизм такой политики коммунистов. В условиях постмаоцзэдуновского Китая отход Компартии от верховной власти в государстве означал бы, по большому счету, неудачу в деле экономической модернизации страны.

В КПК понимали, что стоит немного ослабить внимание к процессам в такой огромной стране и все может быть потеряно. Поэтому одна из самых главных установок КПК была направлена на всемерное обеспечение стабильности в стране, стремление гармонизировать противоречивые интересы, принятие решений в духе «золотой середины», исключая столкновения в партии и в обществе ситуации «стенка на стенку» [4, с. 47].

Дэн Сяопин с начала 1980-х годов неоднократно высказывался за проведение политической реформы, трактуя ее как совершенствование системы партийных и политических органов, разработку и строгое соблюдение конституционных, законодательных норм. Вместе с тем, Дэн негативно относился ко всяким попыткам ввести в политическую реформу элементы, напоминающие западные образцы. Он решительно был против идей департизации предприятий, вузов и учреждений науки, против всяких неорганизованных форм выражения требований и протестов в виде несанкционированных митингов и демонстраций, видя в этом путь к хаосу, к нарушению политической стабильности.

В середине 80-х гг. он согласился на разработку плана политической реформы, целью которой было разделение функций партии и государственных органов. Суть этой реформы заключалась в том, чтобы сохранить за партией общеполитическое руководство, а руководство практической хозяйственной деятельностью полностью возложить на госорганы. В рамках этого проекта предлагалось создание системы государственных служащих, в которой назначение людей на ключевые политические посты в различных звеньях госаппарата будет осуществляться по решениям партийных органов, а отбор кадров для этих органов производить на конкурсной основе, через экзамены. Это было вполне в духе конфуцианской традиции.

План этой реформы был озвучен Чжао Цзяньном на XIII съезде КПК в 1987 году. Однако на практике эти установки развития не получили. Реформа натолкнулась на противодействие основных звеньев номенклатуры, да и сами расчеты на такое разделение функций при однопартийном режиме были нереальными.

На события на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., когда требования выступающих перешли в русло политических, правительством КНР были приняты жесткие меры. На Западе это расценили как возврат к старым антидемократическим и тоталитарным нормам. Однако это не совсем так. Руководство не могло допустить раскола общества, так как это могло привести к гражданской войне. Такие радикальные преобразования в самой густонаселенной стране мира, с типичным восточным типом сознания и миропонимания не могли заставить людей одним махом начать жить по-новому, перестроиться на демократический лад. Это все видели и понимали в руководстве КПК, по-

этому эти события мы не вправе трактовать как возврат к диктатуре, тем более что история показала, как обстояли дела на самом деле.

В 80-90-е годы в КПК предпринимались меры по развитию внутрипартийной демократии и организации системы подбора и назначения руководящих кадровых работников. В частности, в феврале 1995 года ЦК КПК принял «Временное положение о работе по подбору и назначению на должности руководящих кадровых работников партийных и государственных органов», которое устанавливало критерии оценки выдвигаемых кандидатур [5, с. 12]. Эти меры, наряду с усилением и активизацией работы контрольных органов дали определенные результаты. Вместе с тем, многие процедуры учета были не достаточно институализированы.

В своем докладе 1 июля 2001 года Цзян Цзэминь говорил о необходимости «ускорить реформу кадровой системы, усилить научную основу работы партии, расширить демократию в кадровой работе, реализовать право масс на получение информации, участие в выборах и контроле над кадрами» [6, с. 36]. Предполагалось также «придерживаться принципов гласности, равенства, конкуренции и отбора лучших», проводить гласные выборы на основе конкуренции, чтобы усилить активность кадров и не только повышать, но и понижать их по службе. С этой целью было предложено усовершенствовать механизм и методы тестирования кадров.

Эти меры отражали стремление руководства КПК полнее учесть новые требования к кадрам партии, восполнить серьезные пробелы и устранить недостатки в организации и функционировании кадровой системы, особенно ощутимые в новых условиях. Но при этом руководители партии тонко учитывали традиционную инерцию общества.

Партия стремится стать «выразителем идей» всех основных слоев населения. В начале 2000 года Цзян Цзэминь выдвинул тезис о том, что партия является представителем «трех» – передовой, прогрессивной культуры, передовых производительных сил и коренных интересов основных слоев китайского общества [7, с. 107].

Отказ с конца 80-х годов руководства КПК от прежнего, негативного отношения к конфуцианству, подчеркивание позитивных, прежде всего, патриотических черт в суньятсенизме, изучение и пропаганда лучших традиций китайской культуры свидетельствовали о том, что в КНР ставилась проблема формирования национальной идеи. «Материальной» основой ее должны были быть успехи в деле превращения страны в современное процветающее государство и в повышении уровня жизни народа. Именно с этим процессом в КНР в последние годы активно и с помощью властей обсуждалась проблема формирования «нового», «позитивного национализма», который был нужен Китаю как движущая сила в политическом, экономическом и культурном развитии. Многие призывали к разработке идеологической платформы КПК, основываясь на лучших традициях китайской культуры и на «новом национализме».

В процессе модернизации особое значение национализма как реальной «собирающей силы» стало вполне очевидным. В этой обстановке «китай-

ская правящая элита» увидела в национализме средство, с помощью которого можно было бы повысить политическую интеграцию в обществе и государстве. Причины, как внутренние, так и внешние, спровоцировавшие в 90-е годы подъем национализма в КНР, в основном, сохраняются и сегодня. Так, по-прежнему дают пищу национализму успехи экономического развития страны, вызывающие у людей чувство национальной гордости, вселяющие в них уверенность в возможности реализовать давнюю «мечту о сильном государстве», а также стимулирующие стремление добиваться для Китая достойного положения в мире. Курс западных стран (и, прежде всего, США) воспринимается в стране как политика «сдерживания» Китая. Китайские исследователи уже в 2001 г. подчеркивали, что «сегодня немало китайцев имеют основание полагать, что их государство не пользуется достаточным признанием и уважением сверхдержавы, и это вызывает у них чувство негодования..., их националистические настроения разрастаются по мере усиления Китая...» [8, с. 57].

Чжао Цзюнь называл «три великих источника» современного китайского национализма: «1) традиционный дух китайской культуры, ядром и душой которого является [принцип]. «Поднебесная общее достояние»; 2) традиционный патриотизм, направленный... против третирования Китая извне...; 3) духовное наследие эпохи Мао Цзэдуна после 1949 г. Хотя это наследие весьма сложное, но такие его составляющие, как интересы нации, стремление к справедливости и нормы морали могут быть признаны подлинными человеческими ценностями» [8, с. 51]. Чжао Цзюнь пришел к выводу, что «сто-летний путь, пройденный китайским национализмом, привел к трем главным результатам: 1) к высокой степени сплоченности и консолидации всей нации; 2) к целостности государства и, в основном, сохранению его единства...; 3) к быстрому повышению морального уровня народа»; и что «подлинной отличительной чертой» китайского национализма являлась его направленность главным образом вовнутрь – на обеспечение интересов и целостности китайской нации и получала внешнюю направленность лишь в случае третирования и агрессивных действий в отношении Китая со стороны внешних сил» [8, с. 51-52].

Поставив в центр внимания всего китайского народа цель модернизации Китая, компартия подчинила этому все, включая и внешнюю политику.

Согласно официальной позиции китайских властей и идеологов, Китай в обозначенный период строил социализм с китайской спецификой, и это означало отказ от прежней догматической концепции социализма. На новом этапе выработалось новое видение социализма как сочетания некоторых существенных признаков социалистических производственных отношений с теми особыми чертами общественного развития, которые свойственны именно Китаю и обусловлены его спецификой. При этом к существенным категориям были отнесены господство общественной собственности на средства производства, распределение по труду, ликвидация эксплуатации человека человеком, а также широкое развитие товарно-денежных отношений. Важно было не только включение в число этих основных закономерностей социалистической формации рыночных отношений без прежних идеологических опасений

применения термина «рынок», но и новое толкование тех констант, которые прежде интерпретировались в догматах марксизма-ленинизма. Был сделан вывод о неизбежности фазы «неразвитого социализма», о том, что, начав строительство социализма с низким уровнем развития производительных сил, Китай должен пройти длительный период совершенствования социалистической системы, преобразования ее из «неразвитой» или «сравнительно неразвитой» – в «сравнительно развитую». В теоретическом плане КПК стала проводить различие между «установлением» и «построением» социалистического строя, причем планируя завершить начальную стадию строительства социализма не ранее чем к середине XXI в [9, с. 61].

Сама партия, столкнувшись с серьезными проблемами системного плана (в частности, с необходимостью высвобождения экономики из-под своего контроля, имеющейся бюрократизации партии, централизованным управлением, неполной укомплектованностью административно-управленческого аппарата, а также общей политической неразвитостью общества), попыталась акцентировать свое внимание лишь на проблемах структурного и этического характера. Все успехи КНР не избавляли Компартию от ответственности за «общественный климат» внутри китайского общества, ведь существующий климат создавался искусственно на протяжении всей истории партии. В этих условиях даже блестящие реформы, разработанные специально для подавленного тоталитарным режимом общества, не являлись оправданием в большинстве случаев для руководства страны.

«В течение 80-ти лет под руководством КПК мы добились небывалого объединения народа... Китай преобразился от самого трагического своего состояния к процветающему – только благодаря руководству КПК», – сказал в своем выступлении Цзян Цзэминь [3, с. 45]. Действительно, все, что было сделано в КНР за ее историю, было сделано благодаря КПК, но также и благодаря тем глубинным традиционным чертам, присущим китайскому обществу и государству, которые нашли отражение в деятельности Компартии. Если бы Китай стал осуществлять реформы по западным рецептам, то он был бы отброшен в первую половину XX столетия, получив симбиоз бюрократического капитала и первоначального накопления капитала.

Реформы, тем не менее, привели к распространению коррупции в Китае, однако существующие факты взяточничества были преданы широкой огласке. Многие коррупционеры подверглись различным наказаниям, что также созвучно многим установкам Конфуция.

На наш взгляд, отметив существенную роль традиции в современной жизни КНР, вполне уместно поискать в этом синтезе и источники эффективной мирохозяйственной стратегии.

Одной из главных черт традиционной культуры Китая принято считать ее цельность. Важнейшей же составляющей целостного мировосприятия и действия выступает понятие «принципа» (*ли*). В традиционном Китае, как указывают некоторые востоковеды, «теория и практика управления государством, политика, экономика, военное дело базировались на тех же принципах, что и живопись, стихосложение» [8, с. 52]. Было сделано немало выво-

дов о развитии в Азии «конфуцианского капитализма (социализма)» на многочисленных научных конференциях [10, с. 40]. Чтобы лучше понять связь современности с оживающей традицией, есть резон обратить внимание на прямые аналоги конфуцианских принципов «ли» в послевоенной хозяйственной стратегии КНР – аналоги в том смысле, что они играют идентичную социальную роль, объединяя и нацеливая население на достижение конкретных целей. Различного рода установки-принципы оказывают сильное воздействие на формирование системы производительных сил страны, ее взаимодействие с внешним миром, решение остро ощущаемой проблемы занятости, ход процесса урбанизации и т.п. Ведь помимо всего прочего, эффективность попыток управления гигантским хозяйством во многом зависит от ясности предлагаемых мер, их доступности пониманию кадров всех звеньев и уровней, а также большинства населения, в том числе крестьянского массива. Его численное преобладание в быстро модернизирующейся стране существенно отличает Китай от его соседей, прошедших по новоиндустриальному пути.

В качестве основных принципов реформирования политической системы Китая, имеющих глубокие исторические корни, можно назвать следующие:

1. *Принцип ассимиляции*, т.е. осторожный, осмотрительный подход к заимствованию чужеземных общественно-политических учений и опыта социально-экономического развития, их обязательная «китаизация» приспособление к конкретным национальным условиям Китая и обличение в форму, соответствующую традиционному мировосприятию китайцев.

2. *Принцип целостности*, т.е. синтез «традиционного и современного», выводов о развитии в Азии «конфуцианского капитализма (социализма)», многочисленных научных конференций. Нередко на таких форумах зарождаются новые установки-принципы либо дополняются или по-новому интерпретируются уже действующие. Один из примеров – появление идеи «одно государство – три системы» в качестве возможной уступки Пекина в решении тайваньской проблемы.

3. *Принцип «опоры на собственные силы»*, т.е. установка на самообеспечение Китая по многим товарным группам.

4. *Принцип совмещения, непротиворечивого единства, или «два в одном»*. Данная установка ориентирована непосредственно на практический уровень, крайне важный, поскольку практика понимается и как один из критериев истины. Конкретное оформление принципа совмещения во внешне-экономических терминах хорошо прослеживаются на всем материале 80-90-х годов. Нельзя надеяться на быстрый результат и опережать исторический ход развития. Прежде чем воплотить какую-то идею в жизнь, нужно разработать комплексный план, внедрить его на небольшой территории и проверить на практике. Только при положительных результатах возможно его широкое распространение.

5. *Принцип срединности*. Традиционный аналог принципа можно найти, например, в одном из «пяти возвращений» в Чжэнькунцзяо («учение об истинной пустоте»): «никуда не отклоняться, не иметь слишком много и не иметь недостаточно». Китайская реформа в отличие от шоковой терапии

проводится постепенно и комплексно, каждое ее звено тщательно обдумывается. Практика показала, что с помощью шоковой терапии можно лишь разрушить старый механизм, но нельзя создать новый. В результате страна вообще лишается экономического механизма, что приводит к хаосу. Не может увенчаться успехом и реформа в отдельных сферах экономики при отсутствии радикальных преобразований в других областях.

Назовем важнейшие моменты, обеспечившие успех китайских реформ. Главным условием успеха явилась сама цель предпринятых в Китае реформ, которая была понятна, близка всем слоям населения страны, взывала к глубинным патриотическим и национальным чувствам китайцев – поднять страну, поднять народ, возродить величие Китая. Сформулированная в общем виде цель превращения Китая в могучую и процветающую державу, которая стала подлинной общенациональной мобилизующей идеей, впоследствии была конкретизирована в программе «Четырех модернизаций» промышленности, сельского хозяйства, национальной обороны, науки, техники и образования.

Важнейшим фактором, обеспечивающим успех экономических реформ в Китае, являлась их последовательная социальная ориентированность. Разумеется, не в равной мере, но благотворность реформы ощущал лично на себе каждый китаец, что и делало его активным сторонником реформ. Неотъемлемой чертой курса китайских экономических реформ являлась постепенность и осмотрительность, взвешенный подход к намечаемым преобразованиям. Еще одним залогом успешности китайских экономических реформ служило то, что руководство КНР, широко перенимая иностранный опыт, не допускало того, чтобы его применение шло вразрез с национальными особенностями Китая, ослабляло национальную самоидентичность, подрывало стабильность в стране.

Анализ внешней политики КНР за последние два десятилетия показывает, что китайскому руководству было все менее свойственно добиваться усиления роли страны на международной арене военно-силовыми методами или путем создания военных или политических альянсов, направленных против кого-либо. Вся история Китая на протяжении последних, по крайней мере, трех тысячелетий, показывает, что присоединение к «срединному царству» новых территорий происходило, за редкими исключениями, не столько путем военной экспансии, сколько за счет распространения ареала китайской цивилизации на сопредельные территории. В китайской истории немало примеров, когда покорявшие страну «варварские» племена или государства сами за очень короткие сроки – в пределах одного поколения – «попадали в плен» культуры и традиций коренного населения и фактически превращались в китайцев (ханьцев). Тем самым рост территории и усиление могущества Китая обеспечивалось относительно ненасильственными действиями. Роль военной силы резко увеличивалась лишь в периоды «больших смут» и «междоцарствий», когда император и его ближайшее окружение оказывались неспособными – объективно или субъективно – адекватно реагировать на меняющуюся ситуацию в стране и таким образом теряли свою легитимность в качестве

правителей государства (или – как в традиционной китайской трактовке «мандат неба»). В китайской традиции подобные правители, приводившие страну к крупномасштабным социальным бедствиям и массовому кровопролитию, заслуживали всегда самой низкой оценки.

Даже в периоды наибольшего расцвета для правителей Китая, как правило, было важно не реальное господство над той или иной территорией (даже формально входившей в состав китайской империи), но демонстрация со стороны контрагента уважения в адрес китайского правителя и формального признания его власти, которая, при этом, часто не распространялась за пределы императорского дворца. С известными поправками психология древних и средневековых правителей Китая может быть перенесена на сегодняшние реальности.

Возвращаясь к современности, необходимо отметить, что в восприятии большинства нынешнего населения Китая основные функции власти остались неизменными – сохранять социальный мир, по возможности, решать внешние проблемы мирными средствами, утверждая легитимный статус КНР как одного из полноправных членов мирового сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер, Я.М. Модернизация и традиция в современном Китае / Я.М.Бергер // Полис. – 1995. – №5.
2. Конфуций. Суждения и беседы / Конфуций. – СПб., 2008. – С. 20.
3. Делюсин, Л.П. Политическая реформа и проблема демократии в Китае / Л.П. Делюсин. – М., 1993.
4. Галямова, В.Ф. Коммунистическая партия Китая сегодня и завтра / В.Ф. Галямова // Проблемы Дальнего Востока. – 2002. – №3. – С. 42.
5. Делюсин, Л.П. Реформы в Китае и марксизм / Л.П. Делюсин // Восток. – 1992. – №5. – С. 12.
6. Островский, А.В. Китай на пути модернизации и реформ накануне XXI в. / А.В. Островский // Китай, китайская цивилизация и мир: материалы X междунар. науч. конф. – М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 1999. – С. 36.
7. Сафонова, Е. Китай и современный мир / Е. Сафонова // Проблемы Дальнего Востока. – 1993. – №6. – С. 107.
8. Москалев, А. Дискуссии о национализме в КНР / А. Москалев // Проблемы Дальнего Востока. – 2001. – №3. – С. 57.
9. Делюсин, Л.П. «Китайский капитализм» или «социализм с китайской спецификой» / Л.П. Делюсин // Свободная мысль. – 1993. – №12. – С. 61.
10. Балакин, В. КНР в глобальной стратегии Запада на рубеже веков / В. Балакин // Проблемы Дальнего Востока. – 2000. – №5. – С. 40.

В соответствии с большинством авторитетных прогнозов КНР в обозримой перспективе сохранит высокую экономическую динамику. Все крупные перемены в мире в будущем будут, очевидно, связаны с Китаем. Однако его переход в число лидеров современного мира может произойти значительно раньше. В пользу такого мнения говорят, например, совокупная национальная мощь, разнообразие и высокие темпы роста китайской экономики. В целом, по имеющимся статистическим показателям и большинству экспертных оценок, КНР вполне допустимо характеризовать как лидера мирохозяйственной динамики и одного из немногих успешных участников экономической глобализации [1, с. 107-110].

Глобализация Китая и используется, и критикуется, и при этом перестраивается применительно к собственным реалиям. Китайское руководство видит в ней дополнительные возможности и шансы, которые важно использовать в национальных интересах, а также вызовы и угрозы, на которые необходимо адекватно реагировать. При рассмотрении этого явления в Китае преобладает анализ и признание необходимости адаптации к ней национальной стратегии развития [2, с. 2]. Китайские специалисты разделяют глобализацию на торговую, финансовую, политическую, идеологическую и т.д. По каждому ее компоненту дается оценка приемлемости или своевременности для Китая. Чаще всего в китайской научной литературе глобализация определяется как «экономическая». Политическая глобализация рассматривается КНР как вмешательство Запада во внутренние дела страны [3, с. 25]. Таким образом, китайский подход к глобализации основывается на принципе разделения политики и экономики [4, с. 34].

В глобализации позиции Китая заметно усиливаются. Этому способствуют целенаправленная промышленная экспортноориентированная стратегия и высокая эффективность внешнеторговой политики [5]. Вместе с тем по мере быстрого роста гигантского хозяйственного организма этой страны становится очевидным, что дальняя ее экономическая экспансия носит ограниченный характер, т.к. соответствующие для нее инструменты пока не сложились. Поэтому Китай стремится оказывать влияние на уже действующих здесь «агентов глобализации» – ТНК, зарубежный китайский капитал и др. Широкое заимствование их опыта и его соединение с собственными преимуществами, а также активное участие в международной конкуренции позволят развивать ТНК и с китайским капиталом [6, с. 103]. Этим в Китае сегодня занимаются самым активным образом.

Эффективное использование Китаем этих элементов глобальной экономики на своей территории объективно укрепляет позиции его экономики в

целом, что может привести к новому усилению протекционистских и изоляционистских тенденций в западном мире. Кроме того, это может привести и к последующему сдвигу центров глобализации на Восток и Юг. Исследователи прогнозируют возможность более активного взаимодействия этих двух регионов и возрождение у них прежней идеи «коллективной опоры на собственные силы» [7, с. 66]. Эта идея была выдвинута Китаем еще в 60-е годы, во время развертывания крупной программы технико-экономического содействия развивающимся странам. В целом картина экономического усиления китайской цивилизации непривычна для новейшей истории. Восток перешел в «наступление», а Китай отводит себе главенствующую роль в начавшейся «азиатской эре» в истории человечества [8, с. 120]. Все это требует от партнеров Китая нестандартных подходов к взаимодействию с этим государством.

Нынешнее руководство Китая успешно использует в своих интересах разнообразные факторы развития для осуществления главной национальной цели – создания процветающего Китая и обеспечения достойного его места в уже глобализирующемся современном мире. При всей их многочисленности можно выделить три основные группы наиболее значимых из них.

К первой группе, и определяющей, следует отнести модернизационные факторы, связанные с уже достигнутыми успехами Китая на пути современного развития и реформирования. Другими словами, это факторы влияния сложившегося динамизма, уникальности его экономических успехов, всего опыта его эффективной экономической политики, несмотря на некоторый консерватизм при решении отдельных конкретных задач.

Важнейшим среди них является очень надежное нынешнее положение КНР в мировой хозяйственной динамике. Масштабы экономики Китая, постепенность и продуманность ее открытия позволили совместить использование международной специализации с нарастанием самообеспечения этой гигантской страны.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что область совпадения Китая с ценностями Запада периода его индустриального развития уже достаточно широка и продолжает расширяться на макро- и микроуровнях. Это постепенное нарастание экономического взаимопонимания с Западом позволяет Китаю эффективно с ним сотрудничать. При этом функционально-эмпирический подход китайского социума к большинству идей, традиционная любознательность и изобретательность облегчают распознавание полезного и неприемлемого в современной западной экономической мысли, позволяя Китаю избегать возможных тупиков в своей экономике. Вместе с тем исследователями признается малая вероятность широкого восприятия Китаем западных доктрин, хотя отдельные частные теории (свободы торговли, социальной стратификации и др.) имеют перспективу утвердиться в тактике современного китайского руководства.

Решительный отказ от унификаций считается сутью китайских реформ и уже может рассматриваться как особый фактор развития, поиска своей модели в рамках глобализирующейся экономики. Плодотворным является, в частности, использование Китаем уже имеющихся институтов и преобразование

их в нужном направлении вместо попытки сразу создать все звенья рыночной экономики. Прагматический подход к любым теориям откровенно преобладает над «институтостроением», распространившимся сегодня во многих «переходных» странах. Это уже дало главный результат – к 2005 году статус Китая как страны с полностью рыночной экономикой был признан большинством развивающихся стран [7, с. 65].

В наступившем веке стратегическим ресурсом становится подчеркиваемая руководством страны «специфика» Китая, которая связывается прежде всего с высокой ролью государства. Она, в свою очередь, выводится из «отсталости» страны, структурных особенностей ее экономики, значительной доли агросферы, многовековых традиций и т.п. В современном Китае роль центра усиливается, в том числе финансовая, и политика сохраняет примат над экономикой. Ослабление экономической роли государства во многих странах мира в 1990-е годы дало Китаю на этом пути дополнительные преимущества. Благодаря последовательной политике государства продолжает действовать важнейший фактор подъема Китая – грандиозные капиталовложения, в т.ч. иностранные инвестиции, эффективность которых быстро растет и обеспечивает Китаю средние позиции его международной конкурентоспособности [1, с. 110]. Укоренился и дает эффективные результаты управленческий алгоритм «разрешить – проанализировать – ограничить». Он удобнее и эффективнее, чем применявшиеся прежде командно-административные методы. Вместе с тем с 1993 года поступательным стал переход ведущей роли в распределении ресурсов от государства к рынку [9, с. 49].

Кроме того, государство взяло на себя роль арбитра и регулятора в отношениях между укладами, классами и слоями, различными регионами, группами интересов. КПК выступает за увязку конфликтующих интересов, выработку балансирующих подходов в социальной политике [9, с. 51]. Речь идет о большей согласованности интересов, уменьшении остроты их столкновений. В 2004 году принята концепция и модель сбалансированного развития, имеющая антикризисную направленность. Новая концепция развития делает акцент на гармонии, а не на борьбе. Государство стимулирует новые хозяйственные формы (индивидуальные, семейные, частные, смешанные) наряду с общественными коллективистскими началами. Костяк экономического строя Китая по-прежнему составляет общественная собственность. С помощью государственных СМИ освоены самые современные технологии управления хозяйством и населением. В результате «капитализм» и «коммунизм» не противостоят друг другу, а успешно перерабатываются современным Китаем, выступая в чисто инструментальном, уже деидеологизированном, виде и подвергаясь разумной критике. В результате в Китае достигнуто удачное сочетание основного строя социализма и рыночной экономики [8, с. 121].

Существенным фактором, нацеленным на перспективу, следует считать поступательность формирования в Китае гражданского общества и становления демократии. Сфера свободы личности и ее инициативы все более расширяется по мере роста возможностей государства и ресурсов его социальной политики. Растет плюрализм мнений в ходе обсуждения национальных про-

блем, политической экономии развития, прогрессирует изучение общественного мнения, в том числе зарубежного. КПК своими руками создает для себя новую социальную базу в лице среднего класса [9, с. 49-50]. Руководство страной носит коллегиальный и хорошо скоординированный характер.

Фактором благополучного движения по пути модернизации в глобализирующемся мире можно считать достигнутую пропорциональность социальной и экономической структуры страны. В Китае решены серьезные внутренние проблемы, в том числе «основных нужд», ясно определены пути развития народного образования и уровня грамотности, заимствования технологий. Энергоемкость ВВП не столь велика и осуществляется экономия энергоресурсов. Число бедных заметно уменьшилось, их доля в обществе сократилась с 87-89% до 41-42%, доля занятых в сельском хозяйстве составляет не более 2/5 самодеятельного населения [1, с. 109, 111]. Все более интенсивно развивается внутренний рынок и внутрискановая интеграция.

КНР сосредоточена сегодня на проблемах, от решения которых фактически отказались во многих развивающихся и «переходных» обществах: социальное расслоение, региональные перекосы и т.д. Десятилетия жесткой экономики, сложившаяся специализация в мировой экономике свидетельствуют в пользу возможности разрешения и энергетических, экологических проблем. Причем они решаются в том числе и в рамках политических кампаний, в которых острота положения намеренно драматизируется властью, вызывая напряжение сил всего общества. При этом решение этих проблем устойчиво финансируется государством на основе долгосрочных планов развития.

Способность КНР успешно развиваться в будущем, вероятно, можно обосновать и «срединным» положением страны с точки зрения мирового благосостояния, воплощением в жизнь формулы «рынок управляет предприятиями, государство управляет рынком». Китай намного лучше других стран готов к реализации моделей разумного потребления, проектов «мировой деревни», возвращения к земле. Кроме того, национальная валюта в Китае не оторвана от реальной экономики и потому может выполнять присущие полноценным деньгам функции в национальном хозяйстве. При этом жэньминьби остаются одной из самых устойчивых мировых валют.

У Китая есть и другие структурные и мобилизационные ресурсы для будущего развития. В первую очередь, нарастающий собственный научно-инновационный потенциал и увеличивающиеся расходы на НИОКР до 2-2,5% ВВП, активное привлечение к реформам научной элиты [1, с. 114]. К числу других можно отнести и низкую долю сферы услуг, высокую долю женской занятости, мощную внешнеэкономическую базу, государственные СМИ и т.д. За два последних десятилетия была создана эффективная бюрократия. Все это происходит на фоне сохранения достаточно стройной системы принятия решений и количественного сокращения бюрократии.

Адаптацию Китая к информационной революции глобализирующегося современного мира заметно облегчают и успехи компьютеризации, поскольку традиционный для этой культуры классификационный способ приобретения знания получил в ее лице удобный инструмент. Тем самым сведены к

минимуму неудобства иероглифического письма, страна располагает новейшей информационно-аналитической базой, осуществляется огромный объем переводческой работы. Коммуникационная инфраструктура прогрессирует очень быстро, что дает гигантскую экономию на капитальных вложениях в связь. Таким образом, экономическая и информационная глобализация является относительно простой и все более выгодной для Китая средой.

Следует, однако, заметить, что при всей нынешней высокой динамике информатизации китайского общества в нем хорошо просматривается желание руководства Китая продлить его индустриальный этап. Это вполне закономерно в силу имеющихся региональных различий, намеченных перспектив промышленного и инфраструктурного освоения внутренних и западных регионов страны. В ВТО (2001 г.) КНР фактически получила статус развивающейся страны и, соответственно, длительный переходный период в допуске иностранного капитала на ряд секторов внутреннего рынка.

Вторая группа факторов успешного развития Китая в глобализирующемся мире связана с его цивилизационным компонентом или ценностно-цивилизационным ядром общества. Следует признать, что оценка китайского цивилизационного компонента, учет самоидентификационных факторов являются предметом повышенного интереса, в первую очередь, зарубежных ученых. Преобладает мнение, что он далеко не утратил своего значения, и его роль будет возрастать по мере превращения Китая в одну из ведущих держав нового миропорядка [10, с. 2, 8, 121].

«Цивилизационный багаж» и «специфическое цивилизационное» в этой стране исследователи правомерно определяют, прежде всего, как особенности государственной политики и видят его в осуществлении системно-политического подхода к экономике и социальной сфере. Кроме того, «цивилизационное» позволяет ответить на вопрос «как, каким образом» и проявляется оно в принципах и технологиях. Отмечается государственное применение термина «гармония», которая понимается как согласованность различных аспектов реформы – экономических, социальных, человеческих [11, с. 9]. Исключаются резкие повороты в экономическом курсе, гарантируется преемственность и стабильность политики [12, с. 16]. Так, практическая реализация экономических установок нынешнего китайского руководства осуществляется при опоре на такие моральные нормы, как дисциплина, уважение семейных ценностей, авторитет власти, подчинение личных устремлений коллективному началу, вера в иерархическое устройство общества [13, с. 29].

Налицо в Китае стремление использовать концепции и положения идеологического наследия древнего Китая. Даже китайские либералы стремятся заручиться поддержкой традиции, пытаются найти возможности синтеза конфуцианства и либерализма. Это проявляется в стремлении к порядку, неприятии крайностей. Отсюда отказ от идеи скачков и масштабных прорывов, соединение рыночной экономики с конфуцианской трудовой этикой усердия и взаимопомощи [9, с. 47]. Данную ситуацию можно рассматривать как своеобразный конфуцианский ренессанс, развивающийся, в том числе, и по примеру его соседей по восточноазиатскому региону.

Многие современные ценности модернизирующейся китайской цивилизации определяются сегодня также в духе китайской традиции, т.е. в виде простых афористичных формул, обозначающих очень длительные процессы, статические и многоэтапные динамические состояния – «развитие – цель, реформы – средство, стабильность – гарантия», «покидая земледелие, не расставаться с деревней». Очень распространены в современном Китае и «смешанные», промежуточные социально-экономические формы и группы, которые позволяют успешнее воспринимать вызовы глобализации и модернизации: крестьянин-рабочий, полугорожанин, красный капиталист, менеджер-партиец и т.п. Таким образом, в Китае собственные социокультурные особенности удачно сочетаются с западными стандартами организации экономики [8, с. 121].

Некоторые другие цивилизационные особенности, в т. ч. наличие «готового» корпоративного человека, реализм и рационализм, умеренность, примат гражданского над военным, культура как составляющая национальной мощи, также очень востребованы и существенно упрощают жизнь человека в современном веке. Смягчению противоречий между традицией и современностью способствует бережливость китайцев, трудолюбие, важность консенсуса, стремление избежать конфронтации, умение использовать старые идеи и опыт прошлого. Предполагается, что конфуцианская культурная традиция со временем станет убывать и отступать, но полностью в будущем не исчезнет [9, с. 47].

Чертой китайской цивилизации является ее «готовность» к еще худшему развитию ситуации по принципу «возможно, будет очень плохо». Нынешнее состояние мировой экономики и политики подтверждает такую вероятность. Способность Китая переоценить возможные угрозы и заранее к ним подготовиться, проявляющаяся в различных сторонах современной китайской жизни, идеологии и пропаганды, может стать фактором гибкого встраивания этой страны в быстро меняющуюся глобальную экономику и успешно реагировать на ее вызовы.

Вместе с тем можно заметить, что потенциал китайской цивилизации пока еще не используется в обществе на полную мощь. Традиции и институты выживания в экстремальных условиях, такие, как клан, землячество, уравниловка, национализм, используются меньше, чем того можно было бы ожидать, особенно по сравнению с другими «переходными» странами. Между тем традиционализм или культ национальных ценностей не только не отрицает, но и усиливает конструктивный потенциал рыночной конкуренции [14, с. 41].

При всех достижениях китайской промышленности, науки и техники цивилизационное ядро страны по-прежнему во многом связано с деревней. В Китае не существовало такого разрыва между городским и сельским обществами, который сложился на Западе, не было принижения сельских традиций и ценностей. Земля в стране исторически рассматривалась как государственное или общественное достояние [15, с. 128]. В наши дни государство в Китае по-прежнему распоряжается рентой за землю, что является очень свое-

временным и стратегически важным с экономической точки зрения. При этом экономическая политика КПК получает поддержку в среде сельского населения, что можно считать проявлением традиционной лояльности китайцев, совпадающей с их любовью к своей стране.

С точки зрения будущего успешного развития Китая как участника мировых экономических отношений благоприятным фактором является признание государством своей задачей обеспечение синтеза «двух цивилизаций» – традиционной и современной, установку на диалог культур [16, с. 2]. Можно признать, что в Китае идет строительство «конфуцианского социализма», выдвинут лозунг «всеобщего сотрудничества» в деле построения новой реальности [17, с. 168]. Китай сегодня успешно ведет поиск рационального пути преодоления эффекта «чужого», но без форсирования демократических преобразований [2, с. 4]. При этом на нынешнем этапе в соотношении между *современным*, которое часто является синонимом *внешнего*, переработанным *современным* и традиционным все еще преобладает *переработанное* (или перерабатываемое) *современное*.

Более того, различия между регионами делают проблему сочетания нового и старого уже внутренней, т.к. в одной стране сочетаются еще и Синьцзян, и Тибет. Здесь периодически вспыхивают очаги сопротивления власти, главным образом среди уйгурского населения. Руководство КПК внимательно следит за ситуацией на окраинах страны [10, с. 8]. Однако главная ставка в борьбе с сепаратизмом делается на предупреждение нежелательного развития событий экономическими мерами и путем переговоров с сопредельными странами, чье участие может способствовать смягчению конфликтов (Афганистан, Турция, Пакистан, страны СНГ).

Третья группа факторов, способная обеспечить успешное вхождение Китая в глобализирующуюся мировую систему, связана с его внешней политикой, которую он проводит в интересах обеспечения благоприятных условий для своего экономического роста и утверждения в мире. Главной целью внешней политики КНР является защита национального суверенитета и обеспечение экономической безопасности [18, с. 8]. Современный Китай понимает и последовательно подчеркивает, что мировой гегемонизм опасен для всех, включая гегемона. Многополярность является основой его внешней политики. При этом Китай демонстрирует преемственность и реализует идеи, выдвинутые лидерами предыдущих поколений: необходимость мирного сотрудничества и диалога, в т.ч. идеи Дэн Сяопина, утвержденные XV съездом КПК в качестве официальной идеологии на длительный период [3, с. 27].

Сегодня в механизм развития Китая встроена всесторонняя система взаимодействия с остальным миром. Направления стратегического приоритета – «мирного возвышения страны» – прояснились на достаточно длительную перспективу, включая постепенное вхождение жэньминьби в число ведущих мировых валют. Эгоцентричность и прагматичное управление внешними связями и частью китайской диаспоры, лояльность к конкурентам и партнерам обеспечивает дальнейшее укрепление позиций КНР в мире [7, с. 57].

Чертой внешнего курса Китая является разделение своих внешних задач на актуальные, приоритетные и те, от которых он способен отстраниться без

ущерба для собственных интересов, т.е. очевидное преобладание регионального, по сравнению с глобальным, двустороннего перед многосторонним [7, с. 58]. Уже имеющийся опыт Китая и Индии показывает, что придать глобализации высокую социально-экономическую динамику и при этом улучшить положение большинства населения можно лишь в рамках крупных регионов. Именно регионализация рассматривается сегодня в качестве инструмента смягчения негативных последствий глобализации и способа движения к мирному взаимодействию и интеграции цивилизаций. Поэтому внешняя политика Китая направлена на участие в создании региональных и субрегиональных объединений как необходимым этапе экономической глобализации [3, с. 26]. Регионализм китайской внешней политики реализуется прежде всего в принципе «добрососедство» [19, с. 33].

Особое значение Пекин придает отношениям с соседними государствами. Он стремится к политическому урегулированию проблем, сбалансированию своей политики на севере и юге, превращению соседей в партнеров. Здесь распространены тесные политические и военные связи, воплощаются в жизнь коллективные позиции и действия. В регионах СВА и ЮВА, в отношениях с АСЕАН Китай действует с учетом концепции многополярности и стремится найти дополнительные политические и экономические ресурсы для усиления своих позиций в двусторонних и многосторонних отношениях [20]. Наиболее сложными, хотя и взаимовыгодными, они остаются с Японией [19, с. 40].

Потенциал сотрудничества Китая с другими цивилизациями и народами неодинаков. В целом отношения Китая с Периферией и Полупериферией гораздо богаче. Сегодня Китай всегда выражает позиции развивающихся стран, прежняя его технико-экономическая и военная помощь многим странам Азии, Африки и Латинской Америки успешно коммерциализирована [3, с. 27]. Можно признать наличие между ними стратегического партнерства межконтинентального уровня и стремление Китая придать ему консолидированную коллективную основу [7, с. 64-65].

С Западом диалог ведется на формально-правовой основе, и результат взаимодействия зависит скорее от конкретного соотношения сил и интересов. С 2003 года КНР выстраивает политический и финансовый диалог с «Большой восьмеркой», с ЕС – занимает выжидательную политику. С США Китай налаживает диалог по проблемам стратегической стабильности и региональным конфликтам, углубляет экономическое сотрудничество, однако они остаются обремененными старыми проблемами [2, с. 4-5]. Китай стремится удержать эти отношения на уровне стратегического взаимодействия и диалога и не допустить перехода в морально-идеологическое противоборство [10, с. 10].

Среди внешних целей Китая центральное место занимает воссоединение страны. Восстановление китайского суверенитета над Гонконгом закрепило прогресс на этом направлении и очевидное геополитическое усиление КНР. Прошедшие годы продемонстрировали фундаментальный характер указанного процесса, что проявилось в значительном наращивании связей с Тайванем. Началась экономическая интеграция между материковой и островной частя-

ми страны. Спад в так называемой новой экономике на Западе в начале нынешнего века и в условиях нового экономического кризиса 2008 года заставляет Тайвань еще больше ориентироваться на КНР в расчете на сбыт высокотехнологичной продукции [21, с. 66-68].

Продолжение твердой политики КНР в тайваньском вопросе, ставка на экономическую интеграцию и культурное сотрудничество, а также ход глобализации и регионализации в Восточной Азии, по всей вероятности, означают неизбежное воссоединение страны. Сегодня в сложных отношениях материка и острова на деле идет поиск формы объединения. Он требует времени, может проходить с осложнениями, отсрочками или, наоборот, с возможностями ускорить их конструктивный диалог. В целом ситуация пока меняется в пользу КНР, что заметно на отношениях с соотечественниками Сянган, Аомэня и Тайваня.

В качестве цивилизационной особенности Китая стоит отметить и его готовность выдерживать очень длительные сроки в переговорной практике. Тем самым, не ограничивая достижение стратегических целей страны жизнью одного поколения, руководство КНР располагает и дополнительным временным ресурсом, и возможностью мягкой корректировки целей, причем без крупных сбоев в своей внутренней и внешней политике.

Таким образом, прямолинейные интерпретации экономического роста Китая только лишь как «цивилизационного подъема» требуют корректировки. Прошедшие годы были и периодом открытия этой страны внешнему миру, что привело к расширению здесь сферы глобального, общечеловеческого. Безусловно, невозможно установить, в каких пропорциях присутствуют традиционные, цивилизационные, этнические, культурные и современные черты в развитии нынешнего Китая. Однако становятся все более наглядными некоторые области их совпадения. Это полноценно и заинтересованно используется прагматическим крылом китайского руководства для обеспечения успешного решения задач по подъему национальной экономики в целом и повышению реального уровня жизни своих граждан, что, по сути, и является главной целью всех реформ, успешно идущих в этой стране вот уже 30 лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мельянцев, В.А. Два азиатских гиганта: основные контуры экономического развития / В.А. Мельянцев // Восток. – 2007. – №5. – С. 107-117.
2. Михеев, В.В. Внешняя политика Китая при новом руководстве / В.В. Михеев // Азия и Африка сегодня. – 2005. – № 12. – С. 2-9.
3. Гао, Шуцинъ. Внешняя политика КНР в условиях глобализации / Гао Шуцинъ // Азия и Африка сегодня. – 2005. – № 3. – С. 25-28.
4. Михеев, В.В. Глобализация и азиатский регионализм – вызов для России / В.В. Михеев. – М., 2001. – 643 с.
5. Потапов, М. Каковы перспективы азиатского гиганта? (прогнозы американских ученых) / М. Потапов // Мировая экономика и международные отношения. – 2007. – № 9. – С. 122-125.
6. Ба, Цзиньсинь. Формирование транснациональных корпораций в Китае / Ба Цзиньсинь // Проблемы Дальнего Востока. – 2005. – № 5. – С. 97-103.

7. Сафронова, Е. Некоторые итоги внешнеполитической активности КНР в 2005 году / Е.Сафронова, А.Свешников // Проблемы Дальнего Востока. – 2006. – № 3. – С. 56-70.
8. Канчуков, С.А. Глобализация и китайская концепция регионализма: опасности и угрозы / С.А. Канчуков // Вопросы образования. – 2006. – № 2. – С. 117-127.
9. Бергер Я. Политическая реформа в Китае / Я. Бергер // Азия и Африка сегодня. – 2007. – №8. – С. 44-53.
10. Бергер, Я. Китай – глобальная держава XXI века? / Я. Бергер // Азия и Африка сегодня. – 2006. – № 8. – С. 2-12.
11. Буров, В.Г. Китайский опыт модернизации: теория и практика / В.Г. Буров, В.Г.Федотов // Вопросы философии. – 2007. – № 5. – С. 7-20.
12. Бергер, Я. Социально-экономическое развитие и углубление рыночных реформ в Китае / Я. Бергер // Проблемы Дальнего Востока. – 2004. – № 1. – С. 6-29.
13. Воскресенский, А. Китай в контексте глобального лидерства / А. Воскресенский // Международные процессы. – 2004. – № 2. – С. 21-33.
14. Митяев, Д.А. Стратегия в эпоху глобализации / Д.А. Митяев // Экономические стратегии. – 2000. – № 3. – С. 40-54.
15. Непомнин, О.Е., Меньшиков В.Б. Синтез в переходном обществе: Китай на грани эпох / О.Е. Непомнин, В.Б. Меньшиков. – М., 1999. – 452 с.
16. Делюсин, Л. Встреча вызов глобализации / Л. Делюсин // Азия и Африка сегодня. – 2003. – № 4. – С. 2-11.
17. Бокщанин, А.А. Общество и государство в Китае / А.А.Бокщанин // Восток. – 2006. – № 5. – С. 166-172.
18. Свешников, А.А. Проблемы экономической глобализации в освещении китайской политологии / А.А. Свешников // Китай в мировой и региональной политике. – М., 2001. – 622 с.
19. Лю Цинцай. КНР: геополитическая среда и внешняя политика добрососедства / Лю Цинцай // Проблемы Дальнего Востока. – 2006. – № 2. – С. 33-42.
20. Мосяков, Д. Новые тенденции в политике Китая в Юго-Восточной Азии / Д. Мосяков // Азия и Африка сегодня. – 2006. – № 1. – С. 9-11.
21. Козырев, В. Хронические конфликты и фактор Китая в АТР / В. Козырев // Международные процессы. – 2006. – № 002 Vol. 4. – С. 59-77.

А. Б. РОГИНСКИЙ

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ КНР В СИСТЕМУ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

«Китай – это великая держава и огромная страна, издавна именовавшая себя Средним государством и Поднебесной империей. Это одна из древнейших цивилизаций, давшая человечеству шелк, чай, фарфор, бумагу, книгопечатание, компас и порох, построившая Великую Китайскую стену, Великий канал и дворец Гугун в Пекине. Это страна богатейшей культуры, родина иероглифической письменности, конфуцианства и даосизма, утонченной живописи, изящной поэзии и богатейшего литературного наследия, включая гигантское собрание исторических письменных памятников и сочинений... Китай является «ровесником» Шумера, Вавилона и Древнего Египта. Их истории прервались, а цивилизации умерли, тогда как китайский феномен жив и здравствует, а его бытование никогда не прерывалось» [1, с. 3].

История Китая изобилует событиями и насчитывает свыше 4 тыс. лет. С древних времен страна занимала активную позицию и, по сути, была одним из мировых экономических и политических центров, о чем, например, свидетельствует роль и значение «Великого шелкового пути». Подобное положение дел сохранилось вплоть до конца XVIII в., когда феодальный Китай стал объектом военно-политической и экономической агрессии сначала со стороны индустриально развитых европейских государств (Опиумные войны 1839-1842 и 1858-1860 гг.), а впоследствии и своего могущественного восточного соседа – Японии (боевые действия в Корее и акватории Желтого моря 1894-1895 гг.). В некоторой степени восстановить свой суверенитет Китай смог только после Синьхайской революции 1911 г., когда в результате мощного социально-политического взрыва пала династия Цин и была провозглашена Китайская Республика. Вслед за провозглашением независимости последовала смена международного статуса, однако страна де-факто осталась колонией и продолжала выступать в качестве источника дешевого сырья и огромного рынка сбыта для товаров европейских и американских предприятий, а также была одним из основных поставщиков дешевой рабочей силы. С Синьхайской революции начинается очередной этап консолидации китайской нации на государственном уровне: междоусобные войны милитаристов 20-30-х гг. XX в., противостояние японской агрессии 30-40-х гг. XX в., гражданская война 1945-1949 гг., закончившаяся образованием КНР 1 октября 1949 г., события «культурной революции» 1966-1976 гг. После прихода к власти Дэн Сяопина, Китай вступил в новый период развития, ознаменовавшийся мощным экономическим подъемом.

В настоящее время КНР – третье по размеру территории (9,6 млн. кв. км.) и самое густонаселенное государство в мире с общей численностью населения свыше 1,3 млрд. человек, расположенное в Восточной и Центральной Азии и имеющее выход к мировому океану. На континенте КНР граничит с Россией, Монголией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Афганистаном, Индией, Непалом, Бутаном, Мьянмой, Лаосом, Северной Кореей. В административном отношении страна разделена на 23 провинции (Хэйлуньцзян, Цзилинь, Ляонин, Хэбэй, Хэнань, Хубэй, Хунань, Шаньдун, Цзянсу, Чжэнцзян, Фуцзянь, Гуандун, Юньнань, Шаньси, Шэньси, Гуйчжоу, Ганьсу, Сычуань, Цинхай, Аньхой, Цзянси, Хайнань и Тайвань), 5 автономных районов (Внутренняя Монголия, Нинся-Хуэйский, Тибетский, Синьцзян-Уйгурский, Гуанси-Чжуанский), 4 города центрального подчинения (Пекин, Тяньцзинь, Шанхай и Чунцин) и 2 особых административных района (Гонконг и Аомынь). В плане хозяйственного освоения территория КНР делится на три зоны – приморскую, центральную и западную, которые простираются с севера на юг. Наиболее экономически развитой является приморская зона, где сосредоточена основная масса промышленных предприятий и торговых компаний. Центральная и западная зоны – сельскохозяйственные районы, выступающие в качестве сырьевого придатка приморья. Реки континентального Китая, текущие с запада на восток, имеют большое значение для развития транспортных связей между внутренними и приморскими районами. Южно-китайское море является главным судоходным путем, связывающим Тихий и Индийский океаны. На западе и юго-западе естественной границей служат горные цепи Тянь-Шаня и Тибетского нагорья, а на севере – степи и пустыни. По совокупному количеству видов и численности природных ресурсов Китай с древних времен был самодостаточным государством. Таким образом, географическое положение и наличие широкой ресурсной базы стали одними из главных составных элементов платформы для превращения Китая на современном этапе в одно из мощнейших государств Азии и его последующих попыток доминировать в регионе.

В древности на просторах Евразии существовало несколько относительно стабильных мировых центров силы, главные из которых находились в бассейне Средиземного моря, Ближней и Юго-Восточной Азии. С эпохи Великих географических открытий, начался процесс усиления роли агрессивных (с ограниченным количеством ресурсов) европейских цивилизаций и ослабление неагрессивных (самодостаточных) азиатских, результатом которого стало формирование в Европе мирового политико-экономического центра. К концу XX в. данный центр постепенно переместился на североамериканский континент, а в начале XXI в. наблюдается дальнейшее его движение на запад – в Азиатско-тихоокеанский регион (АТР), где концентрируются основные мировые производственные силы. Необходимо отметить, что в геополитике существуют несколько мнений касательно расстановки сил в современном мире. Так, например, Спайкмен выделил три крупных центра: первый находится на атлантическом побережье Северной Америки, второй расположен в Европе, а третий – на Дальнем Востоке Евразии. Мы придерживаемся иной

точки зрения и полагаем, что к настоящему моменту уже оформилось четыре основных центра мирового политико-экономического влияния. Первый включает США и их союзников. Второй находится в северной части Евразии на территории стран СНГ с лидирующей ролью Российской Федерации. Третьим центром стали государства Центральной и Восточной Азии. Четвертый центр – блок исламских государств на Ближнем Востоке (Лига арабских государств). В настоящее время происходит формирование еще двух других – объединения государств Южной Америки и Карибского бассейна (МЕРКОСУР и КАРИКОМ), а также союза стран африканского континента (Организация африканского единства, ЭКОВАС).

Как член системы современных международных отношений, КНР сталкивается с целым рядом проблем, которые по своим особенностям можно разделить на два основных типа – военно-политические и экономические.

Военно-политические проблемы охватывают три уровня:

1) *государственный* (борьба с сепаратизмом в Тибете и Синьцзян-Уйгурском автономном районе, Тайване);

2) *региональный* (дальнейшее усиление политического влияния КНР в АТР, противодействие гегемонистской политике США в Азии и угрозам изменения существующей расстановки сил в регионе, борьба с терроризмом и производством наркотиков в Афганистане, Пакистане и Юго-Восточной Азии, обеспечение энергетической безопасности за счет привлечения нефти Каспия и России, спорные территории в Южно-Китайском море);

3) *глобальный* (стремление преодолеть «периферийное значение страны»¹; участие в решении комплекса мировых социально-экологических проблем, затрагивающих проблемы развития человека, преодоления бедности, нехватки продовольствия и ресурсов).

Экономические проблемы также затрагивают три уровня. На *государственном* уровне главным является вопрос обеспечения ресурсной безопасности страны и сохранения высоких темпов роста экономики. На *региональном* – приоритетным стало участие в локальных экономических союзах и форумах (АСЕАН, АТЭС, СТЭС, АОП, ТЭС, и СААРК) для политических консультаций, согласования и расширения экономического сотрудничества в рамках региона, урегулирования внутренних, главным образом, таможенных проблем. На *глобальном* уровне для правительства КНР актуальными остаются вопросы дальнейшей интеграции в мировую экономику (ГАТТ / ВТО) на условиях равноправия, но с сохранением «льготного режима развивающейся страны», а также противодействие возможным негативным последствиям глобализации и усиливающегося мирового экономического кризиса.

Теперь более подробно остановимся на перечисленных военно-политических аспектах интеграции КНР в систему международных отношений в XXI веке. На государственном уровне главной военно-политической пробле-

¹ Согласно концепции американского политолога И. Валлерстайна «мир-системы», ядро составляют США и их европейские союзники, в полупериферию входят страны Восточной Европы, Польша, Россия, а периферию составляют развивающиеся страны Латинской Америки, Африки и Азии.

мой для правительства КНР остается вопрос борьбы с сепаратизмом в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, в Тибете и Тайване. Проблема провозглашения независимости Синьцзян-Уйгурского автономного района существует с XVIII в., когда данные территории входили в состав цинской империи и особо остро встала в 1945-1947 гг., когда при поддержке СССР была предпринята последняя серьезная попытка провозглашения исламской Восточно-Туркестанской Революционной Республики¹. Руководство СССР поддержало исламских сепаратистов, планируя использовать данное государство в качестве «рычага» для оказания давления на будущее правительство КНР в случае серьезных разногласий во внешнеполитических курсах. Однако в 1949 г. закончилась гражданская война, в которой победу одержала дружественная СССР КПК (Коммунистическая партия Китая), и необходимость в подобных действиях отпала. СССР признал суверенитет КНР над Синьцзян-Уйгурским автономным районом, но созданная за 1945-1947 гг. повстанческая база сохранилась и, начиная с 50-х гг., главной формой борьбы за независимость Синьцзяна стал террор, поддерживаемый США, официально признавшими его борьбой за независимость. Проблема провозглашения независимости в Тибете имеет схожую предысторию. Тибет до 1911 г. де-юре входил в состав последней китайской империи на правах автономии, но де-факто оставался полунезависимым теократическим государством, глава которого получал от китайского императора мандат на управление. После Синьхайской революции вплоть до 1949 г. Тибет оставался фактически независимым теократическим государством, но впоследствии данные территории вновь вошли в состав КНР. Вопрос сепаратизма на Тайване не имеет такой исторической подоплеку как первые два и возник в результате гражданской войны 1945-1947 гг., когда войска Гоминьдана, проиграв борьбу на континенте, отступили на остров. Первоначально со стороны КНР неоднократно предпринимались попытки решения данного вопроса, что вызывало противодействие США и их союзников, которые использовали «тайваньскую карту» для сдерживания и дискредитации страны. После неудачных попыток решения проблемы иными средствами, правительство КНР взяло курс на возвращение «Тайваня в лоно родины», используя лозунг «одно государство – два строя» (подробнее см. 2), суть которого сводится сначала к экономическому, а затем и политическому поглощению.

В последние годы наблюдается значительное усиление политического влияния КНР в АТР, обусловленного ростом экономики страны. КНР кроме России, Индии, Японии и объединенной Кореи не имеет в АТР других серьезных соперников, претендующих на региональное лидерство. Необходимо отметить, что в настоящий момент Индия по причине внутригосударственных проблем (например, столкновения на основе межрелигиозных противоречий) не проводит активной внешней политики по усилению своего влияния в АТР, что после распада СССР российское военно-политическое присутст-

¹ Подробнее об этом см.: Ю.М. Галенович «Белые пятна и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений»; Д.В. Дубровская «Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в.»

вие в регионе было минимизировано, также наблюдается некоторое ослабление роли Японии. Подобное положение дел способствует усилению внешне-политической активности КНР, носящей пока сугубо региональный характер и имеющих двойное значение. «С одной стороны, все так или иначе связанные с Китаем страны заинтересованы в экономически стабильном Китае, поскольку отсталый и бедный Китай – это потенциальный источник нестабильности в регионе. Кроме того, богатый Китай неизбежно будет весьма тесно интегрирован в мировую экономику, что сделает его действия более прогнозируемыми и ответственными. С другой стороны, существуют опасения, что сильная экономика сделает Китай естественным гегемоном в регионе и позволит навязывать соседям свои интересы» [3, с. 37]. Следующим вектором внешней политики КНР на региональном уровне стало противодействие гегемонистской политике США в Азии, нацеленной на захват и полный контроль нефтяных месторождений в регионе и в мире в целом. Так, противостояние КНР и США проявилось, например, в диаметрально разных позициях касательно вопроса размещения компонентов системы ПРО в АТР. В соответствии с доктриной «Joint Vision 2010» КНР определяется в качестве основной потенциальной угрозы для США в регионе, для противодействия которой предлагается увеличить американское военное присутствие и построить для защиты от возможного ядерного удара систему ПРО. Но, несмотря на большое количество разногласий, КНР и США официально сотрудничают в сфере экономики и поддержания мира и безопасности. Это отчетливо прослеживается на примере замораживания ядерной программы Северной Кореи и вопроса объединения Кореи, где КНР и США заняли единую позицию, поскольку ни одна из стран не желает появления новой державы, обладающей не только существенным экономическим потенциалом, но и значительным количеством обычных и ядерных вооружений. Третья проблема на региональном уровне – вопрос борьбы с терроризмом и производством наркотиков в Азии (Афганистан, Пакистан и Юго-Восточная Азия), осуществляемой, главным образом, в рамках ООН и консультаций на базе ШОС). Исламские террористические организации Афганистана и Пакистана, являясь элементами мировой террористической системы, тесно связаны с аналогичными организациями в КНР и оказывают им материальную и военную помощь. Борьба с производством наркотиков и наркотрафиком не менее актуальна, поскольку в течение последних полутора столетий наркотики были главной причиной упадка страны и массовой деградации населения (около 75% курило опиум), последствия чего удалось преодолеть только после образования КНР и введения смертной казни за реализацию наркотиков на территории страны. На региональном уровне правительство КНР также проводит активную политику по обеспечению энергетической безопасности страны за счет привлечения нефти Каспия и дальневосточной части России. Главным способом решения данного вопроса стала разработка в 90-х гг. XX в. проектов по участию в освоении нефтяных месторождений с помощью китайского капитала и транспортировки углеводородного сырья. Так, основными проектами стали газопровод Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай – Корея – Япония

общей протяженностью 6250 км., нефтепровод Казахстан – КНР общей протяженностью около 3000 км. и нефтепровод Казахстан – Туркменистан – Иран общей протяженностью около 1000 км. (подробнее см. 3, с. 38-39). Однако реализация данных программ была приостановлена. В настоящее время Китайская национальная нефтегазовая корпорация (SGCC) и Китайская нефтехимическая корпорация (SINOPEC) действуют на глобальном уровне по трем стратегическим направлениям: северно-африканском с опорой на Судан, центрально-азиатском с опорой на Казахстан и Россию, а также южноамериканском с опорой на Венесуэлу. Пятым вектором региональной политики КНР стали вопросы, связанные с контролем главных судоходных путей между Тихим и Индийским океанами, где в островных и шельфовых зонах имеются большие запасы нефти, газа и минеральных ресурсов. Первым крупным объектом спора являются острова Сенкаку (钓鱼台群岛 Diàoyútái Qúndǎo) – группа мелких необитаемых островов и рифов общей площадью 6,32 кв. км, расположенных в южной части Восточно-Китайского моря, примерно в 200 км к востоку от острова Тайвань. В настоящий момент эти острова контролируются Японией. Другие спорные территории – Парасельский архипелаг (西沙群岛 Xīshā Qúndǎo), архипелаги Спратли (南沙群岛 Nánshā Qúndǎo) и Пратас (东沙群岛 Dōngshā Qúndǎo), обширная отмель Макклесфилд-бэнк (中沙群岛 Zhōngshā Qúndǎo), вопрос принадлежности которых не вызывал разногласий до тех пор, пока не возникла перспектива освоения расположенных в их зоне нефтяных месторождений. Как и в отношении Сенкаку, спор по поводу принадлежности островов в Южно-Китайском море разгорелся во второй половине XX века, а фактором формирования региональной ситуации он стал в 70-е годы. В 1992 г. в КНР был одобрен новый закон о морских владениях, в соответствии с которым Китай провозгласил суверенитет над всей акваторией Южно-Китайского моря. Кроме того, иностранные суда обязывались просить разрешение на проход через те воды, которые Китай считал своими территориальными. Данные действия означают, что КНР будет и дальше стремиться утвердить свой контроль над данными нефтеносными районами. В настоящее время основной спор ведется по поводу принадлежности архипелага Спратли, причем на эти острова полностью или частично претендуют сразу несколько стран – Китай, Вьетнам, Малайзия, Филиппины.

На глобальном уровне одним из основных вопросов военно-политической интеграции КНР в систему международных отношений в XXI веке остается стремление правительства КНР преодолеть «периферийное значение страны». Несмотря на то, что с 1979 г. на международной арене произошла кардинальная смена имиджа КНР, по-прежнему актуальна проблема официального признания ее новой роли: в глазах блока западных стран КНР превратилась в равноправного торгово-экономического партнера, но продолжает стереотипно восприниматься в качестве колонии, «главного источника дешевой рабочей силы и сборочного цеха». Позиция Запада в отношении КНР носит дуалистичный характер. Это и умеренное сдерживание с выстраиванием новых отношений как с равноправным военно-политическим и экономиче-

ским партнером, и как с зависимым государством. Следующий военно-политический аспект интеграции связан с участием КНР в решении мировых социально-экологических проблем, затрагивающих вопросы развития человека, преодоления бедности, нехватки продовольствия и ресурсов.

Как член международного сообщества КНР тесно связана с другими странами множеством разноуровневых экономических отношений. В настоящее время страна поддерживает торгово-экономические отношения более чем с 220 странами мира. Основными торговыми партнерами КНР являются США, ЕС, Япония и Россия. Главной закономерностью развития китайской экономики в конце XX – начале XXI вв. стало стремительное экономическое развитие в результате проведения «политики открытости» (специальные экономические зоны, открытые приграничные города и административные центры всех приморских и внутриконтинентальных провинций и автономных районов, 15 беспощинных зон, 32 зоны технико-экономического освоения и 53 зоны освоения новых и высоких технологий государственного значения) для привлечения иностранных инвестиций и заимствования передового научно-технического опыта, а также специализации исключительно на тяжелой промышленности и сельском хозяйстве, оказании широкого спектра банковских услуг. Использование иностранных инвестиций и технологий позволило в кратчайшие сроки преодолеть нехватку оборотных средств, переориентировать национальную экономику на экспорт, который превратился в главную статью дохода страны и по разным оценкам уже составляет порядка 80% ВВП.

Теперь более детально остановимся на трех уровнях экономической интеграции КНР в систему международных отношений. На государственном уровне главной проблемой для правительства КНР остаются вопросы поддержания и дальнейшего развития темпов экономического роста, а также обеспечения ресурсной безопасности страны. Необходимость комплексного реформирования структуры топливного баланса для преодоления нехватки нефти и газа встала ребром в конце 90-х гг. XX в. В настоящее время прорабатывается несколько сценариев. Во-первых, увеличение добычи нефти в восточной части страны – Дацинские и Даганские нефтепромыслы, нефтяные месторождения Шэньли, Ляо Хэ, прибрежного шельфа. Во-вторых, освоение новых месторождений в западной части – Тибетском нагорье и Синьцзян-Уйгурском автономном районе. В-третьих, использование новых технологий для сокращения потерь при добыче углеводородного сырья.

В последние десятилетия в АТР набирают силу региональные экономические интеграционные процессы. Уже созданы и функционируют такие торгово-экономические форумы и союзы как АСЕАН (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, созданная в 1967 г.), АТЭС (организация Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, 1989 г.), СТЭС (Совет по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству, 1980 г.), АОП (Азиатская организация по вопросам производства, 1961 г.), ТЭС (Тихоокеанский экономический совет, 1967 г.) и СААРК (Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии, 1985 г.). Данные организации предназначены для поли-

тических консультаций, обсуждения вопросов в сфере экономического сотрудничества и создания в рамках региона единой зоны свободной торговли, защиты интересов стран-участниц и урегулирования внутренних таможенных проблем. Роль КНР в их работе постепенно становится доминирующей, и страна начинает выступать в роли «судьи с правом решающего голоса». Это стало возможным благодаря постановке в зависимое положение менее развитых страны Юго-Восточной Азии (например, Сингапур, Малайзия, Таиланд и Филиппины), национальные экономики которых давно контролируются китайскими эмигрантами (华侨 huáqíáo «хуацяо»). Другой особенностью интеграции в рамках региона является то, что правительство КНР как минимум стремится ограничить влияние, а как максимум – полностью вытеснить США и ЕС из региона, делая ставку на сотрудничество с Россией.

На глобальном уровне КНР сталкивается с комплексом положительных и отрицательных последствий глобализации. С одной стороны, интеграция способствует росту экономики, занятости населения и наполнению рынка продукцией, специализации страны на производстве отдельных видов продукции (например, станко- и автомобилестроение, сельское хозяйство), привлечению передовых технологий, сокращению издержек и снижения конечных цен на товары. С другой – может привести к неравномерному экспортно-ориентированному развитию экономики, дисбалансу и банкротству неконкурентоспособных производств и, возможно, деградации целых отраслей, обострению социальных проблем, агрессивному проникновению иностранного фактора в результате утраты контроля сначала над отдельными отраслями, а затем и над экономикой в целом. Правительство КНР, учитывая подобный вариант развития, сохраняет контроль над стратегическими отраслями и предприятиями страны, к тому же всячески тормозит изменение статуса как члена ВТО, не желая утратить льготный статус «развивающейся страны». Как показывает практика, подобная модель развития национальной экономики (с ведущей ролью государства, экспортно-ориентированная, с открытыми районами для контактов с «внешним миром») является весьма продуктивной, особенно в условиях усиливающегося мирового экономического кризиса и позволяет минимизировать его негативные последствия. Следующей проблемой на глобальном уровне стал вопрос признания экономики КНР не только в качестве одного из узловых элементов мировой экономической системы, но и превращения в экономический центр АТР. Третья проблема – сдерживание усиливающейся роли КНР как одного из мировых кредиторов и, соответственно, любых последующих попыток экономической привязки.

Можно сделать следующие выводы: в военно-политической сфере правительство КНР будет решительно противодействовать любым попыткам сепаратизма на государственном уровне и добиваться включения в состав страны спорных территорий в акватории Южно-Китайского моря, на региональном уровне и дальше будет всячески препятствовать изменению существующего баланса сил в Азии, блокируя создание крупных антикитайских коалиций, на глобальном уровне – продолжит занимать активную позицию в борьбе с мировым терроризмом и наркотрафиком; в сфере экономической

интеграции для правительства КНР на государственном уровне главной проблемой станет вопрос поддержания темпов экономического развития и обеспечения сырьевой безопасности страны, в рамках региона КНР будет наращивать влияние в региональных экономических организациях, на глобальном уровне основным станет проблема увеличение экспорта и сохранения определенного уровня контроля в экономике страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Непомнин, О.Е.* История Китая: Эпоха Цин. XVII – начало XX века / О.Е. Непомнин. – М., 2005.
2. Принцип одного Китая и Тайваньский вопрос. – Канцелярия по Тайваньским делам, Пресс-канцелярия Госсовета КНР. – Пекин, 2008.
3. *Боровой, В.Р.* Политика КНР в Центральной Азии (90-е гг. 20 в.) / В.Р. Боровой. – Мн., 2006.
4. Развитие прав человека в Китае за 50 лет. – Пресс-канцелярия Госсовета КНР. – Пекин, 2008.

В. В. ЦЫДИК

СОСТОЯНИЕ И РАЗВИТИЕ БИРЖЕВОЙ ТОРГОВЛИ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Состояние и развитие торговли на товарных биржах Китайской Народной Республики вызывают сегодня исключительный интерес. Объектом нашего рассмотрения выступают *показатели деятельности* ярких представителей биржевых товарных институтов, среди которых следует отметить такие товарные биржи, как *Далянская* товарная биржа, *Чженчжокская* товарная биржа и *Шанхайская* фьючерсная биржа. Последняя была образована после слияния 3-х бирж: Шанхайской биржи металлов, Шанхайской биржи зерна и топлива, Шанхайской товарной биржи.

Согласно отчету Американской Ассоциации промышленных фьючерсов за январь-март 2008 года¹, биржи разместились в рейтинге «ТОП 30 бирж производных финансовых инструментов» со следующими результатами: 14-е место – Далянская товарная биржа (119 090 228 заключенных и/или зачтенных по клирингу биржевых контрактов, + 194,65%²); 18-ое – Чженчжоуская товарная биржа (81 422 449, + 319,32%); 28-ое – Шанхайская фьючерсная биржа (38 684 802, + 20,99%). Приведем для сравнения следующие показатели: 1-ое место – группа Чикагской товарной биржи с показателем в 1 290 908 003 контрактов, + 23,63% [1].

Прежде чем перейти к анализу состояния и оценке перспектив развития биржевой торговли в КНР, приведем определение понятий «биржа» и «фьючерс» и укажем показатели, по которым *оценивается* деятельность биржевых институтов.

Биржа – это особая форма организации рынка, которая имеет свою систему управленческих органов и специальные правила ведения торгов. Ее характерной чертой является моментальность встречи спроса и предложения, сменяемость ролей и быстрое заключение сделок.

В настоящее время биржа является неотъемлемой частью рыночной экономики, формирующей оптовый рынок путем организации и регулирования биржевой торговли. В этой связи биржевая деятельность представляет собой самостоятельную форму коммерческой деятельности, ориентированной на получение прибыли и состоящей из целенаправленных видов работ по подготовке и проведению торговли особыми видами товаров по специально установленным правилам [2, с. 47].

Срочные (**фьючерсные**) сделки, в отличие от сделок на реальный товар, не предусматривают обязательства сторон поставить или принять реальный товар, а предполагают куплю и продажу прав на товар (бумажные сделки).

¹ <http://www.futuresindustry.org/fi-magazine-home.asp?iss=183&a=1264>.

² Процентное изменение прироста значения показателя.

Фьючерсный контракт (**фьючерс**) – это стандартный биржевой договор, по которому стороны сделки берут на себя обязательства купить или продать базовый актив в определенную (установленную биржей) дату в будущем по цене, оговоренной в момент заключения договора. Фьючерсный контракт не может быть просто аннулирован, или ликвидирован. Если он заключен, то может быть ликвидирован либо путем заключения противоположной сделки с равным количеством товара, либо поставкой обусловленного товара в срок, предусмотренный контрактом. При срочных сделках покупатель не рассчитывает получить покупаемые им ценности, а продавец – передать продаваемые им ценности. Результатом таких сделок является уплата или получение разницы между ценой контракта в день его заключения и ценой в день исполнения.

Далянская товарная биржа, основана 28 февраля 1993 г., является одной из представителей фьючерсных бирж в Китайской Народной Республике. Биржа функционирует как самостоятельная некоммерческая организация, деятельность которой жестко регулируется правительством, Комиссией по ценным бумагам Китая и биржевыми правилами. С момента создания Далянская товарная биржа демонстрирует устойчивый рост и на сегодняшний день является крупнейшим центром по биржевой торговле фьючерсами на сельскохозяйственную продукцию в стране.

На бирже торгуются фьючерсы на генетически немодифицированную сою (соя №1), генетически модифицированную сою (соя 2), соевую муку, соевое масло, зерновые, линейный полиэтилен низкой плотности, пальмовое масло (очищенное, отбеленное и дезодорированное) и ячменный солод. К концу 2007 года, общий объем торгов с момента основания достиг 1,52 млрд. лотов, общая сумма заключенных сделок 39,7 трлн. юаней, общий объем поставленных товаров 10,15 млн. тонн.

За последние годы, Далянская товарная биржа активно проводила поиски международных партнеров, направленных на расширение биржевой деятельности. Биржа является членом Американской Ассоциации промышленных фьючерсов и Ассоциации рынка фьючерсов и опционов Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии.

Торги проводятся в торговом зале, в которых члены биржи участвуют со своих удаленных торговых мест (это компьютер с установленным на нем специальным программным обеспечением) [3].

Чженчжоуская товарная биржа, созданная 12 октября 1990 года, стала первым экспериментальным рынком фьючерсных контрактов, одобренным Государственным Советом Китайской Народной Республики. Первые торги фьючерсами состоялись 28 мая 1993 года, спустя два года после успешного проведения торгов поставочными форвардными контрактами. В августе 1998 года Государственный Совет подтвердил статус Чженчжоуской товарной биржи как фьючерсной и регулируемой Комиссией по ценным бумагам Китая.

Биржа функционирует как самостоятельная некоммерческая организация со своими правилами биржевой торговли. Чженчжоуская товарная биржа располагает соответствующими условиями и предлагает необходимые услуги для торговли фьючерсными контрактами [4].

Шанхайская фьючерсная биржа как международная фьючерсная биржа специализируется на биржевой торговле металлом, топливом, товарами химической промышленности и соответствующими деривативами. В настоящее время на бирже котируются шесть фьючерсных контрактов на медь, алюминий, натуральную резину, топливо, цинк и золото. Все торги происходят в электронной форме.

Деятельность данной биржи также как и предыдущих регулируется правительством, Комиссией по ценным бумагам Китая и биржевыми правилами.

Среди членов Шанхайской фьючерсной биржи более 200 участников, 80% из которых представляют собой фьючерсные брокерские конторы. Также биржа открыла более 250 удаленных торговых терминалов по всей стране и предоставила своим клиентам возможность торговать с использованием биржевой марки. При этом банки, обслуживающие членов биржи, обязаны совершать клиринговые операции каждый день, а члены биржи, в свою очередь, – взаиморасчеты своих клиентов.

Шанхайская фьючерсная биржа уже стала одним из трех мировых центров, устанавливающих цену на медь. Цены контрактов на натуральную резину вызывают интерес не только внутри страны, но и за рубежом [5].

Согласно таблице 1, основную долю в товарном обороте фьючерсными контрактами – 56,46% – занимают фьючерсные контракты Шанхайской фьючерсной биржи. Среди них львиную долю составляют фьючерсы на медь и натуральную резину, соответственно, 24,76% и 21,29%.

Второе место по величине объемов торговли контрактами занимает Далянская товарная биржа с показателем в 29,10%, а третье – Чженчжоуская товарная биржа – 14,44%.

Таблица 1. Товарный оборот фьючерсными контрактами на Далянской, Чженчжоуской товарных биржах и Шанхайской фьючерсной бирже, 2007 г. [6]

Базовый актив фьючерсного контракта	Доля в общем торговом обороте 3-х бирж, %
Далянская товарная биржа	29,10%
Соевая мука	9,55%
Соебобы №1	9,15%
Соебобы №2	0,00%
Зерно	4,84%
Линейный полиэтилен низкой плотности	0,12%
Соевое масло	5,30%
Пальмовое масло	0,14%
Чженчжоуская товарная биржа	14,44%

Фасоль золотистая	0,00%
Продовольственная пшеница	3,69%
Зерно твердой белой озимой пшеницы	0,00%
Хлопок	1,06%
Сахар	8,61%
Чистая терефталевая кислота	0,94%
Рапсовое масло	0,14%
Шанхайская фьючерсная биржа	56,46%
Медь	24,76%
Алюминий	2,29%
Цинк	6,05%
Натуральная резина	21,29%
Топливо	2,07%

Среди сельскохозяйственных товаров следует выделить соебобы – 9,15%, соевую муку – 9,55%, а также сахар – 8,60%.

Китай, являясь одним из крупнейших потребителей металла, оказывает значительное влияние на объемы его производства, а, значит, и на объемы его торговли. В условиях мирового финансового кризиса, когда платежеспособный спрос уменьшается, неизбежно происходит снижение объемов торговли. На наш взгляд, рассмотренным в нами в статье китайским биржам не удастся избежать снижения объемов заключенных сделок: общемировой уровень деловой активности упал, и объемы как производства, так и потребления биржевых товаров снизились.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт Американской Ассоциации промышленных фьючерсов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.futuresindustry.org>.
2. Буренин, А.Н. Фьючерсные, форвардные и опционные рынки / А.Н. Буренин. – Изд. 3-е, перераб., доп. – М.: НТО им. Вавилова, 2003. – 338 с.
3. Официальный сайт Далянской товарной биржи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dce.com.cn>.
4. Официальный сайт Чженчжоуской товарной биржи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.czce.com.cn>.
5. Официальный сайт Шанхайской фьючерсной биржи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.shfe.com.cn>.
6. Ежегодный отчет за 2007 год Шанхайской фьючерсной биржи [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.shfe.com.cn/Ehome/docview.jsp?docid=8543611>.

В последнее время в условиях глобализации стали популярны исследования политического дискурса, в частности создания дискурс-портретов политических деятелей разных стран. Интересным для исследования представляется и дискурс-портрет самой страны.

Объектом данного исследования нами выбран дискурс-портрет Китая – страны, с которой у нас сложились дружественные и партнерские отношения.

В научной литературе дискурс определяется как «(discursus: от лат. discere – *блуждать*) вербально-артикулированная форма объективации содержания сознания, регулируемая доминирующим в той или иной социокультурной традиции типом реальности» [1, с. 327]. В широком смысле дискурс представляет собой сложное единство языковой практики, интра- и экстралингвистических факторов, необходимых для понимания текста. Дискурс – это, прежде всего, речь, погруженная в социальный контекст (И.Ф. Ухванова) [1, с. 332].

Дихотомия *социальный опыт – текстовая деятельность* наиболее полно проявляется в практике журналиста, так как журналист, создавая собственный текст, декодирует действительность. В дискурсе СМИ находит реализацию социальное взаимодействие в языковой форме, языковое творчество и познание мира человеком. Как указывает В.И. Ивченков, журналистский текст выступает в качестве своеобразного барометра изменений жизненного уклада общества, определяет их характер, предсказывает эволюционные изменения в синтагматике языковых знаков, оперативно реализует парадигматические возможности языка [2, с. 5]. Создание дискурс-портрета через журналистский текст происходит по трем направлениям: «теоретическом (моделирование типов, манипулирующий арсенал речи, антология силы воздействия СМИ – повтор), синхронном (конкретное описание коммуникативного поведения массовой аудитории, сформированных общественными отношениями определенной формации или вызванных какими-то общественными катаклизмами) и герменевтическом (обоснование выявленных закономерностей и особенностей коммуникативного поведения)» [2, с. 70].

Проанализировав современное медиа-пространство по этим трем направлениям, мы можем отметить, что дискурс-портрет Китая за последние годы претерпел изменения. Этому способствовало появление разнообразных медиа-изданий о Китае на русском языке, периодичность и серийность выпуска которых формирует информационное содержание, эффективно воздействуя на аудиторию.

Актуальность вопросов, связанных с проблемами политической и экономической интеграции Республики Беларусь и Китайской Народной Рес-

публики, прогнозировало появление в средствах массовой информации большого количества материалов по данной тематике. Регулярное использование определенных сентенций, характеризующих страну, которые через призму журналистского текста укореняются в общественном сознании, способствует созданию дискурс-портрета Китая. Материалом исследования мы определили два издания: «СБ. Беларусь сегодня» и ежемесячный журнал «Китай». Как отмечает А.В. Мямлина, в сфере массовой коммуникации любую ситуацию можно вписать в схему определенной оппозиции (свой-чужой, жизнь-смерть, верх-низ и др.) [3, с. 42]. Все речевые максимы, имеющие оценочную коннотацию, мы разместили по шкале "+" и "-" Результаты представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1. Оценочная шкала «СБ. Беларусь сегодня»

"+"	"-"
<p>«Мир говорит об усилении влияния Китая? Да, они становятся сильнее – благодаря экономическим успехам прежде всего» (СБ., 2008, 26 авг.);</p> <p>«Китай является важным экономическим партнером Беларуси» (СБ., 2008, 15 окт.);</p> <p>«Китай живет Беларусью» (СБ., 2003, 02 дек.);</p> <p>«...у Беларуси и Китая наибольший взаимный интерес и потенциал» (СБ., 2003, 02 дек.);</p> <p>«Разговаривать с китайцами легко: они точно знают, чего хотят, и готовы вкладывать силы и финансы в осуществление своих планов. В этом наши стремления совпадают» (СБ., 2003, 02 дек.);</p> <p>«Китай очень сильно шагнул вперед» (СБ., 2003, 02 дек.);</p> <p>«Китай является главным партнером нашей страны среди азиатских государств» (СБ., 2001, 18 апр.);</p> <p>«Верить в то, что место, где живешь, лучшее на земле, – в этом и есть настоящий Китай» (СБ., 2007, 22 июня);</p> <p>«Содержательная часть прошедших переговоров свидетельствует о высоком уровне доверия не только между политическими лидерами Беларуси и Китая, но и о сложившемся деловом и конструктивном стиле сотрудничества между правительствами и парламентами обоих государств» (СБ., 2001, 20 июля).</p>	<p>«Шустрая китайская статистика между тем свидетельствует: начиная с 9 августа граждане страны скупают телевизоры с большим экраном, заготавливаются едой в фаст-фудах и не встают с диванов. Нация (та ее часть, которая не выступает на стадионах) стремительно полнеет» (СБ., 2008, 23 авг.);</p> <p>«...кажется, одержимый желанием увидеть Олимпиаду, "как можно живее", Китай скупил все что мог» (СБ., 2008, 28 авг.);</p> <p>«Коллеги-журналисты, истомившиеся без крупных ЧП на этой Олимпиаде, самым большим "скандалом" назвали количество завоеванных страной-хозяйкой медалей. Дело тут, конечно, и в национальном характере, и в текущей мировой ситуации. Имеет значение только успех: вы не выигрываете "серебро", вы проигрываете "золото"» (СБ., 2008, 26 авг.);</p> <p>«В космос китайцы полетели, но, сами понимаете, это совсем не тот успех: то, что Китай делает в этой сфере сейчас, СССР и США сделали давным-давно» (СБ., 2008, 26 авг.).</p>

Таблица 2. Оценочная шкала «Китай»

"+"	"–"
<p>«Летающий человек Азии» (Китай, 2008, авг.), «Самобытная китайская философия» (Китай, 2008, авг.); «Китайская архитектура, каллиграфия и боевые искусства, безусловно, производят глубокое впечатление» (Китай, 2008, авг.); «Китай стал третьей страной в мире после России и США, способной вести работы в космосе за пределами космического корабля» (Китай, 2008, окт.); «...Китай приближается к разработкам НАСА» (Китай, 2008, окт.); «Брать пример с Китая» (Китай, 2008, окт.); «На данной Паролимпиаде китайская спортивная делегация остается на первом месте по числу золотых медалей и по общему количеству наград» (Китай, 2008, окт.); «Гуманность и поддержка слабых разовьются дальше, – заключил Филипп Крэйвен о Паролимпиаде в Пекине. – Надеемся, что все страны возьмут пример с Китая» (Китай, 2008, окт.); «От царства велосипедов до мировой автодержавы» (Китай, 2008, окт.).</p>	

Таким образом, созданный дискурс-портрет Китая не отличается однозначностью и имеет часто полярные характеристики. Тот факт, что газета «СБ. Беларусь сегодня» посвятила различным вопросам и темам о Китае свыше 800 неоднозначных публикаций, говорит о том, что интерес к теме Китая будет расти и дальше. На сегодня образ Китая в ментальности белорусов не достаточно определен. Мы только начинаем раскрывать для себя этот новый мир. Нашему европейскому сознанию по природе своей непонятна восточная культура. Но, как уверяет белорусская журналистка Инесса Плещачевская, «на самом деле настоящий Китай – повсюду, нужно только открыть глаза и отказаться от стереотипов собственного мышления» (СБ., 2007, 22 июня). Определенная степень настороженности со стороны белорусских средств массовой информации к китайской теме будет исчезать постепенно. Но только средства массовой информации способны сегодня раскрыть и показать белорусскому обществу все ценности и приоритеты древнейшей китайской культуры. В то же время ежемесячный журнал «Китай», призванный раскрыть белорусскому читателю самобытный мир Китая сегодняшнего и прошлого, размещает материалы исключительно с положительной коннотацией. Стратегия журнала понятна и правильна в свете концепций данного рода изданий.

Неоднородность изданий, периодичность появления и разноплановость материалов о Китае позволяет белорусскому читателю получить собственное представление об этой стране и создать для себя не идеализированный, а объективный портрет Китая.

Проведенное дискурс-исследование имеет практический характер и может лечь в основу эффективной политической технологии, цель которой – изучение интеграционных процессов и определение возможных перспектив межгосударственного сотрудничества в условиях глобализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новейший философский словарь. – 2-е изд., переработ. и доп. – Минск, 2001.
2. *Ўчанкаў, В.І.* Дыскурс беларускіх СМІ. Арганізацыя публіцыстычнага тэксту / В.І. Ўчанкаў. – Мінск, 2003.
3. *Мямліна, А.В.* Засоби масовай камунікацыі: сучасна міфотворчыць / А.В. Мямліна // Культура народів Причорномор'я. – 2007. – №101.

Китай, как известно, – не только самая большая страна в мире по численности населения, но и одна из самых древних цивилизаций на планете. В течение длительного периода – практически всей письменной истории человечества – Китай сохранял исключительную изолированность. Эта страна, отрезанная от других народов бескрайним океаном на востоке, джунглями на юге, цепью высоких гор на западе и холодными степями на севере, не стремилась завязывать длительных дружеских отношений с другими государствами. Однако язык, искусство, литература, религиозно-философская мысль, нравственно-этические нормы, зародившиеся в Китае, столетиями оказывали серьезное влияние на общественно-политическую и культурную стороны жизни стран Южной Азии.

Как пишет известный специалист по деловому кросс-культурному взаимодействию Р. Льюис, Запад, считая Китай «третьим миром», относительно отсталой страной с неразвитой технологией, разреженной инфраструктурой, ужасными санитарно-гигиеническими условиями, безудержным загрязнением окружающей среды, старомодной политикой и недостаточной коммуникацией, становится жертвой собственных мифов, поскольку заблуждается, недооценивая и не понимая силы Китая и влияния, которое он оказывает на своих соседей, и в известном смысле, на весь мир [1, с. 370].

Дело в том, что китайцы с древности считают свое государство – *Chung-Kuo* – Срединным царством, центром Вселенной. И в наши дни эта страна с ее миллиардным населением не чувствует ослабления своего духовного влияния, которое она оказывала на окружающих в течение тысячелетий. При этом китайцы, как утверждает Р. Льюис, зачастую считают иностранцев неполноценными, продажными, вероломными и непостоянными, нахрапистыми и неотесанными, а по существу бесами, что имеет под собой определенные исторические основания со времен «опиумных войн» с 1839 по 1860 гг. [1, с. 370].

У китайской нации чувство собственного превосходства сочетается с резкой критикой в адрес западных народов. Они считают, что крупные европейские страны, слывшие когда-то великими империями: Великобритания, Франция, Испания и Португалия, – находятся в состоянии упадка, духовного разложения и распада, что американская культура стала приходить в упадок, не достигнув своего пика. Японцы, будучи когда-то ревностными последователями китайской философии и ее заповедей, впали в материализм и потребительство. Россия же никогда не вызывала у них восхищения [1, с. 371].

Тем не менее, китайцы могут восхищаться творениями европейской культуры и способны оценить эффективность американских, британских и французских политических систем и научно-технические успехи этих стран. Свое же превосходство они видят в сфере моральных и духовных ценностей, к которым можно отнести:

- скромность, терпимость;
- сыновнюю почитательность, учтивость;
- бережливость, терпение, уважение к старикам;
- искренность, преданность, привязанность к семье;
- почитание традиций, надежность, стоицизм, упорство;
- самопожертвование, доброта, умеренность, патриотизм;
- аскетизм, прилежание, гармония во всем, неприятие коррупции;
- ученость, уважение иерархии, великодушие, живучесть;
- добросовестность, чувство долга, чувство собственного достоинства («не терять собственного лица»);
- непритязательность, дружелюбие;
- признательность за услуги;
- беспристрастность, непорочность;
- мягкость;
- мудрость [1, с. 373].

Западный человек, с трудом дойдя до конца этого списка, может искренне удивиться, однако китайцы в основном в своей повседневной жизни, действительно, проявляют многие из этих качеств. Что бы они ни думали о нас, им не откажешь в трудолюбии, добросовестности, терпении, непритязательности и бережливости. Они хорошо умеют работать в команде, а с иностранцами вежливы и уступчивы.

Для того чтобы осознать, почему китайцы почти во всех ситуациях дисциплинированы и вежливы, следует понимать некоторые основные принципы их центрального морально-нравственного учения, конфуцианства, а также знать и о других направлениях китайской этико-философской мысли, которые остаются актуальными и по сей день и находят свое отражение в различных сферах человеческой деятельности.

Тайваньская исследовательница Чин-Нинг Чу утверждает, что китайский способ ведения бизнеса является продолжением военного искусства этой страны. Искусство войны, так называемое *Бинг-Фа*, было объектом исследования во многих древних трактатах («Сунь цзы», «У цзы»). В основе этого искусства лежит главный принцип – «наибольшая победа – это выиграть войну, не ввязываясь в бой» [2, с. 17-19].

Вот одна из притч, которая поясняет данный принцип:

Советник генерала Цяня разработал для него стратегию, как можно выиграть конные скачки, конкурируя с сильным соперником. Она строилась на трех забегах коней: лучшего, среднего и худшего. Советник рекомендовал, чтобы Цянь выставил для участия в бегах своего наихудшего коня против наилучшего коня соперника и проиграл бы этот забег. Затем выставил бы своего среднего коня против наихудшего коня соперника и выиграл бы вто-

рой забег. А в конце выставил бы своего наилучшего коня против среднего коня конкурента. Таким способом он выиграл бы во второй раз и победил бы в целом со счетом 2:1 [2, с. 21-27].

В искусстве Бинг-Фа обязательна гармония пяти элементов, таких как:

1) моральное единство (достижение конечного единства между предводителями и их подчиненными);

2) временные условия (Следует понять и принять характер времени. Это выражается в поговорке «знать небеса – это понять времена». Речь идет о понимании условий, которыми управляет природа, это время не управляемых человеком сил природы);

3) географические условия (география определяет условия жизни и смерти в ситуациях войны. Местные условия в каждом случае имеют свои преимущества и недостатки);

4) руководство (командир должен быть мудрым, внушать доверие, должен быть честным, отважным и аккуратным);

5) организация и дисциплина (делегирование власти и пределы ответственности должны быть везде понятными) [2, с. 18].

В деловой этике Запада ценится открытость и честная игра (fair play). В этике Востока всегда высоко ценилось умение привести в заблуждение противника. Поэтому на Востоке, как пишет Чин-Нинг Чу, зачастую считают людей на Западе наивными, которых легко можно обмануть.

Военное искусство китайцев основывается на следующих условиях:

- если ты способный и сильный, то твоему противнику должен представляться как неспособный и слабый;
- если ты готов атаковать, то должен производить впечатление, что не имеешь такого намерения;
- если находишься близко, то притворись, что находишься далеко, а если находишься далеко, то должно казаться, что находишься близко;
- следует привлекать противника, позволять ему добиваться мелких побед;
- когда противник хорошо подготовлен, сильный, хорошо обучен и безопасен, избегай непосредственных конфронтаций;
- создавай условия для достижения победы посредством введения своего противника в гнев и его побуждения к глупым поступкам;
- поступай так, чтобы твой противник становился самонадеянным и надменным в результате демонстрации тобою униженности и слабости;
- если твой противник выдохся и пассивен, не давай ему и минуты передышки;
- уничтожай союзников противника, оставляя его в полном одиночестве;
- руководствуйся верой в то, что победа гарантирована прежде, чем начнется битва.

А вот пять основных составляющих победы:

1. Знай, когда сражаться, а когда битвы и не начинать.
2. Добивайся искренней поддержки своих подразделений.
3. Будь готов к тому, чтобы выгодно использовать всякие полезные для тебя обстоятельства.

4. Не доводи до вмешательства начальников.
5. Когда придет время, действуй решительно и динамично.

Хороший воин должен знать, что:

- наивысшая форма победы – это побеждать благодаря верной стратегии;
- способность к победе внушает тебе твой противник;
- используй местных проводников;
- держи планы в секрете, двигайся как молния;
- атакуй, когда противник наименее подготовлен к этому и не ждет этого;
- когда противник говорит о перемирии, он готовит сюрприз;
- когда смерть заглядывает тебе в глаза, битва за выживание придает тебе новые силы;
- пользуйся услугами шпионов.

Искусство Бинг-Фа содержит 36 основных стратегий ведения войны. Вот лишь некоторые из них:

- отвлекай внимание от своих замыслов;
- не атакуй фронтально, но ослабляй важные пункты противника;
- вынуждай противника прилагать усилия к преодолению проблем, когда ты ждешь и отдыхаешь;
- притворяйся, что наступаешь с одной стороны, чтобы атаковать с другой;
- атакуй в тот момент, когда противник имеет внутренние проблемы;
- поменяйся ролями, так как роль хозяина сильнее;
- не говори открыто о неприятных вещах;
- провоцируй сильные эмоции;
- чтобы оклеветать противника, используй красивых женщин;
- демонстративно указывай на свои очевидные слабости, так как это может ввести в заблуждение противника, который ожидает обмана [2, с. 19].

Чин-Нинг Чу утверждает, что искусство войны, примененное в хозяйственной деятельности, стало основой китайских успехов в экономике. (Подобным образом, как считает исследовательница, японцы в этих вопросах руководствуются этикой самурайских боев).

И в самом деле, Китаю есть, чем гордиться. За 20 лет политики реформ и открытости страна добилась поистине грандиозных достижений во всех областях экономической, культурной и политической жизни. Конечно, существуют и серьезные проблемы: безработица, убыточность многих предприятий государственного сектора, высокий уровень коррупции. Об этих проблемах любят говорить критики китайской модели развития, в том числе и в России (Немцов, например). Но никому не удастся оспорить того очевидного факта, что за последние десятилетия китайская экономика развивается динамично, из года в год имеет место неуклонный рост промышленного и сельскохозяйственного производства, постоянно повышается жизненный уровень населения. За этот период была решена проблема, которую не могли решить на протяжении многих столетий, – продовольственная. Как говорят в Китае, «мы смогли накормить людей». Страна устояла перед ударами мирового финансового кризиса, преодолела последствия крупнейших за последние десятилетия наводнений и землетрясений.

Успехи китайских реформ вызывают негативные эмоции у российских «реформаторов». Россия, имеющая население не более 150 млн., обладающая богатыми сырьевыми ресурсами, значительным научно-техническим потенциалом, в экономическом отношении «скатилась» на положение второразрядной страны. А рядом с ней Китай, имеющий громадное население, не обладающий такими благоприятными стартовыми условиями, как Россия, смог за относительно небольшой исторический период стать, по существу, второй державой мира. И истоки этого явления, на наш взгляд, коренятся в глубокой философии и этике китайского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Льюис, Р.Д.* Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения культур к взаимопониманию / Р.Д.Льюис / Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Дело, 2001.
2. *Chin-Ning Chu.* The Asian Mind Game/ Chu Chin-Ning. – President.: New York, 1991.
3. *Буров, В.Г.* Китай и китайцы глазами российского ученого / В.Г. Буров. – М.: РАН, Институт философии, 2000.

М. В. ОСАДЧИЙ

РАЗВИТИЕ КИТАЙСКО-ЮЖНОКОРЕЙСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В последней четверти XX века в Восточной Азии происходит качественное изменение внутрирегионального взаимодействия, что было обусловлено переходом от одной парадигмы международных отношений, в основе которой лежали концепция и принципы геополитики, к иной, в основе которой лежали принципы геоэкономики.

КНР, не отказавшись полностью от геополитической парадигмы, основу которой составляла защита национальных интересов, понимаемых как «неуязвимость государственных границ», «высокая обороноспособность», «противодействие вмешательству во внутренние дела», инкорпорировала данные элементы в «геоэкономическую парадигму», в рамках которой главным национальным приоритетом явилось «обеспечение высоких темпов экономического роста через интернационализацию хозяйственных связей» [1].

Данный внешнеполитический подход обусловил возможность нормализации экономических, а в последствие и политических отношений между КНР и Республикой Корея. Особенно эта тенденция стала проявляться в середине 1980-х гг. К этому КНР и РК побуждали необходимость решения схожих задач, а также наличие определенных объективных исторических предпосылок развития внутрирегионального и двустороннего взаимодействия.

В результате, основной вектор межгосударственных отношений стал определяться уже не столько военно-политическими и идеологическими, сколько политико-экономическими факторами, причем значение их экономической составляющей имеет явную тенденцию к усилению.

Развитие экономического сотрудничества: современная ситуация

Китайско-южнокорейское экономическое взаимодействие берет свое начало с непрямого торгово-экономического сотрудничества, которое осуществлялось главным образом через Сянган (Гонконг) и Сингапур с 1983 года. Уже в марте 1988 года между государствами проходят первые прямые торговые контакты. В 1991 году принимается решение об открытии в Пекине и Сеуле торговых представительств, целью которых являлась активизация торгово-экономических связей между государствами. В декабре 1991 года и мае 1992 года были подписаны «Китайско-южнокорейское соглашение о частной торговле» (вступило в силу 1 февраля 1992 года) и «Китайско-южнокорейское соглашение о защите частных инвестиций» (вступило в силу 26 июля 1992 года). После нормализации межгосударственных отношений правительствами двух стран были заключены торговые, инвестиционные соглашения, а также соглашения о создании совместных комитетов сотрудничества в различных сферах:

Таблица 1. *Список основных соглашений между Китайской Народной Республикой и Республикой Кореей в торгово-экономической сфере¹*

Название соглашения	Дата подписания	Дата вступления в силу
1	2	3
Торговое соглашение между правительствами КНР и РК (принято на основе «Китайско-южнокорейского соглашения о частной торговле» от декабря 1991 года)	1992.09.30	1992.10.30
Соглашение об учреждении совместных комитетов экономического, торгового и технического сотрудничества	1992.09.30	1992.10.30
1	2	3
Соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций (принято на основе «Китайско-южнокорейское соглашения о защите частных инвестиций» от мая 1992 года)	1992.09.30	1992.10.30
Соглашение об учреждении китайско-южнокорейского комитета производственного сотрудничества	1994.06.06	1994.06.06
Соглашение об избежании двойного налогообложения и предотвращении злоумышленного уклонения и неумышленной неуплаты налогов	1994.03.28	1994.09.28
Соглашение о сотрудничестве и взаимопомощи в таможенной сфере	1994.09.16	1995.04.29
Соглашение о рыболовстве	2000.08.03	2001.06.30

Двусторонняя торговля

Начиная с 1992 года, товарооборот между двумя странами увеличивается достаточно быстрыми темпами. Так, в 1992 году рост составил 27 проц. [2], а в 2003 году – 43,4 проц. Сам товарооборот вырос с 5,1 млрд. долларов США (1992 год) до 63,231 млрд. долларов США в 2003 году (китайский экспорт в РК составил 20,096 млрд. долларов США, импорт – 43,134 млрд. долларов США, рост составил 29,4 и 51,0 проц. соответственно; отрицательное внешнеторговое сальдо КНР составило 23,038 млрд. долларов США).

По прогнозам, в ближайшие десять лет рост южнокорейского экспорта в КНР ежегодно будет составлять 10 проц., а китайско-южнокорейский товарооборот к 2008 году вырастет, по сравнению с 2000 годом, в три раза и составит 102,5 млрд. долларов США. В 2003 году Китай стал вторым торговым партнером для РК, а также крупнейшим импортером южнокорейской продукции. В свою очередь, Республика Корея стала четвертым торговым партнером для КНР, четвертым экспортным, и третьим импортным рынком.

¹ Цяньшу тяоуе / седин цинкуан (Подписанные договоры и соглашения) [Электрон. ресурс]: сайт Посольства РК в КНР 16 декабря 2004. – Режим доступа: <http://china.koreaneembassy.cn>.

В 2004 году продолжился рост показателей торгово-экономического сотрудничества. Так, за период с января по октябрь 2004 года товарооборот между странами составил 72,574 млрд. долларов США (рост – 44,7 проц.). Китайский экспорт составил 21,638 млрд. долларов США, импорт – 50,735 млрд. долларов США (рост – 39,2 и 46,8 проц. соответственно). Дефицит торгового баланса КНР составил 28,897 млрд. долларов США (рост – 53,1 проц.) [3].

Сотрудничество в инвестиционной сфере

Инициатором сотрудничества в данной сфере можно считать южнокорейский частный капитал. В начале 1985 года южнокорейская компания «Ганс продакшн» инвестировала 64,8 тыс. долларов США в строительство фабрики по производству игрушек в городе Гуанчжоу (провинция Гуандун) [4].

После установления дипломатических отношений между КНР и РК происходит значительная активизация сотрудничества в данной сфере. Так, уже к концу 1992 года в рамках 265 проектов южнокорейской стороной было инвестировано около 200 млн. долларов США. Основными объектами южнокорейских инвестиций явились мелкие и средние предприятия. Основные отрасли – швейная, обувная, а в последующем, компьютерная, нефтехимическая и сфера услуг.

По данным министерства внешней торговли КНР, в 2003 году китайской стороной было одобрено 4920 инвестиционных проектов, а общая сумма договоров составила 9,177 млрд. долларов США (рост составил 22,75 и 73,74 проц. соответственно). В 2003 году РК являлась четвертым крупнейшим инвестором для КНР.

За первые десять месяцев 2004 года было одобрено 4614 южнокорейских инвестиционных проектов на общую сумму в 10,694 млрд. долларов США (рост составил 19,1 и 57,6 проц. соответственно). В 2004 году Южная Корея становится третьим крупнейшим инвестором для КНР (после Сянгана и Виргинских островов). Вплоть до октября 2004 года китайская сторона одобрила в общей сложности 31742 южнокорейских инвестиционных проекта на сумму в 74,343 млрд. долларов США [3].

По оценкам южнокорейской стороны, в 2003 году объем прямых южнокорейских инвестиций в КНР составил 2,49 млрд. долларов США (45,8 проц. от общего числа прямых южнокорейских инвестиций за рубежом) [5].

Таблица 2. *Общий объем прямых южнокорейских инвестиций за рубежом и в КНР в 1992, 1996 – 2001 гг. (млн. долларов США) [4, с.24]*

	1992	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Инвестиции РК за рубежом (О)	1219,35	4248,53	3229,58	3895,14	2549,33	3273,17	4380,00
Инвестиции РК в КНР (К)	119,48	1357,52	2142,38	1803,20	1274,73	1486,91	1973,00
К/О (%)	9.8	31.9	66.3	46.3	50.0	45.4	45.1

В целом, для южнокорейских инвестиций в КНР свойственны следующие черты: быстрое увеличение числа инвестиционных проектов (с 265 в 1992 году до 4614 за первые десять месяцев 2004 года); изменение масштабов инвестирования (увеличение числа крупномасштабных инвестиционных проектов); изменение отраслевой структуры инвестирования (первоначально инвестиции направлялись в производственную сферу, сейчас же основной поток инвестиций идет в сферу услуг, особенно в отельный бизнес); основная доля южнокорейских инвестиций сконцентрирована в следующих городах и провинциях: Шаньдун (32,4 проц.), Ляонин (13,6 проц.), Тяньцзинь (12,6 проц.), Пекин (6,8 проц.), Цзянсу (6,3 проц.), Хэйлунцзян (6,2 проц.), Цзилинь (5,4 проц.). Однако в последнее время идет географическое смещение на юг страны (провинции Гуандун, Фуцзянь) а также западные районы Китая; наиболее крупные инвестиционные проекты приходятся на единоличные предприятия [6].

Что касается китайских инвестиций в Южной Корее, то, конечно, они не сравнимы ни по количеству, ни по масштабам с южнокорейскими инвестиционными проектами в КНР. Однако их наличие свидетельствует о тенденции двустороннего развития сотрудничества в данной сфере.

В 2003 году южнокорейской стороной было одобрено 10 инвестиционных проектов китайской стороны на сумму в 195 млн. долларов США (рост по сравнению с 2002 годом составил 42,9 и 133,3 проц. соответственно). В первой половине 2004 года было одобрено 11 инвестиционных проектов на сумму 8,51 млн. долларов США [3].

С развитием китайско-южнокорейского сотрудничества в торговой и инвестиционной сфере, особенно после вступления КНР во Всемирную Торговую Организацию (ВТО), происходит диверсификация экономического сотрудничества между двумя странами. На сегодняшний день, КНР и РК освоили новую сферу сотрудничества – производственное сотрудничество, при этом используются совместные технологии, финансовый капитал, а также возможности открытого рынка для освоения и производства новой конкурентоспособной продукции с последующей реализацией на рынке третьей стороны. Идет постоянное наращивание сотрудничества в сфере услуг (особенно в туристическом бизнесе), в сфере научных исследований и охраны окружающей среды.

Что касается сотрудничества в финансовой сфере, то обе страны, действуя в рамках «инициативы Чианг Май» (Chiang Mai Initiative), подписали «своповое» соглашение (от swap arrangement) о взаимной конвертации национальных валют. Целью данного соглашения явилось поддержание финансовой стабильности в регионе, защиты курсов национальных валют и избежание финансовых кризисов [7].

Факторы, стимулирующие развития экономических отношений между РК и КНР

1. Международная обстановка. С окончанием «холодной войны» основными тенденциями международных отношений в регионе становятся сотрудничество и развитие экономического потенциала. Основное внимание в КНР

и РК было уделено внутригосударственным вопросам, увеличению конкурентоспособности, стимулированию дальнейшего экономического роста, а также усилению совокупной мощи государства на мировой арене. В данных условиях происходит интенсификация экономического сотрудничества. Так, для помощи Китаю в строительстве экономики, начиная с 1994 года, южнокорейское правительство выделило три кредита на сумму 237 млн. долларов США, которые были использованы в девяти областях, среди которых наиболее значимыми являются транспортная инфраструктура, связь, городское капитальное строительство, культура. В свою очередь, китайская сторона оказала помощь Республике Корея во время преодоления последствий Азиатского финансового кризиса [8].

2. Установление дипломатических отношений. Если проследить историю развития китайско-южнокорейских отношений, то мы можем заметить, что именно экономические отношения в большинстве случаев являлись тем «локомотивом», который поступательно продвигал развитие отношений между КНР и РК в других сферах. Однако без политических гарантий, обязательств сторон и юридической базы становился невозможным переход экономических отношений на качественно новый уровень. Поэтому, на наш взгляд, именно нормализация китайско-южнокорейских отношений стала одним из основополагающих факторов развития торгово-экономического сотрудничества между двумя странами.

3. Взаимодополняемость и взаимозависимость экономик двух стран. Китай обладает относительно богатыми природными ресурсами, обширным внутренним рынком, дешевой рабочей силой, однако в то же время в стране постоянно ощущается недостаток капитала, технологий, а также сравнительно низкий уровень рыночной управленческой культуры. Южная Корея, напротив, обладая высоким уровнем маркетинга и менеджмента, высокими технологиями, а также капиталом, испытывает потребность в природных ресурсах и обширном рынке сбыта. Кроме того, их взаимодополняемость в отраслевой структуре производства обусловлена тем, что оба государства находятся на разных стадиях экономического развития. Так, на данном этапе Республика Корея имеет абсолютное преимущество в капиталоемких и наукоемких производствах по сравнению с КНР [9]. Поэтому, начиная с 1990-х годов, в структуре южнокорейского экспорта в Китай преобладают высокотехнологичные товары. В то же время, в южнокорейском импорте постоянно увеличивалась доля китайской нефтехимической продукции, а также продукции легкой промышленности и сельского хозяйства.

Таблица 3. Структура китайско-южнокорейского товарооборота за январь – ноябрь 2003 года (основные товарные позиции)¹

¹ 2003 нянь 1-11 юе Чжунхань шуанбянь маои чжюяо цзиньчу шанпинь (Основные экспортно-импортные товары в китайско-южнокорейском товарообороте за январь – ноябрь 2003 года) [Электрон. ресурс]: сайт Посольства КНР в РК – 12 января 2004. – Режим доступа: <http://kr.mofcom.gov.cn>.

Экспорт РК в КНР			Экспорт КНР в РК		
1	2	3	4	5	6
Наименование товара	Стоимость (млрд. долл. США)	Годовой рост (проц.)	Наименование товара	Стоимость (млрд. долл. США)	Годовой рост (проц.)
Всего	31,488	48,4	Всего	19,689	25,1
1	2	3	4	5	6
Компьютеры	3,25	91,9	Одежда	1,77	13,9
Беспроводное коммуникационное оборудование	2,866	58,1	Компьютеры	1,315	49,9
Листовая сталь	2,138	89	Каменный уголь	0,919	8,2
Сложные смолы	2,049	34,5	Полупроводники	0,913	51,8
Нефтепродукты	1,55	43,2	Растительная продукция	0,826	36,4
Полупроводники	1,461	144	Электронное оборудование	0,571	67,8
Электронные лампы	1,038	9,6	Алюминий	0,521	64,5
Синтетические волокна	0,958	28,8	Химическое сырье	0,486	12,8
Автомобильные запчасти	0,821	510	Электрическое оборудование	0,461	21,1

В то же время взаимодействие двух экономик порождает ряд негативных моментов, на описании которых мы остановимся ниже.

4. Возрастающий авторитет Китая. За время проведения реформ в КНР шло постоянное развитие не только внешнеэкономической стратегии самого государства, но и взаимодействие Китая со странами региона. За небольшой промежуток времени в 15-20 лет КНР смогла сформировать международный образ надежного партнера, страны, устойчивой в политическом и социальном плане. Многоотраслевой характер китайской экономики, магнетизм крупного рынка, реальный рост покупательной способности китайских граждан и организаций делает Китай одним из наиболее привлекательных рынков не только в Северо-Восточной Азии (СВА), но и в мире в целом.

5. Южнокорейская экспортоориентированная модель, предполагавшая возможности использования главным образом потенциала крупнейшего в мире американского рынка при защите внутреннего рынка от импорта товаров и капиталов других стран, оказалась исчерпана. В этих условиях внешнеэкономическая политика страны стала во все большей степени строиться из расчетов максимального использования выгодного географического положения Корейского полуострова на пересечении транспортных путей и информационных потоков в СВА. Сближение с динамично развивающимся Китаем, получение доступа на его огромный внутренний рынок и сотрудничество с

его растущим промышленным потенциалом рассматриваются правительством и предпринимательским сообществом Южной Кореи как мощный стимул для роста высокотехнологичных отраслей и активной реструктуризации южнокорейской экономики, а также повышения свободы маневра для южнокорейского бизнеса [7].

Подтверждением вышесказанному могут послужить слова главы крупнейшей южнокорейской промышленной группы «Самсунг» Ли Канн Хи, который в свое время отметил, что «мы должны постоянно помнить, что выживание «Самсунга» зависит от нашей стратегии в отношении Китая» [10].

Факторы, оказывающие негативное влияние на развитие китайско-южнокорейского экономического взаимодействия

1. Торговый дисбаланс. Пожалуй, одной из наиболее серьезных вопросов в развитии экономических отношений между КНР и РК является торговый дисбаланс. У Китая наблюдается огромный дефицит в торговом балансе с Южной Кореей. Так, если в 1992 году дефицит составлял 218 млн. долларов США, то в 2002 году он уже составил 13,077 млрд. долларов США, а за период с января по октябрь 2004 года он составил 28,897 млрд. долларов США [11]. По этим показателям отчетливо видна тенденция к углублению торгового дисбаланса.

В связи с этим, руководством КНР постоянно подчеркивается, что при всех достижениях, которые были получены обеими странами в торговой-экономической сфере, необходимо преодолевать тот огромный торговый дисбаланс, который существует и прогрессирует между странами. Так, в совместном коммюнике, которое было опубликовано китайской и южнокорейской сторонами по результатам визита Президента РК Но Му Хёна в КНР в июле 2003 года, в частности, говорилось: «Стороны согласились предпринимать активные действия для продвижения успешного, здорового развития двусторонней торговли, и на основе принципа равномерности и сбалансированности совместно прилагать усилия для выравнивания дисбаланса двусторонней торговли» [12].

2. Южнокорейская сторона не смогла пока полностью преодолеть чувство настороженности по отношению к экономическому развитию КНР. Данная тенденция обусловлена высоким и постоянно растущим качеством китайской экономической экспансии. Часть южнокорейских экспертов высказывает мысль о том, что дальнейшее развитие Китая может негативным образом сказываться на экономике самой Южной Кореи, так как усиливается конкуренция между двумя странами не только на региональном, но и мировом рынке. Китай, используя свои преимущества (это, в первую очередь, относительно богатые природные ресурсы и дешевая рабочая сила) начинает занимать традиционные позиции Южной Кореи, США, Австралии, а также стран ЮВА. Наиболее типичным пример является рынок бытовой техники. В некоторых случаях китайские товары (в основном трудоемкие и ресурсоемкие) несмотря на наличие южнокорейских аналогов, обладают большей конкурентоспособностью даже на южнокорейском рынке.

По нашему мнению, вышеописанная настороженность южнокорейских предпринимательских кругов имеет традиционную составляющую. Судя по всему, корейские бизнесмены опасаются развития китайско-южнокорейского торгово-экономического сотрудничества по «японскому сценарию» (первоначально японо-южнокорейские торгово-экономические отношения так же характеризовались как «партнерство» и «взаимодополняемость», однако впоследствии обе страны стали основными конкурентами). Поэтому они опасаются передавать технологии производства китайской стороне. В этой связи, наиболее распространенной практикой стала продажа сборочных линий без ключевых частей, которые производятся южнокорейскими предприятиями.

3. Быстрый рост хозяйственных связей между Южной Кореей и Китаем, а также протекционистские меры, которые используют обе стороны для продвижения своих товаров, периодически приводят к возникновению торговых противоречий. Типичным примером этому может послужить «чесночная война», которая разразилась между двумя странами в июне 2000 года.

Поводом для ее начала послужило одностороннее увеличение таможенных пошлин Южной Кореей (с 1 июня) в отношении китайского чеснока на 315 процентов. В ответ 7 июня 2000 года китайская сторона объявила о временной приостановке импорта южнокорейских мобильных телефонов и полиэтилена, что оказало серьезное воздействие на внешнеторговый баланс Южной Кореи. Компромисс между двумя странами был найден в результате сложных и долгих переговоров, которые проходили с 29 июня по 31 июля 2000 года. В результате было подписано «Торговое соглашение между правительствами КНР и Республики Кореи о «чесночной войне».

Решение по заключению данного соглашения было достаточно простым для правительства РК, так как оно, несмотря на сильное давление со стороны южнокорейских фермеров, соглашалось на снижение таможенных пошлин, а также обязалось в 2000, 2001 и 2002 гг. импортировать 32, 33,7 и 35,5 тыс. тонн китайского чеснока соответственно. Причиной этому явилась экономическая целесообразность. По оценкам экспертов, при сохранении странами обоюдных торговых ограничений, ежегодные потери Южной Кореи составляли бы более 500 млн. долларов США, в то время как потери китайской стороны превышали чуть более 15 млн. долларов США [13].

По данным южнокорейского Центра коммерческого арбитража, Китай занимает первое место среди всех внешнеторговых партнеров Южной Кореи по количеству коммерческих конфликтов, опередив по данному показателю даже США. Так, в первой половине 2000 года на долю Китая приходилось 14 конфликтов (для сравнения, в аналогичный период 1999 года их число составляло 9, то есть рост составил 54 проц.). Пресс-атташе южнокорейского Центра коммерческого арбитража отмечал, что «после принятия КНР в ВТО количество торговых конфликтов между двумя странами будет только увеличиваться» [14].

Вышесказанное объясняет стремление РК и КНР уделять все большее значение выработке механизмов предотвращения «экономических войн», последствия которых могут угрожать стратегическим интересам двух стран.

Так, в вышеуказанном китайско-южнокорейском коммюнике (июль 2003 года) говорится, что «между сторонами было достигнуто соглашение об организации совместной группы по исследованию плана развития двустороннего торгово-экономического сотрудничества. Стороны согласились, основываясь на принципе взаимной выгоды и дружеского согласия предупреждать возникновение и решать уже возникшие вопросы в процессе торговли» [12].

4. Несоввершенство законодательной базы. До сегодняшнего дня существует разница в законодательных нормах в различных частях Китая. Несмотря на те обязательства, которые взяло на себя правительство КНР по приведению действующего внутригосударственного законодательства к международным нормам, существует определенная «непрозрачность» механизма принятия решений и делопроизводства на местах.

К тому же до сегодняшнего дня между сторонами (Китаем и Южной Кореей) нет единого стандарта экспортно-импортных контрактов и договоров, что затрудняет принятие решения при рассмотрении коммерческих конфликтов.

5. Часто китайское руководство на местах, заботясь о краткосрочной прибыли, не выстраивает среднесрочной и долгосрочной стратегии развития. При этом со стороны местных администраций дается разрешение на размещение инвестиций и организацию экологически вредных производств. Это, в свою очередь, противоречит законодательству КНР, в котором все большее значение придается охране окружающей среды, что ведет к конфликтам и закрытию данных предприятий. В этой связи была достигнута договоренность о внесении изменений в «Китайско-южнокорейское соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций», а также о «совместном создании благоприятных условий для расширения двустороннего инвестиционного сотрудничества» [12].

6. Достаточно низкий уровень производственной культуры и отсталый маркетинг на южнокорейских предприятиях в КНР. Китайские специалисты отмечают, среди наиболее распространенных методов повышения конкурентоспособности выпускаемой продукции на таких предприятиях является увеличение рабочего дня, понижение заработной платы. Иногда встречаются случаи личного оскорбления работников, что негативным образом сказывается не только на производственном климате, на самом предприятии, но и на общем отношении к южнокорейскому бизнесу со стороны китайского населения [8].

Итак, можно констатировать, что стратегия развития межгосударственных отношений, принятая руководством КНР и РК, принесла значительные успехи в торгово-экономической сфере. В то же время, сторонам не удалось избежать ряда противоречий в процессе их взаимодействия. Однако, осознавая всю значимость продвижения торгово-экономического сотрудничества для развития всего комплекса китайско-южнокорейских отношений, обеими сторонами осуществляется постоянный поиск форм и способов если не преодоления, то смягчения последствий возникающих вопросов, так как они потенциально могут оказать серьезное дестабилизирующее воздействие на весь

комплекс двусторонних отношений. При этом особое внимание будет уделяться решению наиболее болезненных проблем – несбалансированной торговле в пользу Республики Кореи и усиливающейся конкуренции между двумя странами.

По нашему мнению, в будущем стороны постараются избежать применение таких радикальным мерам, как «торговые войны», так как, потери от их значительно выше, чем издержки, порождаемые имеющимися торгово-экономическими противоречиями. Для максимального предотвращения возникновения вышеуказанных вопросов двум сторонам предстоит немалая совместная работа как на региональном уровне (здесь, в первую очередь, речь идет о сотрудничестве в рамках АСЕАН+3), так и на двусторонней основе (унификация законодательной базы, улучшение инвестиционного климата и качества обслуживания инвестиционных проектов).

Немаловажную роль в развитии экономического взаимодействия между Китаем и Южной Кореей на современном этапе, в полном соответствии с прогнозами [11], сыграло проведение Олимпийских игр в Пекине в 2008 году, а также Экспо-2010 в Шанхае. Данные события не только имели огромное значение для экономического развития Китая, но и посредством интенсификации деловых контактов между представителями китайского и южнокорейского бизнеса позволили гармонизировать коммерческую культуру обоих государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Восточная Азия: Между регионализмом и глобализмом / Отв. ред. Г.И. Чуфрин; Институт мировой экономики и международных отношений. – Наука, 2004.
2. Хань, Чжэньшэ. Фачжань Чжунхань хобань инцзе эршии шицзидэ тяочжань (Развитие китайско-южнокорейские партнерские отношения и вызовы двадцать первого века) // Дандай Ятай. – 2000. – №1.
3. Чжунхань цзинмао хэцзо цзянькуан (Китайско-южнокорейское торгово-экономическое сотрудничество) [Электронный ресурс]: сайт Посольства КНР в РК 2004. – Режим доступа: <http://kr.chineseembassy.gov.cn>.
4. Ци, Хуайгао. Лэнчжаньхоудэ чжунхань гуанси яньцзю. (Изучение китайско-южнокорейских отношений после окончания «холодной войны»). – Ухань: Ухань дасюэ, 2004.
5. Ханьго дуйвай тоуцзы цинкуан (Южнокорейские инвестиции за рубежом) [Электронный ресурс]. 2004. – Режим доступа: <http://hanguo.net.cn>.
6. А, Мин. Цзицзи хэцзо, моуцзю шуанин. (Активное сотрудничество и стремление к обоюдной выгоде) / А Мин // Ханьго яньцзю луньцун (ди ши цзи) (сборник статей по вопросам изучения РК). – Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаншэ, 2003. – №10.
7. Восточная Азия: Между регионализмом и глобализмом / Отв. ред. Г.И. Чуфрин; Институт мировой экономики и международных отношений. – М.: Наука, 2004.
8. Ци, Хуайгао. Лэнчжаньхоудэ чжунхань гуанси яньцзю. (Изучение китайско-южнокорейских отношений после окончания «холодной войны»). – Ухань: Ухань дасюэ, 2004.
9. Ван, Цянь. Лунь Чжунхань цзинмао хэцзодэ хубу юй цзинчжэн. (Обсуждение взаимодополняемости и конкуренции в китайско-южнокорейском торгово-экономическом сотрудничестве) // Дандай Ханьго. – 1997. – №2.
10. Стратегия «Самсунга» на китайском рынке // Сеульский вестник [Электрон. ресурс]. 2001. – Режим доступа: <http://vestnik.tripod.com>.

11. Ятай дицной фачжань баогао (2002). (Доклад о развитии Азиатско-Тихоокеанского региона (2002)) / под ред. Чжан Юньлин, Сунь Шижай // Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ. – 2003. – №3.
12. Чжунхань чжэнчжи гуаньси (2004 няньду) (Китайско-южнокорейские политические отношения (2004 год)) [Электронный ресурс] / сайт Посольства КНР в РК 2004. – Режим доступа: <http://kg.chineseembassy.gov.cn>.
13. Чжунхань дасуаньчжань лому (Завершилась китайско-южнокорейская «чесночная война») [Электронный ресурс]. – 2000. – Режим доступа: <http://finance.sina.com.cn>.
14. Чжунхань цзинчжэн юй дасуаньчжань (Китайско-южнокорейская конкуренция и «чесночная война») [Электронный ресурс]. – 2000. – Режим доступа: <http://www.sohu.com>.

В течение последних 5-7 лет резко выросло взаимодействие между Китаем и бывшими советскими среднеазиатскими республиками. Наиболее масштабно Китай сотрудничает с Туркменией и Таджикистаном. С Туркменией отношения в целом ограничиваются крупными экономическими проектами: добыча газа и поставка его в КНР, подготовка к добыче калия и поставке в КНР калийных удобрений и т.д. Взаимодействие же Китая с Таджикистаном уже перешло в геополитический уровень и влечет за собою очень заметные изменения региональной геополитики как в самом Таджикистане, так и в Афганистане и, косвенно, в Узбекистане и Киргизии. Эти последствия необходимо учитывать и Республике Беларусь при выстраивании отношений со странами Центральной Азии, Китаем, интеграционными объединениями, в которые входят Беларусь и страны региона – СНГ, ОДКБ, в определенной мере – ШОС.

Китай развернул в Таджикистане, прежде всего, дорожное и энергетическое строительство. Таджикистан разделен на две части тремя высокими горными хребтами. Дорога, которая проходит через них зимою не эксплуатировалась, т.к. перевалы заносит снегом. Сама дорога до недавнего времени напоминала скорее опасную проселочную трассу среди пропастей и скал. Проезд от столицы Таджикистана до второго по величине города страны Худжанда занимал в летнее время 8-10 часов.

Ныне дорога почти полностью реконструирована силами китайских строителей и эксплуатируется почти весь год, вскоре станет доступна полный год. Время в пути между этими городами сокращается до 3-4 часов. Вдоль дороги прокладывается крупнейшая линия электропередач, с помощью которой разрешаются сложные энергетические проблемы северного Таджикистана. Фактически Китай ныне превратил Таджикистан в социально-экономическом смысле в единую страну. Важность этого особенно хорошо видна на примере Киргизии, где аналогичные сложности в коммуникации между севером и югом страны не преодолены через модернизацию существующей через горы дороги и государство раздирается противостоянием двух своих половин.

Модернизация трассы Душанбе-Худжанд также открыла возможность для широкого транзита грузов по линии Ферганская долина – Пакистан. Планируемое дальнейшее развитие коммуникаций из Таджикистана в Пакистан, которое также осуществляется при опоре на китайские инвестиции и строительные мощности, открывает возможности для широкомасштабной торговли между Узбекистаном, Казахстаном, даже Россией и Пакистаном и Индией.

Китай проложил или прокладывает посредством небольших, но важных участков дорог и объектов инфраструктуры целый ряд транзитных трасс,

связывающих Синьцзян и Афганистан через территорию Таджикистана. Пропускная способность этих транзитных путей вскоре заметно превысит пропускную способность Каракорумского шоссе из Пакистана в Китай. Тем самым Китай получил и усиливает далее обширные возможности для транзита своих грузов к портам Ирана и Пакистана. А также уменьшает свою стратегическую зависимость в этом транзите от состояния отношений между Пакистаном и Индией. Региональная геополитическая роль Таджикистана качественно возрастает. Таджикистан превращается в игрока даже вокруг Кашмирской проблемы.

Китай также инвестировал в Таджикистане средства в ряд крупных энергетических и сырьевых проектов и планирует инвестиции наращивать далее.

Китай заявил о своей готовности далее вложить свыше 1 миллиард долларов в энергетическую отрасль Таджикистана, из которых планируется выделить \$560 млн для строительства ГЭС "Нурабад-1" мощностью 350 мегаватт. На строительство угольной ТЭЦ в Душанбе, мощностью 200 мегаватт, – \$ 400 млн. Для выполнения дополнительных работ по строительству высоковольтных ЛЭП "Лолазор-Хатлон" и "Юг-Север" выделяется еще \$ 61 млн. Также \$51 млн. предполагается потратить на реконструкцию автомобильной дороги Душанбе – Дангара. В дальнейшем ожидаются инвестиции в строительство автомобильного туннеля "Шахристан" и автомобильного туннеля "Шар-Шар".

Тем самым КНР способствует реализации очень амбициозной цели Таджикистана завершить начатое еще во времена СССР строительство каскада ГЭС на р. Вахш и ряда крупных промышленных предприятий на базе полученной энергии. Реализация этого проекта превратит южный Таджикистан в самый развитый промышленный регион центральной Азии и Афганистана, позволит эффективно регулировать сток воды по реке Аму-Дарья, критически важный для Узбекистана. В политическом отношении это создает условия для превращения Таджикистана в регионального лидера относительно Афганистана и Узбекистана.

Столь важная в случае успеха начатых проектов региональная миссия Таджикистана способствует превращению его в опору светских сил, противостоящих исламскому радикализму в этом очень сложном регионе, и поддерживается также США и их союзниками. Светский сильный Таджикистан может стать очень важным фактором урегулирования в Афганистане. А также – крупной страной-буфером между потенциально нестабильным китайским Синьцзяном и охваченными влиянием исламских радикалов регионами Центральной Азии.

Беларусь, выстраивая отношения в Центральной Азии и в интеграционных образованиях с участием стран ЦА должна учитывать изменяющееся с помощью КНР геополитическое значение Таджикистана в регионе и учитывать внимание КНР к этой стране. Стратегическое взаимодействие Беларуси Китая создает дополнительные возможности для взаимовыгодного сотрудничества Беларуси и Таджикистана в СНГ, ОДКБ, ШОС.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Парамонов, В.В., Строков, А.В., Столповский, О.А.* Россия и Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность / В.В. Парамонов, А.В. Строков, О.А. Столповский. – Бишкек: 2008.
2. *Парамонов, В.В., Строков, А.В., Столповский, О.А.* Китайский экономический экспресс в центре Евразии: новая угроза или исторический шанс? / В.В. Парамонов, А.В. Строков, О.А. Столповский. – М.: 2010.
3. *Жуджунь Дин, Ковалев М.М.* Путь к рыночной экономике (китайская модель реформ). – Мн.: Издательский центр БГУ, 2005.

Основные направления широкомасштабного сотрудничества Беларуси и Китая в целом определились. Это, прежде всего, – инвестиции Китая в транспортную инфраструктуру Беларуси, энергетику, строительную индустрию, в некоторые точечные промышленные объекты, а также – сотрудничество в области высоких технологий и образования

Последствия реализации инвестиционной программы, которая сейчас уточняется, но уже в общих чертах известна, для белорусских регионов будут значительными.

1. Инвестиции в производственные программы примут прежде всего существующие СЭЗ. Новые СЭЗ создавать не предполагается. СЭЗ расположены в белорусских областных центрах. Рабочие места и выход на внешние рынки с помощью китайских инвестиций в основном получают областные центры и связанные с ними экстерриториальные объекты существующих СЭЗ. Изменения существующего баланса между региональными центрами в рамках областей сотрудничество с Китаем не вызовет.
2. Китайские инвестиции в транспортную сферу предполагается использовать в рамках существующей системы расселения Беларуси и сложившейся программы развития регионов. Концентрации китайских ресурсов в отдельных регионах не планируется. При помощи китайских кредитов должны быть модернизированы существующие транспортные артерии, которые связывают Минск и областные центры, а также – основные транспортные коридоры, которые проходят через Беларусь: участки железных дорог Брест-Орша, Витебск-Гомель, Брест-Гомель и др. Концентрации китайских инвестиций в отдельных регионах в ущерб иным регионам не предполагается. Китайские инвестиции не вызовут диспропорции в развитии разных регионов Беларуси.
3. Китайские инвестиции в энергетику Беларуси предполагается использовать в рамках государственных программ развития энергетического сектора Беларуси, сложившихся до того, как возникла возможность привлечения крупных китайских ресурсов. Кардинального пересмотра основных направлений развития белорусской энергетики в связи с появившимися возможностями использовать китайские средства не произошло. В основе энергетической стратегии Беларуси остаются энергосбережение, диверсификация источников получения энергоносителей и источников энергии. Критической зависимости от нового –

китайского – фактора в белорусском энергетическом секторе не возникает. Структурно белорусская энергетика остается энергетикой средней по масштабам восточно-европейской страны, стремящейся к энергетической независимости и энергосбережению. Китайские инвестиции в энергетику не влекут за собою заметного дисбаланса в энергонасыщенности разных регионов Беларуси.

4. Китайские инвестиции в отдельные крупные промышленные производства (Газпром-Медиа, цементные заводы, завод беленой целлюлозы и т.д.) не предполагают изменения экономической специализации регионов Беларуси.

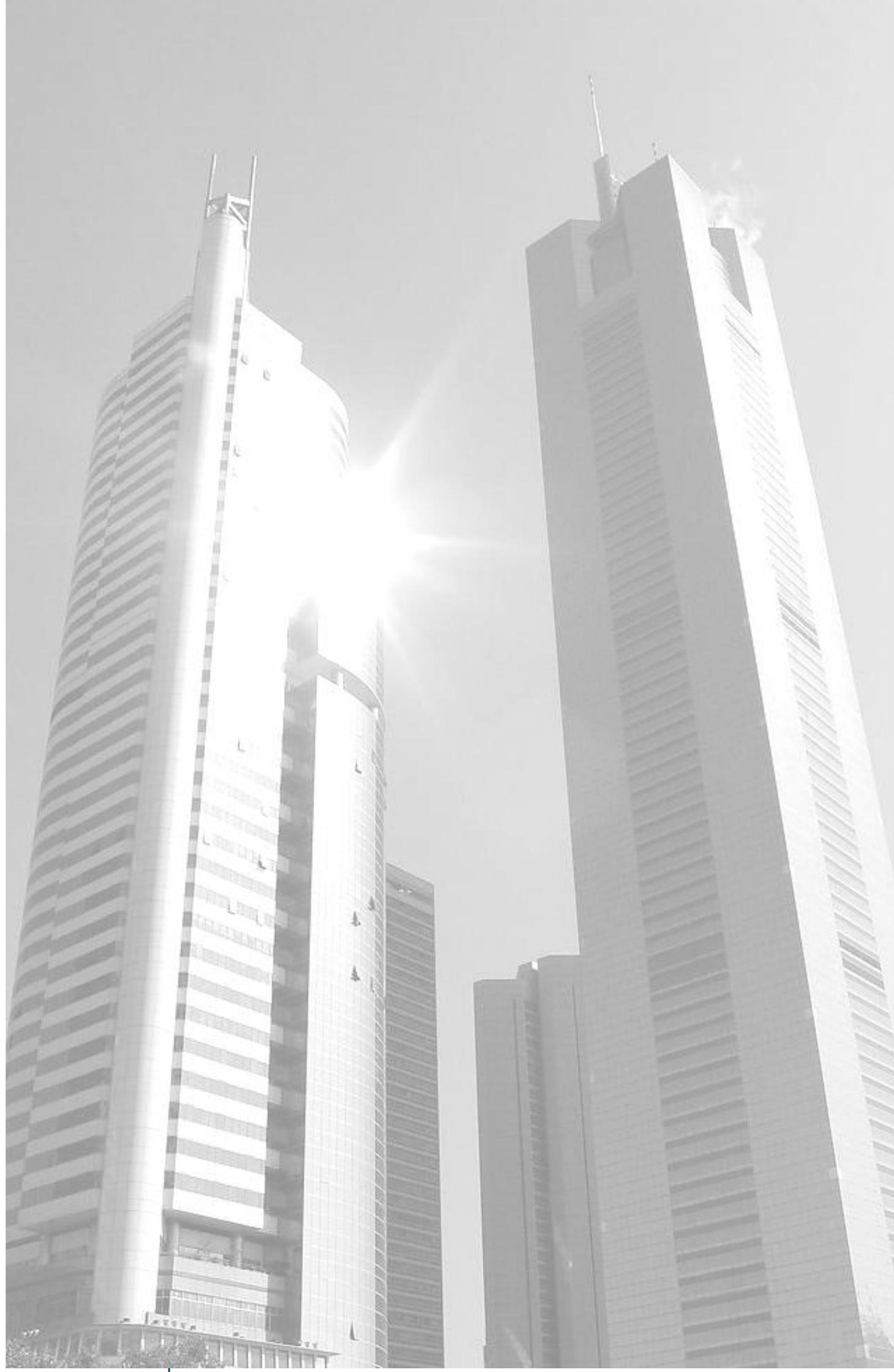
Таким образом, можно утверждать, что развитие крупномасштабного сотрудничества Беларуси и Китая не несет в белорусские регионы заметных рисков, способствует равномерному развитию регионов в контексте общенациональных программ. Основным последствием этого сотрудничества в белорусских регионах станет быстрая технологическая модернизация производства и повышение конкурентоспособности на мировых рынках продукции уже сложившихся отраслей и предприятий. Особым фактором является неизбежный рост сектора услуг в крупных городах по мере технологической модернизации и развития высокотехнологичных производств в областных СЭЗ и количества рабочей силы, занятой в высокотехнологичном секторе и образовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мацель, В.М.* Политика Республики Беларусь на Востоке и Юге Азии / В.М. Мацель // Диссертация на соискание степени д-ра ист. наук : 07.00.15 – Москва, 2005. РГБ ОД, 71:06-7/32.
2. *Жуджунь, Дин.* Путь к рыночной экономике (китайская модель реформ) / Жуджунь Дин, М.М. Ковалев. – Мн.: Издательский центр БГУ, 2005.
3. *Жуджунь, Дин.* Китайские экономические реформы: опыт, возможности применения в Беларуси / Жуджунь Дин, М.М. Ковалев. – Мн.: БГУ, 2002.

**СТРАНОВЕДЕНИЕ
КИТАЯ – ПУТЬ
К ПОЗНАНИЮ И
ВЗАИМОПОНИМАНИЮ**

Большой интерес к жизни и деятельности ученых, родившихся на белорусской земле и внесших значительный вклад в мировую науку, вызывает необходимость проведения в Беларуси историко-научных исследований. Научная деятельность наших знаменитых земляков представляет предмет подлинной гордости всего белорусского народа и служит для нас и послужит нашим потомкам образцом яркой жизни во имя Науки и Отечества.

Более 300 уроженцев Беларуси изучали Восток. А знаем ли мы их имена, осознаем ли их вклад в мировую науку и культуру? Руководствуемся ли теми традициями, которые заложили эти подвижники науки? Используем ли их исследования в своей практической работе и обучении будущих востоковедов? Уроженцы Беларуси входили во все ведущие европейские школы ориенталистики – английскую, немецкую, польскую, российскую, французскую. Кто о них знает на Западе?

Необходимо осознать, что в наше время обобщение исторической памяти народа приобрело особую актуальность. Пришло время вернуть Беларуси незаслуженно забытые имена многих талантливых ученых и знаменитых деятелей культуры, образования, религии и государства, которые отдали свою жизнь познанию Востока.

Нам видится **знаковым** событием проведение в Беларуси научных конференций, посвященных Китайской цивилизации, в контексте диалога европейских и азиатских культур. В настоящее время в научной литературе освещаются вопросы сотрудничества Беларуси с Китаем, однако работ, посвященных комплексному изучению белорусско-восточных связей, практически нет.

Цель комплексного востоковедного исследования – представить Беларусь и Восток друг другу. Выполнение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- сблизить геополитические интересы Беларуси и стран Востока в области науки, культуры и образования на основе диалога между культурами и цивилизациями;
- показать важность геополитического положения Беларуси как посредника между культурами Запада и Востока;
- представить белорусский народ как нацию, внесшую свой вклад в мировую науку и культуру;
- обобщить историко-научный материал и на основании этого воссоздать целостную картину белорусского востоковедения.

Задача состоит в познании исторического процесса в целом, в поиске научных связей Запада с Востоком. Именно с этих позиций необходимо рассмат-

ривать вопросы теории и метода, преемственности, интеграции и дифференциации, периодизации и классификации процесса познания. Только в этом случае современное востоковедение, будучи компонентом социальной системы общества, выполнит свое предназначение и миссию единения Запада и Востока.

Необходимо осмыслить путь, пройденный востоковедением, осуществить реконструкцию его развития и определиться с приоритетами **в развитии востоковедения в Беларуси**. Познать внутренние и внешние процессы и закономерности развития востоковедения, осмыслить его роль в истории человечества, выявить его взаимодействие с другими социальными институтами и сферами материальной и духовной жизни общества – все эти научные направления позволяет развивать **история** востоковедения. Она дает возможность понять диалектику развития востоковедения, осмыслить происходящие в нем количественные и качественные изменения. При этом смысл исторического анализа состоит не в фиксировании наблюдаемой последовательности сменяющихся явлений, а в определении закономерностей исторического процесса развития познания, объяснения событий как форм проявления этих закономерностей в конкретных исторических условиях.

В истории отечественного китаеведения можно выделить предысторию и четыре периода.

Таблица 1. *Периодизация истории белорусского китаеведения*

ПЕРИОДЫ	1-й этап	2-й этап	3-й этап
IX – XVIII вв.	IX – 1-я пол. XIII вв.	сер. XIII – сер. XVI вв.	2-я пол. XVI – к. XVIII вв.
XIX – нач. XX вв.	1-я пол. XIX в.	2-я пол. XIX в.	к. XIX – нач. XX вв.
XX в.	1-я пол. XX в.	сер. XX в.	2-я пол. XX в.
к. XX–XXI в.	к. XX – нач. XXI вв.		

В основу данной периодизации положены: сложившиеся типы мировоззрений, геополитическая обстановка на рубеже Запад – Восток, проводимая стратегия и тактика взаимодействия государств, уровень развития науки, география информационных потоков и центров накопления и анализа информации. К приведенной периодизации применены методологические подходы комплексного изучения Востока: четыре периода эволюции отечественного востоковедения не отделены друг от друга резкими границами, а демонстрируют определенную преемственность.

Народы Восточно-Европейской равнины по своему геополитическому положению не только находились в зоне прямых контактов со странами Востока, но и служили посредником между культурами Запада и Востока. Через белорусские земли пролегал важнейший путь от берегов Балтийского моря к побережью Черного и Каспийского морей, соединявший Византию и Багдадский халифат с народами Северной Европы. Знаменитый путь «из варяг – в греки», который называли еще «янтарным путем», торгово-ремесленные поселения под Новгородом, Полоцком, Смоленском «составляли единую систему центров и путей, двигаясь по которой арабское серебро достигало Британии». В этот период на Балтике сомкнулись западная и восточ-

ная ветви «трансевропейской системы торговых связей», образуя уникальный в своем роде «серебряный мост», связавший пространства от Британии на западе и до Прикамья на востоке, от окраинных областей Норвегии на севере до причерноморско-каспийских степей на юго-востоке Европы. Эти торговые и информационные потоки играли большую роль во взаимодействии Запада и Востока [1, с. 10-11].

Под контролем викингов оказались транзитные пути, связывающие Европу с Азией, и их главной задачей стало обеспечение политической стабильности и безопасности для передвижения товаров. Выполнить эту задачу возможно через создание системы крепостей на торговых путях. Эта система крепостей с течением времени стала играть не только оборонительную и охранную роль, но и послужила созданию нового государства в среднем и верхнем Приднепровье. В.О. Ключевский утверждал, что Киевская Русь состояла из бассейна одной реки – Днепра, который играл роль столбовой дороги государства, а его правые и левые притоки служили подъездными путями к ней. По В.О. Ключевскому, наличие такой связующей водной артерии послужило главной причиной ранней централизации Киевской Руси, и именно «на этой географической основе держался экономический и политический строй древней Киевской Руси» [2, с. 225].

Таким образом, Киевское древнерусское государство своим географическим положением – на стыке Европы и Азии – определило появление разносторонних и долговременных связей с восточными народами. Наличие взаимоотношений с восточными народами вызывало практический интерес к Востоку, способствовало накоплению знаний о нем, а потом и применению этих знаний в реальной жизни общества. И военные, и торговые интересы Руси были первоначально в большей степени ориентированы не в сторону Запада, а в сторону Византии и арабского мира. Власть киевских князей распространялась и на часть Тмутаракани (на собственно Восток).

В начале XIV в. стремление Великого княжества Литовского стать политическим преемником Древнерусского государства привело к столкновению с Золотой Ордой, которая попыталась вытеснить Великое княжество Литовское из «русского улуса», но безуспешными были все попытки. В середине XIV в. при «заметни великой» в Монгольской Империи этот регион вышел из-под контроля золотоордынской власти. В 1363 г. Ольгерд, в войске которого были витебские, полоцкие и новгородские полки, разгромил татар на Синих Водах (на реке Синюхе, левом притоке Южного Буга). Татары были отброшены на Крымский полуостров и за устье Дона. Воины Великого княжества Литовского, как тогда было принято говорить, «омыли копыта своих коней в водах Черного моря». Геополитические интересы этого государства в Азии вошли в непосредственное соприкосновение с политикой стран Ближнего и Среднего Востока. Обширное государство «от можа до можа», созданное Ольгердом и Витовтом к XVI в. от Балтики до Черного моря стало важнейшим связующим звеном на евразийском геополитическом пространстве.

Бурное развитие в это время получили исследования Китая, которые берут свое начало от страноведческих заметок путешественников, купцов и по-

сольских лиц. Большую роль в укреплении связей с Китаем сыграл уроженец Белоруссии, поэт и мыслитель Андрей (Ян) Христофорович Белобоцкий. Он с 1686 по 1691 гг. был переводчиком в составе русского посольства Ф.А. Головина, подписавшего в 1689 г. с Китайской империей договор. По обоюдному согласию переговоры велись на латинском языке. С российской стороны переводил А. Белобоцкий, с китайской – иезуиты Ф. Жербийон и Т. Перейра. Именами «дворянина и подьячего» Андрея Белобоцкого и Семена Василькова, постоянно высылаемых для переговоров от русских послов к китайским, пестрят страницы статеиноного списка посольства Головина. Переводчики по несколько раз в день переезжали из лагеря в лагерь. 16 августа 1689 г. А. Белобоцкий привез в цинский лагерь чертеж района разграничения, чтобы маньчжуры по нему указали предлагаемый ими рубеж. У китайского посольства были карты Цинской империи, но они изображали район Приамурья схематично: Амур на них являлся последним крупным естественным географическим объектом на северо-востоке. А. Белобоцкий и подьячий С. Васильков, подчеркивая несправедливость требований цинской стороны, передали согласие русской делегации на установление границы [3, с. 372-373].

27 августа 1689 г. в 50-ти сажнях от укреплений Нерчинска посольства съехались для оформления договора. Читал договор сначала на маньчжурском языке китайский переводчик иезуит Жербильон, затем оба экземпляра на латинском, после чего русский переводчик Андрей Белобоцкий прочитал договор на русском языке и оба латинских экземпляра. Затем каждое посольство подписало и скрепило печатью экземпляр договора на своем родном языке. Первые послы, Сонготу и Головин, взяли оформленные тексты договора в руки и от имени своих государей по своей вере каждое посольство принесло клятву в нерушимом соблюдении договора. Затем послы разменялись текстами договора и обнялись. Русские пригласили цинских послов в свою палатку, и здесь состоялось торжественное угощение.

Борьба между Западом и Востоком вначале сплотила страны Запада, и только затем направила их усилия на Восток. Колониальная экспансия привела к возникновению Бенгальского азиатского общества в Калькутте, Азиатского общества в Париже, Королевского азиатского общества в Лондоне, Германского востоковедного общества в Лейпциге. В России было создано хранилище восточных рукописей – Азиатский музей, ставший академическим востоковедным центром. В изучении Востока активное участие принимали уроженцы Беларуси: М.П. Вронченко, В.Ф. Гиргас, О.А. Гошкевич, Б.И. Дыбовский, О.М. Ковалевский, К.А. Коссович, В.Л. Котвич, А.О. Мухлинский, Э.К. Пеккарский, М.С. Рылло, О.И. Сенковский, Н.К. Судзиловский, Б.А. Тураев, И.Д. Черский, А. и И. Ходзько.

В это время из Виленского университета в Казань прибыли для изучения восточных языков О.М. Ковалевский, И. Верниковский и Ф. Кулаковский. Предложение об открытии в Казанском университете кафедры монгольского языка принадлежит тогдашнему попечителю Казанского учебного округа М.Н. Мусину-Пушкину. Ректор Н.И. Лобачевский горячо поддержал эту мысль и сделал все зависящее от него для претворения ее в жизнь. К началу

1829 г. в Казани и Иркутске положительно решился вопрос о поездке Ковалевского, Попова и Игумнова на летние месяцы в Забайкалье. Предполагалось посетить Верхнеудинск, Селенгинск, Кяхту, Нерчинск, а в долинах рек Хилка, Онона и Шилки, за Яблоновым хребтом, «встретиться с тунгусскими племенами». Ординарный профессор В.Я. Булыгин по поручению Совета университета составил инструкцию по вопросам истории, географии и статистики Забайкалья. В ней перед О. Ковалевским и А. Поповым была поставлена задача всестороннего изучения Сибири и прилегающих стран Азии.

20 марта 1829 г. Ковалевский, Попов и Игумнов выехали по еще зимней дороге из Иркутска через Байкал в Верхнеудинск (нынешний г. Улан-Удэ), который для Забайкалья был уже значительным экономическим и торговым центром. Из Верхнеудинска Ковалевский и Попов направились в район Гусиного озера (Игумнов по болезни дальше не поехал), где прожили около месяца, кочуя вместе с бурятами по берегам озера и долинам рек Селенги и Темника. Здесь проживали так называемые селенгинские буряты и находилась резиденция верховного ламы (хамбо-ламы) – главы ламаистской церкви Восточной Сибири. Хамбо-лама Данцзан Гаван предложил им поселиться в монастыре и разрешил присутствовать на богослужениях, беседовать с ламами, осмотреть остальные дацаны (буддийские храмы) и их библиотеки, снять копии с нужных им рукописей и ксилографов.

В 1828 г. О.М. Ковалевский обратился с просьбой к попечителю Казанского учебного округа Мусину-Пушкину дать ему возможность посетить Китай в составе новой духовной миссии: «Быть с новой миссией в Пекине и в продолжение одного года возвратиться с прежнею в Россию принесли бы немаловажную пользу как в отношении языка, приобретения книг, так и собрания сведений о сих любопытных странах». Ректор университета Лобачевский поддержал Ковалевского и добился обращения попечителя к Азиатскому департаменту и Синоду, которые комплектовали состав миссий, с ходатайством о включении представителя Казанского университета в сопровождавший ее персонал. Прошение университета было удовлетворено в апреле 1829 г. с разъяснением, что «г. Ковалевский, не входя в состав самой миссии, будет числиться при сопровождающем оную приставе письмоводителем, сверх переводчика монгольского и китайского языка, каковой распорядок допускаем был в прежние перемены миссии, то нельзя ожидать от китайского правительства никаких против сего возражений» [4, с. 231].

В связи с предстоящим отъездом Ковалевского в Монголию и Китай Совет университета разработал и прислал ему новую инструкцию, которая касалась физической и экономической географии Китая, его истории, политического строя, науки, литературы, искусства. Причем подчеркивалось, что сведения об этом он должен приобретать «из самых подлинных источников, актов правительства и разных уважаемых сочинений природных китайцев». Аналогичную инструкцию, составленную академиком Шмидтом, прислала Ковалевскому Академия наук. Эти инструкции требовали от О.М. Ковалевского всестороннего изучения стран Востока, хотя все понимали, что трудно будет собрать полный материал по всем вопросам инструкции. Это была

программа комплексного изучения Сибири и Центральной Азии. Поэтому была сделана оговорка, что особое внимание необходимо обратить на вопросы, которые «могут быть совершенно отличными от взглядов их предшественников».

Совет университета особое внимание обращал на изучение границ Китая, величины и расположения «земель, ему подвластных», сведений о климате и жителях страны; данных о государственной власти и издаваемых законах; постановлений по гражданскому населению, о религии и сектах, о судах и карательных органах, о сношениях с иностранными государствами; сведений и сочинений о государственных доходах и их источниках, о состоянии развития промышленности и сельского хозяйства, в том числе животноводства, садоводства и огородничества, пчеловодства, хлопководства, лесоводства, состояния внутренней и внешней торговли; учебных заведений и способов обучения китайцев. Предлагалось приобрести подлинные сочинения известных ученых о Монголии, Китае и Тибете, относящиеся к истории и литературе, с приобретением старых и новых атласов географических и политических карт, сочинений по географии Китая. Особое внимание следовало обратить на сбор сведений о строительстве Китайской стены, движении народов на севере и об историческом описании Пекина и его достопримечательностей [5, с. 80].

30 августа 1830 г. миссия покинула Кяхту и вступила в пределы Монголии. О.М. Ковалевский, как видно из дневника, участвовал в геодезических и топографических работах, исследовал флору и фауну Монголии и Китая. Ковалевский писал в Казань: «Краткое описание дороги, по коей миссия следует в Пекин, собрание статистических и исторических сведений о стране, столь любопытной, и практическое упражнение в разговоре составляют единственное мое занятие, прерываемое иногда обязанностью письмоводителя» [6, с. 65].

6 ноября 1830 г. миссия, перейдя через Великую китайскую стену, прибыла в Калган, первый китайский город, расположенный на границе с Монголией. «Увидел я новый совершенно мир!» – вспоминал впоследствии О.М. Ковалевский. Он был против господствовавшего тогда утверждения, что «Китай враг новости, прилеплен к старым формам». О.М. Ковалевский считал, что подобное утверждение могло появиться только в результате недостаточного изучения стран Азии. Эту мысль он изложил в «Кратком обзоре занятий» от 15 мая 1832 г.: «Восточная половина Азии еще по многим мало известная страна. При всех усилиях ориенталистов, география и история, в пространном своем значении, еще не обработана так, чтобы могла присоединиться к истории, всеобщему нами называемой, между тем как взгляд на оную представляет нам ход человечества, медленно, но теми же путями подвижающегося в успехах, что и в других частях света» [7, с. 148].

О.М. Ковалевский выступал за глубокое изучение великой азиатской державы, ибо Китай «поистине есть страна любопытная, достойная внимательного взора Европы». В этом отношении большую ценность представляет его речь «О знакомстве европейцев с Азией», произнесенная в августе 1837 г.

в актовом зале Казанского университета на торжественном собрании профессоров, преподавателей и студентов. Отметив поверхностное знакомство европейцев с Китаем и другими странами Востока, О.М. Ковалевский призвал ученых к внимательному и всестороннему изучению стран Азии: «Сколько здесь предметов для языковеда, поэта, философа, археолога, историка! Сколько тайн сокрыто в богатейшей природе!» [8, с. 33].

В двадцатом веке более 1000 научно-исследовательских институтов, центров и ассоциаций, востоковедных факультетов университетов изучали Восток. Мировую известность завоевали исследования французских ученых А. Масперо, А. Кордые, М. Пеллио, английских – Д. Легга, Г. Джайлса, немецких – К. Гюцлафа, В. Грубе, О. Франке, А. Форке. Большой вклад в востоковедение внесли белорусские востоковеды И.Д. Амусин, Р.Т. Ахрамович, В.В. Балабушевич, И.Н. Винников, Г.Н. Войтинский, С.Г. Кляшторный, Г.Е. Комаровский, И.Ю. Крачковский, И.М. Лурье, А.О. Маковельский, Н.М. Никольский, В.Н. Никифоров, А.П. Поцелуевский, Р.А. Ульяновский, Э.Я. Файнберг, Х.Т. Эйдус.

Примером практической востоковедной деятельности может служить деятельность уроженца Беларуси Н.К. Русселя-Судзиловского. Нашему земляку импонировали взгляды Сунь Ятсена и были близки и понятны задачи китайского освободительного движения. Они вступили в переписку, а в декабре 1906 г. состоялось их личное знакомство. Внимание Сунь Ятсена привлекла статья Русселя-Судзиловского «Китайская загадка», вышедшая на английском языке, где выражалась уверенность в победе китайской революции. Прочитав эту статью, Сунь Ятсен 8 ноября 1906 г. обратился к автору с письмом: «Дорогой сэр! Я с большим удовольствием прочитал Вашу интересную статью «Китайская загадка». Она произвела на меня очень сильное впечатление. Ваша идея возвышенна, и Ваше сердце великодушно. Я редко встречал представителя Запада, который когда-либо так отстаивал идею возрождения Китая и практического обеспечения условий человеческого существования миллионам его страдающего населения, как это делаете Вы» [9, с. 48].

После того как в Китае была свергнута маньчжурская династия и был установлен республиканский строй, Н.К. Руссель 1 марта 1912 г. обратился к Сунь Ятсену с письмом, в котором советовал революционным китайским демократам укреплять связи с народом, политически просвещать его, создавать массовую народную армию. Он считал, что только при опоре на массы им удастся отстоять завоевания революции. «Будущее всех наций Азии зависит от вашего успеха», – писал он, считая, что пробуждение «Срединной империи» должно поднять на революционную борьбу другие народы Востока [10, с. 92].

В истории революционного движения в Китае большую роль сыграл Михаил Маркович Бородин (1884-1951) – представитель Исполкома Коминтерна в Китае. В январе 1923 г. Сунь Ятсен обратился к Советскому Союзу с просьбой оказать поддержку революционному движению в Китае, заявив, что он «хотел бы воспользоваться советами и помощью в преобразовании Гоминдана, создании революционной армии, организации похода на Север для объединения страны, а также получить финансовую поддержку для всех

планируемых начинаний». Главным политическим советником советское правительство направило М.М. Бородин. Сунь Ятсен тепло встретил нашего соотечественника и назначил своим советником, который стал его личным другом. Китайский лидер высоко оценил деятельность М.М. Бородина по организации гоминдана, подготовке и проведению съезда партии и выразил «глубокую признательность за те услуги, которые товарищ Бородин оказывал нам..., его визит является знаменательным событием». Практический востоковед «проделал колоссальную работу исторического характера и проделал ее блестяще» [11, с. 68].

В это же время в Китае работал белорусский китаевед Григорий Наумович Войтинский / Зархин / (1893-1953). По поручению Коминтерна Г.Н. Войтинский помогал китайским коммунистам в создании первых коммунистических кружков и в организации коммунистической партийной печати, активно участвовал в работе съездов Коммунистической партии Китая и пленумов Центрального Комитета КПК, выступал с докладами на заседаниях ЦК КПК. Осенью 1927 г., после поражения китайской революции, Г.Н. Войтинский оставляет постоянную работу в Коминтерне и занимается научными исследованиями в Институте мирового хозяйства и международной политики, Тихоокеанском институте, Институте истории Академии наук СССР, а также преподает в Институте красной профессуры, Московском институте востоковедения, Московском государственном университете.

Этот этап характеризовался широкими обобщениями с применением диалектико-материалистических методов, преобладающим интересом к современности, практической направленностью всех восточных исследований, интеграцией с другими гуманитарными науками, превращением российской школы востоковедения в многонациональное и интернациональное содружество ориенталистов-марксистов.

Большой вклад в изучение Китая внес востоковед Владимир Николаевич Никифоров (1920-1990). Его докторская диссертация «Советские историки и проблемы истории Китая: концепция истории Китая в советской историографии» представляла собой фундаментальный научный труд в двух томах и, как и другие научные работы В.Н. Никифорова, была переведена на китайский и европейские языки. Весьма показателен отзыв на научно-педагогическую деятельность В.Н. Никифорова советского востоковеда А. Гальперина: «Научная продукция... весьма обильна и свидетельствует об огромном трудолюбии, больших и разносторонних его знаниях... Работы написаны почти целиком на материалах, переведенных с китайского языка, оригинальны по своей трактовке, политически весьма остры...» [12, с. 74].

Проделанный этими замечательными и увлеченными учеными колоссальный объем китаеведческой работы позволяет считать их основоположниками славных традиций белорусского востоковедения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Россия и Восток. – СПб., 2000.

2. *Ключевский, В.О.* О русской истории / В.О.Ключевский. – М. 1993.
3. *Мясников, В.С.* Империя Цин и русское государство в XVII в. – Хабаровск, 1987.
4. *Ковалевский, О.М.* Извлечение из дневных записок, веденных кандидатом Ковалевским в Иркутске, за Байкалом в августе 1829 года / О.М.Ковалевский // Казанский Вестник. – 1830. – Ч. 28. Кн. 1, 2, 3.
5. *Ковалевский, О.М.* Извлечение из Дневника, веденного за Байкалом в марте месяце 1829 г. / О.М.Ковалевский // Сын Отечества и Северный архив. – 1830. – Т. 9.
6. *Лобачевский, Н.И.* Научно-педагогическое наследие / Н.И.Лобачевский. – М., 1976.
7. *Шамов, Г.Ф.* Научная деятельность О.М. Ковалевского в Казанском университете / Г.Ф.Шамов // Очерки по истории русского востоковедения. – М., 1956.
8. *Ковалевский, О.М.* О знакомстве европейцев с Азией. Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Казанского университета / О.М. Ковалевский // Журнал Министерства народного просвещения. – 1837. – Ч. 16.
9. *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. – М., 1964.
10. *Мальдис, А.И.* Рассказы о наших земляках / А.И. Мальдис. – Молодечно, 1959.
11. *Судзиловский, Н.К.* Мысли вслух. – Нагасаки. 1916.
12. *Гальперин, А.Л.* Изучение стран зарубежного Дальнего Востока / А.Л. Гальперин, В.Н. Никифоров // Очерк истории исторической науки в СССР. – М., 1963. – Т. 3.

И. В. СРИБНЯК

ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНАЯ ПЕРИОДИКА В КИТАЕ: СТАНОВЛЕНИЕ, ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ, ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Статья представляет собой фрагмент учебника «История прессы и журналистики», который подготовлен автором к печати в 2009 г. (на украинском языке).

Первые рукописные (прототипные) газеты появились в Древнем Китае еще в VIII в. н. э. (эпоха Танской династии, 618-907 гг.) и представляли собой бюллетени новостей о жизни императорского двора. Самой древней китайской рукописной газетой считается «*Кайюань цзабао*», которая выходила в Пекине во времена правления императора Сюаньцзуна и содержала копии императорских декретов, а для ее переписывания и распространения назначались специальные служащие. Данные издания фактически представляли собой дворцовые ведомости и содержали в основном придворную хронику, выполняя также функции правительственного вестника.

В эпоху правления следующей династии – Сун (960-1279 гг.) – древнекитайская газета продолжила свое поступательное развитие, что в значительной степени было связано с созданием и деятельностью специального учреждения при императоре, куда поступали доклады и сообщения на его имя. Этот орган, который очень скоро превратился в центральный секретариат императорского правительства, обеспечивал переписывание официального вестника (*чжуанбао*), который сохранял в это время рукописный характер. Одновременно секретариат организовал выпуск и неофициальной газеты – *сяобао*, которая распространялась среди чиновников и в значительной мере формировала общественное мнение этой категории подданных императора [1, с. 22-24].

Во времена правления династии Мин (1368-1644 гг.) в Китае возникли специальные издательства (*баофан*), которые занимались изданием столичного вестника (*цзынбао*) и рассылкой его книготорговцам, от которых он попадал к читателям. Изготавливались они методом ксилографии, когда вырезанное на деревянной поверхности изображение многократно отпечатывалось на отдельных листах бумаги. Баофаны (всего их насчитывалось 12) были коммерческими предприятиями и обеспечивали выпуск нескольких тысяч экземпляров вестника. Работа у них считалась не престижной, а социальный статус персонала издательств был очень низкий, что обуславливало презрительное отношение к такому роду занятий в Китае. С 1638 г. китайские газеты начали выходить в печатном виде, хотя в это время они не являлись газетами в полном (современном) понимании этого слова, и прежде всего потому, что не выступали выразителями общественной мысли, не имея к тому же широкого распространения среди населения страны.

Во время правления династии Цин (1644-1911 гг.) цзинбао уже имели несколько рубрик (в частности – «дворцовые ведомости», «доклады и донесения» и пр.), на их страницах публиковались императорские указы, приказы о назначениях и казнях и т.д. Внешний вид столичного вестника (в начале XX в. он назывался «Пекинской газетой») отвечал его официальному содержанию. Это была небольшая тетрадь (брошюра) объемом 10-12 листов коричневатой бумаги, на которых деревянным шрифтом были напечатаны расплывчатые иероглифы. Брошюра имела желтую (императорский цвет) обложку и была сшита крученой бумажной бечевкой [2, с.25].

После ликвидации монархической власти в Китае (1911 г.) страна переживала непростые времена, что было связано с присутствием на некоторых ее территориях иностранных войск. В это время для печати газет и журналов в Китае использовались ручные печатные станки, однако их внешний вид существенно отличался от европейских периодических изданий: достаточно сказать, что китайские газеты раскрывались слева направо, а их текст читался справа налево и сверху вниз по вертикали. 4 мая 1919 г. народ Китая поднялся на борьбу за свое освобождение под лозунгом «Китай принадлежит китайцам». На волне революционно-демократического подъема в стране возникает свыше 200 новых газет и журналов левого и леворадикального направления (и в их числе журнал «Синь циннянь», газета «Санцзян пинлунь», журнальное приложение к газете «Миньго жибао» «Цзюсу», рабочие издания «Лаодуньнь» и «Лаодуншен», еженедельник «Сяндао» и др.

Понимая значение печатного слова в политической и идеологической борьбе, Коммунистическая партия Китая (была основана в 1921 г.) не жалела ресурсов для увеличения тиражей своих центральных изданий. Так в частности, орган ЦК КПК «Доучжен» («Борьба») издавался 27-тысячным тиражом, газета «Хунсе Чжунхуа» («Красный Китай») – 40-тысячным, «Хун Синь» («Красная Звезда») – 17-тысячным. Кроме того компартия позаботилась о публикации в каждом из контролируемых народно-освободительной китайской армией округов газеты ограниченным тиражом (как правило 1-2 тыс. экземпляров). Доставкой газет ведала специальная служба, так что пресса КПК достигала самых отдаленных китайских селений. Гоминдан предпринимал все возможное для ограничения сферы распространения газет и журналов КПК, прежде всего путем жесткого администрирования, закрыв в течение 1928-1935 гг. 700 изданий левого направления [3, с. 21-24, 36].

Однако влияние КПК продолжало возрастать, и поэтому гоминдан считал возможным пойти на временный союз с компартией, очевидно рассчитывая использовать ее ресурсы в борьбе с японцами. Это решение дало возможность КПК легально распространять свою прессу практически во всех провинциях страны. Наиболее успешным издательским проектом партии стала всекитайская «Синьхуа жибао» (дословно: «ежедневная газета Новый Китай»), которая издавалась в течение 1938-1947 гг. в Ханькоу и Чунцине. Кроме того, нашли своего читателя и другие легальные издания КПК: газета «Цзюван жибао» («Спасение»), журналы «Дикан» («Сопrotивление»), «Финхо» («Маяк») и др. Одновременно на территории, контролируемой народно-

освободительной армией Китая, издавалось еще более 40 газет и журналов компартии, которые призывали китайцев усиливать борьбу с японским присутствием на китайских землях. Для этого, как писал в одном из своих номеров еженедельник «Цзефан» («Освобождение»), необходимо, чтобы «те, кто имеют деньги, отдал их, те, кто имеют оружие, – отдал его, те, кто имеет запасы продовольствия, – продукты, физически крепкие – свою силу, специалисты – свои знания и умения» [4, с. 45].

В 1941 г. путем объединения журнала «Цзефан» и газеты «Синьчжунхуа бао» был создан новый официальный орган ЦК КПК – газета «Цзефан жибао», причем ее типография с единственным ручным печатным станком располагалась в каменной пещере одного из буддийских храмов. За день на этом станке можно было отпечатать 800 экземпляров газеты, штат редакции состоял из 14 человек [5, с. 52]. Главная проблема, которая стояла перед редакцией этой газеты – это хроническая нехватка бумаги, которая привозилась с оккупированной японскими войсками территории. Однако партия всегда находила возможности для организации регулярных поставок бумаги, поэтому газета регулярно выходила вплоть до марта 1947 г., когда гоминдан предпринял решительные действия для подавления коммунистического движения в Китае.

Издание этой и некоторых других газет и журналов КПК было приостановлено, но лишь на короткий срок. Уже в июне 1948 г. северное бюро ЦК КПК организует новый партийный орган – ежедневную «Жэньминь жибао» («Народную газету»), которой судилось стать главной газетой страны [6, с. 19]. Провозглашение Китайской Народной Республики (1949 г.) положило начало качественно новому этапу в истории страны, когда вся полнота власти оказалась в руках Коммунистической партии Китая (КПК). Это обстоятельство обусловило развитие партийной печати, как в столице, так и в провинциальных центрах страны, тем более что правительство КНР позаботилось и о новостийном обеспечении редакций национальных газет и журналов путем превращения в 1949 г. информационного агентства «Синьхуа» в государственную структуру. (Агентство было основано еще в 1931 г. и первоначально называлось «Красный Китай», с января 1937 г. оно сменило свое название на «Новый Китай» или «Синьхуа») [7, с. 9].

Во времена «культурной революции» количество периодических изданий резко сократилось (с 343 газет в 1965 г. до 42 в 1979 г.), но их общий тираж уменьшился не намного (тираж органа ЦК КПК «Жэньминь жибао» в это время составлял 6 млн. экземпляров – *авт.*). Очень существенно (в 40 раз) сократилась журнальная периодика: в 1970 г. в Китае издавался всего 21 журнал. Таким образом, китайская пресса пребывала в кризисном состоянии, а все принятые КПК меры по ее поддержке (в частности внедрение обязательной подписки) имели ограниченные результаты. Дело в том, что чрезмерная политизация и унификация содержания изданий не способствовали усилению читательского интереса к национальной прессе, а низкий уровень жизни большинства китайцев ограничивал их возможности подписаться хотя бы на одну газету. Не способствовало развитию китайской прессы и частичная неграмотность населения.

Отказавшись в 1978 г. от сомнительного наследия «культурной революции», пресса Китая в течение последней четверти XX в. прошла достаточно сложный период своего развития, который характеризовался постепенным увеличением количества средств массовой информации (СМИ), а также улучшением их содержательного наполнения. Особенно активно продолжался процесс возрождения ранее закрытых издательств, формировалась сеть периодических изданий, которые уже имели свое «лицо», ориентируясь на определенную читательскую аудиторию. Уже через 10 лет после начала перемен в Китае издавалось 6 тыс. периодических изданий (в том числе 1777 газет, из которых 98 имели ежедневную периодичность выхода в свет). В 1990-х гг. на фоне стагнации значительной части официальных изданий активно развивались т.н. «отраслевые» или «профессиональные» газеты, которые основывались в основном разными ведомствами и министерствами КНР.

Главным новостным источником для китайских СМИ было (и остается) уже упоминавшееся информационное агентство «Синьхуа». Сегодня оно обеспечивает все национальные СМИ (более 300 радиостанций, около 370 телевизионных станций, более 11150 периодических изданий, в том числе 2120 газет) всеми основными международными и местными новостями. По официальным данным в агентстве работает свыше 8000 сотрудников. Президент агентства имеет статус министра, в его непосредственном подчинении находятся главный редактор и четыре вице-президента. Сбор новостей и обработка полученной информации производится центральным офисом, национальными отделениями и международными филиалами. Центральный офис информагентства «Синьхуа» находится в Пекине и структурно подразделяется на 9 отделов (национальных и международных новостей, национальный для зарубежных СМИ, дополнительных новостей, фотожурналистики, спортивных новостей, новостей широкого вещания, он-лайн новостей и информационного центра).

«Синьхуа» имеет свои филиалы во всех провинциях и автономных районах страны, а также в городах центрального подчинения (всего 31 отделение), отдельно еще в 50 крупнейших городах Китая открыты офисы и корреспондентские пункты агентства. Корреспонденты «Синьхуа» аккредитованы и в Тайбее (Тайвань). «Синьхуа» также имеет свои филиалы и офисы в разных структурах китайской народно-освободительной армии. За границей информагентство имеет филиалы в 105 странах и 8 редакторских офисов в Гонконге, Нью-Йорке, Мехико, Каире, Париже, Москве, Рио-де-Жанейро, Пхеньяне и Рангуне и т.д. Агентство выпускает 40 собственных периодических изданий на разнообразную тематику (сельское хозяйство, экономика, спорт и т.д.) [8].

Самое большое в мире информагентство сейчас прилагает все усилия, к тому чтобы доказать, что заслуживает доверия СМИ. Это приносит некоторые дивиденды, например, новости «Google» довольно часто публикуют его сообщения как вполне достоверные, так же как и других информагентств. Огромная ретрансляция в Интернете (Xinhuanet.com транслирует новости на семи языках) и свободное распространение сообщений во многих странах по-

зволили «Синьхуа» стать одним из сильнейших игроков в сфере международных новостей. «Синьхуа» сейчас распространяет в Интернете более 1000 сообщений в день (700 о международных событиях и 300 о внутренних).

«Синьхуа» уделяет существенное внимание подготовке своих новых сотрудников, так, в частности, агентство проводит ежегодную учебную сессию для новичков, которая длится около трех недель. На протяжении этого времени ведущие штатные сотрудники агентства знакомят молодых журналистов со своим видением политического курса правительства, а также с действующими в КНР правилами распространения информации, и конечно, рассказывают о месте и роли «Синьхуа» в социально-политической жизни страны. Программа обучения включает и спортивные занятия, в частности игры, во время которых каждый участник должен понять «важность солидарной и органичной совместимости». Другая важная составляющая обучения начинается за несколько месяцев до того, как молодые журналисты будут отправлены за границу, в этот раз им опять напоминают о правилах, которых им придется придерживаться и обязательства перед «Синьхуа».

После двух лет работы в пекинском агентстве молодых журналистов отправляют для работы за границу. Страна их пребывания определяется в зависимости от того, в каком отделе они работали ранее – Африка для отдела «Франция», Южная Америка для отдела «Испания» и т.д. Точное место назначения, где они будут пребывать два года, не сообщается до последнего момента. Те же их коллеги, которых они заменяют, возвращаются в штаб-квартиру «Синьхуа» в Пекине. В перспективе они могут занять самые желанные места, в частности в Парижском, Брюссельском либо Женевском офисах информагентства.

Очень важным мессиджем, который проходит через все материалы китайских журналистов, является прославление героического прошлого страны и верность коммунистическим идеалам. Последние служат тем определяющим указателем, который приведет страну к светлому будущему. В мае 2005 г. в действие был введен новый перечень правил для СМИ, целью которого стало укрепление роли и усиление влияния официальных изданий. Они в частности запрещают журналистам региональной прессы критиковать государственные учреждения всех провинций, кроме своих собственных.

В начале XXI века в Китае имела место четкая тенденция к возрастанию количества вечерних газет «*вэнь бао*», а также их таблоидизация. Заметно увеличивался и объем газет (до 48 и даже 100 страниц), что было связано с увеличением количества рекламных площадей (20-30% от общего объема издания). Для привлечения читателя некоторые газеты начали использовать цветную печать, и на сегодняшний день уже около 300 газет в Китае являются полноцветными. Кроме того, улучшилось и информационная насыщенность и обогатилось содержание изданий, которые уже не боялись освещать запрещенные ранее проблемы – безработицу, инфляцию, бедственное положение многих сельских жителей – членов бывших аграрных коммун. Подхватив девиз либерализации, который звучал из уст высших партийных руководителей Китая, журналисты стали активно критиковать негативные сто-

роны жизни китайского общества – коррупцию, злоупотребления государственных и партийных руководителей. В этой ситуации высшее политическое руководство страны выступило с заявлением о своем невмешательстве в редакционную политику периодических изданий, высказав (устаами лидера КПК Ху Яобана) надежду на то, что 80% новостей в прессе должно быть посвящено успехам реформ, а 20% – недостаткам.

Одним из последствий увеличения количества газет и журналов стало усиление конкуренции в национальном информационном пространстве, что обусловило их превращение в современные коммерческие предприятия. Ради этого была, в частности, изменена система управления периодическими изданиями – к функции главного редактора был отнесен контроль над исполнением собственно редакционной работы и информационным наполнением издания, а генеральный директор обеспечивал техническую сторону дела (маркетинг, печать, распространение). В ходе становления рыночной экономики некоторые партийные издания, используя средства партии и благодаря эффективному менеджменту сумели основать неполитические газеты и журналы (получив, таким образом, возможность зарабатывать средства на продаже рекламных площадей), создав пресс-холдинги.

Основание газетно-издательских корпораций происходит в Китае, как правило по инициативе влиятельной и довольно большой газеты, которая имеет собственную разветвленную инфраструктуру, имея в своем распоряжении достаточное количество свободных средств, необходимых для разворачивания многоплановой хозяйственной деятельности (на сегодняшний день в Китае действует около 30 таких корпораций). Первой к созданию пресс-холдинга приступила уже упоминавшаяся «Гуанчжоу жибао» в 1996 г., в который сейчас входят 10 газет, один журнал, пресс-центр, служба реализации газет с сетью магазинов, компания недвижимости с общей суммой капитала 2,7 млрд. юаней. Возникновение пресс-холдингов стало важным фактором в стимулировании развития китайской прессы, значительно увеличив экономический потенциал национальных периодических изданий и их конкурентную способность. Ведущая партийная газета (орган ЦК КПК) – «Женьминь жибао» – также успешно прошла испытание временем, о чем свидетельствует, хотя бы ее современный тираж: 1,863 млн. (по данным на 2000 г.). Газета отказалась от жесткой ориентации на освещение в основном политических событий и сейчас все большее внимание уделяет информации экономического характера.

В 2003 г. КПК реформировала систему собственных СМИ: 677 газет были ликвидированы, 325 изданий перешли в собственность к негосударственным коммерческим газетным объединениям, 310 газет были отделены от госструктур и отпущены «в свободное плавание», 94 журнала были переведены с обязательной подписки на свободное распространение. Еще одной заметной чертой современной китайской прессы стало активное проникновение больших газет в Интернет. Уже в 2002 г. в стране насчиталось около 300 газет, которые выходили в сети Интернет. В наибольших городах Китая (Пекине, Шанхае, Гуанчжоу) большинство газет уже имеют свои Интернет-

издания, правда, они являются лишь копиями печатных. Одновременно имеет место тенденция к разнообразию материалов и предоставлению дополнительной информации.

В 2003 г. в КНР издавалась 21 тыс. газет общим тиражом 25 млрд. экземпляров; кроме того, выходило более 8,8 тыс. журналов с общим тиражом более чем 10 млрд. экземпляров. Из этого количества изданий значительная часть приходится на специализированную периодику, в том числе посвященную моде, финансам, Интернету; некоторые ориентированы на профессиональные группы. Все более популярными становятся городские газеты, которые публикуют на своих страницах свежую, оригинальную информацию. Они имеют свою многочисленную читательскую аудиторию, и таким образом являются более популярными среди рекламодателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сергеев, Г.И.* От дигао до «Жэньминь жибао»: путь в 1200 лет. – М., 1989.
2. *Сергеев, Г.И.* От дигао до «Жэньминь жибао»: путь в 1200 лет. – М., 1989.
3. *Шестопап, М.* Голос великого народу / М. Шестопап. – Киев, 1960 (на украинском языке).
4. *Шестопап, М.* Голос великого народу / М. Шестопап. – Киев, 1960 (на украинском языке).
5. *Слободянюк, И.Н.* Печать Нового Китая / И.Н. Слободянюк. – Киев, 1958.
6. *Факторович, Д.* Печать Китайской Народной Республики / Д. Факторович. – Минск, 1956.
7. Мировые масс-медиа: Краткий справочник для студентов Института журналистики Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. – Киев, 1999. – С.24 (на украинском языке).
8. Официальный сайт информационного агентства «Синьхуа» на русском языке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russian.xinhuanet.com/russian/index.htm>.

Китаеведение любого народа, объективно обусловлено состоянием общественно-исторического развития данного народа и Китая, а также отношениями между этими двумя народами, параллельно оно развивается под влиянием логики самой науки и специфики традиций. Понимая эти факторы, нам будет легче оценить уровень и возможности развития в области китаеведения этого народа.

I. Происхождение современного восточнославянского китаеведения – исследование Китая в дореволюционной России

Современное китаеведение восточнославянских народов имеет собственный уникальный фундамент в лице социальной истории на протяжении долгого времени и традиции научно-исследовательской мысли.

XVII век выступил как своеобразный *подготовительный* этап в развитии российского китаеведения. В поисках сухопутного прохода центральная власть России начинает обращать внимание на Китай и проявляет интерес к сбору информации о транспортно-географическом и политико-экономическом положении страны. Для дальнейшего развития отношений в экономической и геополитической областях планируется установление прямой связи с Китаем. Принимается решение сбора информации о Китае «из первых рук». Например, казак из Омска Иван Филиппович Петлин в 1618-1619 годах был послан в Китай как глава дипломатической делегации; после командировки он написал книгу «Роспись Китайскому государству и Лобинскому и иным государствам, жилым, и кочевым, и улусам, и великой Оби, и рекам и дорогам».

Дипломат Николай Гаврилович Спафарий прибыл в Пекин в 1675 году, в течение 16-ти месяцев он четыре раза был принят императором Китая. Спафарий на церковнославянском языке написал «Описание первья части вселенныя, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городами и провинциями».

После подписания нерчинского договора в 1689 году, отношения между двумя государствами были закреплены юридически. И в этом же году из России в Китай была отправлена первая торговая делегация. Полученные пионерами результаты имели значительную географическую ценность.

Следующий период можно назвать этапом «*заимствования*». В 1725 году по инициативе Петра I с целью знакомства с западноевропейским китаеведением на работу в Императорскую Академию Наук был приглашен автор первого словаря китайского языка в Европе, немец Готлиб Зигфрид Байер. Эта идея встретила одобрение со стороны той части российской элиты, которая стремилась к «модернизации» России. В Западной Европе китаеведение в

то время уже имело начало. И российские ученые, освоив западные методики, достигли значительных успехов в области китаеведения.

Первые книги на китайском языке были переданы Императорской Академии наук шведом Лоренцом Лангом, который в 1730 г. представлял Россию в Китае. Появление этих книг в России поспособствовало созданию одной из известнейших библиотек маньчжурского и китайского языков в мире.

В 1727 г. согласно пятой статье Кяхтинского договора была учреждена постоянная Российская Православная Духовная Миссия в Пекине, при которой должны были жить «трое священника и шесть учеников, для узнания китайского языка». Таким образом, начался третий период – этап «*миссионеров*».

До открытия в 1860 г. консульства России в Китае Российская Православная Духовная Миссия не только занималась решением внешнеполитических вопросов, но и вела подготовку специалистов-синологов, ставшими впоследствии основателями национальной школы русского китаеведения. С научной точки зрения можно выделить несколько особенностей данного этапа:

1. Представители русской духовной миссии вышли на передовой мировой уровень в области изучения Маньчжурии. Параллельно с маньчжурским языком, многие из них овладели китайским и монгольским языками. Илларион Калинович Россохин и Алексей Леонтьевич Леонтьев – специалисты по Маньчжурии и первые русские китаеведы.

2. Членов духовной миссии, помимо языков, интересовали надстройка и идеология, то есть философия, политология и история. Для сравнения: изучению вопросов социальной экономики они уделяли значительно меньшее внимание, чем изучению конфуцианства и буддизма

3. Успехи этапа «миссионеров» проявлялись в огромном количестве переводов и комментариев. Попавшие под влияние либерализма китаеведы, во главе с Никитой Яковлевичем Бичуриным (в Китае его знают как 俾邱林) — Петр Иванович Кафаров (巴拉第), Константин Андрионович Скачков (孔琪庭), Иван Ильич Захаров (杂哈劳), Дмитрий Алексеевич Пещуров (孟第), стремились избавиться от влияния западного китаеведения. Путем усовершенствования методик обучения и увеличением, таким образом, сфер познания Китая, на основе реальности и китайской документации необходимо было создать собственное мнение о стране и тем самым открыть путь русскому китаеведению, занявшему незаменимое место в истории мирового востоковедения.

Российской Православной Духовной Миссия в Пекине существовала 150 лет.

На *академическом этапе* развития восточнославянского китаеведения методики обучения и накопленные священниками результаты исследования Китая были переданы университетским кафедрам. Можно сказать, что религиозный дух занятий китаеведением сменился академическим. Символы смены этапов – открытие в 1837 г. кафедры китайского языка в Казанском университете и учреждение в 1855 г. восточного факультета в Петербургском университете, который стал впоследствии крупнейшим центром по изучению Китая в России. В 1898 г. во Владивостоке был создан Восточный институт, а в 1900 году сформировано Императорское общество востоковедения.

Академик Императорской Академии наук Василий Павлович Васильев (王西里) – первый заведующий кафедрой китайского языка Петербургского университета. Сфера его научных интересов была невероятно широка: буддизм, язык, литература, история, география, вопросы национального самосознания и международные отношения. В.П. Васильев был не только выдающимся ученым, но и замечательным педагогом.

Среди его учеников – Павел Степанович Попов (茂陵), составитель изданного в 1879 году в Санкт-Петербурге русско-китайского словаря; Александр Матвеевич Позднеев, основатель Восточного института в г. Владивосток и Практической восточной академии Санкт-Петербурга; Сергей Михайлович Георгиевский, который первым высказал мысль о том, что китаеведение должно стать **многоотраслевой наукой**.

Среди китаеведов дореволюционной России было немало представителей других восточнославянских народов. Историк Николай Николаевич Бантыш-Каменский, профессор маньчжурского языка Осип Павлович Войцеховский, дипломаты Егор Петрович Ковалевский (廓瓦烈福斯启) и Егор Федорович Тимковский (丁柯斯基) родились на территории нынешней Украины. Академик Императорской Академии наук, монголовед Осип Михайлович Ковалевский был родом из Волковысского района Гродненской области Беларуси (в 1830 году он побывал в Пекине). А его земляк, японист Иосиф Антонович Гошкевич (из Островецкого района) в 1839-1848 годах находился в Пекине в составе духовной миссии. Уроженец Слуцка Кондратий Ильич Корсалин в середине XIX века был сопровождающим художником духовной миссии; за 7 лет пребывания в китайской столице он создал более ста портретов местных чиновников.

С 1-й пол. XIX века в городах Харьков и Одесса уже существовали образовательные учреждения, в которых изучались восточные языки, но курс китайского языка отсутствовал. Украинскими историками недавно был опубликован материал, свидетельствующий о том, что в последние годы существования царской России на базе Киевского коммерческого института активно шел процесс становления украинской школы практического китаеведения. Из-за недостаточности (по объективным причинам – мировая и гражданская войны, революция 1917 г.) архивных документов, пока наблюдается относительная нестабильность сведений, но исследователи ищут убедительные факты об истории становления и развития китаеведения на восточнославянской почве.

Приложение 1 *Учреждения образования по китаеведению в дореволюционной России*

- Русская Духовная Миссия в Пекине (1715-1956 гг.);
- Восточный факультет Казанского университета (1807-1855 гг.);
- Азиатский музей при Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (1818 г.);
- Восточный факультет Санкт-Петербургского университета (1855 г.);
- Восточный институт (Владивосток, 1898-1917 гг.);

- Императорское общество востоковедения (Санкт-Петербург, 1900-1909 гг.);
- Русский комитет для изучения средней и восточной Азии (Санкт-Петербург, 1903-1917 гг.);
- Практическая восточная академия (Санкт-Петербург, 1909-1917 гг.);
- Общество русских ориенталистов (Харбин, 1909-1926 гг.).

Приложение 2 *Периодические издания дореволюционной России, регулярно публиковавшие материалы о Китае*

- Азиатский вестник (Санкт-Петербург, 1825-1827 гг.);
- Вестник Азии (г. Харбин, 1909-1926 гг.);
- Вестник Императорского общества востоковедения (Санкт-Петербург);
- Вестник Маньчжурия;
- Восточное обозрение;
- Дальневосточное обозрение (Санкт-Петербург);
- Далина Янцзы. Обозрение китайской прессы (г. Ханькоу, Китай, 1909);
- Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества (ЗВОРАО) (Санкт-Петербург, 1887-1921 гг.);
- Записки Сибирского отдела Императорского русского географического общества;
- Известия Братства Православной церкви в Китае;
- Известия Восточного института (Владивосток) (1908);
- Известия Императорского русского археологического общества (ИИРАО) (Санкт-Петербург);
- Известия Императорского русского географического общества (ИИРАО) (Санкт-Петербург – Москва);
- Китайский благовестник (Пекин, Китай);
- Приамурский вестник;
- Труды по востоковедению Лазаревского восточного института Московского университета (1899-1916 гг.);
- Ученые записки Казанского университета (1834);
- Христианский восток (Санкт-Петербург, 1912-1920 гг.);
- Юаньдунбао (г. Харбин, 1900-1904 гг.).

Китайская философия сложилась в период с XI по III вв. до н.э. Ее начало положено первыми философами даосизма, конфуцианства и авторами учения "Книги Перемен". Периодизация китайской философии осуществляется разными авторами по различным основаниям, поэтому в историко-философской науке нет общепринятого критерия. По одной из них в соответствии с европейской линейной матрицей выделяются четыре периода развития китайской философии: древний (XI-III вв. до н.э.), средневековый (III в. до н.э. – XIX в.), новый (середина XIX в. – 4 мая 1919 г.), новейший (с 1919 г. – по настоящее время) [8].

Первым провел классификацию школ и течений в древнекитайской философии Сыма Тань (II-I вв. до н.э.) в трактате "Основные указания о шести школах", включенном позже его сыном, историком Сыма Цянем (II-I вв. до н.э.), в "Исторические записки". Названы шесть школ: "натурфилософов" (*иньян цзя*), "конфуцианцев" (*жу цзя*), "моистов" (*мо цзя*), "имен" (*мин цзя*), "законников" (*фа цзя*), "даосистов" (*даодэ цзя*).

Возникновение философских школ в Древнем Китае связывалось с родом занятий их первых представителей: конфуцианство зародилось в среде чиновников, у истоков даосизма стояли официальные историки, натурфилософия обязана своим появлением астрономам и астрологам, легизм разработан чиновниками судебного ведомства и т.д. Однако при всей их разнообразности, учения всех школ можно свести к двум основным течениям – даосизму и конфуцианству. Школы и течения китайской философии объединяет общее происхождение. Их единый корень – культура *Дао*. Для китайской философии характерно, что в своих истоках и эволюции она есть философия *Дао* [8]. Различия между даосизмом и конфуцианством заключаются в мировоззренческой ориентации и методах последующей реставрации *Дао*.

Становление китайской философии охватывает два периода: родовой и переходный от рода к государству. Им соответствуют определенные типы мировоззрений. Возникновение представлений о *Дао* относится к первому периоду. По древним философским представлениям *Дао* рождается в космической пустоте (*сюй*). Под действием вселенско-космических ритмов *инь-ян* из пустоты-вакуума образуется воронка. От вспышки в этом огненно-световом спиральном вихре рождается эмбрион *Дао* (мировое яйцо), несущий в себе телесно-духовно-идеальную и тео-зоо-антропоморфную сущность. В ходе собственного вращения эмбрион *Дао* расширяется и претерпевает дифференциацию [8].

Функции энергетических движителей спирали *Дао* выполняют противоположные относительно центра элементы *инь* и *ян*. Вместе с центральным *цзы*

они образуют в вертикали и горизонтали по две зеркальные триады *инь-цзы-ян*. Спираль *Дао* сепарирует телесно-духовно-идеальную смесь эмбриона *Дао* и создает космос. Телесная тяжелая и темная сущность осаждается и образует Землю. Идеальная легкая и светлая поднимается и образует Небо из светящихся образов солнца, луны, звезд и созвездий. Духовная (пневматическая) веет невидимым ветром посередине. Таким выглядит организм культуры *Дао*. Его нескончаемая жизнеспособность обеспечивается ритмами *инь-ян* [8].

Выраженная графически формула генетического кода спирали культуры *Дао* является ключом к дешифровке и адекватному прочтению всех сфер китайской культуры, основывающихся на *Дао*. Древнекитайский памятник *Хуайнань-цзы* воспроизводит полный диалектический цикл спирали *Дао* в варианте с телесными элементами.

Дао в интерпретации древнекитайских философов – это абсолютное мировое начало, предшествующее небесному владыке и превосходящее его своей мощью. *Дао* – источник всего существующего, бесконечный поток естественного возникновения и смены всех явлений, их перехода из одного в другое, вечный круговорот рождения и смерти. Человеку оно предстает в виде сверхъестественного закона, управляющего миром.

С переходом человека к техническому производству происходит деформация гармоничной спирали *Дао*. Из нее выпадает центральный элемент *цзы*, и на его месте образуется пустота (*сюй*). Поток генерации природно-естественной жизни (*цзы жань*) в звене *цзы* прерывается; телесная, духовная и идеальная сущность расслаивается; единство первопредка-бога, человека и вещи распадается. Космос *Дао* ввергается в хаос. Трагические условия действительности побуждают человека к поиску путей умиротворения хаоса [8]. Из среды людей выделяются мудрые личности, которые занимают место *цзы* – пустого центра сферы *Дао*. Они пытаются соединить прерванные телесно-духовно-идеальные потоки спирали *Дао* и воссоздать былую гармонию, что оборачивается саморефлексией и рождением в недрах переходного мировоззрения первой философии.

Все древнекитайские философы по наименованию занимаемого ими центра *цзы* (дитя) в спиральной системе *инь-цзы-ян Дао* называются *цзы*: Лао-*цзы*, Чжуан-*цзы*, Кун-*цзы*, Мэн-*цзы*, Хань Фэй-*цзы*, Сюнь-*цзы* и т.д. Философствование принимает ценностную направленность на гармонию. Космос *Дао* в природном и социальном значении приобретает наименование Поднебесной (*тянь ся*; букв.: 'Неба низ'). Философы занимают срединное положение между природно-социальными Верхом и Низом, они становятся проводниками идеально выраженных ценностей сверху вниз и материальных запросов людей снизу вверх. "Золотая середина" отныне становится исконным "философским местом" (в конфуцианстве имеется даже специальный трактат *Чжун юн* ("Учение о середине")). Позицию *цзы* занимает человек, а это звено в системе *инь-цзы-ян Дао* является духовным центром. Поэтому человек получает здесь, прежде всего, духовную определенность, и его философствование по реставрации *Дао* наполняется антропологическим содержанием и начинается с духовной проблематики *син* – *Дэ* (добродетель), *жэнь* (человеколюбие), *и* (долг), *ли* (ритуал), *синь* (доверие).

Мудрец утверждается в центре *Дао* как ставленник естественности (рода) и искусственности (цивилизации, государства). В силу такой двойственности положения мудрец прибегает к единственно возможному способу – коллективной мантике, которая сочетает в себе принципы родовой и государственной регуляции обществом. Исходные основания такой мантики заложены в «Книге Перемен». Мантические операции в философском мышлении трансформируются в философские приемы и методы индивидуального сознания. Собственно философствование, таким образом, предваряется переходным типом раннефилософского сознания, а философу предшествует совершенномудрый человек.

Можно говорить о трех типах философских субъектов: совершенномудрые люди глубокой древности (*шэн жэнь*), даоский совершенномудрый человек (*шэн жэнь*), конфуцианский благородный человек (*цзюнь цзы*). В центре их внимания природно-социальный космос. Основная цель – гармонизировать жизнь Поднебесной по ритмам *инь-ян Дао* системы «Книги Перемен».

Возникновение философии древнего конфуцианства связано с творчеством Конфуция (551-479 до н.э.). Китайское название конфуцианства *жу* 'ученый' указывает на его интеллектуальное и культурное значение. Обычно этот термин относят к философии (точнее к философскому учению – *цзяо*), например: *жу-цзяо*, *кун-цзяо* (от фамильного имени Конфуция). Конфуций в юности задумался о переустройстве китайского общества, создании идеального справедливого государства, где бы всем жилось хорошо, в зрелости пытался воплотить свою идею в реальность, много путешествовал по стране, предлагая свои услуги в качестве министра китайским князьям. У него были проекты реформирования жизни общества, функционирования армии, финансов, культуры. К сожалению, его начинаниям не суждено было осуществиться, как вследствие утонченности самой идеи, так и в результате противодействия его врагов. Тем не менее, мудрость снискала Конфуцию большую славу, со всей страны к нему шли люди, желавшие стать его учениками. При этом он сокрушался: "*Не нашлось ни одного правителя, который захотел бы стать моим учеником*". Умер мудрец в апреле 479 г., озабоченный судьбой своего учения и тем, кто возьмет на себя труд продолжить его. Записанные за Конфуцием беседы и суждения помещены его учениками в книгу *Луньюй* [6]. Разработав этическое учение, основанное на религиозном сознании, Конфуций выступил в качестве пророка [1, 246]. Мэн-цзы (ок. 372 – ок. 289 до н.э.) стал проповедником его учения, предложил доктрину внутреннего существования, намекнув на присутствие в сердце чего-то большего, чем индивидуальность [1, 248]. Сюнь-цзы (298-238 до н.э.) прославился антропологическим минимализмом, утверждая, что человеческая природа зла, а сам человек от рождения обладает низменными стремлениями корысти и похоти (*юй*), губящими благопристойность [1, 250]. По его мнению, низкое в человеке преодолевается через культуру (*вэнь*). Он же – создатель доктрины ритуального действия (*ли*) [7].

Учения последователей Конфуция отражены в текстах *Лицзи*, *Мэнцзы*, *Сюньцзы*, впоследствии в "Четверокнижии" (*Сы шу*) и "Пятикнижии" (*У*

цзин). Это общее название пяти конфуцианских канонических книг: *Ицзин* ("Книга Перемен"), *Шицзин* ("Книга гимнов и песен"); *Шуцзин* ("Книга преданий"), *Лицзи* ("Записки о совершенном порядке вещей, правления и обрядов"), *Чуньцю* ("Весны и Осени" – летопись княжества Лу, написанная по преданию самим Конфуцием). Основные идеи конфуцианства нашли отражение и в канонических книгах *Шисаньцзин* ("Тринадцатиканоние") – собрания авторитетнейших памятников древнекитайской мысли конца II – конца I тысячелетия до н.э., канонизированных конфуцианством и являвшихся в Китае вплоть до начала XX в. основой традиционной философии, науки, системы образования и государственных экзаменов для получения ученых степеней и официальных должностей (*кэ цзюй*).

Вершиной человеческого развития в конфуцианстве, как и в даосизме, было постижение *Дао*, которое считалось высшей субстанцией, центром всего. *Дао* заменяло в конфуцианстве понятие бога. Основной упор делался на духовно-социальное совершенствование человека: образование, интеллектуальное развитие, строгое соблюдение определенных традиций и общественных правил, регулирующих все стороны общественной жизни человека. Приобщение человека к *Дао*, по Конфуцию, происходит через строгое соблюдение правил ритуала.

В VI – III вв. до н.э., когда конфуцианство получило развитие, в Китае происходили глубокие экономические и политические изменения, обусловленные появлением частной собственности на землю. Рост имущественной дифференциации внутри общин повлек за собой возвышение зажиточных слоев, ослабление патриархальных клановых связей и углубление социальных противоречий. Ожесточенная борьба за власть между имущественной и наследственной аристократией привела к ослаблению Чжоуской династии, основанной на авторитете родовой знати, и затяжному политическому кризису.

В поисках выхода из него идеологи противоборствующих классов выдвинули программы мероприятий, которые позволили бы упрочить положение представляемых ими слоев и обеспечить политическую стабильность. Конфуцианство оказалось наиболее влиятельной доктриной в истории политической мысли Китая в силу своего социального рационализма и политического реализма. Из этого проистекает соотношение религии и морали: мораль и этика считались первичными, а религия – вторичной. Решение проблем политики и этики, задач организации жизни общества, стремление к преобразованию общественных порядков соотносились с представлениями об идеальном устройстве общества.

Преобладание в политических учениях прикладной и нравственной тематики вело к пониманию конфуцианской философией преобразований в обществе и государстве как изменения морального облика людей, примирения на этой основе имущественной и наследственной знати. А искусство управления сводилось к нравственному совершенствованию правителя, управлению силой личного примера: если правитель утвердит свое совершенство, то в его многочисленном народе не будет злоумышленников.

Конфуцианство обращено в будущее, идеал его – сильное государство и богатое общество. Основными категориями конфуцианства являются поня-

тия благородного мужа, человеколюбия и правил ритуала. Категории эти тесно взаимосвязаны, ибо представляют собой лишь различные стороны единого политического идеала, рассмотренного с точки зрения его носителей, общего принципа и конкретных нормативных предписаний. В качестве действующего и размышляющего субъекта конфуцианство выдвигает благородного мужа (*цзюньцзы*). В его задачу входит генерация *Дао*, управление государством и воспитание подданных.

Норматив конфуцианской личности *цзюньцзы*, впервые представленный в *Луньюе* [6], – носитель совокупности конфуцианских добродетелей, – имел значение 'благородный муж', 'совершенный муж'; исходное значение – 'дитя правителя'. Синонимы – "великий человек" (*да жэнь*), "гуманный человек" (*жэнь жэнь*). Противопоставляется "ничтожному человеку", "маленькому человеку" (*сяо жэнь*), воплощению эгоистического прагматизма, не способному выйти за рамки своей практической специализации и преодолеть духовно-нравственную ограниченность. У Конфуция понятие *цзюньцзы* соотносится с личностью правителя или представителя социальных верхов ("благородный муж"); впоследствии оно приобретает более общий характер ("совершенный муж"). В иерархии человеческих существ *цзюньцзы* стоит ниже "совершенномудрого" (*шэн*), но так же своей "благодатью/добродетелью" (*дэ*) способен воздействовать на "маленьких людей", как ветер – на траву. Наделенный "знанием предопределения (*мин*)", *цзюньцзы* стойко держится своего пути, предполагающего активную деятельность по утверждению *Дао* в Поднебесной. Главная задача благородных мужей – воспитать в себе и распространить повсеместно человеколюбие. Под человеколюбием понималось поведение, отвечавшее нравственным ценностям семейно-клановых коллективов и патриархальных общин. В процессе исторического развития благородный муж посредством человеколюбия генерирует новое цивилизационное *Дао*.

Так же, как и Лаоцзы, Конфуций отрицательно оценивал состояние современной ему Поднебесной. "Великое Дао сокрылось во мраке", общество "Великого Единения" разрушилось, теперь нужно через общество "малого процветания" прийти к "Великому Процветанию" (*Лицзи*). Этот переход Конфуций связывал с обращением к цивилизационным началам, избрав путеводными нитями человеколюбие (*жэнь*) и долг (*и*).

Поднебесная считалась одной семьей. Все звенья ее скрепляются отношениями сыновней почтительности и отеческой любви. Почтительность к родителям и уважение к старшим братьям – это основа человеколюбия. Общим принципом взаимоотношений между людьми был принцип "не делай другим того, чего не желаешь себе". Человеколюбие включало в себя: попечение родителей о детях, сыновнюю почтительность к старшим в семье, а также справедливые отношения между теми, кто не связан родственными узами. Фактически этой формулой исчерпывались все отношения в обществе.

Представления, типичные для идеологии наследственной знати (признание врожденных различий между людьми, их градация на "высших" и "низших") сочетались у Конфуция с положениями, открывавшими доступ к государственному аппарату неродовитой общинной верхушке. В этом заключает-

ся компромиссный характер идей правления знатных. Конфуций соглашался с тем, что деление людей на "высших" и "низших" не может быть устранено. Он выделял благородных не по признакам происхождения, а по моральным качествам и знаниям. Именно по этим критериям Конфуций предлагал выдвигать на государственную службу.

Среди конфуцианских правил поведения – предписания, касающиеся выполнения ритуальных и культовых обрядов (почитание духов, культа предков), моральные наставления и нормы обычного права. Во второй главе книги *Луньюй* [6] приводятся такие высказывания учителя: *"Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок при помощи наказаний, народ будет стремиться уклоняться [от наказаний] и не будет испытывать стыда. Если же руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, народ будет знать стыд и он исправится"* [3, с. 28-29]. В той же главе приводится ответ учителя на вопрос Цзи Канцзы, сановника из Лу, как сделать народ почтительным, преданным и старательным: *"Если вы будете в общении с народом строги, то народ будет почтителен. Если вы проявите сыновнюю почтительность к своим родителям и будете милостивы [к народу], то народ будет предан. Если вы будете выдвигать добродетельных людей и наставлять тех, кто не может быть добродетельным, то народ будет старательным"* [6]. Конфуций – решительный противник управления на основе законов – осуждал правителей, использовавших устрашающие правовые запреты, и выступал за сохранение традиционных религиозно-моральных методов воздействия на поведение китайцев.

Многие акции социального протеста в Древнем Китае проходили под лозунгами морального содержания и были направлены против конкретных носителей или узурпаторов власти. Народные массы выступали главным образом за восстановление справедливости, перераспределение богатства, но не подвергали сомнению экономические и политические основы общества. Связи между социальными верхами и низами в конфуцианстве ритуализуются (*ли*), скрепляются доверием (*синь*) и почитанием предков. Для придания системе устойчивости и постоянства она замыкается на циклы природного космоса. Духовно-поведенческие нормы архетипа *усин* действуют на человека силой естественной необходимости.

Необходимость в государственном управлении отпадет вообще, если правила ритуала будут всеми соблюдаться. Такая мысль высказана на страницах *Луньюя* [6]. Конфуций и его последователи не исключали, однако, что для приближения той счастливой поры потребуются применение силы против непокорных. Главное в том, считали они, чтобы это происходило с санкции благородного и любящего свой народ государя, а не правителей уделов или сановников, чтобы применялись наказания по-отечески, с любовью к людям. Тем самым отвергался произвол администрации, особенно на местах, определенными моральными рамками ограничивалось своеволие правителей.

В конфуцианстве правилам ритуала отводилась роль нормативной системы государства. При этом Конфуций призывал восстановить правила, су-

ществовавшие во времена лучших правителей династии Чжоу. В сфере политики эти принципы и правила должны были послужить фундаментом всей системы управления. Ее перестройку Конфуций предлагал начать с так называемого исправления имен, т.е. с восстановления истинного, изначального смысла существующих в обществе титулов и вытекающих из них обязанностей. Государь должен быть государем, сановник – сановником, отец – отцом, сын – сыном [6]. Государю вменялось в обязанность относиться к подданным, как к своим детям. Он должен заботиться о достатке продовольствия в стране, защищать ее оружием и воспитывать народ. Важнейшим государственным делом Конфуций считал воспитание подданных, причем осуществлять его надо силой личного примера. Известно его изречение: *"Управлять – значит поступать правильно"* [6]. Народ же, в свою очередь, обязан проявлять сыновнюю почтительность к правителям, беспрекословно им повиноваться. Прообразом организации государственной власти для Конфуция служило управление в семейных кланах и родовых общинах (патронимиях). Концепция мыслителя представляла собой одну из самых ранних попыток обосновать идеал патерналистского государства.

При определенном консерватизме политической программы раннего конфуцианства в ней содержались и прогрессивные идеи.

Применение ее на практике способствовало закреплению патриархальных отношений, утверждению господства наследственной аристократии. Обновление правящего сословия за счет представителей непривилегированных слоев не могло привести к радикальной перестройке в государстве, так как воспитанные на древних традициях эти люди сами превращались в активных защитников организации власти, которую отстаивала наследственная знать. Концепция выдвижения справедливых предполагала лишь ослабление конфликтов между старой и новой аристократией. Прогрессивными были, прежде всего, идеи распространения моральных знаний и обучения людей независимо от их сословной принадлежности. Просветительская деятельность Конфуция и его учеников сыграла громадную роль в развитии китайской культуры на протяжении столетий. Причем официальным учением императорского Китая конфуцианство оставалось вплоть до Синхайской революции 1911-1913 гг.

Изучение философии конфуцианства с точки зрения его политического реализма имеет не только познавательное, но и теоретическое значение, так как позволяет проследить формирование в русле древнекитайской философии прагматичных политических идей. Высокий уровень культуры и богатые литературные традиции, практическая реализация конфуцианских идей на протяжении столетий воссоздает достаточно полную картину возникновения на философской основе конфуцианства продуктивного политического сознания.

Методологическая значимость изучения философии конфуцианства состоит в том, что, несмотря на многочисленные исследования, проведенные за последние десятилетия, общественная мысль народов Востока остается менее изученной, чем философские, социальные и политические доктрины, получившие распространение в Западной Европе. Подавляющее большинство вопросов, связанных с формированием политической философии в Древнем

Китае не получило однозначного решения и продолжает вызывать дискуссии в научных кругах [5]. А это затрудняет понимание общих закономерностей и особенностей развития политико-правовой идеологии на различных этапах истории.

В новых социально-экономических условиях, когда Китай превращается в великую державу, интерес к идейному наследию Древнего Китая заметно возрос. Он поддерживается и в научных кругах Республики Беларусь, так как у нашей страны с Китаем стратегические, партнерские отношения.

Некоторые течения общественной мысли, зародившиеся в глубокой древности, переживают сегодня период своеобразного возрождения. Так случилось и с конфуцианством. После окончания пресловутой "культурной революции" в Китае оно вновь получило официальное признание. В научной среде активно обсуждается правомерность употребления таких терминов как «постконфуцианство», «современное конфуцианство» и «современное неоконфуцианство». В организационной форме Института Конфуция идет продвижение конфуцианства по всему миру. Недавно учрежден Республиканский институт китаеведения имени Конфуция в Беларуси.

Идеи Конфуция сыграли огромную роль в истории Китая и наложили отпечаток на все стороны жизни страны, а сам он стал объектом поклонения и религиозного культа. Конфуций похоронен на кладбище, специально отведенном для него, его потомков, ближайших учеников и последователей. Конфуцианский храм стал местом паломничества и распространения его идей. Утвердившись в качестве государственной идеологии и религии во II – I вв. до н.э., конфуцианство было официальной идеологией до 1912 и духовно доминировало до 1949 г. Заметим, ныне подобное положение сохранилось на Тайване и в Сингапуре. Преодолев последствия идеологического разгрома в 1960-е годы (кампания "критики Линь Бяо и Конфуция"), начиная с 1980-х годов, оно успешно реанимируется и в КНР как востребованная сегодня национальная идея.

При этом важно иметь в виду, что современное содержание морально-политической доктрины конфуцианства, расходится с его первоначальным смыслом. Принцип историзма не допускает при освещении морально-политических концепций прошлого их модернизации, а предполагает учет обстановки, в которой они зародились, и использование того, что выдержало испытание временем. Например, сегодня, как никогда, актуально звучит мнение восточных мыслителей о том, что усовершенствовать мир можно, лишь обретя цельность и гармонию в самом себе. И недалеко то время, когда многие страны, в том числе и западные, будут обращаться к политической мудрости конфуцианства, признавая превосходство нравственных ценностей над голым прагматизмом и утилитаризмом.

Это обусловлено не только растущим интересом представителей западной культуры к восточной, в том числе и китайской философской традиции, но и стоящей перед философами современного Востока задачей культурного самоопределения. В последние десятилетия XX в. и в начале XXI в. проблема поиска глобального значения конфуцианской традиции, а также ее взаимо-

действия с западноевропейской философией стала центральной в творчестве ведущих китайских мыслителей [9].

Наблюдаются параллельные процессы усвоения западной философской традиции и изложения китайской философии носителями западной культуры. Современная конфуцианская философия находится в поиске оптимального сочетания унаследования духовно-философской традиции и обновления с использованием достижений западных теорий. Это важно для сохранения, приумножения и использования ее плодотворных идей в духовной и политической сферах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бертронг, Джон*. Мудрецы и бессмертные: религии Китая / Джон Бер-тронг // Религии мира. – М.: Белфакс, 1994.
2. История китайской философии / пер. с кит.; под общ. ред. М.Л. Титаренко. – М.: Прогресс, 1989.
3. История политических и правовых учений / под редакцией В.С. Нерсе-сянца. – Москва: НОРМА, 2001.
4. Китайская философия // Энциклопедический словарь. – М., 1994.
5. Конфуцианство в Китае. – М., 1982.
6. *Переломов, Л.С.* Конфуций. «Лунь юй» / Л.С. Переломов. – М., 2000.
7. *Феоктистов, В.* Философские трактаты Сюнь-цзы. Исследования, пере-вод, размышления китаеведа / В. Феоктистов. – М.: Наталис, 2005.
8. Становление китайской философии. Культура Дао // Философия: учеб-ник / под ред. В.Д. Губина, Т.Ю. Сидориной, В.П. Филатова. – М.: Рус-ское слово, 1996.
9. *Фэн, Юлань*. Краткая история китайской философии / Фэн Юлань. – СПб., 1998.

А. В. ГОНЧАРОВ

**ВЕЛИКАЯ ДРАМА
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ИДЕИ:
ПАРАДИГМА ПЬЕТРО БЕМБО
(ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ ВУЛКАНОВ
ВО ВНУТРИКОНТИНЕНТАЛЬНЫХ
ОБЛАСТЯХ КИТАЯ)**

В 1496 г. в Венеции была издана книга молодого итальянского естествоиспытателя Пьетро Бембо «Этна». Описывая самый большой вулкан острова Сицилия, П. Бембо предложил в своей книге гипотезу, объясняющую процессы земного вулканизма. Гипотеза эта получила широкую известность и признание ученых и по существу стала парадигмой – господствующим представлением европейской науки о причинах возникновения вулканов [1, с. 168]. Живописец Рафаэль Санти оставил нам замечательный портрет Пьетро Бембо на фоне пейзажа с вулканом Этна, изучение которого и послужило источником новой научной теории [2, с. 48].

Три столетия спустя российский географ Петр Семенов писал о сущности «парадигмы Бембо»: «...Близость морей от действующих вулканов заставила заключить многих ученых о непосредственности участия моря в вулканических действиях и сделалась очень важною для всей теории вулканических явлений. <...> ...Легко было представить себе, что морская вода, просачиваясь через горные породы, составляющие твердую кору земного шара, приходит наконец в соприкосновение с огненножидким ядром его и доставляет его реакции достаточное количество паров воды для вулканических явлений. По этой же причине полагали, что вулканических явлений во внутренности континента существовать не может» [3, с. 257].

Блестящий ученый XVIII в., «отец немецкой геологии» Абраам Вернер полагал, что проявления вулканизма есть не что иное, как подземное горение каменного угля, а базальт – горная порода осадочного происхождения. Его шотландский современник и оппонент, не менее талантливый геолог Джеймс Хаттон в статье 1788 г., а затем в двухтомном сочинении 1795 г. «Теория Земли» утверждал, что вулканы своим происхождением обязаны «подземному жару», а базальты, граниты и им подобные горные породы существовали в недрах Земли в виде расплавов. Вопрос образования вулканов и продуктов их деятельности поделил геологов XVIII в. на два непримиримых лагеря: «нептунистов» и «плутонистов» [4, с. 47-52]. Однако и те, и другие признавали, что вулканы все же «тяготеют» к морю, но почему?

Ученик Вернера немецкий геолог Леопольд Бух предполагал, что происхождение вулканов «...вероятно, зависит от окисления металлов и металлоидов. На твердой земле газы могут освобождаться из горнил вулканических, между тем, как в глубинах морей они остаются сжатыми и заключенными до тех пор, пока не произведут вулканического извержения» [5, с. 278]. Иными словами Л. Бух полагал, что вулканические извержения могут происходить только в Мировом океане, но внутри континентов вулканов нет и быть не может.

Однако, его друг и коллега немецкий естествоиспытатель Александр Гумбольдт, вернувшись из путешествия по Южной Америке, где он проводил исследования в 1779-1804 гг., заявил, что наблюдал действующие вулканы в большом удалении от океанского побережья [6].

В 1838-1849 гг. горный рельеф Южной Америки в пограничных районах Чили изучал белорусский геолог и географ Игнатий Домейко. Ему удалось непосредственно наблюдать извержения вулканов Антуко в 1845 г. и Декабе-садо в 1847 г., что подтверждало выводы А. Гумбольдта, ибо весьма сомнительно, чтобы морская вода как-либо могла влиять на активность внутриматериковых вулканов. Более того, И. Домейко обнаружил и описал меридиональную 500-километровую цепь гор вулканического происхождения к востоку от пустыни Атакама, в значительном удалении от океана, которая позднее была обозначена на картах как «Кордильера Домейко» [7, с. 99-101].

Другой белорусский исследователь, военный геодезист и географ Михаил Вронченко во время разведывательной экспедиции 1834-1836 гг., изучая территорию Азиатской Турции, получил расспросные сведения об извержении в августе 1835 г. вулкана Эрджияс – грандиозного двуглавого горного массива высотой 3916 м в центре полуострова Малая Азия. Вулкан извергался не ближе 250 км от морского побережья [8, с. 42].

Занимаясь картированием гор Кавказа в 1847-1866 гг. белорус Иосиф (Юзеф) Ходзько, военный геодезист и географ, также наблюдал чрезвычайно свежие следы вулканической деятельности в этом регионе. В 1864 г. ученый предложил свою – «вулканодинамическую» – теорию образования Кавказских гор [9, с. 99-106].

Эти, а также иные достоверные научные сведения о вулканической активности во внутриконтинентальных областях сильно поколебали уверенность ученого мира в универсальности «парадигмы Пьетро Бембо». В течение более 300 лет «морская теория» происхождения вулканов вполне удовлетворяла потребности естествознания, но к началу XIX в это фундаментальное положение должно было подвергнуться пересмотру.

Новые сведения предоставили географам синологи. Французские исследователи Абель Ремюза и Юлий Клапрот, изучая китайские источники, обнаружили сведения о существовании вулканов в континентальных областях Азии [10, с. 247]. На основе этих сведений, А. Гумбольдт в 1827 г. опубликовал в Париже карту, на которой были указаны эти гипотетические вулканы [11, с. 67].

Получив в 1829 г. свежие данные о гипотетических вулканах во время своей поездки в Азиатскую Россию, А. Гумбольдт вновь утверждает, что в центре континента должны быть вулканы (Гумбольдт, 1830. Приложение: Карта гор и вулканов...). В 1843 г. немецкий географ издал в Париже фундаментальный труд в трех томах «Центральная Азия» с приложением карты, где указывал на явные признаки вулканической деятельности во внутриконтинентальных областях Китая.

Книга эта чрезвычайно взволновала весь научный мир; теперь путем экспедиционных исследований необходимо было либо найти «гумбольдтовы вулканы», либо опровергнуть гипотезу немецкого географа.

В 1855 г. российский географ Петр Семенов встретился в Берлине с А. Гумбольдтом и сообщил о намерении исследовать горы Тянь-Шаня. П. Семенов уже имел опыт изучения вулканов; в 1854 г. он 17 раз с исследовательскими целями поднимался к вершине вулкана Везувий в Италии.

Увы! Вернувшись из путешествия на Тянь-Шань П. Семенов в 1867 году писал: «...европейская наука черпала до сих пор свои сведения из некоторых скудных китайских источников, как, например, из показаний почти единственного до нас очевидца Небесного хребта, оставившего о нем письменные заметки, а именно китайского буддийского миссионера Хуан-цзана, путешествовавшего там в VII веке. <...> Достаточно указать на некоторые из ...результатов наших совокупных исследований <...>

...нет и следа вулканических пород и явлений, даже и на тех местах, на вулканизм коих положительно указывал Гумбольдт, что сильно колеблет его мнение о вулканизме Тянь-Шаня» [3, с. 4-5]. Экспедиции других исследователей также не обнаружили в Азии «гумбольдтовы вулканы».

Еще в 1856 г. П. Семенов в своей статье «О вулканических явлениях во внутренней Азии» обратил внимание на сообщение российского синолога В.П. Васильева. Этот ученый со ссылкой на китайские источники опубликовал в 1855 г. два независимых свидетельства о вулканических извержениях в Маньчжурии в 1721 г. Это «записки Учэня, 6-я или 7-я луна 59 г. правления Кан-хи», и пять официальных донесений об извержении, посланных китайскому императору из области «Хей-лун-кян» в феврале-октябре 1721 г. и июле 1722 г. П. Семенов, основываясь на личных наблюдениях извержения вулкана Везувий в марте 1855 г, считал китайские сведения, опубликованные В. Васильевым вполне достоверными [10, с. 248-251].

Усилия европейских исследователей также, наконец, увенчались успехом! В 1856 г. в Париже было опубликовано сообщение о том, что английский путешественник Томас Уитлам Аткинсон открыл вулкан в Саянских горах на русско-китайской границе [12, с. 16].

Спустя два года английский исследователь, художник и архитектор Томас Уитлам Аткинсон издал в Лондоне монографию о своем путешествии в Азию в 1846 – 1854 гг., иллюстрированную собственными рисунками (Atkinson, 1858). Т.У. Аткинсон сообщал, что он обнаружил два вулкана; один в пустынной области Джунгарии, примерно 92°в.д., 46°с.ш., а другой в горах Саяна, юго-западнее русского пограничного казачьего караула Окинский (у Аткинсона – Okinsk) в долине реки Жом-Болок (у Аткинсона – the valley Djem-a-louk), примерно 97°в.д., 52,5°с.ш. Т.Аткинсон подробно описал «саянский вулкан с двумя кратерами» и на с. 586 поместил гравюру №18: «Вулканический кратер, Саянские горы, Монголия». Открытые им вулканы Т. Аткинсон поместил на прилагаемую к книге карту [13, с. 16], [9, с. 105-106].

В 1864 г. офицер Амурского казачьего войска Петр Кропоткин под видом купца совершил путешествие по северу Манчжурии, где у подножия гор Хингана обнаружил группу вулканов Уюнь-Хондолги и нанес их на планшет глазомерной съемки [14, с. 678-679].

Сведения китайских авторов подтвердились! В экспедиции 1865 г. П. Кропоткин независимо от Т. Аткинсона в верховьях левого притока реки

Жом-Болок в долине Хи-Гол обнаружил, зарисовал и нанес на карту два молодых вулканических конуса [15, с. 25]. Открытия Томаса Аткинсона и Петра Кропоткина убедительно доказали, что «парадигма Бембо» исчерпала себя и теперь требуются новые продуктивные гипотезы, объясняющие причины земного вулканизма [1, с. 171].

В 1950-1952 гг. китайские ученые исследовали большую группу вулканов Северной Манчжурии; Чжан Вэнь-тан дал описание этих вулканов и опубликовал карту вулканических областей. Китайский исследователь полагает, что вулканы имеют очень молодой послеледниковый возраст [16, с. 292].

Российский исследователь В.А. Апродов в своей монографии «Вулканы» пишет: «Вулканизм – один из важнейших процессов, обуславливающих развитие литосферы и рельефа Земли. Однако еще нет концепции, объясняющей все особенности размещения вулканов на Земле» [21, с. 337].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гончаров, А.В.* Парадигма Пьетро Бембо и интеллектуальные методы европейской географии / А.В.Гончаров // Приоритеты интеллектуальной элиты в развитии мировой цивилизации: материалы Межд. науч.-теор. конф. – Минск: Веды, 2002. – С. 168-171.
2. *Адамчик, М.В.* Мастера итальянского искусства / М.В. Адамчик. – Москва-Минск: АСТ-Харвест, 2006. – 64 с.
3. *Семенов, П.П.* Предисловие / П.П.Семенов // Записки ИРГО по общей географии. М., 1867. – Т. 1. – С. 1-5.
4. *Тихомиров, В.В.* Краткий очерк истории геологии / В.В. Тихомиров, В.Е. Хаин. – М.: Госгеолтехиздат, 1956. – 260 с.
5. *Бух, Л.Х.* Несколько наблюдений над температурою источников / Л.Х.Бух // Горный журнал. – 1830. – Кн. 11. Отд. 5: Смесь. – С. 277-278.
6. *Гумбольдт, А.* Путешествие в равноденственные области Нового Света в 1799-1804 годах / А. Гумбольдт. – Т. I-III. М.: Географгиз, 1963. – 503 с.
7. *Захаренко, И.А.* Вклад Игнатия Домейко в мировую науку (чилийские исследования 1838-1846 гг.) / И.А.Захаренко // Игнат Дамейка – светач сусветнай цывілізацыі. Матэрыялы VI Карэліцкіх чытаньняў. – Минск: Энцыклапедыкс, 2002. – С. 97-102.
8. *Гончаров, А.В.* Географические исследования М.П. Вронченко в Малой Азии / А.В.Гончаров // Жизнь и деятельность военного геодезиста и поэта-переводчика М.П. Вронченко (1802-1855): докл. Межд.науч.конф. – Минск: Белгосуниверситет, 2003. – С. 34-44.
9. *Гончаров, А.В.* Проблемы геоморфологии Кавказа в научном наследии И.И. Ходзько / А.В. Гончаров // Жизнь и деятельность геодезиста и географа ген.-лейт. И.И. Ходзько (1800-1881): материалы Межд. науч. конф. – Минск: Оргстрой, 2001. – С. 93-109.
10. *Семенов, П.П.* О вулканических явлениях во внутренней Азии / П.П. Семенов // Вестник ИРГО. – 1856. – Т. 17. – С. 243-258.
11. *Постников, А.В.* Схватка на «Крыше Мира». Политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке. Монография в документах / А.В. Постников. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 416 с.
12. *Bulletin de La Société Géologique de France.* Т. XIII. 1855 a 1856. – Paris, 1856.
13. *Ермоленко, В.А.* Первооткрыватели Егор Пестерев и Томас Аткинсон / В.А. Ермоленко, А.В. Гончаров // Вестник БГУ. 1994. – Сер. 2. – Т. 3: Кр. сообщ. – С. 75.
14. *Кропоткин, П.А.* Две поездки в Манчжурию в 1864 году. Описание пути из Старо-Цурухайтуевского караула через город Мерген на Айгун / П.А. Кропоткин // Зап. Сиб. Отд. ИРГО. – 1865. – Кн. 8. Отд. 1. – С. 1-57.

15. Журнал общего собрания ИРГО 16 февраля 1866 г. // Известия ИРГО. – 1866. – Т. 2. – Вып. 2. Отд. 1. – С. 25-26.
16. Чжан Вэнь-тан. Молодые вулканы Северной Манчжурии // Вопросы географии. – 1954. – №35: Физическая география Азии. – С. 285-292.
17. Апродов, В.А. Вулканы / В.А. Апродов. – М.: Мысль, 1982. – 368 с.

В творчестве известного отечественного философа В.С. Соловьева буддийская проблематика занимает достаточно значительное место. Интерес к буддийской, даосской и конфуцианской мысли проявился у русского мыслителя еще на ранних этапах философского творчества и не покидал его в течение всей жизни. Обостренное внимание философа к буддизму было вызвано, на наш взгляд, рядом причин. Во-первых, уже в юности Соловьев поставил перед собой задачу создания нового философского учения, которое могло бы преодолеть ограниченность западных и восточных метафизических систем. Для подобного преодоления необходимо было ознакомиться с доктринами разных традиций. Во-вторых, русский философ, исходя из своей идеи всеединства, пытался сочетать в ней все наиболее ценное, имеющееся в религиях мира. В-третьих, обращение к буддийской философии было вызвано увлечением Соловьева творчеством А. Шопенгауэра. Кроме того, обращение к опыту духовных традиций всего человечества всегда рассматривалось Соловьевым, как важная предпосылка плодотворного и свободного творческого поиска.

В.С. Соловьев создавал философское всеединство путем синтеза всего того истинного, что заключали в себе прежние религиозно-философские системы, и был убежден в не напрасности каждой выстраданной в духовном и историческом опыте мысли. Не соглашаясь полностью ни с одним из религиозных и философских учений (за исключением лишь христианского), Соловьев не игнорирует их, а наоборот, оправдывает, видя в каждом из них закономерное проявление общечеловеческой мысли. Н. Бердяев в своей статье «Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьева» отмечает данный факт: «...он (Вл. Соловьев – прим. М.У) доходит до виртуозности в этом оправдании всего, что органически создано историей» [1, с.105].

Не обошел стороной В.С. Соловьев и вопрос о религиях Китая, которые были рассмотрены им в работе «Китай и Европа» (1890). В данном труде русский философ впервые затронул проблему противостояния «прогресса» и «порядка». «Прогресс» он связывал с христианским учением, которое, как считал философ, является в высшей степени динамичной системой. «Порядок» же для него олицетворяли китайское государство и культура Китая. «Порядок» для Соловьева – это консерватизм («китаизм»), т.е. «исключительное пристрастие к традиционным основам жизни».

Именно консерватизм, подчеркивал мыслитель, стал исходной точкой для развития китайской философии и, в частности, даосизма. Консерватизм, как и любой ограниченный принцип, при его абсолютизации, приводит к не-

лепости и саморазрушению. Это доведение консерватизма до абсурда произошло в учении основателя даосизма Лаоцзы. «Как умозрительный философ, Лаоцзы ищет абсолютного начала; как истый Китаец, он ищет его исключительно в прошедшем, – он ищет, следовательно, безусловного прошедшего, такого, которое предшествует всему существующему. Ни предмет частного культа – усопшие предки семьи, ни предмет культа государственного – небо, или сто духов, не могут удовлетворить такого абсолютного требования: и предки, и небо представляют лишь относительное прошедшее, они сами произошли, имеют за собою нечто им предшествующее. А требуется то, что всему предшествует, само не имея ничего предшествующего. Такое абсолютное предположение всякого действительного и определенного бытия есть чистая возможность или неопределенная потенция бытия, которая сама по себе равна небытию... Эту отрицательную силу всего существующего Лаоцзы называет *тао*, что ближайшим образом значит *путь*. Так как все происходит из небытия и в него же все возвращается, то оно есть общий путь всего существующего» [2, с. 107-108].

Доктрина Лаоцзы, по мнению В.С. Соловьева, не требует специального опровержения, поскольку она сама себя опровергает очевидной неосуществимостью своих требования. «Прежде всего, – отмечал русский философ, – их не мог осуществить сам Лаоцзы. Он отрицал «свет ума», будучи сам глубоким и тонким мыслителем. Он считал учение корнем зла и имел учеников, основал целую философскую школу. Он мечтал о возвращении «тесемок с узлами» и, однако, позаботился увековечить свои мысли в книге посредством более совершенных способов письма. Это противоречие между словом и делом у учителя не составляло бы еще, конечно, решительного аргумента против учения. Но требования Тао-те-кинга, не исполненные самим Лаоцзы, были неисполнимы вообще. Во-первых, если народ уже вышел из состояния первобытной простоты, то это произошло по каким-нибудь естественным причинам, которые не могут быть устранены одною проповедью обскурантизма: требовать от народа, чтобы он отказался от цивилизации и возвратился к варварству, – это все равно, что требовать от дуба, чтобы он стал опять желудем. А во-вторых, помимо своей реальной неосуществимости, такое требование и логически несостоятельно; допустим, что народ, достигший известной степени цивилизации, более удален от тао (т.е. от абсолютного безразличия), нежели народ варварский; но ведь эта разница только относительная. И не только люди, употребляющие тесемки с узлами, но и совершенные дикари находятся все-таки в состоянии, несоответствующем тао: они имеют чувства и желания, они мыслят, действуют и борются. Идеал абсолютного безразличия последовательно требует не только отрицания цивилизованной жизни, но упразднения всякой жизни» [2, с. 111-112].

Утопическое учение Лаоцзы, как отмечал русский философ, не могло удовлетворить благоразумный народ Китая. «Прямолинейное и безусловно последовательное проведение какого-нибудь принципа, хотя бы своего собственного китайского, вовсе не в духе Китайцев. Но также не в их духе было бы и отказаться от своего основного начала – культа прошедшего, ради его

внутренней неистинности. Когда в философии Лаоцзы обнажилась пагубная крайность китаизма, гений этого живучего народа потребовал компромисса между своим собственным принципом и практическими условиями жизни. Искомый компромисс явился в учении Конфуция, настоящего представителя китайской мудрости и китайских идеалов» [2, с. 112].

Конфуцианство, по мнению В.С. Соловьева, стало своеобразным компромиссом между доведенным до крайности принципом китайского консерватизма и требованиями реальной жизни. «Конфуций, – пишет философ, – был призван, чтобы совершить необходимый компромисс между отвлеченным принципом китаизма и практическими потребностями национальной жизни. Задача его состояла в том, чтобы восстановить национальную старину в новой более широкой, стройной и просвещенной форме. Древнюю религию и новую социально-государственную жизнь он ввел в одну систему нравственно-практического порядка, традиционного и консервативного по существу, рационального по форме. Китайскому культу прошедшего он сообщил более моральный и рассудочный характер, утвердив его на основной добродетели сыновнего благочестия, и этот же нравственный принцип он сделал краеугольным камнем всего общественного и политического строя Китайской империи» [2, с. 113].

Конфуций, подчеркивал В.С. Соловьев, не нашел в китайской древности той идеи абсолютного безразличия, которая нашла свое выражение в учении Лаоцзы. По Конфуцию, «человек может пользоваться бытием и благосостоянием только как существо социальное. Основная форма социальной жизни есть семья, а семья основывается на добродетели сыновнего благочестия. Верный заветам древности, Конфуций требует, чтобы это благочестие не ограничивалось живыми родителями, но распространялось и на умерших. Однако для него эта сторона дела не сохраняет своего прежнего значения. Во всяком случае, отдаленные предки не занимают значительного места в конфуцианской морали; сила сыновнего благочестия сосредоточивается здесь, главным образом, на отношении к непосредственным родителям» [2, с. 115].

В то же время ни конфуцианство, ни даосизм, по мнению философа, не дали ответ на главные религиозные вопросы. Именно это и стало основной причиной широкого распространения в Китае буддизма. Китайцы, подчеркивал Соловьев, нашли в буддизме религию более нравственную, идеальную и мистическую, чем их национальные верования, а буддийские монахи пользуются значительно большим авторитетом, чем даосские. Кроме того, проповедуемые буддизмом аскетизм и кроткое отношение ко всем живущим на земле существам, смягчили материализм китайской культуры [2, с. 131].

Распространение буддизма в Китае, свидетельствует, по словам русского мыслителя, о том, что у китайцев есть религиозное чувство, которое не удовлетворяется конфуцианской обрядностью, поддерживаемой государством. Но это, по мнению Соловьева, не в силах внести прогресс в общественный строй Китая, который готов включить в себя любые культы и учения, лишь бы они не затрагивали его фундамент – национально-государственный строй. «Китайцы, обращающиеся к магической помощи даосизма и к духовным утеше-

ниям буддизма, делают это исключительно как частные лица, для удовлетворения своих личных религиозных потребностей. Но как член китайской нации, как часть этого религиозно-политического целого, всякий Китаец исповедует официальную государственную религию и неуклонно исполняет ее ритуальные обязанности. Духовенство даосийское и буддийское суть только частные корпорации, признанные государством, но не имеющие никакой власти над мирянами» [2, с. 131].

Итак, можно отметить, что Соловьев, рассматривая религии Китая, наиболее положительную оценку дает буддизму. Вероятно, это было связано с тем, что истоки учения о всеединстве русский философ связывал именно с появлением буддизма. В буддизме, по его мнению, впервые была выдвинута идея о тождестве всеобщего и отдельного: «все есть одно», а личность обнаружила свою вовлеченность во всеединое. Русский мыслитель также считал, что в буддизме достоинство человека впервые стало определяться не его принадлежностью к какому-либо роду или национально-политическому объединению, а только внутренним актом выбора определенного духовного идеала [3, с. 310].

В отличие от господствовавшей тогда точки зрения на нирвану как на угасание жизни или полное ничто, Соловьев видел в данном понятии и положительное начало. По мнению философа, буддисты понимают нирвану как отрицательное выражение истинной реальности, как отрицательное обозначение божественного, и в этом, отмечал мыслитель, они правы, потому что божественное выше любого определения и по сравнению с бытием нашего мира оно есть небытие [4, с. 23].

Соловьев признавал всемирно-историческое значение буддизма, которое он видит не только в идее отрицания негативной реальности, но и в том, что личность здесь впервые стала цениться как носитель высшего духа. Мыслитель связывал буддизм с первым всемирно-историческим пробуждением человеческой души. По его мнению, буддизм открывает в истории принципиально новую стадию – всечеловеческую, которая приходит на смену родовому и национально-государственному партикуляризму [3, с. 325].

Отдавая должное буддийскому универсализму, Соловьев при этом обнаруживал в нем некоторую ограниченность, которую он усматривал в том, что буддизм, провозгласив принцип равенства всех людей, не поставил перед собой задачу объединения человечества в новое единое государство. В результате, по мнению мыслителя, буддизм, будучи чуждым идее вселенского царства, показал, что он является только первой, начальной ступенью развития общечеловеческого духа. Второй ступенью философ считал платонизм, провозгласивший необходимость государства. Третью, заключительную стадию развития, он связывает с объединением стран и народов в единое всемирное государство, по типу Царства Божьего в христианстве.

В.С. Соловьев, как и Ф. Гегель, попытался вписать буддийскую религию в общемировой историко-философский процесс, в котором буддизму отводилась роль начальной «ступени». Исследование В.С. Соловьевым буддийской культуры имело большое значение в истории западной и русской философии.

Заслуга русского мыслителя заключается в том, что, работая в эпоху доминирования европоцентристского подхода, когда к восточным религиозно-философским учениям относились как к мифам и легендам, он смело заявил о правах буддийской мысли на общемировое культурное наследие.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бердяев, Н.Н.* Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьева / Н.Н. Бердяев // Сборник первый о Владимире Соловьеве. – М.: Путь, 1911. – С.98-120.
2. *Соловьев, В.С.* Китай и Европа / В.С. Соловьев // Собр. соч. в 9 т. – СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1901-1907. – Т.6. – С. 84-137.
3. *Соловьев, В.С.* Оправдание добра. Нравственная философия / В.С. Соловьев // Сочинения в 2 т. М.: – Мысль, 1990. – Т.1. – С.47-548.
4. *Соловьев, В.С.* Великий спор и христианская политика / В.С. Соловьев // Собр. соч. в 10 т. – 2-е изд. – СПб.: Просвещение, 1911-1914. – Т.4. – С. 3-115.

Один из крупнейших русских философов XIX века В.С. Соловьев для одних современников выступал «упразднителем славянофильства», нанеся последнему такой идейный удар, от которого оно не смогло уже оправиться. Для других Соловьев – это «тонкий националист», сумевший спасти славянофильство, очистить старые верования в национальное предназначение русских, в работе «Оправдание добра» виртуозно оправдывая все, что связано с русской историей, находя место и государству, и национальности, и войне, и т.д. Для третьих этот философ – настолько пришелец из миров иных, что не всегда можно было определить, русский ли он, так как он был универсалистом, полным вселенского чувствования, к которому применимы слова Ф.М. Достоевского о том, что русский человек – всечеловек по преимуществу. Для четвертых он и не западник, так как выступал против «кошмаров» механистического материализма и идеалистического субъективизма, столь свойственных менталитету западного человека, против рационализма в его утилитарной форме, обрекающего человека на разрыв с природой, против позитивизма как одностороннего, рассудочного, порывающего с самим разумом, взгляда на мир. Особенно разводило Соловьева с Западом, как полагали многие его оппоненты, выдвижение идей религиозного материализма и натурфилософского спиритуализма. В.С. Соловьев оставил разнообразное по тематике творческое наследие, которое в настоящее время начинает верифицироваться реалиями мировых процессов.

Одной из основных тем творчества В.С. Соловьева можно считать проблему «Восток и Запад». Эта проблема, разрешить которую он пытался всю жизнь, проблема, приобретающая разные формы и в многочисленных аспектах и по разным поводам освещавшаяся, предстает в творчестве В.С. Соловьева проявлением своеобразного идеала всечеловечности, оригинально понимаемой вселенскости человека. Проблема Востока и Запада по-разному ставилась мыслителем в каждый из периодов его творчества. Именно в ней он не славянофил и не западник, не либерал и не консерватор, не католик и не православный, а универсалист, всю жизнь свою «пребывавший в церкви вселенской», надеявшийся на ее триумф и трудившийся неустанно ради этого.

Для В.С. Соловьева выработка общечеловеческих начал как основания новой формы всемирности была, в сущности, «обратным процессом интеграции или исцеления разделенного человечества», его «новой положительной реформацией» [1, с. 653].

Согласно Соловьеву, проблема общечеловеческого в истории разворачивалась двумя взаимосвязанными задачами: во-первых, выработкой такого но-

вого отношения к единству России и Запада, которое воздвигнет обе цивилизации к большей полноте и подлинному раскрытию своих самобытностей в условиях, когда «технические формы» подобного единения уже были созданы Западом в виде либерально-демократических систем; во-вторых, преодолением технологической абстрактности этих систем путем соединения политики с моралью, не нарушающей, но укрепляющей «равновесие частных сил».

Для В.С. Соловьева принципиальное значение имеет тот факт, что мир в целом уже фактически становится христианским в том смысле, что он оказывается «собран» в единое тело христианскими народами. Фактически единственной серьезной силой, оказывающей сопротивление колониальной экспансии, остаются Китай и Япония, и потому противостояние именно этим двум державам и составляет для Соловьева важнейшую политическую задачу современности, от реализации которой и будет зависеть успех или провал дела христианского просвещения во всемирном масштабе, а также исторический прогресс в целом. Об этом философ прямо писал в своей статье «Смысл войны», вошедшей в «Оправдание добра» в качестве одной из глав.

«Более нежели вероятно, что неизбежное отныне усвоение западной культурной техники всею желтою расою будет для нее только средством, чтобы в решительной борьбе доказать превосходство своих духовных начал над европейскими. Эта предстоящая вооруженная борьба между Европою и монгольской Азией будет, конечно, последнею, но тем более ужасною, действительно всемирною войною, и не безразлично для судеб человечества, какая сторона останется в ней победительницей» [1, с. 93].

В 90-х годах XIX в. В.С. Соловьев страшился уничтожения западной цивилизации новым монгольским нашествием, на сей раз – из Китая. Эта идея панмонголизма, как и все главнейшие соловьевские идеи, была продумана им обстоятельно и глубоко на основании анализа всей исторической жизни Китая. Он полагал, что *китайская идея порядка* столкнется с *западной идеей прогресса*. Разумеется, дать сейчас научный отчет о правильности всех этих исторических ожиданий В.С. Соловьева совершенно невозможно. Однако то, в чем мы, безусловно, уверены и что можно научно подтвердить анализом сочинений философа, это предчувствие каких-то небывалых мировых катастроф. В.С. Соловьев мучительно ощущал надвигающуюся гибель новейшей цивилизации. Доказательством глубочайших предчувствий грядущей катастрофы является его произведение «Три разговора» (1899-1900).

Прежде всего, он увидел, что Россия все более отдаляется от других христианских государств, что творцы ее дальневосточной политики стремятся не столько к распространению европейского просвещения в Китай, сколько к противодействию Англии – основной сопернице России в Азии. В предсмертном разговоре с С.Н. Трубецким в имении «Узкое» Соловьев сокрушался о тех русских политиках, которые «все еще мечтают о союзе с Китаем против англичан» и также о тех англичанах, кто надеется на союз с японцами против России [2, с. 294]. Соловьев был крайне обеспокоен распространившейся в петербургских кругах идеологией «восточничества», согласно которой Россия представляла собой именно азиатскую, а не западную державу. Свое отрица-

тельное отношение к подобным взглядам Соловьев выразил в «Трех разговорах» устами одного из его персонажей – Политика, который указывал на то, что поздние представители славянофильства от проповеди «греко-славянской самобытности» переходят к исповеданию «какого-то китаизма, буддизма, тибетизма и всякой индийско-монгольской азиатчины».

Итак, в 1890-е годы В.С. Соловьев создает не одну (как предполагается практически всеми исследователями), а две версии «конца истории». Согласно первой из них, изложенной в письме к Тавернье, история человечества должна завершиться окончательным триумфом процесса «собирания земли» христианским человечеством – победой Запада над Востоком и воссозданием какого-то подобия «всемирной монархии» в виде межгосударственного союза западных держав. Однако важнейшим условием этого сценария является философское осмысление христианского учения, которое будет предложено всем людям и всем народам в ясной и отчетливой форме, требующей лишь однозначного выбора между безусловным Благом и безусловной гибелью. Вторая версия «конца истории», а с ней мы и связываем ту самую «перемену в душевных настроениях», которая побудила Соловьева обратиться к написанию «Трех разговоров» ранее всех остальных намеченных трудов, характеризуется поражением Запада в войне с Востоком. Вместе с тем, возникновение этой версии для Соловьева было обусловлено ощущением близости собственной смерти и пониманием того, что его философская миссия так и останется незавершенной.

Но как же мог Соловьев совместить разочарование в европейском прогрессе с верой в преображение мира? История человечества, по Соловьеву, не завершается с низвержением Антихриста и наступлением Царства Христова на земле. Вероятно, положительная программа преображения всей действительности была отложена Соловьевым на постисторическое будущее, равно как и тот самый окончательный свободный и сознательный выбор между добром и злом, который для Соловьева оставался, как мы помним, определяющим для «судьбы разумного существа». И, на самом деле, у Соловьева помимо чисто жизненных и политических были и другие, чисто умозрительные, основания предпочесть «пессимистический» сценарий «оптимистическому». Ибо в последнем остается неясным, почему в ситуации безусловной очевидности некоего всеобъемлющего Блага – прежде всего, воскрешения всех мертвых и синтеза всех положительных начал христианской культуры – «истинно верующие, – как писал Соловьев Тавернье, – составят под конец только незначительное по численности меньшинство, большая же часть человечества пойдет за антихристом» [3, т. 3, с. 219].

Однако для того чтобы совместить оба исторических плана, Соловьеву практически неизбежно пришлось обратиться к миллениаристским идеям, обеспечив тем самым своеобразное удлинение христианской истории. Последний вывод, впрочем, можно считать чисто гипотетическим и предварительным, поскольку реконструкция философских воззрений В.С. Соловьева 1890-х годов еще требует значительной исследовательской работы.

В последние годы своей жизни Соловьев вводит в проблему взаимоотношений между Востоком и Западом, под которыми подразумевались отно-

шения России и Европы, православия и католичества, третью тему – «панмонголизма», с которым связывал апокалиптические судьбы человечества. Восточномонгольская стихия безличности пугает Соловьева, в этом движении он видит предвестие конца мира и истории. Проблема православного Востока и католического Запада переводится им в проблему отношения христианского всечеловечества, верного христианскому откровению о человеке и человечестве, к человечеству нехристианскому, не принявшему христианского откровения или изменившему ему.

Но в «Повести об Антихристе» философ пишет о провале истории как богочеловеческого дела на Земле, сомневается в благих христианских делах истории, рассматривает проблему Востока и Запада в новом свете, в сознании апокалиптическом, в терминах конца истории. Столь близкие его сердцу объединение церквей и возникновение царства Христова он выносит за пределы истории, где прозревает и эсхатологическую миссию православного Востока. Соловьев практически отказывается от своей теории теократии, в которой видел механизм реализации идеи богочеловечества. Особенно ясно это обнаруживается в «Трех разговорах», последнем его крупном произведении. Е.Н. Трубецкой пишет об этом в своих воспоминаниях: «В той картине будущего человечества, которая здесь изображается, для теократии совершенно не остается места. Россия не только не является теократической империей, но не составляет даже особого самостоятельного царства. Нет вообще теократического царя, потому что монархическое начало везде пошатнулось; нет и теократического народа, потому что христиане в мире составляют ничтожное меньшинство. Наконец, римский первосвященник, изгнанный из Рима, живет из милости в Петербурге, но с условием воздержания от пропаганды внутри страны. Словом, для теократии Христовой на свете не остается элементов... И вместе с теократией отходит к антихристу самое государство: перед концом веков исчезает с лица земли сама христианская государственность» [4].

Несомненно, важным этапом развития русской историософии стало евразийство, основанное в 1921 г. в Софии эмигрантами из России (Н.С. Трубецким, Г.В. Флоровским, П.Н. Савицким и др.).

Евразийцы видели существенную роль азиатского и степного элементов в становлении особого этнопсихологического типа, сближающегося как с азиатским, так и с европейским типом. В результате взаимодействия этносов на территории России-Евразии сложился единый мир разных народов, принципиально отличный как от восточных, так и от западных культур.

Евразийцами проводится идея культуры как «симфонической личности», разрабатывается учение об идеократическом государстве, в основу которого была бы положена «идея-правительница», имеющая глубокие корни в народном самосознании.

Евразийцы постоянно высказывали идею важности сохранения и охранения «месторазвития», представляющего, с их точки зрения, симбиоз исторического и географического мира, а также включающего в себя этнические, хозяйственные, экономические, политические, культурные, религиозные и

другие элементы; утверждали особый путь развития России как Евразии; не принимали эволюционистской теории линейного прогресса, на которой базировалась европоцентрическая модель всемирной истории.

Так, Н.С. Трубецкой считал, что данная теория рассматривала историю человечества в качестве «лестницы культур», верхом которой была европейская культура. Согласно этому образцу, культуры народов, отличающиеся от европейской, попадали в разряд неисторических, рассматриваемых как тупиковая ветвь основного пути эволюции [5], [6].

Для П.Н. Савицкого двойственность культуры есть прямой результат склонности к заимствованию русскими верхами форм европейской культуры и идеологии. Н.С. Трубецкой обозначал следующие проявления двойственности: раскол отечественной культуры на официальную и оппозиционную, раскол между просвещенными «верхами» и живущими своей жизнью «низами»; результатом раскола стала двойственная природа русской интеллигенции, слепо идущей за романо-германскими идеями [5].

Философское обоснование преодоления характерной для европоцентризма дихотомии Запад-Восток предложил Л.П. Карсавин. С точки зрения мыслителя, каждое народное историческое сообщество имеет сокровенное промыслительное значение [7].

Философ и богослов Г.В. Флоровский утверждает преобладание в русской душе женского начала над мужским и связывает это с образом святой Софии премудрости Божией как доминирующего метафизического принципа отечественной культуры [6].

Идею синтеза восточных и западных культурных начал евразийцы видели в примирении противоположностей «спящего» Востока с «энергетическим» Западом. Таким путем они подготавливали грядущий евразийский исторический синтез. В рассуждениях евразийцев отмечается, что на Востоке человеческая личность была всегда более связана с общественным целым, чем на Западе.

Восток был чужд западному индивидуализму и атомизму. Преодоление разобщенности общества и достижение им гармонии и синтеза, с точки зрения евразийцев, коренится в религии и духе соборности. «Евразийский синтез» проявляется в том, что соединяет веру и труд, целое и часть каждого в отдельности и всех вместе. П.Н. Савицкий отмечает, что для обустройства жизненного мира России Евразии необходимо решить задачи утверждения «хозяйнодержавия», насыщения действительности «лично-хозяйским началом».

Таким образом, можно отметить, что существует диалектическая взаимосвязь идей евразийцев и религиозных мыслителей, в частности В.С. Соловьева, в отношении идей всеединства.

Как В.С. Соловьев и евразийцы, мы сегодня озабочены раскрытием феноменов всемирности и всечеловечности, прогресса и конца истории, соотнесения в них проблемы все тех же Востока и Запада, проявления в их развитии тенденций к универсализации или регионализации. Эти проблемы ставятся в иных понятийных формах, как проблемы глобализации и регионали-

зации, как вопросы взаимоотношения и/или конфликта цивилизаций и межкультурной коммуникации. Но их сущность созвучна тем проблемам, которые волновали В.С. Соловьева более 100 лет назад.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Соловьев, В.С.* Оправдание добра / В.С. Соловьев. – М., 1996.
2. *Трубецкой, С.Н.* Смерть В.С. Соловьева 31 июля 1900 г. / С.Н. Трубецкой // Книга о Владимире Соловьеве. – М.: «Советский писатель», 1991. – С. 294.
3. Письма В.С. Соловьева / Под ред. Э.Л. Радлова. – Т. 1-3. – СПб., 1911.
4. *Трубецкой, Е.Н.* Знакомство с В.С. Соловьевым / Е.Н. Трубецкой [Электронный ресурс] – М., [2000]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/etrubeckoi/soloviev.html>.
5. *Трубецкой, Н.С.* Европа и человечество / Н.С.Трубецкой // Н.С. Трубецкой. Наследие Чингисхана. – М., 1999. – С. 29-92.
6. *Флоровский, Г.В.* О народах неисторических / Г.В. Флоровский // Исход к Востоку; под ред. О.С. Широкова. – М., 1997. – С. 139-170.
7. *Карсавин, Л.П.* Восток, Запад и русская идея / Л.П. Карсавин // Русская идея: ст. 1 / сост. М.А. Маслин. – М., 1992. – С. 323.

СОДЕРЖАНИЕ

Диалог культур: Беларусь – Китай (Вступительное слово *Бэй Вэньли*) 5

ПРОБЛЕМЫ КИТАЕВЕДЕНИЯ В БЕЛОРУССКОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ 7

Ульянов М.Ю. Опыт внедрения кафедральных исследовательских проектов в научной работе студентов-китаистов Института стран Азии и Африки МГУ 9

Стабурова Е.Ю. Политика мягкой силы Европейского Союза в стратегическом партнерстве с КНР 13

Осинский И.И. Неолиберальная и управляемая государственные стратегии перехода к рынку и их социальные последствия 24

Данильченко А.В., Калинин Д.С., Ху Цзуньжун. Приоритетные направления внешнеэкономической стратегии Китая на современном этапе 32

Гордей А.Н., Сунь Кэвэнь. Типологические аспекты словообразования 40

Криштанович Л.Е. Феномен китайской цивилизации 54

Захаренко И.А. Историко-методологические аспекты изучения Китая 59

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 69

Кирносова Н.А. Особенности процесса заимствований в современном китайском языке 71

Баженов Г.А. Концепт «ЛИЦО» в повседневном речевом общении китайцев 77

Руденко Е.Н. Номинация в сфере компьютерной терминологии в языке разных типов 84

Спицын Е.С. Оценивание учебных успехов школьников по иностранному языку в Китае и Украине: сравнительный анализ 90

Кульчицкая И.Б. Роль психолингвистического эксперимента при изучении именных вариативных форм 99

Руденко Н.И. Дублирование как способ экстенсификации семантики знака 110

Карасёва К.В. К вопросу о комплексном изучении китайской иероглифической письменности 123

Воропаев Н.Н. О термине «дяньгу» в свете исследования прецедентных имен и других прецедентных феноменов в китайскоязычном дискурсе 132

Ван Цинфэн. Классификация счетных знаков в китайском языке 142

Ван Цинфэн. Комплекс упражнений для обучения чтению китайского газетного текста с целью извлечения основной информации 145

Ван Чжэ. Дефиниции наименований лица в китайском языке: тематические доминанты 152

Гэн Цзянь. О функционировании обозначений неопределенного количества в русском и китайском языках или к вопросу о функциональной асимметрии 157

Лян Цзин. Фрагмент русской концептуальной картины мира в зеркале китайской: «ДУША», «СУДЬБА» 162

<i>Ступень А.С.</i> Перевод личных имен китайского происхождения в корейском языке	170
<i>Фомичева Т.А.</i> Особенности употребления личных тайгенов и ёгенов в переводах китайских христианских текстов.....	174
<i>Аксючиц М.Н.</i> Способы реализации ядерной цепочки <i>saο</i> на примере китайского, русского, английского и арабского языков	179
<i>Лещенко К.И.</i> Реконструкция членов предложения как прием синтаксического анализа (на примере рекурсивных предложений китайского языка).....	184
<i>Пузииков Е.М.</i> Процедуральное представление предметных областей (на примере китайско-русских лексических соответствий).....	189
<i>Столповская Е.В.</i> Разграничение сложных слов и словосочетаний в китайском языке	194
<i>Улахович А.А.</i> Способы разграничения синонимов в китайском языке	200
<i>Шахович Н.В.</i> Метасемантика и комбинаторика модальных частиц в китайском языке	206
<i>Шкурко А.В.</i> Метасемантика полупредлогов косвенного дополнения в китайском языке	210
КИТАЙСКАЯ КУЛЬТУРА: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	214
<i>Кузьмичёв С.В.</i> 文学中的侠文化世界和哥萨克文化世界	216
<i>Ерьшов А.В., Исаченкова М.А.</i> Семантика «крылатости» в дальневосточных знаменьях	224
<i>Игнатенко О.И.</i> Конфуцианская мораль и современность.....	234
<i>Баженев Ю.В.</i> Китайское кино после «Культурной революции»: история и современность. Заметки кинолюбителя	239
<i>Романовская Е.В.</i> Проблема перевода китайской классической поэзии на европейские языки	245
<i>Шунейко Е.Ф.</i> Новые направления в китайском изобразительном искусстве XX – нач. XXI вв.	254
<i>Бохан Е.С.</i> Образы китайского народа в творчестве белорусских художников середины XX века	257
<i>Шимелевич А.Г.</i> Изучение древнекитайского искусства в системе творческого образования студентов-дизайнеров Белорусской государственной академии искусств ...	262
<i>Ли Сяосяо.</i> Переложения классических китайских музыкальных инструментальных произведений для фортепиано.....	265
<i>Фэн Лэй.</i> Претворение поэтических традиций «цы» и «ши» в китайском камерно-вокальном творчестве 20-40-х гг. XX в.	270
<i>Сысоева М.А.</i> Колокола в музыкальной культуре Китая	274
<i>Коваль Д.Ю.</i> Ключевые символы иконографии Ваджраяны	279
<i>Аскарри А.С.</i> Семантика слога «га» в авестийских сакральных названиях.....	289
<i>Давыдик М.В.</i> Новый взгляд на космогенез в древнекитайском памятнике «Даодэцзин».....	293

**КИТАЙ XXI ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ..... 302**

Самусевич О.М. Профессиональная подготовка китайских студентов
в Институте журналистики БГУ 304

Павлова Т.Я. Развитие законодательства и усилия КНР в сфере защиты прав
интеллектуальной собственности..... 308

Рудый К.В. Реформы госпредприятий Китая: необходимость и опыт 318

Бадюкова Т.А. Конфуцианские традиции в общественно-политической жизни
современного Китая (80-90-е гг. XX века) 325

Устюгова А.Г. Факторы развития КНР в глобализирующемся мире..... 337

Рогинский А.Б. Военно-политические и экономические аспекты интеграции КНР
в систему международных отношений в начале XXI века 347

Цыдик В.В. Состояние и развитие биржевой торговли в
Китайской Народной Республике 356

Цыбульская М.П. Журналистский текст: дискурс-портрет Китая 360

Середа Л.М. Этика китайского рынка: как на поле битвы 364

Осадчий М.В. Развитие китайско-южнокорейских экономических отношений
на современном этапе 369

Шевцов Ю.В. Взаимодействие КНР и Таджикистана: значение для
Республики Беларусь 380

Шевцова А.Л. Сотрудничество Беларуси с Китаем: региональный аспект 383

**СТРАНОВЕДЕНИЕ КИТАЯ – ПУТЬ К ПОЗНАНИЮ
И ВЗАИМОПОНИМАНИЮ 385**

Захаренко И.А. Изучение Китая уроженцами Беларуси 387

Срибняк И.В. Газетно-журнальная периодика в Китае:
становление, информационное обеспечение, основные тенденции развития 396

Ван Тао. Краткая история восточнославянского китаеведения 403

Новиков Л.И. Политический реализм философии конфуцианства 407

Гончаров А.В. Великая драма географической идеи: парадигма Пьетро Бембо
(история открытия вулканов во внутриконтинентальных областях Китая) 416

Уланов М.С. В.С.Соловьев о роли буддизма в китайской и мировой культуре 421

Мохамад Башар Асаад. Идеи В.С. Соловьева и евразийцев о всеединстве 426

На обложке:
небоскребы района «Тяньхэ»
города Гуанчжоу провинции Гуандун КНР

Научное издание

ПУТИ ПОДНЕБЕСНОЙ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ВЫПУСК II

В авторской редакции

Технический редактор *А. Н. Овчинникова*

Корректоры *О. Л. Коренькова, В. Р. Боровой*

Обложка и компьютерная верстка *В. О. Лисовский*

Ответственный за выпуск *А. Н. Гордей*

Подписано в печать 20.07.2011. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 25,23. Уч.-изд. л. 34,18.

Тираж 100 экз. Зак. 71.

Издатель и полиграфическое исполнение
государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы».

ЛИ № 02330/0548535 от 16.06.2009.

Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.